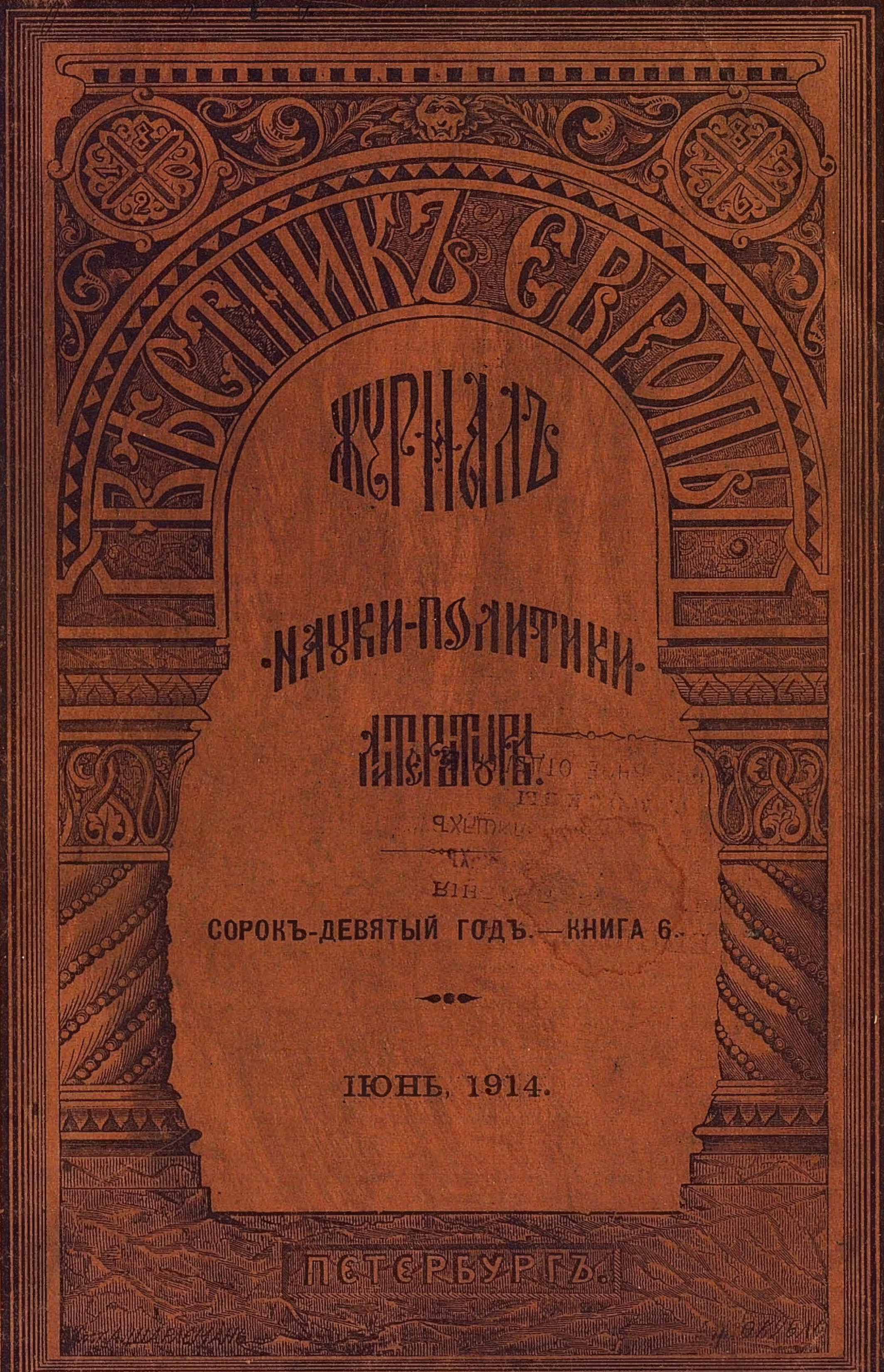
Можно держать одну неделю

КНИГА 6-я.—ІЮНЬ, 1914.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

ІЮНЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1914 г.

(Сорокъ-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО** и **А. С. ПОСНИКОВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтового учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ШЕСТАЯ—ІЮНЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ 4½ до 5½ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ.

Окончаніе [1]).

XII.

Въ воскресенье, на Красную Горку обраталъ Петровъ Саврасаго, взнуздалъ, подвязалъ хвостъ узелкомъ и верхомъ на потникѣ вмѣсто сѣдла, поѣхалъ къ куму Спиридону Степановичу.

Надо было хоть съ кѣмъ-нибудь отвести душу, развѣять тоску.

Дорога была совсѣмъ непроѣзжая. По прошлогоднимъ колеямъ стояла вода, мѣстами въ ложбинахъ пучилась ледяная каша, и овраги еще полнымъ полны были сѣрыми нелюдимо-угрюмыми сугробами плотнаго снѣга.

Саврасый весело мѣсилъ тонкими ногами грязь, бойко повиливалъ кургузымъ хвостомъ и думалъ, казалось, веселую лошадиную думу.

— Ужъ ежели выѣхали въ такую несуразную пору,—такъ, стало быть, надо! А надо,—въ грязь лицомъ не ткнемся, вывеземъ!

Дружная лошадь, горячая, все же прыти хватило не до конца. До Спиридона считали верстъ двадцать, а черезъ пятнадцать верстъ пришлось кормить, до того тяжела и непроѣзжа стояла дорога.

Въ деревнѣ Горюши мужикъ изъ крайней избы охотно принялъ Петрова, показалъ подъ сараемъ мѣсто, далъ хрябтугъ съ сѣномъ и мякиной.

— Не сдюжалъ конь!—пожалѣлъ онъ Саврасаго, хлопая по мокрымъ ладыжкамъ.

— Далеко ѣдешь-то? Насчетъ земли, поди? снимать?

---

[1]) См. май, стр. 74.

Спрашиваетъ съ такимъ увѣреннымъ равнодушіемъ, какъ будто впередъ знаетъ, что другой надобности и быть не можетъ у мужика. Некуда и незачѣмъ еще гнать въ такую пору измученную лошадь. Петровъ такъ и понялъ мужика, и, понявъ, смутился.

«А и въ самомъ-то дѣлѣ... какъ бы хорошо было, если бы ѣхать не съ пустомъ, не съ горемъ-тоской, а за дѣломъ... землю снимать, по-старому, по-мужицкому»...

Подумалъ такъ, отвѣтилъ иначе:

— Нѣтъ, другія дѣла у меня,—сказалъ,—къ Спиридону ѣду, въ Тугузы...

— А-аа! въ Тугузы... Лѣсъ тамъ, слышно, мотаютъ...

Сказавъ это съ позѣвкомъ, мужикъ отвернулся съ видимымъ пренебреженіемъ, пошелъ къ себѣ въ избу, а Петрову не сказалъ даже: «зайди».

Обидой и грустью пахнуло на Петрова отъ этого, понятнаго ему и тѣмъ болѣе горькаго, мужицкаго пренебреженія.

«Н-да, милый,—думалось сиротливо,—отвертывайся... А что бы ты подумалъ, коли узналъ, что и не за лѣсомъ вовсе ѣду туда. Ѣду вотъ и самъ не знаю зачѣмъ... Поговорить... будто въ своемъ сосѣдствѣ ушей нѣтъ родныхъ... и вздохнуть за меня некому»...

Покормилъ, поѣхалъ дальше, и уже думалось дорогой, что, пожалуй, и къ Спиридону ѣдетъ напрасно.

Тугузы и вправду встрѣтили его неласково. Свояченица вышла въ контору къ нему, не позвала даже чайку напиться съ дороги. Сказала про мужа тусклымъ непривѣтливымъ голосомъ:

— Въ лѣсъ все уноситъ нечистый... Ни свѣтъ-ни-заря въ лѣсъ... И что дѣлаютъ? Пьянствуютъ что ли... Раньше ночи не жди теперь.

Поѣхалъ Петровъ на измученной лошади въ лѣсъ разыскивать свояка. Здѣсь на свѣжей порубкѣ, широко обнажившей мѣстность, стояла осиновая, наскоро ухетанная караулка съ широкими наглыми окнами безъ наличниковъ и ставень. Изъ караулки, какъ изъ веселаго кабака въ праздникъ, несся гулъ неровнаго говора, смѣхъ и кусочки визгливыхъ бабьихъ пѣсенъ.

Подъ тесовымъ навѣсомъ были привязаны осѣдланныя лошади, штукъ шесть. И должно быть давно ужъ стоятъ лошади: топчутся, безпокоятся. Радостно заржали, завидя Саврасаго.

Петровъ привязалъ и свою тутъ же, вошелъ въ караулку. Въ ней шелъ кутежъ.

За широкимъ столомъ сидѣло человѣкъ десять народу по большей части изъ господъ. Пили, шумѣли, курили.

Петрова никто не хотѣлъ примѣчать, и молодой сухощавый человѣкъ въ красной рубашкѣ, въ сползшемъ къ затылку чиновномъ картузѣ не переставалъ и при немъ разсказывать то шумливо веселое, что разсказывалъ до него, и надъ чѣмъ всѣ поминутно раскалывались лихимъ пьянымъ хохотомъ.

Одна изъ бабенокъ, которыя хлопотно суетились при печи, подошла къ Спиридону, нагнулась, шепнула что-то, показавъ глазами на Петрова.

Спиридонъ всталъ, подошелъ пошатываясь къ свояку.

— Аа! Ты это?—спросилъ сквозь икоту.—Ужъ больно недосугъ. Видишь: племянникъ бариновъ... За дѣломъ, аль такъ? Послѣ бы.

— Мнѣ, положимъ, не къ спѣху,—обиженно отвѣтилъ Петровъ.—Побывать захотѣлось, помнючи ласку твою по осени... Коли недосугъ, можно уйти...

Повернулъ лицомъ къ двери, взялся за скобку.

— Мм...—замычалъ Спиридонъ, почуявшій обиду свояка.—Какъ знаешь... да...—И добавилъ вдругъ зло:—Ежели денегъ пріѣхалъ просить,—не дамъ!..

— Денегъ просить?—засмѣялся Петровъ.—Нѣтъ, своякъ, самъ отъ денегъ бѣгаю... Прощавай!

Вышелъ къ лошади, и Спиридонъ, спотыкаясь и пыхтя, потянулся за нимъ.

— Въ самомъ-то дѣлѣ? а? Сказывай, зачѣмъ пріѣхалъ,—сталъ приставать къ Петрову.

— Говорю—побывать!

— Побывать? Да что ты вареный, ровно? Ай непріятности? Какъ торгуешь? Сколь выручилъ за зиму?

— Не подводилъ еще чистыхъ-то...

— Ну, валомъ сколько?

— Валового-то надо быть тысячи двѣ съ залишкомъ.

— Врешь?

Петровъ промолчалъ, сталъ отвязывать Саврасаго. Спиридонъ выпрямился, протрезвѣлъ словно, ерзнулъ ближе къ Петрову.

— Шутишь, аль нѣтъ?.. Ну-ну, не хмурься, вижу въ серьезъ. Ты вотъ что, поѣзжай въ усадьбу, переночуешь. Вечеркомъ перетолкуемъ. У меня тоже до тебя докука: насчетъ срубовъ. На задахъ у тебя можно свалить яруса два?..

На Петрова пахнулъ противный перегаръ хмеля, Спиридонъ нагнулся къ нему, зашепталъ что-то.

— Не подойдетъ для меня!—отрѣзалъ Петровъ и вскочилъ на потную спину продрогшаго Саврасаго.

XIII.

На ночлегъ Петровъ завернулъ въ маленькій убогій хуторокъ, который притулился тутъ же за лѣсомъ на краю глухого оврага.

Горбатый глухой старикъ, съ которымъ трудно было разговаривать, убралъ Саврасаго въ конюшню, а суетливая словоохотливая старуха провела самого его въ чистую половину избы, подала самоваръ.

— У насъ много ночуетъ народу!—разсказывала она Петрову всю свою подноготную,—какъ съ барскаго двора—къ намъ! Съ того и живемъ, желанный... Дай Богъ здоровья тоже и Спиридону Степановичу, стоющій мужикъ! Ино дѣло и погулять завернутъ! Какъ же безъ этого? Кто Богу не грѣшенъ...

Говоря это, застыдилась, скосила на бокъ помолодѣлые на минуту глаза, отмахнулась рукой:

— До бабъ ужъ больно охочъ!.. ии—и... не приведи Господи! Ровно песъ гладкій...

Говоритъ, стыдится, и похоже, словно Спиридонъ и до нея охочъ, до старой женщины, отжившей свою бабью пору, готовой къ гробу, савану и страшному суду.

— Не хорошо это!—строго сказалъ Петровъ изъ-за самовара.—Не ладно.

— Чего тутъ хорошаго? Чего ладно? — согласилась старуха.—Хорошаго мало, да дѣться некуда! Сроду мы барскія, подневольныя... Такъ видно и помремъ въ чужой волѣ... Чай, наменись что вышло? И смѣхъ и грѣхъ... Примѣтилъ ты въ караулкѣ бабенокъ молодыхъ? Солдатки... Одна-то дочь моя родная...

Стала разсказывать зазорную исторію о томъ, какъ передъ Святой гулявшія съ господами бабы пришли домой по снѣгу въ чемъ мать родила.

— Да еще кнутомъ отходили на дорогу, «чтобъ, баитъ, кровь не застыла на холоду»... Вотъ и житье!..

— Да какъ же это такъ? Какъ это можно?—негодовалъ Петровъ.

— Можно! У нихъ все можно! — разгорячилась вмѣстѣ съ нимъ и старуха.—Ты думалъ кто? Баринъ молодой, извѣстно, самъ онъ одинъ и слѣдовъ не найдетъ, а Спиридонъ! Вотъ кто! Чай, старый-то баринъ подобрѣе къ мужикамъ, такъ при немъ онъ холсты стелетъ, а коль съ молодымъ—собакъ не держи!..

— Такъ нельзя! — сурово укорялъ Петровъ. — Оставить надо...

— Оставить?—съ той же суровой горечью продолжала баба.—А ты какъ думалъ? легкое это дѣло? Оставить-то? Кабы власть-то была... Меня вотъ возьми! Я тутъ вся передъ тобой, какъ передъ Истиннымъ... А вѣдь тоже! Мать Пресвятая видитъ, сколь выплакала слезъ-то! прудъ пруди, да! Такъ ужъ и звали меня: «Марья—Хороша», да «Марья—Хороша»... И кто только не измывался надъ моей душенькой? А коли забрюхатѣла,—отдали меня этому горбатому глухарю, прости Господи... Мужъ не мужъ, а все будто покрышка, все застить отъ людского глаза... Дѣвка подросла! Ужъ я-ль ее не берегла! Я ли не холила! Не дождавшись годочковъ,—замужъ выдала! Взяли ее за сиротство, за красоту ненаглядную... А тутъ, глядь-поглядь, угнали зятя въ солдаты... Куда дѣнешься? кормиться-то надо!..

— Ай нѣтъ земли-то у васъ? — шепотомъ, точно боясь своей мысли, спросилъ Петровъ.

Она не слыхала его и договорила свое, наиболѣе страшное изъ ея полукрѣпостнической жизни:

— Ты что думалъ? Теперь вотъ гуляетъ она съ бариномъ молодымъ... Вѣдь, Господи-и! Владычица-а! Може, онъ ей и не чужимъ приходится! Братъ, може, единокровны-ый! Грѣхъ-отъ, грѣ-ѣхъ-отъ неприкаянны-ый...

— Господи! Да какъ же это ты? Рази жъ можно?—волновался Петровъ вмѣстѣ съ ней и чувствовалъ, что ея горе становится и его горемъ.

— Вѣдь это жъ... грѣхъ-отъ какой! грѣхъ-о-отъ!.. Вѣкъ не замолишь...

— Гдѣ замолить?.. не замолишь,—согласилась она съ печальной покорностью.

Она не плакала, но въ отвѣтъ на участливый взглядъ Петрова глядѣла такими глазами, что онъ почувствовалъ въ ней себя самого со всѣмъ своимъ невысказаннымъ горемъ, со всѣми недодуманными печалями. И его потянуло разсказать ей свое наболѣвшее: открыть думы, сомнѣнья, обманчивыя несбыточныя гаданья.

Черезъ полчаса они говорили ужъ о проданныхъ Балясному душахъ, объ Иванихѣ, которая кинулась на торговое дѣло какъ собака на мясо и стала немилой ему, почти чужой. О томъ еще, какъ Петровъ божьимъ попущеніемъ въ наказаніе за гордость затосковалъ вдругъ, точно пролетный грачъ заколдовалъ его, и въ тоскѣ наяву чудятся ему парныя поля со свѣжей

пашней, полевой духъ, свѣжія росы и прежняя потливая мужичья работа. И о томъ также, какъ не съ кѣмъ молвить ему путнаго слова о тоскѣ-горѣ, такъ какъ у всѣхъ родныхъ и знакомыхъ готова на языкѣ злая насмѣшка для него...

Все, зачѣмъ ѣхалъ Петровъ къ Спиридону, было высказано старой незнакомой женщинѣ. И все обсудили они, какъ близкіе-близкіе люди.

Не нуженъ сталъ Петрову и тотъ хорошій ласковый Спиридонъ, котораго желалъ встрѣтить онъ, когда собирался въ Тугузы, котораго зналъ онъ и уважалъ до сегодняшняго дня.

XIV.

Солнце и морозцы сдѣлали свое дѣло. Земля просохла, дороги укатались, и народъ послѣ Ѳоминой выѣхалъ сѣять-пахать.

Петровъ совсѣмъ отбился за это время отъ лавки. Его видѣли дома утромъ да вечеромъ. И напрасно Иваниха одолѣвала его, приставала съ заботами. Всякій день уходилъ онъ въ озимое поле. Пошелъ какъ-то разъ поглядѣть озимя, которыя по договору съ Баляснымъ оставались до уборки за нимъ, да и повадился. Почувствовалъ, что поле роднитъ его съ прошлымъ, дорогимъ, успокаиваетъ, развѣваетъ туманъ нерѣшимыхъ думъ.

Въ эту пору въ озимомъ полѣ безлюдно, и потому весна сильнѣе, любовнѣе краситъ тутъ землю. Столбики межъ загонами не закиданы сухимъ, только-что выпаханнымъ, кореньемъ, не взодраны жадной рукой по закрайкамъ, не затоптаны.

Весело зеленѣютъ они напруженной сочной травкой, а травка вся, какъ золотавыми звѣздами, усажена проворнымъ, но знающимъ удержу, одуванчикомъ. Вверху облака въ ризахъ, жаворонки, внизу—снигири, трясогузки... Озимь сама раскустилась еще съ осени, теперь лопушится, норовитъ удариться въ дудку. Вблизи еще улыбается чисто ребячьимъ смѣхомъ, а вдаль убѣгаетъ съ маревомъ въ перегонышки.

Переливаются синія грустныя волны и спѣшатъ, спѣшатъ не вѣсть куда и зачѣмъ.

Становилось радостно на сердцѣ, когда Петровъ находилъ на загонѣ не заросшую мѣтку въ видѣ кругло и ловко выпаханной цифры 8. Не легкая вещь выкрутить цифру сохой. На Саврасомъ только и впору это; умная лошадь... А по бороздкамъ кустистая озимь колышется, шепчетъ ему и Савра-

сому слова благодарности за то, что жизнь дали ей, удобрили, посѣяли.

Онъ садился на межѣ, отдыхалъ въ лѣнивомъ покоѣ, какъ корова на тучномъ лугу. Иногда спрашивалъ себя:

«Отчего прежде... ни разу не было такой тихой хорошей радости при взглядѣ на свое поле?.. а теперь она есть»...

«Да оттого,—отвѣчалъ,—что прежде она за заботой хоронилась. Забота была»...

«А теперь развѣ ты беззаботный?.. Борода-то пѣгая стала за весну... Виски совсѣмъ, совсѣмъ сивые... И всего-то только въ двѣ недѣли какихъ»...

И опять начинался клубокъ не распутанныхъ мыслей.

Въ субботу къ вечеру шелъ онъ изъ поля домой, стараясь, какъ теперь всегда дѣлывалъ, пройти подальше отъ людского глаза: черезъ гумна, черезъ зады, коноплянники.

На этотъ разъ не миновалъ встрѣтиться съ Балянымъ.

Балясный сѣялъ коноплю и допахивалъ послѣднюю леху, когда Петровъ проходилъ по проулку. Гладкій гнѣдой меринъ изъ полукровковъ играючи шагалъ по пухлой сдобренной навозомъ землѣ, волоча за собой желѣзный плужокъ. Изъ-подъ отвала вздымалась ровная разсыпчатая борозда. Земля переваливалась, разсыпалась, ложилась позади исвѣтла черной остренькой гривкой и живо просыхала, сѣрѣла отъ вѣтерка.

Балясный самъ шелъ поодаль отъ плуга бодрымъ стариковскимъ шагомъ, еле придерживая ручку, покрикивалъ на мерина веселыми одобрительными словами:

— Э-эхъ! миляга! вышагивай знай!

Увидалъ Петрова, дернулъ за возжу, свалилъ плужокъ набокъ.

— Что, сватъ, али въ прогулку ходилъ?—крикнулъ приприветливо. Снялъ съ кудрявыхъ сѣдыхъ волосъ ватный рыжій картузъ, взмахнулъ имъ наотлетъ, какъ дѣлаютъ знающіе себѣ цѣну мужики, у которыхъ не голова кланяется при встрѣчахъ, а шапка.

— Да нѣтъ... тутъ вотъ...—отвѣтилъ Петровъ нехотя.— Въ Вербинку ходилъ насчетъ... разное тамъ...

Думалъ соврать, но не сумѣлъ и смутился.

— Та-акъ! По дѣлу, видно?—говорилъ Балясный со смѣющимся взглядомъ.

— По дѣлу.

— То-то, а то бабы сказываютъ,—тѣсно тебѣ по веснѣ въ лавкѣ. «Все, слышь, въ лѣсъ норовитъ да въ поле»... Болтаютъ, поди? Попусту мелютъ.

Петровъ не отвѣтилъ, всталъ у забора, облокотившись локтями о жерди. Всталъ и Балясный съ другой стороны. Стоятъ другъ противъ друга старый и новый хозяинъ только-что поднятой тучной земли, отъ которой несло конопляннымъ духомъ, весеннимъ сокомъ и которая на вечернемъ солнышкѣ играла золотымъ матомъ, серебрянымъ блескомъ. Старый хозяинъ грустный, измученный неразрѣшимыми думами,—новый съ насмѣшливымъ играющимъ взглядомъ, босой, съ загорѣлыми до цвѣта сапожной кожи ногами и руками.

— Такъ-такъ-такъ!—продолжалъ Балясный,—а я вотъ допахиваю наслѣдство твое. Не надо бы баить, да скажу: пухъ, а не пахота! Гожа земля! Честь тебѣ за нее! Уважилъ ты меня, братецъ ты мой! вотъ какъ ува-ажи-илъ... По гробъ не забуду!

«Для того я тутъ потъ лилъ сорокъ годовъ, чтобъ его уважить!—подумалось Петрову.—Бахвалъ!»

— Уважилъ, уважилъ!—повторялъ Балясный.—Ну только грѣха не мало принялъ я съ ней, съ землей твоей. Взъѣлись! Ужъ такъ-то взъѣлись,—не приведи Господи! Послушалъ-ба, что кричали на сходѣ намеднись? «Ты, баитъ, такъ-разъ-сякъ, ровно дьяволъ во плоти! Ты души хрестьянски скупаешь! На Бога руку занесъ»!.. Да кто и кричитъ-то? Подумалъ бы ты! Михей кричитъ, староста церковный. Другіе за нимъ... Поговариваютъ теперича въ жеребіевку не пускать меня ни въ лугахъ, ни въ паринѣ. «Въ солончакахъ, слышь, отведемъ, ты стоишь того»...

— Что жъ теперь?—спросилъ Петровъ безпомощно, почуявшій себя виноватымъ передъ Балянымъ.

— Терпѣть придется. Куда дѣнешься? Шумѣть начнешь,—подпалятъ еще. Ребята какіе? огонь и воду прошли... А тамъ обтерпится,—все будетъ, какъ должно.

— Терпѣть,—промолвилъ въ раздумьѣ Петровъ и вдругъ вымолвилъ одинъ изъ тѣхъ острыхъ концовъ своего плохо смотаннаго клубка мыслей, который такъ сушилъ его за весну:

— Что, ежели бы ты уступилъ назадъ мнѣ души?

Балясный взглянулъ на него съ острымъ смѣшливымъ любопытствомъ.

— Тебѣ? Гм... А что накинешь верховъ?

— Верховъ? На старую цѣну?

— Нѣтъ! На тысячу!

— Тебѣ смѣшки...

— Въ серьезъ я! Дашь тысячу двѣсти,—махну! Пропадай моя плужная пахота!

Петровъ глядѣлъ испытующе скорбно на Балязнаго: шутитъ богатый мужикъ, или вправду жаденъ?

— А ты думалъ,—уступлю?—заговорилъ Балясный рѣшительнымъ голосомъ.—Глядишь мнѣ въ ротъ и пытаешь?

— Кромѣ шутокъ?

— Кромѣ шутокъ скажу тебѣ!—повысилъ свой голосъ Балясный, словно хотѣлъ затѣять ссору,—не отдамъ и за полторы тысячи! Нѣтъ, братъ, не такой я человѣкъ! Меня, братъ, не напугаешь разговорами! Я еще накуплю душъ! Дураковъ-то много въ селѣ!.. Всю кубышку дѣдову навывертъ спрокину, до послѣдней денежки выкину! заведеньевъ рѣшусь, безъ масленки, безъ дранки останусь,—а душъ накуплю! Нахватаю! Жаденъ я до земли, вотъ что! Такъ ты и знай!

Онъ помолодѣлъ съ виду, трясъ кудрями, металъ глазами огонь и сперва вытянулся, выправился, словно выросъ, потомъ нагнулся, поднялъ горсть чернозему, ткнулъ имъ въ носъ растерянному собесѣднику:

— Вотъ! Видишь вотъ? Вотъ она землица-то матушка! Шелкъ! Песокъ сахарный! На-ко, отвѣдай вотъ!..

Трясъ надъ заборомъ объемистой черной лапой съ комкомъ земли, совалъ ее подъ носъ Петрову, нюхалъ и смаковалъ самъ. Казалось: вотъ-вотъ не выдержитъ и начнетъ въ азартѣ жевать ее, пробовать на зубъ, какъ пробуютъ въ овинахъ сухомолотное полновѣсное зерно.

Петровъ послушалъ, послушалъ, медленно повернулся спиной къ расходившемуся Балясному, сказалъ въ растяжку, не оглядываясь:

— Прощевай покудово!

Балясный засмѣялся вслѣдъ ему нехорошимъ подзадаривающимъ хохотомъ жаднаго человѣка.

Навстрѣчу Петрову бѣжала Домка, гулко тупая по дорогѣ босыми ногами и сверкая на заходящемъ солнышкѣ кумачемъ нарядовъ.

— Тятенька!—крикнула еще издали,—иди-ко домой попроворнѣ! Тамъ тебя Докукинова вдова дожидается!

XV.

Вдова Докукина часа два ужъ сидѣла въ лавкѣ, вела разговоръ съ Иванихой. Иваниха жаловалась ей на мужа:

— Охъ, кума-кума, ужъ и не придумаю! Все-то теперь я, во всѣ дѣла—я! Измоталась совсѣмъ, а его ровно бы сглазили...

Такой былъ мужикъ, такой работящій, такой заботящій,—огневый прямо, ноне придетъ на часъ, потычется-потычется, выручку запишетъ,—уйдетъ. И гдѣ пропадаетъ, Господи знаетъ!

— Пьетъ что ли?

— Гдѣ тамъ пить? Вотъ и горе-то мое! Хоть бы пилъ, какъ люди... Все бы може къ рукамъ прибрать можно... А то брезгуетъ и виномъ и пьяницами! А наше дѣло, сама вѣдаешь... съ того и живемъ.

— Людей тоже хоронится. Намедни съѣздилъ къ куму Спиридону за совѣтомъ, пріѣхалъ, какъ дурачекъ, прости Господи: ни словинушки! А шутка ли такъ-то при нашемъ торговомъ дѣлѣ? За святую яицъ намѣняли... Надо въ городъ везти! Въ цѣнѣ онѣ, сказываютъ, яйцы-те. А онъ: «поѣду, поѣду»! Да такъ до сегодня и ѣдетъ... И отдала, милая моя, яичникамъ... Почемъ ни почемъ, съ рукъ долой!..

— Тоскуетъ, поди?—пожалѣла Докукина съ тяжелымъ горемычнымъ вздохомъ.

— Тоскуетъ, да съ чего тосковать-то? Слава тебѣ Господи, живемъ не хуже людей! Выручаемся... И за постъ и за Святую такъ торговали, что за годъ зачесть можно! Намъ ли гнѣвить кормильца! А я мекаю—не съ глазу ли? Напустили... Народъ како-ой! Чай съ коровой одной что свары было. Съ пастухомъ я сладилась и старосту обходила, а какъ погнала дѣвка въ стадо,—и подняли шумъ! Матушки-и! Упаси Богъ, что было: «И вы-те безземельны! и вы-то чорному душу продали! и на мірску-то шею сѣли»... Свои же вотъ изъ Курмыша. Днюютъ, ночуютъ въ лавочкѣ, а хуже лихого татарина! Двѣ четверти пропоила аспидамъ за корову...

— Тоскуетъ, тоскуетъ...—стояла на своемъ Докукина,—поспѣла весна и проняло. Ежели лютъ мужикъ на работу,—этого жди! Вотъ, недалеко ходить, покойникъ мой. Въ солдатахъ служилъ, послѣ сказывалъ: «такъ изведешься, баитъ, такъ истоскуешься,—бѣды! Погонятъ на плацъ, на ученье, а тебѣ рожь чудится, косьба яровая... Взялъ бы да и махнулъ съ обоихъ плечъ»...

— А вѣдь я было съ докукой шла къ нему, къ твоему-то!—перемѣнила вдова разговоръ черезъ нѣкоторое время.—Ужъ и не знаю какъ, выйдетъ толкъ, али нѣтъ...

Иваниха насторожилась, сразу посуровѣла въ лицѣ и въ голосѣ.

— Насчетъ чего это?

— Видишь ты, дѣло-то мое вдовье: помочь норовлю со-

звать на завтра, попахаться-посѣяться... Весна, матушка, торопитъ! Кому не поклонюсь,—всѣ званы, да перезваны! Помочи по селу, да все у самыхъ что ни есть богатѣевъ. И у Прякиныхъ помочь, и у Поповыхъ, и у Балясныхъ... Къ нимъ и посулился народъ весь... Знамо! чай угощенія-то не съ мое выставятъ!

— И не калякай!—посочувствовала Иваниха.

— Я и хотѣла докучиться куму Ивану. Може, не откажетъ. Чай, цѣла еще соха-то?

— Соха, вонъ она! подъ сараемъ на перекладахъ положена... да наврядъ ли? Какой онъ ужъ пахарь теперь! Прежнимъ бытомъ и слова не молвилъ бы, а теперь наврядъ!.. наврядъ ли...

Иваниха жалѣла вдову, знала, что отказаться отъ помочи грѣхъ непрощенный, но никакъ не могла ужъ примириться съ тѣмъ, чтобъ Петровъ опять взялся за соху.

— Ужъ такъ пособили бы!—настаивала вдова.—Такъ бы выручили...

— Не знаю, не знаю... Не согласится! Спросъ не бѣда, а только... И люди насъ славятъ!.. безземельны-ти мы, и бездушники, и нахлѣбники мірски... Ужъ чего-чего не хлопаютъ, а тутъ, коль увидятъ съ сохой, на смерть высмѣютъ... подавай только! Я чаю, не отъ смѣшковъ ли хоронится тоже... Соромно!

— Все жъ поспрошаю,—не унималась вдова.—Авось надразумитъ Мать пресвятая... Двое-то есть у меня, посулились. Мальченка свой съ бороной выѣдетъ. Да въ двѣ-то сохи не поднять до обѣда...

— Что жъ, поспрошай! пора бы ужъ быть ему,—полусогласилась Иваниха,—только не чаю я, не чаю... Придетъ вотъ.

— А онъ, видала я, на коноплянникахъ!—подала свой голосъ Домка,—съ Баляснымъ калякаютъ... со старикомъ.

— Ну-ко, сбѣгай, дочка, покличь его!—попросила вдова.

— Ну-къ что жа!—согласилась Домка и, шмыгнувъ носомъ, взглянула на мать.

— Покличь!—подтвердила Иваниха,—дѣло, молъ, есть...

Домка проворно побѣжала въ проулокъ, а вдова вздохнула ей вслѣдъ:

— На выданьи дѣвка!

— Охъ, и не бай!—согласилась Иваниха тоже съ вздохомъ, ровно бы въ томъ, что Домка «на выданьи», крылась большая печаль или невѣсть какое неминучее горе.

XVI.

Петровъ къ немалому удивленію Иванихи съ перваго же слова согласился поѣхать на помочь къ Докукиной и вызвался даже выѣхать на ночь, чтобъ утречкомъ рано, пока съѣдутся другіе помочане, высѣять овесъ.

Вдова обрадовалась, побѣжала домой снарядить и проводить къ Петровымъ мальчишку съ возомъ сѣмянъ.

А Петровъ принялся снаряжать соху. Снялъ ее съ перекладовъ, наладилъ, уснастилъ сошниками и палицей. Потомъ досталъ съ подволоки пахатный хомутъ, смазалъ гужи ему чистымъ березовымъ дегтемъ, задалъ Саврасому овсеца.

— Гляди, гляди!—кивала на него Иваниха дочери,—живой водой ровно спрыснули отца-то! Какой ретивый сталъ!

А Петровъ, управившись съ приготовленіями къ пахотѣ, расхаживалъ по двору съ заботной хозяйской повадкой, примѣряя и высматривая, что бы сдѣлать еще. Первый разъ за весну бросились въ глаза ему всѣ изъяны и недочеты въ хозяйствѣ. Схилился на бокъ лабазъ, просилъ скорой починки, соха подъ сараемъ тоже подалась въ сторону, а подъ стрѣхой въ одномъ мѣстѣ свѣтилась дыра. Но главное, чего не замѣчалъ до сего дня,—навозъ подъ ногами. Полонъ дворъ навоза. Никогда еще этого не бывало. Не бывалъ навозъ въ тягость и въ досаду. Было ему мѣсто въ огородѣ, на коноплянникѣ, въ полѣ. Въ прежнее время и досугу было меньше, а дворъ выглядѣлъ какъ передъ Троицынымъ днемъ: чистенько, опрятно, уютно было на немъ.

«Эко дѣло какое!—укорялъ Петровъ свою распущенность,—глаза бы не глядѣли»...

Кликнулъ Домку, сталъ укорять и журить ее, какъ будто она была виновата въ томъ, что навозъ мозолитъ глаза ему:

— Ты что же это, неряха, въ хлѣву не почистишь? Вычистить надо, а то вѣдь шагу ступить некуда! дай только волю вамъ...

Журилъ дѣвку, ворчалъ на себя, а самъ съ топоромъ въ голой, засученной по локоть рукѣ суетился, пристукивалъ, прилаживалъ и запоминалъ при этомъ, что и какъ сдѣлаетъ въ понедѣльникъ, когда раздѣлается съ докукинской пахотой.

Поздно вечеромъ уже по темну подъѣхалъ и мальчикъ Докукинъ съ полнымъ возомъ, уснащеннымъ для пахоты. Въ возу были сѣмена на посѣвъ, завтракъ для помочанъ съ двумя

бутылками казеннаго вина, кормъ лошадямъ и поверхъ полога зубьями кверху борона.

— Тпру ты! дьяволова!—ворчалъ мальчикъ, осаживая возжами пузатую сивую кобылу съ опачканнымъ отъ зеленаго корма хвостомъ,—часу не постоитъ смирно.

— А! это ты, Гринька!—привѣтилъ его Петровъ,—ну молодецъ парень! Покуда что завертывай на дворъ, братъ...

— На дворъ! такъ на дворъ,—согласился Гринька сурово и опять заворчалъ на кобылу:

— Но, ты-ы! дьяволова! съ мѣста не сдвинется!

— А и строгъ же ты, братанъ!—сказалъ Петровъ съ добродушной насмѣшкой и почувствовалъ, какъ на сердцѣ шевельнулась ревнивая досада на то, что у него въ семьѣ нѣтъ такого мальца.

— Съ чего веселиться-то?—отвѣтилъ Гринька, не мѣняя голоса.

Скатившись съ воза, онъ съ важностью повелъ кобылу подъ уздцы въ раскрытыя настежь ворота.

Поужинали.

Послѣ ужина припрягли Саврасаго на пристяжку къ кобылѣ, взвалили поверхъ бороны Петрову соху, привѣсили сбоку къ наклескѣ старую лубочную сѣвалку, поѣхали со двора.

— Спать-то коли станете? —заботилась Иваниха, провожая ихъ за ворота. Она глядѣла вслѣдъ уѣзжающему мужу и никакъ не могла понять его, примириться съ тѣмъ легкимъ, почти радостнымъ согласіемъ, съ которымъ онъ не отказалъ Докукиной.

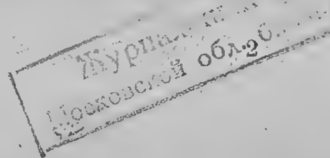
— Ничего!—бодрился Петровъ ей въ отвѣтъ,—тамъ прикурнемъ малу толику... передъ зорькой.

— Тамъ прикурнемъ!—повторилъ и суровый Гринька,—той порой и другіе подъѣдутъ!

«Э-эхъ, блажной, блажной!—вздохнула Иваниха, запирая ворота на желѣзный засовъ съ прочнымъ замкомъ!—не мимо молвитъ пословица: горе-горе мужъ Григорій, а у меня—Иванъ, такъ не дай Богъ и вамъ»...

Зѣвнула, покрестила ротъ, пошла въ горницу спать, уже думая не о чудачествѣ мужа, а о томъ, что завтра праздникъ, много помочей и потому ей придется торговать въ лавочкѣ водкой. Водка по ея понятію была самый умный, самый прибыльный товаръ, опасный только. Но она любила въ торговлѣ и рискъ.

Петровъ, радуясь обществу мальчика, передалъ ему возжи, самъ не переставалъ разговаривать и забавляться напускной ребячьей суровостью.

Ночь была мѣсячная, но не ясная. Небо сплошь почти заткано было тонкимъ плетеніемъ изъ серебряныхъ тучекъ, и молодой мѣсяцъ то проглядывалъ свѣтлой каемкой на волю, то тонулъ въ тѣни, когда перебѣгало его чернымъ пологомъ несуразное облако.

Оба порядка села грустно дремали въ густой полосѣ тѣней. И черными глубокими ямами казались подворотни возлѣ избъ, творила выходовъ и мазанокъ среди улицы. Долгая, безконечная, средь обманчивой ночи, полоса ветелъ надъ рѣчкой грозилась какъ невѣдомое таръ-тарары изъ старой дѣдушкиной сказки. Оттуда неслись перерывистыми вздохами шорохъ молодой листвы, безпокойная возня усталой птицы и урчаніе незапруженной еще послѣ весенняго половодья рѣки.

Гринька храбрился, подергивалъ возжами, чмокалъ губами на лошадей, самъ плотнѣе прижимался плечомъ къ Петрову, обдавая его ищущей дѣтской лаской. И на душѣ у Петрова было радостно, но не спокойно. Чудилось все, что забылъ сдѣлать какое-то важное дѣло, а какое дѣло — не воспоминалось. И онъ гладилъ Гриньку по мягкимъ встрепаннымъ волосамъ, задавалъ ему несуразные шуточные вопросы, смѣялся надъ пугливой храбростью мальчика. Дребезжала слегка борона подъ сохой, побрякивалъ удилами Саврасый, шурша косолапила широкимъ некованнымъ копытомъ кобыла.

Вдругъ въ тишинѣ на поворотѣ дороги вспыхнулъ огонекъ, потрепыхался съ минуту краснымъ мятущимся клубомъ и потухъ. Лошади насторожились, запряли ушами, пошли бокомъ, прижавшись другъ къ другу. Петровъ вздрогнулъ, а Гринька сначала еще плотнѣе прижался къ нему, а потомъ воспрялъ, крикнулъ на лошадей строжащимся дѣтскимъ басомъ:

— Но-о! Чего боитесь? вотъ я васъ кнутомъ!..

И ударилъ кобылу по крупу вдвое сложеннымъ концомъ веревочныхъ возжей.

А тамъ впереди ровно бы желали показать, что бояться и въ самомъ дѣлѣ нечего. Засмѣялся порывистый женскій голосъ, молодой и сильный, насмѣшливый. Замаячили два человѣка: черный и высокій съ широкимъ шагомъ, — мужчина и бѣлая вся, какъ лебедь на темномъ пруду,—женщина.

Женщина смѣялась, дразнила мужчину.

— Наша учительница,—сказалъ Гринька торопливымъ радостнымъ шепотомъ, совсѣмъ не похожимъ на тотъ суровый разговоръ, которымъ онъ только-что подчевалъ лошадей..

— Учительница, Настасья Ивановна...

И не удержалъ своей радости, крикнулъ навстрѣчу:

— Эй, Настасья Ивановна, здравствуй!

— Здравствуй! Кто это тамъ?—откликнулась учительница все еще смѣшливымъ голосомъ.

— Это я! Куда ходила?

Бѣлая учительница съ чернымъ человѣкомъ подошли ближе. Она все еще не узнавала просившагося на вниманіе Гриньку.

— Я это, Докукинъ Григорій,—продолжалъ мальчикъ,—куда ходила?

— А-а! Докукинъ! Здравствуй, здравствуй! Куда это ѣдешь? Она подошла вплотную къ возу, и Петровъ встрѣтился съ парой веселыхъ свѣтлыхъ глазъ, глядящихъ на него съ безпечнымъ любопытствомъ.

— Пахать ѣдемъ. Прощай!—сказалъ Гринька, удовлетворенный встрѣчей,—съ дядей Иваномъ вотъ, съ Петровичемъ.

— А-а!—протянула она голосомъ,—прощай!

Махнула бѣлымъ платочкомъ, взяла рукой подъ локоть чернаго человѣка, пошла мимо. Черезъ минуту снова послышался ея смѣхъ, веселый, ласковый, какъ будто бы особенно нужный для теплой весенней ночи.

— Съ кѣмъ это она?—спросилъ Петровъ,—которому учительница показалась свѣтлой и чистой, какъ ангелъ въ видѣніи.

— Не знаю...—протянулъ Гринька задумчивымъ голосомъ,—гляди-ко, не братъ ли... Братъ у нея въ Казани на доктора учится. Чудной. Молчитъ все, молчитъ и куритъ, языка николи не развяжетъ...

Они ѣхали молча и каждый про себя улыбался своимъ теплымъ думамъ, навѣяннымъ встрѣчей.

Уже миновали село и переѣхали вбродъ рѣчку, на которой еще не настланы мосты послѣ половодья. Напоили по пути лошадей, взъѣхали на крутой изволокъ, откуда начинался просторный и голый всегда, какъ лысина, выгонъ. Съ выгона дороги разбѣгались въ разныя стороны: налѣво въ базарное село Лопатино, прямо полевая къ Долгимъ Кустамъ, направо въ городъ черезъ Верхній Ишимъ.

Петровъ протянулъ руку черезъ Гринькину голову къ возжамъ, свернулъ лошадей, куда надо, сказалъ растроганно:

— А крѣпко ты, парень, уважаешь учительшу свою... Такъ и засвѣтился огнемъ, какъ завидѣлъ, ровно мать встрѣтилъ родную.

— Настась Ивановну-то?—переспросилъ Гринька, растягивая губы въ блаженную улыбку.—Какъ же! Она хорошая. Нельзя

ее не уважать. Всѣ парни ее уважаютъ. Какъ кто кончитъ курсъ, такъ и уважаетъ... Привѣтливая она!

— Да... у насъ тоже, учитель былъ, Патрокъ Егорычъ!— сталъ мечтательно вспоминать Петровъ.—Народъ озорной, знамо дѣло, дразнили сердягу: «безъ портокъ Егорычъ»...

— Эхъ, ну! Разскажи!—сталъ просить Гринька и привскочилъ даже на сидѣньи отъ радости.

— Бывало все хаживалъ съ нами на выгонъ въ мячъ играть. Смѣху что... Да и правда, по прозвищу: въ чемъ только ходилъ сердяга. Жалованья этого—грошъ съ пятакомъ, а намъ къ рождеству елку наладитъ. Ужъ безъ елки не можетъ!

— И Настасья наша Ивановна! Каждый годъ елку...

— Знаю. Ну, въ тѣ поры все-таки лучше жилось!

Сталъ вспоминать и разсказывать Гринькѣ про годы своего дѣтства, когда было все хорошо, когда несчастья и бѣды, и тѣ окрашивались въ яркіе радостные цвѣта.

Разсказалъ про учителя, про тогдашняго батюшку Павла, про пожары и засухи, про большой непроходимый лѣсъ, отъ котораго теперь остались однѣ жалкія сѣчки да моховины. Гринька слушалъ, и сердце его сжималось отъ дѣтскихъ радостей Петрова. Здѣсь среди чернаго широкаго поля, безграничнаго и совсѣмъ-совсѣмъ страшнаго, если бы быть одному, онъ почуялъ въ Петровѣ ревесника и товарища, съ которымъ можно говорить задушевно и просто обо всемъ. И чтобы подтвердить эту товарищескую близость, онъ спросилъ:

— А на что ты души продалъ?

— Что? Души продалъ?—встревоженно удивился Петровъ.

— Ну да, продалъ!—строго подтвердилъ Гринька.—На что это? Негоже...

— Продалъ вотъ...—просто со вздохомъ отвѣтилъ Петровъ, послѣ того какъ понялъ, о какихъ душахъ говоритъ мальчикъ.— Гляди и ты... Большой выростешь, тоже продашь, чай...

— Я! ни за что не продамъ!—возмутился Гринька.— Чать, отъ Бога онѣ дадены... кормиться чтобъ!

— Нужда придетъ, и Бога забудешь...

Въ голосѣ Петрова была такая сердечная печаль и мука, что Гринька сразу сбавилъ прыти, замолкъ сначала, а потомъ сказалъ размѣреннымъ, словно думающимъ, голосомъ:

— Какъ только продалъ, сразу сталъ чужой всѣмъ, чужестранній чисто... Ужъ такъ жалко, такъ жалко... Всѣ говорятъ...

— Куда дѣнешься...

— Въ Лопатино бы поѣхалъ жить, что ли: тамъ базаръ... и рѣчка большая.

— А ну-ко, ложись вотъ тутъ вотъ!—усмѣхнулся Петровъ на слово о рѣчкѣ,—ложись, сосни малу толику, дай сюда возжи!

— Еще тѣмъ хорошо въ Лопатинѣ жить,—не унимался Гринька, укладываясь однако головой къ Петрову на колѣно,—тѣмъ хорошо тамъ, что лѣсъ за гумнами! Тутъ гумна, а тутъ тебѣ—лѣсъ. Вольно!

— Вольно, вольно! Озоровать-то вашему брату. Спи.

XVIII.

Петровъ проснулся, ударившись плечомъ о бороній зубъ. Лошади стояли въ сторонѣ отъ дороги на концѣ невспаханнаго загона, одѣтаго прошлогоднимъ клочковатымъ жнивьемъ съ выжженными посерединѣ черными кулигами и простеганными наискось коровьими тропами. Кобыла, припавъ перекошеннымъ отъ усталости задомъ на бокъ, спала, меринъ отшибся въ сторону, безпокойно вздрагивалъ чалой кожей, и, нагибаясь, щупалъ губами свѣжую начавшую проростать на черныхъ корневищахъ листву бурьяна. Гринька выбился изъ зипуна босыми, покрытыми язвами цыпокъ ногами, дрожалъ отъ утренняго холода, бормоталъ что-то невнятное, но не просыпался. Голова его лежала на жесткомъ узловатомъ передкѣ телѣги, одна рука сжимала бороній зубъ, другая дергалась, пыталась выпростаться изъ-подъ Петрова, но не могла. Петровъ поднялся, спрыгнулъ на земь, и Гринька, прорычавъ кому-то угрозу, свернулся на опростанномъ мѣстѣ собачкой. Было не рано, разсвѣтало. Луна зашла, и на восходѣ ближе къ сѣверу небо свѣтилось темнымъ изъ-синя блѣднымъ прогаломъ. Выше уже начало краснѣть, а еще выше замѣтно бѣжала къ западу фіолетовая мгла съ двумя гаснущими янтарными звѣздочками. Было зябко со сна, и вѣтеръ хлесталъ по лицу и рукамъ ледянистымъ вѣникомъ.

— Экъ заснулъ не во время! —укорилъ себя Петровъ и зѣвнулъ широко въ ладонь.

— Добро еще лошади загонъ нашли. Ловко! Надо будить парнишку, да лешить, покуда народъ не подъѣхалъ.

Ему особенно нравилось, что лошади такъ дружно и согласно нашли свою пашню. Хорошо знакомая, своя мѣтка въ

видѣ цифры 8 была четко и ясно видна сквозь грязную мятую жниву. Съ просонокъ онъ не додумалъ, что загонъ не тотъ, который нуженъ. Мѣтка была не докукинская, а его, Петрова, прошлогодняя, еще не перепаханная Балянсымъ. Видимо, Саврасый узналъ свой загонъ, свернулъ на него и затащилъ кобылу.

Нагнувшись, Петровъ набралъ горсть молодой росистой травы, протеръ себѣ глаза, вытеръ руки и только хотѣлъ снять картузъ и молиться, какъ вспомнилъ со всей болѣзненной ясностью, что лошади остановились не тамъ, гдѣ надо, что у Балясныхъ тоже сегодня помочь, что вотъ-вотъ могутъ подъѣхать люди, поднять его насмѣхъ...

Съ ужасомъ, точно на него кинулось сто человѣкъ съ поднятыми палками, Петровъ бросился къ лошадямъ, сталъ заворачивать на дорогу ихъ, билъ мерина сапогомъ подъ брюхо, хлесталъ кобылу кнутомъ и кнутикомъ. Свернулъ на дорогу, побѣжалъ рядомъ со скачущимъ и прыгающимъ по кочкамъ возомъ. Гриньку кидало, трясло, ударило, наконецъ, головой о наклеску, и онъ проснулся, оглянулся кругомъ непонимающимъ дикимъ взглядомъ. Скачутъ лошади, грохочетъ борона подъ сохой, бьется и мечется лагунокъ подъ наклеской, и рядомъ словно отъ покойника бѣжитъ—убѣгаетъ Петровъ.

— Что? А? Дядя Иванъ, али волки?—перепуганно спрашивалъ Гринька.

— Ничего, ничего!—успокаивалъ его ли, себя ли Петровъ,—такъ это... лошадямъ надо погрѣться... Зябко!

Самъ все бѣжалъ и никакъ не могъ остановить странной дрожи во всѣхъ суставахъ.

— Зябко по зарѣ-то! — согласился Гринька. Спрыгнулъ съ воза, побѣжалъ вприпрыжку рядомъ съ Петровымъ.

Докукинскій загонъ нашли подъ самымъ лѣсомъ. Завернули на луговину, стали выпрягать лошадей, готовиться къ сѣву. Гринька пошелъ собирать сушникъ для костра. Петровъ налаживалъ соху на прямую борозду вразвалъ, чтобы размѣтить передъ сѣвомъ загонъ на лехи. Запрягалъ мерина, слѣдилъ за проснувшимися и уже опушенными сѣрой почкой осинами: какъ дрожатъ на вѣтру, какъ вздыхаютъ зыбкимъ утреннимъ шелестомъ. Слушалъ, какъ лихо и бойко пересвистывался Гринька съ дроздами въ кустахъ, какъ спадала волнами отъ зари пѣсня жаворонка. Дѣлалъ, глядѣлъ, слушалъ, а самъ не переставалъ дрожать всѣмъ напуганнымъ тѣломъ отъ упорной, суевѣрной думы о проданной землѣ, которая заколдовала его, цѣпко хватаетъ его за сердце, за всѣ помыслы...

— И что она покою не хочетъ мнѣ дать? День ото дня больнѣе! Чисто грѣхъ невымоленный... Думаешь о ней день денской, передумываешь, и только забудешься на минуту какую,—она кошкой бѣшеной на сердце! И сосетъ, и карябаетъ... Отъ семьи отбила, заблудящимъ сдѣлала... Али правду сказалъ Михей Иванычъ: «противъ Бога замыселъ мой былъ»?

И прямо, какъ былъ съ картузомъ на головѣ, какъ еще ни разу въ жизни не маливался, Петровъ ринулся на росистую луговину ничкомъ, сталъ колотить себя въ грудь кулакомъ, приговаривать:

— Господи! Отецъ небесный! Да не бей ты меня по башкѣ обухомъ! Да не коли ты шиломъ меня въ несчастное сердце...

Гринька вышелъ изъ чащи съ полнымъ беремемъ сушника, съ шумомъ бросилъ его около телѣги, потомъ, повернувшись въ сторону Петрова, застылъ въ удивленіи. Долго стоялъ съ разинутымъ ртомъ, потомъ понялъ что-то, приблизился тихимъ шагомъ къ мужику и самъ тоже опустился на колѣни.

IX.

— Ну-ко, сынокъ, помолились! Бери мерина за поводъ. Пора!

Гринька принялъ подъ уздцы бродившаго съ сохой по лугу Саврасаго, крикнулъ ему свое строгое:

— Ну ты! дьяволовъ! нечего тамъ!

И лошадь, насмѣшливо косясь на него большимъ добрымъ глазомъ, осторожно зашагала къ пахотѣ.

Петровъ раздѣлся, потрясъ плечами, словно сбросилъ съ себя все лишнее, пережитое и тяжелое, плюнулъ въ ладони, растеръ и крѣпко взялся за ручки сохи. Приподнялъ соху, понесъ аршинъ-другой на вѣсу, какъ бы примѣряя тяжесть ея, и съ давно не испытаннымъ удовольствіемъ пустилъ ее сошниками въ землю.

Саврасый крякнулъ, оглянулся съ удивленіемъ назадъ, но понявъ, что отъ него требуется, вытянулся, напружилъ въ струнку гужи и зашагалъ уже не прежнимъ лѣнивымъ, дразнящимъ Гриньку шагомъ, а натужнымъ, упругимъ и сильнымъ. Мѣрно сгибались колѣни въ дугу, распрямлялись въ струнку и копыта клали въ землю глубокія многопудовыя печати.

А Петровъ, балуясь, или радуясь, снова приподнялъ соху, точно не по душѣ пришлось ему, какъ мягко и плавно пото-

нули сошники, тряхнулъ вывороченнымъ пластомъ, разметалъ сырую, пахучую землю, снова пустилъ соху въ глубь по самыя скрѣпы. Ему стало такъ весело, такъ сладострастно хорошо, какъ бываетъ здоровому голодному человѣку, который долго и напрасно рвался къ мягкому вкусному хлѣбу и наконецъ получилъ его. Съ порывистымъ наслажденіемъ всадитъ въ него онъ острый ножъ по самый черенокъ, съ наслажденіемъ прислушается, какъ хруститъ румяная корка, какъ разольется вкусный дразнящій ароматъ пропеченнаго тѣста, какъ блеснетъ нарядной пестротой отъ густо посыпаннаго слоя бѣлоснѣжной соли.

— Та-акъ! У-ухъ, лихо пошло! Но-о, Саврасый, навались!..

Для лехи не нужно было глубокой борозды, но онъ нарочно держалъ соху въ землѣ до самыхъ винтовъ, чтобы бороться съ ней, чувствовать въ рукахъ ея плывучую тяжесть, радоваться волнующемуся бѣгу поднятаго пласта, дурѣть отъ парнаго духа черной сыпучей, комковатой земли, который пьянитъ мужика крѣпче вина и толкаетъ куда только можно: на бунты и драки, на добрыя, совсѣмъ непонятныя для другихъ людей, дѣла, на безудержную работу отъ зари до зари безъ ѣды, безъ питья и безъ отдыха...

Прошли до конца, повели другую леху на сажень отъ первой, словно рамку нарисовали: бархатную, широкую съ огневымъ отливомъ на гребнѣ. И откуда ни возьмись—грачъ. Прилетѣлъ, покружился, сѣлъ сперва въ сторонкѣ, увидалъ, что пашутъ не враги, прискакалъ въ самую борозду, пошелъ по ней вдоль, выныривая то тяжелымъ сѣрымъ клювомъ, то вороненымъ сизымъ хвостомъ.

Петровъ встрѣтилъ птицу, какъ долго жданнаго друга:

— А, ты, крикунъ! Пора, пора!

И самъ тутъ же подумалъ, вспомнивъ свою первую встрѣчу съ грачемъ. «Вотъ къ чему она пророчила, птица... За соху, молъ, взяться пора. Что жъ, добро! Взялся, далъ бы Господь удержаться...

Разлешили загонъ, пустили Саврасаго съ брошенной на бокъ сохой щипать вмѣстѣ съ кобылой траву межъ корней еще не тронутаго весеннимъ тепломъ дубняка.

Петровъ съ полной сѣвалкой пошелъ гулять по загону. Шагъ впередъ и взмахъ руки! Шагъ впередъ и взмахъ руки! Зерно со свистомъ брызжетъ изъ горсти, сыплется о земь косымъ говорливымъ дождемъ, ложится ровнымъ надежнымъ сѣвомъ среди полусгнившей жнивы.

Прошелъ отъ столбника къ столбнику безъ передышки,

всѣ полныхъ сто саженъ. Назадъ идти было вѣтренно и противъ солнца. Оно уже взошло, взыграло поверхъ низкаго, дрожащаго въ позолоченной дымкѣ лѣска. Пришлось вновь заходить изъ-подъ вѣтра, по солнышку. Пошелъ посреди новой лехи. Разошлись ноги, рука нашла свою мѣру:

— Разъ-два, жжжикъ! Разъ-два, жжжикъ!

Жужжало, отсчитывало, въ мѣру и полно дышала грудь. Стало покойно и будто бы сытно отъ того, что споро шелъ сѣвъ, ровно и плавно ложилось зерно. Все шло хорошо и во время, а кто будетъ тѣшить сердце урожаемъ, кому жать—вязать, объ этомъ не думалось.

— Вотъ какъ сѣять надо! Учись, Гринька!

Это подъѣхали другіе помочане, а среди нихъ Горошкинъ. Кончилъ Петровъ, подошелъ здороваться.

— А-аа! И ты тутъ, драчунъ?—Привѣтствовалъ Горошкина.—Здравствуй, видно и ты!

— Я-то... Я что-жъ? Я любя...—смутился Горошкинъ, сердечно пожимая руку Петрова.—Ловокъ ты сѣять, сватъ! Пра, ловокъ... Хотѣлъ еще сказать что-то, похвалить Петрова за мужицкую сноровку, зато, что не гордъ, не погнушался работы, но Петровъ не далъ слова ему.

— Ну, что тамъ! Пахать! Заходи, ребя! Кто передомъ? И три сохи со скрипомъ и натугой одна за другой гуськомъ двинулись запахивать свѣже разсѣянное поле.

XX.

Надо было по обычаю прямо съ пашни проѣхать ко вдовѣ Докукиной позавтракать, и послѣ обѣдни прійти на обѣдъ. Петровъ отъ завтрака отказался. Не хотѣлось съ сохой и черному, потному проѣзжать изъ конца въ конецъ все село. Все же было стыдно. Отъ стыда онъ назвался и на ночной выѣздъ вчера вечеромъ.

Когда подъѣзжалъ проулкомъ къ своему двору, издали еще услыхалъ пьяный шумъ и гомонъ. И, что его удивило, гомонили уже не въ лавкѣ, а въ избѣ. Изъ раскрытыхъ оконъ валилъ гулъ, паръ и табачный дымъ, какъ изъ придорожнаго кабака.

Какъ ни утомленъ былъ Петровъ безсонной ночью, тревогами и тяжелой работой, а видъ своего опоганеннаго дома, лавки и почему-то вывѣски надъ дверью взбудоражилъ его, озлобилъ:

— Ха! «сигары»...—злился онъ, читая вывѣску, какъ незнакомую,—кто съ роду-отъ-роду видывалъ ихъ, эти сигары? Вино пополамъ съ крѣпкой водкой, а не сигары... Нѣтъ! Прикончу со всѣмъ этимъ! Выкуплю души, да опять за старое, съ Господомъ! Будетъ, намаялся... опаскудился...

Отворилъ ворота и въѣзжая во дворъ встрѣтился съ женой: бѣжитъ съ крыльца, трясется всѣмъ дебелымъ, разъѣвшимся тѣломъ. Сама моложавая, красная, разряжена, какъ солдатка изъ богатой семьи въ первый день Святого праздника.

— Эхъ, ты! Горе торговый!—крикнула на него походя,—тутъ хоть разорвись, рукъ не хватаетъ съ дѣломъ управиться, а онъ мытаритъ! Отпрягай попроворнѣй да бѣги въ лавку, мнѣ дѣвку послать надобно!

Петровъ не отвѣтилъ, поглядѣлъ только угрюмымъ нерадостнымъ взглядомъ, продернулъ Саврасаго подъ сарай.

Выпрягъ лошадь, поставилъ въ конюшню, вскинулъ на плечи сбрую съ перегнутымъ пополамъ кожанымъ черезсѣдельникомъ, вошелъ въ сѣни.

Дверь въ избу была распахнута настежь. За столомъ, уставленнымъ ѣдой и бутылками, сидѣли незнакомые люди, не изъ мужиковъ. Трудно было разглядѣть сразу лица. Всѣ курили, и изба словно топилась по черному. Табачный чадъ клубился въ ней, какъ осенній паръ надъ рѣкой.

Всмотрѣвшись, Петровъ узналъ Спиридона и ту самую компанію, которая пьянствовала въ лѣсной караулкѣ въ Тугузахъ. Такъ же, какъ и въ тотъ разъ, никто не примѣтилъ его, или же не хотѣлъ примѣчать.

Теперь это укололо его острой обидой.

Молніей пронеслись въ памяти разсказы Марьи-Хорошей, голыя исхлестанныя кнутомъ солдатки на снѣгу... потомъ своя дочь, Домка. Она только-что вошла передъ нимъ въ сѣни. Заглянулъ въ избу, заглянулъ въ чуланъ, ея нигдѣ не было.

Толкнулъ съ размаху дверь въ холодушку, которая лѣпилась за сѣнями, дверь съ дверью противъ избы. Въ холодушкѣ этой береглась провизія, одежа и стояла для лѣтняго спанья широкая деревянная кровать.

Ворвался сюда. Не замѣтилъ, какъ что-то упало, рухнуло, пролилось и просыпалось. Бросилъ о земь хомутъ, уздечку, ринулся съ черезсѣдельникомъ впередъ.

Тотъ самый молодой баринъ въ поддевкѣ и шелковой красной рубахѣ, который смѣшилъ народъ въ караулкѣ, стоялъ у кровати съ Домкой. Дѣвка, должно, отбивалась сначала, а по-

томъ притихла: умаялась ли, аль покорилась... Косы были взбиты, лицо потно и конфузливо, платокъ съ головы сдернутъ на плечи. Глянула на отца широкимъ пуганнымъ взглядомъ и затрепыхала въ рукахъ у барина, какъ пойманный на первомъ вылетѣ воробей.

Баринъ стоялъ, окутавъ ее полой поддевки, какъ это дѣлаютъ въ хороводахъ парни съ сельскими дѣвками. При видѣ Петрова, онъ не только не опустилъ рукъ, но крѣпче стиснулъ дѣвку, метнулъ грознымъ глазомъ назадъ, крикнулъ голосомъ человѣка, привычнаго ко всякимъ скандаламъ:

— Убирайся! Чего тебѣ тутъ!

— А вотъ чего!—всхлипнулъ Петровъ,—вотъ чего!

И жестоко съ размаху ударилъ барина черезсѣдельникомъ. Тотъ взвылъ, а Петровъ, озвѣрѣвъ, сталъ бить направо-налѣво, не соображая, кого онъ бьетъ: барина, дочь, или полные съ Иванихинымъ добромъ лари и кадушки:

— Вотъ чего! Вотъ чего! Вотъ чего! Ыы-ыы...

Онъ вылъ и метался, какъ пущенный изъ лучка камень. Дѣвка, какъ только выпустили ее цѣпкія руки, рухнулась о земь, тоже взвыла, а баринъ бросился бѣжать, наступилъ одной ногой въ брошенный Петровымъ хомутъ, другой запутался въ уздечкѣ и, не устоявъ, ляснулся поперекъ сѣней всѣмъ долгимъ, холенымъ тѣломъ.

Въ избѣ подняли крикъ, толпой бросились къ холодушкѣ.

Вышла свалка. Кто кого билъ, кто кого ругалъ и срамилъ, Петровъ не помнилъ. Когда онъ пришелъ въ себя,—въ холодушкѣ не было никого, и двери всѣ были притворены. Еще не чувствуя вгорячахъ боли и ломоты, онъ поднялся съ пола, легъ на кровать, сталъ прислушиваться.

На дворѣ широкимъ говоромъ плескалась толпа, и что-то взвизгивалъ возмущенный голосъ Иванихи. Гдѣ-то поблизости за стѣной, должно быть въ конюшнѣ, выла Домка. А въ избѣ кричалъ громкій, яростный голосъ обиженнаго барина:

— Меррзавецъ! Бунтовать! Сс-котина! На каторгу сошлю подлеца! Р-растопчу!

Потомъ прибѣжали урядникъ, стражникъ, староста, стали разгонять со двора людей:

— Расходись, расходись! Нечего тутъ! Расходись добромъ!

XXI.

Нѣсколько дней пролежалъ Петровъ въ арестантской при становой квартирѣ пластъ-пластомъ. Казалось, ни думъ въ головѣ

не было, ни желаній. Даже боль отъ жестокихъ побоевъ стихала незамѣтно, не причиняя страданій.

«Все равно... что жить, что умереть... все единственно»...

На который день, можетъ на третій, можетъ на пятый, рано утромъ вызвали его въ канцелярію къ приставу.

— Къ допросу, не иначе!—догадался ветхій старичекъ, десятникъ, отпиравшій арестантскую.—Управитель тоже пріѣхалъ изъ Тугузъ... Поди-ко. Дай тебѣ Господи смѣлости.

Въ канцеляріи пристава не было. Встрѣтилъ его Спиридонъ. Съ видимой радостью протянулъ свояку обѣ руки, сталъ трясти ихъ съ рукой Петрова, словно бы поздравлялъ невѣсть съ какимъ счастьемъ:

— Поздравляю, кумъ, поздравляю! Безъ послѣдствій кончилось дѣло. Простилъ тебя баринъ!

Петрову противны были липкія руки свояка, тошнило отъ табачнаго дыма и еще какого-то особаго, только въ полицейскихъ канцеляріяхъ витающаго духа.

— Чего же ты хочешь отъ меня?—спросилъ онъ брезгливо.

— Отпустятъ сейчасъ! Чудакъ, право! Выйдетъ сейчасъ становой, распишешься, да и ко дворамъ... Со мной ужъ послѣ разсчитаешься... свои люди...

Становой дѣйствительно вышелъ, громко сморкаясь въ бѣлый только-что развернутый платокъ. Оглядѣлъ Петрова такимъ взглядомъ, словно видѣлъ передъ собой крупнаго злодѣя, которому по меньшей мѣрѣ надо разбить морду, и вопросительно взглянулъ въ сторону Спиридона. Спиридонъ кивнулъ, писарь подалъ бумагу.

— Я, нижеподписавшійся... ммм...—началъ читать становой, шевеля усами и чмыхая носомъ,—крестьянинъ села... ммм... Иванъ Петровъ, Петровъ... Ты самый?

— Онъ самый!—спѣшно отвѣтилъ Спиридонъ.

— Обязуюсь,—продолжалъ приставъ,—ммм... претензій не имѣть. По обоюдному нашему соглашенію дѣло окончить миромъ... Грамотный?

— Расписаться можетъ!—подтвердилъ Спиридонъ съ той же готовностью.

— Распишись! Вотъ здѣсь.

Петровъ медлилъ брать изъ руки пристава ручку.

— А кто за обиду отвѣтитъ?—спросилъ тихимъ глухимъ голосомъ.

Приставъ смаху откинулъ голову назадъ, словно Петровъ ударилъ его въ бритый подбородокъ кулакомъ.

— Чтоо-о?—заревѣлъ, шагнувъ на Петрова,—обида-аа?

— За безчестіе дочери...—твердо выговорилъ Петровъ.—Я не денегъ прошу, а только чтобъ по порядку... Нѣтъ такихъ правъ, чтобъ дѣвокъ молодыхъ обижать... Вѣдь онъ какъ ославилъ ее?..

— Ты мнѣ бѣльмы не выворачивай!—Еще грознѣе крикнулъ приставъ.—Кричала она? Противилась? Гдѣ свидѣтели?

Петровъ съ испугомъ вспомнилъ, что Домка дѣйствительно не кричала, что самъ онъ, хоть и былъ возлѣ нея, не слышалъ ни криковъ, ни возни. И всплыли въ мозгу огненными кругами подозрѣнія противъ жены.

— Я по закону прошу... Началъ было онъ болѣе робко.

— А-а! «по закону»!—злорадно перебилъ приставъ, точно обрадовался тому, что Петровъ сказалъ непролазную глупость.—«По закону» тебѣ хочется? А ты слыхалъ, что есть законъ? Ты думалъ:—«дышло, куда поверну—туда и вышло»? Устарѣло, мой другъ! Законъ, это—камень въ кулакѣ! Кто его держитъ, тотъ имъ и бьетъ! Вотъ и давай съ тобой разговаривать по закону: ты водкой торгуешь?

— Я не торгую водкой...—совсѣмъ растерялся Петровъ.

— Это что же? Я, видно, торгую? Шутникъ! Смотри, братъ, я до тебя еще доберусь! Ишь баронъ какой нашелся: водочкой не торгуетъ, а господа къ нему въ гости ѣздятъ... Вѣдь кутить къ тебѣ пріѣзжали, въ шинокъ? Такъ или нѣтъ?

Петровъ молчалъ и дергалъ изо всѣхъ силъ козырекъ на картузѣ, будто сердился на то, что неловко пришитъ онъ и не къ мѣсту.

— Что, по закону?—издѣвался приставъ.—И веселый домъ завелъ у себя, тоже по закону? Я до тебя доберусь!

Приставъ строго и съ маху грозился на Петрова длиннымъ тонкимъ пальцемъ, на которомъ болталось толстое золотое кольцо, а Спиридонъ подпихивалъ его сзади подъ локоть и совалъ въ пальцы перо.

— Кумъ! кумъ!—повторялъ онъ.—Не заводи сраму! Кумъ!..

— Распишись!—Грозно завершилъ приставъ и, положивъ бумагу на головку барьера, которымъ перегорожена была канцелярія, отошелъ къ окну, вынулъ серебряный портсигаръ, сталъ закуривать.

— Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь, пониже!—подсказалъ подскочившій письмоводитель.

Такъ же, какъ когда-то у нотаріуса, Петровъ неторопясь взялъ ручку, старательно, придерживая дрожавшую правую руку лѣвой рукой, написалъ въ указанномъ мѣстѣ свое имя и фамилію, облизалъ не вѣсть зачѣмъ кислое съ красноватыми чернилами перо, поискалъ глазами, куда бы положить его, положилъ тутъ же на краешкѣ барьера, такъ, что оно сейчасъ же упало на грязный заплеванный полъ, самъ отошелъ къ двери. Въ опустошенной душѣ его было одно только сознаніе: опять расписался на свою голову. Расписался подъ тѣмъ, что ненавидѣлъ, что готовъ разорвать и развѣять по вѣтру...

«Веселый домъ! ха! Господи! Видишь ли ты мою срамоту»?

— Ты свободенъ, можешь итти!—Крикнулъ ему приставъ, не глядя.

— Иди, кумъ,—шепнулъ и Спиридонъ,—подожди меня на крылечкѣ, слово есть!

Петровъ не сталъ ждать Спиридона. Крупнымъ шагомъ пошелъ отъ канцеляріи въ поле черезъ узкій проулокъ. Отсюда дорога домой шла межами и тропами черезъ лѣсъ и болото.

XXII.

Итти было душно. Уставился жаркій день съ маревомъ. Петровъ уже вымокъ отъ пота, но шагалъ и шагалъ, торопился, словно уходилъ не изъ большого торговаго села, побывать въ которомъ считалось честью, а изъ волчьяго логова.

Лѣсъ, которому позавидовалъ Гринька, когда ночью калякалъ съ Петровымъ о томъ, гдѣ бы онъ жилъ, если бы продалъ свою душу, лѣсъ этотъ уже стоялъ на зеленомъ подлѣскѣ, готовый не сегодня—завтра распушиться до самыхъ вершинъ. По окрайкамъ несмѣло цвѣли блѣдные пучки первоцвѣта и густо наливался ядреный синій съ краснымъ цвѣтъ медуницы. Цвѣла и черемуха по краю болота и дикій колючій торонъ.

Захотѣлось было нагнуться, набрать цѣлую пригоршню игриваго веселаго цвѣта, чтобъ порадовать Домку. Въ прежнее время онъ всегда это дѣлывалъ. Но огнемъ полыхнула въ сердце обида. И не только не сорвалъ ни одного цвѣтка, но разсердился, нарочно затопталъ ногами тѣ самые лучшіе, которые облюбовалъ. Будто цвѣты были виноваты его позору, его неудачамъ и безпрерывной тоскѣ.

По кустамъ лещины и неклена тиликали мелкія пташки, перелетали съ дерева на дерево дрозды и дятлы, а высоко надъ

головой силились перепѣть другъ друга жаворонки. Петровъ останавливался передъ этой начинавшейся жизнью лѣса, снималъ шапку, вздыхалъ, вытиралъ полой кафтана потъ съ бородатаго лица.

— Господи, Господи! всякая тварь живетъ на радость, а я?.. Какъ теперь? Что?..—неумолимо спрашивалъ себя и вмѣсто отвѣта ускорялъ шагъ.

Гдѣ-то вдали, должно въ березникѣ, куковала кукушка. Это была ранняя кукушка, первая въ этомъ году. Куковала она безъ передышки долго, однотонно, тоскливо, точно плакалась на несчастье.

Вспомнилось, какъ въ ребячью пору хаживали въ лѣсъ по веснѣ: пить березовый сокъ, искать сморчки, рвать пучками душистую медуницу. И какъ радовались ребята первой кукушкѣ, загадывали на нее. Считалось, что первая кукушка вѣрная отгадчица.

Отъ воспоминаній потеплѣло на сердцѣ, сталъ прислушиваться къ пѣснямъ и шепотамъ лѣса.

— Боже милостивый! Какъ хорошо-то! Ка-бы и моя доля была въ этой радости... Истинно: всякое дыханіе хвалитъ Господа!

И, вздохнувъ, онъ выправилъ грудь, какъ бы повинуясь какому-то неизвѣстному тайному призыву, запѣлъ тихимъ, полнымъ ищущей печали голосомъ, какимъ пѣвалъ въ церкви на клиросѣ въ минуты сердечнаго умиленія:

— Тебѣ подоба-аетъ пѣ-ѣснь Богу! Хвалите Его всѣ силы Его!

Мелкія пташки кругомъ, словно бы удивленныя тому, что по сосѣдству съ ними проявился еще одинъ пѣвецъ, новый и совсѣмъ не похожій на нихъ ни чувствомъ, ни манерой славить Творца жизни, замолчали, притаились. Даже кукушка и та оборвала вдругъ свою странную, стонущую пѣсню, снялась съ березы и полетѣла, заржавъ на весь лѣсъ глухимъ загадочнымъ хохотомъ...

Точь-въ-точь какъ филинъ на утренней зарѣ, и черезъ минуту снова наладилась куковать, но уже на новомъ мѣстѣ.

— «А дай-ка я на нее загадаю—пришло вдругъ Петрову въ голову блажное желаніе,—можетъ еще впереди много хорошаго»...

Прислушался, загадалъ съ непонятной надеждой на хорошее будущее:

— Кукушка-кукушка! Много ли лѣтъ проживу я?...—и добавилъ, подумавъ:—въ крестьянствѣ!

Птица точно ждала этого, передохнула, пріободрилась и начала высчитывать.

— Разъ, два, три, пять, десять!—считалъ Петровъ за ней, а она все пѣла и пѣла, перевалила черезъ одинъ десятокъ, черезъ другой, оборвала на четвертомъ.

Съ каждымъ выкрикомъ птицы Петровъ становился веселѣй и веселѣй, а подъ конецъ не выдержалъ, расхохотался самъ, такъ же, какъ только-что передъ этимъ хохотала кукушка.

Застыдился даже веселья, такъ нежданно пришло оно. Жаль стало недавней печали, и желая, словно, наказать себя, принялся вызывать въ памяти недавнія думы о безнадежномъ житьѣ-бытьѣ, объ обидѣ, Спиридонѣ, Балясномъ... но то, что казалось непоправимо упущеннымъ еще сегодня утромъ, теперь не пугало. О проданныхъ душахъ онъ думалъ:

— Э-э, лядъ ее возьми! Выкуплю! Сколь ни топырится Балясный, а отдастъ назадъ! Добромъ не хочетъ,—судомъ дойму! Лавочку размотаю. Баба заартачится,—покину ей на забаву мелочишку какую, пусть торгуетъ тряпками да спичками! Заживемъ, Иванъ Петровичъ, по-старому, по-крестьянскому! Э-хе-хе. Буди, побылъ Безземельнымъ...

Прошелъ грань своего сельскаго поля. Лѣсъ кончился, началось яровое на добрую долю уже зеленое, все до тла вспаханное. Ранніе овсы и горохи играли на солнцѣ первой нѣжной зеленью, радовались вмѣстѣ со всей, вошедшей въ моготу, весной.

Потянуло взглянуть на докукинскую пашню, которую онъ сѣялъ-пахалъ на помочи. Свернулъ къ Долгимъ Кустамъ.

Встрѣчался народъ, онъ здоровался, охотно говорилъ:

— Богъ въ помощь!

Его тоже привѣчали. Съ одной семьей позавтракалъ, поѣлъ хлѣба съ квасомъ.

Докукинскій овесъ порадовалъ его не мало, и какъ-то въ особицу порадовалъ, ровно встрѣтилось любимое дѣтище. Среди другихъ овсовъ, которые уже отливали золотой желтизной, семейно кустились и споро ткали надъ полемъ густой ползучій коверъ, этотъ и вправду напоминалъ годовалаго, только-что ставшаго на ноги ребенка, окруженнаго играющими и шумно болтающими дѣтьми.

Онъ еще чуть выбивался одинокими сѣро-синеватыми острыми ниточками. И ниточки эти еще были не смѣлы, не зелены, еще боялись играющаго съ ними вѣтерка, но ихъ было такъ много,

что похоже было, будто на загонъ этотъ пала роса. И съ перваго взгляда казалось, что посѣвъ совсѣмъ рѣдкій, неудавшійся: тамъ, гдѣ мѣсто было повыше,—непріятно лѣзли въ глаза бѣлесыя плѣшины, а въ ложбинѣ чернѣли, казалось, пустыя полосы. Мѣстами торчали поваленыя, но не запаханныя соломинки отъ прошлогодняго жнивья и пустая кострика сухобыльника, мѣстами, ровно печати въ толстомъ пласту сургуча, зіяли слѣды лошадиныхъ копытъ.

Всѣмъ этимъ Петровъ не обманывался. Онъ зналъ, что черезъ недѣлю не будетъ ни плѣшинъ, ни кажущихся пустыми темныхъ полосъ. Долу падутъ и пойдутъ на кормъ молодому растенію всѣ былинки и соломинки, сравняются, вспухнутъ лошадиные слѣды. Овесъ былъ высѣянъ тѣмъ въ мѣру рѣдкимъ сѣвомъ, который больше всего споръ и на зерно и на солому. Стоило только присѣсть на корточки и глянуть на загонъ низомъ поверхъ сизонькихъ рвущихся къ солнцу и теплу головокъ всхода, какъ сердце начинало трепетать отъ удовольствія: каждое зернышко взошло во-время, каждое дало свою нѣжную упругую ость для ровной серебристой щетинки!

— Э-эхъ!.. Благодатная!..

— Однако, ежели Господь дастъ во-время дождичка,—вѣрныхъ десять телѣгъ!

Покрестилъ поле добрымъ благословляющимъ крестомъ и пошелъ дорогой къ селу.

XXIII.

Вдова Докукина выбрала времячко навѣстить Иваниху, попечаловаться съ ней объ участи Петрова. Жалѣла она мужика чуть ли не больше, чѣмъ родная сестра.

— Охъ, и не говори, кума!—вычитывала въ отвѣтъ ей Иваниха свои горести.—При нашемъ-то дѣлѣ, да такое... Нашелся хорошій человѣкъ,—кумъ Спиридонъ. «Я—говоритъ, кума, привезу къ тебѣ въ гости молодого барина! Это—говоритъ,—вродѣ страховки тебѣ: и съ хорошими людьми спознаешься, и стражникъ тебя не обидитъ зря»... Прыткій мужикъ, съ головой! А онъ, этотъ трюфель-то мой, прости Господи, вонъ что! И дѣвку осрамилъ на мою голову, и самъ въ острогъ пойдетъ!

— Охъ!—вздохнула Докукина,—была ль ты у него? Какъ онъ тамъ, горемычный?

— Гдѣ была! Какъ вырваться-то мнѣ? Лавку покинуть не на кого, дѣвка безъ пути воетъ, глазъ не кажетъ на люди...

— Ты гляди!—продолжала она старую жалобу,—землю промоталъ, отъ лавки, какъ отъ чумы бѣжитъ, ни за что не берется... а вѣдь не молоденькій! Жить-то надо чѣмъ ни чѣмъ! Что я наклевала по-маленечку,—тѣмъ и сыты, одѣты, обуты...

— Все-таки навѣстить-то надо бы!—не унималась Докукина.—Ежели хочешь, я Гриньку пошлю своего. Съѣздитъ!

— Что жъ, незомъ съѣздитъ!—равнодушно согласилась лавочница,—я было нанять думала, да нѣтъ никого, въ полѣ мужики. Лагутка набивался Прамоновъ,—проситъ непутемъ дорого: рубль серебра! Шутка ли?

— Шутка ли!—согласилась Докукина.—Такъ я пришлю къ тебѣ мальчонку, а ты снаряди его, да пошли!

— Пошлю! Что мнѣ! Охъ, головушка моя кругомъ пошла отъ него непутеваго... Теперь вотъ плыть—да быть за товаромъ, ѣхать, а кто поѣдетъ, кого пошлю? Хоть бы Господи далъ, надоумили тамъ его уму-разуму добрые люди... Можетъ, по пословицѣ, и тюрьма въ добрый домъ обернулась бы...

Вдова не стала больше слушать, побѣжала домой снаряжать Гриньку. Черезъ часъ мальчикъ съ Домкой, которая хоть и ходила еще съ низко опущеннымъ на лобъ платочкомъ, но смѣялась и баловалась съ нимъ взапуски,—запрягли въ телѣгу Саврасаго.

Иваниха положила въ мѣшокъ смѣну рубахъ, хлѣба, яицъ, чаю-сахару и завернутый въ грамотку серебряный рубль. Велѣла все это беречь пуще глазу и отдать Петрову.

Гринька поѣхалъ. Все время, пока Саврасый трусилъ по улицѣ, непрошенная счастливая улыбка бороздила чугунныя, загорѣлыя щеки. Мальчики-ровесники узнавали его, звали завистливо:

— Эй, Докукинъ! Гринь! Куда ѣдешь на безземельновой лошади?

— Въ Ло-опа-атино-о!—пѣлъ счастливый Гринька, лихо подстегивая добрую лошадь то правой, то лѣвой возжей.

Проѣхалъ мостъ, выбрался на крутой изволокъ, поѣхалъ рысцой по зеленому выгону, гдѣ телячій пастухъ Ермилка бѣгалъ съ телятами взапуски. Все было ладно. Вдругъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ три дороги разбѣгались въ разныя стороны, Саврасый нагнулъ голову быкомъ и поперъ не по Лопатинской дорогѣ, куда тянулъ возжей Гринька, а прямо, къ Долгимъ Кустамъ.

Мальчикъ и упирался, и тянулъ изо всей силы возжу, покраснѣлъ съ натуги, какъ мухоморъ въ бору, а лошадь шла

и шла, куда хотѣла. Наконецъ, Гринька разсердился какъ слѣдуетъ, перегнулъ возжи, хотѣлъ ударить ее,—она побѣжала рысью. Онъ билъ ее, а она, словно бы думала, что онъ погоняетъ, прибавляла и прибавляла рыси.

Вдругъ она остановилась, запряла ушами, заржала.

— Тпру! Стой! Кто ѣдетъ на моей лошади?

Гринька сначала опѣшилъ, потомъ расцвѣлъ отъ нахлынувшей радости. Передъ нимъ стоялъ самъ Петровъ, растопыривъ руки. Стоялъ и смѣялся.

— Да это Гринька никакъ? Ба! Куда такъ ѣдешь?

— Я... меня...—хлюпалъ мальчикъ, мѣшая слезы со смѣхомъ.—Вотъ тетенька Настасья послала въ Лопатино... мѣшокъ тутъ... А Саврасый, жидъ эдакій, поперъ этой дорогой...

— Э-хе-хе! Горе-ѣздокъ! Ну да все къ хорошему! Какъ сказано про пророка-то? Послалъ его Господь по одному дѣлу, а ослица повезла по другому... Забылъ ужъ я... давно законъ-отъ учили. Какъ звали его?

— Валаамъ!—подсказалъ Гринька.

— Ну вотъ... видишь... на все Божья рука! Садись, ѣдемъ.

Дружелюбно и весело поѣхали обратно къ селу. На выгонѣ мальчикъ отпросился пойти напрямки, и Петровъ поцѣловалъ его на прощаніе, утеръ не вѣсть съ чего налетѣвшую слезу, чуть-чуть повелъ лѣвой возжой. Саврасый не удивился, не заартачился, послушно свернулъ по дорогѣ на Верхній Ишимъ, словно поѣздка въ городъ была давнымъ-давно рѣшена и осталось лишь ее выполнить.

XXIV.

Въ городѣ Петрову не спалось и не сидѣлось на мѣстѣ. Всталъ на утро до солнышка, пошелъ по пустымъ улицамъ. Вчера еще думалъ и думалъ неясно, гадательно, что посовѣтуется съ нотаріусомъ, али съ адвокатомъ какимъ насчетъ того: можно ли откупить отъ Баляснаго души назадъ, и куда надо подать прошеніе?

Утромъ же стало казаться, что теперь рѣшится все. Потому волновался, дергался, мучился, какъ рекрутъ передъ жеребьевкой въ присутствіи—лобъ, али затылокъ?

Городъ еще спалъ, и спалъ тѣмъ сытымъ тяжелымъ сномъ, какого не знаетъ деревня. Пузатые купеческіе особняки слѣпо

стоятъ съ закрытыми ставнями, не шелохнутся. Высокіе двухъ, и трехъ-этажные дома, тѣ самые, которые удивляли всегдашнимъ своимъ оживленіемъ и гордымъ величіемъ, тускло глядятъ другъ другу въ глаза раскрытыми бѣльмами и кажутся чѣмъ-то въ родѣ покойниковъ, умершихъ отъ мора. Ни лавокъ, ни товаровъ на окнахъ,—одни плотные желѣзные щиты отъ земли до крыши.

Не шумятъ трактиры, не кишитъ народомъ улица и ненужными, лишними кажутся обглоданныя мостовыя изъ голышей и булыжника. Сколько разъ пріѣзжалъ онъ сюда, въ этотъ торговый, или, какъ сами горожане говорятъ, «хлѣбный» городъ, и все было не то. Была жизнь, была погоня за наживой, готовность дать всякому, что нужно, и взять за это подороже.

— Аа! дрыхнешь теперь?—негодовалъ Петровъ, вспоминая со стыдомъ свои прежнія мысли о хорошей и сытой городской жизни. Кто-то долженъ стать виновнымъ въ томъ, что еще прошлою осенью городъ казался инымъ, манилъ его, сулилъ хорошее и тѣмъ сбилъ съ толку, съ вѣрнаго мужицкаго пути. Не будь того, что теперь казалось позорнымъ, не осилила бы Иваниха, не соблазнилъ бы деньгами Балясный. Городъ виноватъ со всѣми обманами, купцами, нотаріусами, чиновниками... Отсюда всѣ страданья. И мало-по-малу въ одинокой ищущей головѣ родилась и выросла мысль, которую не разъ слышалъ онъ то отъ Спиридона, то отъ церковнаго старосты, то отъ Митьки портного. Сказана она была разными словами. Отношеніе къ ней говорившихъ тоже было разное, но мысль одна. И Петрову, первый разъ въ жизни продумавшему ее, показалась она въ родѣ солнечнаго луча въ темной избѣ.

— Что. имъ не спать? Чѣмъ живутъ они?—чуть не вслухъ выкрикивалъ онъ.—Нами живутъ! мужиками! Ха-ха-ха! «Хлѣбный городъ»... Хлѣбный-то хлѣбный, да хлѣбъ-отъ чей? Жилу нашли, какъ этотъ... Спиридошка: «Они хозяева мужику». Придетъ пятница, наползетъ мужикъ, ну и... изсосутъ его. И спятъ опять до базара!.. На подобіе сытыхъ котовъ!

Такъ разжегъ себя этой мыслью, что сжалъ кулакъ и давай грозить въ сторону оптовика Крышкина, у котораго забиралъ для лавки товаръ.

— Не благодѣтель ты, а короста на худомъ тѣлѣ!

Первый разъ съ поры великаго поста вспомнилъ безъ злобы «красносотенныхъ» парней съ ихъ словами:

— Нѣтъ! не трудъ это: купить—продать... Ты сдѣлай предметъ!

Долго бродилъ потомъ, негодуя на городъ и горожанъ, которые виноваты были передъ нимъ тѣмъ, что онъ самъ чуть-чуть не сдѣлался такимъ же, какъ и они.

Взошло солнце, заиграли птицы въ садахъ, и городъ сталъ мало-по-малу просыпаться. Вышли со дворовъ дворники, и улицы задымились подъ ихъ жесткими метлами. Потомъ побѣжали бабы на базаръ съ корзинками на перегнутыхъ локтяхъ, повыѣхали и стали на биржу извозчики. Наскоро доѣдая на-бѣгу завтракъ, мчались, какъ на пожаръ, ребятишки съ сумками и книжками на ремняхъ.

Въ восемь часовъ Петровъ навѣдался къ канцеляріи нотаріуса, а тамъ еще и ставень не открывали.

Потомъ видно стало, какъ потянули на должность чиновники: сперва почтовые, потомъ учителя и казначейскіе, послѣ всѣхъ земскіе изъ управы и акцизные.

Петровъ нарочно слѣдилъ за ними, считалъ, путался въ счетѣ и диву давался:

— Господи ты Боже мой! И сколь же ихъ понапихано вездѣ! Поди ты вотъ, толкомъ, чай, за соху взяться не могутъ, а мужикъ къ нимъ, какъ на веревкѣ, прикрученъ... Только и дѣла, поди, что на машинкахъ стрекочутъ, да печатями тычутъ...

«Нерушимо»!—вспомнилось то самое слово, противъ котораго пріѣхалъ онъ сюда хлопотать, и грустно-грустно стало на сердцѣ. Снова побрелъ въ сторону конторы нотаріуса.

Солнце уже повернуло на полдни, когда сторожъ впустилъ его въ прихожую и велѣлъ подождать. Какъ и тогда же, зимой, долго сидѣлъ онъ потный и томный, ждалъ. Та же самая остренькая барышня сидѣла на томъ же самомъ кругленькомъ стульчикѣ и стрекотала опять на машинкѣ:

— Тра-та-та! та-та-та!

«Чью-то горькую судьбу отбиваетъ!» — думалъ Петровъ, слѣдя съ интересомъ за бѣлыми, тонкими пальчиками, которые мелькали надъ черной машинкой, какъ бабочкины крылышки надъ цвѣткомъ.

Позвали его къ нотаріусу. Тотъ же самый бритый, кормленый человѣкъ, изъ рукъ котораго получилъ онъ зимой Балясинаго деньги, сидѣлъ въ широкомъ кожаномъ креслѣ, читалъ газету.

— Что скажешь?

Петровъ молчалъ, потупясь и собираясь съ мыслями.

— Что скажешь?—повторилъ нотаріусъ болѣе высокимъ,

нетерпѣливымъ голосомъ, будто мужикъ мѣшалъ ему въ какомъ-то большомъ и важномъ дѣлѣ.

Петровъ вздрогнулъ, отвелъ глаза отъ пола, сталъ, запинаясь и путаясь, разсказывать свою нужду.

— Короче, короче!—торопилъ нотаріусъ и, понявъ, наконецъ, чего хочется Петрову, переспросилъ:

— Такъ ты хочешь откупить назадъ свою проданную землю?

— Такъ точно!—подтвердилъ Петровъ, налетѣвшими невѣсть откуда солдатскими словами.

— Такъ бы и говорилъ. Нельзя этого! Понялъ?

— Нельзи-и?—переспросилъ тотъ, недоумѣвая.

— А ты думалъ можно? Съ тѣмъ говорилъ, какъ его? Ералашный? Рясный? Какъ тамъ у васъ...

— Балясный... Да-ть... проситъ онъ несуразно: на тысячу, баитъ, набавь...

— Вотъ видишь ты!

— А судомъ ежели?—робко заикнулся Петровъ.

Нотаріусъ поднялъ строгій взглядъ поверхъ золотыхъ очковъ, долго не сводилъ его съ широкой бороды Петрова и сказалъ, словно бы сплюнулъ:

— Дуракъ...

Потомъ разсердился и высокимъ, не прежнимъ голосомъ принялся отчитывать Петрова:

— Говорилъ я тебѣ, сиволапому: «нерушимо»? Говорилъ, или нѣтъ? Ты гдѣ былъ въ то время? Вѣдь купчая крр-рѣпость! Пойми ты это! крр̃-ѣпость! Ты что пьянъ былъ? въ бѣлой горячкѣ? Аль бабушка тебя заворожила? Господи! Ну и люди! И люди... Посмотрите на него! И который ужъ дуракъ лѣзетъ ко мнѣ съ этимъ! Продадутъ—и назадъ! И назадъ!

Сердясь и ругаясь, онъ то подбѣгалъ къ самому носу Петрова съ полнымъ слюняваго бѣшенства ртомъ, то отбѣгалъ къ барышнѣ на стульчикѣ и выкладывалъ ей давно, видно, кипѣвшія въ сердцѣ жалобы на мужицкую темноту, на продувныхъ кулаковъ, на начальство, которое думаетъ и печется чортъ знаетъ о чемъ, только не о благѣ народа...

Петровъ стоялъ тупой и растерянный. Онъ старался понять что-нибудь изъ того ливня словъ, которыми нотаріусъ пуделялъ въ него, какъ зарвавшійся охотникъ по пуделямъ, но напрасно.

Не то баринъ жалѣлъ мужиковъ, не то ненавидѣлъ. Не то добра имъ хотѣлъ, не то вѣчной погибели...

Такъ и вышелъ ни съ чѣмъ, побрелъ на постоялый запрягать и ѣхать.

— Ты хоть бы лошадь-ту попоилъ!—крикнулъ на прощаньи дворникъ, замѣтившій, какъ Саврасый коситъ глазомъ въ сторону колодца съ журавлемъ.

Петровъ не слыхалъ дворника изъ-за печальныхъ думъ.

— Что же теперь? Куда теперь? Какъ?

Отвѣта не было. Лѣниво и сыто шумѣлъ городъ кругомъ и, негодуя на что-то, рокотала телѣга по мостовой.

XXV.

Въ двухъ верстахъ отъ города течетъ рѣчка Волчица. Тихая, съ омутами, заводями да мелкими илистыми бродами, она, кажется, для того и пущена здѣсь Господомъ Богомъ, чтобъ больше еще усыпить эту сонную мѣстность.

Говорятъ, что ниже по теченію на Волчицѣ стоятъ крупныя водяныя мельницы, даже крупчатки. Какъ-то не вѣрится въ это: слишкомъ ужъ сонна вода, слишкомъ лѣнива да илиста. Подъ силу ли ей жернова, вальцы да турбины? Подъ стать ли ей грохотъ, ревъ да журчаніе? Да она съ ума сойдетъ, если нарушить лѣнивый покой ея береговъ, ея теченія. Ее такъ и тянетъ всю спать. А можетъ быть и не течетъ она никуда. Такъ только, притворяется, что рѣчка.

Въ прежнія времена Волчицу подъ городомъ переѣзжали вбродъ. Теперь, въ одинъ изъ лютыхъ голодныхъ годовъ, земство построило мостъ. Добрый мостъ на крѣпкихъ сваяхъ, съ частыми желѣзными скрѣпами и съ мягкимъ деревяннымъ настиломъ. У насъ вѣдь всегда такъ: мосты строятъ да овраги гатятъ не потому, что народъ изъ бѣдности въ довольство выбился, не можетъ жить безъ удобствъ. Напротивъ, все это дѣлается въ пору самой голодной, обездоленной жизни, когда и ѣздить не на чемъ мужику, и когда все равно ему,—что мостъ и что берегъ крутой. Было бъ откуда въ омутъ головой броситься.

Когда Петровъ подъѣхалъ къ мосту, былъ полдень. Солнце стояло надъ самой головой и жарило, жарило, точно выжечь хотѣло дотла все скучное побережье Волчицы. А оно только радовалось этому и полнѣло, тучнѣло въ жарѣ. Сочно зацвѣталъ лугъ на низкомъ лѣвомъ берегу. Желтѣлъ одуванчикомъ съ лютикомъ, словно бы кто разсѣялъ по нему сотни возовъ новень-

кихъ, только-что отчеканенныхъ червонцевъ. Кустились и топырились придорожныя вербы, густо цвѣли на томъ берегу вишневые сады. Всѣ безъ единаго листика, но снѣжно-бѣлые, какъ опахнутые инеемъ. Неуемно голосили кругомъ птицы, лягушки, кузнечики... Одинъ неугомонный щегленокъ перелеталъ вслѣдъ за Петровымъ съ вербы на вербу и допытывался.

— Что затихъ? Что затихъ? Что затихъ?

Спрашиваетъ и самъ хоронится въ непролазной чащѣ вербняка, успѣвшаго сронить золотой нѣжный цвѣтъ.

Петровъ сидѣлъ въ телѣгѣ, какъ одеревенѣлый, глядѣлъ передъ собой и ничего не видалъ, слушалъ и не слыхалъ ничего.

Въ мозгу словно тяжелый жерновъ ворочался, мололъ-перемалывалъ одинъ и тотъ же безотвѣтный вопросъ:

«Куда теперь? Куда пойду?»

Порой говорилъ онъ слова эти вслухъ, и Саврасый принималъ ихъ на свой счетъ. Начиналъ изо всѣхъ силъ качать головой, такъ что пѣли и говорили удила.

— Что тужить? На меня положись. Иду вотъ, стало быть, знаю, куда лежитъ твоя дорога...

Около самаго моста Саврасый круто свернулъ влѣво, сталъ самовольно спускаться къ водѣ. Петровъ по привычкѣ дернулъ возжей, чтобъ вернуть его на дорогу, но онъ сердито мотнулъ головой, не послушался.

— Вбродъ что ли захотѣлъ?—раздраженно проговорилъ Петровъ, съ трудомъ отрываясь отъ кружащейся думы. Замахнулся возжей, хотѣлъ ударить, но тутъ же забылъ про это, и рука безсильно пала къ бедру.

Саврасый забрелъ по колѣна, завязилъ въ илъ телѣгу, сталъ тужиться, искать жадными губахи питье.

— А-а! пить хочетъ!—догадался наконецъ Петровъ.

Снялъ сапоги, засучилъ портки, спустилъ ноги въ спокойную чуть-чуть рыжеватую отъ бодяги и водорослей воду. Острымъ ножомъ ударилъ холодъ по икрамъ, и тутъ же проникло въ голову сознаніе:

— Домой надо торопиться! Искать примутся. Мальчонка скажетъ «сѣлъ въ телѣгу, поѣхалъ», а куда поѣхалъ? зачѣмъ? Подумаютъ еще: безъ вѣсти пропалъ! Опять непріятность. Нѣтъ, домой, домой...

Но тутъ же вспомнилось и все пережитое за послѣднее время съ жестоко обидными словами пристава: «веселый домъ держишь»..

— Ха! веселый домъ! Господи! и что я сдѣлалъ передъ Тобой? За что обрушилъ Ты на мою голову всѣ немилости? Проклятый я, проклятый человѣкъ!

Холодъ жегъ ноги, въ икрахъ дергалась судорога, а онъ не зналъ, въ которомъ мѣстѣ знобитъ и жалитъ: въ головѣ ли, иль въ сердцѣ.

— За что? А кто продалъ души? Іуда-Христопродавецъ! И не свою только, но и отцовскую... благословенную! Не ты хвастался передъ мужиками: «купи душу,—расписку кровью накарябаю»? Дьяволъ сидѣлъ за плечами у тебя... И жена твоя дьяволъ... И Спиридонъ дьяволъ...

До того повѣрилось въ дьявола, что сталъ со страхомъ оглядываться по сторонамъ: не онъ ли давитъ на плечи непереносной тягой?

Дьявола не было, но назойливый щегленокъ свисталъ:

— Что затихъ? Что затихъ? Что затихъ?

— А вѣдь онъ!... Насмѣхается!

Въ испугѣ хотѣлъ перекреститься, сказать молитву, рука не двигалась, отяжелѣлая, каменная.

— Пропалъ! На вовсе пропалъ!

До боли стало одиноко и жутко. Никого, ни одного близкаго человѣка.

Свѣтлымъ лучомъ скользнули въ воспаленной памяти: Домка, Гринька, Гринькина учительница, бѣлая, кроткая, съ яснымъ добрымъ взглядомъ... Хотѣлъ ухватиться за нихъ, думать о нихъ, отогнать ими, какъ ангельскимъ видѣніемъ, дьявола... но все заслонилось другими людьми: Иваниха, Спиридонъ, нотаріусъ и Домкинъ обидчикъ, баринъ... и приставъ со злымъ, нехорошимъ словомъ на устахъ.

— А-аа! Песъ паскудный!..

Всѣмъ существомъ овладѣла ярость. И такая ярость, какой не зналъ никогда, не думалъ даже, что можетъ она захватывать человѣка въ такой степени.

Крутыя брови сдвинулись, морщина на переносицѣ легла, что плужная борозда на паровомъ полѣ, волосатый кулакъ сдавился въ камень, пальцы хрустѣли.

— Дуракъ! дуракъ! Старый дуракъ!

Рука, которая не хотѣла подняться для крестнаго знаменія, поддалась наплыву гнѣва, расмахнулась, съ силой стукнулась о наклеску.

— На кого жалуешься? «попъ Семенъ»? Уменъ, какъ попъ Семенъ! Громко и зло разсмѣялся, вспомнилъ, что ругаетъ себя

сердитыми, скорбными попреками Михей Иваныча. И Михей смѣшался съ нотаріусомъ; будто нотаріусъ сталъ съ сѣдой нечесаной бородой, а Михей надѣлъ золотыя очки и наголо сбрилъ бороду.

— Гы-гы-гы! И который ужъ дуракъ лѣзетъ съ этимъ! гы-гы-гы! Стало быть, еще есть такіе... Гы-гы-гы! Какой же я одиночка?

Смѣялся плачущимъ дрожащимъ хохотомъ.

Нагнулся, взялся за сплетенный Домкой шерстяной поясъ, подергалъ его.

— Гы-гы-гы... Не сдюжитъ... Большому дураку надо все больше. Глянулъ въ темноту недалекаго омута. Омутъ нехотя ворочался и казалось недовольно урчалъ, какъ чудовище съ блестящей на солнцѣ щетиной. Ползъ отъ мели къ высокой глинищѣ и окрайкомъ крался назадъ прямо къ Петрову холодный и страшный.

— Развѣ сюда? Ууу...

Саврасый съ изумленіемъ прислушивался къ странному поведенію хозяина. Ему хотѣлось пить, а пригнуть къ водѣ голову было нельзя: мѣшалъ вздернутый поводъ и черезсѣдельникъ.

Подождалъ, подождалъ, поигралъ удилами и пустилъ надъ сонной Волчицей переливы жалобнаго басовитаго ржанія.

— Пить хочетъ!—еще разъ вспомнилъ про лошадь Петровъ.

Съ болью въ икрахъ, съ отвращеніемъ къ илистой водѣ и скользкому дну шагнулъ впередъ, отпустилъ поводъ, взялся за конецъ черезсѣдельника.

Это былъ тотъ самый сыромятный ремень, которымъ хлысталъ онъ недавно барина.

— А-аа! Гы-гы-гы... Тебя-то мнѣ и надо!

Путляя и дергая, отхлестнулъ ремень, перескочилъ черезъ телѣгу и высоко задирая голыя ноги побѣжалъ съ черезсѣдельникомъ къ берегу.

Бѣжитъ, смотритъ, какъ бы не замочились концы у ремня.

— Пей, Саврасый! Пей, милый другъ... а я сейчасъ...

Словно воръ, которому удалось выкрасть давно намѣченную вещь, оглядываясь и припадая, пробѣжалъ подъ мостъ. Глаза, какъ привороженные, жадно скользятъ по желѣзнымъ скрѣпамъ, руки ихъ щупаютъ, словно сомнѣваются въ прочности, словно выбираютъ что-то вѣчное.

Долго и жадно пилъ Саврасый, процѣживая сквозь мягкія оттопыренныя губы студеную, нечистую воду.

Попилъ-попилъ, отвелъ морду, повелъ животомъ, чтобъ улеглось прочнѣе, крякнулъ и опять припалъ.

Попилъ еще, подулъ съ лѣнивымъ наслажденіемъ на воду, какъ бы жалѣя, что напился, а воды въ Волчицѣ все еще много, потянулъ шею, потрясъ головой, роняя съ мокрыхъ губъ играющія на солнышкѣ капли.

Поглядѣлъ направо, налѣво,—хозяина не было. Хотѣлъ выйти изъ воды на сухое мѣсто, дернулъ, но телѣгу такъ засосало, что колеса не двинулись.

Почувствовалъ холодъ, перетоптался, выставилъ ногу, сталъ взбалтывать воду, какъ мѣшалкой. Вспѣнилъ, взмутилъ кругомъ себя и опять заржалъ: нетерпѣливо, съ жалобой.

По-прежнему тихо и сонно. По-прежнему, никого, только щегленокъ не переставалъ насвистывать:

— Что затихъ? что затихъ? что затихъ?

Становилось скучно. Вода раздражала, и Саврасый сталъ вынимать по одной ногѣ, грызть ихъ зубомъ: хрустъ-хрустъ-хрустъ!

Мелькнула мимо ласточка. Пронеслась, какъ брошенный камень. Чуть коснулась бѣлымъ брюшкомъ воды, завязала въ воздухѣ узелъ изъ линіи головокружительнаго полета и скрылась подъ мостъ.

Саврасый поглядѣлъ ей вслѣдъ съ восхищеніемъ, но ея уже не видалъ. Примѣтилъ другое, что̀ заставило его запрясть въ тревогѣ ушами и съежиться.

Подъ мостомъ, ниже переплетовъ и скрѣпъ висѣло что-то длинное, неподвижное, похожее на Петрова.

Сердце Саврасаго замерло. Онъ заржалъ самымъ тихимъ, самымъ ласковымъ своимъ ржаніемъ...

Потомъ, не переставая тревожно прясть ушами, раздулъ ноздри, нюхнулъ и съ рыву метнулся въ сторону, словно почуялъ стаю волковъ.

Телѣга пыталась удержать его, но онъ такъ рванулъ, что ссадилъ ее съ передковъ и съ одними передними колесами, весь взъерошенный и мыльный, вынесъ на берегъ.

Замолкъ щегленокъ, притихли жаворонки, лягушки и кузнецы, одинъ только страшный мертвый духъ, пахнувшій вначалѣ, душилъ и гналъ Саврасаго, гналъ хлеще кнута.

Круто откинувъ пушистый сѣрый хвостъ, Саврасый бѣшено взнесъ на мостъ, съ отчаяніемъ проскакалъ его, понесъ по дорогѣ домой. Поводъ попалъ было подъ ноги, онъ разметалъ его въ ремешки и помчался дальше.

Мчался-мчался, сопровождаемый грохотомъ передка, пока ужасъ не смѣнился усталостью.

Только недѣлю спустя черезъ станъ и урядника Саврасаго привели къ овдовѣвшей Иванихѣ всего изможденнаго, запаленнаго, изъѣзженнаго хуже старой водовозной клячи.

С. Аникинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Передъ созданіемъ человѣка.

(Монологъ).

Теперь, когда творящимъ словомъ
Я изъ хаоса вызвалъ свѣтъ,
И міръ явилъ въ величьи новомъ,
Въ движеньи огненныхъ планетъ;—
Теперь, когда лѣса, долины
Небесной влагой окропилъ,
И глубь морей, и горъ вершины
Живою тварью населилъ;—
Я сотворю Вѣнецъ созданій—
Себѣ подобье... Безъ конца
Пусть ищетъ онъ во тьмѣ исканій
Неуловимый ликъ Творца...
Ему—и солнце огневое,—
Живой потокъ его лучей,
И дня сіянье золотое,
И голубая мгла ночей.
Ему безсмертное мерцанье
Текущихъ въ вѣчности планетъ,
Ему—и мѣсяца блистанье,
Ему—и дня, и ночи свѣтъ.

Ему тепло и яркость свѣта,
Ему и радуга цвѣтовъ,
Но—«гдѣ Творецъ?»—не дамъ отвѣта,—
Развѣю вихремъ дерзкій зовъ.
Я красоту вещей открою,—
Ихъ назначенье, цѣнность, вѣсъ,
Но сущность ихъ навѣкъ сокрою
И Самъ одѣнусь въ тьму чудесъ.
Въ необъяснимости великой,
На недоступныхъ высотахъ,
Я буду—Образъ многоликій,
Я буду—Тѣнь въ земныхъ мечтахъ.

II.

Передъ лицомъ Вѣчности.

Съ земли—изъ тьмы великой ночи—
Къ сіянью неба поднялъ я
Свои пылающія очи
Тоской о тайнѣ бытія:—
Непроницаемостью синей
Взглянула Вѣчность на меня,
Великой звѣздною пустыней
И блескомъ вѣчнаго огня.
И проникалъ мнѣ въ сердце трепетъ,
И думалъ я, объятъ тоской,
Что значитъ мой наивный лепетъ
Предъ этой Вѣчностью нѣмой?
Законъ свершая непреложный,
Объемля бездной шаръ земной,
Что ей червякъ земли, ничтожный,
Съ его любовью и тоской?!

III.

Вечерняя мелодія.

Уплыли вечернія тучки куда-то на сѣверъ далеко,
И куполъ небеснаго храма живыми затепленъ огнями.
Вотъ мѣсяцъ поднялся высоко
И всталъ, окруженный звѣздами.

И поле покрылось туманомъ, и бодрою дышитъ росою...
И ближняго озера лоно сверкаетъ холодною сталью...
И лѣсъ далеко за рѣкою
Сливается съ синею далью...
А звѣзды, какъ вѣчныя свѣчи, все ярче подъ куполомъ храма...
И въ трауръ тумана одѣта, дневную покинувши битву,
Земля, какъ въ дыму ѳиміама,
Безмолвно свершаетъ молитву...

Филаретъ Черновъ.

ЗЕМНЫЕ СТРАННИКИ.

(Повѣсть).

(*Окончаніе*) *).

X.

У окна конторы сидѣлъ Арсеній приказчикъ, въ жилетѣ и рубахѣ на выпускъ. Увидавъ проходящаго Степана, окликнулъ его, высунувъ свою черную бородку и густо промасленную, остриженную подъ скобку голову.

— А, Степанъ Гаврилычъ! наше вамъ. Честь имѣю съ выздоровленіемъ поздравить... Ежели не къ спѣху—зайди... Самоварчикъ мигомъ наставимъ... Спиртное тоже есть, но, знаю, ты не любитель.

По чрезмѣрной болтливости и по развязности, съ которой Арсеній щурилъ свои цыганскіе глаза и скалилъ зубы, Степанъ сразу догадался, что приказчикъ навеселѣ; хотѣлъ пройти мимо, но подумалъ и вошелъ въ контору. Покойный Авиловъ все собирался ее перестроить, но не хватало денегъ или досуга, такъ и стояла она съ крѣпостныхъ временъ полуразвалившаяся, съ прогнившимъ поломъ, пропитанная кислятиной жившей здѣсь челяди. И теперь кругомъ было, какъ въ котухѣ: со стѣнъ свисали приклеенные кѣмъ-то для чистоты, побурѣвшіе листы газетной бумаги, подъ ногами валялись окурки и объѣдки, уныло тикали часы съ привѣшенной къ нимъ вмѣсто гирки бутылкой. Самъ Арсеній, разряженный въ малиновую рубаху и плисовый жилетъ, развалился на стулѣ у колченогаго ломбернаго стола, на которомъ были разставлены бутылки съ водкой и наливкой и блюдечко съ головой селедки.

---

*) См. май, стр. 109.

Икнулъ, сунулъ Вилочкину мокрые пальцы, бросилъ на полъ огрызокъ огурца.

— Садись. Чайку? Мы сейчасъ соорудимъ.

Хотѣлъ встать, но, качнувшись, опять икнулъ и сѣлъ.

— Не трудись, Арсентій Василичъ... я, вотъ, маленько посижу, да и съ Богомъ.

— Что такъ?—Приказчикъ уставилъ на Вилочкина свои хитрые, подернутые масломъ глаза.—Думаешь, угощенія представить не могу? Желаешь баранокъ, хлѣба бѣлаго... Все есть. Мы, братъ, теперь кажинный день въ городъ катаемъ. Гостей къ намъ понаѣхало пропасть.

Онъ поймалъ у самаго носа муху и старательно растеръ ее между пальцевъ.

— У насъ теперь—масляная... Катанья всякія, прогулки... два сѣдла новыхъ купили... Мерина чалаго, знаешь, въ жнеѣ ходилъ, подъ верхъ приладили. Вотъ смѣху-то было! Животики мы тутъ понадрывали... Этотъ пріѣзжій... какъ его... Платонъ Иванычъ что ль... сѣлъ, а онъ ни съ мѣста... Хвостъ задралъ и хоть тебѣ...

Арсеній выругался и долго хохоталъ, покачиваясь на табуретѣ.

— Та-акъ!—сказалъ Степанъ, съ усмѣшкой разглядывая диковинныя пуговицы на жилетѣ, очевидно кѣмъ-то подаренномъ приказчику.—Значитъ, все по-хорошему у васъ тутъ? Поминки, значитъ, справляете!

— Чудно это въ господскомъ званіи, ей Богу!—съ трудомъ соображая, покрутилъ головой Арсеній.—Будто и покойника въ домѣ не было... Я, вѣришь ли, Степанъ Гаврилычъ... по сію пору въ комнаты взойти не могу, трясусь: все будто чую его, а у нихъ балалайка, гитара... музыка цѣлый день...

Онъ усмѣхнулся, погладилъ бородку и, все больше тяжелѣя языкомъ, продолжалъ:

— Во-первыхъ, привезли двухъ студентовъ или изъ военныхъ... не знаю. Парни молодые, ухватистые: брюки въ обтяжку, пуговицы ясныя, шинели въ набросъ. Еще черняненькій есть, паршивый такой... все съ Наденькой... ей Богу...—облапимшись цѣльный день ходитъ... Потомъ, Платонъ этотъ самый, съ женой ли, съ любовницей, чортъ ихъ разберетъ! Онъ здоровенный, бритый, голосина, что у быка твоего. А она—такъ, тьфу, щуплая, ухватиться не за что... Въ родѣ Варвары Владиміровны нашей...

Еще что-то откровенное и скверное хотѣлъ прибавить, но видимо побоялся и только въ усы ухмыльнулся.

Глядѣлъ на приказчика Степанъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ: тотъ ли передъ нимъ сидитъ Арсеній, который при покойникѣ у притолки жался, руки держалъ по швамъ и въ комнату наципочкахъ входилъ. Правда, всегда былъ вороватъ и жуликоватъ, но до такой наглости никогда не доходилъ.

Нахмурился Степанъ и тѣмъ взглядомъ, котораго такъ боялись домашніе за его суровую пристальность, смѣрилъ Арсенія.

—Тебѣ не слѣдъ говорить, а мнѣ не слѣдъ слушать такія слова, Арсентій. Лишнее ты выпилъ: куражишься... Покойника ради языкъ бы попридержалъ, доброты его къ тебѣ ради.

Смутился и подобрался Арсеній, рубаху одернулъ и прямѣе сѣлъ.

— Да я что, Степанъ Гаврилычъ! Не чужому говорю, ты самъ, небось, все знаешь.

— Намъ съ тобой знать нечего, не наше это дѣло, не насъ касается... Ты, вотъ, лучше толкомъ скажи: кому имѣніе отписано? По завѣщанію, значитъ?

— Никакой бумаги найдено не было... весь домъ перерыли, приставъ пріѣзжалъ... По закону, какъ полагается, все дочерямъ досталось... все имъ. Онѣ хозяйки! — напуская важность, выпятилъ губу Арсеній.—Мнѣ пять рублей жалованія въ мѣсяцъ прибавили, потому имъ безъ меня крышка...

— Постой. Не о томъ я. Должна быть бумага... Поискать надо... Хотѣлъ отписать покойникъ землю мужикамъ... Марѳѣ Кулешовой—вдовѣ, Петру Афонину—три раза горѣлъ онъ. И на школу обѣщалъ, вѣрно знаю, что обѣщалъ, самъ мнѣ говорилъ еще постомъ...

Волновался Степанъ, отъ волненія даже всталъ и ладонью по столу ударилъ.

Криво и нагло усмѣхнулся Арсеній...

— Словами, можетъ, и обѣщалъ, а на дѣлѣ-то вышло иное. Онъ о смерти-то развѣ думалъ. Да мы съ нимъ за часъ передъ тѣмъ въ поляхъ толковали... Пожалился только, что кольнуло ему въ бокъ, отъѣхалъ и на!!! Прямо въ пыль свалился!

Но не слушалъ Степанъ, надѣлъ картузъ дрожащими руками, палочку взялъ; побѣлѣлъ весь, и щеки втянулись.

— Къ барышнямъ схожу, онѣ знать должны,—сказалъ онъ упрямо и вышелъ, не прощаясь. И провожая его, подумалъ Арсеній, что вѣрно говорятъ на деревнѣ, будто Вилочкинъ послѣ болѣзни малость тронулся.

Еще издали, изъ-за густой зелени услыхалъ Степанъ на террасѣ возню и громкій безпорядочный разговоръ. Подумалъ,

что въ домѣ спорятъ и ссорятся, но по смѣху и женскому заливчатому визгу понялъ, что господа веселятся.

— Платонъ Иванычъ, перестаньте! Варя, разними ихъ... Аркадій, у васъ брюки лопнутъ, ай!—кричали наперерывъ надрывающіеся отъ смѣха голоса, и кто-то пронзительно пѣлъ пѣтухомъ, квакалъ лягушкой и бренчалъ на балалайкѣ.

Выйдя изъ-за кустовъ, Степанъ изумленно остановился: передъ террасой въ травѣ лежали два человѣка. Одинъ, огромный и толстый, въ бѣлой рубашкѣ и подтяжкахъ, въ клѣтчатыхъ брюкахъ высоко задиралъ ногу въ стоптанномъ башмакѣ и старался поймать ею, какъ крючкомъ, желтую туфлю другого, маленькаго и черненькаго, который отъ ловкаго удара перекувыркивался черезъ голову, возбуждая неудержное веселье всей компаніи, сидѣвшей на террасѣ. Сидѣли въ перемежку: кто на ступенькахъ, кто верхомъ на балюстрадѣ; краснѣла чья-то кофта, подъ вздернутой бѣлой юбкой раскачивались ноги въ черныхъ чулкахъ.

Появленіе Степана первый замѣтилъ толстякъ. Онъ приподнялся—красный, взлохмаченный и сѣлъ, широко разставивъ ноги. Бритое лицо его походило на бабье, и бабья была жирная, отвислая грудь, видная черезъ разстегнутую рубашку.

— Ау, дяденька!—крикнулъ онъ, дѣлая смѣшную и донельзя глупую рожу.—Тебѣ «чаво»?

На террасѣ уже притихли и всѣ оглядывали съ удивленіемъ этого страннаго мужика, который такъ спокойно и степенно подходилъ къ ступенькамъ, не снимая картуза...

Тогда изъ-за стола поднялась, какъ ее сразу узналъ Степанъ, старшая Варенька и, щурясь, подошла къ балюстрадѣ. Длинная, худая, она мало походила на отца: узкія губы, узкіе глаза, узкое, нездоровое, желтоватое лицо подъ прядями низко спущенныхъ волосъ. Теперь, разыгрывая хозяйку, она важничала, выпячивала нижнюю губу и говорила въ носъ:

— Вамъ что нужно?

Но уже среди незнакомыхъ лицъ Степанъ отыскалъ Наденьку. Пухлая и кругленькая, съ выпуклыми синеватыми бѣлками и добрымъ капризнымъ ртомъ, она напоминала Авилова, и передъ ней одной—степенно, неспѣша—онъ снялъ картузъ.

Она тоже узнала его:

— Ахъ, Варенька... это тотъ мужичекъ, который ходилъ къ папочкѣ... Это вы, Степанъ?! Я васъ не узнала... Войдите, пожалуйста.

Кто-то свистнулъ; въ травѣ возобновилась возня. Наденька фыркнула, но сейчасъ же опять сдѣлала строгое лицо.

— Вамъ что нибудь нужно?—настойчиво, растягивая слова, повторила Варенька, очевидно не помнившая совсѣмъ, кто и когда ходилъ къ отцу и что теперь понадобилось отъ нихъ этому человѣку.

Обратясь къ другимъ спиной и не спуская съ сестеръ испытующихъ глазъ, только имъ однимъ сказалъ Степанъ:

— На рукахъ у меня умеръ Владиміръ Николаевичъ... И къ вамъ дѣло у меня есть, барышни.

— Такъ что же... Пойдемте тогда въ комнату. Правда, Варя?..

— Надежда Владиміровна, а какъ же насчетъ «выпивахомъ»? — выпалилъ рыжеволосый, веснушчатый кавалеръ въ тѣхъ самыхъ обтяжныхъ синихъ брюкахъ, о которыхъ сообщалъ Арсеній.

— Ахъ, Сахаровъ, оставьте, не время сейчасъ!—протянула Варенька, оправляя желтую лилію въ волосахъ.

— Этотъ человѣкъ хочетъ разсказать намъ о послѣднихъ минутахъ отца... и вообще пришелъ по дѣлу... Пойдемте, Иванъ...

— Степанъ...—подсказала Наденька и, въ дверяхъ быстро обернувшись, сказала говоркомъ:

— Пикникъ сегодня устроимъ непремѣнно на гумнахъ... Арсеній привезъ чудную наливку... И пиво будетъ. Да!

...Въ огромной, какъ и прежде, пустой залѣ съ ея унылыми оголенными стѣнами и убогой мебелью, гдѣ послѣ шума и гама казалось такъ грустно тихо, сестры посадили Степана у стола, на которомъ три дня въ ожиданіи ихъ простоялъ гробъ съ покойникомъ, а сами присѣли на краешекъ, видимо недовольныя и смущенныя. Наденька все обдергивала кисейную кофточку на полной груди, смотрѣла вопросительно на Вареньку, а та нетерпѣливо постукивала костяшками сухихъ рукъ по столу.

— Такъ вы говорите, что умеръ при васъ... И вы тотъ самый Вилочкинъ, о которомъ намъ говорилъ нашъ управляющій?.. Мы очень вамъ благодарны и если... что нужно... я распоряжусь.

Чуть-чуть усмѣхнулся Степанъ, насмѣшливо повелъ бровью.

— Мнѣ ничего не нужно, Варвара Владиміровна. Покорно благодаримъ, а только думалъ—захотите вы узнать, какъ тяжко помиралъ вашъ батюшка, какую объ васъ заботу имѣлъ...

— Ай, ай, не надо!—крикнула Наденька, и на побѣлѣвшемъ лицѣ ея округлились испуганно глаза, розовые пальцы

поднялись къ ушамъ. Варенька же вся окаменѣла въ своей безучастности.

— Спасибо вамъ, но подробности слишкомъ ужасны... У сестры очень плохое здоровье... и... вообще мы разстроены.

Неловко замолчала; молчалъ и Степанъ, опустивъ голову. Бѣлѣлъ проборъ въ его кудряхъ и щеки скорбно стянулись. Всплывалъ въ памяти тусклый зрачекъ умирающаго, изъ котораго вылилась послѣдняя слеза, невыразимый взглядъ, устремленный на стѣну, гдѣ висѣло изображеніе чудеснаго Странника. Неужто и взаправду ничего не успѣлъ сдѣлать изъ того, что хотѣлъ,—неужто памяти о себѣ не оставилъ, ушелъ, истаялъ, какъ облако.

И прилѣпляясь къ какой-то послѣдней, смутной надеждѣ, къ тому, что могло утвердить и успокоить его собственныя смятенныя мысли и вывести на путь, Степанъ спросилъ, напряженно сдерживая дрожь вдругъ страшно ослабѣвшихъ рукъ.

— А, что, Надежда Владиміровна и Варвара Владиміровна, ничего не осталось послѣ покойника, никакой значитъ записи, чтобы сколько бы да нибудь земельки на мужиковъ, на Хотяновскихъ отошло? На какихъ побѣднѣе?!

Первый разъ Варенька заволновалась, даже покраснѣла.

— Откуда эти нелѣпые слухи? Никакого завѣщанія отецъ не оставлялъ, мы—единственныя наслѣдницы... Вообще, отецъ былъ слишкомъ добръ и слишкомъ много обѣщалъ...

— Папочка такъ много дѣлалъ мужикамъ... Чего они еще хотятъ?—капризно-удивленно подняла круглыя брови младшая.

— Память по себѣ оставить желалъ—часто мы съ нимъ про это толковали. Самъ въ монастырь собирался, покоя искалъ... безпокоился очень, трудно ему было, а лѣсу на школу и землю обѣщалъ безпремѣнно... Такъ, значитъ, и долженъ былъ въ бумагѣ проставить...

— Ахъ, Боже мой, я вамъ повторяю, что ничего папочка не оставилъ, даже записки не оставилъ... Всѣ знаютъ, что онъ умеръ внезапно...

Встала, сухая, длинная, раздраженная, удивляясь, что нужно этому странному человѣку и почему такъ шевелятся его брови, такъ напряженно на лбу врѣзается морщина.

Вдругъ, обрадованно приподнялся Степанъ. Простымъ и яснымъ казалось теперь, что за доску, висѣвшую на стѣнѣ, спряталъ покойный дорогую и нужную бумагу, о ней хотѣлъ сказать ему, оттого мычалъ и тянулъ за рукавъ.

— Варвара Владиміровна... тутъ икона въ спальнѣ у по-

койника висѣла... вели посмотрѣть... тамъ должна быть бумага безпремѣнно.

— Какая икона? Ничего не знаю... Всѣ вещи отца я велѣла прибрать... Тутъ живетъ теперь Платонъ Иванычъ.

Она прошла черезъ всю залу и отворила дверь въ спальню.

— Вы про какую икону говорите?

Съ минуту пораженный, Степанъ простоялъ на порогѣ, медленно оглядываясь: все такъ же, какъ всегда, зеленый мракъ наполнялъ комнату отъ густо разросшихся передъ окномъ кустовъ; пахло знакомымъ запахомъ мяты, которую старикъ держалъ для духа въ пучкахъ и коробочкахъ; все такъ же бѣлѣли стѣны и протоптанная до-сѣра половица, а изъ-за стекла кіота безразлично-сурово чернѣли косящіе зрачки угодника.

Но вмѣсто узкой постели, стоялъ старый турецкій диванъ, вмѣсто старческаго порядка разбросанныя по комнатѣ валялись чьи-то неопрятныя вещи, картонки и чемоданы, а на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ смуглолицый Странникъ, висѣла гитара на розовой лентѣ...

— Тутъ вотъ, значитъ, доска та была... на нее Владиміръ Николаевичъ глянулъ...

— Ахъ, это, знаешь, онъ говоритъ про ту нелѣпую доску, которую отецъ нашелъ въ саду... Какія глупости! Я ее сама сняла и кромѣ пыли и паутины тамъ ничего не было...

— Отдайте вы мнѣ ее... за ради Бога... Варвара Владиміровна!—глухо сказалъ Степанъ и низко поклонился.—Не нужна она вамъ...

— Подите, спросите у Анисьи... я, право, не знаю... гдѣ она,—пожала плечами Варенька и добавила почти громко:

— Вѣчно отецъ держалъ около себя юродивыхъ... Нужно приказать Арсенію, чтобы въ домъ къ намъ никого не пускали...

. . . .

На кухнѣ Степану сказали, что доску, вмѣстѣ съ заячьимъ тулупчикомъ и сапогами купилъ и увезъ съ собою проѣзжій мѣщанинъ.

Когда шелъ Степанъ обратно мимо конторы—ухала тамъ гармонія, притопывали босыя ноги и здоровенныя грудастыя распашенки то и дѣло съ визгомъ выбѣгали изъ дверей.

Сорвалось веселье на барскомъ дворѣ, покатилось подъ гору.

И все, что по зернамъ собиралъ старикъ, о чемъ безсонно заботился, убивая себя молитвой, постомъ и безрадостной жизнью—разсыпалось прахомъ, съѣдалось теперь саранчей, прожорливой и праздной...

И думалъ, уходя отъ барскаго дома Степанъ, что лучше было бы умереть Авилову тогда, когда вились у него надъ молодой шеей свѣтлые волосы и когда вымѣрялъ онъ аршинчикомъ бревна еще не построенныхъ амбаровъ...

* * *

Пока ходилъ Степанъ на барскій дворъ, въ домѣ случилось несчастіе: удавилась пестрая, двухмѣсячная телушка. Привязала ее Ганька на огородахъ, велѣла мальчишкѣ своему семилѣтнему Гараськѣ сторожить, а онъ убѣжалъ въ лѣсъ съ ребятами. Въ это время Алёну къ роженицѣ позвали, а папашка спать завалился. И когда хватились бабы, телушка уже похолодѣла, а малый пропалъ невѣдомо куда. Искали, бѣгали, въ конопляхъ нашли: со страху—уткнувшись головой въ землю, лежалъ. Съ горя да съ испугу мать первая ударила, потомъ отецъ подоспѣлъ. И безъ того былъ тяжелъ на руку Ѳедоръ, а тутъ еще распалился, ошалѣлъ: какой отвѣтъ брату Степану держать?! Телушка заводская, молокомъ поенная, на зло, скажетъ, негодяи сдѣлали... Легче было бы Ѳедору, если бы ему сына мертваго принесли.

Размахнулся, ударилъ Гараську по головѣ, шапчонку сбилъ, за волосы въ избу потащилъ... Отъ работы всѣ черные, злющіе ходили, а тутъ остервенѣли совсѣмъ: жаль всѣмъ телушку до смерти, да и обрадовались, что есть на комъ свою тяготу сорвать.

Папашка за ухо малаго рванулъ, Алексѣй по затылку далъ, Ѳома зубами заскрипѣлъ: «шкуру съ него, стервеца, спустить мало»!

Завизжала Анисья не своимъ голосомъ: «охъ, батюшки, съѣстъ меня деверь», а Ѳедоръ зубы стиснулъ, вожжи ременныя схватилъ и Гараську промежъ колѣнъ зажалъ. Пикнуть тотъ не успѣлъ.

Видитъ Ганька—посинѣлъ ребенокъ, глаза закатились... Видитъ, убьетъ его Ѳедоръ... Взревѣла коровой, у мужа на рукахъ повисла. А онъ размахнулся и по скулѣ ее—р-разъ!— Кровь носомъ хлынула. И завыла Ганька, а за ней прочія бабы, такъ, что сосѣди на дворъ выбѣжали: «никакъ у Вилочкиныхъ свинью рѣжутъ».

Степанъ уже подходилъ къ дому. Услыхалъ бабій вой, обомлѣлъ, дверью тряхнулъ, въ избу вскочилъ.

Увидѣлъ Ганьку простоволосую, беременную, всю въ крови... Гараськины ноги—сухія, длинныя, спину—всю въ руб-

цахъ... Увидѣлъ, не люди стоятъ, звѣри, глаза какъ у волковъ горятъ, кулаки стиснуты... Бросился Степанъ къ Ѳедору, со всего маху въ плечо толкнулъ. Пошатнулся мужикъ, выпустилъ мальчонку.

Степанъ подхватилъ Гараську, а у того ужъ глаза закрылись, груденка худая, узкая, всѣ ребра выперли,—чуть дышитъ...

Положилъ Гараську на лавку, снялъ армякъ, покрылъ, самъ сѣлъ—ноги подкосились.

— За что, неразумные, дите истязали?

Очнулись всѣ, какъ быки уперли лбы въ землю.

— Что вы, спрашиваю, съ дитемъ сдѣлали?!

Смотрѣли на него всѣ какъ на чужого, будто не онъ, Степанъ, пришелъ, будто не онъ, а другой говорилъ непонятнымъ языкомъ.

— Убить его, сукина сына, мало... Вотъ, что!—мрачно сказалъ Ѳедоръ, вожжи бросилъ, къ ушату подошелъ, пить жадно сталъ.—Телушку не доглядѣлъ...

— Телушка вокругъ кола-то завертѣлась... — объяснилъ папашка, моргая больными глазами.—А онъ, шельмецъ, въ лѣсъ убегъ...

— Такъ, вѣдь, это дите... Звѣри вы...

— Небось, въ третьемъ году ты меня за барана такъ саданулъ промежъ крылій, что небо съ овчинку показалось...— сказалъ Алексѣй, недовѣрчиво глядя на брата.

Ждали всѣ: сорвется съ мѣста Степанъ, перваго, кто попадетъ подъ руку, по уху свиснетъ, ногами затопаетъ, всѣхъ изъ избы выгонитъ.

Но молча сидѣлъ Степанъ, тихій, далекій, не свой... Серебрился проборъ на головѣ кудрявой, на лбу между бровей морщина острая въѣлась, и скорбно были сжаты губы на потемнѣвшемъ лицѣ.

Посидѣлъ такъ, кому-то головой кивнулъ, потомъ вздохнулъ и всталъ.

— Телѣгу мнѣ и косу на завтра приготовьте. Овсы косить поѣду!—Сказалъ и, подгибаясь подъ черной притолокой, прошелъ къ себѣ въ бѣлую избу.

— Ослабъ, вишь...—съ сожалѣніемъ махнулъ рукой папашка и сталъ размазывать грязными пальцами гной по глазамъ. Потомъ прибавилъ:—Рази онъ такой былъ?.. И-и!.. Тутъ намъ допрежъ и черепковъ бы не собрать.

Не мало дивясь, всѣ чинно и молча принялись за картошки, которыя поставила на столъ въ большомъ чугунѣ Анисья...

* * *

Прошло два дня.

Съ зарею уѣзжалъ Степанъ въ дальній логъ овсы косить. На весь день хлѣба, огурцовъ, квасу бралъ и домой только къ ночи возвращался. Отъ усталости засыпалъ какъ убитый, ногъ, рукъ не чуялъ, а мысли всѣ въ черную яму проваливались.

На третій день къ вечеру наволоклись со всѣхъ сторонъ тучи, легли темной грудью надъ полями и сквозь глухой рокотъ далекаго грома блѣдныя зарницы заиграли: гдѣ-то, верстъ за тридцать, а можетъ и того дальше гроза ходила. Сумеречно стало въ логу, нелюдимо. Потужилъ Степанъ, что не успѣлъ всѣхъ трехъ десятинъ отмахать,—еще съ полъ-нивы осталось,—да дѣлать было нечего, пошабашилъ, кобылу запрегъ и домой тронулся... Окрестъ жнивья бѣлизной молчали; крестами на нихъ копны темнѣли; вѣтеръ волнами набѣгалъ, снопы трепалъ, крутилъ пыль по дорогѣ, а зарницы все раскрывали блѣдныя вѣжды свои.

У деревни тревожно шумѣли и гнулись лозинки; осиновая роща вся дрожала и звенѣла.

Обрадовался Степанъ жилью, и лаю собакъ, и огнямъ: что-то смутно стало на душѣ тамъ—въ поляхъ, и тревога снова подкралась.

Пока ужинали—покрѣпчалъ вѣтеръ, зашуршалъ, забился вдоль стѣнъ и по крышѣ.

Торопились Вилочкины все прибрать съ улицы: телѣги подъ навѣсъ сдвинули, ворота на засовъ заперли; хмурились, оглядывались, будто къ чему-то готовясь. Ходили по двору, глухими голосами переговаривались...

— Митрія, кузнеца, слышь, позавчерась изъ тюрьмы выпустили...—словно невзначай сказалъ Ѳома, огромный въ темнотѣ, неуклюжій, какъ медвѣдь. Вѣтеръ взмывалъ его волосы и чутко къ чему-то прислушивалась кудластая голова.

— Еще чище работать будетъ!..—отозвался Ѳедоръ, перевязывая къ стойламъ гремѣвшаго цѣпью кобеля.—Имъ тюрьма—наука!

— Небось не сунется. Живымъ не уйдетъ!

Разбрелись угрюмые, тяжелые, сонные. Знали: однимъ ухомъ спать, другимъ—слушать.

А Степанъ самолично повѣсилъ на ворота замокъ, постоялъ, послушалъ: солома шуршитъ, лошади овсомъ хрустятъ, въ теплѣ двора, песъ гложетъ кость... Поглядѣлъ на мутное небо, лицо вверхъ подержалъ: не краплетъ ли дождь. Вздохнулъ и спать отправился. Опять, непривычно крѣпко уснулъ подъ шелестъ и

шепотъ ходившаго вокругъ избы вѣтра . . . .
. . . .

. . . Звалъ чей-то голосъ... Сначала далекій, потомъ близкій, надъ самымъ ухомъ: «братка, а, братка... вставай...»

Вскочилъ, сѣлъ, отъ огня зажмурился. Стоялъ надъ нимъ кто-то, высокій и темный, и прямо въ лицо фонаремъ свѣтилъ.

— Вставай, говорю: поймали.

Шарахнулся Степанъ къ дверямъ, чуть лба не расшибъ о притолоку: частой, мелкой дрожью трясся, зубъ на зубъ не попадалъ... Прыгала на стѣнѣ тѣнь Ѳомы, страшная и косматая.

— Въ чуланъ его бросили... скрутили...

Не дослушалъ Степанъ, фонарь у брата выхватилъ, въ сѣни кинулся.

Густая, черная темь стояла кругомъ. Взметнулся свѣтъ испуганной желтой птицей, бросился на стѣны и балки, кадки и сбрую, на земляной полъ, на дикое лицо Ѳедора, который, прислонившись къ низкимъ дверямъ чулана, зажималъ палецъ, а съ пальца на бѣлые порты стекали тяжелыя смоляныя капли.

— За руку тяпнулъ, чортъ... Кажись, палецъ насквозь прокусилъ?

Говорили шепотомъ, и все вокругъ словно тоже перешептывалось трясущимися губами. Вошелъ Алексѣй, кинулъ въ уголъ короткій ломъ, сталъ вытирать руки о подолъ рубахи, точно барана только-что рѣзалъ.

— Будетъ помнить: морду-то я ему искровянилъ. Вишь, сукинъ сынъ, съ ломомъ приперъ...

— Хитрый. Плетень разобралъ съ краю, прямо къ амбару—шасть. Залѣзъ,—мы его тутъ и накрыли.

— Зачѣмъ ему въ амбаръ?

— Должно, схорониться хотѣлъ. Теперь попался—не вырвется, не долго погулялъ: — вразъ упекся. Завтра въ волость къ уряднику доставимъ.

— Пикнуть не дали: рта разинуть не успѣлъ!

— Не до смерти вы его? — спросилъ Степанъ, тревожно прислушиваясь къ тишинѣ въ чуланѣ.

— Наживетъ: онъ—битый.

Уже зѣвали братья судорожно и протяжно, почесывали волосатыя груди, жмурились. Прошелъ страхъ, накатывался сонъ и глаза липли отъ маеты дневной.

— Ну, идите съ Богомъ, ребята... Я постерегу,—сказалъ Степанъ.—Тулупъ мнѣ, Алеха, дай!

— Ежели что, кликни...

— Разсвѣнетъ скоро... идите...

Ушли.

Накинулъ Степанъ тулупъ на плечи, примостился на чурбакѣ, подлѣ фонарь поставилъ. И встала тишина какъ на погостѣ.

. . . .

Вдругъ застоналъ и захрипѣлъ въ чуланѣ человѣкъ... Заскулилъ протяжно, жалостливо, давясь слезами и хрипомъ. И такъ страшенъ былъ этотъ стонъ въ ночи, что вдругъ поднялся Степанъ и какъ тамъ, въ душной церкви, во время панихиды подступила тошнота къ горлу, сердце перехватило.

Схватилъ фонарь, крючокъ скинулъ, черезъ порогъ переступилъ. Острымъ клиномъ врѣзался свѣтъ въ черную тѣсноту чулана, на кузнеца упалъ.

Сидѣлъ онъ, привалившись спиною къ бочкѣ, раскинувъ широко ноги въ пыльныхъ сапогахъ. Въ упоръ на Степана глядѣлъ одинъ огромный глазъ подъ темной крутой бровью. Другого не было видно, другой заплылъ въ синевѣ распухшаго отъ удара лица. Надъ открытымъ ртомъ свѣшивались вымазанные въ чемъ-то усы и нижняя разсѣченная губа висѣла краснымъ лоскутомъ. Дышала, выпирала ключицами, голая грудь такъ часто, будто тамъ внутри кто-то съ бѣшеной быстротой раздувалъ мѣхи. На скрученныхъ назадъ рукахъ, худыхъ какъ палка, въ клочья была изодрана грязная рубаха.

Смотрѣлъ глазъ на Степана неподвижно пристально, и страхъ затравленнаго звѣря дико горѣлъ въ глубинѣ зрачка.

Могъ подойти Вилочкинъ и пнуть ногой кузнеца, могъ ударить въ лицо, все могъ: воръ, конокрадъ залѣзъ къ нему на дворъ, арестантъ и злой человѣкъ... Самъ себя онъ довелъ до такого положенія: былъ первымъ на селѣ красавцемъ и кузнецомъ, подковы въ рукѣ гнулъ, всякую хитрую работу исполнялъ, землю и деньги имѣлъ, да сталъ распутничать, пьянствовать—набаловался и съ линіи сошелъ...

Хотѣлъ распалить себя злобой Степанъ, но не могъ.

Хотѣлъ плюнуть въ лицо безстыжему.

Хотѣлъ обругать человѣка скврнымъ словомъ, повернуться, уйти.

Вмѣсто того снялъ съ гвоздика ковшъ, зачерпнулъ изъ тутъ же стоявшей кадки суровецъ и, нагнувшись, поднесъ кузнецу.

Тотъ рванулся головой, о жесть зубами лязгнулъ и захлебываясь, давясь, все выпилъ. Чуточку оправился, на рукахъ подтянулся, попрямѣе сѣлъ.

— Зачѣмъ же это, Дмитрій, ты къ намъ пожаловалъ? — тихо вымолвилъ Степанъ, — а?! По міру, видно, насъ пустить хотѣлъ?..

— Душегубы вы, вотъ что! — нераздѣльно, силясь подобрать лоскутъ губы, выговорилъ кузнецъ.

И вдругъ заплакалъ... Не могъ сморщить лица, текли изъ опухшихъ щелей слезы, капали на усы.

— На кой мнѣ лошади ваши?!. Подавиться вамъ, изверги... За мукой пришелъ: мѣшка муки вамъ жалко? Почто искалѣчили?! Креста на васъ нѣтъ. Вѣдь, пришелъ бы честь-честью просить,—все равно не дали бъ. Лопнуть вамъ отъ добра вашего...

— Врешь ты, Дмитрій!—сказалъ Степанъ, не владѣя голосомъ; ослабъ въ колѣняхъ, на боченокъ присѣлъ.—Рази можно за такой малостью на смерть итти?

Открылъ Дмитрій мутный отъ слезы глазъ, опять на Вилочкина уставился.

— А ежели взять негдѣ? Ежели я изъ тюрьмы вышелъ, дома ни зерна, дѣти, значитъ, не ѣмши!.. Ежели никто не даетъ. Все равно, значитъ, околѣвай?.. Муки-то я у васъ не взялъ, мука-то у васъ осталась не тронутой, а нутро вы мнѣ отшибли...

Застоналъ, опять сползъ головой внизъ, пѣна на губахъ выступила.

— Какъ же быть съ вами? — шепотомъ произнесъ Степанъ, — одинъ возьметъ, другой возьметъ, а добро-то горбомъ, жизнью всей собираешь...

— Небось, о своемъ-то горбѣ помнишь...

Кузнецъ отвернулъ лицо и снова застоналъ.

— Дмитрій, а, Дмитрій...—тихо позвалъ Степанъ и низко склонилъ голову, точно тяжесть на него навалилась.

Было молчаніе.

Тогда, будто такъ и нужно было, всталъ Вилочкинъ, снялъ съ пояса ножикъ, разрѣзалъ веревки, помогъ кузнецу подняться.

— Иди, Дмитрій... Иди, съ Богомъ... Грѣхъ одинъ у всѣхъ... Не твое, значитъ, тутъ и... не мое... Не хозяева мы тутъ... Иди!

Говорилъ онъ вразумительно, но лицомъ и глазами—походилъ на безумца.

Такъ обомлѣлъ кузнецъ, что спасибо не сказалъ, до дверей дотащился и потонулъ въ ночи . . . .

. . . . . . На зарѣ, подъ окно, гдѣ спалъ Степанъ, прилетѣла кукушка, прокуковала три раза и опять улетѣла.

Видѣла это Алена. И знала уже старая, что за сыномъ любимымъ прилетала чья-то душенька.

...Когда узнали семейскіе, что Степанъ самолично выпустилъ кузнеца Митьку, вора и разбойника, то стали громко и возмущенно шептаться о томъ, о чемъ до сихъ поръ думали про себя молча.

— Тронулся-де Степанъ послѣ болѣзни... Самъ не знаетъ, что творитъ. Плохая теперь надежда на него: каравая не подберетъ.

Посовѣтовался Алексѣй съ женой да съ папашкой, тайкомъ отъ Степана къ попу поѣхалъ просить: пусть-де отецъ Петръ по душамъ побесѣдуетъ съ братомъ Степаномъ, вразумитъ умнымъ словомъ, наставитъ, что такъ въ крестьянствѣ не годится... Боятся семейскіе, какъ бы развалъ не пошелъ въ домѣ... Мыслимое ли дѣло, арестанта и конокрада на волю выпустить, ужъ не затѣмъ ли, чтобъ въ другой разъ повадиѣе было красть?!

Отецъ Петръ согласился, велѣлъ звать Степана къ себѣ, ярочку выпросилъ за услугу.

* * *

Когда отецъ Петръ Вьюковъ увидалъ въ окно, что къ дому его подъѣзжаетъ Вилочкинъ,—велѣлъ рабочему собакъ отогнать: было ихъ цѣлыхъ шесть и бросались онѣ на встрѣчныхъ, какъ оголтѣлыя.

Самъ на крылечко вышелъ, какъ былъ — въ полотняномъ сѣромъ подрясникѣ и съ засученными рукавами; подпустилъ Степана подъ благословеніе, провелъ въ горницу съ кружевными занавѣсками, махровой гвоздикой и огромной иконой Спаса Нерукотвореннаго.

— Садись вотъ тутъ, Степанъ Гаврилычъ... Радъ тебя видѣть. Слыхалъ, слыхалъ про твою болѣзнь, самъ хотѣлъ понавѣдаться, да знаешь, время-то теперь какое горячее: часъ—что день.

Пододвинулъ стулъ, заварилъ щепотку чаю въ большой синій чайникъ, изъ крашенаго шкафчика связку баранокъ досталъ и сахаръ въ жестяной банкѣ.

— Рожь покончили?

— Убрали,—сказалъ Степанъ, сидя на краешкѣ стула—прямой и строгій, будто не въ гости, а ко всенощной пріѣхалъ, и тутъ только о. Петръ, начавшій разливать чай въ синія чашки

съ золотымъ обрѣзомъ, замѣтилъ, что постарѣлъ и посѣдѣлъ Степанъ, въ станѣ сгорбился. Мелькнула у о. Петра мысль, что, должно быть, хорошо отложилъ Вилочкинъ на свои похороны, а можетъ, и на церковь припасъ. Мужикъ богатый, богобоязненный, степенный... Только, видно, привелъ Господь еще пожить; такихъ жилистыхъ и смерть не беретъ. Небось опять косой размахался, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что жъ, за овесъ принимаетесь?—спросилъ попъ, жаднымъ рыбьимъ ртомъ своимъ прихлебывая дымящійся чай съ блюдечка, поставленнаго на три мясистыхъ пальца, и бокомъ щурясь на гостя.—Овсы-то, я слыхалъ, у васъ въ нонѣшнемъ году замѣ-ча-тельные...

— Овсы хорошіе...—произнесъ Степанъ безучастно-тоскливо и переложилъ руки на колѣняхъ.

— Ты чайку, чайку-то откушай...—заторопился хозяинъ, обсасывая усы и приглаживая обѣими ладошками на вискахъ свои жирные, прямые волосы.—Молотить когда собираетесь? Ты мнѣ четвертку овса оставь на пробу... Шведскій онъ у тебя, что ли?

Взглянулъ Степанъ на батюшку долго и пристально. Еще пронзительнѣе теперь стали голубые глаза его на темномъ лицѣ, острѣе—морщина межъ бровей.

— Зачѣмъ онъ тебѣ?! Небось, въ закромахъ и своего съ лишкомъ.

Смутился о. Петръ, прикрылся припухлыми вѣками и за самоваръ спрятался.

— Экій чудакъ! Достатокъ—не грѣхъ... И у васъ не мало,— и круто повернулъ разговоръ.—Спросить я у тебя хотѣлъ: дома все благополучно?

Степанъ опустилъ глаза и задумался, будто не зналъ, какъ отвѣтить, или не хотѣлъ. А о. Петръ недовѣрчиво насторожился и подумалъ: «Мало ли что Алексѣй наболталъ... Не грѣхъ ли какой въ семьѣ случился. Можетъ, кто умеръ или какъ... Въ избѣ мужицкой темно, тѣсно... Бабу на сносяхъ ударили или еще что?! Всякое бываетъ.. Ну, да, съ Вилочкиными за четвертную спѣться можно: не нищая братія...»

И, уже загораясь любопытствомъ, попъ сталъ поглаживать рѣденькую козлиную бородку, выглянулъ изъ-за самовара, показалъ въ усмѣшкѣ длинные, желтые зубы и потянулъ рѣчь съ разстановкой:

— Что же, Степанъ Гаврилычъ, духовнику открыться не мѣшаетъ... Не въ храмѣ мы, конечно, нѣтъ... И дѣло выходитъ частное. Съ другимъ я бы говорить не сталъ... А съ тобой по-

толкую съ удовольствіемъ. Не обидимъ другъ дружку: я—тебѣ, а ты—мнѣ.

Но взглянулъ Степанъ прямо въ глаза отцу Петру и медленно отвѣтилъ:

— Нѣтъ... Все у насъ по-старому...

— Какъ по-старому?—разочарованно настаивалъ попъ.— Слышалъ я, къ вамъ ночью воръ забрался, Дмитрій арестантъ, а ты его, говорятъ, выпустилъ...

— Правду сказали.

— Непорядокъ это, Степанъ Гаврилычъ. Сегодня у тебя, завтра у другого, а тамъ, глядишь, и въ церковную кружку лапу сунетъ. Теперь ворота на запорѣ держать надо. Воръ, вѣдь,—воромъ и помретъ.

— Человѣкъ—онъ всегда человѣкомъ останется.

Попъ заволновался, гуще стали кирпичные румянцы на одутлыхъ щекахъ, затряслась бородка, заходилъ онъ мелкими шажками по горницѣ.

— Какой тамъ, къ чорту, человѣкъ! Въ храмъ Божій дорогу забылъ, за требы не платитъ, работу бросилъ, грабительствуетъ, въ острогѣ какъ дома. Давеча ѣду я околицей, а онъ даже шапки не снялъ и столь темно взглянулъ на меня, что весьма непріятно стало...

— Душа у него озлоблена... — сказалъ Степанъ и тихо прибавилъ: — Жизнь кругомъ злая... Виновны мы въ ней, въ неправедной...

— Это ты про что, собственно? — недоумѣнно спросилъ о. Петръ и опять прикрылся вѣками.

— Изъ-за дровъ лѣсу не видимъ... Ради дня каждаго правду забываемъ... Какъ слѣпой человѣкъ рождается, неужто долженъ слѣпымъ и въ могилу лечь?! Въ суетѣ и въ грѣхахъ всю жизнь коротать?

Вторично насторожился недовѣрчивый попъ и, чтобы лучше было наблюдать Степана, сѣлъ поодаль, на клеенчатомъ диванѣ.

— Оно, конечно, полезно, что ты о сихъ предметахъ сужденіе имѣешь, но утруждать себя не слѣдуетъ. Кому дано знать, а отъ кого и сокрыто. Лукавый не дремлетъ...

Не слушалъ Степанъ: пошевелились у него брови и губы— и пальцы на рукахъ, потому что искалъ онъ напряженныхъ и свѣтлыхъ словъ.

— Духомъ я, батюшка, смятенъ,—выговорилъ онъ, наконецъ, то большое и страшное, что всѣ эти дни владѣло мыс-

лями, и тѣломъ, и душой его. — Спросить я у тебя хотѣлъ... какъ на духу, значитъ... въ чемъ сила есть человѣческая?!

Сказалъ и обрадовался. Уже почти радостно, широко глядѣлъ на отца Петра... Думалось ему: гору нѣкую сдвинулъ, камень прочь отвалилъ, освободился... И ждалъ слова.

Ждалъ какъ у Причастія, передъ открытіемъ вратъ царскихъ. Но попъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ мелкимъ крестикомъ и уставился на муху, ползавшую по краю блюдечка.

— Не узнаю я тебя, Степанъ Гаврилычъ. А знаешь что: ограда у насъ вокругъ церкви пообвалилась... Похлопочи ты ради Дома Божьяго, вотъ на душѣ и полегчаетъ...

Смотрѣли другъ на друга, молчали.

— Съ чего, это, ты?

Точно опять затворились тяжелыя двери и радость погасла.

Тоскливо озирался Вилочкинъ на бревенчатыя стѣны, на засиженные мухами портреты архіереевъ и Іоанна Кронштатскаго, на тяжелый комодъ орѣховаго дерева и горку серебра за стекломъ шкафика, и на батинъ лобъ, лысый, мѣдный отъ загара, перерѣзанный длинными морщинами. Вспомнилъ сонъ свой и косящихся однимъ глазомъ грачей, и землю, жирную, мягкую какъ тѣсто, и синій лобъ покойника, запахъ тлѣна и сырость могилы... Точно нащупывая, какъ слѣпой, дрожащими руками, дорогу, сказалъ:

— Суета суетъ... Не къ тому мы душой прилѣпляемся. Безпокоимся все, а человѣкъ—что хрусталь: взялъ да разбился...

— Куда бѣжишь? Антонъ, держи ее! — вдругъ неистово заоралъ отецъ Петръ, къ окошку бросился, занавѣски кружевныя раздвинулъ, ногами затопалъ.—Держи ее!.. На горохъ повадилась, мерзавка... Лови, лови!..

Кто-то свистнулъ. Завякали собаки. Завизжала стряпуха на крыльцѣ. Самъ о. Петръ, налившись кровью, сквернословилъ въ окно. Кого-то уже тащили по двору, гоготали работники, сердился индюкъ. Потомъ стихло.

— Я ей отсыплю чего надо въ подолъ!—волновался попъ, отошелъ къ столу и въ сторону сплюнулъ.—Бабы горохъ таскаютъ,—пояснилъ онъ, отдуваясь,—ты вотъ говоришь: суета суетъ... А ежели о добрѣ своемъ не пещись денно и нощно, что останется? Теперь развѣ народъ пошелъ? Одно слово: рвань голодраная...

Не хотѣлъ глядѣть Степанъ на распалившагося батюшку, глаза отвелъ, всталъ, поблагодарилъ за угощеніе.

— Ну, такимъ манеромъ и дѣйствуй. Сразу, говорю, полегчаетъ... — напутствовалъ о. Петръ отъѣзжающаго. И уже вслѣдъ

ему крикнулъ:—Вотъ, вѣдь, чуть не запамятовалъ... Кобылку мнѣ покрыть нужно... Завтра съ работникомъ пришлю... Ты ужъ позаботься, чтобъ все... тово... какъ слѣдуетъ...

Стоялъ въ дверяхъ сытый, глаза масляные щурилъ. Кругомъ двора частоколъ новый, крѣпкій бѣлѣлъ, псы у воротъ грызлись.

А вверху незамѣтно сумерки наплывали. Въ розовомъ небѣ голубая звѣзда зажглась. Прохладой вѣяло, миромъ и тишиной.

* * *

На второй день погода стояла облачная и вѣтреная — въ поле не поѣхали: стали токъ готовить и молотилку устанавливать.

Ужъ будто по уговору взялся Алексѣй распоряжаться: командовалъ по-военному, суетился, всюду носъ совалъ, топтался—локти на выносъ, картузъ на-бекрень.

Степанъ же ходилъ ласковый, улыбчивый, праздничный, въ лапти чистые обутый и полегоньку псалмы напѣвалъ, будто въ церкви, во время обѣдни. Работу какъ всегда дѣлалъ споро и аккуратно, но ни во что не вникалъ и не мѣшался, словно чужое дѣлалъ, а свою думу думалъ. Послѣ обѣда, когда валъ прилаживали и папашка, красный отъ натуги, сидѣлъ ястребомъ на дышлѣ и сквернословилъ на все гумно, къ крыльцу Вилочкиныхъ подкатилъ черный тарантасъ, запряженный гнѣдымъ жеребцомъ. Изъ тарантаса вылѣзъ урядникъ съ портфелемъ въ рукахъ, за нимъ самъ Мартынъ Ивановичъ въ армякѣ, лавочникъ со станціи, и вслѣдъ за урядникомъ въ избу прошелъ, постукивая кнутикомъ по яснымъ голенищамъ.

Увидѣвъ важныхъ гостей, засуетилась Алена, занавѣской обмахнула лавку и Матрешку на гумны послала.

— Бѣги, Матрешъ, скажи Степанъ Гаврилычу, урядникъ и Мартынъ Иванычъ пріѣхали.

Метнулась дѣвка стрѣлой, издали закричала:

— Дяденьк-я! Дяденьк-я! Тебя кличутъ тамъ... Гости у насъ: лавочникъ да бляха...

Но даже не поднялся Степанъ съ колѣнъ: какъ былъ въ ямѣ подъ колесомъ, такъ и остался, только Матрешку пальцемъ поманилъ.

— А ты попроси ихъ, дѣвонька, сюда, пущай къ намъ потрудятся... Не годится отъ работы уходить.

Удивился урядникъ, что не бѣжитъ Вилочкинъ ихъ встрѣчать. Встали оба, пошли. Лавочникъ надулъ шею, павлиномъ

зашагалъ: поддевка синяя, щегольская борода рыжая по волоскамъ расчесана, глаза на выкатѣ какъ у хищной птицы, ноздри вздернуты, лицо мѣдный тазъ. Заторопились Вилочкины: кто руки вытиралъ, кто рубаху одергивалъ, кто соръ съ волосъ смахивалъ, только одинъ Степанъ по-прежнему землю горстями изъ ямы выгребалъ.

Недоумѣвая, подошли, поздоровались. Тутъ только Степанъ всталъ, отряхнулъ землю, руку гостямъ протянулъ.

— Садитесь, что-ли!

Урядникъ сѣлъ на чурбанъ, портфель на колѣни. Мартынъ Иванычъ оглянулся: скамьи нѣтъ, табуретки тоже... Поддевку поднялъ и на приводъ присѣлъ, ноги раздвинулъ. А Степанъ буравчикъ взялъ, въ ремнѣ дырки сталъ вертѣть.

— Небось, по дѣлу?

Братья въ сторонку отошли, насторожились, уши навострили.

— Собственно говоря и во всякомъ случаѣ, конечно, по дѣлу...—скороговоркой произнесъ урядникъ и закрутилъ бѣлесый усъ вверхъ до хитраго, мышинаго глаза, а самый глазъ скосилъ на кончикъ уса и выпятилъ толстыя губы. — Потому что имѣя къ тебѣ, Степанъ Гаврилычъ, уваженіе, хотѣлъ бы запастись протокольцемъ.

— А это, собственно, насчетъ чего?

Урядникъ значительно улыбнулся, подмигнулъ, щелкнулъ пальцемъ по портфелю.

— Насчетъ ночного происшествія съ преднамѣренной цѣлью. Хотя, собственно говоря, сей случай имѣлъ безплодныя послѣдствія, однако же по закону полагается, какъ если бы все.

— Митьку-злодѣя повѣсить мало. Вотъ оно что!—крикнулъ папашка.

— Ежели его не скрутить, житья отъ него не будетъ.—поддакнулъ Алексѣй.—Вы ужъ, пожалуйста, господинъ урядникъ, поступите съ нимъ по своей строгости...

— Будьте, ребята, благонадежны: упеку.

— А жаль все-таки, что живьемъ изъ рукъ выпустили... По ночному дѣлу оправдали бы васъ и конецъ всему! — вымолвилъ Мартынъ Ивановичъ и сунулъ два пальца за голенище.

Степанъ отложилъ въ сторону буравчикъ и повернулся лицомъ къ уряднику.

— Протокола не нужно. Ничего у насъ, милый человѣкъ, не случилось...

— То-есть, почему и на основаніи какой матеріи полагаешь разсуждать?

— Словъ твоихъ я не понимаю. А скажу тебѣ такъ: ничего у насъ Дмитрій не взялъ... Не онъ намъ, а, небось, мы ему обиду причинили... Человѣкъ человѣка миловать долженъ.

Папашка даже на мѣстѣ подпрыгнулъ и носомъ засопѣлъ.

— И-и, что говорить... Да какъ же это мыслимо?!

— Никакъ невозможно!—важно сказалъ урядникъ, и мышиные глазки его забѣгали по Степану.—Безплодно разсуждать послѣдствія въ ихъ полномъ единомысліи. Судъ — дѣло коронное! Значитъ, отвѣчай...

— Онъ мнѣ, подлюга, палецъ прокусилъ...—мрачно припомнилъ Ѳома.

Степанъ выпрямился; вскинулъ голову и такимъ пристальнымъ, по-прежнему тяжелымъ и твердымъ взглядомъ окинулъ братьевъ, что тѣ даже разошлись въ разныя стороны. Алексѣй только рукой махнулъ и пошелъ къ молотилкѣ.

— Нѣтъ у меня въ сердцѣ суда для этого человѣка. Кончены разговоры, милый.

Урядникъ свирѣпо закрутилъ усъ и скосилъ на него глазъ. Потомъ всталъ, поправилъ желтый кобуръ съ револьверомъ, взялъ подъ мышку портфель.

— Придется о семъ доложить господину земскому начальнику... Случай выходящій...

— Какъ хочешь... Только тутъ твой начальникъ не властенъ.

— Не годится мнѣ, лицу законному, твои размышленія слушать... Ну, прощайте... Дѣло есть на деревнѣ... Вы, меня, смѣю полагать, Мартынъ Иванычъ, къ станціи подвезете?

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Еще маленько посижу, и поѣдемъ.

Урядникъ повернулся на каблукахъ, и, бряцая шашкой, пошелъ черезъ огороды размѣреннымъ солдатскимъ шагомъ. Упрямство было въ его спинѣ и оскорбленное самолюбіе.

А Мартынъ Иванычъ, хоть и злился теперь, сидя какъ ворона на заборѣ, однако уронить себя не хотѣлъ. Любилъ лавочникъ степенно поговорить, любилъ, чтобы его слушали и въ разговорѣ поддакивали: къ большому почтенію привыкъ, потому что имѣлъ деньги, дворъ, желѣзомъ крытый, двѣ лавки и всѣхъ мужиковъ въ кулакѣ держалъ, скупая на станціи хлѣбъ.

Завелъ разговоръ о погодѣ, о томъ, что зерно нонѣшній годъ совсѣмъ пустое, дрянь: цѣны станутъ низкія, овесъ, дай Богъ, чтобъ до полтинника дошелъ. Про лавку помянулъ: пристройку новую поставилъ... Дорого плотники съ него содрали:

на станціи вокзалъ передѣлываютъ, вотъ они, мерзавцы, и пользуются. И о лѣсѣ не забылъ сказать, что Красавскіе погорѣльцы отдаютъ ему за пустяшныя деньги почти у самаго большака. Осторожно, околицей началъ подходить къ тому, чтобы узнать, сколько и по какой цѣнѣ можетъ поставить ему Вилочкинъ вагоновъ хлѣба.

Облака тянулись по небу сѣрыми грядами — медленно, важно, тихо, словно на богомолье, и грузно переваливали черезъ темно-зеленый дубнякъ на бугрѣ. На остромъ, желтомъ жнивьѣ рѣзко кричали галки. Вѣтеръ доносилъ запахъ дыма и печенаго хлѣба. Гдѣ-то лился замирающій лепетъ бубенцевъ. А лавочникъ все говорилъ, никакъ не могъ остановиться.

Послушалъ Степанъ, на лавочника поглядѣлъ, чуть-чуть усмѣхнулся.

— Все безпокоишься, хлопочешь, Мартынъ Иванычъ? Все мало намъ съ тобой... Пока земля не засыплетъ, пока досыта ею не наѣдимся. Ты, можетъ, сегодня до горы не доѣдешь, а у людей послѣдній кусокъ изъ горла норовишь вытянуть.

Мартынъ Ивановичъ даже обмякъ весь, впередъ подался, опалѣлъ. Братья переглядывались, ушамъ не вѣрили: совсѣмъ рехнулся старшой. Для нихъ Мартынъ Ивановичъ—первый человѣкъ, самъ Степанъ ему почетъ оказывалъ, а теперь въ глаза коритъ...

А Степанъ опять пристально сталъ дырки вертѣть въ ремнѣ и сказалъ:

— Мѣрами собираемъ, а птицы прилетятъ, по зерну все расклюютъ. Было и нѣтъ! На далекое гадаемъ—коротко кончается... Потому приходимъ и уходимъ—вонъ, какъ облако...

— Непутевое ты болтаешь... Не то, чтобъ сурьезно, а такъ глупости. Али пьянъ?—черезъ силу выдавилъ изъ себя лавочникъ слова, наливаясь бурой краской отъ шеи къ щекамъ,—я къ тебѣ за дѣломъ, за настоящимъ: землю тебѣ приторговалъ у Николаихи... Согласна она, значитъ, продать, а ты мнѣ акаѳистъ читаешь.

— А на кой мнѣ твоя земля?

— Ей-Богу, съ ума спятилъ,—крикнулъ лавочникъ.—Смѣешься надо мной, что ли? У меня языкъ свой собственный, отъ Бога привѣшенъ: даромъ я его изъ-за васъ трепалъ...

Былъ серьезенъ Вилочкинъ, нахмурился, кивнулъ головой въ сторону братьевъ.

— Это ты, вотъ, имъ говори... А я въ землѣ и такъ утопъ.

Сказалъ, метлу въ руки взялъ и сталъ чисто-на-чисто токъ мести.

* * *

Заночевалъ Степанъ въ полѣ, докашивая послѣднія полъ-нивы овса въ дальнемъ логу.

Уже темнѣло, когда положилъ онъ послѣдній рядъ. Возвращаться домой пѣшему было неохота, а потому, покрошивъ хлѣба съ лукомъ въ квасъ, неспѣша поѣлъ, радуясь, что можно расправить затекшую спину, онѣмѣвшія руки, поглядѣть въ небо, гдѣ такъ чисто и ясно звѣзды—свѣчи воску яраго — одна за другой зажигались.

Отъ прудка, что поблескивалъ внизу подъ купой ветлъ темнымъ зеркаломъ,—шла влага душистая, освѣжала потное тѣло и обожженное жаромъ лицо. Въ поляхъ тонко и безмѣрно часто стрекотали кузнечики и трепетъ звонкій столбами въ вышину несся.

Никого не было кругомъ—ни души... Замыкался логъ кольцомъ, и, будто глубокая чаша, налитая по края зыбкими звѣздами, опрокинулось надъ нимъ небо, и радостно было Степану не слышать человѣчьяго голоса, не видѣть ничего, кромѣ смутно бѣлѣющаго жнивья, кромѣ струистаго мерцанія высотъ...

Лежалъ, прикрывшись армякомъ, на межѣ, духъ росный, мятный полной грудью вдыхалъ, а въ груди будто теплился, разгораясь, пламень тихій, какъ зажженная лампада.

Хотѣлъ, было, подумать о Мартынѣ Иванычѣ и николаевской землѣ, о томъ, какъ бы поскорѣй покончить съ ней и разбить на четыре поля, и сколько придется поставить зерна лавочнику, чтобы не залѣзть съ покупкой въ долги... Но былъ Мартынъ Иванычъ съ его амбарами, домомъ и торговыми дѣлами такимъ далекимъ, неяснымъ, чужимъ... И новая земля уплывала изъ памяти быстрою рѣкой... Хотѣлъ вспомнить о семейскихъ, о домѣ, о лошадяхъ, о томъ, что было въ жизни, о покойной женѣ,—не могъ, какъ если бы все уже кончилось, покрылось пепломъ, стало не важнымъ и не нужнымъ, какъ будто додумалъ онъ до конца всѣ мысли свои и теперь ждалъ покорно и радостно, чтобы впустили его въ тѣ двери, передъ которыя онъ пришелъ; какъ будто скинула его душа тяжелыя цѣпи, бремя великое, ждала послѣдняго зова, слова послѣдняго, котораго не могъ сказать ему ни Владиміръ Николаевичъ, ни отецъ Петръ; которое, какъ облако низкое, покрыло его тогда, въ

церкви и грозно, чернымъ тлѣномъ одѣтое, явилось ему во снѣ; къ которому хотѣлъ прилѣпиться Степанъ, когда Гараську изъ рукъ отца отнялъ, когда отъ жалости кузнецу руки распуталъ...

Уже зналъ, что какъ отъ горькой полыни отвернулось сердце отъ всего, что прежде любилъ и почиталъ единственнымъ, зналъ, что отъ прежняго ключи уронилъ словно въ темную воду...

И было странно—покойно и легко на душѣ... Точно ждала она далекаго вѣтра, который разгонитъ послѣднiй туманъ и понесетъ ее къ новому берегу...

Смутно бѣлѣли жнивья. Ночь ярче разгоралась. Млечный путь надъ молчанiемъ лога раскинулся, какъ мглистый мостъ, трепещущiй безчисленными огнями.

Глядѣлъ Степанъ на дорогу безкрайнюю, вышнюю, оторваться не могъ... Потомъ глаза завелъ . . . .

. . . .

Много ли времени прошло—сказать не могъ, только сразу очнулся отъ великаго звона.

Густо-переливчато гудѣла подъ ухомъ земля. Звенѣлъ воздухъ голубой, бѣлымъ туманомъ, какъ пологомъ, крытый. Звенѣла синимъ огнемъ звѣзда утренняя хрустальная. Будто голоса перепелиные задыхались, серебромъ перекликались. Будто жаворонки въ предразсвѣтной чистотѣ жемчугъ сыпали. Безкрайняя земля мглой, какъ ладономъ роснымъ, курилась.

Всталъ на колѣни Степанъ лицомъ туда, откуда взойти солнцу, видитъ: млечный путь протянулся по жнивью сверкающей дорогой, и по дорогѣ той шествуетъ Странникъ.

Надъ нимъ звѣзда утренняя—какъ пламень.

Взглянулъ въ лицо идущему Степанъ и призналъ Его.

Волосы пушистые, длинные—какъ пряди тумана. Станомъ худъ и высокъ, лицомъ тонокъ и смуглъ, какъ рожь, что колосомъ наливается. Глаза—пристальные, печальные, а уста свѣтло улыбаются и походка легкая, радостная. Идетъ босой по жнивью колючему, веревкой въ поясѣ перевязанъ, посохомъ подпирается.

И шепнулъ кто-то Степану на ухо.

— Вставай... Пойдемъ...

Словно отрываясь, дрогнуло въ тоскѣ сердце у Степана, и послѣднiй разъ о землѣ, о домѣ, о добрѣ нажитомъ подумалъ онъ, слезой облился...

А Странникъ поровнялся, и взглядъ его былъ подобенъ упавшему изъ-за облака лучу.

— Ты ли, это, Степанъ сынъ Гавриловъ?—сказалъ Степану голосъ сильный и ясный.

— Я.

— Такъ оставь все, человѣче... И посохъ возьми!

Коснулся двумя перстами груди Степана и произнесъ, удаляясь:

— Нѣтъ земли тебѣ, ибо вся земля твоя... Нѣтъ дома тебѣ, ибо домъ твой—душа твоя... Иди!

Ударило въ туманѣ солнце мечомъ краснымъ, разодрало завѣсы, цвѣтами оранжевыми затканныя, пролилось дождемъ огненнымъ на дорогу, ей же конца не было . . . .

. . . .

Проснулся Степанъ...

Лежалъ на межѣ. Роса инеемъ покрывала его волосы, и жаворонки, въ аломъ сіяніи, хрустальными голосами взвивались къ небесамъ.

* * *

Уже скотину выгонялъ пастухъ, и розовое курево колыхалось надъ трубами, когда прошелъ по деревнѣ Вилочкинъ домой безъ шапки, распоясанный. Бабы, мужики у телѣгъ хлопотали, за снопами собирались ѣхать, Алена въ печь хлѣбы сажала. Еще въ избѣ темно было и, когда Степанъ на порогѣ явился, не узнала сына своего мать, а, приглядѣвшись, ахнула и хлѣбъ съ лопаты на полъ уронила.

Молчалъ Степанъ, дышалъ часто, смотрѣлъ пронзительно и странно. Волосы кругомъ головы на подобіе дыма стояли. Воротъ рубахи былъ разстегнутъ.

Почуяло сердце Алены недоброе, забыла она страхъ свой долголѣтній,—къ сыну бросилась, руками высохшими обвила.

— Степанушка!.. Что съ тобой, касатикъ!!

Цѣплялась за него, завыть хотѣла, да строго остановилъ ее Степанъ, материнскія руки отвелъ.

— Поди, старая, собери всѣхъ въ избу.

— Да что ты, дитятко, надумалъ? Охъ, батюшка, снимешь ты съ меня голову...—затряслась Алена.

— Поди, говорю, мамушка, кликни всѣхъ!

Не посмѣла старуха ослушаться: по стѣнкѣ доползла до сѣней и кликнула Ѳедора.

— Зоветъ васъ Степанъ Гаврилычъ къ себѣ. Охъ, дѣтушки, видно, конецъ ему приходитъ: не въ себѣ онъ...

Бросились братья въ избу, влѣзъ старикъ, за нимъ бабы.

Ребята съ печи головы повысунули, Алена на лавку подъ образами грохнулась. Отъ народа еще темнѣй стало. Жужжали безсонныя мухи, хлѣбами пахло, въ люлькѣ уродъ скулилъ.

Поверхъ всѣхъ головъ смотрѣлъ Степанъ на потолокъ черный, говорилъ каждое слово отдѣльно и ясно.

— Вотъ, братья. Долженъ оставить я васъ. Жили со мной, безъ меня проживете. Ничего мнѣ не надо, ничего тутъ моего нѣтъ, все ваше, берите!—вытянулъ изъ-за пазухи крестъ и развязалъ съ шнурка крохотный ключикъ.—Вотъ, Алексѣй, ключъ. Сундукъ отопрешь—щекатулка тамъ. Въ щекотулкѣ—деньги. Думалъ землю куплять—не привелось. Живите въ мирѣ и согласіи. А я пойду.

Помолчалъ и всѣхъ глазами обвелъ—такъ важно и строго.

— А теперь, значитъ, простите меня, Христа ради. Если кого чѣмъ обидѣлъ—по неразумѣнію.

Кинулись братья къ старшому, обступили, загудѣли, а бабы концами платковъ слезы вытирали.

— Ну, чего ты?.. чего?! Куда тебѣ иттить? Эка выдумалъ... Мы—што, ты насъ, прости, ежели кто... Живи, значитъ, на отдыхѣ... И дѣло съ концомъ. Всѣмъ хватитъ.

Но вдругъ заторопился Степанъ.

— Рубаху мнѣ, мамушка, дай чистую... Рубаху перемѣню я.

Подошелъ къ ушату съ водой, черпнулъ ковшемъ, долго пилъ, напиться, словно, не могъ. А папашка захлюпалъ носомъ, тонко загнусавилъ:—Сжили вы его, окаянные... У... у... срамники...

Алена принесла рубаху, надѣла на сына; не стерпѣла, взвыла и въ ноги ему пала. Тутъ первый разъ дрогнуло лицо у Степана, наморщился онъ, погладилъ мать по сѣдымъ космамъ.

— Чего ты, старая, убиваешься? Или не знаешь, что всѣ мы—странники земные... Или не знаешь, что жизнь коротка наша, что человѣку подвигъ нуженъ. Не уговаривайте меня, не держите... Время мое пришло... Не плачь! Ступай, приготовь мнѣ холщевую сумку, положи хлѣба да соли.

Поняли всѣ, что не переломить имъ Степана, и стали прощаться словно съ покойникомъ . . . .

. . . .

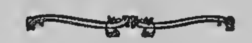
Въ шапкѣ старой, въ худомъ армячишкѣ, веревкой перепоясанный, съ палкой въ рукѣ вышелъ Степанъ за осиновую рощу, нѣжно лепетавшую уже опаленной вверху листвой. Въ послѣдній разъ оглянулся на избу темную, гдѣ столько годовъ

несъ земную тяготу, гдѣ родился, жилъ и добро наживалъ по крохамъ въ мукѣ и заботахъ. Перекрестился, поправилъ сумку и въ путь двинулся...

Уже высоко на бирюзѣ неба стояло палящее солнцо, росу пило. Четкимъ золотомъ блистали жнивья, синеватымъ заревомъ курилась земля. Уходила дорога въ безкрайнія поля.

И скоро потонулъ въ нихъ странникъ Степанъ Вилочкинъ.

К. и О. Ковальскіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Сонетъ.

Святой Францискъ шелъ съ братьями полями.
Тамъ множество увидѣлъ птицъ, и къ нимъ
Приблизился и съ рвеніемъ святымъ
Увѣщевалъ ихъ нѣжными словами.
«Сестрицы-птицы. Миръ Господень съ вами,
Хвалу мы вмѣстѣ Богу воздадимъ.
Онъ вашъ Отецъ. Вы живы имъ однимъ,
Онъ одарилъ васъ дивными дарами.
Невѣдомы заботы вамъ, печаль.
Онъ кормитъ васъ, хранитъ и одѣваетъ.
Хвалите жъ, сестры, пѣснями Творца».
И птицы слушаютъ блаженнаго отца.
Окончивъ рѣчь, онъ ихъ благословляетъ
И птицы съ пѣньемъ улетаютъ вдаль.

II.

Легенда.

Я когда-то была королевою.
Я когда-то надъ моремъ жила.
Быть холодной, надменною дѣвою
Я навѣки себя обрекла.
    Сердцемъ я помѣнялась съ ундиною,
    Когда сердце дрожало отъ мукъ.
    Шею помню ея лебединую,
    Бѣлизну ея вкрадчивыхъ рукъ.

На пескѣ я лежала безгласная....
Бѣлый парусъ терялся вдали.
Мое счастье лучистое, ясное
Уносили съ собой корабли.
И она подплыла удивленная,
Но печали понять не могла.
И взяла мое сердце влюбленное,
А взамѣнъ мнѣ свое отдала.

III.

Въ лѣсу отрадно бродить безъ думы
Ловить душою лѣсные шумы.
Деревья мудры, ихъ вѣще слово,
Оно для сердца звучитъ не ново.
Давно забыли мы мудрость міра,
Мысль одинока, больна и сира.
Намъ непонятны живыя рѣчи,
И всѣ мы съ вѣчнымъ страшимся встрѣчи.
Спѣша, безпечно проходимъ мимо
И тайна міра для насъ не зрима.

Екатерина Бунге.

ПРИЗНАНІЕ.

(Записки дѣвушки).

Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ тобой, когда мы ѣхали въ Стокгольмъ на свой урокъ. Вышло тогда такъ глупо, что мы могли быть вмѣстѣ меньше часу и не однѣ. Понятно, я не могла сказать тебѣ ни слова. Ты написала мнѣ, испуганная моимъ видомъ: «Что съ тобой, бѣдная дѣвочка? Что тебя сломило? Какая ты была радостная, смѣлая и такая прямая, какъ стрѣлка»... Я не отвѣтила. Ты еще разъ написала. Я не отвѣтила. Много писемъ было отъ тебя, я не отвѣчала, хотя посылала тебѣ безсодержательныя фразы. Но мнѣ все время хотѣлось, безумно хотѣлось, разсказать все. Знаешь, какъ мы говорили когда-то—излиться. Чтобы все пробилось наружу, какъ потокъ, прорвавшій плотину... Если бы ты была со мной, такъ бы и случилось, и мнѣ было бы легче. Въ письмѣ развѣ можно написать все? Я завела большую тетрадь и стала записывать, какъ я жила. Хочу, чтобы ты знала, ты, самый дорогой, самый близкій человѣкъ. Что я пережила—это переживается разъ въ жизни. Это такъ придавило меня, что твоя стрѣлка не выпрямится больше никогда...

Цѣлыми днями лежала на кровати и вспоминала, какъ все было, а вечерами писала въ этой тетради не то дневникъ, не то исповѣдь...

Я была тогда еще на курсахъ. Первый разъ встрѣтила этого человѣка на студенческомъ балу. Насъ познакомилъ мой двоюродный братъ. Я имъ сначала не заинтересовалась, потому что онъ не танцуетъ, а я любила танцовать. Много танцовала, но замѣтила нѣсколько разъ, что онъ внимательно разсматривалъ меня.

— А вы хорошо танцуете,—сказалъ онъ.—Пріятно на васъ смотрѣть. Вижу, что вы любите танцы.

— А вы любите?

— Мнѣ кажется, что танцы вещь смѣшная. Это такъ странно. Стоитъ или сидитъ человѣкъ и вдругъ начинаетъ прыгать и бѣгать, какъ сумасшедшій. Нѣкоторыя дѣлаютъ это красиво, но большинство... Посмотрите, есть такія серьезныя, даже мрачныя лица и такія угловатыя, растрепанныя движенія, что смотрѣть противно...

Мы пошли пить чай. Я разсматривала его съ любопытствомъ. Онъ не красивый, но очень статный. Высокій, стройный, сильный.

— Танцы на нашихъ балахъ, это кривлянья дикарей,— говорилъ онъ,—но когда танцуютъ дикари—это понятно. Это единственный способъ, какимъ они могутъ выразить внутреннія переживанія, волнующія ихъ, таинственныя, для которыхъ они не находятъ ни словъ, ни мыслей. Въ пляскѣ дикарей есть что-то мистическое. Но культурный плясунъ—это нѣчто издерганное, фальшивое...

У него пріятный голосъ, звучный и сильный. Онъ сдерживаетъ его, когда говоритъ. Но иногда онъ прорывается. Звучитъ громче, и тогда особенно чувствуется его сила.

— Дикарь пляшетъ отъ избытка жизни, а они отъ скудости ея,—продолжалъ онъ.—Въ душѣ у нихъ пусто. Вертятся и скачутъ, чтобы уйти отъ пустоты... Да только не уйдешь отъ нея никакимъ вальсомъ.

Хотя мнѣ казалось значительнымъ каждое его слово, я все-таки пробовала возражать.

— Когда человѣку скучно, понятно, что онъ ищетъ развлеченія,—сказала я, чувствуя, что краснѣю.

— Есть только одно средство противъ скуки и пустоты: борьба и преодолѣніе. Преодолѣть все, что мѣшаетъ жизни. Телѣга жизни тащится слишкомъ медленно, цѣпляется за камни, вязнетъ въ болотѣ. Надо раскидать камни, взорвать ихъ, надо осушить болото, надо расчистить горизонтъ. Если уйти въ это,— не захочется плясать...

Я плохо разбиралась въ томъ, что онъ говорилъ, но испытывала большое внутреннее волненіе отъ его словъ. Это былъ первый человѣкъ, въ которомъ я вдругъ почувствовала мужчину. Эта наша короткая встрѣча, нашъ незначительный разговоръ, почему-то показались мнѣ страшно важными. Я была охвачена чѣмъ-то новымъ, чего во мнѣ раньше не было.

Онъ проводилъ меня до дому. Въ два часа ночи мы шли пѣшкомъ.

— Когда разлетятся всѣ препятствія, давящія жизнь,— говорилъ онъ,—человѣкъ выпрямится во весь свой ростъ. Онъ ходитъ сейчасъ согбеннымъ, съежившимся, говоритъ не свои мысли, живетъ не своей волей... Онъ втиснутъ въ закоулокъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Но если найдется десять воль, которыя скажутъ одно—хочу!—то сила ихъ будетъ непреодолима...

Мнѣ было такъ легко съ нимъ. Я не шла, а какъ будто неслась надъ землей. Онъ говорилъ еще много. Я больше слушала его голосъ, чѣмъ слова. Но помню, что въ душѣ, гдѣ-то далеко, далеко звучалъ шепотъ моихъ мыслей: «Это онъ, онъ... Это тотъ, который опредѣленъ для меня судьбой»...

— Приходите къ намъ,—сказала я, когда мы остановились возлѣ нашего подъѣзда.

— Хорошо, приду,—отвѣтилъ онъ, задерживая мою руку.

— И вы ко мнѣ приходите,—прибавилъ онъ.—Я полагаю, вы не изъ тѣхъ, которыхъ отпускаютъ только со старшими...

— Я всегда хожу одна,—гордо сказала я.

Мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ. Становилось такъ весело и жутко при мысли, что я пойду къ нему. А я рѣшила, что пойду.

Ты знаешь, какъ я люблю свою постель, уютную, мягкую, единственную повѣренную моихъ тайнъ. Я спрятала голову въ подушку и шептала: «Придетъ, онъ придетъ... Такой высокій, сильный... Онъ знаетъ что-то большое, чего я не знаю. Онъ манитъ въ какія-то невѣдомыя дали»...

Я не спала и двухъ часовъ, а проснулась бодрая, свѣжая, сильная, гордая сознаніемъ того, что со мной говорили такъ серьезно о какихъ-то важныхъ, глубокихъ вещахъ...

Приготовляя кофе отцу, придумывала, какъ сказать ему, что придетъ неизвѣстный господинъ. Ты знаешь моего старика. Съ нимъ трудно. Онъ начнетъ разспрашивать подробно, кто да что, чѣмъ занимается, кто его родители, гдѣ служитъ. Но я сама ничего не знала о немъ. Никита Кашинъ, художникъ—вотъ и все. Никъ... высокій, сильный.

— Товарищъ Володи,—вотъ все, что́ я сказала.

Володя—мой двоюродный братъ.

— Товарищъ?.. Что такое? Товарищей много. Не всякаго товарища можно въ домъ пускать. Что же онъ самъ его не привелъ? Дѣвушкѣ не прилично зазывать молодыхъ людей.

Такъ меня покоробило это «зазывать», что я невольно солгала.

— Онъ самъ захотѣлъ притти.

— Захотѣлъ!? Вотъ это умное возраженіе. Всякій, кто пожелалъ, можетъ, по-твоему, лѣзть въ домъ.

Извѣстно, что, что бы я ни сказала, отецъ на все посмотритъ иначе и перевернетъ по-своему. Поэтому я умолкла, а потомъ ушла въ свою комнату. Тамъ неожиданно разревѣлась. Незначительный разговоръ съ отцомъ поселилъ въ немъ навсегда неблагосклонныя отношенія къ Нику.

Онъ пришелъ черезъ недѣлю и мнѣ не понравился. Былъ какой-то совсѣмъ другой. Застѣнчивый, неловкій. Какъ-то странно поддѣлывался къ отцу, хотя тотъ оставался непреклонно сухъ и оффиціально вѣжливъ. Я была рада, когда онъ ушелъ, а когда ушелъ, то стало скучно, скучно...

Рѣшила, что онъ не долженъ ходить ко мнѣ. Цѣлыми днями думала о томъ, какъ пойду къ нему. И пошла.

Вотъ какой былъ мой первый визитъ.

— Вамъ нельзя, нельзя у меня оставаться!—сказалъ онъ, едва поздоровавшись.

Схватилъ пальто, шапку и моментально выставилъ меня изъ квартиры. Мы вышли вмѣстѣ. Онъ позвалъ извозчика и сказалъ ему ѣхать къ Николаевскому мосту. До самаго моста ѣхали молча. Лицо у него было блѣдное, даже зеленоватое. Сидѣлъ согнувшись, точно что его придавило. Ни разу не улыбнулся. Возлѣ моста мы встали, и онъ отпустилъ извозчика.

— Дайте мнѣ руку,—сказалъ онъ.—Опирайтесь сильнѣе. Я хочу чувствовать, что на моей рукѣ лежитъ ваша рука. Вотъ такъ... У меня случилась большая непріятность, вѣрнѣе неудача... Очень большая неудача... Знаете, я не думалъ, что вы придете. Къ вамъ ходить я не стану... Спасибо, что пришли. Мнѣ хорошо съ вами. Вы—смѣлая?

— Право, не знаю,—отвѣтила я совершенно искренно.— Какъ это знать, когда не было случая испытать себя.

— Хотите имѣть такой случай?

— Хочу.

Сердце у меня сильно билось, но я старалась скрыть свое волненіе.

— Моя неудача заключается въ томъ, что неожиданно арестовали человѣка, который мнѣ помогалъ...

Мы шли по набережной, близъ Лѣтняго сада. Вошли въ садъ и сѣли на скамью.

— Нужно сегодня привезти изъ Финляндіи небольшой багажъ. Вы можете?

— Хорошо.

— Васъ могутъ арестовать, а затѣмъ и сослать на каторгу.

Онъ говорилъ очень серьезно. Ни малѣйшаго страха не было во мнѣ. Напротивъ, все казалось легко и просто.

— Я только хотѣла бы ночевать дома. Я не сказала...

— Если поѣдете сейчасъ, то къ 10 вечера будете дома.

— Хорошо, сказала я.

Онъ вынулъ часы.

— Подумайте... Еще есть сорокъ минутъ.

— Что же думать. Если нужно, я поѣду.

— Очень нужно.

— Я рада, что могу сдѣлать то, что нужно.

— Вотъ вы какая!

Онъ поглядѣлъ на меня и улыбнулся. Лицо его просвѣтлѣло.

— Вы—настоящая.

— Что это значитъ?

— Настоящій человѣкъ, рѣшительный и смѣлый.

— Лучше разскажите, какъ и что дѣлать. Времени мало.

— Посмотрите туда.

Онъ указалъ глазами въ конецъ аллеи.

— Видите высокаго господина въ бѣлой папахѣ?

— Вижу. Онъ идетъ сюда.

— Да. Онъ сейчасъ пройдетъ мимо насъ. Полюбуйтесь, какой бравый парень.

— Я опоздаю на поѣздъ,—сказала я нетерпѣливо.

— Не опоздаете.

Человѣкъ въ черкескѣ и папахѣ приближался къ намъ.

— Вы разсмотрите хорошо этого черкеса.

Пораженная жирнымъ, одутловатымъ лицомъ незнакомца, я не удержалась отъ восклицанія:

— Какой некрасивый!

Черкесъ прошелъ мимо, не взглянувъ на насъ.

— Онъ дѣльный. Я васъ познакомлю съ нимъ. Единственный дѣльный человѣкъ...

— Это также нужно?

— Да, нужно. А ѣхать вамъ не нужно.

— Какъ не нужно?

Знаешь, я обидѣлась и разсердилась. Пришло въ голову, что онъ подшутилъ надо мной.

— Если вы шутили,—сказала я,—то это глупо.

Онъ улыбнулся.

— Богъ мой, какая же вы хорошая!—воскликнулъ онъ.— Какое счастье, что я васъ нашелъ. Надо это отпраздновать.

Поѣдемъ кутить, т. е. пить кофе къ Андрееву. Навѣрное, вы такъ же голодны, какъ и я. Теперь мнѣ стало весело. Вѣдь, у меня все поправилось, все наладилось...

Онъ вдругъ преобразился, выпрямился, глаза горѣли, на лицѣ свѣтилась усмѣшка.

— Взялъ бы васъ за руку, и побѣжали бы мы шибко, шибко! Вѣдь, это же чудесно, что вы на меня разсердились. Самое трудное дѣло на свѣтѣ найти человѣка. А я нашелъ! Жаль, вотъ не понравился вамъ мой черкесъ. Ну, ничего: познакомитесь—полюбите.

— Не полюблю. Я это сразу вижу.

— Идемъ, идемъ, идемъ! Бѣжимъ, спѣшимъ, спѣшимъ!— пропѣлъ онъ, взялъ меня подъ руку, и мы шибко пошли.

— Вы не сердитесь, милая моя!—говорилъ онъ.—Дѣло наладилось такъ, что сегодня ѣздить не надо. Я не шутилъ. Не сталъ бы шутить такими вещами. Въ будущемъ мнѣ придется обратиться къ вашей помощи не разъ. Какъ только будетъ нужно, я напишу вамъ. Такъ, напишу какой-нибудь вздоръ. А вы знайте, что это значитъ я прошу васъ къ себѣ...

Такъ совершилось мое посвященіе въ «дѣло». Я отдалась ему вся. Былъ большой періодъ, когда я каждый день уходила изъ дому рано утромъ и возвращалась поздно вечеромъ. Для отца и тетушки я готовилась къ экзаменамъ съ подругой. Въ дѣйствительности я исполняла множество порученій Ника. Такъ уставала, что валялась дома пластомъ. Никиту я любила. Ходить къ нему, видѣть его сдѣлалось непреодолимой потребностью. Но между нами не было произнесено ни одного слова о любви. Были чисто товарищескія, дѣловыя отношенія.

Я пошла къ нему въ свѣтлый майскій полдень. У меня былъ свой ключъ отъ его квартиры, и я могла приходить, когда его не бывало дома. Былъ удивительный день настоящей весны. Онъ звалъ людей, чтобы они куда-то шли, что-то дѣлали. Не туда и не то, что всегда... Меня тянуло къ Нику. Казалось, что сегодня у насъ что-то выяснится. Была въ такомъ настроеніи, что, казалось, какъ войду къ нему, обниму его крѣпко и поцѣлую въ губы. Но когда подошла къ двери, все куда-то провалилось.

Постучала. Его не было. Я чуть не заплакала отъ досады. Вошла къ нему и увидѣла на столѣ записку. Она была безъ обращенія, но я знала, что это мнѣ. «Нашелъ чертовски великолѣпную мастерскую. Приходите». И адресъ.

Онъ давно говорилъ, что хочетъ писать картину и не находитъ мастерской. Работалъ у какого-то товарища, который уѣхалъ въ Парижъ, а мастерскую захватилъ фотографъ. Жаловался Никъ давно, что не можетъ никакъ устроиться.

Чертовски великолѣпная мастерская помѣщалась въ ветхомъ деревянномъ домишкѣ на Васильевскомъ островѣ. Я ее не сразу нашла. Она находилась въ мезонинѣ. Но внутренняго входа въ мезонинъ не было, а надо было лѣзть по отдѣльной лѣстницѣ снаружи, со двора. Лѣстница покосилась на бокъ; ступеньки отчаянно скрипѣли.

Онъ встрѣтилъ меня на площадкѣ.

— Какъ хорошо, что вы пришли! Помогите мнѣ устроиться. Смотрите, какая прелесть: просторъ, много свѣта и никого рядомъ...

Огромная комната, раздѣленная занавѣской, была совсѣмъ пустая. Посрединѣ стоялъ большой мольбертъ, закрытый чернымъ коленкоромъ. На табуретахъ валялись кисти, краски, палитра. На полу—свертки хлѣба. Стѣны голыя. Въ углу стояла старая потертая гитара.

Онъ былъ радостно возбужденъ. Держалъ мои руки и долго ихъ разсматривалъ.

— Какія руки у васъ!.. Мягкія, тонкія.. Смотрите, можно сложить вдвое. Вы дадите мнѣ вашу руку для одной картинки?

— Хоть обѣ.

Онъ оставилъ мои руки; опросталъ табуретку и сказалъ:

— Садитесь, а я буду ходить.

Но онъ не ходилъ, а отошелъ въ уголъ, гдѣ стояла гитара, и смотрѣлъ на меня нѣсколько мгновеній молча. Потомъ взялъ гитару и, стоя, заигралъ. Просто какіе-то красивые аккорды, звучные и нѣжно-трогательные. Звуки переходили въ тихую жалобу... Онъ сѣлъ на подоконникъ и продолжалъ играть, какъ бы забывъ о моемъ существованіи.

— Зачѣмъ такое печальное?—спросила я.—Такъ хорошо свѣтитъ солнце...

— Это я вамъ жалуюсь.

Онъ поставилъ гитару и подошелъ ко мнѣ.

— Мнѣ такъ хочется работать и такъ рѣдко удается. То не было мастерской, то не было времени, то не приходило настроеніе...

— Можетъ быть, я мѣшаю. Скажите, милый, правду...

— Совсѣмъ не то... Богъ мой, развѣ вы можете мѣшать?

Напротивъ, какъ только вы пришли, меня потянуло къ работѣ... Пойдемъ, я покажу вамъ.

Онъ взялъ мою руку, положилъ ее къ себѣ на плечо и обнялъ меня за талію, какъ въ танцѣ. Мы подошли къ мольберту. Онъ сбросилъ покрывало. На полотнѣ стояла странная фигура—безъ лица и безъ спины. Вмѣсто нихъ были бѣлыя пятна, непріятно рѣзавшія глаза. Руки были приподняты; одна держала кисть винограда; другая—опрокинутую чашу. Ноги, великолѣпно написанныя, совсѣмъ живыя, стояли на коврѣ въ позѣ пляски. Правая была выдвинута впередъ, а лѣвая приподнята и откинута назадъ. Вся фигула была повернута влѣво, такъ что локоть правой руки и правое плечо выступали впередъ.

— Что мнѣ дѣлать, что дѣлать, когда у меня нѣтъ лица и спины. Богъ мой, сколько я перебралъ моделей и не нашелъ ничего! Это вакханка... Если въ пляскѣ не будетъ настоящей спины—картина не выйдетъ. Не выйдетъ пляски. Пляска вся въ спинѣ...

Онъ провелъ рукой отъ моего плеча до пояса. Словно ласковый теплый вѣтеръ обвѣялъ меня. Захотѣлось закрыть глаза и прижаться къ нему. Я удержалась и спокойно сказала:

— Моя спина не годится никуда. Она слишкомъ худа.

— Ахъ, не говорите! Вы вся воздушная... У васъ такая походка, что кажется, будто вы идете, не дотрогиваясь до земли... А ваши глаза и губы это то, что́ мнѣ нужно...

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и смотрѣлъ на меня внимательно и серьезно. Сердце мое забилось... Мнѣ безумно хотѣлось въ эту минуту быть похожей на вакханку.

— Надо, чтобы вакханка вся была охвачена одной страстью пляски; чтобы въ ея лицѣ было полное забвеніе всего, что́ она знала и чѣмъ жила до этого мгновенія, чтобы вся она отдалась этому мгновенію, этому восторгу пляски, чтобы пьянѣла въ пляскѣ...

Я пьянѣла отъ его словъ. Встала въ такую позу, какъ его вакханка, и сдѣлала нѣсколько движеній, направляясь къ нему.

— Такъ?—спросила я.

— Еще, еще!—воскликнулъ онъ, схвативъ гитару, и сталъ играть незнакомый мнѣ танецъ, въ которомъ ритмъ бурнаго галопа чередовался съ медлительными, плавными звуками стариннаго менуэта.

Я танцовала, импровизируя невѣдомый танецъ. Онъ вдругъ перестаѣлъ играть, подошелъ ко мнѣ и положилъ руку на плечо.

— Снимите это!.. Снимите все... Надо снять!—настойчиво повторялъ онъ.

Голосъ его звучалъ безстрастно, а глаза были—рѣшительны.

— Хорошо, прошептала я.

Ушла за занавѣску и стала раздѣваться. Никакихъ мыслей въ головѣ не было у меня въ эту минуту. Я раздѣвалась машинально, словно загипнотизированная. За занавѣской стоялъ старый диванъ, обитый темнокраснымъ штофомъ. На диванѣ лежала мягкая шелковая ткань цвѣта темнаго золота. Я завернулась въ нее и сидѣла съ поджатыми ногами.

Полуденное солнце чрезъ большое окно въ потолкѣ заливало всю комнату яркимъ горячимъ свѣтомъ. Я слышала, какъ онъ отодвигалъ мольбертъ и табуретки, какъ возился съ красками, накладывая ихъ на палитру.

— Можно?—спросилъ онъ.

— Да.

Онъ вошелъ, не глядя на меня; схватилъ сложенный въ кучу большой коверъ и разостлалъ его въ мастерской. Опять заигралъ на гитарѣ, но уже не тотъ танецъ, а какой-то другой.

— Танцуйте!—крикнулъ онъ.

Я прислушивалась нѣсколько мгновеній, чтобы уловить ритмъ. Танцуя, вышла въ мастерскую. Не помню, какъ я танцовала. Была какая-то внѣшняя сила, которая управляла мной. Знаю, что мнѣ хотѣлось танцовать, что я вся ушла въ танецъ. Тихіе звуки гитары, ускоряющійся темпъ ихъ заколдовали меня. Онъ смотрѣлъ на меня блестящими глазами все съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ.

— Остановитесь!—сказалъ онъ.—Я буду работать.

Удивительно дѣйствовалъ на меня его спокойный голосъ. Мнѣ хотѣлось безпрекословно повиноваться ему.

Онъ подошелъ ко мнѣ, поставилъ на мѣсто и сталъ писать. Работалъ онъ необыкновенно быстро. Менѣе чѣмъ въ полчаса картина была окончена. Онъ нѣсколько разъ заставлялъ меня отдыхать, закутывая въ мягкую золотистую ткань, и самъ продолжалъ работать.

— Въ душѣ вашей есть вакхическое. Никто, ни вы сами, не знаемъ этого,—сказалъ онъ, когда я одѣвалась за занавѣской.

Когда я вышла, одѣтая, онъ взялъ мои руки, поцѣловалъ ихъ нѣсколько разъ и сказалъ:

— Спасибо, спасибо... Милая вы, милая, милая... Смотрите, спина живетъ... Глаза и губы ваши...

Боже мой, я совсѣмъ не этого ожидала. Я думала, онъ скажетъ, что любитъ меня. Я такъ хотѣла, такъ ждала этого.

Онъ еще что-то говорилъ о картинѣ, но я не слушала. Я ушла, не сказавши ни слова.

Я цѣлую недѣлю не ходила къ нему. Казалось, что я больше никогда не пойду туда, а между тѣмъ страшно тянуло къ нему. Меня то оскорбляло, что онъ смотрѣлъ на меня какъ на натурщицу, то, наоборотъ, казалось, что именно такъ онъ и долженъ былъ смотрѣть, что иначе не имѣлъ права смотрѣть. Но значитъ, онъ не любитъ меня. Я для него не женщина, а модель и больше ничего. А вѣдь я сдѣлала это только потому, что я люблю его. Вѣдь ни для кого на свѣтѣ, ни за что въ свѣтѣ я не сдѣлала бы этого. Для него я все сдѣлаю, потому что люблю его...

Бывали минуты, когда мой поступокъ казался мнѣ чудовищнымъ.

Я смотрѣла на него глазами людей, меня окружающихъ. Представляла себѣ психологію тетушки, отца.

Если бы они узнали, то, пожалуй, заперли бы меня въ сумасшедшій домъ. Я сама съ ужасомъ спрашивала себя—не безуміе ли это?

Какая женщина рѣшилась бы поступить такъ? Не погубила ли я себя въ его глазахъ?

Лежа въ постели, я дрожала какъ въ ознобѣ или, наоборотъ, лицо горѣло отъ стыда какъ въ огнѣ, такъ что болѣли глаза. Старалась припомнить, какъ я рѣшилась сдѣлать это... Не знала. Само сдѣлалось.

То, что онъ поблагодарилъ меня послѣ этого, жгло меня до боли. Если бы онъ взялъ меня на руки, если бы въ порывѣ страсти осыпалъ меня поцѣлуями, если бы въ экстазѣ любви сдѣлалъ надо мной насиліе... Зачѣмъ насиліе? Я сама покорилась бы ему... Вѣдь я любила! Ты пойми, любила! Для того, кого любишь, нѣтъ тайнъ, нѣтъ границы, нѣтъ нельзя. Пусть бы сдѣлалъ все, только не выражалъ благодарности... натурщицѣ. Да, да,—шептала я—ты для него натурщица, модель и больше ничего. Десятки другихъ будутъ стоять передъ нимъ и онъ будетъ смотрѣть на нихъ такъ же, какъ на тебя...

Сколько я пережила въ эти бѣлыя, майскія ночи, въ мучительныя ночи безъ сна!

Приходили и другія мысли, свѣтлыя, радостныя. Онъ поступилъ благородно. Вѣдь онъ художникъ. Онъ смотритъ на

меня, какъ художникъ. Онъ не осквернилъ себя и меня никакими посторонними мыслями. Онъ не видѣлъ женщину. Передъ нимъ были краски, линіи, формы и мысль объ его картинѣ. Вдохновеніемъ творчества жилъ онъ въ эти мгновенія. Онъ не смотрѣлъ на меня, когда переставалъ работать... Меня, какъ живую женщину, онъ не видѣлъ. Онъ видѣлъ только свою картину...

Но затѣмъ опять начиналась сказка про бѣлаго бычка. Значитъ, какъ женщина, я для него не существую; онъ мною, какъ живой, какъ женщиной не интересуется. И такъ далѣе, все то же и то же.

Почему онъ не зоветъ меня? Неужели онъ не понялъ, что я люблю его? Итти безъ зова я не хотѣла. А если онъ не зоветъ, значитъ, находитъ, что я поступила дурно, и ему стыдно видѣть меня теперь...

Въ такихъ размышленіяхъ проходили дни и ночи. Вдругъ онъ пришелъ къ намъ. Отца не было дома, а тетушка великодушно удалилась. Онъ былъ спокойный, ровный, какъ будто ничего не случилось. Во мнѣ все трепетало, но я скоро заразилась его спокойствіемъ. Онъ разсказалъ, что на другой день послѣ того, какъ я была въ мастерской, ему пришлось уѣхать изъ Петербурга и онъ возвратился только вчера.

— Соскучился по васъ,—сказалъ онъ, сжимая мои руки.

Какимъ тепломъ повѣяло на меня отъ этихъ словъ!

Онъ пробылъ недолго. Уходя, сказалъ:

— Приходите, милая. Я такъ хочу васъ видѣть. Приходите сегодня вечеромъ.

Мнѣ больше ничего не было нужно.

— Пойдемъ куда-нибудь,—сказалъ онъ, какъ только я вошла.—Въ театръ, въ концертъ, въ какой-нибудь садъ. Жалко сидѣть въ комнатѣ въ такой вечеръ.

Мнѣ это понравилось. Онъ ушелъ въ другую комнату переодѣться, а мнѣ далъ газету искать развлеченій. Но едва я успѣла взлянуть на нее, какъ онъ вернулся, опустился возлѣ меня на колѣни, положилъ на мои колѣни голову, обнялъ ихъ руками, какъ-то прижался ко мнѣ и сказалъ ласково, тихо, почти шепотомъ:

— Какъ хорошо съ вами! Я такъ усталъ за это время, такъ хочется отдыха, мнѣ такъ легко, такъ уютно съ вами! Положите руки на мою голову. Такъ! Богъ мой, какъ хорошо!

Я наклонилась къ нему, прижала его голову къ своей груди.

— Слышу, какъ бьется, сердце,—продолжалъ онъ.—Часто и сильно.

— Это для тебя,—прошептала я, первый разъ сказавъ ему ты.

Онъ поднялъ голову, всталъ, поглядѣлъ на меня, привлекъ меня къ себѣ и поцѣловалъ. И крѣпко обнялъ. Потомъ сѣлъ въ большое кресло, не выпуская меня, посадилъ на колѣни и сталъ цѣловать глаза, лобъ, губы и все шепталъ: «Милая, милая».

Я замирала отъ счастья. Значитъ, онъ любитъ, любитъ, мысленно шептала я, отдаваясь его ласкамъ. Я не отвѣчала на нихъ. Не могла. Я слишкомъ хотѣла его ласкъ и не мѣшала ему.

— Теперь пойдемъ!—сказалъ онъ веселый, радостный, красивый.

Какъ-то безумно весело было намъ въ этотъ вечеръ.

Мы пошли въ кинему. Смѣялись тамъ, какъ шальные. Пошли въ другую и попали на то же самое, подъ другимъ заглавіемъ и хохотали еще больше. Потомъ онъ проводилъ меня домой.

Много было у насъ такихъ дурацки веселыхъ вечеровъ. Мы ходили въ театры, въ концерты, катались на лодкѣ, гуляли на островахъ. Такъ прошло лѣто. Въ началѣ осени Никъ уѣхалъ. У меня получилась жуткая пустота безъ него. Я вспомнила, что я на курсахъ, и стала усердно посѣщать лекціи.

Скучно было. Онъ не писалъ, и я не знала, гдѣ онъ. Стали приходить старые знакомые, о которыхъ я забыла. Явились толстый Степанъ Иннокентьевичъ Догановъ и тощій, длинный Аркадій Львовичъ Лонскій. Оба немножко ухлживали за мной шутя ревновали, шутя ссорились. Мнѣ иногда бывало съ ними не скучно. Отецъ относился къ нимъ благосклонно, такъ какъ они были съ положеніемъ, и онъ все зналъ о нихъ. Догановъ, сынъ купца, милліонеръ, и Лонскій—сынъ камергера, занимавшаго высокій постъ. Товарищи по университету и по гимназіи, они обыкновенно приходили вмѣстѣ. Но вдругъ Догановъ явился одинъ и объяснился въ любви.

Онъ чудакъ и старается быть оригинальнымъ. У него разныя свои словечки, онъ не признаетъ общепринятыхъ словъ, а изобрѣтаетъ свои. Иногда говоритъ такое, что ничего не поймешь. Онъ принесъ огромную толстую книгу въ дорогомъ кожаномъ переплетѣ.

— Сейчасъ купилъ, тутъ возлѣ васъ у складокнига. Занятная штучка. Желаете запустить глазки? Точное рукописаніе древнѣйшихъ мудрыхъ людей. Тогда еще не было буквопечатанія.

Мы перелистывали книгу, въ которой были собраны факсимиле древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей.

— Знатная цѣнность! Графологія проникнетъ въ тайны Цицероновъ и Цезарей. Откроется многое невѣдомое. Пожалуйте, г. Юлій Цезарь, становитесь на ладошку...

Мы сидѣли рядомъ на диванѣ. Онъ все ближе придвигался ко мнѣ. Я чувствовала прикосновеніе его плеча, но не обращала вниманія. Онъ началъ учащенно дышать и какъ-то налегать на меня. Я отодвинулась. Онъ поднялъ голову и сталъ разсматривать меня съ какой-то особенной сосредоточенностью и детально: лицо, плечи, руки, всю фигуру.

— Чего вы смотрите?

— Вижу, какая вы тоненькая, и сознаю, какой я толстый. При сложеніи и раздѣленіи уяснится средняя пропорціональная. Выходите за меня замужъ.

— Выдумали новую штучку?

— Штучка старая—называется любовь. Старая да хорошая. Знатная штучка. Размыслите, что вамъ тутъ лѣпиться къ древнимъ старцамъ. Совершимъ прокатъ по темному шару. Куда хотите? На сѣверъ, на полдень, на восходъ, на закатъ...

— Зачѣмъ же непремѣнно бѣжать?

— Въ памяти сидитъ ваше желаніе. Вы говорили, что любите странствія.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я поѣду одна.

— Одной скучно. Какъ желаете. Воля ваша.

Мы опять продолжали разсматривать книгу, какъ ни въ чемъ не бывало. Уходя, онъ сказалъ:

— Ко мнѣ заявитесь? Есть разныя штучки. Стоитъ взглянуть.

Я сказала, что приду.

Итакъ, еще одинъ женихъ.

Когда онъ ушелъ, я спрятала голову въ подушку и плакала.

Сколько было у меня жениховъ! Кавалерійскій офицеръ, нотаріусъ съ однимъ глазомъ, два студента, камеръ-юнкеръ и чиновникъ среднихъ лѣтъ, который нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ присылалъ по субботамъ цвѣты, а по воскресеньямъ являлся самъ. Но не всѣ были смѣшные. Были люди, которыхъ можно было бы полюбить, если бы я могла кого-нибудь любить, кромѣ Ника. Душа моя для всѣхъ была, какъ замерзшая поверхность рѣки,—неподвижная и холодная. Только для него она играла, свѣтилась,

горѣла. А онъ никогда не сказалъ мнѣ, что хочетъ имѣть меня своей женой.

Много разъ я слышала отъ него, что онъ любитъ меня. Но такъ говорятъ многимъ. Такъ, какъ говорятъ одному, единственный разъ въ жизни, онъ не сказалъ. Какъ я ждала!

Вся взволнованная, трепещущая внутри, но спокойная снаружи, я не разъ, когда мы бывали вмѣстѣ, когда онъ ласкалъ меня, ждала, что онъ назоветъ меня своей женой, возлюбленной, просто своей... Быть его, принадлежать ему, вся цѣликомъ, безпредѣльно и навсегда... И наконецъ,—высшее, что было для меня на землѣ—имѣть отъ него ребенка. Только отъ него. Больше ни отъ кого на свѣтѣ. Ты знаешь, какъ рано во мнѣ пробудился инстинктъ материнства. Я уже въ десять лѣтъ думала о томъ, что у меня будетъ ребенокъ, а въ пятнадцать я знала, что каждая женщина живетъ для того, чтобы имѣть ребенка...

Теперь я знаю, что этого не будетъ...

Я иногда ненавидѣла себя за то, что я не такая, какъ другія. Зачѣмъ я всю себя отдаю ему? Все свое помѣстила въ немъ... Замкнула себя въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода?

Помнишь Наташу? Вотъ молодецъ. Сколько разъ она мѣняла своихъ поклонниковъ! Совсѣмъ влюблена, а увидитъ другого, который получше, и говоритъ: «Вы ко мнѣ больше не приходите. Съ вами скучно»... Помнишь, передъ твоимъ отъѣздомъ она влюбилась въ маленькаго горняка Калибаева (Догановъ называлъ его Калибаномъ). Вѣдь она прожила съ нимъ два мѣсяца и дала ему отставку. Теперь у нея серьезныя намѣренія. Собирается выйти замужъ за военнаго инженера, который увезетъ ее на Дальній Востокъ. Я ей сказала:

— Слушай, Налька, ты вѣдь должна ему все разсказать.

— А онъ мнѣ все свое разскажетъ?

Въ сущности она права. Пусть или оба разсказываютъ, или оба молчатъ. Я, конечно, сейчасъ же перевела все на себя. Я была увѣрена, что у Ника никогда не было случайныхъ привязанностей.

Говорю ей:

— А если ему нечего разсказывать, если у него ничего не было?

Она испуганно взглянула на меня.

— Кажется, что это такъ и есть... Онъ такой застѣнчивый. Да, я должна ему сказать. Я скажу. Иначе будетъ нечестно...

Я не сомнѣваюсь, что она скажетъ.

Сравниваю иногда свою жизнь и Наташину. Какой конт-

растъ! Она дѣйствительно живетъ вся, всѣмъ своимъ существомъ, всѣми своими страстями, порывами, душой и тѣломъ. У нея почти нѣтъ промежутка между хочу и дѣлаю. А у меня? Между моими желаніями и исполненіемъ цѣлая пропасть. Ни засыпать, ни перескочить ее я не умѣю...

Она ходитъ на лекціи, работаетъ въ какой-то конторѣ, бываетъ въ театрѣ, танцуетъ на вечеринкахъ, флиртуетъ и, наконецъ, влюбляется... А я? Лекціи мнѣ скучны, и я посѣщаю ихъ черезъ силу. Прихожу домой и валяюсь на кровати или сижу въ столовой и слушаю воркотню или ссоры моихъ стариковъ. Ты не можешь представить себѣ, изъ-за чего у нихъ возникаютъ ссоры, и какъ тогда уныло въ домѣ. Вотъ недавній примѣръ.

Утро. Отецъ появляется въ столовой, гдѣ за самоваромъ сидитъ тетушка. Лицо у отца такое мрачное, что можно подумать, случилось какое-нибудь великое несчастье.

— Мнѣ сегодня подали бѣлье, въ которомъ разломаны всѣ пуговицы.

Тетушка, сохраняя достоинство, не поднимаетъ глазъ отъ посуды и говоритъ:

— Поздоровались бы раньше, чѣмъ дѣлать замѣчанія.

— Вотъ женская логика. Я говорю дѣло, а мнѣ отвѣчаютъ пустяки.

Отецъ считаетъ женщинъ низшими существами. Въ слова «женская логика» онъ вкладываетъ полное сознаніе своего превосходства надъ женщиной.

Онъ стоитъ возлѣ стола съ раскрытымъ халатомъ, съ незастегнутой грудью, придерживая руками бѣлые кальсоны.

— Вѣжливость не пустяки,—парируетъ тетушка.—Хорошо воспитанные люди всегда вѣжливы. Какой примѣръ вы подаете дочери?

Дочь сидитъ за столомъ, молчитъ и пьетъ чай.

— А вы какой примѣръ подаете? — продолжаетъ отецъ, запахивая полу халата, такъ что кальсоны исчезаютъ.—Чему ее учите? На резонное замѣчаніе — отвѣчать вздоръ. Проще всего было бы сказать: «Извини, братъ, я забыла посмотрѣть». Вотъ и все. Нѣтъ, надо непремѣнно начинать перекоры.

— Не я начала, а вы. Это вы любите изъ всего дѣлать сцены. Вы сами виноваты. Зачѣмъ поднялись раньше времени? Вы знаете, который часъ?

— Только этого не доставало! Будутъ мнѣ предписывать время, когда вставать.

Отецъ демонстративно удаляется. Тетушка гнѣвно отодвигаетъ стулъ и слѣдуетъ за нимъ.

Иногда все оканчивается легкой вспышкой, но бываетъ, что они молчатъ и дуются цѣлый день. При этомъ оба увѣрены въ своей правотѣ. Въ квартирѣ тогда царитъ невыносимая скука.

Иногда смотрю на этихъ стариковъ и думаю: что было бы, если бы они знали все? Если бы узнали о нашихъ отношеніяхъ съ Никомъ, если бы услышали наши разговоры съ Догановымъ и другими. Они безконечно далеки отъ мысли, что я одна хожу къ нимъ, просиживаю до глубокой ночи. Они не повѣрили бы или рѣшили бы, что я окончательно погибшее существо. Впрочемъ, я и сама иногда чувствую себя погибшей. Какъ-то все во мнѣ израсходовалось. Теряется смыслъ существованія. Пусто во мнѣ. Ничто не зоветъ меня. Помнишь, какая я была прежде? Сколько было во мнѣ жадности къ жизни, къ звукамъ, краскамъ, движенію! Ничего не осталось.

А вѣдь я знаю, что жизнь чудная вещь. Разслабленная, жалкая лежу иногда ночью безъ сна, смотрю на полоску свѣта электрическаго фонаря на моемъ окнѣ и чувствую прелесть и очарованіе жизни, переливы красокъ и звуковъ. Гдѣ-то плещутся волны моря, гдѣ-то расцвѣтаютъ цвѣты, гдѣ-то птицы поютъ, гдѣ-то солнце поднимаетъ изъ мертвой почвы чудеса жизни, и все это у насъ на землѣ. Гдѣ-то любятъ, и любовь также творитъ новую жизнь...

Если ты прибавишь къ моей душевной разбитости угнетающія меня физическія немочи, то удивишься, какъ я могу чувствовать красоту жизни. У меня что-то болитъ въ поясницѣ, что-то колетъ въ почкахъ, да еще появились какія-то женскія болѣзни... И все-таки жизнь—это радость. Я не гожусь,—это вѣрно. Можетъ-быть, всѣ мы не годимся, но жизнь хороша, она—чудо, она—волшебная сказка. Самоубійство представляется мнѣ омерзительнымъ. Съ отвращеніемъ смотрю на уничтоженіе жизни своей или чужой. Если на землѣ есть грѣхъ, то уничтоженіе жизни самый страшный грѣхъ, не прощаемый, не искупаемый...

Пробую иногда разобраться, что меня привязало къ нему?.. Приковало какими-то неразрывными цѣпями? Есть въ немъ какая-то дѣтская простота. Глаза его сіяютъ иногда какимъ-то

манящимъ свѣтомъ. Пошла бы за нимъ, не думая, не разбирая. Такъ сладостно тянуться къ нему. Онъ некрасивый; иногда лицо его удивительно некрасиво. Но онъ высокій, статный. Его фигура мужественная, сильная. Итти съ нимъ подъ руку—это большое удовольствіе. У него красивыя, стройныя ноги. Жизнь его полна приключеній. До чего не похожа она на обыденную жизнь всѣхъ людей! Ему приходилось скрываться, жить подъ чужимъ именемъ, участвовать въ безумно смѣлыхъ предпріятіяхъ... Страхъ за него, безпокойство отъ угрожающей ему опасности дѣлали его еще дороже. Случалось, что онъ исчезалъ надолго. Не писалъ ни строчки. Я не знала, гдѣ онъ, что съ нимъ. Но, странно, вмѣстѣ съ безпокойствомъ, во мнѣ крѣпко держалась вѣра, что онъ придетъ, что все окончится благополучно...

Какъ намъ бывало хорошо, когда онъ возвращался! Мы устраивали праздникъ, кутежъ: покупали шоколаду, мандариновъ, вкусныхъ булокъ, колбасы и непремѣнно немного цвѣтовъ, хоть одинъ цвѣтокъ. Безъ цвѣтка скучно. Ставили самоваръ и пировали. У него было тихо, тепло, уютно, а главное—мы были одни, и никто во всемъ мірѣ не зналъ объ этомъ. Никто не могъ помѣшать намъ. Мы принимали свои мѣры. Дверь затворялась, вывѣшивалась записка—дома нѣтъ. Окно сверхъ штор завѣшивалось одѣяломъ и пледомъ...

У него была квартира—въ 3 комнаты. Но онъ занималъ только одну и жилъ безъ прислуги. Жена дворника убирала, топила печи. Большая жилая комната, въ которой онъ жилъ, заключала въ себѣ кабинетъ, спальню, столовую и гостиную. Подъ стѣной налѣво стояла кровать и ночной шкафчикъ; напротивъ подъ противоположной стѣной—большой мягкій диванъ съ круглымъ столомъ—это гостиная и столовая, а направо, въ другой половинѣ комнаты стоялъ письменный столъ изъ чернаго дерева, старинный, съ шифоньеркой и множествомъ ящиковъ, и красное старинное кресло, мягкое, глубокое и такое широкое, что мы могли сидѣть въ немъ рядомъ. Оно называлось у насъ: «купэ I класса». Сколько часовъ провели мы въ немъ вмѣстѣ! Онъ разсказывалъ мнѣ о дѣтствѣ, о школьной жизни, о своемъ чудакѣ-дѣдушкѣ. Или сообщалъ событія вчерашняго дня...

Разскажу тебѣ одинъ вечеръ, вѣрнѣе, одну ночь. Я не застала его, но на столѣ была записка съ просьбой подождать. Прежде всего я завѣсила окно. Потомъ со свѣчой въ рукѣ стала разсматривать его комнату—нѣтъ ли чего новаго.

Какъ хорошо знала я здѣсь каждый уголокъ, каждую вещицу! Все было мнѣ мило, потому что онъ любилъ это дѣдушкино наслѣдство. Старинныя вещи, никому не нужныя, напоминающія далекую старину. Колоссальная трубка въ два мои кулака, изображающая стараго голландца; вышитый бисеромъ длинный чубукъ съ надписью изъ разноцвѣтныхъ бисеринокъ: «утѣшеніе въ разлукѣ»; пара кремневыхъ пистолетовъ въ кожаной шкатулкѣ, выложенной бархатомъ гранатоваго цвѣта; кривая турецкая сабля; дамасскій кинжалъ, старый, зазубренный, съ изуродованной серебряной ручкой. Самая знаменитая достопримѣчательность—это булава какого-то славнаго разбойника временъ Стеньки Разина: мѣдный шаръ, усѣянный шипами въ видѣ трехугольныхъ пирамидокъ. Деревянная ручка была изъ какого-то необыкновеннаго дерева, которое «нельзя было ничѣмъ разрубить». Для доказательства предъявлялись чуть замѣтные рубцы на полированной поверхности ручки. Это были удары топоровъ и сабель...

Какъ эта дубинка, такъ и всѣ другія вещи имѣли свою исторію. Пистолеты, напримѣръ, были пріобрѣтены дѣдушкой для дуэли съ товарищемъ изъ-за красавицы-молдаванки. Дуэль не состоялась, потому что выяснилось, что молдаванка никому не измѣнила, такъ какъ обоихъ любила одинаково пылко. Турецкій ятаганъ подарилъ дѣдушкѣ плѣнный турецкій офицеръ, ранившій дѣдушку въ плечо. Что касается дамасскаго клинка, то онъ принадлежалъ Потемкину, а можетъ быть, и самой Екатеринѣ. Отъ этихъ смѣшныхъ вещей вѣяло далекими традиціями. Никъ, чтившій память дѣдушки, безсознательно проникся духомъ старинной привязанности къ вещамъ. Когда ему приходилось уѣзжать надолго, онъ боялся оставлять ихъ въ квартирѣ. Заботливо укладывалъ въ чемоданъ и отдавалъ на храненіе въ вѣрное мѣсто...

Я услышала его шаги, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ, перескакивая черезъ ступеньку. Спѣшилъ ко мнѣ... Какъ всегда, усиленно забилось сердце. Но я не встала навстрѣчу, а сидѣла въ креслѣ, спокойная съ виду, вся трепещущая внутри.

— Я люблю, когда ты въ этомъ креслѣ,—сказалъ онъ.

Всталъ противъ меня, не снимая пальто, и смотрѣлъ, улыбаясь глазами.

— Ты въ немъ, какъ королева на тронѣ. Спокойная, величавая. Нѣтъ, не королева, а сказочная волшебница. Легкая, воздушная, чистая. Королева живетъ по этикету, должна фальшивить. А ты безъ фальши. Ты ясная, какъ небо...

А между тѣмъ я какъ разъ фальшивила...

Онъ положилъ мнѣ на колѣни темно-красную розу. Пока онъ въ сосѣдней комнатѣ снималъ пальто, я смотрѣла на розу, не дотрогиваясь. Онъ вернулся и тогда только протянулъ мнѣ руку. Мнѣ хотѣлось вскочить ему навстрѣчу, охватить его шею руками и крѣпко прижаться къ нему. Но, какъ бывало уже не разъ, я сидѣла неподвижно и лѣниво, какъ бы нехотя, подала ему руку. Онъ взялъ ее, опустился на колѣни и гладилъ своей рукой.

— Какъ съ тобой хорошо!—говорилъ онъ.—Отъ тебя идетъ ко мнѣ радость, и покой, и чистота, и что-то свѣтлое, свѣтлое. Нигдѣ въ мірѣ не можетъ быть такъ уютно, какъ возлѣ тебя. Когда я прихожу усталый, разбитый, съ жуткой пустотой внутри... О, ты не знаешь, что это такое! Чувствуешь себя предметомъ неодушевленнымъ, оцѣпенѣвшимъ. Кажется, будто внутри ледъ...

Онъ прижался лицомъ къ моей груди, обвилъ рукой талію и продолжалъ говорить. Глубокая печаль слышалась въ его голосѣ и глубокая искренность звучала въ немъ. Онъ говорилъ тихо, медленно. Каждое его слово огнемъ жгло сердце. Страстный приливъ чувства, готовый вырваться у меня, остывалъ, падалъ. «Ему не надо этого»—мелькала мысль. Поднимались жалость и нѣжность. Вмѣсто того, чтобы въ порывѣ страсти прижать эту любимую голову къ груди, цѣловать ее, безумно цѣловать его глаза, лобъ, губы... Не оторвалась бы отъ нихъ!.. Я гладила рукой его мягкіе, длинные волосы съ лаской материнскаго участія... Но я трепетала внутри, чтобы онъ не узналъ, не угадалъ огня, скрытаго подъ наружнымъ спокойствіемъ. Но мало-по-малу огонь потухалъ. Я чувствовала, какъ преображалась подъ дѣйствіемъ его голоса. То, что мнѣ надо было преодолѣвать въ себѣ, стихало, смягчалось, превращалось въ нѣжную ласку. Въ эти минуты я становилась въ самомъ дѣлѣ такой, какою онъ меня видѣлъ.

— Когда я прикасаюсь къ тебѣ, по мнѣ проходитъ теплая волна. Она поднимаетъ меня, баюкаетъ, какъ въ колыбели. Я точно выбрался изъ холоднаго подземелья и очутился подъ весеннимъ солнцемъ, въ южной, цвѣтущей степи. Степь вся въ цвѣтахъ весной. Я видѣлъ этотъ цвѣтущій покровъ на Кавказѣ въ калмыцкихъ степяхъ. Какое тамъ небо, какой воздухъ! Запахъ цвѣтовъ и травъ сливаются въ одно дивное благоуханіе. Воздухъ кажется зачарованной лаской. Пьянѣешь отъ этого воздуха. Пьянѣешь отъ всего, отъ синяго неба, отъ цвѣтовъ, отъ солнца, отъ тишины, отъ безграничнаго простора. Вотъ, гдѣ настоящая

тишина!.. Милое, свѣтлое мое, грѣющее солнышко! Съ тобою я чувствую запахъ весны... И еще приходитъ какое-то большое чувство безопасности... Вѣдь одному страшно... Слышу, какъ бьется сердце. Какіе сильные удары! Это для меня?

— Для тебя, милый,—шепчу я.

Сама чувствую, что опять приходитъ то, чего я боюсь. Опускаю руки, чтобы не прикасаться къ нему. Онѣ тянутся какой-то своей волей, чтобы взять его, притянуть къ себѣ и ласкать, ласкать... Не материнской лаской, ахъ, нѣтъ! Не для него, а для самой себя ласкать его... Но я опять подавила это. Взяла обѣими руками его голову и поцѣловала, едва прикасаясь губами къ волосамъ.

— Зачѣмъ ты былъ въ степи?

Онъ прячетъ голову на моей груди, крѣпче прижимается ко мнѣ и нѣсколько мгновеній молчитъ, прислушиваясь къ біенію сердца.

— Какъ же мнѣ хорошо съ тобой! Ты вся весенняя... Пахнешь цвѣтами...

— Милый, это твоя роза. Ты измялъ ее.

Онъ поднялъ голову, улыбнулся.

— У нея не было запаха, пока она не прикоснулась къ тебѣ.

— Ей было холодно... Теперь она согрѣлась.

— Да, согрѣлась!

Онъ вскочилъ свѣтлый, веселый.

— Возлѣ тебя согрѣлась. Какое счастье быть возлѣ тебя, смотрѣть въ твои глаза. Въ нихъ свѣтъ такой удивительный, будто глубоко, глубоко со дна души всегда восходитъ солнце.

Онъ сѣлъ рядомъ со мной въ купэ I класса, взялъ мою руку и говорилъ, играя пальцами:

— Въ степи я прятался. Я ожидалъ погони, и они дѣйствительно гнались за мной. Меня пріютилъ знакомый калмыкъ. Весною степь удивительно хороша. Дѣвственная степь, никогда не знавшая плуга. Такихъ степей въ Россіи больше нѣтъ. Трава высокая и множество цвѣтовъ... Я долго лежалъ въ травѣ, напряженно прислушиваясь, и когда услышалъ, наконецъ, топотъ лошадей на дорогѣ, когда убѣдился, что казаки проскакали мимо, то почувствовалъ безумную усталость, страстную потребность отдыха. Я нѣсколько ночей не спалъ и испытывалъ наслажденіе отъ того, что могъ лежать. Надъ моей головой поднимался дивный тюльпанъ, огненно-краснаго цвѣта. Я видѣлъ только небо, зеленую чащу травы и мой тюльпанъ. Теплый,

ласкающій вѣтеръ плылъ по степи, шевелилъ травой. Тюльпанъ покачивалъ головкой, точно кланялся мнѣ. Богъ мой, онъ былъ такой красивый въ зелени травъ подъ бирюзовымъ небомъ. Я засыпалъ такъ сладко, какъ раньше никогда. Это была волшебная греза съ убаюкивающимъ шепотомъ травъ. Не помню мгновенья, когда я заснулъ. Сонъ пришелъ незамѣтно. Исчезло сознаніе дѣйствительности. Нирвана... Блаженство небытія... Если бы я не проснулся, это и было бы нирвана.

— Ты хотѣлъ бы этого?

— Нѣтъ, я не узналъ бы тебя; не видѣлъ бы твоихъ глазъ.

Мы сидѣли тѣсно прижавшись другъ къ другу. Онъ повернулся ко мнѣ, взялъ мою голову и поцѣловалъ глаза.

— А что было дальше?

— Дальше была проза: голодъ, усталость. Я прошелъ верстъ тридцать и, только проснувшись, почувствовалъ, какъ я усталъ. Когда поднялся на ноги, онѣ дрожали. Все тѣло ломило. Я легъ опять. Вдругъ услышалъ надъ головой страшный шумъ, будто порывъ вѣтра. Оказалось, что летѣла стая дрофъ... Ты знаешь эту птицу?

— Нѣтъ.

— Она большая, больше гуся. Онѣ, вѣроятно, хотѣли опуститься, но шарахнулись въ испугѣ, увидѣвъ меня, и поднялись высоко, высоко. Я всталъ и увидѣлъ вдали большой фургонъ...

— Что такое фургонъ?..

— Это такой экипажъ, простой, на пару лошадей. Въ фургонѣ прямо по степи ѣхали какіе-то люди съ ружьями. Это были охотники на дрофъ. Ихъ было много, полный фургонъ... Ты не знаешь, какъ охотятся на дрофъ? Охватываютъ большой кругъ и по окружности прячутся въ травѣ. Лежатъ на спинѣ съ ружьемъ. Такъ и стрѣляютъ лежа, когда полетитъ стая. Я пошелъ къ охотникамъ... Это были калмыки. Спросилъ—какъ итти къ Дорджи Батану. Среди нихъ оказался братъ Батана. Они взяли меня на фургонъ и привезли куда нужно. Очень деликатные люди. Никто не разспрашивалъ меня. Правда, Дорджи Батанъ былъ очень важный человѣкъ, родственникъ ихъ князя... Я прожилъ у него дней пять... У него былъ фотографическій аппаратъ. Я сдѣлалъ много снимковъ...

Мы разсматривали ихъ въ этотъ вечеръ. Онъ знакомилъ меня съ бытомъ бѣдной калмыцкой жизни, съ ихъ праздниками, пѣснями, обрядами. Я слушала его какъ интересную книгу. Такъ просидѣли мы до поздней ночи. Онъ проводилъ меня домой, и мы разстались какъ добрые товарищи.

На другой день за утреннимъ чаемъ тетушка тенденціозно сказала:

— Александръ Степановичъ (такъ она называла брата, моего отца) ждалъ тебя вчера до половины двѣнадцатаго, я легла послѣ двѣнадцати, а тебя все еще не было. Ты не сказала, что вернешься поздно.

Я молчала. Я конечно могла бы что-нибудь отвѣтить, но внушительно-назидательный тонъ тетушки меня злилъ. Я нарочито молчала.

— Теперь принято,—тянула тетушка,—что дѣвушки ходятъ однѣ всюду. Я не нахожу, что это хорошо. Твоя Олонецкая говоритъ, будто теперь дѣвушки ходятъ даже къ холостымъ мужчинамъ и сидятъ у нихъ до полуночи. Я, конечно, этому не вѣрю. Она шутитъ, поддразниваетъ меня. Я нахожу, что и шутки такія не умѣстны... Но она замужемъ, это другое дѣло. Я, конечно, не о себѣ говорю, я понимаю, что новыя времена и новые нравы. Я ихъ не хвалю, но терпѣть надо. Но Александръ Степановичъ человѣкъ стараго покроя. Онъ этого не понимаетъ... Да и тебѣ не мѣшаетъ позаботиться о своемъ здоровьѣ. На кого ты похожа? Кто заинтересуется такой? Посмотри на себя, скелетъ, мѣшокъ костей...

Я отлично понимаю, что тетушкѣ смертельно хочется узнать, гдѣ я была. Молчу, какъ мертвая. Тетушка раздражается и повышаетъ тонъ.

— Какіе бы ни были новые обычаи... Это все отъ дрянныхъ книгъ... Но всему есть предѣлъ. Въ этихъ новыхъ романахъ всякую гадость описываютъ.

— Зачѣмъ же вы ихъ читаете?—шиплю я кротко.

Мою реплику оставляютъ безъ отвѣта.

— Порядочная дѣвушка должна всегда помнить, что она—дѣвушка, что у нея есть обязанности къ дому, родителямъ, къ своему будущему мужу и дѣтямъ...

— Къ внукамъ и правнукамъ!—восклицаю я, теряя самообладаніе.—Боже мой, какъ вамъ не надоѣстъ эта скука!

Протестующе встаю и ухожу къ себѣ.

Милая тетушка, все это она продѣлываетъ изъ любви ко мнѣ. Боится за меня; охраняетъ мою репутацію, тревожится, какъ бы я не повредила себѣ въ глазахъ жениховъ. Въ особенности въ глазахъ молодого (48 лѣтъ) дѣйствительнаго статскаго совѣтника Некудина. Это женихъ серьезный. Онъ посѣщаетъ насъ не слишкомъ часто, но и не слишкомъ рѣдко. Отецъ и

тетушка ничего лучшаго и не желаютъ. Тетушка не сомнѣвается, что у него серьезныя намѣренія...

Боже мой, какъ это ужасно, что у меня нѣтъ ни одного человѣка! Могу я, развѣ, сказать что-нибудь отцу или тетушкѣ? Что они поймутъ? Вся душа ихъ наполнится дѣтскимъ ужасомъ, вотъ и все.

Есть одинъ человѣкъ, съ которымъ можно говорить—это Алтаевъ. Ты писала мнѣ: «Разскажи Алтаеву, онъ пойметъ»... Я знала, что онъ и безъ моихъ словъ много угадываетъ. Но было что-то, чтò удерживало меня. Знаешь что? Мнѣ показалось, что онъ любитъ меня. Это было большое нахальство съ моей стороны—думать такъ. Я понимала, что онъ такой серьезный и умный, а я такая маленькая и глупая... Однако мнѣ было пріятно это думать. Значитъ, я не совсѣмъ ужъ дрянная, если такой человѣкъ интересуется мной, и не совсѣмъ ужъ я мѣшокъ костей, какъ увѣряетъ тетушка. Правда, я очень похудѣла, но «личность» сохранилась, какъ говоритъ Догановъ. Ты еще не знаешь, какая я подлая. Я такъ дорожила, что у меня есть Алтаевъ, что хотѣла непремѣнно удержать его. Понимаешь? Если я разсказала бы ему все про свое, а онъ, можетъ быть, меня любитъ по-настоящему, то онъ уйдетъ. Я рѣдко видаю его, но сознаніе, что онъ есть, очень мнѣ дорого. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ любилъ меня сильно, но не какъ женщину. Мнѣ съ нимъ бывало хорошо не разъ. Когда онъ со мной, мнѣ дѣлается спокойнѣе. Даже приходитъ иногда веселость, и блѣдныя щеки розовѣютъ...

Но только ты,—одна ты, моя синеглазая дѣвочка, которой я могла бы разсказать все, но разсказать, а не писать въ письмѣ...

Никъ пропалъ куда-то надолго. Я ходила къ нему, читала тамъ свои лекціи. Потомъ читала романы. Искала въ нихъ аналогій съ моимъ положеніемъ. Искренно удивлялась, почему не пишутъ о томъ, чтò касается меня. Злилась, что никто мной не интересуется, ругала авторовъ и бросала книгу.

Нѣсколько недѣль прошло. Не знала, куда дѣваться. Сидѣть дома и слушать назидательныя бесѣды было невыносимо. Лежать на кровати устала. Знаешь ты это безсмысленное состояніе, когда думаешь, думаешь, и мыслей въ головѣ нѣтъ?

Рѣшила ходить въ гости. Чтобы быть примѣрной дочерью и племянницей, начала съ семейныхъ домовъ. Къ великому удовольствію тетушки, она знала, куда я иду, и могла разспрашивать.

Я пошла къ Малаховымъ. Это присяжный повѣренный. Онъ женатъ на моей гимназической подругѣ Катѣ Новичъ. Какъ они сочетались, я никогда не пойму. Болѣе разныхъ людей нельзя и выдумать. Онъ дѣлецъ, практикъ, а она вся въ мечтахъ. Ничего не видитъ возлѣ себя, а вся уходитъ въ невѣдомыя дали. Они вѣчно ссорятся. Если бы я одинъ разъ такъ поссорилась, какъ она почти каждый день, я ушла бы и никогда не вернулась. Они живутъ третій годъ. Правда, что вмѣстѣ они бываютъ рѣдко—въ столовой и въ спальнѣ. Какъ у нихъ въ спальнѣ—не знаю, но за столомъ они буквально не выносятъ другъ друга.

Они обѣдаютъ въ 5 часовъ. Я пришла въ 7, чтобы избѣжать застольнаго совмѣстнаго сидѣнія. Но застала ихъ за столомъ въ слѣдующемъ видѣ. Малаховъ ѣлъ колбасу, нарѣзанную на бумажкѣ, очевидно только-что принесенную изъ колбасной. Катя сидѣла напротивъ, углубившись въ книгу. Передъ нимъ стояли тарелки съ супомъ, застывшимъ настолько, что жиръ плавалъ бѣлыми пятнами на поверхности.

— Ты кончилъ супъ?—спросила Катя, когда мы поздоровались и я сѣла за столъ.

— Какъ вы думаете,—обратился Малаховъ ко мнѣ,—можно это ѣсть?

— Ты явился бы въ двѣнадцать часовъ ночи. Обѣдъ назначенъ въ 5 часовъ, а онъ только-что пришелъ.

— Вы, можетъ быть, подумаете, что я катался на набережной, заходилъ въ кинематографъ или на скетингъ-ринкъ?—продолжалъ Малаховъ, все обращаясь ко мнѣ. Но я былъ въ судѣ. Единственное мѣсто, куда я зашелъ—это колбасная. Купилъ колбасы. Не угодно ли?

— Надо было предупредить. Самъ требуетъ обѣдъ въ 5 часовъ, а теперь заявляетъ претензіи.

Раздался звонокъ. Горничная докладываетъ, что пришелъ какой-то господинъ.

— Кого спрашиваетъ?—спросилъ Малаховъ.

— Катерину Васильевну.

Катя вскакиваетъ и уходитъ.

— Уберите супъ,—говоритъ Малаховъ.—Теперь дѣло кончено... Обѣдать не будемъ... Начался пріемъ... Не знаю, когда она ѣстъ. У насъ дѣйствительно обѣдъ долженъ быть въ 5 часовъ. Она сказала кухаркѣ, чтобы въ 5 часовъ супъ былъ на столѣ. Отвратительно, что супъ разливаютъ на кухнѣ. Горнич-

ная подаетъ и моетъ пальцы въ моемъ супѣ. Кухарка такая каналья, что старается быть особенно аккуратной, когда кого нибудь изъ насъ нѣтъ дома. Ей все равно. Она наливаетъ супъ и присылаетъ на столъ, какъ только пробьетъ 5 часовъ...

При послѣднихъ словахъ возвращается Катя.

— Единственное средство, чтобы въ домѣ былъ порядокъ,— говоритъ она.

— Лучше, чтобы былъ хорошій супъ,—замѣчаетъ Малаховъ.

— Не все ли равно, какой супъ! Какъ можно затѣвать сцены изъ-за подобныхъ пустяковъ?

— О, конечно! Что такое супъ въ сравненіи съ міровыми задачами. Придетъ еврейчикъ и начинаетъ творить новый строй жизни... Какъ жить, чтобы ничего не дѣлать. И чтобы всѣ были довольны... А кончается все тѣмъ, что попроситъ десять рублей и исчезнетъ. Потомъ явится другой и т. д.

Я вижу, какъ въ глазахъ Кати загорается гнѣвъ, но она сдерживается.

— Лучше жить мечтами, чѣмъ брюхомъ,—говоритъ она.

— О, конечно, въ особенности, если можно устроиться на чужой счетъ.

Опять звонокъ. Катя выходитъ, не дожидая горничной. На этотъ разъ она исчезаетъ надолго. Я выслушиваю пространныя жалобы Малахова и ухожу болѣе разбитая, чѣмъ пришла.

Нѣтъ, лучше лежать на кровати. А все-таки черезъ нѣсколько дней иду къ Олонецкимъ. Онъ—архитекторъ, строитъ доходные дома, отвратительныя клѣтки-казармы. Но денегъ зарабатываетъ много. Она—моя родственница, троюродная сестра. Замѣчательно красива. Высокая, стройная, величественная съ золотыми волосами—Ирина Троянская. Это красота, которая слѣпитъ и привлекаетъ всѣ взоры.

Однажды она повезла меня въ концертъ. Мѣста были во второмъ ряду. Когда мы шли черезъ залъ, всѣ головы поворачивались къ намъ. Я не знала, куда дѣваться отъ смущенія, хотя знала, что смотрятъ не на меня. Какъ можно выносить на себѣ столько взглядовъ! Въ антрактѣ было еще хуже. Множество людей подходило къ ней, чтобы поздороваться, а главное посмотрѣть поближе. Она сіяла счастливая, веселая, сознающая свою силу.

Я умоляла ее ни съ кѣмъ меня не знакомить. Но она нашла, что это неудобно, и нѣсколько ея поклонниковъ были представлены мнѣ. На меня они не обратили вниманія.

— Смотри,—сказала она,—вонъ идетъ мой драгунъ, а за нимъ тянется мой баронъ. Я тебя познакомлю... А вонъ тотъ самый богатый—купецъ изъ Москвы—Калкуновъ. Онъ въ меня влюбленъ... Онъ интеллигентный, но нарочно говоритъ разлюли, ежели, кабы, страсть..

Драгунъ подошелъ. Въ затянутомъ мундирѣ великолѣпно обрисовывались его красивыя формы. Онъ держался прямо. Руки у него были мягкія, выхоленныя. Смотрѣлъ сверху внизъ, съ чуть-чуть приспущенными вѣками. Онъ и на меня взглянулъ, сразу оцѣнилъ, что никуда не годится, и занялся Ириной. Подошелъ и баронъ, съ чудесно отдѣланными бакенбардами цвѣта ржаной соломы. Онъ шелъ такой мягкой эластичной походкой, точно у него на подошвахъ были резиновыя мячи. Еще нѣсколько мужчинъ подошли къ Иринѣ, все изъ первыхъ рядовъ. Самый некрасивый—Калкуновъ, поразилъ меня красивыми умными глазами. Лицо у него было плоское, бурятское, носикъ маленькій, а глаза божественные, темно-синіе и большіе съ чудесными длинными рѣсницами. Право, казалось, что это были не его глаза, что онъ ихъ выпросилъ у когонибудь на время.

Повидимому, всѣ подошедшіе были знакомы, были одной компаніи.

— Поздоровались, а теперь прощайтесь, сказалъ Калкуновъ, обращаясь ко всѣмъ.—Ирина Павловна въ Москву катитъ.

— Не собираюсь.

— Увозомъ возьмемъ!

— Попробуйте!—угрожающе сказалъ драгунъ.

— Чего пробовать. Мы и безъ пробы дѣло рѣшимъ. Изъ концерта на Николаевскій вокзалъ... Машина подхватитъ: тукъ-тукъ-тукъ! Вотъ и Москва.

Ирина, бросившая благодарный взглядъ на драгуна, собиравшагося защищать ее отъ Калкунова, покачала головой и сказала:

— Я—послѣ концерта домой.

— Вамъ въ ту сторону всѣ дорожки заметены,—сказалъ Калкуновъ.

— Нѣтъ, тутъ и я противъ васъ,—воскликнулъ драгунъ.— Мы васъ домой не пустимъ.

— Что вамъ дома дѣлать?—спросилъ баронъ.

— Какъ что? Мужъ, дѣти...

— Мужъ все еще будетъ обѣдать въ Медвѣдѣ, а дѣти спятъ,—сказалъ баронъ.

— Какъ въ Медвѣдѣ? Онъ поѣхалъ къ Контану. Значитъ, онъ меня надулъ. Боялся, что я пріѣду.

— А мы его надуемъ—махнемъ въ Акваріумъ,—рѣшилъ драгунъ.

— Вы не знаете, кто съ нимъ?

— Я знаю, да не скажу,—отвѣтилъ Калкуновъ.—Можно съ вами секретъ имѣть?

— Скорѣй, я люблю секреты.

Калкуновъ наклонился къ Иринѣ и продекламировалъ такъ, что всѣ слышали.

— Запрягу я тройку борзыхъ...

— Хочешь съ нами на тройкѣ?—вдругъ спросила Ирина, прижавъ губы къ моему уху.

Прежде чѣмъ я могла отвѣтить, она замахала рукой и воскликнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пошутила. Какой вздоръ!

— А секретничать нехорошо,—сказалъ драгунъ.

— Все, что дѣлаетъ Ирина Павловна, всегда хорошо,—сказалъ баронъ.

— Молодчина—баронъ. Ловко сказалъ. Иринѣ Павловнѣ все можно, и все, что она дѣлаетъ, хорошо. Вотъ и въ Москву махнуть хорошо. Всѣхъ прошу, господа, и васъ, барышня, покорно просимъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Отселева на машинку, телефономъ самоварчикъ закажемъ, чаишку попьемъ. Домишка у меня просторный—всѣмъ мѣста хватитъ. Москву посмотримъ—себя покажемъ.

Баронъ, польщенный похвалой (У него такое смѣшное неподвижное лицо—точно маска—съ выпученными желтыми глазами), смотрѣлъ, не отрываясь, на Ирину. Приподнявъ правую руку, онъ произнесъ, обращаясь къ Калкунову:

— Нѣтъ, не уступимъ во вѣки, плѣненные прелестью дивной, равной безсмертнымъ Ирины, красавицы пышноволосой!

— Это ты, баронъ, изъ Гомера сказалъ, — замѣтилъ купецъ.

— Нѣтъ-съ, это мой экспромтъ.

— Вы мнѣ это напишите,—сказала Ирина.

Баронъ вынулъ изъ кармана изящную записную книжку и, написавъ свой экспромтъ, передалъ его вмѣстѣ съ книжечкой Иринѣ.

Раздался звонокъ, и всѣ разошлись по мѣстамъ.

— Неужели тебѣ не скучно съ ними?—спросила я.

— Что ты, Господь съ тобой. Да мнѣ страшно весело!

Я люблю, когда за мной ухаживаютъ и говорятъ пріятныя вещи. Только бы не влюбиться. Вотъ тогда будетъ плохо. А мнѣ кажется, что я неравнодушна къ драгуну. Правда, онъ очень красивъ?

— Правда.

— Видишь! Смотри, не влюбись и ты. Къ сожалѣнію, онъ бѣдный. Знаешь, совсѣмъ бѣднякъ... Вотъ если бы перевести хоть одинъ милліонъ изъ кармана Калкунова къ фонъ Крузену!

Она вздохнула и задумалась. Лицо ея стало печально и сдѣлалось еще прекраснѣе.

Я убѣдила ее, чтобы она не стѣснялась мной, такъ какъ я могу уѣхать одна. Послѣ концерта подошелъ Калкуновъ и фамильярно взялъ ея руку. Мнѣ кажется, если бы онъ поступилъ такъ со мной, я ударила бы его по щекѣ. Они поѣхали куда-то ужинать.

У Ирины двое дѣтей. Мальчикъ 4 лѣтъ и дѣвочка одного года. При дѣтяхъ бонна, мамка и нянька. Но сколько разъ я ни приходила къ нимъ, дѣти были всегда безъ призора. Олонецкихъ обыкновенно никогда не было дома.

На этотъ разъ, къ удивленію моему, я застала Ирину. Она была въ большомъ волненіи. Дѣло въ томъ, что сегодня на великосвѣтскомъ благотворительномъ вечерѣ она должна была продавать шампанское. Было около восьми часовъ вечера, а платья не прислали. Она стояла у телефона и замахала мнѣ рукой.

— Я пройду къ дѣтямъ,—сказала я.

— Нѣтъ, погоди ради Бога... Что? Это вы, madame Henriette... Нѣтъ. Да гдѣ же она? Боже мой? Мнѣ нужно сію минуту...

— Вотъ чертовка, не дозовусь ея. Это вы, madame Henriette? Милая, душечка, ради Бога, что же вы со мной сдѣлали? Я должна, понимаете... Сію минуту? Къ вамъ? Хорошо. До свиданія.

— Голубчикъ, прости... Я должна ѣхать къ ней. Дура проклятая! Никогда больше не буду у нея шить. Слишкомъ много о себѣ воображаетъ... Деретъ втри-дорога, но никогда не выполнитъ заказа къ сроку. Съ другими она считается, а на меня не обращаетъ вниманія.

Она торопливо одѣвалась, убѣгала и прибѣгала; потомъ

захватила маленькій сакъ-вояжъ, на ходу меня поцѣловала и ушла.

Я осталась одна въ большой, холодной квартирѣ, ярко освѣщенной электричествомъ. Пріученная дома къ экономіи, я прежде всего пошла тушить лампы.

Олонецкій зарабатывалъ много, но они жили всегда выше средствъ. Онъ игралъ въ клубѣ, спекулировалъ на биржѣ. Иринѣ доставалось не много. Но она не стѣснялась занимать деньги у своихъ поклонниковъ и благосклонно принимала дорогіе подарки. Денегъ у нихъ никогда не было. Мѣсяцами не платили прислугѣ и все, что̀ можно, забирали въ долгъ.

Они занимали цѣлый этажъ, раздѣленный коридоромъ на двѣ половины. Обстановка была аляповато-роскошная. Въ концѣ коридора, рядомъ съ кухней была дѣтская—двѣ маленькія комнатки съ никогда не прекращающимся ароматомъ кухни и съ керосиновыми лампами. Въ одной жили бонна съ мальчикомъ, въ другой—нянька, мамка и дѣвочка.

Воздухъ въ этихъ комнатахъ былъ ужасенъ, въ особенности послѣ парадныхъ комнатъ. Онъ былъ пропитанъ запахами керосиновой копоти, мокрыхъ пеленокъ, разбросанныхъ по полу, ночныхъ вазъ, никогда не мытыхъ, и не передаваемымъ зловоніемъ непровѣтриваемыхъ жилыхъ помѣщеній. При этомъ—жара нестерпимая. Печи были такъ накалены, что нельзя было подойти къ нимъ.

За дѣтьми смотрѣла одна старуха-няня, немножко глухая. Занятая укладываніемъ старшаго, Костика, она не слыхала, что дѣвочка въ другой комнатѣ тихонько, жалобно плачетъ.

— Няня, почему не открываете форточки? У васъ нечѣмъ дышать.

— И-и-и!—въ испугѣ воскликнула старуха.—Въ этакой холодъ! Не дай Богъ, дѣтокъ простудишь. Вотъ, Богъ дастъ, потеплѣетъ, тогда откроемъ.

Маленькій Костикъ поднялъ голову, поглядѣлъ на меня большими засыпающими глазами и бухнулся въ подушку. Онъ просунулъ руку черезъ рѣшетку кровати и держалъ няню за передникъ. Если она пыталась освободиться, онъ кричалъ сердито и строго: «няня!» и крѣпче притягивалъ передникъ.

Бонны и мамки не было. Обѣ мгновенно исчезали, какъ только уходили хозяева. Бонна вообще считала свои обязанности оконченными послѣ 7 часовъ вечера. Мамка, молодая, красивая дѣвушка, отдавшая ребенка въ воспитательный домъ, имѣла романъ со студентомъ, жившимъ въ этомъ же домѣ. Она

убѣгала къ нему, какъ только могла часто. На мой вопросъ няня всегда одинаковымъ тономъ отвѣчала:

— А гдѣ жъ ей быть? Тамъ... У своего... У студента. Покормитъ и бѣжитъ... Штаны ему зашиваетъ. Все ему таскаетъ: булки, сахаръ, лимоны. Сама не съѣстъ, а ему тащитъ...

— Значитъ, любитъ его.

— Любитъ! А что съ той любви—одно безпокойство.

Боже мой, какъ это вѣрно!—невольно подумала я.

— А ребенокъ безъ призора. Можетъ, ему что нужно. Ребенокъ махонькій, нельзя оставлять.

— Да, это вѣрно,—говорю я.

Иду къ маленькой Олечкѣ. Родители называютъ ее Лола и одѣваютъ по картинкѣ.

Она лежала раскрытая, голенькая. Рубашка свернулась подъ мышками. Дѣвочка съѣхала съ подушки и возилась лицомъ внизъ на мокрой пеленкѣ. Когда я подошла, она сѣла, подняла головку, поглядѣла на меня большими прекрасными глазами и вдругъ улыбнулась. Боже мой, сколько прелести въ улыбкѣ такой крошки! Вѣдь она совсѣмъ маленькая! Откуда у нея такая улыбка! На свѣтѣ нѣтъ болѣе чистой радости, какъ радость отъ этой улыбки. Какъ можно уйти куда-то отъ дѣвочки, которая можетъ смотрѣть съ такой улыбкой на лицѣ?

Схватившись ручками за сѣтку, она встала, прижалась грудью къ борту кроватки и протянула ручки ко мнѣ. Вся охваченная нѣжностью, я взяла ее. Такое безконечно милое и безконечно безпомощное существо! Она прижалась ко мнѣ, раскинула ручки на моей груди, положила головку ко мнѣ на плечо и моментально заснула. Я узнала это по ея ровному, спокойному дыханію.

Я не умѣю передать тебѣ, какое сладостное чувство я испытывала отъ прикосновенія этого крошечнаго тѣльца, довѣрчиво прильнувшаго ко мнѣ. Точно всю меня обвѣяла ласка... Это чужой ребенокъ. А если бы онъ былъ мой?

Если бы Ирина пришла сюда, если бы маленькая Лола, прижавшись къ ней, обвила ея шею руками, неужели она все-таки поѣхала бы продавать шампанское! Мнѣ кажется, ей просто въ голову не приходитъ, что возлѣ этой кроватки можно испытать столько глубокихъ, сильныхъ, сладостныхъ переживаній...

— У меня этого никогда не будетъ, — гдѣ-то далеко мелькнула жуткая мысль.

Поддерживая дѣвочку одной рукой, я убрала ея постельку и положила ее. Она не проснулась. Я смотрѣла на нее и не

могла сдержать слезъ; онѣ затуманили глаза, залили все лицо. Я плакала беззвучно, чтобы не услышала няня. Тихонько вышла изъ комнаты, быстро пробѣжала коридоръ и поскорѣй одѣлась, чтобы никого не встрѣтить. Но въ тотъ мигъ, когда хотѣла взяться за ручку двери, услышала за дверью на лѣстницѣ громкій голосъ Олонецкаго:

— Не звони! Ключъ у меня.

— Иди ты скорѣй!—отвѣчалъ другой знакомый голосъ.— Что ты ползешь, какъ черепаха?

— У меня, братъ, совсѣмъ другая комплекція,—говоритъ, приближаясь, Олонецкій, тяжело отдуваясь.—Ты, братъ, на крылахъ...

Я бросилась въ маленькую, темную комнату, заставленную сундуками и корзинами. Когда-то это была лакейская. Сюда никто никогда не заглядывалъ, и я была въ полной безопасности. Но сердце у меня билось, и я дрожала отъ страху, что меня увидятъ съ заплаканнымъ лицомъ чужіе, подвыпившіе люди.

Они вошли. Олонецкій зажегъ электричество, напѣвая:

Понесу ее въ Гренаду
На крылахъ моей любви...

Другой былъ Островерховъ, знаменитый адвокатъ, старый холостякъ, вѣчно влюбленный, но никогда не любившій; маленькій, худой, вертлявый, съ большой головой, на-голо обстриженной, чисто выбритый, похожій на актера.

— Ну, что? Я говорилъ. Ея нѣтъ!—торжествующе кричалъ Олонецкій.—Когда она дома, всѣ огни горятъ.

Островерховъ сѣлъ на маленькій диванчикъ, разстегнулъ шинель, подъ которой держалъ большую бонбоньерку съ конфетами, и растерянно вопросительно смотрѣлъ на Олонецкаго. Этотъ человѣкъ, котораго самый язвительный прокуроръ и самый строгій предсѣдатель никогда не могли бы смутить, сидѣлъ съ такимъ безпомощнымъ видомъ, что Олонецкому стало его жаль.

— Проклятая эта комиссія, чтобы ей черти голову скрутили,—гнѣвно говорилъ Островерховъ.—Я откажусь, не желаю. Это безобразіе задерживать людей до полуночи своими глупостями.

— Андрюша, милый,—ласково говорилъ Олонецкій,—вѣдь только девять часовъ. Поѣдемъ.

— Куда я поѣду? Никуда не поѣду!.. Буду тутъ сидѣть до утра, буду ждать ее...

Олонецкій стоялъ по срединѣ передней въ шубѣ.

— Чудакъ ты,—сказалъ онъ, разводя руками.—Она вѣдь можетъ явиться въ три часа утра.

— Все равно, я буду тутъ сидѣть.

Въ голосѣ его звучали ноты капризнаго ребенка.

— Поѣдемъ ее искать,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Куда?

— Это мнѣ нравится! Хорошъ мужъ. Никогда не знаешь, гдѣ твоя жена. Да вѣдь это же неблагородно, это прямо нечестно съ твоей стороны. Молоденькая, наивная, довѣрчивая женщина... Ты оставляешь ее одну, въ Петербургѣ, въ этомъ вертепѣ, гдѣ красивой женщинѣ на каждомъ шагу угрожаетъ тысяча опасностей. Ты совершенно не смотришь за ней...

— А она за мной смотритъ?

Но Островерховъ не принялъ шутливаго тона.

— Теперь къ ней привязался какой-то офицеръ... Ты его знаешь?

— Какъ офицеръ? Кто такой? Я ничего не знаю. Она не говорила...

— Не говорила! Это мнѣ нравится... Женщина объ этомъ никогда не говоритъ. Самъ долженъ знать... Теперь она навѣрное съ нимъ, а мы съ тобой сидимъ тутъ, какъ дураки. Онъ, братъ, красавецъ... не намъ чета.

Олонецкій быстро сбросилъ шубу и сказалъ:

— Постой, я спрошу няню.

Островерховъ положилъ бонбоньерку на диванчикъ и сталъ стучать обоими кулаками по колѣнямъ и выкрикивалъ: «А-а-а!» Мнѣ показалось, что у него въ глазахъ блеснули слезы. Онъ ихъ поспѣшно вытеръ платкомъ. Олонецкій вернулся.

— Можешь успокоиться... Она поѣхала къ портнихѣ. Оттуда—я вспомнилъ—она поѣдетъ на благотворительный балъ.

— Не вижу ничего успокоительнаго. Она на балу, и офицеръ съ ней.

— Какой офицеръ, чортъ возьми! Я ничего не знаю.

Накинувъ шубу, онъ сказалъ, стоя по срединѣ передней въ воинственной позѣ:

— Я его вызову на дуэль.

— Оставь, глупости!—внушительно замѣтилъ Островерховъ.—Не дѣлай скандала, хотя бы ради Ирины.

— Чортъ съ ней! Пусть страдаетъ, сама не умѣетъ себя вести.

Они вышли.

Ты можешь представить себѣ, въ какое изумленіе поверг-

нулъ меня этотъ разговоръ. Первое мгновеніе я не могла двинуться съ мѣста и сидѣла на своемъ сундукѣ, какъ послѣдняя дура, ровно ничего не понимая. Я знала, что Островерховъ влюбленъ въ Ирину, но что это знаетъ Олонецкій и этому сочувствуетъ—явилось неожиданностью. Страннымъ мнѣ показалось и то, что Олонецкій такъ вдругъ приревновалъ къ какому-то офицеру, даже ему неизвѣстному. Сколько мужчинъ ухаживали за Ириной, и мужъ не обращалъ вниманія, а тутъ вдругъ распѣтушился...

На другой день утромъ, часовъ въ 11, ко мнѣ неожиданно явилась Ирина. Она была въ бальномъ платьѣ и была поразительно красива. Находилась въ возбужденномъ состояніи, и это ей шло.

— Слушай, поѣзжай, пожалуйста, сейчасъ же къ Олонецкому... Забери мои вещи. Я расхожусь съ нимъ.

— Ты не разъ уже расходилась...

— Теперь окончательно. Я не ночевала дома. Онъ меня прогналъ.

Мы сидѣли въ гостиной, такъ какъ стариковъ не было дома. Ирина стояла передъ зеркаломъ. Поправила прическу и разсматривала свое новое платье—дымчатый газъ на голубомъ шелку. Оно было прелестно; вся фигура ея, изящная, красивая выдѣлялась въ немъ, какъ статуя. Въ ней было столько врожденной граціи, что я понимала, почему всѣ влюблялись въ нее. За эту красоту ей все можно. Она устанавливаетъ свои законы, свою нравственность. За это всѣ могутъ любоваться ею. Между всѣми ея поклонниками одинъ Островерховъ преклонялся и понималъ священныя права красоты, боготворилъ ее, благоговѣлъ передъ ней. Другіе грубо хватали ее, грязнили.

— Нравится тебѣ платье?

Ни слѣда волненія въ лицѣ. Спокойная и прекрасная, она вся теперь сосредоточилась на платьѣ. Приподнимала руки, поворачивалась бокомъ, слегка наклонялась впередъ и назадъ, налѣво и направо. Можетъ-быть, сама безсознательно любовалась пластикой движеній своей стройной фигуры.

— Хорошо шьетъ, каналья!

— Гдѣ же ты ночевала?

— У Островерхова...

— Значитъ, они нашли тебя вчера.

— Ты откуда знаешь?

Я разсказала, что подслушала разговоръ.

— Островерховъ меня любитъ...

— А ты?

— Ахъ!..

Она глубоко вздохнула, медленно прошла къ дивану, забралась съ ногами и, откинувъ голову, закрыла глаза. Если бы ты видѣла, какая у нея дивная шея!

— Я люблю драгуна. Ты видѣла, какой онъ: стальной, упругій... Если бы они не пріѣхали, онъ увезъ бы меня къ себѣ...

— Что ты говоришь, Ирина. А мужъ?

— Вотъ, онъ не позволяетъ. Другіе ухаживаютъ—онъ ничего, а моего полковника онъ возненавидѣлъ. Островерхову все можно, онъ къ нему не ревнуетъ. Ни къ кому не ревновалъ до сихъ поръ, потому что всѣ они мнѣ не нравятся. Но вотъ нашелся такой, который мнѣ пріятенъ, и Олонецкій поднялъ кутерьму. Вчера онъ чуть не устроилъ мнѣ скандалъ публично...

Она выпрямилась, и глаза ея блеснули гнѣвомъ. Но и въ гнѣвѣ она была прекрасна.

— Представь, что было... Я возлѣ столика... Цвѣты, шампанское... Я выпила, у меня немножко шумитъ въ головѣ. Продаю съ огромнымъ успѣхомъ. Берутъ по два бокала, чтобы чокнуться со мной. Калкуновъ платитъ двадцать пять рублей. Увѣряетъ, что ради меня пріѣхалъ изъ Москвы, и все твердитъ, что безъ меня не можетъ жить... Мнѣ весело... Много денегъ въ пользу бѣдныхъ... Мой драгунъ возлѣ меня. Онъ мой помощникъ. Тихонько шепчетъ милыя слова, объясняется въ любви. Мнѣ безумно захотѣлось быть только съ нимъ, чтобы всѣ исчезли, а мы остались. Онъ часто прикасается ко мнѣ, и отъ его прикосновенія мнѣ дѣлается жутко-радостно... Вѣдь я еще никого не любила. Это первый разъ въ жизни...

Я думаю про себя, какъ же можно имѣть дѣтей, если не любила. Вѣдь любовь—это прежде всего мечта о ребенкѣ. Ребенокъ безъ любви—это уродство... А Ирина продолжаетъ свой разсказъ.

— И вдругъ, представь мой ужасъ, являются они. Олонецкій грубо отстраняетъ драгуна, хватаетъ меня за руку, сжимаетъ до боли и говоритъ съ бѣшенымъ лицомъ:

— Поѣзжай домой, дѣвочка заболѣла.

— Я знала, что это ложь, и также рѣшила обмануть его. Я сказала смиренно, что готова ѣхать, но прошу его разыскать княгиню Кундину, чтобы передать ей столъ и деньги. Онъ былъ

такъ глупъ, что повѣрилъ и ушелъ. Я передаю столъ Островерхову и говорю драгуну: «Ѣдемъ»! Но Островерховъ меня не пустилъ... Онъ сказалъ: «Не дѣлайте этого!» и голосъ его звучалъ такъ строго и какъ-то властно, что я послушалась. Онъ увелъ драгуна, что-то говорилъ съ нимъ. То, что тотъ далъ себя увести, разозлило меня... Калкуновъ все приставалъ еще выпить съ нимъ. «Плесните, плесните»... Противный!.. Я выпила залпомъ. Время было упущено... Драгунъ исчезъ. Я возненавидѣла его въ эту минуту. И Олонецкаго ненавидѣла... Онъ вернулся, взялъ меня, и мы пошли. За нами неотступно шелъ Островерховъ. Пока мы пробирались черезъ толпу, этотъ негодяй Олонецкій шепталъ мнѣ самыя подлыя слова: потаскушка, сволочь, продажная... Еще и хуже. Я никогда въ жизни не слышала такихъ ругательствъ... Я не могла стерпѣть, мнѣ хотѣлось ударить его. Я сказала ему: «Ты—сутенеръ. Если бы я продавалась за большія деньги, ты былъ бы доволенъ»... Хороша картинка: идетъ парочка подъ руку, всѣ смотрятъ, можетъ-быть, завидуютъ. Вотъ, воркуютъ влюбленные... Послѣ моихъ словъ, когда я назвала его сутенеромъ, онъ прошипѣлъ: «Вонъ, мерзавка! не смѣй возвращаться домой». Бросилъ мою руку и ушелъ впередъ. Я пошла съ Островерховымъ, радуясь, что избавилась отъ него. Ненавижу его, онъ мнѣ противенъ. Островерховъ взялъ карету и привезъ меня къ себѣ. Ну что жъ, я не разъ бывала у него. Онъ увѣрялъ меня, что Олонецкій меня безумно любитъ, что всѣ эти мерзости онъ продѣлалъ изъ-за любви. Хороша любовь! Ни за что не вернусь къ нему!..

Однако, черезъ полчаса она вернулась, и они продолжаютъ жить по-прежнему.

Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Какъ это ужасно!.. У нихъ нѣтъ семьи. Вижу разныя супружества и стремлюсь понять, что̀ такое семья. Семья—это дѣти. Семья—это уютъ, это нѣчто милое, ласковое; это открытыя сердца, взаимное полное довѣріе, пониманіе, это свободная душа, отсутствіе всякой принужденности и крѣпко связывающая всѣхъ любовь, но главное — пониманіе. Есть ли такія семьи? Я не видѣла. Но непремѣнно должны быть такія... Знаешь, Алтаевъ такъ понимаетъ семью. Онъ говорилъ мнѣ, и я съ первыхъ словъ угадала все, что̀ онъ скажетъ. Иногда мнѣ кажется, что если бы я вышла замужъ за Алтаева, то у насъ получилась бы такая семья... Я знаю, что онъ любитъ меня.

Однажды поѣхали мы вмѣстѣ въ Сосновку. Намъ обоимъ захотѣлось лѣса. Такъ хорошо было въ лѣсу и такъ покойно стало на душѣ. Лѣсъ дѣйствуетъ на меня какъ тихiй храмъ на вѣрующаго. Какъ только я попадаю въ лѣсъ, такъ забываю все; чувствую только необыкновенно остро интимную близость, родственность съ природой. Я побрела по снѣгу въ глубь лѣса; копалась пальцами въ снѣгу, отыскивая зеленые листочки брусники, сосновыя и еловыя шишки, листья папоротника... Это все мои родственники. Помнишь, мы съ тобой не разъ набирали букеты зимой?

Онъ стоялъ поодаль и смотрѣлъ на меня.

— Мнѣ жаль,—сказалъ онъ, — что вы не можете видѣть, какъ это красиво!

Я не поняла и спросила—что?

— Лѣсъ и вы. Стоятъ великаны, молчаливые, а подъ ними— вы, тоненькая, легкая. Какъ сказочная дѣвочка, заблудившаяся въ лѣсу. Не думаетъ ни о чемъ, вся увлеклась поисками въ снѣгу сосновыхъ шишекъ и зеленыхъ листковъ. Вы умѣете вездѣ отыскать красивое: въ сломанной вѣткѣ, въ увядшемъ листѣ папоротника, даже въ кусочкѣ коры... Люблю смотрѣть на васъ въ лѣсу. Съ вами все становится еще красивѣе. Хочется взять васъ на руки и уйти далеко, въ сказочный замокъ...

Мнѣ хотѣлось взглянуть на него, но я чувствовала, что покраснѣла, и еще ниже наклонилась къ землѣ, выковыривая примерзшiй къ куску дерева листокъ.

— Нѣтъ сказочныхъ замковъ,—сказала я.

— Есть,—отвѣтилъ онъ.—Они у насъ въ душѣ. Мы можемъ поставить ихъ въ любомъ мѣстѣ каждое мгновенiе.

— Мы ставимъ, а жизнь разрушаетъ.

Я подняла голову и взглянула на него. Въ это мгновенiе я почувствовала, что онъ любитъ меня. Мнѣ захотѣлось, чтобы онъ это сказалъ. Но лицо его стало печальнымъ.

— Правда,—тихо сказалъ онъ.

Мнѣ стало жаль, что я разрушила его волшебный замокъ. Я подошла къ нему, взяла его руку и сказала:

— Побѣжимъ въ лѣсъ.

Трудно было бѣжать по глубокому снѣгу. Я спотыкалась, падала. Онъ поднялъ меня, прижалъ къ себѣ и шелъ дальше въ глубину лѣса, неся меня на рукахъ.

— Не надо,—сказала я,—вамъ тяжело.

Я осторожно отстранила его, но когда онъ опускалъ меня на землю, то крѣпко обнялъ и поцѣловалъ въ губы. Я сказала только:

— Не надо этого, не надо...

Мы оба вдругъ притихли и молча вернулись на дорогу.

Мнѣ не было непріятно, что онъ поцѣловалъ меня, но я понимала, что этого не надо. Вѣдь я не могла отвѣтить ему такимъ же поцѣлуемъ...

— Вы хорошая,—сказалъ онъ,—не испортили мгновенія радости.

Я такъ и хотѣла—не испортить.

Но это была ошибка. Эти мгновенія повторялись. Онъ полюбилъ меня, хотѣлъ, чтобы я была его женой. Но развѣ я могла?

Мы ходили иногда въ театръ, встрѣчались на вечеринкахъ. Иногда видались въ квартирѣ Ника. Онъ догадывался о нашихъ отношеніяхъ, хотя я никогда не говорила ему. Онъ вообще умѣлъ многое отгадывать.

Когда онъ смотрѣлъ на меня проницательными глазами—они сѣрые, стальные и блестящіе, какъ сталь—я чуствовала, что взглядъ его проникаетъ въ душу. Онъ сейчасъ же угадывалъ, когда мнѣ бывало особенно тяжело. Тогда онъ становился ласковымъ, нѣжнымъ и сдерживалъ порывы темперамента, что видимо не легко давалось ему.

Его доброта убаюкивала меня, смягчала боль; наступало какое-то полузабвеніе. Я говорила ему:

— Я люблю васъ; я васъ очень люблю, но не такъ, какъ вы хотите. Вы мнѣ самый близкій, самый дорогой человѣкъ. Мнѣ такъ легко съ вами, но я не могу... Что мнѣ дѣлать—не могу.

Я была съ нимъ искренна. Мнѣ было пріятно, когда онъ ласкалъ меня. Но отвѣчать на его ласки я не могла. Поднимался изъ глубинъ высокій порогъ, черезъ который я не могла переступить. Онъ выросталъ въ цѣлую стѣну. Тогда появлялась отчужденность, даже враждебность къ Алтаеву. Онъ страдалъ отъ этого, я видѣла, хотя не жаловался, не упрекалъ. Только становился печальнымъ, тихимъ. Мнѣ было жаль его... Но себя было гораздо жалче.

Онъ старался мнѣ объяснить мое душевное состояніе по-своему. Онъ говорилъ:

— У васъ это болѣзнь. Здоровое чувство не можетъ быть такимъ. Вы въ плѣну самообмана, самовнушенія. Вамъ надо освободиться. Я не говорю, полюбите меня. Это было бы глупо. Я говорю: сдѣлайтесь свободной. Сдѣлайте усиліе воли...

У васъ ея много... Уѣзжайте отсюда, не ходите къ нему. Дайте времени сдѣлать свое дѣло...

Я слушала его съ мучительной тоской. Ахъ, если бы я могла! Бывало, хотя рѣдко, что поднимался во мнѣ протестъ, и мнѣ казалось, что я могу. Но стоило явиться Нику, и все исчезало. Я могла только то, что онъ хотѣлъ. Зачѣмъ же онъ ничего не хотѣлъ?

Значитъ, у насъ у обоихъ чувства нездоровыя. Но кто сумѣетъ сказать, чтó болѣзнь и чтò здоровье. Я вся больна, когда не вижу его, и вся здоровѣю, когда онъ со мной, и опять больна, когда онъ уходитъ. Я изнемогаю физически, становлюсь разбитой, старѣю и мгновенно возрождаюсь, когда является Никъ.

Пришла къ нему. Его все нѣтъ и никакихъ извѣстій. Сидѣла и читала странную книгу. Одна изъ достопримѣчательностей Ника. Въ старую англійскую книжку диккенсовскихъ пикквиковъ вклеены большіе листы плотной бумаги, на которыхъ страница за страницей сдѣланъ русскій переводъ. Почеркъ мелкій, но четкій. Чернила пожелтѣли, но бумага, какая-то необыкновенно прочная, великолѣпно сохранилась. По преданію, это дѣдушка переводилъ для своей возлюбленной. Обучалъ ее англійскому языку. Они вмѣстѣ читали. Переводъ не оконченъ, потому что возлюбленная умерла... Въ кожаномъ переплетѣ толстой книги осталось много чистыхъ листовъ...

Я много думала надъ этой книгой. Ея страницы оживали передъ мной. Я видѣла, какъ сидѣли за нею дѣдушка и его возлюбленная. Онъ сѣдой съ длинными волосами, съ блестящимъ взглядомъ молодыхъ глазъ, высокій, прямой, сильный; она хрупкая, нѣжная съ вьющимися локонами прижималась къ нему, можетъ-быть, предчувствовала, какъ ея дни скоротечны. Я долго держала книгу, разсматривая буквы съ крючками и росчерками, и все думала, думала свои думы безъ мыслей. Стало сиротливо и печально, что-то сдавило грудь. Слезы сами бѣжали по лицу. Я не сразу замѣтила ихъ. Вдругъ кто-то постучалъ. Чужіе звонили. Это былъ свой. Мнѣ захотѣлось видѣть человѣка, все равно кого, лишь бы живое существо. Отъ этихъ пожелтѣвшихъ страницъ все-таки вѣяло смертью.

Я открыла дверь. Пришелъ Алтаевъ. Я такъ обрадовалась ему, что, вмѣсто привѣтствія, обняла его шею и поцѣловала. Онъ это принялъ какъ привѣтствіе. Милый онъ... А я уже готова была испугаться своею невольнаго движенія.

— Это хорошо!—похвалилъ онъ, пожимая мнѣ руку.— А вотъ это скверно.

Онъ провелъ пальцемъ по щекамъ. Потомъ вынулъ изъ кармана платокъ... у него хорошіе, тонкіе платки съ красивой буквой, вышитой гладью... И сталъ осторожно вытирать мои заплаканные глаза и щеки. Поцѣловалъ меня въ лобъ и посадилъ въ купэ I класса.

— Давайте говорить...

Онъ когда говорилъ, то любилъ ходить по комнатѣ.

— Вы мнѣ сказали какъ-то, что любите жизнь. И вѣдь это правда! Вы понимаете ее, чувствуете вашей душой. Все васъ интересуетъ въ ней. Прежде всего человѣкъ, его душа, его развитіе, творчество, его муки и радости. Природа манитъ васъ всѣми своими чарами, цвѣтами, лѣсомъ, морской далью, блескомъ молній, синимъ небомъ... Развѣ не было въ васъ еще недавно живого стремленія все увидѣть, узнать... Поѣхать далеко... Вѣдь было?

— Было давно... Кажется, въ дѣтствѣ. А теперь нѣтъ. Теперь кажется, что когда все узнаешь, станетъ скучно.

— Нельзя все узнать. Природа и человѣкъ—непостижимы. Каждая постигнутая тайна родитъ новую, требующую постиженія. Только тупые или невѣжды думаютъ, что узнали все. Жизнь заткана тайнами. Какъ въ волшебной сказкѣ все въ ней таинственно и загадочно, жутко и страшно, очаровательно и радостно. И она, какъ сказка, наполнена добрыми феями и злыми колдунами, прекрасными рыцарями и отвратительными чудовищами. И въ ней одѣянія и подвиги переплетаются неразрывной тканью. По этой безконечной ткани раскиданы прекраснѣйшіе узоры и безобразныя кляксы. Но не все—въ этомъ я убѣжденъ крѣпко—не все въ человѣческой жизни совершается помимо сознанія и воли человѣка. Многое зависитъ отъ него. Можно украшать жизнь и безобразить ее. Чѣмъ напряженнѣе трудъ человѣка, чѣмъ больше простора для него, тѣмъ плодотворнѣе дѣятельность, тѣмъ сложнѣе переживанія...

Онъ присѣлъ возлѣ меня, взялъ мою руку.

— Бѣдная дѣвочка, какъ вы живете? Жизнь, которую вы такъ любите, идетъ мимо васъ. Ваша жизнь самое жалкое прозябаніе.

— Не говорите обо мнѣ. Не надо, — сказала я, сжимая его руку и чувствуя, что слезы снова готовы брызнуть.

— Нѣтъ, я буду говорить о васъ! — сказалъ онъ рѣшительно.—Я хочу говорить непремѣнно. Надо говорить.

Онъ всталъ и опять сталъ ходить.

— Посмотрите вы на себя. Силы ваши слабѣютъ. Онѣ уходятъ въ какую-то бездонную пропасть безъ пользы для васъ и другихъ. Это приведетъ къ банкротству. Сравните, какъ живетъ Никита... Даже вы въ его жизни только маленькая частица ея...

Мнѣ было страшно обидно, что онъ сказалъ это, и самъ онъ понялъ, что сдѣлалъ мнѣ больно.

— Да, да... Не сердитесь на меня. Съ вами я долженъ говорить такъ... Иначе не могу. Его жизнь полна самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, а вы сдѣлались глухи и слѣпы ко всему...

— Все вѣрно, что вы говорите. Но что же дѣлать? Я не могу иначе.

— Нѣтъ—не могу, когда жить хочу. Кто захотѣлъ, тотъ можетъ.

— Какъ захотѣть?

— Я скажу вамъ...

Онъ опять сѣлъ рядомъ и ласково провелъ рукой по моимъ волосамъ.

— Въ этихъ дѣлахъ люди не слушаютъ ни совѣтовъ, ни наставленій. Но вѣдь вы не такая, какъ всѣ. Родной мой, родной, дорогой человѣкъ... Послушайте, что я придумалъ для васъ... Вы не знаете, какъ много я думаю о васъ...

Въ голосѣ его звучала трогательная нѣжность.

— Уйдите отсюда,—продолжалъ онъ,—уйдите и никогда не приходите сюда. Лучше всего уѣзжайте изъ Петербурга, рѣзко измѣните вашу жизнь. Въ Петербургѣ вы живете хуже, чѣмъ въ самомъ послѣднемъ захолустьѣ. Оно раздавитъ васъ. Если можете, скажите все отцу. Онъ же любитъ васъ, онъ пойметъ, какъ вы страдаете... Онъ поможетъ вамъ.

— Нѣтъ, онъ не пойметъ. Вы заблуждаетесь... Онъ не такой. Я не могу говорить съ нимъ.

— Хорошо. Тогда сдѣлаемъ иначе. Все можно устроить. Хотите на Кавказъ или на Уралъ? Тамъ у меня друзья. Найдемъ вамъ уроки или другія занятія. Уѣзжайте на годъ, даже на полгода. Полгода не заглядывайте въ эту квартиру, не пишите, не получайте писемъ. Это отрава, медленно убивающая. Вы и такъ достаточно отравлены... Сдѣлайте это, голубка моя. Хотите, я скажу Никитѣ, онъ пойметъ, что это хорошо...

При этихъ словахъ мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Пришло въ голову, не говорилъ ли все это Алтаевъ по порученію Ника.

Не надоѣло ли ему все это? Не хочетъ ли онъ освободиться отъ меня?

Отъ жгучей обиды сердце замерло. Я не могла дышать. Зачѣмъ не сказалъ самъ? Я закрыла глаза и сдавила руками голову.

— Вамъ не хорошо?—испуганно спросилъ онъ, вскакивая.—Я открою окно. Здѣсь душно...

— Нѣтъ, ничего... Прошло.

Только нѣсколько секундъ я подозрѣвала Ника и сейчасъ же раскаялась. Мнѣ стало стыдно, что пришла такая подлая мысль. Нѣтъ никогда не могу я мѣшать ему. Пусть живетъ, какъ хочетъ. Только любилъ бы меня...

— Вы ушли?—спросилъ Алтаевъ.

— Уже вернулась.

— Вы совсѣмъ больная. Вамъ физически надо поправиться.

Во мнѣ все стало спокойно. Я сказала:

— Да, поѣхать куда-нибудь—это хорошо. Я такъ устала здѣшней жизнью.

Онъ опять сѣлъ рядомъ. Въ его глазахъ засвѣтилась радость побѣды.

— Вы объ этомъ думайте. Каждый день старайтесь думать о поѣздкѣ. Утромъ, когда встаете, думайте, что надо поѣхать; выбирайте мѣсто; подсчитывайте шансы, вечеромъ, когда ложитесь въ постель, вспоминайте, что вы знаете о Кавказѣ, объ Уралѣ. Тогда все сдѣлается. Кавказъ единственное мѣсто въ мірѣ. Если бы онъ былъ не у насъ, онъ сталъ бы всемірнымъ. Сколько въ немъ волшебной красоты и сколько индивидуальности. Въ каждой долинѣ и за каждымъ холмомъ свой бытъ, свое міросозерцаніе...

Онъ долго говорилъ объ оригинальности и красотѣ Кавказа. Я не хотѣла его огорчать и не мѣшала думать, что соглашаюсь.

— А вы поѣдете со мной?—спросила я.

— Нѣтъ, не поѣду,—сказалъ онъ неожиданно и рѣзко.—Я не могу и не хочу ѣхать. Для меня это было бы величайшей радостью. Но вы не свободны, мысли ваши заняты другимъ. Вамъ надо пожить одной. Вотъ послѣ вашего путешествія, пріѣзжайте погостить ко мнѣ въ шахты. Я хочу видѣть васъ сильной, здоровой, свободной...

Я почувствовала къ нему признательность и нѣжность. Онъ такъ радовался одной надеждѣ исцѣлить меня. Я прижалась

щекой къ его плечу. Плечи у него широкія, прямыя, сильныя. Весь онъ крѣпкій, коренастый. Лицо сдѣлалось красивымъ. Онъ обнялъ мои плечи и поцѣловалъ голову, глаза, губы. Потомъ онъ взялъ меня на колѣни и осыпалъ поцѣлуями. Не знаю, какъ случилось, но я отвѣтила поцѣлуемъ. Когда губы его прижались къ моимъ, я поцѣловала его...

Тогда онъ вдругъ оставилъ меня. Всталъ и взглянулъ на меня серьезно, вопросительно. Что я могла отвѣтить ему? Онъ подумалъ, вѣроятно, что я люблю его. Но это было не то. Я молчала и виновато опустила глаза.

— Не будемъ больше ни о чемъ говорить сегодня,— сказалъ онъ и отошелъ къ окну.

Конечно, я поступила дурно. Можетъ быть, не слѣдовало отдаваться чувству нѣжности. Но развѣ это плохое чувство. Почему надо гнать его изъ отношеній между близкими людьми. Если мнѣ просто захотѣлось поцѣловать его, почему я должна скрывать это? Надо было все это ему сказать, выяснить, но я не умѣю.

— Вы долго пробудете въ Петербургѣ?—спросила я.

— Могу долго, могу уѣхать сейчасъ. Уѣду, какъ только мнѣ удастся выставить васъ изъ Петербурга.

— Разскажите про шахты.

— Вы не видѣли? Я ихъ люблю. Трудная работа. Безъ воздуха, безъ солнца, въ холодной сырости, въ духотѣ... Но когда я спускаюсь на нѣсколько сотъ саженей, когда брожу по выработаннымъ галлереямъ или заползаю въ новыя мѣста, гдѣ только-что начинается работа, я чувствую себя властелиномъ природы. Вотъ, она запрятала Богъ знаетъ гдѣ эти черные пласты тепла и свѣта. Они лежали вѣка, тысячелѣтія, мертвые, холодные, неподвижные, таящіе въ себѣ гигантскія силы. Пришелъ человѣкъ и превратилъ черныя глыбы въ теплоту, въ свѣтъ; въ движеніе, въ жизнь. Вѣдь во мнѣ частица этого человѣческаго могущества, побѣждающаго природу... Овладѣть ея силами, подчинить ихъ себѣ, заставить служить себѣ. Я не могу безъ волненія видѣть самой обыкновенной вещи, въ которой проявляется власть человѣка надъ природой. Бѣлѣющій парусъ, колесо мельницы, несущійся по рельсамъ поѣздъ, проволока телефона, не говоря уже о летящемъ въ воздухѣ человѣкѣ... Такія страшныя стихіи, какъ вѣтеръ, молнія, вода, подчиняются и служатъ человѣку. Дѣятельность на этомъ поприщѣ безпредѣльна! Меня поражаетъ и глубоко возмущаетъ, что люди стремятся къ власти, даже насильничаютъ надъ человѣкомъ.

Для всѣхъ открыто широчайшее поле дѣятельности, на всѣ вкусы, на всѣ способности. Не надо ни давить, ни угнетать, ни разрушать жизни, надо творить новыя цѣнности, украшающія жизнь.

Во мнѣ что-то выростало, расширялась душа, когда онъ говорилъ, увлекающійся, вѣрующій. Мнѣ тогда хорошо бывало съ нимъ.

Но если бы ты видѣла, что сталось съ нимъ черезъ минуту!

Раздался звонокъ. Потомъ послышались удаляющіеся шаги. Почтальонъ опустилъ въ ящикъ письмо. Я бросилась къ двери и нашла открытку Ника, только два слова: «Пріѣду въ воскресенье».

Всю меня охватилъ безумный восторгъ. Хотѣлось пѣть, плясать, кричать.

— Завтра онъ пріѣдетъ,—сказала я, подавая открытку Алтаеву.

Онъ взялъ, прочелъ, потомъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Ваши глаза засвѣтились, какъ два солнца.

Онъ сѣлъ къ столу, молча перелистывалъ какую-то книгу. Мнѣ захотѣлось, чтобы онъ ушелъ. Что я могла дать ему въ эту минуту! Я видѣла этого сильнаго человѣка безпомощнымъ, слабымъ, но ничѣмъ не могла помочь ему. Во мнѣ все ликовало, а онъ сидѣлъ точно придавленный непосильной тяжестью. Онъ понялъ теперь, что всѣ его усилія оказались безрезультатными.

Томительно долго длилось молчаніе. Наконецъ, онъ всталъ и опять спокойный и сильный подошелъ ко мнѣ и, протягивая руку, сказалъ:

— Отъ всей души желаю васъ счастья.

Голосъ его звучалъ искренностью, и лицо стало прежнимъ, свѣтлымъ и добрымъ. Я не взяла руки, а обвила его шею руками и поцѣловала.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — повторяла я въ радостномъ возбужденіи. Какъ будто его пожеланіе открывало мнѣ двери счастья.

Зачѣмъ глаза его были печальны? Я не задумывалась надъ этимъ. Какъ только онъ ушелъ, я, какъ послѣдняя дура, напѣвая вальсъ, пустилась плясать по всѣмъ комнатамъ.

Никъ пріѣхалъ на другой день, но глаза мои не свѣтились какъ два солнца. Мокрые отъ слезъ, они были, какъ два жал-

кихъ болотца, которыя я должна была скрывать. Онъ былъ сѣрый, злой, раздраженный. Мнѣ обрадовался, я это чувствовала. Но его постигли какія-то неудачи.

— Какъ мнѣ пріятно, что ты здѣсь, — говорилъ онъ. — Одному было бы совсѣмъ невыносимо. Когда я ѣхалъ въ этотъ проклятый городъ, какъ хорошо было думать, что пріѣду и увижу тебя. Это все, что меня привязываетъ, о чемъ мечтаю, когда приходится ѣхать сюда. Если бы ты знала, какъ все надоѣло, какъ все противно!.. Не приходилъ черкесъ?

— Нѣтъ, я его не видѣла.

— Это—человѣкъ! Ты не можешь представить себѣ, какъ ужасно быть связаннымъ съ людьми и все болѣе и болѣе убѣждаться въ ихъ ничтожествѣ. Десять настоящихъ людей, умныхъ и сильныхъ, одинаково настроенныхъ, сильнѣе тысячи тѣхъ, у которыхъ на первомъ мѣстѣ ихъ жалкое самолюбіе, завистливость, мелочная злопамятность...

Я слушала его, но думала о своемъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ далеко отъ меня. Онъ совсѣмъ не приласкалъ меня послѣ долгихъ мѣсяцевъ разлуки. И зачѣмъ онъ вспомнилъ этого отвратительнаго человѣка, котораго я не могла выносить, а онъ всегда хвалилъ.

— Но нѣтъ и десяти,—продолжалъ онъ.—Куда дѣвались большіе люди? Вѣдь были же они раньше...

Онъ похудалъ, былъ блѣденъ, съ темными кругами подъ глазами. Я подошла къ нему, прижалась къ его плечу и гладила его волосы.

— Во всѣ эпохи русской жизни, отъ сказочныхъ временъ были богатыри. Какіе молодцы сидятъ у Васнецова на своихъ крѣпкихъ коняхъ! А теперь наступило царство ничтожествъ. Скажи, моя голубка, видѣла ли ты хоть одного настоящаго человѣка?

— Алтаевъ хорошій. Онъ вчера былъ здѣсь.

— Этотъ меня не интересуетъ! Ему что? Онъ взорветъ камень, загородившій дорогу, или пробьетъ туннель и думаетъ, что побѣдилъ природу. Чувствуетъ себя тріумфаторомъ.

Объ Алтаевѣ онъ всегда говорилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Неожиданно щелкнулъ замокъ, и вошелъ черкесъ, у котораго также былъ ключъ. Но теперь онъ былъ одѣтъ по-европейски въ перчаткахъ и цилиндрѣ. Цилиндръ шелъ къ нему, какъ коровѣ сѣдло. Въ цилиндрѣ его жирное, обрюзгшее лицо, выбритое какъ у актера, было еще противнѣе. Онъ небрежно поздоровался со мной, а Ника увелъ въ другую комнату.

— На два слова.

Черезъ нѣсколько минутъ Никъ вышелъ, одѣтый въ шубу.

— Я скоро вернусь,—сказалъ онъ.—Подождите меня, если можно.

Я готова была ждать его цѣлый день, только пришелъ бы.

— Мнѣ также придется подождать тебя здѣсь, — сказалъ черкесъ. — Я вамъ не помѣшаю?—прибавилъ онъ, улыбаясь и показывая черные, гнилые зубы.

Что было дѣлать? Я ушла бы, конечно, сію же минуту, но мнѣ не хотѣлось огорчить Ника. Я взяла книгу и твердо рѣшила все время читать.

Онъ сѣлъ къ столу и дѣлалъ какія-то замѣтки въ своей записной книжкѣ. Потомъ оставилъ книжку и сталъ разсматривать меня.

— Я видѣлъ васъ давно въ Лѣтнемъ саду. Ваше лицо изъ тѣхъ, которыя не забываются.

— Ну, и твое такое же!—подумала я, но молчала.

— Послушайте, моя жизнь построена такъ, что у меня чрезвычайно рѣдко бываютъ минуты отдыха. Всѣ остальные часы и дни я стою на краю пропасти. Я могу погибнуть каждую минуту...

Онъ откинулся на спинку стула и все такъ же въ упоръ смотрѣлъ на меня.

— Эти нѣсколько минутъ, что я съ вами, принадлежатъ мнѣ и я хочу взять...

Я невольно взглянула на него. Взгляды наши встрѣтились. Во мнѣ не было страха, только отвращеніе, только гадливость. Онъ не выдержалъ моего взгляда и опустилъ глаза, но продолжалъ въ томъ же тонѣ, безъ малѣйшаго смущенія:

— Вамъ ничего не стоитъ доставить мнѣ маленькое удовольствіе. Вы не заражены глупыми предразсудками женственности, цѣломудрія...

Онъ засмѣялся.

— Ужасно глупыя слова... Подите сюда. Я хочу...

Злоба давила меня. Въ муфтѣ, лежавшей рядомъ со мной, у меня былъ револьверъ. Я вынула его и держала въ рукѣ. Онъ увидѣлъ.

— Вы грязная, отвратительная гадина!—сказала я.—Подите вонъ!

Я была поражена эффектомъ. Онъ поблѣднѣлъ отъ страха вскочилъ и бросился къ выходу. Я не ожидала такой трусости. Сидѣла неподвижно, ошеломленная происшествіемъ. Во мнѣ

была твердая рѣшимость убить его, если бы онъ прикоснулся ко мнѣ.

Стоя возлѣ открытой двери, онъ произнесъ хриплымъ голосомъ:

— Помните это. Мы еще встрѣтимся.

Но мнѣ уже стало смѣшно. Я громко захохотала. Боже мой, неужели были женщины, которыя подчинялись ему? Вѣроятно, были. Иначе не дошелъ бы онъ до этой чудовищной простоты!

Не знаю, почему я ничего не разсказала Нику. Онъ вернулся еще болѣе утомленнымъ и блѣднымъ. Сѣлъ въ кресло. Я подошла къ нему, положила руки на его плечи.

— Милая, какъ легко съ тобой. Я невозможно усталъ. Много ночей провелъ безъ сна. Усталъ физически и душа болитъ. Когда приложу голову къ твоей груди, въ душу спускается тишина. Хорошо смотрѣть въ твои глаза. Въ нихъ глубоко, глубоко... Бездонно... Гдѣ-то въ нихъ спрятанъ негасимый источникъ свѣта и тепла. Когда смотрю на тебя, теплота разливается по всему тѣлу. Сердце начинаетъ биться сильнѣе... Отчего это? Въ чемъ тайна твоей волшебной силы?

— Милый, да вѣдь я же люблю тебя, люблю, люблю...

Я сѣла къ нему на колѣни, обняла его голову, цѣловала ее; цѣловала его лицо, руки. Вся прижалась къ нему. Не могла больше сдерживать себя. Хотѣлось слиться съ нимъ, исчезнуть въ немъ. Никогда еще не позволяла я себѣ отдаться такъ безумно жгучей потребности любить его, ласкать, быть его душой и тѣломъ. Стосковалась по ласкамъ. Пусть видитъ, пусть знаетъ...

— Люблю тебя, люблю, какъ женщина,—шептала я, все тѣснѣе прижимаясь къ нему.

Онъ молчалъ, молча принималъ мои ласки, а потомъ сказалъ.

— Зачѣмъ это?.. Не надо...

Словно жалоба слышалась въ его голосѣ, что-то больное, измученное. Жутко и страшно мнѣ стало. Руки упали. Я встала и забилась въ уголокъ кресла. Плакать хотѣлось. Но я рѣшила не плакать и съ величайшими усиліями сдержала слезы. Онъ не смотрѣлъ на меня, и это облегчало мою задачу.

— Что ты дѣлала все это время?—спросилъ онъ.

Голосъ его дрожалъ. Я видѣла, что онъ преодолѣваетъ внутреннее волненіе. Я ничего не отвѣтила. Откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Острое чувство обиды сдавило сердце. Онъ понялъ нелѣпость своего вопроса въ такую минуту.

— Глупо, что я спрашиваю... Прости, родная.

Онъ подошелъ и сѣлъ рядомъ со мной.

— Прости, моя хорошая дѣвочка.

Онъ цѣловалъ мои руки. Въ голосѣ звучала нѣжность. Сердце мое раскрывалось.

— Ты не знаешь, какъ я усталъ! Сколько ночей провелъ безъ сна. Все дрожитъ во мнѣ. Каждый нервъ натянутъ. Самъ не знаю, что это со мной... Хочется покоя... Богъ мой, если бы отдохнуть!.. Хоть день, хоть нѣсколько часовъ...

Онъ всталъ. Какъ измѣнилось его лицо! Глаза помутнѣли, желтоватая блѣдность стянула щеки. Слабыми, неувѣренными шагами дошелъ онъ до постели и упалъ на нее, какъ подрѣзанный колосъ.

— Это ты виновата!—упрекнула я себя. Это ты довела его до такого состоянія.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами. Я сѣла возлѣ него. Гладила его волосы, лицо. Руки его, вытянутыя вдоль тѣла, были холодны.

— Ты не уходи,—шепталъ онъ чуть слышно... Это ничего... Я, наконецъ, получилъ возможность почувствовать себя уставшимъ...

Онъ хотѣлъ разстегнуть воротникъ, но не могъ. Руки опять безсильно упали. Я развязала галстукъ, сняла воротникъ. Сняла сапоги. Когда снимала, онъ улыбался, не открывая глазъ, и шепталъ: «Родная, родная»... Ноги его были какъ ледяныя. Я сѣла на постель въ ногахъ, взяла ихъ на колѣни, растирала ихъ, согрѣвала дыханіемъ, прижимала къ груди. Потомъ закутала ихъ своимъ теплымъ платкомъ.

Онъ незамѣтно заснулъ... Было около одиннадцати часовъ вечера. Я чувствовала себя страшно разбитой, какъ будто много верстъ прошла съ тяжелой ношей. Я забралась съ ногами въ большое кресло, свернулась клубочкомъ. Прислушивалась къ его дыханію. Оно было неправильное, прерывалось страннымъ бормотаніемъ. Но мало-по-малу становилось ровнѣе. Сонъ сталъ крѣпкимъ, спокойнымъ. Я подошла къ нему, наклонилась надъ нимъ; лицо приняло спокойное выраженіе, болѣзненная блѣдность исчезла.

— Прости, милый, — шептала я беззвучно. — Никогда больше не буду. Пусть все будетъ, какъ ты хочешь.

Я поклялась и вѣрила, что сдержу клятву. Стало покойно на душѣ. Я потихоньку вернулась къ своему креслу, улеглась въ немъ съ ногами и заснула. Спала я долго. Проснулась отъ страшнаго сновидѣнія. Этого сна не забуду во всю жизнь. Я увидѣла мертвый автомобиль, который развозитъ души умершихъ. Весь черный, двигавшійся безъ шума, онъ былъ наполненъ душами. Но въ немъ было одно мѣсто для меня. Онъ ѣхалъ на меня, а я не хотѣла. Я убѣгала отъ него, но онъ неотступно меня преслѣдовалъ. Онъ надвигался на меня, такъ близко подходилъ ко мнѣ, что казалось, вотъ-вотъ раздавитъ меня и втянетъ какой-то неотразимо притягивающей силой душу мою внутрь, на свободное мѣсто. Я проснулась отъ ужаса. Не сразу сообразила, гдѣ я, но обрадовалась слабому свѣту догорающей лампы.

Почти въ одно время со мной проснулся Никъ. Мы встрѣтились глазами. Онъ быстро всталъ, подошелъ ко мнѣ.

— Голубка моя, ты устала.

Онъ вынулъ меня изъ кресла и отнесъ на кровать. Я молчала. Мнѣ было пріятно лечь и вытянуться.

— Усни, родная.

Онъ поцѣловалъ мои волосы и неслышными шагами подошелъ къ столу. У меня сонъ прошелъ. Я смотрѣла на него, стараясь, чтобы онъ не видѣлъ этого. Онъ потушилъ лампу, раскуталъ окно и сталъ надѣвать ботинки.

Въ окно заглянула звѣздная ночь. Я быстро встала бодрая, свѣжая. Мы вмѣстѣ подошли къ окну. Захотѣлось воздуха, неба. Молча стояли мы, прижавшись плечомъ къ плечу, и смотрѣли на кусочекъ неба, виднѣвшійся изъ петербургскаго двора-колодца. Я сказала:

— Пойдемъ!

— Да, да!—радостно воскликнулъ онъ.

Мы вышли, держась за руки, и такъ сбѣжали съ лѣстницы.

Какъ хорошо дышалось послѣ душной комнаты съ керосиновой гарью! Утро начиналось. Вѣдь была почти весна, начало марта. Ни снѣгъ, ни крѣпкій морозъ не мѣшали родиться живительному запаху близкой весны. Она уже чувствовалась въ воздухѣ.

Чтобы найти больше неба, мы пошли къ Невѣ. Но намъ и этого было мало. Мы поѣхали къ морю, на острова.

Эта прогулка хорошо сохранилась у меня въ памяти. Воздушныя деревья въ бѣломъ кружевѣ инея, угасающія звѣзды, нѣжные тона неба съ розовѣющимъ горизонтомъ, бѣлый просторъ замерзшаго моря и тишина, тишина... Кромѣ насъ и нашего извозчика никого не было. Мы бродили по пустыннымъ дорогамъ, возбуждая подозрительныя опасенія въ извозчикѣ. Онъ зорко слѣдилъ за нами, постоянно мѣняя мѣсто.

— Не шпіонъ ли?—сказала я.

— О, нѣтъ!—онъ просто боится, что привезъ пару жуликовъ, которые не заплатятъ.

Ребяческая шаловливость захватила насъ. Мы нарочито прятались и хохотали, наблюдая, какъ онъ безпокойно высматриваетъ, гдѣ мы. Богъ знаетъ, какіе пустяки мы болтали, какому вздору смѣялись...

Взошло солнце, засверкали алмазами деревья. Я собирала букетъ; наломала вѣточекъ, чтобы ихъ поставить въ воду. Тащила цѣлый пукъ сухой травы, листьевъ, шишекъ. Нагрузила Ника. Онъ прятался за большія деревья, съ комическимъ испугомъ оглядывался по сторонамъ, увѣряя, что сторожа насъ арестуютъ за кражу сѣна и дровъ.

Намъ было по-дѣтски, безпричинно весело. Пришла ко мнѣ ясная радость жизни. Можетъ-быть, въ послѣдній разъ...

Е. Ганейзеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ТЕТРАДИ „ДѢТСТВО“.

(Л. М.)

*
* *

Въ закатной дымкѣ мѣркли дали
И угасали облака...

По бѣлымъ клавишамъ рояли
Скользила матери рука:

И въ полу-мракѣ тихомъ зала,—
Гдѣ полу-жизнь и полу-сонъ,—

Моя душа, молясь, узнала
Впервые—струнъ пѣвучихъ стонъ...

...Никто не зналъ моей печали
И все росла моя тоска,—

Когда по клавишамъ рояли
Бродила дѣтская рука:

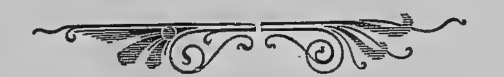
Она—аккорды угадала,
Но одинокъ былъ каждый звукъ,—

И только сумракъ хмурый зала
Внималъ игрѣ нетвердыхъ рукъ...

Съ тѣхъ поръ,—всегда, въ часы печали,
Мнѣ снится: вечеръ... облака...,—

И—, тихо,—матери рука
Скользитъ по клавишамъ рояли.

В. Вѣтвицкій.

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ.

...Конченъ мучительно долгій путь. Ваня водворилъ меня въ большой, свѣтлой, залитой веселымъ южнымъ солнцемъ комнатѣ съ верандой, посыпалъ деньгами направо и налѣво, чтобы обезпечить мнѣ вниманіе и хорошій уходъ, наговорилъ мнѣ ласковыхъ, добрыхъ словъ, обѣщалъ пріѣхать лѣтомъ съ дѣтьми... и уѣхалъ.

Я—одна. Вмѣсто широкихъ снѣжныхъ улицъ и маленькихъ домиковъ затеряннаго въ глуши городка,—передъ мною синее-синее, блещущее искрами море, да высокіе кипарисы. Ужъ не лучами, какъ у меня дома, а цѣлыми снопами яркаго торжествующаго свѣта врывается солнце въ мои окна. И губы невольно растягиваются въ улыбку, и хочется никогда не заглядывать въ черную глубину бездны, гдѣ притаились мрачныя, зловѣщія чувства и мысли, а, бережно скользя по поверхности, раскрыть остальную часть души, измятую, придавленную и запуганную,—кроткой радости бытія. Вотъ такъ лежать тихо-тихо, прикрывшись теплымъ пледомъ, полузакрывъ глаза и подставляя лицо свѣжему, душистому воздуху... Лежать, ни о чемъ не думая, ничѣмъ не волнуясь, ничего не ожидая и только наслаждаясь тишиной и покоемъ, лаской чудотворныхъ лучей и прохладной свѣжестью морского вѣтерка.

...Лежу уже двѣ недѣли. Сегодня докторъ остался мною доволенъ, но встать еще не позволилъ.

Я спросила: «могу ли я разсчитывать, что поправлюсь настолько, что смогу вернуться домой и жить нормальной жизнью?»

Онъ отвернулся, глаза у него забѣгали и слишкомъ торопливо отвѣтилъ:

— Почему же нѣтъ, вы еще такъ молоды и сильны... Жаль, что немного запустили болѣзнь. Надо было пріѣхать годъ тому назадъ...

Вотъ эта вторая часть фразы и есть настоящій отвѣтъ.

Болѣзнь запущена и, вѣроятно, неизлечима. Можетъ-быть, я и подправлюсь немного, но останусь на всю жизнь жалкой калѣкой, которая не будетъ въ состояніи заботиться о другихъ, а потребуетъ безъ конца заботъ о самой себѣ. Буду тяжелымъ бременемъ, которое ляжетъ на плечи и безъ того усталаго мужа, буду мрачной тѣнью, блуждающей по комнатамъ и пугающей своимъ видомъ непривычныхъ людей. Никогда не забуду испуганныхъ взглядовъ, которые кидали на меня пассажиры на вокзалѣ и въ поѣздѣ, избѣгая свободнаго мѣста въ нашемъ купе, но съ пугливымъ любопытствомъ заглядывая въ пріоткрывавшуюся дверь. Не забуду и собственнаго ужаса, который охватилъ меня, когда я въ первый разъ послѣ плеврита, приковавшаго меня на три мѣсяца къ постели, взглянула на себя въ зеркало. Да, не краситъ болѣзнь... Никогда я не была большой кокеткой, но все-таки было мнѣ пріятно сознаніе, что мой веселый, спокойный и здоровый видъ вызывалъ въ людяхъ невольную симпатію. Ну, что же теперь дѣлать? Сотворить изъ себя драгоцѣнный сосудъ и всѣ помыслы обратить на сохраненіе этого сосуда? Или—избавить себя и другихъ отъ излишняго ухода за нимъ и—разбить однимъ ударомъ? Вѣдь, если бы не чудесный случай, развѣ могъ бы Ваня на свое учительское жалованье—привезти меня сюда и обставить, какъ принцессу? Вѣдь они тамъ, мои дорогіе, не ѣдятъ по шести разъ въ день, да еще такъ вкусно и разнообразно, какъ меня здѣсь кормятъ... Они по-прежнему экономятъ каждый грошъ, а я одна трачу на себя нужныя для всѣхъ деньги... И если бы еще была отъ этого польза, а то—ѣмъ все, какъ траву, нѣтъ ни вкуса, ни аппетита. Даже горничная удивляется: «У насъ,—говоритъ,—больные съѣдаютъ по 3—4 котлеты, а вы и половинки не можете съѣсть». Но я вѣдь не привыкла такъ часто ѣсть и не успѣваю проголодаться. Не разсказываю я и доктору, почему запущена моя болѣзнь, и какимъ чудомъ я все же очутилась здѣсь... Не все ли ему равно?—Если бы не этотъ случай, и теперь еще бѣгала бы я по урокамъ, кашляла и худѣла, но не пошла бы къ доктору... Вѣдь я же знала, что какъ только будетъ названа моя болѣзнь, всѣ въ городѣ узнаютъ объ этомъ, и я потеряю свои уроки. А мы мечтали съ Ваней прикопить къ лѣту и уѣхать съ дѣтками куда-нибудь подальше отъ нашего скучнаго, пыльнаго города, поближе къ зелени, къ хвойному лѣсу. Коля нашъ поблѣдлѣлъ совсѣмъ: способности у него небольшія, а прилежаніе огромное. Все хочетъ съ золотой медалью окончить, насъ съ отцомъ не слушаетъ. Хочетъ въ люди выйти и жить по-человѣчески, а

здоровье убиваетъ... Ниночка все съ ушами возится. Докторъ говоритъ: «Надо ее къ морю непремѣнно, на морѣ окрѣпнетъ».

Боже мой, Боже! Нельзя объ этомъ думать! Такое сейчасъ же сердцебіеніе дѣлается, такая слабость нападаетъ и такая тоска, безвыходная, ужасная тоска наваливается на душу! Ужъ если заѣхала сюда, надо или поправляться, или... эта мысль все чаще приходитъ мнѣ въ голову и кажется все заманчивѣе, но я пока еще боюсь и не хочу останавливаться на ней...

Сегодня докторъ дольше обыкновеннаго выстукивалъ меня и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ умывальнику.

Я сама спросила: «Что же, докторъ, мало пользы отъ моего леченья»?

Онъ отвѣчалъ, не оглядываясь, сердито:

— Когда лечатся, надо помогать самому себѣ, надо развивать въ себѣ желанье поправиться, а у васъ я этого не вижу... Тогда не стоило и пріѣзжать...

Оказывается, докторъ—хорошій психологъ: онъ угадалъ мои мысли, но... неужели онѣ уже такъ ясно написаны на моемъ лицѣ? Пора остановиться на томъ или другомъ рѣшеніи. Время все идетъ, и все меньше и меньше остается отъ тѣхъ 2 тысячъ, которыя нежданно послала намъ судьба...

Сегодня приходила старушка хозяйка,—чистенькая, ласковая, простодушная. Разсказывала о своемъ мужѣ, съ которымъ провозилась всю жизнь. Вышла замужъ за чахоточнаго, родила обреченныхъ дѣтей и похоронила ихъ раньше мужа, а его берегла, холила, лечила всю жизнь, собственнымъ трудомъ зарабатывая деньги,—и дотянула его до 45 лѣтъ. Два года тому назадъ онъ умеръ, а она въ память о немъ открыла пансіонъ для туберкулезныхъ и возится съ ними, какъ насѣдка съ цыплятами. Любитъ тѣхъ, кто много ѣстъ и хорошо поправляется, и какъ будто обижается на вялыхъ и равнодушныхъ. Она тоже повторяетъ, какъ мой докторъ: «Надо о томъ думать, чтобы непремѣнно поправиться. И сколько ужъ я такихъ примѣровъ видала. Кажется, совсѣмъ плохъ, а все старается не поддаться, насильно ѣстъ. И глядишь—понемножку и выкарабкается, и опять человѣкомъ становится...»

Хозяйка говорила, а я думала свою думу. Видно, разно люди созданы: мнѣ было бы противно ѣсть насильно и всѣ свои мысли сосредоточить на своемъ здоровьѣ,—прямо въ какое-то животное обращаться: ѣшь и спишь,—только и всего. А деньги идутъ и идутъ, и ничѣмъ не попользуются отъ нихъ мои родные, мои милые... А сколько надеждъ мы возлагали на эти

деньги, когда Ваня купилъ билетъ, т. е. вѣрнѣе,—пятую часть билета—вмѣстѣ съ другими учителями. Конечно, всѣ надѣялись выиграть двѣсти тысячъ, но, когда однажды прибѣжалъ къ намъ Лучицкій съ газетой въ рукахъ, гдѣ были напечатаны номера выигравшихъ билетовъ, и мы убѣдились, что нашъ билетъ выигралъ десять тысячъ,—что это была за радость для всѣхъ! И тутъ ужъ Ваня принялся лечить меня: пригласилъ ко мнѣ лучшаго въ городѣ врача, а когда тотъ напугалъ его, свозилъ меня въ губернскій городъ, гдѣ діагнозъ подтвердили, а какъ только получили мы эти деньги, такъ онъ взялъ отпускъ и привезъ меня сюда. Но, если я не поправлюсь, какъ жаль будетъ этихъ денегъ, которыя такъ пригодились бы Ванѣ и дѣтямъ на черный день! Вотъ что меня гложетъ, и что мѣшаетъ мнѣ поправляться!..

...Весь день льетъ мелкій скучный дождь... Море затянулось мглою. Отъ лежанья тѣло становится вялымъ, въ боку колетъ, языкъ обложенъ, на пищу не хочется смотрѣть... Дома иногда чувствовала себя гораздо хуже, но не оставляла работы. Утомившись, спала ночью, а теперь никакіе бромы на меня не дѣйствуютъ. Приглядываюсь, прислушиваюсь къ себѣ, пугаюсь всякой новой боли, дрожащими руками вынимаю градусникъ... И зачѣмъ, зачѣмъ всѣ эти муки?! Вѣдь все равно совсѣмъ здоровой не буду никогда. А кому нужна калѣка? Нѣтъ, *я должна* это сдѣлать изъ любви къ Ванѣ и дѣтямъ. Ваня женится еще: онъ молодъ и не можетъ остаться безъ женщины въ домѣ. Мучительно больно было думать объ этомъ, но вѣдь даже, если я подправлюсь немного,—скоро ужъ отцвѣту совсѣмъ, а мужу нужна здоровая жена. Тутъ ужъ законъ природы, и надо примириться съ нимъ... За эти дни борьбы съ собой научилась смотрѣть съ мудрой высоты на Ваню, любящаго друга, и на дѣтокъ моихъ, понемногу забывающихъ мать.

Научилась, а зачѣмъ же плачу? Все это ненужное малодушіе, а то, что сдѣлано, будетъ настоящая любовь. Вотъ и кончена жизнь. Какъ страшно бывало въ дѣтствѣ думать о смерти. Представляешь себѣ, какъ всѣ тебя жалѣютъ, и сама плачешь отъ жалости къ себѣ. Милое мое дѣтство! Говорятъ, что баловство портитъ дѣтей. Насъ съ братомъ оно не испортило: не было для насъ никого лучше, дороже, умнѣе папочки съ мамочкой, и за ихъ любовь и баловство старались мы радовать ихъ, какъ умѣли. Мамочка умерла, когда я перешла въ 8-ой классъ гимназіи, а черезъ два года мы съ братомъ ушли изъ дома. Отецъ былъ ужъ чужой намъ, онъ завелъ новую

семью, у него былъ новый ребенокъ, и мы отказались отъ всякой помощи отъ него. Настало трудное время. Послѣ баловства, комфорта, изнѣженности—двѣ малюсенькія комнатки, крикливая мѣщанка-хозяйка, обѣдъ—одинъ на двоихъ. У меня былъ всегда маленькій аппетитъ, но братъ долго спорилъ и возмущался, когда я наливала ему полную тарелку супу, а себѣ—остатки, и первое время упорно отказывался воспользоваться половиной моей котлеты, которую я находила черезчуръ большой. Потомъ привыкъ... Много работалъ, бѣгалъ по урокамъ, уставалъ... На четвертомъ курсѣ познакомилась съ Ваней, товарищемъ брата; въ тотъ же годъ мы и обвѣнчались.

А дальше—не стоитъ и вспоминать! Хорошій человѣкъ мой Ваня, ни въ чемъ я не могу обвинить его по отношенію ко мнѣ. Но... почему же никогда не было такой яркой радости жизни, чтобы все дѣлала легкимъ и пріятнымъ? Или я и тогда уже была надломленная, истощенная жизнью впроголодь!

Какъ сѣрая, тусклая пелена стелется передо мною эта часть моей жизни; вспыхиваютъ маленькія, слабыя искорки: рожденье перваго ребенка, полученіе Ваней мѣста въ казенной гимназіи... Жизнь давалась такъ тяжело, брала столько силъ, что свѣтлыя искры не успѣвали разгорѣться, не успѣвали согрѣть душу животворнымъ тепломъ жизненной энергіи.

Было плохо со мной и Ванѣ. Нетерпѣливая я стала, капризная и раздражительная. А онъ не терпѣлъ, не прощалъ мнѣ: «Я знаю,—говорилъ постоянно,—это не ты—настоящая, это—болѣзнь и усталость въ тебѣ говорятъ». Ваня, добрый мой, а что, если это *я* настоящая и не могу быть и никогда не буду другой! Лучше будетъ, Ваня, если я верну тебѣ свободу, а ты выберешь себѣ другую, простую и здоровую женщину. Только, милый мой, выбери такую, чтобы любила и дѣтей нашихъ, а то и съ ними будетъ то же, что съ нами: уйдутъ изъ отцовскаго дома и надломятся рано...

Вотъ, кажется, такъ все трезво взвѣсила и обдумала, а какъ представила себѣ, какъ это будетъ безъ меня, такъ и чувствую, что есть тутъ какая-то фальшь, т. е. въ моемъ рѣшеніи... Были ли у меня такія мысли, когда я ѣхала сюда? Нѣтъ и нѣтъ... Рада была, что есть возможность окрѣпнуть, поправить здоровье и въ самой глубинѣ души еще больше радовалась тому, что можно будетъ съ спокойной совѣстью лежать и думать и ни о чемъ не заботиться и не суетиться. Суета меня замучила, бѣготня по урокамъ, а вернешься—въ домѣ все надо прибрать, всѣмъ распорядиться, обо всѣхъ подумать.

чувствовала, что тащу свой возъ изъ послѣднихъ силъ, иногда казалось, вотъ не сдѣлаю больше ни шага, не могу произнести ни слова, а дѣлала сотни шаговъ и говорила безъ умолку. Безконечно растяжимы нервныя силы человѣка и, можетъ быть, долго еще бѣгала бы и суетилась, пока не свалилась бы, какъ загнанная лошадь, если бы судьба не послала мнѣ передышки. И что же случилось? Избавленная отъ заботъ и труда, окруженная покоемъ и комфортомъ, съ дрожью ужаса взглянула я на пройденный путь и не хочу больше возвращаться! Не изъ любви къ мужу и дѣтямъ, не изъ желанія помочь имъ, а только изъ эгоизма я хочу уйти изъ жизни. Пусть хоть разъ посмѣю взглянуть въ лицо этой всесильной и безпощадной жизни и скажу ей: «Ты меня обманула! Припомни, что ты мнѣ обѣщала, какія чудесныя перспективы, какіе чудные міры ты мнѣ рисовала. А что ты мнѣ дала?» Ваня, добрый мой, ласковый, тихій Ваня! Ты добрѣе, ты лучше всѣхъ, кого я знаю, но развѣ ты тотъ, кого мнѣ было нужно? И эта наша муравьиная работа все около дома и дѣтей—развѣ то большое, для всѣхъ нужное и дорогое дѣло, въ которое можно уйти всей душой?.. Пока усталое тѣло съ трудомъ справлялось съ ежедневной работой, и всѣ силы ума были направлены на то, чтобы всюду поспѣть и ничего не забыть,—не было въ ней мѣста такимъ мыслямъ. Но онѣ пришли теперь, пришли непрошенныя и незванныя, и, какъ кредиторы, явившіеся получить давнишній долгъ и неувѣренные въ отдачѣ и ласковомъ пріемѣ, держатся еще осторожно и жалятъ еще не больно. Но онѣ пришли, и ужъ ничѣмъ ихъ не выгонишь... Ты отняла у меня, жестокая жизнь, и то, чѣмъ была сильна и богата моя молодость: мою горячую вѣру въ Бога, въ добро и въ справедливость... Гдѣ добрый Духъ, посылающій своихъ ангеловъ утѣшать людей и бережно, какъ брилліанты, собирающій слезы добрыхъ и обиженныхъ? Разсѣялись, какъ далекое эхо, сказки дѣтства, холодно и пусто въ осиротѣвшей душѣ... Прощай же, жизнь, обманывай мишурой своей кого хочешь, а меня ты замучила и бросила, какъ кошка полумертвую мышь... И у меня больше нѣтъ силъ бороться съ тобой... Завтра въ *двѣнадцать* часовъ ночи... Приведу все въ порядокъ, напишу письмо Ванѣ. Ваня проститъ... Всѣ будутъ спать здѣсь, и я засну... навѣки.

Сижу весь день на верандѣ. Послѣ дождя и холода вдругъ засіяло такое жаркое солнце, что даже въ тѣни зонтика нельзя отъ него укрыться,—такъ и пропекаетъ всю насквозь... Внизу, по дорогѣ идутъ люди и дѣти въ однихъ платьяхъ, свѣжій за-

пахъ фіалокъ доносится изъ сада. Ахъ, если бы сюда Колю и Ниночку! Какъ бы они сразу зарумянились, съ какимъ крикомъ восхищенія рвала бы моя дѣвочка синія крупныя звѣздочки фіалокъ! Вы пріѣдете сюда, мои дѣти, вы пріѣдете поклониться могилѣ матери, и подъ чуднымъ, южнымъ солнцемъ, какого вы никогда не видали, на берегу ласково плещущаго моря вы вспомните безъ слезъ, но съ тихой покорностью о томъ, что мамы нѣтъ съ вами... Къ концу лѣта вы будете загорѣлые съ коричневыми шейками и ножками, въ вашихъ глазахъ засіяетъ солнце и, вернувшись осенью въ нашъ городокъ, вы съ большей охотой приметесь за трудъ, полныя воспоминаній о проведенномъ вами лѣтѣ въ сказочно-прекрасной странѣ...

Принесли телеграмму отъ мужа. Добренькій мой Ваня спѣшитъ меня порадовать: «Безпокоюсь отсутствіемъ извѣстій скучаемъ постоянно говоримъ мечтаемъ лѣтомъ пріѣхать тебѣ получилъ частные уроки».

Частные уроки! А онъ и такъ сидитъ всѣ вечера надъ тетрадями! И это все для меня! Ваня милый, вѣдь я люблю тебя, люблю нашихъ дѣтей, а вотъ должна жить безъ васъ, а вы безъ меня. У Ниночки, навѣрное, чулочки порваны, и Настасья, конечно, полѣнится заштопать, а у Ниночки глазки слабые... Колѣ языки плохо даются, и, если онъ одинъ будетъ заниматься, не будетъ у него пятерокъ, а онъ такой болѣзненно самолюбивый. И ты, мой Ваня, кому разскажешь ты въ свободную минутку о своихъ мечтахъ о магистерскомъ экзаменѣ, кому прочтешь новую оконченную главу? Или и эту свѣтлую мечту ты отложилъ «до времени». Проклятая болѣзнь! Во всякомъ остромъ заболѣваніи есть начало и конецъ. А тутъ—Богъ знаетъ, когда это началось, и какъ развернется, и чѣмъ кончится? Сколько еще мѣсяцевъ придется мнѣ сидѣть здѣсь, напихивать себя ѣдой, ничего не дѣлать и *наслаждаться* полнымъ покоемъ! Ничего не дѣлать, когда твое участье въ общемъ трудѣ было необходимо, когда твое вынужденное бездѣлье можетъ все привести къ упадку! Нѣтъ, Ваня милый, не задерживай меня,—я вѣдь не поправлюсь, это одинъ обманъ, а вамъ нужна въ домѣ заботливая женщина. И пусть ты знаешь, Ваня, что, можетъ быть, ты не былъ для меня тѣмъ, кого ждала моя душа, но ты всегда былъ моимъ единственно любимымъ и, уходя изъ жизни, я только о тебѣ и о дѣтяхъ жалѣю, но я—такая не нужна болѣе вамъ, вы въ этомъ скоро убѣдитесь... Ваня, родной мой, простишь ли ты мнѣ? Вижу твое измѣнившееся лицо, вижу заплаканныя личики дѣтей. Кто же скажетъ мнѣ, гдѣ истинная любовь къ нимъ? Въ томъ ли, чтобы уйти, или въ томъ, чтобы остаться... Некого просить никто

не отвѣтитъ, никто не поможетъ... Безконечная усталость сзади, черная бездна впереди. Поймешь ли ты, Ваня, добрый мой... Прощай...

Май 1913 года.

Цѣлыхъ два мѣсяца не брала въ руки своей тетрадки и сейчасъ жалѣю, что перечитала... Все, что пережила въ тѣ ужасные дни, заныло въ душѣ, какъ открывшаяся рана, и опять на мгновенье закружилась голова, словно вдругъ снова разверзлась бездна.

Нѣтъ, это все прошло... За два мѣсяца много, много измѣнилось. Докторъ говоритъ:—«Васъ хоть демонстрировать,—какое поразительное улучшеніе!» Совѣтовалъ мнѣ переѣхать въ Алупку, гдѣ больше зелени и гдѣ лучше купанье и солнечныя ванны для дѣтей и мужа. Они пріѣдутъ ко мнѣ въ серединѣ іюня! Я прислушиваюсь къ этимъ словамъ, какъ они звучатъ въ моей душѣ, и знаю, что это счастье, то яркое, захватывающее, лучезарное счастье, какого я еще не испытывала въ моей жизни. Они пріѣдутъ, и я буду среди нихъ, какъ здоровая. Я пополнѣла, загорѣла, гуляю съ каждымъ днемъ все больше. Право, это смѣшно, но мнѣ кажется, что я только-что начинаю жить по-настоящему. Вернулись милыя грезы дѣтства и юности, и такъ полно сердце любовью ко всѣмъ и ко всему.

Вотъ она—моя спасительница!

Когда въ *ту* ночь, приготовивъ себѣ послѣднее питье, взяла письмо, приготовленное Ванѣ, и тетрадку, чтобы засунуть ее въ столъ, въ ящикѣ подъ газетой нащупала что-то твердое. Вынула тетрадку въ картонномъ переплетѣ. Машинально развернула. Первыя страницы—чуть не половина толстой тетради—были выдернуты, но дальше я прочла милыя, милыя, такія наивныя и такія чудесныя въ своей искренности и простодушіи строки.

— «Все враки и глупость, что я написалъ здѣсь раньше. Скучное, бабье нытье, стыдно было перечесть. Неужели это я такъ обидѣлся, что сѣлъ на заднія лапы и заскулилъ, какъ дѣдушкина Арапка? Вѣдь чуть было того... на тотъ свѣтъ не отправился. Все не могъ выбрать, что лучше—отравиться или повѣситься! А пока раздумывалъ, подвернулась эта Соня. Первая призналась мнѣ, что ей даже студенческіе мундиры внушаютъ симпатію, а я къ тому же похожъ на Байрона (это съ моимъ-то носомъ!) и тому подобныя глупости! Собственно Соня—это чепуха, и не въ Сонѣ дѣло, но она меня отвлекла

отъ глупыхъ мыслей... Ей очень понравились мои стихи, мы задумали издавать журналъ, привлекли кое-кого изъ нашихъ пансіонскихъ, меня выбрали редакторомъ. Первый номеръ вышелъ хоть куда, и все это меня очень заняло, я даже забылъ про градусникъ, а раньше каждая лишняя десятая меня приводила въ уныніе. А когда Соня, узнавъ о моей небрежности, ужаснулась и стала слѣдить за мной, оказалось, что t° у меня самая нормальная. Ѣлъ сначала мало, Соня меня уговорила ѣсть насильно, а потомъ привыкъ и самъ. Надо сознаться, душа у Сони — отличная, прямо рѣдкая для современной дѣвушки, вотъ, если бы и физіономія была соотвѣтствующая... Ну, да ничего, не всѣ же такіе эстеты, какъ я, а съ такой душой она, навѣрное, найдетъ хорошаго человѣка, который ее оцѣнитъ вполнѣ по заслугамъ. Я лично ей очень обязанъ, она меня какъ-то жизнью заинтересовала, и я многое увидѣлъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ представлялъ себѣ до болѣзни. Теперь я совершенно здоровъ, послалъ домой телеграмму и жду денегъ на отъѣздъ. Вотъ-то они тамъ обрадуются! Мама меня, какъ покойника, оплакивала, отецъ крѣпился, но былъ мраченъ, какъ туча, только, когда сюда меня привезъ, заплакалъ, обнялъ меня и говоритъ: «Прощай, Колюшка, смотри же, поправляйся скорѣе». А самъ, видно, думалъ: «Увижу ли я его еще разъ?» Дѣлать нечего, придется первое время беречься: вѣдь и захворалъ-то по собственной глупости, — въ морозъ, весь въ поту, послѣ танцевъ провожалъ барышенъ до кареты. Долго сходило съ рукъ, а потомъ вдругъ сразу и пристукнуло. Но не бѣда! Еще успѣю закалить себя и окрѣпнуть. Вотъ дядя Өедоръ живетъ же съ однимъ легкимъ, да еще какой здоровый! А у меня всего только одна верхушка попорчена. Жить хочу до безумія! Ничего мнѣ не нужно, ни богатства, ни славы... Хочу просто жить... Нырять лѣтомъ, какъ чайка, въ морскихъ волнахъ, упиваться солнечнымъ свѣтомъ и бродить по горамъ. Хочу зимой летѣть, какъ птица, по скрипучему сверкающему снѣгу въ низенькихъ деревенскихъ саняхъ, а весной — уходить въ чуть зеленѣющую рощу и слушать, какъ поетъ соловей и безмятежно кукуетъ кукушка. Глупые, здоровые люди, они не умѣютъ цѣнить простыхъ радостей, которыя такъ щедро разбросала для насъ повсюду природа. И я самъ не цѣнилъ этого раньше. Но, просидѣвъ шесть мѣсяцевъ въ этой тюрьмѣ, теперь ликую, какъ птица, которую дѣти выпускаютъ на Благовѣщеніе изъ клѣтки. Соня, ура! мы еще повоюемъ! И въ театръ Станиславскаго вмѣстѣ пойдемъ! Соня счастливица уже въ Мо-

сквѣ: ее на мѣсяцъ раньше меня выпустили! Но зато она сидѣла здѣсь *больше года*!»

Вотъ, что прочитала я въ этомъ полу-ребяческомъ дневникѣ. Помню, что, прочитавъ, сидѣла долго, какъ каменная; вдругъ что-то въ душѣ моей затрепетало, едва слышно, едва уловимо, какъ первое движеніе нарождающейся жизни. И, не знаю какъ, нахлынуло въ душу огромное, повелительное желаніе, и, упавъ головой на столъ, плакала долго и сладко, словно смывая съ души накопившуюся пыль и копоть, и въ первый разъ заснула спокойно, рѣшивъ ни о чемъ пока не думать. Гдѣ ты теперь, милый, славный юноша Коля! Ужъ не Божій ли ты ангелъ, посланный милосердымъ Богомъ, и не самъ ли Кроткій Отецъ нашъ заглянулъ свѣтлыми очами въ мою темную душу? Дѣтки мои, Ваня, вѣдь живетъ же дядя Ѳедоръ съ однимъ легкимъ—и еще какой здоровякъ! И я буду жить и работать вмѣстѣ съ вами, вмѣстѣ съ вами, мои дорогіе, мои ненаглядные!

В. Погодина.

ЛАВУАЗЬЕ XIX СТОЛѢТІЯ

(Марселенъ Бертло. 1827—1907).

(Продолженіе) [1].

«Онъ принадлежалъ къ числу умнѣйшихъ химиковъ всѣхъ временъ и останется навсегда самымъ разностороннимъ ихъ представителемъ».

«Я считаю его однимъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ».

В. Нернстъ.

«Слѣды его дѣятельности останутся неизгладимыми въ умственномъ развитіи человѣчества».

Н. Н. Бекетовъ.

II.

Переходя къ самой существенной сторонѣ жизни ученаго—къ его творческой научной дѣятельности, особенно, когда уже однимъ своимъ количественнымъ размѣромъ она является чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ—сорокъ объемистыхъ томовъ и около 1.500 отдѣльныхъ изслѣдованій—невольно затрудняешься, какъ дать о ней хотя бы приблизительное представленіе на страницахъ не спеціальнаго научнаго изданія. Но общій характеръ дѣятельности Бертло значительно облегчаетъ эту задачу. Она не является, какъ это очень часто бываетъ, чѣмъ-то отрывочнымъ, случайнымъ, не имѣющимъ внутренней связи. Напротивъ, всѣ его труды представляютъ стройную систему, распадаясь на группы, охватывающія, по большей части, созидающія цѣлые новые обширные отдѣлы науки. Объ этихъ широкихъ категоріяхъ, а не о безчисленныхъ отдѣльныхъ трудахъ, изъ которыхъ они слагались, конечно, только и можетъ быть здѣсь рѣчь.

---

[1]) См. «Вѣст. Евр.», мартъ, стр. 231.

Первой и самой широкой задачей, на которой остановилась мысль молодого химика—былъ не болѣе и не менѣе, какъ вопросъ, существуетъ ли одна химія или ихъ двѣ, совершенно различныхъ по предмету и по методамъ изслѣдованія, по той власти, которой обладаетъ химикъ надъ своимъ матеріаломъ. И отвѣтъ молодого ученаго шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ всего ученаго міра, всѣхъ тѣхъ, кто только высказывались по этому вопросу. Существуютъ ли двѣ химіи—химія мертвыхъ тѣлъ и химія живыхъ тѣлъ или, другими словами, одинаковы ли задачи и успѣхи химіи по отношенію къ первымъ и къ вторымъ. Въ теченіе почти вѣка тѣ химики, которые были самыми вѣрными выразителями знаній своего времени, отвѣчали въ смыслѣ утвержденія дуализма, въ смыслѣ установленія коренного различія явленій въ области неорганической и органической химіи, различія, пояснявшагося гипотезой о различіи дѣйствующихъ въ этихъ явленіяхъ силъ. Въ первыхъ дѣйствуетъ присущая всему веществу *сила сродства*, во вторыхъ—особая, присущая только живымъ существамъ—*жизненная сила*. Главная отвѣтственность за это міровоззрѣніе ложилась не на самихъ химиковъ, а на тѣхъ, кто были ихъ предшественниками, совмѣщая въ себѣ почти все естествознаніе, въ особенности все, касавшееся живыхъ тѣлъ—на медиковъ. Этой, заимствованной у медиковъ, *виталистической* точкой зрѣнія были заражены даже самые выдающіеся химики до половины XIX столѣтія, потому что сознавали свое безсиліе передъ одной изъ двухъ основныхъ задачъ своей науки, какъ только вступали въ несравненно болѣе сложную область изученія живыхъ тѣлъ. Эти двѣ задачи были: *анализъ* и *синтезъ*. Въ области тѣлъ мертвыхъ коренного различія въ этихъ двухъ процессахъ не существовало. Пожалуй, можно сказать, что синтезъ тѣлъ былъ извѣстенъ ранѣе ихъ анализа, и главная задача заключалась въ анализѣ. Если Лавуазье особенно настаивалъ на томъ, что химикъ «*раздѣляетъ и подраздѣляетъ, и еще подраздѣляетъ*», то потому, что въ большей части случаевъ въ области неживой природы знаніе анализа, т. е. состава, было равнозначаще знанію синтеза. Мало того, въ большей части основныхъ случаевъ знаніе синтеза часто предшествовало анализу. Если Пристлей разлагалъ солнечнымъ лучемъ окиси ртути и свинца на металлъ и кислородъ, то еще гораздо ранѣе было извѣстно, что, прокаливая металлъ, получаютъ его окислы или, какъ выражались, «*извести*». Если узнали, что можно разложить воду на водородъ и кислородъ, то еще ранѣе узнали, что, сжигая водо-

родъ, получаютъ воду. Если одному изъ первыхъ русскихъ химиковъ, Мусину-Пушкину, удалось фосфоромъ выдѣлить изъ углекислоты углеродъ, то еще ранѣе знали, что, сжигая углеродъ, даже алмазъ, получаютъ углекислоту.

Картина совершенно измѣняется при переходѣ къ міру живыхъ существъ, къ организмамъ и къ составляющимъ ихъ тѣламъ, получившимъ названіе *органическихъ*, такъ какъ на основаніи безчисленныхъ опытовъ убѣждались, что они встрѣчаются только въ организмахъ, что только организмы обладаютъ тайной ихъ образованія.

Уже Лавуазье, «раздѣляя и подраздѣляя» органическія соединенія, разложилъ ихъ на тѣ же элементы, которые входили въ составъ неорганическихъ тѣлъ, но ни онъ и никто другой до Бертло не задался мыслію создавать органическое вещество. Въ области органической химіи царилъ только анализъ, синтезъ признавался тайной жизни, результатомъ дѣятельности таинственной *жизненной силы*, обыкновенныхъ физическихъ силъ для этого недостаточно—таковъ былъ лозунгъ торжествовавшаго *витализма*. Но Бертло, какъ и всѣ строгіе передовые умы средины вѣка, былъ *антивиталистомъ*—и первой своей задачей онъ поставилъ изгнаніе витализма изъ этой главной его твердыни. Первая его попытка состояла въ томъ, чтобы разрѣшить вопросъ о ближайшемъ составѣ естественныхъ жировъ, создать ихъ синтетически изъ ихъ ближайшихъ составныхъ частей—глицерина и жирной кислоты. То и другое составное начало жировъ было уже выдѣлено много ранѣе Шеврелемъ, но Бертло основалъ свое ученіе о многоатомныхъ алкоголяхъ и, показавъ, что глицеринъ долженъ быть признанъ трехатомнымъ, показалъ, что задача синтеза жировъ гораздо сложнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и что рядомъ съ полученіемъ встрѣчающихся въ природѣ можно теоретически предсказать и осуществить синтезъ и другихъ, въ природѣ не встрѣчающихся, жировъ. Почти одновременно онъ распространяетъ ту же блестящую мысль на раскрытіе ближайшаго состава другой, еще болѣе сложной группы органическихъ тѣлъ—сахаристыхъ. Здѣсь въ основѣ лежитъ также алкоголь, но еще болѣе сложный, шестиатомный. Выяснивъ вполнѣ ближайшій составъ сахаристыхъ веществъ, Бертло однако не осуществилъ той задачи, которую осуществилъ по отношенію къ жирамъ. На этой задачѣ успѣшно сосредоточился много лѣтъ спустя Эмиль Фишеръ. Да и не это синтетическое полученіе органическихъ тѣлъ изъ ихъ ближайшихъ составныхъ началъ составляло центральную мысль, занимавшую Бертло. Эта мысль

была созданіе органическихъ тѣлъ *de toutes* pièces изъ *элементовъ*, такъ какъ именно ея осуществленіе и представляло тотъ громадный философскій интересъ — пораженія витализма, въ частности,—дуализма въ химіи. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ благодаря его блестящимъ трудамъ синтезъ органическихъ тѣлъ, исходя изъ элементовъ, сталъ общепризнанной истиной и для органической химіи открылось необъятное новое поле изслѣдованія. Этотъ коренной переворотъ химіи былъ имъ въ блестящей формѣ изложенъ въ появившейся въ 1860 г. и сразу ставшей классической *Chimie organique fondée sur la synthèse*. Какъ всегда бываетъ, завистники стали доказывать, что сдѣланный имъ переворотъ уже былъ осуществленъ другими, и главнымъ образомъ Вёллеромъ. Вёллеръ дѣйствительно еще въ 1828 году получилъ искусственно *мочевину*, образующуюся въ живомъ организмѣ. Но способъ полученія былъ совершенно случайный, исключительный. Это было превращеніе сложнаго, сходнаго по составу съ мочевиной тѣла въ мочевину, вслѣдствіе внутренняго перемѣщенія атомовъ, а не синтезъ прямо изъ элементовъ, въ чемъ заключалась задача, предпринятая Бертло. Къ тому же мочевина представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ глубокихъ продуктовъ распада живого вещества, почти граничащій съ неорганическимъ веществомъ. Опытъ Вёллера не давалъ средствъ подражать ему и не заключалъ общаго метода, который могъ бы измѣнить дальнѣйшій ходъ развитія химіи. Прошло 32 года, и синтетической органической химіи все же не существовало [1]). Съ появленіемъ изслѣдованій Бертло картина сразу измѣнилась и черезъ какихъ-нибудь пять—десять лѣтъ органическій синтезъ уже привлекалъ вниманіе большинства химиковъ-органиковъ. Ученіе Бертло объ органическомъ синтезѣ представляло строго систематическое цѣлое, un corps de doctrines, и тридцать лѣтъ, послѣдовавшихъ за его выступленіемъ на этотъ путь, совершенно измѣнили содержаніе и направленіе органической химіи. Бертло шелъ строго систематическимъ путемъ. Отправляясь отъ элементовъ, онъ созидалъ самыя типическія органическія вещества въ порядкѣ ихъ послѣдовательной сложности, сначала соединяя элементы попарно, потомъ по три, по четыре и т. д., и получалъ тѣла или совершенно новыя, или уже существующія въ природѣ.

Изъ восьми химическихъ функцій, которыя принимала органическая химія того времени (т.-е. углеводородовъ, алко-

[1]) То же можно сказать о синтезѣ уксусной кислоты, осуществленномъ Кольбе. Онъ также оставался одинокимъ фактомъ.

голей, альдегидовъ, кислотъ, эѳировъ, органическихъ основаній и амидовъ) самыми простыми, основными, самыми характеристичными являлись углеводороды и алкоголи [1]). Не даромъ нѣкоторые химики характеризуютъ органическую химію какъ химію углеводородовъ, т. е. соединеній углерода и водорода, такъ какъ остальныя тѣла могутъ разсматриваться какъ ихъ производныя. Простѣйшими тѣлами являются состоящіе изъ двухъ элементовъ углерода и водорода; ихъ и взялъ за исходную точку Бертло. Второй задачей являлось полученіе изъ нихъ алкоголей. Полученіе альдегидовъ и кислотъ сводилось къ присоединенію кислорода, эѳиры являлись результатомъ сочетанія алкоголей съ кислотами и между собой и т. д. Изображая простѣйшіе углеводороды формулами CH_1 CH_2 CH_3 Бертло остановился особенно на простѣйшемъ изъ нихъ CH—ацетиленѣ (теперь обозначаемомъ C_2 H_2). Одинъ изъ первыхъ блестящихъ синтезовъ и заключался въ полученіи этого ацетилена [2]), при пропусканіи вольтовой дуги между углями въ атмосферѣ водорода. Этотъ опытъ легъ въ основу дальнѣйшаго зданія органическаго синтеза; позднѣе Бертло далъ ключъ къ объясненію основной физической особенности этого перваго этапа въ синтезѣ. Именно этотъ моментъ научной дѣятельности Бертло, этотъ актъ синтеза углерода съ водородомъ, увѣковѣчилъ извѣстный скульпторъ Шапленъ на художественной золотой медали (или, правильнѣе, плакетѣ), поднесенной по международной подпискѣ Бертло въ день его пятидесятилѣтняго юбилея. Исходя изъ этого прямого синтеза при помощи одного, имъ же открытаго общаго пріема, Бертло получилъ цѣлый рядъ углеродистыхъ водородовъ такъ называемаго жирнаго ряда. Подвергая тотъ же ацетиленъ дѣйствію высокой температуры снова при помощи общей реакціи, названной имъ *пирогенной*, онъ получилъ *бензинъ*, членъ другого основного ряда углеводородовъ, носящихъ названіе *ароматическихъ*. Третьимъ общимъ пріемомъ перехода отъ углеводородовъ съ малымъ содержаніемъ водорода

---

1) При чемъ, благодаря, какъ мы видѣли, его обобщенію, введенному имъ понятію о многоатомныхъ алкоголяхъ, подъ эту категорію подходили и основы жировъ и сахаристыхъ веществъ, многоатомные алкоголи—глицеринъ, глюкоза и т. д.

2) Газъ этотъ находится въ свѣтильномъ газѣ, сообщая ему характеристическій запахъ. Любопытно, что фактъ этотъ долго не признавался химиками. Черезъ десять лѣтъ, работая у лучшаго знатока газоваго анализа Бунзена, я приходилъ въ отчаяніе, получая при вычисленіи анализовъ свѣтильнаго газа отрицательныя величины, пока ассистентъ не успокоилъ меня, что „такъ всегда бываетъ: Geheimrath не признаетъ существованія въ немъ ацетилена—а онъ есть и, если принять его во вниманіе, ваши вычисленія окажутся вѣрными“.

къ углеводородамъ съ большимъ содержаніемъ была его знаменитая реакція дѣйствія іодистаго водорода въ запаянныхъ трубкахъ. Эта реакція въ запаянной трубкѣ надолго стала излюбленнымъ пріемомъ химиковъ-органиковъ. Этими и подобными пріемами синтезъ простыхъ представителей органической химіи, углеводородовъ, исходя изъ элементовъ, былъ навсегда поставленъ на прочную почву. Синтезъ ацетилена и полученіе изъ него путемъ присоединенія водорода другихъ углеводородовъ былъ эпохой въ развитіи органическаго синтеза. «Съ этого момента», говоритъ Шорлеммеръ, «систематическое полученіе органическихъ соединеній стало дѣлать блестящіе успѣхи». Уже въ послѣдніе годы своей жизни, желая подвести итоги тому, что было имъ сдѣлано въ одномъ этомъ направленіи, Бертло собралъ эти изслѣдованія въ трехъ объемистыхъ томахъ, вышедшихъ въ 1901 году, слѣдовательно, уже послѣ его пятидесятилѣтняго юбилея. Первый томъ былъ посвященъ *Ацетилену и синтезу углеводородовъ изъ элементовъ*, второй—*Пирогеннымъ углеводородамъ;* третій—*Соединенію углеводородовъ съ водородомъ, кислородомъ и элементами воды.* Такова роль Бертло въ первой и самой важной стадіи органическаго синтеза, въ осуществленіи синтеза парныхъ соединеній углерода съ водородомъ.

Слѣдующимъ, самымъ типическимъ представителемъ органическихъ соединеній являются алкоголи. Рядомъ со своими изслѣдованіями надъ образованіемъ углеводоровъ изъ элементовъ Бертло повелъ свои работы и въ этомъ направленіи, и самымъ поразительнымъ, повліявшимъ на умы и далеко за предѣлами тѣсныхъ научныхъ круговъ, былъ, конечно, синтезъ обыкновеннаго виннаго спирта или этиловаго алкоголя. Онъ получилъ его изъ воды и этилена, полученнаго изъ ацетилена, полученнаго, въ свою очередь, изъ элементовъ углерода и водорода. Для еще большей убѣдительности въ другой серіи опытовъ онъ получилъ этотъ алкоголь, взявъ за исходное вещество воду и углекислоту, т. е. тѣ именно вещества, изъ которыхъ растеніе строитъ всѣ органическія вещества, обращающіяся на поверхности земли. Это блестящее изслѣдованіе возбудило восторгъ въ самыхъ широкихъ кругахъ и очень понятную зависть въ ближайшихъ кругахъ химиковъ, Начиная съ обремененнаго годами Шеврёля, не прощавшаго молодому химику громадные успѣхи, которые тотъ сдѣлалъ въ той области, которую старикъ считалъ навѣки своею—въ области изученія естественныхъ жировъ. Откопали мало извѣстнаго англійскаго химика Генеля, который будто бы еще въ 1826 г., слѣдо-

вательно, еще до изслѣдованій Вёллера, осуществилъ синтезъ алкоголя. Если бы это было вѣрно, то почему же самъ Шеврёль сорокъ лѣтъ хранилъ эту тайну, да и химики всего міра не замѣтили этого открытія, въ сравненіи съ которымъ открытіе Вёллера было ничтожно. Интрига была поведена такъ искусно, что даже нашъ извѣстный Ф. Ф. Бейльштейнъ въ разныхъ изданіяхъ своей книги, бывшей библіей для всякаго химика-органика, три раза мѣнялъ свое мнѣніе, то приписывая открытіе это Бертло, то Генелю, то снова Бертло, послѣ того какъ уже, на старости лѣтъ, Бертло счелъ себя вынужденнымъ протестовать. Тѣмъ не менѣе, зависть и недоброжелательство химиковъ, въ особенности нѣмецкихъ, по отношенію къ Бертло были такъ велики, эта легенда держалась такъ упорно, что еще совсѣмъ недавно Юнгфлейшъ подвергъ тщательной провѣркѣ весь этотъ эпизодъ и доказалъ несостоятельность этого похода, предпринятаго противъ Бертло его недоброжелателями. Вотъ его окончательный выводъ: «Мнѣ кажется, по совокупности приведенныхъ фактовъ невозможно оправдать попытку приписать Генелю синтезъ алкоголя въ 1826 году и тѣмъ менѣе считать его работу первымъ изъ когда-либо произведенныхъ синтезовъ органическаго вещества. Напротивъ, мы находимъ въ нихъ доказательство, что синтезъ алкоголя принадлежитъ Бертло какъ съ экспериментальной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія философіи науки». «Философіи науки», въ этихъ словахъ выражена основная мысль и то глубокое значеніе, которое сохранится за *Chimie organique fondée sur la synthèse*; въ ней выразилъ Бертло сущность переворота, произведеннаго имъ въ органической химіи. Не разъ, опираясь на новые, болѣе обильные матеріалы, возвращался онъ къ той же темѣ или въ болѣе спеціальной методологичной—Méthodes de synthèses, или въ болѣе общедоступной популярной — La synthèse chimique, выдержавшей 7 изданій. Вотъ какъ формулируетъ онъ въ послѣднемъ упомянутомъ произведеніи то общее философское значеніе, которое онъ придавалъ созданной имъ новой отрасли науки, такъ рѣзко выяснявшей, по его мнѣнію, роль химіи въ успѣхахъ развитія человѣческой мысли, человѣческой дѣятельности. Рѣдкій ученый могъ съ такимъ правомъ, опираясь на собственные труды, показать, къ чему должна стремиться его наука, что въ состояніи она осуществить.

«Вотъ важнѣйшій фактъ, на который мы приглашаемъ сосредоточить вниманіе; ему суждено повліять не только на ближайшіе успѣхи экспериментальной науки, но и на философію науки вообще, на основныя представленія, наиболѣе существен-

ныя для человѣчества. Мы касаемся здѣсь той основной черты, которая отличаетъ науки опытныя отъ наукъ наблюденія».

«Химія сама себѣ создаетъ предметъ своего изслѣдованія. Эта творческая способность, почти приближающая ее къ искусству, отличаетъ ее отъ описательнаго естествознанія и наукъ историческихъ. Послѣднія имѣютъ предметомъ нѣчто заранѣе данное и независимое отъ воли и воздѣйствія ученаго. Общія отношенія, которыя онъ можетъ подмѣтить или установить, основываются на индукціяхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ, порою на простыхъ догадкахъ, провѣрка которыхъ не идетъ далѣе самихъ наблюдаемыхъ явленій. Эти науки не владѣютъ своимъ предметомъ, потому-то онѣ нерѣдко осуждены на вѣчную безпомощность въ своихъ поискахъ за истиной или должны довольствоваться ея разрозненными и нерѣдко мало достовѣрными обрывками».

«Напротивъ, науки опытныя обладаютъ властью осуществлять свои предположенія. Эти предположенія сами служатъ исходной точкой для изслѣдованія явленій, способныхъ ихъ доказать или опровергнуть. Однимъ словомъ, эти науки изучаютъ естественные законы, создавая цѣлую совокупность искусственныхъ явленій, логически изъ нихъ вытекающихъ. Въ этомъ отношеніи предметъ наукъ экспериментальныхъ не лишенъ аналогіи съ науками математическими. Эти обѣ отрасли знанія въ изслѣдованіи неизвѣстнаго одинаково идутъ путемъ дедукціи. Но разсужденіе математики, основываясь на данныхъ отвлеченныхъ и вытекающихъ изъ опредѣленій, приводитъ ее къ выводамъ отвлеченнымъ и столь же строгимъ, между тѣмъ, какъ разсужденіе экспериментатора, основанное на данныхъ реальныхъ и потому никогда неизвѣстныхъ вполнѣ, приводитъ къ выводамъ фактическимъ, не обладающимъ полною несомнѣнностью, а лишь вѣроятностью, не могущею обойтись безъ провѣрки ея дѣйствительностью. Какъ бы то ни было, мы имѣли право сказать, что экспериментальная наука создаетъ свой предметъ, побуждаетъ раскрывать при помощи мысли и провѣрять на опытѣ общіе законы явленій».

«Такъ-то опытныя науки подвергаютъ всѣ свои сужденія, всѣ свои гипотезы рѣшительному контролю, заключающемуся въ ихъ фактическомъ осуществленіи. То, о чемъ онѣ мечтаютъ, онѣ воплощаютъ въ дѣйствіи. Типы, создавшіеся въ представленіи ученаго, если онъ не ошибся, оказываются тѣми же, которыхъ создаетъ дѣйствительность. Его объектъ всегда реаленъ. Потому-то, дѣлая свое дѣло, экспериментальная наука снаб-

жаетъ и другія науки могучими, испытанными и мощными орудіями и средствами, порою совершенно неожиданными».

«Химія обладаетъ этой творческой способностью, быть можетъ, въ еще большей степени, чѣмъ другія науки, потому что она проникаетъ глубже, до самыхъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются всѣ существа. Она не только создаетъ явленія, не только обладаетъ властью создавать вновь то, что разрушаетъ, она обладаетъ, кромѣ того, способностью создавать несмѣтныя, искусственныя существа, подобныя естественнымъ и раздѣляющія съ ними всѣ ихъ свойства. Эти искусственныя существа являются реальнымъ воплощеніемъ раскрытыхъ ею отвлеченныхъ законовъ. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы восходить мыслію къ матеріальнымъ превращеніямъ, которыя когда-либо осуществлялись и осуществляются въ мірѣ, какъ минеральномъ, такъ и органическомъ, не довольствуясь однимъ непосредственнымъ наблюденіемъ современныхъ явленій и существованій, мы можемъ, не выходя изъ круга вполнѣ законныхъ надеждъ, предъявлять притязаніе на возможность не только составлять себѣ представленіе о всѣхъ возможныхъ тайнахъ природы, но и осуществлять ихъ въ дѣйствительности. Можемъ, говорю, предъявлять притязаніе на возсозданіе всѣхъ тѣхъ веществъ, которыя создались съ начала міровъ, и на ихъ воспроизведеніе въ тѣхъ же условіяхъ, въ силу тѣхъ же законовъ и дѣйствіемъ тѣхъ же силъ, къ которымъ прибѣгаетъ сама природа».

Осуществивъ во всѣхъ подробностяхъ свою задачу, доказавъ власть человѣка создавать и тѣ органическія тѣла, созданіе которыхъ *витализмъ* приписывалъ какой-то особой жизненной силѣ, Бертло счелъ себя призваннымъ, если не изслѣдовать явленія, совершающіяся при содѣйствіи организмовъ, то, по крайней мѣрѣ, высказать и на этотъ счетъ свои воззрѣнія.

Хотя на этотъ разъ онъ и не опирался, какъ всегда, на многочисленныя фактическія изслѣдованія, тѣмъ не менѣе высказанное имъ мнѣніе свидѣтельствуетъ о его научной проницательности, такъ какъ и въ этомъ направленіи онъ шелъ противъ господствовавшаго теченія и противникомъ имѣлъ такого крупнаго научнаго дѣятеля, какъ Пастёръ, котораго онъ побивалъ на его спеціальномъ полѣ дѣятельности. Эта сторона дѣятельности Бертло далеко не достаточно оцѣнена, даже нерѣдко она представлялась въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, доходило до того, что его заклятый врагъ клерикально настроенный физикъ Дю-Гемъ въ памфлетѣ, въ которомъ онъ тщетно пытался уничтожить всю научную дѣятель-

ность Бертло, позволялъ себѣ утверждать, что на склонѣ своихъ дней Бертло видѣлъ крушеніе всѣхъ своихъ научныхъ идеаловъ, въ томъ числѣ долженъ былъ сознавать побѣду надъ своими нечестивыми, антивиталистическими воззрѣніями виталистическаго ученія благочестиваго химика Пастёра. И это говорилось въ то время, когда воззрѣніе Бертло получило блестящее фактическое подтвержденіе въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ Бухнера [1]). Это единоборство двухъ великихъ химиковъ происходило на почвѣ истолкованія столь важнаго для химіи и біологіи вопроса о природѣ явленій *броженія*. Въ то время какъ Пастёръ выступалъ со своей *біологической* теоріей броженія, считавшей это явленіе жизненнымъ процессомъ, функціей *микроорганизмовъ*, Бертло утверждалъ, что химикъ долженъ идти далѣе въ своемъ анализѣ явленій и въ основѣ этой несомнѣнной дѣятельности живыхъ существъ, какъ перваго приближенія къ разрѣшенію задачи, искать дѣйствія тѣхъ химическихъ *веществъ*—безжизненныхъ и растворимыхъ, типомъ которыхъ должно признать открытый и обстоятельно изученный Пайэномъ — *діастазъ*. Споръ главнымъ образомъ сосредоточивался на спиртовомъ броженіи—являлся ли онъ результатомъ дѣятельности живыхъ организмовъ, какъ думалъ Пастёръ, или лежащей въ основѣ ея химической реакціи, воспроизводимой *in vitro*. Понятно, какъ, разбитые на почвѣ осуществленія органическаго синтеза, защитники витализма обрадовались, найдя новую почву въ біологической теоріи броженія. Но Бертло вытѣснилъ ихъ и оттуда. Свое воззрѣніе онъ на первыхъ же порахъ, какъ всегда, обставилъ точнымъ опытомъ, показавъ (въ 1860 г.), что первая стадія спиртового броженія тростниковаго сахара—его превращеніе (инверсія) вызывается не дѣятельностью дрожжей, какъ нераздѣльнаго живого фактора, а легко извлекаемымъ изъ него растворимымъ ферментомъ, названнымъ имъ—*invertиномъ*, воспроизводящимъ ту же реакцію и внѣ организма. Это открытіе, имѣвшее громадное принципіальное значеніе, было заслонено другими его великими открытіями и осталось почти незамѣченнымъ. Свой выводъ онъ формулировалъ въ своей краткой замѣткѣ такъ: «Выражаясь кратко, въ указанныхъ случаяхъ живое существо не ферментъ, оно только его производитъ; однажды образовавшись, этотъ растворимый ферментъ оказываетъ свое дѣйствіе независимо отъ какого бы то ни было жизненнаго акта, не находясь въ связи

1) Еще до появленія этихъ рѣшающихъ работъ въ своей лекціи „*Луи Пастёръ*“ я доказывалъ вѣрность точки зрѣнія Бертло и ошибочность точки зрѣнія Пастёра.

съ какимъ бы то ни было физіологическимъ явленіемъ». Поглощенный своей гигантской «монументальной» работой, въ другихъ областяхъ химіи Бертло не имѣлъ досуга самъ использовать всѣ послѣдствія этой замѣтки, но, много лѣтъ спустя, онъ съ жаромъ ухватился за найденныя послѣ смерти его друга Клода Бернара въ его записныхъ книжкахъ указанія, что открытіе этого искомаго фермента спиртового броженія было предметомъ послѣднихъ работъ великаго физіолога, и онъ былъ дѣйствительно имъ найденъ. Это посмертное разоблаченіе даже ставилось въ вину Бертло — говорили, что онъ не пожалѣлъ памяти стараго друга, публикуя послѣ его смерти неудачную, очевидно, основанную на экспериментальной ошибкѣ его работу, лишь бы только привести что-нибудь въ защиту своей неудачной идеи. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и *неудачная* идея великаго химика, подтвержденная *экспериментальной ошибкой* великаго физіолога, оказалась фактомъ. Блестящіе опыты Бухнера подтвердили точку зрѣнія Бертло, внеся снова отчаяніе въ лагерь виталистовъ; оказалось, что спиртовое броженіе вызываетъ не дрожжевой грибокъ, какъ таковой, въ силу присущей ему жизненной силы, а ферментъ, подобный открытому Бертло въ 1860 году инвертину и названный Бухнеромъ въ 1897 году *зимазой*. Черезъ нѣсколько лѣтъ эту тайну жизни показывали уже какъ простой химическій опытъ на выставкахъ.

Выступивъ противникомъ виталистическаго воззрѣнія на ферменты, Бертло не раздѣлялъ и вновь подогрѣтаго воззрѣнія на нихъ, какъ на *катализаторовъ*, т.-е. какъ на такія тѣла, которыя дѣйствуютъ однимъ своимъ присутствіемъ. Для него всякій такъ называемый катализаторъ дѣйствуетъ или опредѣленно физически, измѣняя физическое состояніе взаимодѣйствующихъ тѣлъ, или химически, т.-е. вступая въ соединеніе съ ними и вновь выступая изъ него, и это воззрѣніе теперь тоже торжествуетъ.

Доказавъ единство химіи, доказавъ, что гдѣ бы ни совершалось химическое явленіе—въ колбѣ ли химика или въ клѣточкѣ живого организма—оно происходитъ по тѣмъ же непреложнымъ законамъ, въ силу того же присущаго элементамъ—химическаго *сродства*, Бертло углубляется еще дальше въ изучаемомъ явленіи, возбуждаетъ еще болѣе широкій вопросъ:—а это таинственное *сродство*, проявляющееся во всѣхъ химическихъ явленіяхъ, въ чемъ заключается оно или, правильнѣе, *чѣмъ оно измѣряется*?

и отвѣчаетъ на него: неизмѣнно сопровождающими проявленія этого сродства *явленіями тепловыми*. Какъ въ первой области своей дѣятельности, онъ объединилъ задачи, казалось, совершенно различныхъ отдѣловъ химіи, такъ на этотъ разъ онъ уже объединяетъ задачи двухъ смежныхъ наукъ—химіи и физики въ общей новой области—*термохиміи*. То, что онъ сдѣлалъ и тамъ и здѣсь, не является какимъ-нибудь отрывочнымъ фактомъ, не открывающимъ наукѣ новаго пути [1]), а напротивъ представляетъ изъ себя, по его выраженію, «un corps de doctrines»—цѣлую новую научную дисциплину, размѣры примѣненія которой трудно даже оцѣнить. И нельзя сказать, чтобы между этими двумя главными задачами его научной дѣятельности не было связи, напротивъ того, размышленія надъ различіемъ между первымъ самымъ труднымъ шагомъ въ органическомъ синтезѣ и сравнительною легкостью послѣдующихъ шаговъ навели его на одно изъ основныхъ положеній его термохиміи.

Въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ своихъ синтезовъ, именно тамъ, гдѣ онъ, отправляясь отъ углекислоты и воды, получилъ муравьиную кислоту, онъ пришелъ къ еще болѣе неожиданному и важному результату—что эта реакція образованія муравьиной кислоты идетъ съ поглощеніемъ и обратное ея разложеніе—съ выдѣленіемъ тепла. Это послужило исходнымъ пунктомъ для его основной классификаціи химическихъ явленій на *экзотермическія* (сопровождающіяся выдѣленіемъ тепла) и на *эндотермическія* (сопровождающіяся поглощеніемъ тепла), оказавшейся крайне плодотворной не только въ химіи, но и въ физіологіи.

Какъ и ученіе объ органическомъ синтезѣ, термохимія являлась плодомъ многочисленныхъ изслѣдованій, открытія новыхъ методовъ, накопленія несмѣтнаго числа числовыхъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ самимъ Бертло и его учениками, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ В. Ф. Лугининъ, впослѣдствіи и самъ обогатившій термохимію новыми пріемами. Бертло такъ самъ опредѣлялъ задуманную имъ колоссальную задачу: «Дѣло шло о томъ, чтобы заложить основы новой науки, призванной преобразить всю химію, сводя ее къ раціональнымъ понятіямъ, опирающимся на основные законы механики». Результатами десятилѣтнихъ трудовъ, занявшихъ въ *Annales de Physique et de chimie* болѣе 2000 страницъ, явились въ 1879 году два тома *Essai de Mecanique chimique, fondée sur la Thermo-*

[1]) Какъ это было съ синтезомъ мочевины Вёллеромъ.

chimie. Позднѣе онъ издалъ краткое практическое руководство *Traité pratique de calorimetrie chimique*, а черезъ двадцать лѣтъ, въ 1897 году,—колоссальную сводку всѣхъ полученныхъ результатовъ также въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *Thermochimie, Données et lois numeriques*. Ни одно изъ его произведеній не вызвало такой ожесточенной полемики, какъ эта *Mecanique chimique* и здѣсь, конечно, не мѣсто дать о ней, хотя бы, приблизительное понятіе. Замѣтимъ, что самъ Бертло никогда не предъявлялъ притязаній на непогрѣшимость; вотъ нѣсколько мыслей, высказанныхъ имъ по этому случаю: «Конечно, я не скрываю отъ себя пробѣловъ и несовершенствъ моего труда, но этотъ трудъ, какъ бы онъ ни былъ ограниченъ, представляетъ первый шагъ на новомъ пути, итти далѣе по которому всѣ призываются, пока химическая наука не будетъ преобразована на новыхъ основаніяхъ. А высокая цѣль подобной ея эволюціи—переходъ химіи изъ науки описательной въ ряды наукъ чисто физическихъ и механическихъ». Въ одномъ письмѣ къ Лешателье по тому же поводу онъ скромно замѣчаетъ: «Научныя истины становятся обязательными только силой доказательствъ, экспериментальныхъ и раціональныхъ». «Главная обязанность ученаго не въ томъ, чтобы пытаться доказать непогрѣшимость своихъ мнѣній, а въ томъ, чтобы всегда быть готовымъ отказаться отъ всякаго воззрѣнія, представляющагося не доказаннымъ, отъ всякаго опыта, оказывающагося ошибочнымъ».

Заслуга Бертло въ области созданной имъ термохиміи можетъ быть разсматриваема съ троякой точки зрѣнія: 1) съ точки зрѣнія выработанныхъ имъ новыхъ методовъ изслѣдованія; 2) съ точки зрѣнія связывающихъ безчисленныя наблюденія основныхъ теоретическихъ положеній и 3) съ точки зрѣнія широкихъ научныхъ и техническихъ примѣненій какъ методовъ, такъ и теоріи далеко за предѣлами одной химіи. Разсмотримъ эти три точки зрѣнія послѣдовательно.

Все въ области этой новой химіи сводится къ опредѣленію одной физической величины—количества тепла, измѣряемаго единицей, такъ называемой *калоріей*. Эти калориметрическіе пріемы доведены Бертло до небывалой ранѣе степени точности и простоты. Вѣнцомъ его изобрѣтеній въ этомъ направленіи явилась его знаменитая *бомба*, служащая для калориметрическихъ сожженій и вошедшая въ обиходъ химика, физика, техника и физіолога. Приборъ этотъ состоитъ изъ небольшого толстостѣннаго стального котелка съ такою же стальною навинчивающеюся на него крышкою и выдерживающаго внутреннее давленіе въ

200—250 атмосферъ. Въ приборъ этотъ помѣщается испытуемое вещество, накачивается кислородъ подъ давленіемъ 25 атмосферъ и при помощи электрическаго запала производится вспышка. При такихъ условіяхъ любое органическое вещество, газообразное, жидкое или твердое сжигается моментально и начисто. Не выдержали бы окисляющаго дѣйствія и стальныя стѣнки бомбы, для устраненія чего она выложена внутри толстой платиновой обкладкой [1].

Примѣненіе бомбы къ термохимическимъ изслѣдованіямъ имѣло результатомъ быстрое накопленіе громаднаго фактическаго матеріала, на основаніи котораго была построена теорія, сводившаяся къ одному глубокому обобщенію. Противъ этой-то теоріи многочисленными противниками Бертло была поведена атака и притомъ съ двухъ совершенно противоположныхъ сторонъ. Пытались доказать, что выдвигаемый имъ основной принципъ невѣренъ, и въ то же время что его ученіе было уже высказано ранѣе датскимъ химикомъ Томсеномъ. Бертло назвалъ основной принципъ, вытекавшій изъ громаднаго накопленнаго имъ фактическаго матеріала, *закономъ наибольшей работы* (Principe du travail maximum)—законъ этотъ былъ отвѣтомъ на самый коренной вопросъ, могущій представиться химику: — въ какомъ направленіи совершаются химическія явленія въ зависимости отъ такъ называемаго взаимнаго сродства тѣлъ? Бертло отвѣчалъ на него: Это направленіе будетъ то, при которомъ выдѣляется наибольшее количество тепла. Законъ этотъ, слѣдовательно, на основаніи опредѣленія количества тепла, выдѣляемаго при реакціяхъ, позволяетъ предсказать, въ какомъ направленіи онѣ будутъ совершаться, даетъ возможность объяснить, почему химическія явленія идутъ такъ, а не иначе. Понятно громадное значеніе такого широкаго обобщенія и потому-то именно противъ него была поведена двойная атака всѣхъ противниковъ и завистниковъ Бертло, то утверждавшихъ, что оно уже было извѣстно Томсену, то утверждавшихъ, что въ основѣ оно не вѣрно. Такимъ образомъ за этимъ блестящимъ открытіемъ отрицалось всякое значеніе, а на случай, если бы оно оказалось дѣйствительнымъ, выдвигался чужой пріоритетъ. Прежде всего посмотримъ, насколько оправдывается попытка отнять у Бертло пріоритетъ открытія этого широкаго обобщенія, быть можетъ, самаго широкаго въ области новѣйшей химіи. Вотъ

---

[1] Что дѣлаетъ приборъ дорогимъ. Малеръ замѣнилъ платину огнеупорной эмалью. Это чисто экономическое усовершенствованіе дало возможность нѣмецкимъ химикамъ бомбу Бертло называть Малеровской даже тогда, когда Малеръ вернулся къ платиновой обкладкѣ.

основное положеніе Томсена: *Всякій простой или сложный чисто химическій процессъ сопровождается выдѣленіемъ тепла.* А вотъ какъ формулируетъ свой принципъ наибольшей работы Бертло: *Всякое химическое явленіе, совершающееся безъ вмѣшательства посторонней энергіи, клонится къ образованію тѣла или системы тѣлъ, выдѣляющихъ наибольшее количество тепла* [1]). Ясно, что между этими двумя выраженіями нѣтъ ничего общаго; у Томсена нѣтъ никакого сравненія между количествами выдѣляемаго тепла, а слѣдовательно нѣтъ и никакого предсказанія о томъ направленіи, которое принимаетъ реакція, въ чемъ и заключается главное содержаніе закона Бертло. Указывающіе, что законъ Бертло не универсаленъ, нерѣдко предъявляютъ въ качествѣ возраженія, что онъ касается только явленій, сопровождающихся выдѣленіемъ тепла, и не примѣнимъ къ явленіямъ, сопровождающимся его поглощеніемъ, но возраженіе это звучитъ особенно странно, когда его предъявляютъ по адресу ученаго, положившаго въ основу своего ученія различіе между явленіями эндотермическими и экзотермическими. Дѣлающіе это возраженіе какъ будто забываютъ основную оговорку, введенную въ формулировку закона, что онъ касается явленій, совершающихся *«безъ вмѣшательства* (sans intervention) *посторонней энергіи»*.

Выдвигать, какъ это дѣлалось въ качествѣ возраженія противъ закона Бертло, явленія диссоціаціи (какъ разъ подходящія подъ эту оговорку) окончательно невозможно уже потому, что открытіе Де-Виля въ то время особенно привлекало вниманіе всѣхъ химиковъ, въ томъ числѣ и Бертло [2]). Но не было недостатка и

---

1) Привожу оба положенія въ томъ видѣ, какъ ихъ приводитъ Оствальдъ, дѣлающій изъ этого сопоставленія выводъ о пріоритетѣ Томсена.

2) Припоминаю по этому поводу слѣдующій случай. Въ 1869 году, слѣдовательно за десять лѣтъ до появленія Mecanique chimique, я посѣщалъ одинъ изъ первыхъ его курсовъ термохиміи. Классическій опытъ Де-Виля диссоціаціи углекислоты, до той поры считавшейся тайной жизни, былъ еще новинкой. Самъ Де-Виль показывалъ его на своихъ лекціяхъ въ старой Сорбоннѣ. Показывалъ его и Бертло въ своемъ курсѣ и, какъ мнѣ показалось, еще эффектнѣе, чѣмъ въ Сорбоннѣ. Послѣ лекціи я обратился съ комплиментомъ къ его ассистенту, а нынѣ академику Бушарда. Онъ немного сконфузился и отвѣтилъ мнѣ: „Между нами будь сказано, вѣдь я подпустилъ въ смѣсь немного окиси углерода. Что прикажете дѣлать, не удайся опытъ такъ же какъ у Де-Виля, патронъ (мы такъ всѣ звали Бертло) вскипятился бы. Вѣдь мы знаемъ, что опытъ удается и долженъ удаваться, если газовая печь даетъ надлежащую температуру но наши, что-то плохо дѣйствуютъ. Вѣдь лекціонный опытъ только картина въ дѣйствіи, а картина должна быть отчетлива“. Долго еще послѣ того мы болтали на тему объ этикѣ лекціонныхъ демонстрацій.—Да проститъ мнѣ почтенный академикъ мою нескромность—я свято хранилъ его тайну, пока былъ живъ нашъ патронъ, а теперь, я полагаю, почти полувѣковая давность слагаетъ съ него всякую отвѣтственность.

въ защитникахъ этого основного положенія термохиміи Бертло. Вотъ что говоритъ одинъ изъ піонеровъ термохиміи у насъ, покойный Н. Н. Бекетовъ въ своемъ некрологѣ Бертло: «Законъ *наибольшей работы* Бертло подвергался не разъ критикѣ, и ему противоставлялся болѣе общій законъ стремленія къ энтропіи, которымъ математически выражаются условія равновѣсія матеріальной системы при дѣйствіи какъ внутренней, такъ и внѣшней энергіи. Энтропія однако нисколько не противорѣчитъ и не умаляетъ значенія закона Бертло, такъ какъ большинство химическихъ процессовъ происходитъ при обыкновенной температурѣ и вообще при маломъ притокѣ внѣшней энергіи—и тогда законъ наибольшей работы и является закономъ, наиболѣе примѣнимымъ къ химическимъ процессамъ». Такъ же и Планкъ вполнѣ опредѣленно высказывается за полную пріемлемость закона Бертло въ предѣлахъ высказанныхъ имъ самимъ ограниченій. Вотъ одно мѣсто изъ его извѣстной книги *Термодинамика*: «Измѣненія, происходящія *безъ участія внѣшней работы*, совершаются въ направленіи наибольшаго развитія тепла (законъ Бертло)». «Напротивъ, при высокихъ температурахъ въ газахъ и слабыхъ растворахъ химическія явленія часто совершаются... съ поглощеніемъ тепла». Это послѣднее условіе конечно было извѣстно Бертло, установившему условія эндотермическихъ реакцій. Его термохимія была химіей калориметра при обыкновенной температурѣ лабораторіи и ему никогда не пришло бы въ голову утверждать, что она была бы примѣнима гдѣ-нибудь на солнцѣ. Наконецъ самымъ выдающимся защитникомъ Бертло выступилъ несомнѣнно первый изъ современныхъ авторитетовъ въ области физической химіи Нернстъ въ рѣчи *Zur neueren Entwicklung der Thermodynamik*, произнесенной имъ въ одномъ изъ общихъ засѣданій съѣзда нѣмецкихъ естествоиспытателей въ 1912 году. Вотъ отрывокъ этой рѣчи, очевидно направленный противъ нѣмецкихъ отрицателей термохимическаго ученія Бертло [1]): «Вмѣсто того, чтобы сказать себѣ, что такой основательный знатокъ термохиміи и такой умный человѣкъ, какъ Бертло,—а онъ былъ не просто умный, а одинъ изъ умнѣйшихъ химиковъ всѣхъ временъ и навсегда останется самымъ разностороннимъ ихъ представителемъ—не могъ ошибаться въ такомъ важномъ вопросѣ,—во всѣхъ почти изложеніяхъ этого предмета упорно огуломъ отрицали все имъ сдѣланное». Далѣе Нернстъ напоминаетъ, что самъ онъ указывалъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ, что правило

1) Съ Оствальдомъ во главѣ.

Бертло оправдывается на такомъ громадномъ числѣ фактовъ, что относиться къ нему отрицательно просто невозможно, и уже тогда утверждали, что въ болѣе разработанной формѣ принципъ Бертло сохранитъ полное свое значеніе, что и подтверждается теперь новѣйшими изслѣдованіями самого Нернста. Это предположеніе не только оправдалось, но и оказалось, что тѣ закономѣрности, на которыя, со свойственною ему проницательностью такъ настойчиво указывалъ Бертло, являются только частнымъ случаемъ болѣе общаго закона». Таково окончательное сужденіе о термохиміи Бертло несомнѣнно самаго компетентнаго современнаго судьи въ этой области химическаго знанія.

Переходимъ къ третьей точкѣ зрѣнія, съ которой можно судить о значеніи термохимическихъ изслѣдованій Бертло. Мы видѣли, что сдѣлано имъ съ точки зрѣнія выработки методовъ и съ точки зрѣнія установленія общей теоріи относящихся сюда явленій—остается сказать о приложеніи этихъ теоретическихъ и практическихъ результатовъ къ другимъ сферамъ знанія, за предѣлами химіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Термохимическія изслѣдованія Бертло особенно отразились на физіологіи животныхъ и растеній и на теоріи и практикѣ взрывчатыхъ веществъ. Исходя изъ своего естественнаго дѣленія химическихъ явленій на экзо- и эндо-термическія—онъ высказалъ мысль, что источникомъ энергіи въ организмѣ могутъ быть не исключительно только явленія дыханія, т.-е. окисленія, но и цѣлый рядъ другихъ экзотермическихъ процессовъ, и можно сказать, что весь тотъ переворотъ, который совершенъ въ этомъ направленіи какъ въ физіологіи животныхъ, такъ и въ физіологіи растеній, исходитъ изъ этого воззрѣнія Бертло[1]). Пастёръ воспользовался этой идеей для установленія понятія объ анаэробной жизни. Съ другой стороны бомба Бертло стала обычнымъ приборомъ въ физіологическихъ лабораторіяхъ для опредѣленія калорическаго эквивалента пищевыхъ веществъ. Дошло до того, что самому Бертло пришлось умѣрять увлеченіе своихъ послѣдователей, убѣждая ихъ, что питательное значеніе этихъ веществъ не ограничивается исключительно ихъ калорическимъ эффектомъ. Онъ тоже первый измѣрилъ калорическій эффектъ, сопровождающій превращеніе гемоглобина крови. Всѣ его термохимическія изслѣдованія въ области физіологіи были имъ собраны въ 1899 году въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *Chimie animale. Principes chimiques de la production de la chaleur animale.*

Другою областью приложенія идей, выработанныхъ имъ въ

---

1) Нѣкоторые американскіе физіологи предлагали даже ввести болѣе общее понятіе вмѣсто дыханія и обозначили его терминомъ *энергезисъ*.

термохиміи, была теорія и практика изготовленія и дѣйствія взрывчатыхъ веществъ. Появившаяся въ 1871 году небольшая брошюра на эту тему въ 1888 вышла третьимъ изданіемъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *La force des matières explosives d'après la thermochimie.* Кромѣ многихъ новыхъ фактовъ. числовыхъ данныхъ, эта книга заключала широкія обобщенія и совершенно новыя представленія, какъ, напримѣръ, объ эндотермическомъ происхожденіи взрывчатыхъ веществъ и о «взрывной волнѣ» (onde explosive).

Ограничиваясь бѣглымъ указаніемъ только на главнѣйшія *категоріи* изслѣдованій Бертло, мы обошли молчаніемъ другія менѣе обширныя, какъ, напримѣръ, изслѣдованія объ этеризаціи, о дѣйствіи тихаго разряда, о пріемахъ газоваго анализа и безчисленныя изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Переходимъ теперь къ его дѣятельности въ области приложенія химіи къ земледѣлію и къ его обширнымъ трудамъ чисто литературнаго характера по исторіи химіи.

Подобно Лавуазье, Бертло въ позднѣйшіе годы своей дѣятельности заинтересовался примѣненіемъ химіи къ самому важиному, самому древнему изъ человѣческихъ искусствъ—къ земледѣлію. Ближайшимъ поводомъ, побудившимъ его проникнуть въ эту совершенно новую для него область, была опять новая, открытая имъ область химическихъ явленій—присоединенія атмосфернаго азота къ органическимъ тѣламъ подъ вліяніемъ, такъ называемаго, тихаго электрическаго разряда. Поставивъ этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія своими лабораторными опытами, онъ задался мыслью—не существуетъ ли чего-либо подобнаго и въ природѣ, на счетъ атмосфернаго электричества. Существованіе подобнаго процесса разъяснило бы загадку, надъ которой ломали себѣ голову ботаники—физіологи и агрономы. Никогда не гоняясь за роскошною обстановкой, онъ установилъ первую серію опытовъ у себя на крышѣ Collège de France, а также воспользовался гостепріимствомъ метеорологической станціи въ Монсури на окраинѣ Парижа. Только въ 1883 году ему представилась возможность создать спеціальную химико-ботаническую станцію на мѣстѣ разрушеннаго во время осады Парижа стараго Медонскаго замка. Понятно, первой и главной его задачей было разрѣшеніе этого поднятаго имъ вопроса о возможности усвоенія азота растеніемъ подъ вліяніемъ атмосфернаго электричества. Грандо на агрономической опытной станціи въ Нанси успѣлъ уже между тѣмъ произвести опыты, казалось, подтверждавшіе эту идею Бертло. Въ Медонѣ была сооружена особая

высокая башня, для того, чтобы можно было пользоваться атмосфернымъ электричествомъ болѣе высокаго потенціала. Но изслѣдованія не оправдали этой первой гипотезы, а наблюдаемые факты привели Бертло къ другому предположенію, что въ процессѣ утилизаціи атмосфернаго азота могутъ играть роль микроорганизмы почвы. Онъ высказывалъ и на этотъ разъ свои воззрѣнія вполнѣ опредѣленно: «Почва есть нѣчто живое» и далѣе: «во всякомъ случаѣ усвоеніе атмосфернаго азота нужно ожидать не у высшихъ растеній, а у простѣйшихъ организмовъ, населяющихъ почву». Нѣкоторые его опыты уже довольно ясно указывали на этотъ фактъ, когда въ 1886 году появились классическія изслѣдованія Гельригеля, поставившія его внѣ всякаго сомнѣнія. Гельригель уже лѣтъ двадцать занимался вопросомъ объ источникахъ азота, ассимилируемаго высшими растеніями, и самъ откровенно заявилъ, что толчкомъ къ постановкѣ опытовъ относительно роли микроорганизмовъ почвы были работы Бертло.

Изученіе жизненныхъ процессовъ, совершающихся въ растеніи, заставило его вернуться къ области, затронутой имъ уже въ его *Mecanique chimique*,—къ области *фотохиміи*, и здѣсь онъ высказалъ свои основныя воззрѣнія, которыя, несмотря на то развитіе, которое приняла въ послѣднее время фотохимія, еще не достаточно оцѣнены. Именно, онъ указалъ, что мѣрою свѣтового дѣйствія могутъ служить только реакціи эндотермическія, гдѣ свѣтовая энергія производитъ работу, а не экзотермическія, гдѣ свѣтъ служитъ только толчкомъ, вызывающимъ дѣйствіе химическаго сродства. Измѣрять дѣйствіе свѣта экзотермической реакціей, которую онъ вызываетъ, все равно, что измѣрять дѣйствіе спички взрывомъ пороха, который ею подожженъ. Труды Бертло, связанные съ его дѣятельностью на Медонской станціи, собраны имъ въ *четырехъ томахъ*.

Совмѣщая въ себѣ все настоящее химіи, открывая ей новые пути въ будущемъ, какъ глубокій мыслитель, онъ интересовался и ея прошлымъ. Особенно интересовало его зарожденіе химическихъ знаній, начиная съ Египта и Вавилона, а также тѣ пути, которыми знанія классическаго міра черезъ мракъ средневѣковья проникли въ новѣйшія времена. И здѣсь онъ явился не компиляторомъ, а настоящимъ изслѣдователемъ, созидающимъ исторію на основаніи первоисточниковъ, трудноразбираемыхъ рукописей и папирусовъ. Онъ говорилъ, что самъ былъ изумленъ прочностью тѣхъ школьныхъ свѣдѣній въ греческомъ языкѣ, которыя такъ пригодились ему въ этой дѣятельности. Конечно, здѣсь не осталось безъ вліянія

и постоянное общеніе съ Ренаномъ. Но при этихъ трудахъ недостаточно было одного знанія языковъ и умѣнія разбирать старыя рукописи.—Первые зачатки химическихъ знаній умышленно облекались въ загадочныя формы мистическаго, символическаго языка—приходилось угадывать ихъ умышленно скрытый смыслъ. Роясь въ архивахъ Рима, Венеціи и Лейдена, онъ дѣлалъ настоящія открытія, какъ, напримѣръ, открытіе оставшагося неизвѣстнымъ его предшественникамъ лейденскаго папируса III-го или IV-го вѣка. Прослѣдивъ начало химіи или, вѣрнѣе, алхиміи до Египта, Бертло не упустилъ изъ вниманія и Вавилона, значеніе котораго еще не выдвигалось такъ впередъ, какъ въ настоящее время. Переходя къ исторіи химіи въ средніе вѣка, ему пришлось разбираться въ арабскихъ и сирійскихъ источникахъ, и только здѣсь онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ посторонней помощи спеціалистовъ. Вся совокупность этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ историческихъ трудовъ занимаетъ *восемь томовъ*. Совершенно особое мѣсто занимаетъ небольшая книга *La revolution chimique*, посвященная дѣятельности Лавуазье. Въ 1889 году французскій народъ чествовалъ столѣтнюю годовщину великой революціи, и Бертло напомнилъ, что этотъ годъ былъ отмѣченъ и другой, быть можетъ, не менѣе глубокой революціей, зарожденіемъ новой науки химіи; въ этомъ же 1789 году появилась книга Лавуазье *Traité de chimie*. Небольшой томикъ Международной библіотеки заключаетъ не только біографію и популярный очеркъ о значеніи трудовъ Лавуазье, но и стоившее большого труда первое печатное воспроизведеніе его лабораторныхъ протоколовъ и записей, дозволяющихъ, чуть не изо дня въ день и въ его собственныхъ словахъ, слѣдить за его творческой дѣятельностью въ эпоху произведенной имъ революціи химіи.

До сихъ поръ мы разсматривали произведенія Бертло исключительно научнаго содержанія, имѣющія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ химіи. Но, въ отличіе отъ многихъ своихъ сотоварищей по наукѣ, онъ никогда не замыкался въ ея исключительную область и могъ повторить старое изреченіе: Homo sum, humani nihil me alienume puto.

Передъ нами еще четыре тома, заглавія которыхъ говорятъ сами за себя—*Science et philosophie*, *Science et morale* [1]), *Science et éducation*, *Science et libre pensé*.

---

[1]) Самая интересная изъ нихъ, представляющая отповѣдь всѣмъ противникамъ науки, провозглашавшимъ ея банкротство, была въ свое время переведена мною. (Бертло—*Наука и нравственность*, Москва, 1898 г.).

Въ этихъ книгахъ, разсчитанныхъ на широкій кругъ читателей, Бертло касается самыхъ разнообразныхъ точекъ соприкосновенія науки съ жизнію—индивидуальной и общественной. Онъ краснорѣчиво развиваетъ ту мысль, которую нельзя достаточно часто повторять, что съ наукой «народился новый факторъ, простирающій свое вліяніе на сферу политическую, экономическую и моральную, факторъ, не существовавшій ранѣе даже въ зачаткѣ, сила, постоянно растущая и все болѣе выдвигающаяся противъ узкаго коснаго духа партій, цѣпляющихся за темное прошлое». Въ блестящей рѣчи, озаглавленной «Наука-освободительница», произнесенной на банкетѣ, данномъ ему французской учащейся молодежью, всегда считавшей Бертло своимъ руководителемъ, онъ защищаетъ положеніе: «Наука освободила мысль, а свободная мысль освободила народъ». Къ той же мысли возвращается онъ и въ рѣчи «Цѣли науки». Въ своей книгѣ «Наука и воспитаніе», онъ, конечно, выступаетъ защитникомъ «современной школы» (enseignement moderne), противополагая ее классической, и его голосъ звучитъ тѣмъ авторитетнѣе, что найдется не много присяжныхъ классиковъ, которые могли бы предъявить такія знанія въ классическихъ языкахъ и литературѣ. Общее направленіе всѣхъ четырехъ томовъ можно охарактеризовать слѣдующими выдержками изъ «Науки и нравственности»: «Мы присутствуемъ въ эту минуту передъ новымъ натискомъ мистицизма противъ науки; онъ надѣется путемъ ораторскаго краснорѣчія завоевать себѣ вновь то потерянное господство надъ міромъ, которое имъ такъ долго поддерживалось огнемъ и мечемъ. Старый споръ, не прекращавшійся со временъ потеряннаго рая и старика Эноха, съ тѣхъ временъ, когда «падшіе ангелы открыли людямъ проклятое познаніе добра и зла и научили ихъ запрещеннымъ искусствамъ». Снова мистицизмъ во имя религіи предъявляетъ свои права на монополію нравственности».

«Но эти притязанія опираются на совершенно ложныя утвержденія. Исторія развитія человѣческой расы и намъ извѣстныхъ цивилизацій на дѣлѣ свидѣтельствуетъ совсѣмъ не то; она свидѣтельствуетъ, что происхожденіе нравственности совершенно иное. Религіи присвоивали себѣ нравственность, а не создали ее, и слишкомъ часто вступали въ борьбу съ эволюціей и прогрессомъ. На дѣлѣ онѣ, какъ и метафизика, только заимствовали знанія своего времени и превращали эти понятія, эти гипотезы въ абсолютныя системы, въ неподвижные догматы».

«Но времена измѣнились: наука, такъ долго находившаяся

подъ запретомъ, преслѣдуемая въ теченіе всего средневѣковья завоевала свою независимость цѣною тѣхъ услугъ, которыя она принесла людямъ. Теперь она можетъ отнестись съ пренебреженіемъ къ попыткамъ мистиковъ отрицать ея права. И молодое поколѣніе отказывается идти по стопамъ этихъ ложныхъ путеводителей, каковы бы ни были чары ихъ рѣчей, искренность ихъ вѣрованій, она со своей стороны исповѣдуетъ убѣжденія болѣе высокія, болѣе достовѣрныя, болѣе великодушныя; она очень хорошо знаетъ, что выдуманное «банкротство науки» только самообманъ людей, совершенно чуждыхъ истинному духу науки; она знаетъ, что наука сдержала обѣщанія, данныя отъ ея имени философами природы, начиная съ XVII и XVIII вѣка, одна наука, съ той поры и даже отъ начала вѣковъ, измѣняла къ лучшему матеріальныя и нравственныя условія существованія народовъ». «Прошло всего два съ половиною вѣка съ той поры, какъ наука освободилась отъ всякой посторонней подмѣси и проявилась во всей своей силѣ, а уже ея значеніе засвидѣтельствовано въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ постоянно ускоряющею свой ходъ промышленною и соціальною эволюціей».

«Что же касается до насъ, ученыхъ, то мы истинные друзья народа, потому что мы по убѣжденію и воспитанію рабы закона, излагаемаго наукой и теперь измѣняющаго судьбы всего міра. Онъ преобразовалъ все человѣчество, улучшивъ матеріальное существованіе самыхъ униженныхъ и обездоленныхъ, развивъ ихъ разумъ, разрушивъ угнетающія ихъ переходныя экономическія формы, къ которымъ ихъ думали на вѣки приковать и, наконецъ, что всего важнѣе, внѣдривъ во всѣ совѣсти нравственную увѣренность въ конечномъ торжествѣ общей солидарности, вытекающей изъ сознанія истиннаго блага всѣхъ и долга справедливости. Наука господствуетъ рѣшительно надо всѣмъ, она одна оказываетъ прочныя услуги. Ни одна человѣческая личность, ни одно человѣческое учрежденіе не будутъ имѣть прочнаго авторитета, если не будутъ сообразоваться съ требованіями науки. Благодаря наукѣ наступятъ наконецъ благословенныя времена равенства и братства всѣхъ передъ святымъ закономъ труда».

Сорбоннское чествованіе полувѣкового юбилея Бертло было признаніемъ передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра «*гигантскаго*» труда этого «*геніальнаго*»[1]) работника.

К. Тимирязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Оба слова, приведенныя курсивомъ, заимствованы изъ адресовъ отъ Берлинской академіи и Нѣмецкаго Химическаго общества.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Романъ Іогана Бойера.

(Продолженіе) [1].

V.

На квартирѣ у доктора Гольта жена его накрывала на столъ для обѣда. Скатерть была вся въ пятнахъ, съ выщербленными краями стаканы; дѣти шумѣли и совались подъ ноги. На паркетѣ и стульяхъ валялись ножницы, катушки, обрѣзки матерій, игрушки, дѣтскіе костюмы. Но, къ счастью, угловая комната, парадная, съ искусственными пальмами и плюшевой мебелью, была заперта на ключъ.

Фру Гольтъ въ дѣвушкахъ была красива, но теперь ходила дома въ грязныхъ капотахъ, растрепанная, съ впалыми щеками, съ выдававшимся животомъ. Когда-то она любила музыку и книги — теперь ей достаточно было ходить по магазинамъ. Въ большихъ магазинахъ она чувствовала себя почти счастливой, разглядывая матеріи, и наслаждалась, лаская руками бархатъ и кружева. А затѣмъ, ничего не купивъ, уходила, говоря, что она подумаетъ, и обѣщая зайти.

Когда она выходила замужъ за Гольта, всѣ предсказывали ему блестящее будущее. И въ глубинѣ души фру Гольтъ еще не отказалась отъ надежды. Каждый день, поджидая его къ обѣду, она смутно, почти безсознательно, мечтала о сюрпризѣ: а вдругъ онъ придетъ съ какой-нибудь радостной новостью — что ему дали каѳедру въ университетѣ, или назначили его провизоромъ въ лицей, или еще что-нибудь. Ключъ поворачивался въ замкѣ—она замирала отъ нетерпѣнія—и такъ день за днемъ, ужъ много лѣтъ...

---

[1]) см. май, стр. 210.

Юргенъ Гольтъ былъ уже на пути домой. Приземистый, широкоплечій, нагруженный книгами, онъ тѣмъ не менѣе шелъ быстро. Послѣ пасхальной экскурсіи онъ, возвращаясь домой, всегда дѣлалъ крюкъ, чтобы пройти мимо возможно большаго количества садовъ. Была уже середина мая; яблони были сплошь усыпаны бѣлорозовыми цвѣтами; деревья и лужайки покрыты нѣжной зеленью. Но, когда наступило время свернуть въ узкій переулокъ, гдѣ находилась его квартира, Гольтъ замедлилъ шаги, словно вдругъ подавленный уныніемъ и усталостью.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ морщился отъ скверныхъ запаховъ; когда, взобравшись въ третій этажъ, онъ отворилъ входную дверь, ему сразу ударилъ въ носъ запахъ мыла, соды и кипятящагося бѣлья, и онъ воскликнулъ:

— Господи, Сельма! Неужели нельзя держать дверь кухни закрытой?

Фру Гольтъ, вышедшая встрѣтить его, слегка вздрогнувъ, пошла закрыть дверь. Черезъ минуту всѣ уже сидѣли за столомъ, и она разливала супъ. Дѣтей было пятеро; старшему, Гансу, тринадцать лѣтъ; младшей дѣвчуркѣ, Сигридъ, всего годъ, и мать держала ее на колѣняхъ. Дѣти были замурзанныя; мать въ утреннемъ грязномъ капотѣ; Гольтъ сидѣлъ понурившись и силился думать о другомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся, помолодѣвшій и поздоровѣвшій, изъ своей пасхальной поѣздки, настроеніе у него все время было какое-то странное. Домой онъ возвращался каждый разъ съ страшной неохотой и радовался, когда можно было уйти изъ дому, хоть и самъ стыдился этого. Дѣти, особенно старшій сынъ-подростокъ, напоминали ему, что онъ уже не молодъ. Раньше онъ не замѣчалъ, какъ увяла и опустилась его жена, не страдалъ отъ безпорядка въ комнатахъ, отъ спертаго воздуха. Но теперь онъ испытывалъ безсознательную потребность забыть объ этомъ, не замѣчать этого, а, главное, скрыть это отъ другихъ, чтобы какъ-нибудь не узнала объ этомъ какая-нибудь знакомая молодая женщина.

— Я кончилъ, спасибо,—молвилъ онъ, вставая.

— Но ты такъ мало ѣлъ?

Онъ пробормоталъ что-то о срочной работѣ и ушелъ въ свой кабинетъ. Это была крохотная комнатка, окномъ во дворъ. Съ минуту онъ постоялъ передъ окномъ, глядя на сѣрую стѣну. Потомъ сѣлъ на диванъ и устремилъ взглядъ въ одну точку.

Въ ящикѣ письменнаго стола лежали давно заброшенныя, недоконченныя работы, которыя могли бы помочь ему выдви-

нуться, улучшить свое положеніе. Но вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ навьючилъ себя уроками въ гимназіи, ради того, чтобы кормить семью; по вечерамъ просиживалъ надъ тетрадками или случайной, добавочной работой, ради той же семьи, и работать для себя было ужъ некогда... Вотъ и теперь надо было приняться за работу—никогда еще она не была ему такъ въ тягость, какъ сегодня.

Тамъ, въ горахъ, онъ видѣлъ молодыхъ людей, которые строили грандіозные планы будущаго и говорили о нихъ, какъ о новомъ, занятномъ спортѣ. Видѣлъ молодыхъ дѣвушекъ, гибкихъ, стройныхъ, привѣтливыхъ, изливавшихъ свою жизнерадостность въ пляскѣ, задорно бросавшихъ молодымъ людямъ: «Застегните мнѣ пряжку—у меня башмакъ разстегнулся».

Гольтъ откинулся на спинку дивана и закрылъ глаза.— Когда-то и тебѣ было двадцать лѣтъ, но ты и тогда не былъ молодъ. Дѣвушки и парни по воскресеньямъ уходили на прогулку, а ты усаживался у окошка, съ книгой. Подъ вечеръ они возвращались шумной гурьбой, разгоряченные, съ пылающими лицами, съ зелеными вѣтками и букетами въ рукахъ—а ты все сидѣлъ у окна, съ своей книгой. А теперь...—Зачѣмъ ты живешь, Юргенъ Гольтъ. Какой смыслъ твоей жизни? Чего ты добился? На что надѣешься? Чего ждешь отъ будущаго?

Вчера, послѣ тенниса, онъ проводилъ домой Астридъ Ріисъ. Для него уже это было приключеніемъ. Вечеръ былъ такой свѣтлый, прозрачный; на небѣ еще догорали отблески заката. Они присѣли на скамью, подъ деревьями дворцоваго парка, смотрѣли на лебедей, и въ душѣ Гольта словно птички щебетали, или журчалъ чистый источникъ. Онъ уже не былъ пожилымъ человѣкомъ, отцомъ большихъ дѣтей, политическимъ ораторомъ, повторяющимъ однѣ и тѣ же затверженныя рѣчи, неудачникомъ, озлобленнымъ своими разочарованіями—нѣтъ, ему было двадцать лѣтъ, и все въ мірѣ было для него ново. И онъ чаровалъ свою спутницу красивой, поэтической, образной рѣчью; слова и образы рождались сами собой, какъ маленькія крылатыя поэмы. А потомъ...—потомъ онъ снова вернулся домой и снова весь съежился... Душныя комнаты, дѣти-подростки, увядающая жена, долги, заботы, обязанности. Зеркало отразило желтое лицо, изборожденное морщинами, сѣдѣющіе волосы, панталоны съ мѣшками на колѣняхъ, пиджакъ съ лоснящимися локтями. Въ эту ночь онъ повторялъ молитву провансальскаго поэта: «Господи, избавь меня отъ горя почувствовать себя молодымъ... когда будетъ уже слишкомъ поздно!»

Неожиданно въ дверяхъ кабинета появилась фру Сельма. Гольтъ вздрогнулъ, словно уличенный въ дурномъ поступкѣ.

— Ты меня извини,—начала она,—но у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ.

Онъ вскочилъ съ дивана, силясь сдержать свое раздраженіе.

— Но, Боже мой, Сельма, вѣдь я же тебѣ всего только третьяго дня далъ пятьдесятъ кронъ.

— Да, но я отдала долгъ въ булочную и въ мясную, и Рагнхильдъ надо было купить башмаки, и у Іенса штанишки разваливаются—пришлось сшить новые. Гдѣ же мнѣ взять денегъ, какъ не у тебя?

— А откуда же мнѣ взять, какъ ты полагаешь?

Она стояла передъ нимъ, недоумѣнно потирая руки, робкая и умоляющая.

— Я думала, ты сегодня получишь жалованье.

— Да, конечно, если эти несчастныя триста кронъ необходимо проѣсть сегодня же, вотъ онѣ, возьми.

И онъ швырнулъ на столъ бумажникъ.

Фру Сельма со вздохомъ плюхнулась на стулъ.

— Попробовалъ бы ты самъ вести хозяйство, Юргенъ. Я ужъ экономлю, какъ только могу, не позволяю себѣ истратить эре на трамвай—пѣшкомъ иду какую даль. Мнѣ скоро не въ чемъ будетъ выйти—ни одного платья приличнаго не осталось—а вмѣсто благодарности, я отъ тебя только и слышу, что упреки. Вѣчно ты злишься, раздражаешься...

Она вытерла глаза и продолжала:

— Ты такой странный сталъ за послѣднее время, и со мной, и съ дѣтьми. Я ужъ и не придумаю, какъ мнѣ быть.

— Сколько тебѣ нужно?

— Боже мой, дай, сколько можешь.

Онъ прошелся по комнатѣ и сказалъ уже мягче:

— Интересно знать, неужели всѣ люди нашего состоянія тратятъ такъ же много.

— Ахъ, Юргенъ, ты отлично знаешь, что вездѣ одно и то же. Жизнь страшно дорожаетъ, и я увѣрена, что я трачу еще гораздо меньше, чѣмъ другія.

Онъ остановился.

— Хорошо. Я оставлю сотню на квартиру и на уплату налоговъ, не то, вѣдь, насъ опишутъ. Остальное вотъ—возьми.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь немного и себѣ.

Онъ насильно совалъ ей въ руку деньги; она, въ свою

очередь, старалась всунуть часть въ его карманъ, говоря, что она, вѣдь, понимаетъ же, что онъ не можетъ обойтись безъ карманныхъ денегъ. Кончилось тѣмъ, что онъ взялъ бумажку въ десять кронъ и положилъ ее въ кошелекъ, со вздохомъ подумавъ о весеннемъ костюмѣ, который онъ мечталъ заказать себѣ.

— Прости меня,—сказала она.

Съ усиліемъ поднялась съ кресла и безшумно вышла.

Мечтать больше невозможно было въ этой душной комнатѣ, гдѣ давящимъ гнетомъ повисли въ воздухѣ будничныя заботы. Вѣдь у жены его, дѣйствительно, всѣ платья истрепались— скоро ей не въ чемъ будетъ выйти на улицу.

Шагая изъ угла въ уголъ, Юргенъ вспоминалъ хорошенькую дѣвушку, которая, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, ввѣрила ему свою судьбу. У нея было небольшое приданое, давшее ему возможность прожить два года за границей. А затѣмъ... затѣмъ, жизнь ея была не очень-то радостной... не много счастья онъ ей далъ, а теперь... что же это, въ самомъ дѣлѣ, съ нимъ творится въ послѣднее время? Какія странныя фантазіи одолѣваютъ его?

Онъ понурилъ голову, какъ мальчикъ, получившій выговоръ. И опустился въ кресло, глядя въ одну точку.

Конечно, Сельмѣ нужно платье. Въ одной редакціи ему предложили править корректуру; онъ отказался, въ надеждѣ посвятить нѣсколько свободныхъ минутъ своимъ начатымъ и неоконченнымъ работамъ. Но, очевидно, еще не время возвратиться къ нимъ. Онъ сегодня же побываетъ въ этой редакціи. У Сельмы будетъ платье.

Рѣшеніе было принято, но онъ продолжалъ сидѣть, опершись подбородкомъ на руку и не сводя глазъ съ сѣрой стѣны.

Онъ не слыхалъ, какъ постучали въ дверь, и вздрогнулъ отъ неожиданности, когда на порогѣ появился Тангенъ, въ элегантномъ весеннемъ костюмѣ, съ панамой въ рукѣ.

— Здравствуй, пещерный человѣкъ, который живетъ отшельникомъ. А я къ тебѣ съ большими новостями.

Гольтъ сразу оживился.

— Садись. Я радъ тебѣ.

Художникъ сѣлъ, не забывъ подтянуть свои брюки въ колѣняхъ.

— Послушай, развѣ это педагогично и полезно обществу сидѣть въ такой духотѣ?

— Что же дѣлать. Если и окно открыть, не поможетъ. Ты видишь, въ какой клоакѣ я живу.

— На какой же чортъ ты здѣсь живешь?

— А какой же чортъ дастъ мнѣ средства жить иначе?

Гольтъ зашагалъ по комнатѣ.

— Вотъ этого я тоже не понимаю,—сказалъ художникъ, вынимая портсигаръ.—Чортъ побери, и я испыталъ, что значитъ бѣдность, но я не нахожу, чтобы такія испытанія слѣдовало длить.

— Ты говоришь такъ, какъ будто это моя вина.

— А чья же, если не твоя... Ахъ да, правда, у васъ, соціалистовъ, во всемъ виноваты общество и капиталъ...

— Тебѣ легко бахвалиться...

— Ты самъ виноватъ, если не можешь дѣлать того же. Нѣтъ, серьезно—почему ты до сихъ поръ не знаменитость? Почему ты все ноешь и плачешься, почему по сію пору ничего не добился? Почему ты живешь въ такой клоакѣ?

Гольтъ остановился передъ нимъ, заложивъ руки въ карманы, и смотрѣлъ на него. Тангенъ, не спѣша, закуривалъ папиросу.

— Извини, что я безъ спросу закурилъ, но это, можетъ-быть, очиститъ воздухъ. Можетъ-быть, это по-твоему и геніально положить весла и плыть по теченію, но я...

— Кто же это, по-твоему, положилъ весла?

— Кому что нравится: одному—быть больнымъ, другому—быть здоровымъ. Я не нахожу, чтобъ первое было благоразумнѣе второго, и я такъ отсталъ, что мнѣ представляется болѣе мужественнымъ и достойнымъ преодолѣть враждебную судьбу, чѣмъ покоряться ей. Ты что предпочитаешь... чистый воздухъ, или вонь? Къ чему стремится твое честолюбіе?—Вызывать восхищеніе—или жалость?

Гольтъ опустился на диванъ и смотрѣлъ на друга съ вымученной, застывшей на губахъ улыбкой.

Художникъ продолжалъ:

— Я замѣчаю, что сегодня я тебѣ не очень нравлюсь. А я пришелъ тебѣ сказать, что Рейдаръ Бангъ устраиваетъ большой пикникъ на своей виллѣ. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время онъ много денегъ потерялъ.

— Потерялъ?.. развѣ это причина задавать пиры?

— Какъ на чей взглядъ. По-моему,—да. Я ѣздилъ къ нему, въ Бюгдэ [1]) и нашелъ его страшно угнетеннымъ. Этакій богатырь—а кругомъ обставился лѣкарствами. Пьетъ успокоитель-

[1]) Bygdö—дачное мѣсто близъ Христіаніи.

ныя капли. Говоритъ, что видитъ все дурные сны—а ты знаешь, какъ онъ вѣритъ въ сны—мучится головными болями, безсонницей... въ Гамбургѣ кто-то обанкротился, и это ему стоило сто тысячъ кронъ. Ни верховая ѣзда, ни катанье на парусной лодкѣ, ни гимнастика, ни плаванье, ни теннисъ—ничего не помогаетъ, хандра все злѣе. Ну, я и посовѣтовалъ ему задать праздникъ.

Гольтъ, не трогаясь съ мѣста и не сводя глазъ съ гостя, дѣланно улыбнулся:

— Очевидно, это былъ добрый совѣтъ.

— Да. Я разсказалъ ему одну исторійку о своихъ трудныхъ дняхъ въ Парижѣ. Одинъ богатый мексиканецъ купилъ у меня картинъ на двадцать тысячъ франковъ. Нѣсколько ночей мы съ женою спать не могли, до того мы были рады. Все придумывали, какихъ чудесъ мы насмотримся и накупимъ на эти двадцать тысячъ франковъ, которыхъ, само собою разумѣется, мы еще не получили. И вдругъ, является камердинеръ мексиканца и сообщаетъ намъ, что его баринъ скоропостижно скончался. Деньги не были уплачены—значитъ, договоръ на смарку. Ну, понятное дѣло, огорошило это насъ... дня два ходили какъ потерянные. А затѣмъ я подбодрился, сломалъ первое, что мнѣ попалось подъ руку, и поклялся задать пиръ на весь міръ. Вышелъ изъ дому, занялъ денегъ—а можетъ, и укралъ—купилъ женѣ роскошнѣйшее бархатное платье и устроилъ у себя въ мастерской балъ, который длился двое сутокъ. Ну и пили же мы! На совѣсть. Когда меня спрашивали: «Съ чего это я раскутился?» я отвѣчалъ: «Съ того, что мои надежды рушились»... А на третій день я уже могъ спокойно смотрѣть въ зеркало и взяться за работу.

Гольтъ покачалъ головой. У него духъ захватило отъ этого разсказа.

— Моя мысль такова,—продолжалъ художникъ, стряхивая пепелъ съ папиросы,—что надо заставить судьбу уважать себя. Если она станетъ черезчуръ нахальна, ей надо дать пинка ногой, сказавъ: «Осади назадъ, голубушка! изъ насъ двоихъ побѣдителемъ, все-таки, буду я». Ну-съ такъ вотъ, Рейдаръ Бангъ тоже нашелъ совѣтъ хорошимъ и просилъ меня помочь ему въ устройствѣ праздника, чтобъ онъ вышелъ какъ можно блестящѣе. Только и всего. Ты будешь, разумѣется?

— Да ты что—пришелъ сюда издѣваться надо мной?

Тангенъ бросилъ папироску и усѣлся глубже въ кресло.

— Я полагаю, что и тебѣ, дорогой мой, не мѣшаетъ не-

множко встряхнуться. Когда въ человѣкѣ нѣтъ жизнерадостности, онъ ничего не добьется. А ты думаешь, можно быть жизнерадостнымъ въ такой атмосферѣ, съ такой стѣной передъ глазами?

— А ты думаешь, можно быть счастливымъ, забывая о своихъ обязанностяхъ?

Тангенъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Обязанности?—Въ моемъ словарѣ такого слова нѣтъ. То, что мы дѣлаемъ по принужденію, а не ради удовольствія,— то ничего не стоитъ. Но удовольствіе отъ работы можетъ быть только въ томъ случаѣ, если мы даемъ хоть сколько-нибудь простора нашимъ жизненнымъ инстинктамъ. Откровенно тебѣ скажу: ты стоишь лучшаго... чѣмъ быть рабомъ своихъ обязанностей, ученическихъ тетрадокъ и глупыхъ счетовъ поставщиковъ.

— А я таковъ и есть ужъ сколько лѣтъ!—невольно вырвалось у Гольта.

И, устыдившись этого признанія, которое казалось ему чѣмъ-то въ родѣ предательства по отношенію къ Сельмѣ и дѣтямъ, онъ провелъ рукою по глазамъ и направился къ двери.

— Послушай, дорогой мой... я, кажется, понимаю, въ чемъ дѣло. Ты мнѣ скажи: желудокъ у тебя варитъ?

Гольтъ изумленно обернулся къ нему.

— Да.

— Что же мѣшаетъ тебѣ быть счастливымъ?

Гольтъ вернулся къ дивану и снова сѣлъ.

— Слушай, Тангенъ. Вамъ легко говорить— тебѣ и всѣмъ вамъ—вы не такъ задавлены нуждой...

— Если бъ у тебя была хоть искра сознанія своей отвѣтственности передъ семьей, ты постарался бы накопить въ себѣ достаточно жизнерадостности, чтобы стать способнымъ къ крупному усилію.

Гольтъ расхохотался.

— Копить въ себѣ жизнерадостность! Что же мнѣ, въ интересахъ семьи, начать кутить, или ухаживать за другими женщинами, какъ..?

— Можешь не договаривать—я понимаю. Но напрасно ты насъ презираешь—тѣхъ, кто сбираетъ медъ съ разныхъ цвѣтовъ для того, чтобъ сердцу было чѣмъ жить, когда придетъ зима. Кой чортъ! велика добродѣтель быть вѣрнымъ своей женѣ, когда она убивается надъ работой!

У Гольта дрожали губы—онъ едва сдерживался.

Художникъ всталъ.

— Что касается тебя и твоей убогой жизни, я тебѣ со-

вѣтую, для начала, дать Судьбѣ хоть маленькаго пинка ногой. Начни,—ну хоть съ того, что ты закажешь себѣ новый костюмъ.

Гольтъ невольно разсмѣялся.

— Увы! не имѣю средствъ,—вздохнулъ онъ.

Тангенъ надѣлъ шляпу.

— А ты никогда, развѣ, не размышлялъ о томъ, что Госпожа Фортуна существуетъ въ дѣйствительности и что она не очень жалуетъ людей въ потертомъ платьѣ и съ небритой бородою. Ну, полно, идемъ со мной, къ моему придворному портному.

Кончилось тѣмъ, что Гольтъ пошелъ съ нимъ—но только пройтись, какъ онъ увѣрялъ. Они пошли черезъ дворцовый паркъ, подъ тѣнью молодой листвы, и художникъ говорилъ:

— Развѣ ты не замѣчаешь, другъ мой, что вся Норвегія какъ будто обновилась и помолодѣла? Новое поколѣніе не глушитъ себя ни политикой, ни чрезмѣрною литературщиной—нѣтъ, оно прекрасно одѣвается, занимается спортомъ, танцами, холитъ свое тѣло, развиваетъ мускулы. Радость жизни сказывается въ поступкахъ; погоди, вотъ ты увидишь... Итакъ, значитъ—прежде всего, новый костюмъ, затѣмъ, перемѣнить квартиру; затѣмъ, взять замѣстителя для школы. на время, пока ты окончишь начатыя работы—а если у тебя и на это не хватаетъ духу, попробуй влюбиться въ хорошенькую дѣвушку—ужъ она сумѣетъ поставить тебя на рельсы.

Гольтъ самъ не зналъ, какъ онъ очутился у подъѣзда портного, вошелъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, съ него ужъ сняли мѣрку... Это было легкомысленно, нелѣпо, безразсудно... но это было конченное дѣло.

Выходя отъ портного, Тангенъ говорилъ:

— А, знаешь, по-моему, Рейдаръ Бангъ боленъ весенней лихорадкой, и я буду очень удивленъ, если причиной этого окажется не Астридъ Рійсъ. Ужъ если такой кремень загорится—такъ на совѣсть...

Гольтъ не сразу отвѣтилъ:

— Но... вѣдь онъ молодъ, свободенъ, богатъ. Для нея это—выгодная партія.

Домой онъ возвращался одинъ, съ понуренною головой. Да, Тангенъ правъ... Рейдаръ Бангъ молодъ. И свободенъ.

Но, все-таки, Гольтъ рѣшилъ пойти на праздникъ и попытаться позабыть о надвигающейся старости. Свѣтлыя платья на синемъ фонѣ моря, костры на берегу, музыка, танцы... Навѣрное, Астридъ Рійсъ тоже будетъ.

Онъ долго бродилъ по дворцовому парку. Посидѣлъ на скамеечкѣ, гдѣ наканунѣ они сидѣли вмѣстѣ. Потомъ...—потомъ, все-таки надо было вернуться домой.

Ученическія тетрадки, подготовка программъ къ экзаменамъ, общинные выборы, конференціи... начатыя работы въ письменномъ столѣ. А, кромѣ того, еще корректура и новое платье для Сельмы...

Но, когда фру Гольтъ заглянула въ дверь кабинета, чтобы позвать мужа ужинать, она онѣмѣла отъ удивленія. Ибо мужъ ея скользилъ по паркету, практикуясь въ вальсѣ.

VI.

Пауль Тангенъ не всегда былъ веселъ и въ хорошемъ настроеніи—далеко нѣтъ. Ему случалось, когда онъ оставался одинъ въ своей мастерской, часами лежать на диванѣ и хандрить.

Нерѣдко ему казалось, что онъ соскочилъ съ зарубки, сбился съ пути въ своихъ художественныхъ исканіяхъ, и въ такія минуты критика враговъ жестоко язвила его и угнетала. Онъ былъ боленъ отъ нетерпѣнія, что всемірная извѣстность, которой онъ жаждалъ, такъ долго не приходитъ, и до того усталъ отъ непрерывныхъ усилій въ стремленіи къ все болѣе и болѣе высокимъ достиженіямъ, что ему иной разъ хотѣлось все бросить и вернуться къ деревенской жизни.

Въ такія минуты его дѣтство представлялось ему окруженнымъ какимъ-то лучистымъ ореоломъ. Онъ пасъ стада въ горахъ, ловилъ рыбу въ морѣ, боялся молніи и грома, потому что они могли быть предвѣстниками страшнаго суда, и, любуясь золотомъ и багрянцемъ заката, думалъ о раѣ. Правда, онъ ходилъ тогда грязный и въ лохмотьяхъ, но зато какой праздникъ былъ для него, когда удавалось вымыться. Напримѣръ, подъ Рождество, въ сочельникъ, когда онъ сидѣлъ у пылающаго камина, а передъ огнемъ на стулѣ сушилась его чисто вымытая сорочка, у него было такое торжественное настроеніе—гораздо болѣе торжественное, чѣмъ теперь, въ городѣ, гдѣ во всѣхъ церквахъ звонятъ въ колокола. И потомъ, въ деревнѣ были дѣвушки...

Лѣтомъ онъ обыкновенно бралъ свой походный ранецъ и отправлялся бродить, куда глаза глядятъ, по горамъ и лѣсамъ. Переходилъ отъ одной пастушьей хижины къ другой и снова переживалъ прежнія настроенія, когда присоединялся къ компаніи дровосѣковъ, поселялся въ хижинѣ у пастуха, или же ру-

билъ дрова и носилъ воду для молочницы. Но, когда потомъ уходилъ, у него было такое чувство, словно въ туманѣ, въ сумеркахъ за нимъ кто-то идетъ, и сознаніе своего возраста подсказывало ему, что прошлое невозвратимо.

Сквозь витражи мастерской струился въ комнату золотистый свѣтъ.

Неожиданно художникъ вздрогнулъ, словно внезапно разбуженный. Въ комнату въ легкомъ бѣломъ платьѣ вошла фру Тангенъ, держа за руку маленькую дочку.

— Мы не мѣшаемъ тебѣ?—спросила она съ виноватой улыбкой.—Я хотѣла только спросить, какъ ты находишь мое платье.

Это была темноволосая, тоненькая женщина лѣтъ за тридцать, средняго роста. Смолоду она, по всей вѣроятности, была красивѣй, чѣмъ теперь, и, конечно, не безъ борьбы покорилась общей участи.

Тангенъ, не отвѣчая, разглядывалъ новое платье жены. Постепенно, она всецѣло подчинилась его вкусу: онъ не только рисовалъ самъ модели ея туалетовъ, но даже украшенія: кольца, браслеты, аграфы и булавки заказывались по его рисункамъ.

— Большая складка на лѣвомъ боку плохо заложена,—сказалъ онъ и подошелъ переложить ее иначе.—А, помимо этого, ничего, сойдетъ.

Онъ обнялъ рукою талію жены; отъ ея темныхъ волосъ, бѣлаго платья и тронутой лѣтнимъ загаромъ кожи вѣяло такой свѣжестью и чистотой. Тангенъ взялъ въ обѣ руки ея голову и поцѣловалъ ее въ губы и въ глаза.

— Поистинѣ, у меня такая женка, какой нѣтъ ни у кого. Я всегда это говорю.

— Да, да... говоришь.

Онъ слегка вздохнулъ и невольно отвелъ глаза; потомъ снова, улыбаясь, поглядѣлъ ей въ лицо.

— А я какъ разъ лежалъ и думалъ, что было бы со мною, если бъ цѣпь, которая меня держитъ, не была такъ крѣпка.

— Это *я* для тебя—цѣпь?

— Да... всѣ же знаютъ, что ты изъ меня веревки вьешь.

— Дѣйствительно, тебя можно пожалѣть... Ну что? хорошо сегодня работалъ?

— Нѣтъ... это оттого, что сегодня ты такъ поздно пришла ко мнѣ.

— Ахъ, скажите!..

Она, улыбаясь, покачала головой, потомъ сказала дѣвочкѣ,

разглядывавшей картины, которыми были сплошь увѣшаны стѣны:

— Пойдемъ, Рагнхильда. Будетъ... папочкѣ нельзя мѣшать, ты знаешь.

Тангенъ обнялъ дѣвочку, подвелъ ее къ матери и поцѣловалъ въ лобикъ.

— А мы сегодня будемъ играть въ жмурки, папа?

— Будемъ, дѣтка... ты зайди сюда передъ обѣдомъ, тогда и поиграемъ. Можешь сама мнѣ завязать глаза.

— Ну, до свиданія,—сказала мать и вмѣстѣ съ дѣвочкой исчезла.

Тангенъ постоялъ, прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ. Потомъ снялъ пиджакъ, надѣлъ рабочую блузу и принялся за дѣло. На него всегда благотворно дѣйствовали недолгіе визиты этой женщины, никогда не бросившей ему слова укора и всегда признательной за ласку. Она, дѣйствительно, для него идеальная жена.

Онъ поставилъ на мольбертъ наполовину уже написанную картину—вѣрнѣй, поэму въ краскахъ. Богъ вѣсть, удастся ли ему что-нибудь сдѣлать изъ нея, но, въ хорошія минуты, для него было радостью прибавить къ ней хоть нѣсколько мазковъ. Картина называлась «Процессія» и идея ея, въ сущности, принадлежала Тангену младшему.

Оба брата любили гулять вмѣстѣ по городу и воображать его себѣ въ совершенно новомъ видѣ. Они засыпали каналы, строили новые огромные дома, проводили новыя улицы, оставляя обширныя мѣста для площадей, воздвигали памятники. Генрикъ Тангенъ, однажды послѣ такихъ разговоровъ, набросалъ даже эскизъ новаго города и въ теченіе нѣсколькихъ дней работалъ надъ нимъ день и ночь, съ жаромъ поэта, котораго посѣтило вдохновеніе. И получилась, дѣйствительно, поэма изъ роскошныхъ зданій, колоннадъ, фонтановъ, садовъ и парковъ. «Намъ не увидать этого своими глазами,—говорилъ онъ.—Но когда-нибудь это будетъ. Не черезъ двадцать лѣтъ, даже не черезъ сорокъ. Но будетъ. Черезъ сто лѣтъ Христіанія будетъ Аѳинами Европы. Ты только взгляни»...

И въ одно прекрасное утро Паулю также захотѣлось оживить этотъ городъ мечты.

Здѣсь, на полотнѣ, на Экбергскомъ холмѣ выросъ храмъ съ ведущей къ нему широкой мраморною лѣстницей. Тяжелое зданіе величаво выдѣлялось на фонѣ лѣтняго синяго неба съ серебряными облачками и окружающихъ сосенъ, березъ и черешенъ, съ пышными гроздьями плодовъ. По широкой мрамор-

ной лѣстницѣ поднималась процессія молодыхъ женщинъ. Подъ развѣвавшимися бѣлыми одеждами угадывались стройныя тѣла; ноги идущихъ были обуты въ сандаліи, лица открытыя, смѣющіяся; въ рукахъ у каждой была вѣтка яблони съ цвѣтами, порозовѣвшими отъ солнца и свѣжаго вѣтра, дувшаго съ голубаго фіорда.

Такова была его мечта. И эти женщины были женщинами будущаго.

Сейчасъ ихъ еще нѣтъ такихъ, но когда-нибудь онѣ будутъ—именно такія вотъ, какъ на картинѣ. Это дочери вѣтра и солнца своей родины; и въ поступи ихъ чувствуется ритмъ фельдовъ, моря и бѣлыхъ ночей. Онѣ живутъ въ домахъ, гдѣ никогда не слышно споровъ и раздраженныхъ голосовъ, гдѣ воздухъ всегда чистый. Быть-можетъ, онѣ живутъ въ такое время, когда единственные проступки, подлежащіе наказанію,—погрѣшности противъ изящнаго вкуса. Быть-можетъ, онѣ жрицы новой религіи, такой прекрасной, что даже и представить себѣ невозможно. Куда онѣ идутъ?—Въ храмъ, для богослуженія! Въ честь кого?—Божества, которому онѣ поклоняются—быть можетъ, Свѣта. Поютъ онѣ—или еще только будутъ пѣть, когда придутъ въ храмъ? Хвалебная пѣснь уже слышится въ ихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ движеньяхъ ихъ ногъ, и цвѣты яблони, которые онѣ несутъ въ рукахъ—красные и бѣлые вмѣстѣ.

Эта вереница юныхъ тѣлъ—это была цѣлая поэма красокъ, и постепенно къ ней стали примѣшиваться личныя воспоминанія—настолько личныя, что отходя, отъ картины, чтобы лучше приглядѣться къ ней, художникъ невольно улыбался. Неужели?.. Ну да, конечно: онъ не могъ не узнать этихъ лицъ—въ фигурахъ на полотнѣ оживали знакомые живые образы—женщинъ, которыхъ онъ въ теченіе своей жизни... зналъ.

Такъ это изъ нихъ онъ составилъ свою «процессію?» Ну, что жъ. Пусть такъ, хотя теперь многія изъ нихъ уже не молоды и не прекрасны. «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? это ты?»—смѣясь, обращался онъ то къ одной, то къ другой.—«И ты здѣсь? Да вѣдь ты давно ужъ умерла».

Онъ стоялъ, держа въ одной рукѣ палитру и закуривая другою папироску, когда въ дверь постучали. Онъ сердито крикнулъ: «Войдите»!

Дверь отворилась. Это былъ генералъ Бангъ въ сюртукѣ и цилиндрѣ.

— Мое почтенье, сударь,—выговорилъ онъ, тяжело дыша. И остался стоять въ дверяхъ, держа въ одной рукѣ шляпу,

въ другой палку и озираясь по сторонамъ. Художникъ вытеръ руки и пошелъ навстрѣчу гостю, но тотъ не трогался съ мѣста, обводя глазами комнату.

— Такъ вотъ оно что значитъ «мастерская»?

— Да, въ этомъ родѣ. Развѣ вамъ, ваше превосходительство, никогда не доводилось?..

— Нѣтъ, сударь мой, я впервые проникаю, такъ сказать, въ храмъ искусства Это что же—все... шедевры? Сколько ихъ тутъ у васъ! А я думалъ, что вы почти всѣ свои картины продаете. А это что такое?

Онъ сталъ передъ мольбертомъ, приставилъ къ глазамъ лорнетъ, долго, молча разглядывалъ картину и, наконецъ, выговорилъ:

— Чортъ побери! какія у васъ красивыя натурщицы! А какъ относится къ этому ваша супруга?

— Моделью всѣхъ этихъ фигуръ мнѣ, разумѣется, служила моя жена,—съ улыбкой небрежно бросилъ Тангенъ.

— Ну, конечно, конечно, сударь мой. Да, да. Я такъ и думалъ.

И генералъ, еще разъ обведя взглядомъ мастерскую, повернулся къ художнику.

— Вы какъ—имѣли успѣхъ у прекраснаго пола?

— Къ несчастью, нѣтъ. Тутъ надо умѣть взяться за дѣло. Это умѣютъ только люди пожилые.

— О! И они тоже не умѣютъ...—по крайней мѣрѣ, не всѣ умѣютъ.

Генералъ, повидимому, обращаясь къ окну, продолжалъ:

— Иной только этого и добивается—и ничего не можетъ добиться; другой занятъ совсѣмъ инымъ,—а женщинъ у него сколько угодно—любую бери. Успѣхъ—неудача—развѣ знаешь, отъ чего они зависятъ?

Художникъ придвинулъ гостю кресло; тотъ съ минуту смотрѣлъ, сперва на хозяина, затѣмъ на кресло, потомъ сказалъ:

— Да, присѣсть не мѣшаетъ. Потому что я пришелъ потолковать съ вами о важномъ дѣлѣ. Или, вѣрнѣй... потребовать у васъ отчета.

Онъ сѣлъ, положилъ цилиндръ на столъ и оперся обѣими руками на набалдашникъ трости. Тангенъ нѣсколько смутился, но на совѣсти у него не было въ данный моментъ ничего, что касалось бы этого человѣка, и бояться ему было нечего.

Генералъ началъ, впиваясь взорами, какъ стрѣлами, въ художника:

— У васъ, сударь мой, братъ красавецъ... Но... здѣсь никого нѣтъ, кто могъ бы насъ подслушать?

— Нѣтъ; будьте спокойны.

— Какого вы сами мнѣнія о своемъ братѣ?

— Въ моихъ глазахъ у него одинъ только недостатокъ—онъ несравненно талантливѣе меня.

— Очень вамъ благодаренъ. Я вамъ только вотъ что скажу: оба вы умѣете безъ мыла въ душу влѣзть—и вы, и братецъ. Что вы на это скажете?

— Вы всегда правы, генералъ.

Тангенъ протянулъ гостю свой портсигаръ.

— Нѣтъ, благодарствуйте. Поберегите ваши сигары для себя и не пытайтесь улестить меня. Я пришелъ къ вамъ, потому что это вы ввели въ мой домъ своего братца. Такъ и берите на себя отвѣтственность за то, что онъ тамъ натворилъ.

— Что жъ, я готовъ. Если бъ только эта отвѣтственность лежала на моихъ плечахъ...

— Вотъ какъ! Такъ, по-вашему, это пустяки, что онъ вскружилъ голову моей дочери, что она не ѣстъ, не спитъ и твердитъ одно—что она ни за кого, кромѣ него, не пойдетъ замужъ?

— А онъ что же—развѣ не хочетъ жениться на ней?

Генералъ подпрыгнулъ въ креслѣ.

— Не хочетъ? Еще бы онъ не хотѣлъ жениться на моей дочери!

Художникъ смотрѣлъ на гостя и улыбался. Наступило молчаніе.

— Почему же вы молчите?

— Что же мнѣ сказать? По совѣсти, мой братъ такой изящный молодой человѣкъ, что дѣвушки наперерывъ кидаются ему на шею. Но, по-моему, онъ могъ бы удовольствоваться одной,—напримѣръ, вашей дочерью.

Старикъ-генералъ притоптывалъ ногами, словно собираясь вскочить и зашагать по комнатѣ, но, тѣмъ не менѣе, оставался на мѣстѣ.

— Удовольствоваться! Каково! Моей дочерью!.. Недурно. Ну, знаете. Я не имѣю намѣренія оскорблять васъ, но... но вашъ братъ...

— Да, мой братъ былъ столяромъ...

— Столяромъ?.. та-та. Собственно, не въ этомъ дѣло, но...

Генералъ вопросительно глядѣлъ на Тангена и кусалъ губы.

— Это ему очень пригодилось, теперь, когда онъ сталъ архитекторомъ.

— Архитекторъ! Архитекторъ!.. Вы мнѣ укажите, какіе дома онъ здѣсь построилъ.

— А, если бъ я задалъ вамъ вопросъ, ваше превосходительство, какія битвы выиграны вами.

Генералъ вспыхнулъ. Всталъ и повернулся къ выходу, но остановился.

— Я вамъ вотъ что скажу, пусть вашъ братецъ оставитъ мою дочь въ покоѣ. Короче говоря, у меня для нея есть въ виду другой женихъ.

— Лѣтъ черезъ пять всѣ будутъ говорить, что она сдѣлала блестящую партію.

Генералъ махнулъ рукой и забѣгалъ по комнатѣ. Художникъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, повидимому, поглощенный своей картиной. Снова наступила пауза; генералъ все шагалъ по комнатѣ. Наконецъ, заговорилъ:

— Послушайте, молодой человѣкъ, вы, дѣйствительно, сынъ крестьянина?

Возбужденіе его нѣсколько улеглось. Художникъ посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся и не отвѣтилъ.

— А вашъ братъ... это правда, что онъ?..

— Нѣтъ, возможно, что мой братъ и болѣе высокаго происхожденія.

— Ха-ха-ха. Вы умѣете отвѣтить. Но я вамъ вотъ что скажу: я давно ужъ вижу, что у вашего братца шуры-муры съ моей дочерью, и давно бы выставилъ его за дверь, если бъ... если бъ... а чортъ!.. Ну да, онъ мнѣ нравится, въ концѣ концовъ... вашъ братецъ.

— Ваше превосходительство, вы всегда правы.

— Вотъ это-то и досадно, что онъ сумѣлъ вскружить голову не только дочкѣ моей, но и моей женѣ, такъ что у меня дома теперь все время препирательства. Развѣ это не обидно? Можно въ отчаянье прійти.

— Могу я предложить сигару будущему тестю моего брата?

— Да, чортъ возьми, пожалуй, лучше мнѣ принять вашу сигару, потому что, какъ тамъ ни вертись, битва все равно проиграна.

— Можетъ быть, и стаканчикъ рейнскаго?.. со льдомъ?.. теперь такъ жарко.

— Вина? Нѣтъ, благодарствуйте, на это вы меня не соблазните. Я пришелъ, чтобъ васъ прижать къ стѣнѣ, а теперь ухожу. Прощайте.

Онъ взялъ шляпу и трость и надѣлъ одну перчатку.

— У меня Іоганнисбергъ 1850 года.

Генералъ притворился, будто не слышитъ, пробормоталъ нѣсколько прощальныхъ словъ и направился къ двери. Но на порогѣ обернулся:

— Какого вы сказали года?

— А вотъ сейчасъ увидимъ,—сказалъ художникъ и позвонилъ.

Генералъ вздохнулъ и медленно вернулся.

— Вы—настоящій соблазнитель.

Минуту спустя они сидѣли мирно за длинной, узкой бутылкой рейнскаго въ ведрѣ со льдомъ, курили и чокались стаканами. Никто не умѣлъ быть болѣе веселымъ собутыльникомъ, чѣмъ генералъ, когда онъ этого хотѣлъ. Но неожиданно онъ откинулся на спинку кресла и уставился на своего хозяина.

— Послушайте... что такое творится съ моимъ сыномъ Рейдаромъ? Вы замѣтили, какъ онъ перемѣнился?

— Весна, ваше превосходительство. Опасная пора для молодыхъ людей.

— *La femme*?

— Какъ вы думаете, генералъ, можетъ настоящій мужчина прожить весну, не влюбившись?

Генералъ вытянулъ ноги и расхохотался.

— Это все эта проклятая поѣздка въ горы на Пасху—чтобы ее!.. Тамъ каждый разъ въ этихъ горахъ столько помолвокъ, что я, кажется, велю срыть нашу дачу. Ваше здоровье. Что бишь я хотѣлъ сказать... извѣстно вамъ что-нибудь о фрекенъ Рійсъ?

— Чудесно сложена... и хороша собой. Но живется ей, кажется, не очень весело,

Отъ вина кровь прилила къ щекамъ генерала, и на минуту онъ опустилъ глаза. Солнце уже не свѣтило въ окна, и большая комната залита была голубоватымъ свѣтомъ.

— Ея отецъ, капитанъ Рійсъ, мой школьный товарищъ. Вотъ вамъ еще примѣръ: человѣкъ изъ кожи лѣзъ, силясь выбиться въ люди... ничего не попишешь, когда не везетъ... Такъ и не добился ничего. И кончилъ тѣмъ, что заболѣлъ маніей величія и обозлился на весь міръ.

— Говорятъ, жена у него была очень красивая,—невинно замѣтилъ художникъ, закуривая новую сигару.

Генералъ зорко воззрился на него, потомъ осушилъ стаканъ.

— Да, красивая. До свиданья, сударь мой.

Онъ всталъ, взялъ шляпу и направился къ двери, нѣсколько деревянной поступью—ноги его плохо гнулись въ колѣняхъ.

— Мы увидимся у Рейдара, на его праздникѣ на Ивана-Купала. Вѣдь, кажется, на этотъ день назначено. Это вы ему помогаете устроить все со вкусомъ?

— Я счастливъ, генералъ, что мы тамъ встрѣтимся.

Тангенъ проводилъ гостя до двери.

— Еще бы! Конечно, я тамъ буду. Всюду, гдѣ есть молодежь, можете быть увѣрены, что встрѣтите тамъ и меня.

Онъ махалъ шляпой, пятясь къ двери. Но черезъ мгновеніе опять вернулся, какъ будто позабылъ что-нибудь:

— Кстати, скажите... вамъ случалось подмѣчать, что молодая дѣвушка можетъ быть до такой степени похожей на свою мать, что... что, когда смотришь на нее, невольно переносишься за двадцать лѣтъ назадъ? Вы правы,—фрекенъ Рійсъ красива.

Онъ кивнулъ головой и окончательно исчезъ. Тангенъ проводилъ его внизъ по лѣстницѣ, до входной двери.

Не успѣлъ онъ взяться за работу, какъ въ дверь снова постучали, и вошелъ братъ его Генрикъ, съ сигарой во рту и панамой на затылкѣ.

— Bonjour, Monsieur.

Но художникъ поспѣшилъ повернуть картину лицомъ къ стѣнѣ: меньше всего ему хотѣлось показывать эту картину брату.

— Здравствуй, типъ, присаживайся—и не смотри туда.

— Съ чего это ты вздумалъ играть въ прятки?

— Говорятъ тебѣ: садись, и сиди смирно.

— Какъ знаешь. Если ты думаешь, что мнѣ такъ интересно смотрѣть твою мазню...

Молодой человѣкъ бросился въ качалку и вытянулъ ноги.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я сейчасъ изощрялся, чтобы спасти тебя.

— Да, да... я знаю.

— Вдругъ, являются сюда двое полицейскихъ и съ ними папаша, и требуютъ, чтобы я имъ сообщилъ твой адресъ. На папашѣ лица нѣтъ отъ злости. Кой чортъ ты тамъ натворилъ съ этой дѣвицей?

Генрикъ вынулъ сигару изо рта и медленно выпрямился.

— Послушай, Пауль, что это значитъ?

— Что значитъ? А ты не знаешь, что столяръ можетъ угодить въ тюрьму, если онъ вздумаетъ посвататься за генеральскую дочку?

Молодой человѣкъ съ облегченіемъ разсмѣялся и снова вытянулся въ креслѣ.

— Что это ты—утромъ пьешь вино?

— Надо же было распить бутылочку въ честь твоей помолвки. Тамъ, кажется, еще осталось немного... за твое здоровье.

Младшій братъ еще не отрѣшился отъ почтительнаго страха передъ старшимъ и, когда Пауль заводилъ рѣчь о женщинахъ, Генрикъ конфузился жестоко.

Онъ осушилъ свой стаканъ и усмѣхнулся.

— Помнишь, Пауль, какъ ты пріѣзжалъ за мной въ деревню и первыя ночи, которыя я у тебя ночевалъ, на полу?

— А помнишь, какъ мы купили брюки въ долгъ въ какомъ-то магазинѣ, и сейчасъ же заложили ихъ, чтобъ было чѣмъ поужинать?

— Да... теперь не то.

— Гдѣ ты пропадаешь цѣлыми днями? Что ты дѣлаешь, мальчикъ? Я совсѣмъ тебя не вижу.

Художникъ силился напустить на себя строгость.

— Что я дѣлаю? Гуляю, упиваюсь зрѣлищемъ природы и людей—только и всего. Когда пять лѣтъ не былъ на родинѣ, на нее накидываешься съ такою жадностью. Эту ночь я ночевалъ подъ деревомъ въ Нордмаркѣ; утромъ завтракалъ у рабочаго въ Гррудѣ, а обѣдаю у генерала. Какъ тамъ красиво—въ Гроруде! Все красиво: и люди, и поросшіе соснами холмы, и острова, и фіордъ, и снующія по немъ суда, но всего красивѣй—женщины. На одной горной тропинкѣ я встрѣтилъ дѣвушку-работницу, отдалъ ей все, что у меня было въ кошелькѣ, и сказалъ, что это потому я ей далъ денегъ, что она такая красавица и попалась мнѣ навстрѣчу какъ разъ на этомъ мѣстѣ. Она вся зардѣлась, стала отъ этого еще красивѣе и отошла отъ меня, потупившись. Знаешь ли ты, что значитъ жить? Вотъ такъ каждымъ нервомъ, каждымъ фибромъ? Можешь ты понять, что на свѣтѣ можно быть несчастнымъ?

— Молчи, мой мальчикъ—ты влюбленъ.

Молодой человѣкъ откинулся на спинку кресла, устремивъ взглядъ въ пространство.

— Тамъ и сямъ, глядишь, между деревьями бѣлѣетъ вилла. Ну что за прелесть эти бѣленькія дачки! — я каждый разъ въ восторгъ прихожу. Не то, что эти словно бобрами выстроенныя землянки—чортъ бы ихъ подралъ!—съ драконами на крышѣ, а съ боковъ точно обросшія грибами. Ну развѣ не нелѣпость, что человѣческое жилище должно непремѣнно походить на прокаженнаго, чтобы наши критики пришли въ восторгъ и объявили его въ національномъ вкусѣ. Нѣтъ, надо создать новый архитектурный

стиль, сродный нашей норвежской природѣ — извивамъ нашихъ фiордовъ, нашимъ лѣсистымъ холмамъ, величавости нашихъ столѣтнихъ дубовъ, силѣ мужчинъ и стройности женщинъ. Ну да погоди—это будетъ: мы создадимъ такой стиль, и онъ разольется по всему мiру источникомъ возрожденiя. Погоди, ты увидишь.

— Молчи, мой мальчикъ. Говорю тебѣ: ты влюбленъ.

— Да, а вотъ въ нашей архитектурѣ не замѣтно, чтобы тѣ, кто создавалъ ее, были влюблены.

— Ну, что ты еще хочешь сказать мнѣ? Я ужъ вижу: у тебя что-то вертится на кончикѣ языка.

Генрикъ всталъ и повернулся на каблукахъ.

— Я поступилъ на службу въ одну строительную компанiю—пока—на двѣсти кронъ въ мѣсяцъ.

— И съ этимъ ты хочешь жениться?

— Ну, конечно. И ея богачи-родители очень ошибаются, опасаясь, что мы сядемъ имъ на шею. Мы оба твердо рѣшили— жить только на то, что я буду зарабатывать.

Все это было прекрасно, но художникъ съ тревогой думалъ о томъ, что этотъ юный энтузiастъ можетъ постепенно, незамѣтно, подобно Гольту, стать рабомъ своей работы, ради того, чтобы кормить семью.

— Но что я вижу! — неожиданно вскричалъ Генрикъ. — Ты сталъ лѣпить.

Онъ смотрѣлъ на бюстъ въ глубинѣ мастерской, закутанный въ мокрыя тряпки.

Пауль невольно покраснѣлъ, какъ будто братъ поймалъ его на какой-нибудь смѣхотворной слабости. И это было непрiятно, особенно отъ брата.

— Не обращай вниманiя.

И онъ вылилъ въ стаканы остатки вина.

— А ты самъ—развѣ никогда не пробуешь себя въ другихъ отрасляхъ искусства? Мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность соединить въ одномъ произведенiи живопись, музыку и скульптуру.

— Но, дорогой мой, архитектура именно это и дѣлаетъ. Она воплощаетъ собою застывшiй человѣческiй генiй, во всей его полнотѣ—философiю и астрономiю, поэзiю и музыку, линiи и краски. Въ сущности, можно обойтись и безъ другихъ искусствъ.

— Молчи, ты влюбленъ, — сказалъ художникъ, поднимая свой стаканъ.—Твое здоровье.

Они продолжали дружески болтать. Генрикъ въ концѣ-концовъ совсѣмъ улегся на диванѣ.

— Я сегодня не очень много спалъ. Кругомъ было слишкомъ красиво—черешня, подъ которой я ночевалъ, была пышно осыпана цвѣтомъ...

Пауль всталъ и началъ прибирать въ мастерской, переставляя то одно, то другое. Когда, нѣсколько минутъ спустя, онъ подошелъ къ брату, молодой человѣкъ крѣпко спалъ.

Тангенъ, улыбаясь, смотрѣлъ на брата, на его блѣдное прекрасное лицо. Что сулитъ судьба этому юношѣ? Долго ли его душа останется такой же юной и пылкой, какъ сейчасъ?

Онъ разыскалъ пледъ и матерински заботливо укрылъ спящаго; потомъ вышелъ на цыпочкахъ, чтобъ не потревожить его сна.

VII.

Каждый разъ, какъ Астридъ Рійсъ попадала въ веселую компанію, собиравшуюся около семейства Бангъ, ей казалось, что, возвращаясь домой, она приносила съ собой немного солнца. Конечно, нехорошо было обманывать отца, но Астридъ утѣшала себя тѣмъ, что въ семьѣ генерала былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ, котораго она терпѣть не могла — Рейдаръ. Каждый разъ, какъ ей удавалось обдать его холодомъ, или уколоть насмѣшкой, у нея становилось легче на душѣ:— слава Богу, она не совсѣмъ еще перешла на сторону врага.

А, между тѣмъ, молодой негоціантъ неожиданно круто измѣнилъ свое обращеніе съ ней—сталъ учтивъ, внимателенъ, любезенъ. И, конечно, Астридъ торжествовала: О! она добьется еще большаго — она заставитъ этого гордеца пресмыкаться у ногъ своихъ. И въ то же время это нѣсколько пугало ее. Куда же это можетъ привести?

Капитанъ нѣсколько дней хворалъ, такъ что ей нельзя было выйти изъ дому. И тутъ сразу, не только жалобы и раздражительность отца, но и куча разныхъ мелочей разбили ея хорошее настроеніе и вернули ее къ прежней хмурой озабоченности. Воздухъ въ комнатахъ былъ тяжелый; солнце заглядывало въ окна только вечеромъ; изъ-за крышъ видна была лишь узкая полоска неба. Цвѣты на окнахъ имѣли такой заброшенный видъ, что Астридъ даже рада была найти время немного поухаживать за ними; и даже мѣдный чайникъ въ кухнѣ какъ будто спрашивалъ ее: «Ты что же это?—измѣнила отцу, себѣ

самой и всѣмъ намъ?» И, когда потомъ надо было идти къ отцу, она входила къ нему съ опущенной головой.

— Никогда больше этого не сдѣлаю!—твердила она себѣ.— Если отецъ теперь умретъ, у меня до конца жизни не будетъ ни одного спокойнаго дня.

Итакъ, она сидѣла дома, и, само собою, мѣдный чайникъ снова заблестѣлъ, растенія на окнахъ ожили, и у отца повысилось настроеніе, такъ какъ дочка заинтересовалась его грандіознымъ планомъ преобразованія арміи. Зато сама Астридъ плохо спала по ночамъ, а утромъ не могла оторвать съ подушки отяжелѣвшей головы, и день казался ей томительно унылымъ и безконечно долгимъ.

Ея молодое, здоровое тѣло смутно жаждало синяго неба и радости движенія. Возвращаясь домой изъ конторы, она выбирала такую дорогу, чтобы пройти мимо возможно большаго количества садовъ и, когда приходилось сворачивать въ свой переулокъ, ей казалось, что она идетъ въ тюрьму. Ибо дома ее ждали не только бѣдность, спертый воздухъ и отсутствіе солнца, но и замкнутый кругъ мысли, въ которомъ не было ничего, кромѣ мученій и проектовъ мести, и нерѣдко отъ всего этого на нее нападала такая тоска до тошноты, что хотѣлось все бросить и уйти, куда глаза глядятъ.

Отъ времени до времени, съ чернаго хода, забѣгалъ братъ, перекусить, и, пока онъ, по обыкновенію, бранилъ отца, Астридъ, спокойно сидя за работой, слушала его. И хотя качала головой, но съ каждымъ разомъ слушала все внимательнѣе.

Должна же она была сознаться себѣ, что генералъ Бангъ вовсе не чудовище. Такъ невѣроятно, чтобъ онъ способенъ былъ сознательно подкапываться подъ кого-нибудь, губить его карьеру... Папа, конечно, ошибается... или, можетъ быть...

Но эту мысль она гнала. Нехорошо, грѣшно—такъ думать объ отцѣ.

Она получила по почтѣ приглашеніе на праздникъ, который устраивалъ у себя на дачѣ Рейдаръ Бангъ—и отвѣтила отказомъ. Но, несмотря на это, лѣтнее платье сшить было необходимо, и, чтобы скопить на это деньги, она разсчитала женщину, которая приходила на нѣсколько часовъ въ день помогать ей и дѣлала черную работу. И теперь сама мыла полы и лѣстницу и такъ уставала, что иной разъ ложилась въ постель совсѣмъ разбитая. Руки ея огрубѣли, стали красными, шершавыми, и, когда она глядѣлась въ зеркало, ей казалось, что подъ глазами у нея темные круги.

Кредиторы брата снова стали допекать отца и, послѣ двухъ безсонныхъ ночей, капитанъ рѣшилъ пойти искать работы. Особеннаго успѣха онъ не ждалъ: онъ зналъ, что стариковъ всюду избѣгаютъ, но, тѣмъ не менѣе, пошелъ. Много было дверей, въ которыя онъ стучался, и не легко было ему спокойно выслушивать отказы, но, въ концѣ концовъ, работа все-таки нашлась—черченіе картъ въ топографическомъ бюро. И на другой день, осѣдлавъ свой носъ лорнетомъ, онъ принялся за рисованіе. Вначалѣ дѣло шло недурно, но глаза скоро утомились, и рука стала дрожать. Однако, онъ крѣпился—ничего не подѣлаешь: надо заставить себя...

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, онъ прочелъ въ газетахъ, что генералъ Бангъ награжденъ русскимъ орденомъ. Этотъ человѣкъ все время остается баловнемъ судьбы; онъ поднимается все выше и выше по лѣстницѣ служебной іерархіи, а онъ, Ріисъ, падаетъ все ниже, ниже... А что же его знаменитая бомба?—Почему онъ до сихъ поръ не бросилъ ея?..

Послѣ этого капитанъ сталъ еще сильнѣй страдать безсонницей. Тамъ, на вершинѣ славы и благополучія, врагъ его задаетъ пиры и праздники въ раззолоченыхъ залахъ.—«Какія побѣды одержали вы, мой генералъ?»—«О! я раздавилъ товарища».—«Прекрасно... вотъ вамъ орденъ».—«А гдѣ капитанъ Ріисъ?»—«Онъ въ погребѣ, въ цѣпяхъ, а его дѣти... гмъ...» И капитанъ мечется въ постели, ворочаясь съ боку на бокъ, глядитъ въ темноту и бредитъ.

И вотъ, наконецъ, наступаетъ утро, когда онъ встаетъ бодрымъ, энергичнымъ. И, стиснувъ зубы, роется въ своихъ бумагахъ... Но, когда на письменномъ столѣ передъ нимъ очутилась небольшая пачка пожелтѣвшихъ документовъ, они показались ему такими жалкими, истлѣвшими, непригодными для дневного свѣта... Пока они лежали въ ящикѣ стола, они ему казались бомбой... а теперь.

Тѣмъ не менѣе, онъ вычистилъ свой поношенный сюртукъ, навелъ лоскъ на потускнѣвшій цилиндръ и скорымъ шагомъ, глядя прямо передъ собой, спустился въ городъ, въ редакцію своей любимой газеты «Моргенбладъ». На душѣ у него было легко, какъ у больного, который много лѣтъ страдалъ и, наконецъ, не выдержавъ, рѣшилъ обратиться къ врачу.

Но, часъ спустя, онъ поднимался на гору отяжелѣвшей поступью, пробираясь закоулками. Изъ редакціи его учтиво выпроводили, говоря, что это дѣло слишкомъ давнее—неопровержимыхъ доказательствъ нѣтъ—и, вообще, это никому не интересно.

А на улицахъ кипѣла жизнь, ярко свѣтило солнце, люди весело смѣялись и шли мимо него. И каждый какъ бы съ презрительной усмѣшкой говорилъ: «Да неужели же ты думаешь, что у насъ нѣтъ другого дѣла, какъ слушать твои сплетни?»... И капитанъ Рійсъ закусывалъ губы и шагалъ дальше, усиливаясь держаться какъ можно прямѣе. Но хуже всего было то, что главный врагъ сидѣлъ въ его душѣ. Это было чувство стыда за свой поступокъ. Каждый, казалось, ему, могъ прочесть въ его глазахъ, что этотъ герой, съ такой гордой осанкой, ходилъ въ редакцію съ доносомъ на товарища, и его выпроводили оттуда.

Астридъ, вернувшись изъ конторы, нашла отца въ постели. До чего онъ былъ раздражителенъ первые дни! Ѣда, питье,— все казалось ему не вкуснымъ; постель плохо постланной: въ комнатѣ то слишкомъ свѣтло, то темно, присутствіе дочери мозолило ему глаза, а стоило ей выйти, какъ онъ звонилъ и снова звалъ ее.

Однажды, возвращаясь изъ конторы, она встрѣтила доктора Гольта.

— Гдѣ вы пропадали, фрекенъ Рійсъ?—радостно воскликнулъ онъ.—Я цѣлую вѣчность не видалъ васъ.

Она съ удовольствіемъ пошла съ нимъ рядомъ: это не только напоминало ей веселую пасхальную экскурсію, но и самъ онъ говорилъ такъ же увлекательно и интересно, какъ на урокахъ норвежской литературы и исторіи искусствъ въ училищѣ. Въ школѣ она обожала его, была въ восторгѣ отъ его уроковъ, и всѣ тѣ дивные образы, которые онъ поставилъ тогда передъ ея глазами, понынѣ окружали лектора какимъ-то ореоломъ.

Они поднялись на дворцовый холмъ, выбирая тѣнистыя тропинки, и хотя Астридъ слѣдовало бы, собственно, поторопиться, замедлили шаги.

— Знаете ли вы, фрекенъ Рійсъ, что сейчасъ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ города краше нашей милой Христіаніи? Не потому, что въ ней дома красивы—о нѣтъ!—и не потому, что у насъ есть лѣсистые холмы, фіордъ, бѣлыя ночи—нѣтъ, вся причина въ нашей молодежи. Вотъ въ такое время, сейчасъ, когда молодыя дѣвушки, кончивъ работу, уходятъ изъ конторъ и магазиновъ и разсыпаются по городу—здѣсь какъ будто воцаряется вѣчное лѣто. Ихъ лица уже слегка тронуты загаромъ, глаза полны ожиданія веселой прогулки или встрѣчи; костюмы просты, но зато въ лицахъ столько здороваго румянца и веселья. Не

странно ли, что я только теперь, въ этомъ году, впервые обратилъ на это вниманіе? Ахъ! я хотѣлъ бы быть поэтомъ, чтобы воспѣть дѣвушку-норвежку. И вотъ, я иду рядомъ съ такой дѣвушкой: въ жизни много больного и тяжелаго, но когда вы со мной, возлѣ меня, когда вы слушаете меня, это вознаграждаетъ меня за многое.

Астридъ вспыхнула и улыбнулась.

— Мнѣ очень пріятно слушать васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Тогда пойдемте еще какъ-нибудь гулять вмѣстѣ.

И съ этихъ поръ докторъ Гольтъ почти ежедневно провожалъ ее домой. Астридъ не спрашивала себя, были ли эти встрѣчи случайными, или умышленными; слушая его, она уносилась куда то вдаль; голосъ у него былъ такой бархатный, слова такія убѣдительныя. За весь долгій рабочій день у нея не было иного развлеченія и, разставаясь съ нимъ, она входила въ мрачную квартирку, окнами во дворъ, гдѣ изъ каждаго угла смотрѣла бѣдность и все было насквозь пропитано скукой.

Отецъ ея былъ уже снова на ногахъ и то рисовалъ карты, сидя за столомъ, то, озаренный вдругъ блестящей мыслью, переходилъ къ другому столу, за которымъ онъ составлялъ свой планъ преобразованія арміи. Одно было работою изъ-за нужды, по долгу, другое—искрою надежды, все еще поддерживавшей его.

Да, день возмездія, день торжества еще можетъ наступить; это не невозможно—надо только быть стойкимъ.

Астридъ, послѣ разговора съ Гольтомъ, вернулась домой въ такомъ прекрасномъ настроеніи, что сама попросила отца прочесть ей, что онъ написалъ за послѣдніе дни. И онъ читалъ ей нѣсколько часовъ подрядъ, а она слушала, съ странно блестящими глазами, упрашивая его читать еще. У нея такъ много починки. Она чувствовала себя такой виноватой передъ этимъ бѣднымъ старикомъ.

Гольтъ принесъ ей иллюстрированную Исторію Искусствъ, и Астридъ зачитывалась ею по ночамъ. И снова уносилась мечтой въ тѣ области, гдѣ все было красивѣе и блестящѣе, чѣмъ у нихъ дома, и, если попадалось мѣсто, непонятное ей, она съ удовольствіемъ думала о предстоящей встрѣчѣ съ Гольтомъ и о томъ, какъ она попроситъ его объяснить ей непонятное.

Но среди иллюстрацій она на каждомъ шагу встрѣчала портреты Рейдара Банга. И конный кондотьеръ, и греческій юноша, и римскій Цезарь—всѣ были похожи на него, и, въ концѣ концовъ, она съ досадою бросала книгу.

Никогда еще она такъ много не думала о своей матери. Почему отецъ такъ рѣдко говоритъ о ней?.. Мамѣ тоже, должно быть, не сладко жилось. У нея, навѣрное, тоже были огорченія. Въ комнатѣ Астридъ висѣла выцвѣвшая фотографія молодой женщины въ бѣломъ платьѣ и съ веселою улыбкой на губахъ. Вотъ она какая была, красивая, веселая. Интересно знать, какою была ея жизнь и почему она умерла такъ рано.

Неужели и ей приходилось жить въ такихъ же хмурыхъ комнатахъ безъ солнца и съ утра до ночи работать? Неужели и она была прикована къ человѣку, который всю жизнь думалъ только о себѣ. Можетъ-быть, и она вынуждена была украдкой доставлять себѣ радости, безъ которыхъ она не умѣла обойтись, но въ одинъ прекрасный день заговорила совѣсть, и тогда вступили въ свои права обязанности. И тогда... она умерла. Да, навѣрное, отъ этого она и умерла такъ рано.

Странное это было время для Астридъ: умершая мать стала для нея какъ бы живой; въ минуты усталости она чувствовала ее совсѣмъ близко; когда отецъ раздражался, сердился, мать невидимо гладила ее по головѣ, уговаривая и успокаивая, а, когда она, измученная, разбитая, ложилась спать, обливаясь слезами, дружественный образъ со стѣны улыбался ей, и дѣвушкѣ хотѣлось протянуть ему объятія.

Она немногое знала о своей матери и, сама того не замѣчая, приписывала ей свои собственныя тайныя желанія. Но теперь ей ужъ не такъ тяжело было подчасъ и осудить отца, или же пожалѣть о теннисѣ, такъ какъ мать ея все время была съ нею.

Однажды, за ужиномъ, она сказала капитану:

— Знаешь, папа, я сегодня познакомилась съ однимъ изъ сыновей генерала Банга.

— Да не можетъ быть! Воображаю, что это за господинъ. Красивъ собой?

— Отвратительный. Гордецъ и вѣтрогонъ. Впрочемъ, онъ, кажется, превосходно ѣздитъ верхомъ и катается на конькахъ, но что касается интеллигентности—избыткомъ этого онъ, повидимому, не страдаетъ.

— Гдѣ же ты имѣла счастье познакомиться съ этимъ наѣздникомъ?

Старикъ поднялъ на нее свои воспаленныя, покраснѣвшія вѣки. Астридъ испугалась, какъ бы ей не покраснѣть, но тѣмъ не менѣе отвѣтила спокойно:

— Онъ былъ у насъ въ конторѣ. У него, должно быть, есть дѣла съ моимъ начальствомъ.

Слава Богу, на этотъ разъ она выпуталась изъ бѣды. Но эта новая ложь легла на ея совѣсть, какъ пощечина, данная старику-отцу. О! эти впалыя щеки, эти утомленные безсонными ночами глаза... Какъ она могла!.. Никогда, никогда больше!..

И, немного погодя, чтобъ утѣшить его, она спросила:

— А какъ насчетъ твоей бомбы? Ты говорилъ, что она скоро взорвется.

Онъ сердито пробормоталъ:

— Ну да, ну да... ну, разумѣется, взорвется—когда придетъ время. Да тебѣ-то что? Придетъ время—взорвется.

А еще немного погодя Астридъ стало больно и стыдно, что она такъ налгала на Рейдара. Вовсе онъ не гордецъ—и не вѣтрогонъ. И ужъ, конечно, не дуракъ. Все это неправда.

И, тѣмъ не менѣе, черезъ минуту она снова забавляла капитана издѣвательствами надъ сыномъ генерала. Разсказывала, что онъ, по слухамъ, притѣсняетъ рабочихъ и способенъ рискнуть всѣмъ своимъ состоянiемъ, чтобы раздавить конкуррента. Вотъ онъ каковъ. Да. Это, дѣйствительно, сынъ своего отца.

И тотчасъ же ей становилось стыдно. Потому что про Рейдара, конечно, никто не могъ сказать, что онъ притѣсняетъ рабочихъ. Рабочiе его любили. Коллегамъ онъ всегда готовъ былъ оказать услугу. Опять она налгала на него. Зачѣмъ?..

Но какая-то странная потребность говорить о немъ заставляла ее снова и снова клеветать на него, лишь бы только имѣть предлогъ произнести его имя.

Однажды вечеромъ она легла въ постель, по обыкновенiю, глядя на милый портретъ и, вдругъ, у нея явилась мысль, такая нелѣпая и дикая, что она невольно разсмѣялась. А что, если она въ одинъ прекрасный день влюбится въ Рейдара и придетъ къ отцу и скажетъ: «Я хочу выйти замужъ за сына генерала Банга». О Боже! Отца, навѣрное, хватилъ бы параличъ, а ужъ что онъ ее съ лѣстницы спустилъ бы—это несомнѣнно.

— А ты, мамочка—что бы *ты* сказала?—неожиданно обратилась она къ портрету. И милые, ласковые глаза отвѣтили: «Прежде всего, будь счастлива. Старый не имѣетъ права стать поперекъ дороги молодому».

Астридъ перевернулась на другой бокъ и съ головой укрылась одѣяломъ. Если бъ Рейдаръ зналъ, какъ она дурно гово-

ритъ о немъ! Ну, такъ что жъ? И пусть. Она пыталась уснуть—напрасно. Снова и снова она думала о немъ.

Какой онъ былъ смиренный, умоляющій, тогда, на теннисѣ, когда онъ, со шляпой въ рукѣ, стоялъ передъ нею и просилъ разрѣшенія проводить ее домой. А она—она отвѣтила ему словно ударомъ кулака. И что она ему говорила въ этотъ день!.. какъ издѣвалась надъ нимъ... и до того... и послѣ того...

— Да что же это? Опять измѣна отцу? Теперь она уже готова восхвалять его. Нѣтъ, никогда. Всему же есть границы.

Впрочемъ, къ матери своей онъ, повидимому, относится очень хорошо, а бабушка превозноситъ его до небесъ. И съ рабочими онъ добръ. Говорятъ, дома у него хорошая библіотека и прекрасныя картины. Да, такъ что же ты ему сказала тогда, на теннисѣ?.. и наканунѣ?.. и за день до того?..

Однажды ночью она привскочила на постели, полусонная и крикнула:

— Мама! Помоги!.. ты же видишь—онъ преслѣдуетъ меня.

Однажды послѣ обѣда, когда Астридъ гладила въ кухнѣ, въ дверь постучали съ чернаго хода и, отворивъ дверь, она увидала передъ собою Ингу Бангъ.

— Что съ тобою, Астридъ? Гдѣ ты пропадаешь, гадкая дѣвчонка? Слава Богу! Наконецъ-то я нашла тебя.

И она вошла, хотя Астридъ готова была молить ее уйти.

Онѣ были дружны уже больше двухъ лѣтъ, но никогда еще Астридъ не звала ее къ себѣ. И не изъ-за капитана... Просто ей стыдно было, что подруга увидитъ ея бѣдность. Указывая на свой кухонный передникъ, весь въ пятнахъ, Астридъ пояснила:

— Ты видишь, я сегодня за кухарку.

— Мы думали, ты захворала, — говорила Инга, все еще тяжело дыша послѣ подъема на высокую лѣстницу. — А быть за кухарку—да это восхитительно!

— Ты говоришь—восхитительно?

— Ну, разумѣется. Мнѣ самой придется дѣлать то же.

— Какъ такъ?

— ...И такая крохотная кухонька, и на стѣнахъ ничего лишняго—да это прелесть что такое!

Молодая дѣвушка была въ полномъ восторгѣ.

— Да, да. Вотъ и мы такъ же будемъ жить. О! какъ это будетъ забавно.

— У тебя сегодня все загадки. Ты говоришь, и у тебя будетъ такая кухня?

— Совершенно такая же. Да, потому что я выхожу замужъ, а Генрикъ получаетъ жалованья всего двѣсти кронъ въ мѣсяцъ и поклялся, что не возьметъ ни единаго эре у моихъ родителей—и въ этомъ я съ нимъ вполнѣ согласна. А такъ какъ на двѣсти кронъ нельзя имѣть служанку, мнѣ придется все дѣлать самой, и это будетъ одно удовольствіе для меня. Развѣ ты не находишь, что это удивительно пріятно—самой и стряпать, и стирать?

Все это она выпалила однимъ духомъ, и Астридъ ничего не оставалось дѣлать, какъ расцѣловать подругу и поздравить ее.

— Я, положимъ, давно догадывалась,—говорила она,—но ты скажи: это правда, что скоро ваша свадьба?

— Ну, конечно. А чего намъ ждать? Генрикъ дѣлаетъ мебель—онъ хочетъ непремѣнно все сдѣлать своими руками, а, когда мы ходимъ гулять, по дорогѣ мы присматриваемъ квартирку. Пока что, три комнатки съ кухней, не больше. Ты представляешь себѣ, какое это удовольствіе — вмѣстѣ смотрѣть квартиру.

Астридъ смотрѣла на эту хорошенькую дѣвушку, балованное дитя богатыхъ родителей, у которой съ дѣтства до сихъ поръ все было готовое. Она говорила объ экономіи, о жизни на крохотныя средства, какъ говорятъ о турѣ вальса, или о прогулкѣ на лыжахъ съ женихомъ.

— Но, послушай, Астридъ, ты должна научить меня жить экономно—я, вѣдь, понятія объ этомъ не имѣю. Какъ ты думаешь, коробки спичекъ хватитъ на недѣлю? Я цѣлыми днями разсчитываю и вычисляю, но какъ-то у меня не всегда сходятся итоги... А чернаго мыла на пятьдесятъ эре въ недѣлю достаточно? Ты подумай: я сама буду стирать сорочки мужу. Нѣтъ, до чего это забавно!

Астридъ вздохнула и усмѣхнулась:

— Да... для мужа... это, можетъ быть, и забавно.

— Сколько же это намъ нужно будетъ говядины въ мѣсяцъ? Впрочемъ, рыба, навѣрное, дешевле. И, вѣдь, мясо, въ концѣ концовъ, вовсе ужъ не такъ полезно для здоровья.

Астридъ не хотѣлось обезкураживать эту нарядную, хорошенькую дѣвушку, полную готовности работать и урѣзывать себя во всемъ ради любимаго человѣка. А вотъ она... да, у нея совсѣмъ другое.

— Присядь. Не хочешь ли чашечку чаю? Къ сожалѣнію, тебѣ придется удовольствоваться чашкой чаю въ кухнѣ. Увы! я не могу пригласить тебя въ комнаты.

Инга сѣла, подбирая платье, опираясь рукою въ перчаткѣ на зонтикъ. Бѣлый вуаль, обвитый вокругъ соломенной шляпы, развѣвался около ея розоваго личика и черныхъ волосъ; черная дуга бровей весело вырисовывалась на лбу; глаза блестѣли радостнымъ возбужденіемъ.

— И еще одну услугу ты должна мнѣ оказать. Ты меня наймешь помогать тебѣ по хозяйству, на нѣсколько часовъ въ день. Нѣтъ, не смѣйся, это очень серьезно. Я буду приходить сюда и помогать тебѣ готовить дешевый, но вкусный обѣдъ, буду мыть полы, штопать, чинить, гладить, ходить за покупками, а ты можешь шлепать меня по рукамъ и дѣлать мнѣ выговоры, когда я натворю глупостей. У насъ дома мамочка не позволяетъ мнѣ дѣлать черную работу, а папа и подавно, а я хочу, непремѣнно хочу всему научиться раньше, чѣмъ мы заведемъ свое хозяйство. Ты не можешь мнѣ оказать этой услуги?

Астридъ, кипятившая воду на плитѣ, отвѣтила:

— Да ты что, Инга, смѣешься надо мной? Ты сегодня совсѣмъ какъ сумасшедшая.

— Смѣюсь надъ тобой? Это *ты* носъ дерешь, потому что ты во всемъ этомъ, какъ дома, а я ничего не знаю. Если бъ ты знала, какъ тобою восхищаются!—говорятъ о тебѣ, какъ о святой. Потому что, вѣдь, въ концѣ-концовъ, все становится извѣстно, и всѣ знаютъ, какая ты удивительная.

Астридъ быстро повернулась къ подругѣ.

— Кто же это такъ говоритъ обо мнѣ?

— Если бъ ты слышала моего брата Рейдара! Какой былъ ненавистникъ женщинъ, а у тебя онъ сталъ совсѣмъ ручной. По двѣнадцать разъ въ часъ допытывается, нѣтъ ли отъ тебя вѣстей, и ты не удивись, если онъ явится къ тебѣ съ визитомъ сюда, на кухню.

Астридъ, отвернувшись къ плитѣ, отвѣтила:

— Я думаю, что онъ достаточно уменъ, чтобы не сдѣлать подобной глупости.

Инга разсмѣялась.

— Ты *думаешь?* Не будь такъ увѣрена. Очень для него важно, что ты думаешь, что прилично и что неприлично. Нѣтъ ужъ, если онъ рѣшитъ, что это нужно, онъ придетъ, и, если даже ты захлопнешь у него передъ носомъ дверь, онъ высадитъ дверь и, все-таки, войдетъ. Это такой человѣкъ, который, если чего захочетъ, такъ ужъ добьется, и никакіе твои разговоры не помогутъ. Но, послушай, вѣдь это не серьезно, что ты не будешь послѣ-завтра на праздникѣ?

— Совершенно серьезно. У меня тоже есть характеръ: если я сказала: не пойду, такъ значитъ: не пойду.

Астридъ разлила чай въ чашки, и подруги усѣлись рядомъ на скамью. Инга продолжала настаивать:

— Почему ты не хочешь немного развлечься?

— Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

— Развѣ Рейдаръ тебѣ такъ не нравится?

— Какое на тебѣ сегодня хорошенькое платье.

— Да ты не отвиливай. Отвѣчай откровенно... неужели онъ тебѣ такъ ужъ несимпатиченъ? Если бъ ты знала, изъ-за кого онъ, въ сущности, затѣялъ весь этотъ праздникъ.

Астридъ посмотрѣла на нее и беззвучно повторила:

— Изъ-за кого онъ?..

— Ну да. Ты думаешь, это похоже на него—подъ барабанный бой собрать у себя толпу гостей, пригласить оркестръ, разукрасить весь домъ цвѣтами и гирляндами и все перевернуть вверхъ дномъ изъ-за одного вечера... когда ему всего пріятнѣе кататься въ яхтѣ одному.

— Я не понимаю... Что ты хочешь сказать?

Астридъ смотрѣла въ окно.

— И потомъ, мнѣ нечего надѣть.

Инга весело вскочила съ мѣста.

— Вотъ и отлично!

— То-есть какъ! отлично? По-твоему, это хорошо, что мнѣ нечего надѣть?

— Ну да, потому что мы вмѣстѣ сошьемъ тебѣ новое платье. Ты понимаешь, вѣдь, теперь мнѣ придется самой шить себѣ платья; и я давно уже беру уроки кройки. Начнемъ сейчасъ же. У тебя есть матерія?

— Нѣтъ, ты положительно сегодня не въ своемъ умѣ. Никакой у меня нѣтъ матеріи.

— Ну такъ пойдемъ купимъ. А деньги есть у тебя? если нѣтъ, я...

— Да, да, успокойся; деньги есть — для дешевенькаго платьица.

— Ну такъ одѣвайся.

Точно вѣтеръ налетѣлъ и закружилъ ее въ вихрѣ ея собственныхъ тайныхъ желаній. Астридъ сама не знала, какъ она переодѣлась и спустилась съ лѣстницы и опомнилась только въ магазинѣ, куда онѣ пришли покупать матерію на платье. Но, вѣдь, платье все равно ей было нужно. А на праздникъ она не пойдетъ. Ни за что въ мірѣ!

Вечеромъ, за ужиномъ, Астридъ сказала, что ей кое-что нужно сшить себѣ и она думаетъ взять портниху на домъ. Капитанъ не возражалъ. Только сказалъ со вздохомъ:

— Хорошо, у кого есть возможность.

— Да, папаша, я съэкономила на это деньги тѣмъ, что весь мѣсяцъ сама мыла полы и лѣстницы.

— Хорошо, хорошо, дитя, я же не возражаю. И какъ же теперь—портниха будетъ ужинать у насъ?

— Да, она будетъ ужинать въ кухнѣ.

Вечеромъ дѣвушки болтали безъ конца, выкраивая и примѣряя. Гудѣла швейная машина; звенѣли молодые, радостные голоса. Но неожиданно раздались знакомые шаги, отъ которыхъ вся кровь прихлынула къ сердцу Астридъ. Отворилась дверь, и вошелъ капитанъ. Инга быстро поднялась и поклонилась. Астридъ нашлась представить:

— Фрекенъ Изаксенъ.

Инга, совершенно позабывшая свою роль, возмутилась и чуть было не назвала себя, но Астридъ во-время наступила ей на ногу. Капитанъ понялъ, что онъ помѣшалъ, улыбаясь, кивнулъ головой и вышелъ. Обѣ дѣвушки не сразу могли перевести духъ.

Уходя, Инга добилась отъ подруги разрѣшенія прійти на другой день помогать по хозяйству. Надо было только предупредить капитана, а такъ это устроить можно.

Ночью, наполовину готовое платье, лежавшее на стулѣ, казалось Астридъ, ожило. Ей чудилось, что мать ея вошла, надѣла это платье и говоритъ ей: «Вотъ видишь, дочка... когда-то и я была такая же красивая. Ты вся въ меня. И въ честь мою давали праздники въ лѣтнія бѣлыя ночи, но я тогда ужъ не была свободна и, въ концѣ-концовъ, я все-таки не выдержала. Берегись, дитя. Ты молода — два раза молодости не бываетъ—не теряй даромъ золотого времени, не трать напрасно лучшіе годы своей жизни—когда-нибудь спохватишься—а будетъ поздно».

На другой день Инга не могла прійти помочь ей, потому что ее увезъ къ себѣ Рейдаръ—у него было столько хлопотъ съ этимъ праздникомъ.—«Слава Богу!—сказала себѣ Астридъ,— платье не будетъ готово—вотъ и отговорка...»

Но послѣ ужина она не въ состояніи была ничѣмъ заняться—ни чтеніемъ, ни рукодѣльемъ. И колесо машины завертѣлось, какъ бы само собой. Часы текли. Красноватые отблески заката играли на крышахъ сосѣднихъ домовъ, золотили волосы и

щеки Астридъ, и въ то время, какъ руки ея работали, мысли ея улетали далеко. Наконецъ, осталось только пуговицы пришить; ей не хотѣлось пришивать ихъ, но руки сами собой взялись за иголку и стали дѣлать, что надо.

Отецъ, навѣрно, уже легъ и не спитъ, мучается мрачными мыслями. А она... что же она-то дѣлаетъ? Каждый стежокъ былъ для нея уколомъ въ сердце,—укоромъ за ея измѣну... Неожиданно руки ея остановили колесо и упали на колѣни. Что она дѣлаетъ? Зачѣмъ шьетъ это платье?

Въ первый разъ ей стало ясно, что всѣ ея мечты о молодости и свободѣ, помимо ея воли, вызывали передъ нею образъ Рейдара Банга. Всѣ ея надежды и желанія витали около него, такъ или иначе были съ нимъ связаны... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?.. Словно она и онъ стояли другъ противъ друга на разныхъ берегахъ пропасти, и онъ звалъ ее: «Иди сюда!.. всѣ твои мечты исполнятся, всѣ желанія будутъ удовлетворены... Иди же!.. Посмѣй, заставь себя перешагнуть, хотя бы тебѣ пришлось перешагнуть черезъ трупъ своего отца».

Она попробовала шить—пальцы дрожали, не слушались. Съ мольбою воззрилась на портретъ матери — любимый образъ со стѣны ласково улыбался ей, словно одобряя ее. Оставалось пришить одну только пуговицу—ну ужъ кончить-то, все равно, надо... Въ этомъ платьѣ она, навѣрное, понравится Рейдару. Она ощущала то радостную теплоту въ рукахъ, словно это платье было ея подвѣнечнымъ—то жуткій холодъ, словно это былъ саванъ, который она шила для отца.

Когда, наконецъ, платье было кончено, Астридъ повалилась поперекъ кровати и спрятала лицо въ подушки.

VIII.

День былъ настоящій лѣтній, праздничный; долина Христіаніи окутана голубоватой дымкой; воздухъ такъ спокоенъ, что лодки для прогулокъ по фіорду, казалось, парили, недвижныя, надъ розовыми облаками и темно-зелеными холмами. Городъ, окрестные лѣса, лѣсъ мачтъ на рейдѣ—все было изукрашено флагами, точно такъ же, какъ вилла Рейдара Банга въ Бигдэ, гдѣ надъ фіордомъ высились зеленыя арки сосноваго лѣса.

Въ домѣ хлопотала Инга, подгоняя служанокъ, чтобы все было готово къ пріѣзду гостей. Рейдаръ самъ спустился къ берегу, безъ шляпы, но въ смокингѣ, по временамъ косясь на

художника, шедшаго съ нимъ рядомъ. Настроеніе у него было отвратительное—развѣ пристойно ему такъ волноваться изъ-за того, пріѣдетъ ли какая-то дѣвченка, и самому бѣжать навстрѣчу? Совсѣмъ обабился!—стыдилъ онъ себя.—Въ былое время ты умѣлъ постоять за себя, пойти наперекоръ отцу, бросить военную школу... и, вмѣсто того, чтобы вернуться въ лоно семьи, уѣхать въ Клондайкъ на эмигрантскомъ кораблѣ. И среди твоихъ приключеній въ Клондайкѣ многія достойны мужчины. А теперь... теперь ты разучился спать изъ-за того, что...—фи! Какъ тебѣ не стыдно?

Въ его глазахъ такая слабость была прямо-таки унизительной. Нѣтъ, надо во что бы то ни стало совладать съ собой, преодолѣть ее. Если эта дѣвченка не пріѣдетъ, онъ сегодня закутитъ такъ, что небу жарко станетъ—ни на кого не поглядитъ, шампанское будетъ хлестать бутылками; велитъ сложить на берегу цѣлую сажень дровъ, обольетъ ихъ керосиномъ—вотъ это будетъ такъ костеръ. Что она себѣ воображаетъ?—что она можетъ испортить ему праздникъ?—какъ бы не такъ!

— Смотри, сегодня ты у меня долженъ веселиться,—говорилъ онъ художнику.

— Я и то стараюсь.

Но Тангенъ былъ блѣденъ, и настроеніе у него было вовсе не веселое. Съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ онъ въ послѣднее время запутался въ дѣлахъ, попалъ въ лапы ростовщиковъ; на выставкахъ его картины плохо продавались, обратиться за помощью къ богатому пріятелю ему даже въ голову не пришло; а теперь приходилось продавать съ аукціона мебель и всю обстановку.

Ба! Не то, чтобы его такъ ужъ пугало возвращеніе въ деревню и новая борьба съ нуждой,—но, пока онъ снова выбьется, годы уйдутъ—онъ ужъ не будетъ молодъ. И то для него сытая, привольная, безпечная жизнь началась только къ сорока годамъ—если эти послѣдніе годы молодости уйдутъ, ихъ уже не вернешь. Сегодня вечеромъ—его послѣдній праздникъ. Но никто, даже его жена, пока ничего еще не знали о его рѣшеніи—онъ не хотѣлъ отравлять ей праздника.

— Нездоровится мнѣ что-то,—сказалъ Рейдаръ, задумчиво глядя вдаль.

— Я уже замѣтилъ это.

— Какъ? Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ?

— Какъ не замѣтить.—Художникъ говорилъ безпечнымъ тономъ человѣка, чуждаго заботъ и потому легко читающаго въ

душѣ другихъ.—Тебя съ весны точно подмѣнили. Не говорю уже о холодныхъ душахъ и гимнастикѣ съ гирями, которые ты замѣнилъ коньякомъ передъ ѣдой и послѣ... но ты сталъ сантименталенъ, другъ мой. Ты собственноручно вяжешь букеты, ты купилъ чижика и голубей, а твои носовые платки такъ благоухаютъ, что осы летаютъ за тобой слѣдомъ, думая, что ты цвѣтокъ. Разумѣется, я себѣ сказалъ: «Тутъ что-нибудь неладно».

— Ты болванъ!—крикнулъ ему Рейдаръ, ощетинившись, словно разсерженный котъ. И далъ ему такого тумака въ грудь, что Тангенъ отлетѣлъ и ударился объ яблоню.—И потомъ, ты ошибаешься—просто я пишу романъ.

Художникъ, снова подошедшій къ нему, вскричалъ:

— Какъ? Что такое ты пишешь?

— Да, да, смѣйся, сколько хочешь, но я, вѣдь, тебѣ уже не разъ говорилъ, что въ романахъ почти все—сплошныя глупости. Любовь, напримѣръ, вовсе не начинается, какъ въ романахъ, вздохами при лунномъ свѣтѣ—ничего подобнаго. Нѣтъ, ты представь себѣ, что человѣкъ вначалѣ видитъ дѣвушку и презираетъ ее, находитъ ее и глупой, и некрасивой... я это такъ, къ примѣру... а потомъ... въ одинъ прекрасный день, случайно видитъ, какъ она переобувается, и замѣчаетъ у нея на чулкѣ, на пяткѣ, дырочку...

— Ага! Такъ что же?

— Что? А то, что эта дырочка начинаетъ волновать его воображеніе; тутъ ему бросается въ глаза и другое—что у дѣвушки красныя руки, огрубѣлыя отъ работы, и у него является потребность взять ее на руки и унести въ другую жизнь, болѣе, легкую и блестящую. Онъ пытается подойти къ ней, но она не довѣряетъ ему, — унижается — и получаетъ въ отвѣтъ лишь гнѣвный взглядъ. Клянется себѣ послать ее ко всѣмъ чертямъ, но, разумѣется, не въ силахъ сдѣлать этого,—а все изъ-за этой проклятой дырки на чулкѣ. Вотъ оно, какъ иной разъ любовь захватываетъ человѣка, или, вѣрнѣе, какъ бы это выразиться...—какъ человѣкъ разсудительный дѣлается дуракомъ... Да, ты правъ: когда судьба противъ тебя, надо дать ей пинка ногой, и въ огорченіи устроить праздникъ.

Въ это мгновеніе передъ рѣшеткой сада остановился автомобиль, и они поспѣшили обратно въ домъ. Это былъ генералъ съ супругой, старшей дочерью, фру Раммъ, и младшимъ сыномъ, инженеромъ. Инга, еще не успѣвшая остыть отъ хлопотъ и бѣготни, тотчасъ же вступила въ обязанности хозяйки и привѣтливо встрѣтила гостей. На ней было воздушное платье изъ

блѣдно-желтаго тюля съ кружевнымъ воротничкомъ и желтыми цвѣтами въ темныхъ волосахъ. Генералъ посмотрѣлъ на нее, неожиданно нагнулся и поцѣловалъ ей руку.

— Ты доволенъ мною, папочка?

Но генеральша, уже поднявшаяся по ступенямъ на веранду, подозвала мужа—ей не нравилось, какъ онъ держитъ себя съ дочерьми.

Художникъ обратился къ фру Раммъ:

— Ну, сегодня мы будемъ плясать до головокруженія.

— Да, вы...—отвѣтила она съ блѣдной улыбкой, раскрывая зонтикъ.

Она была въ бѣломъ платьѣ и въ шляпѣ съ огромнымъ страусовымъ перомъ; за послѣднее время на ея розовомъ личикѣ, немного слишкомъ кругломъ, появился налетъ грусти, очень красившій ее.

— Васъ нигдѣ не увидишь,—небрежно уронилъ онъ.

Она усмѣхнулась съ горечью и отвернулась.

Садовая калитка снова распахнулась. Инга и Рейдаръ были всецѣло поглощены встрѣчей гостей. Межъ черныхъ смокинговъ пестрѣли свѣтлыя платья и мундиры; подъ фракомъ дипломата иной разъ виднѣлись панталоны съ галуномъ. Здѣсь были инженеры, темнокоричневые, какъ индѣйцы, пріѣхавшіе изъ лѣсовъ и съ горъ, гдѣ они строили желѣзныя дороги, и юркіе дѣльцы, едва успѣвшіе съ биржи заѣхать домой переодѣться. Прибылъ изслѣдователь полярныхъ странъ, бородатый, загорѣлый,—нѣсколько адвокатовъ, молодой министръ, крупный фабрикантъ, «король промышленности», весь шарообразный, улыбающійся господинъ лѣтъ подъ сорокъ, затѣмъ, извѣстная датская актриса и знаменитая пѣвица. Гости все прибывали. Много молодежи и людей уже въ лѣтахъ, создавшихъ себѣ положеніе, но еще достаточно безпечныхъ, чтобы пропировать ночь напролетъ.

— Добро пожаловать, Луиза,—привѣтствовала Инга молодую дѣвушку въ красномъ платьѣ съ толстою косой.—Здравствуй, Ида... О! какое на тебѣ очаровательное платье!

Бѣлая вилла стояла посреди большого сада, сжатаго съ двухъ сторонъ лѣсомъ, спускавшимся къ самому фіорду. Въ саду вскорѣ стало весело и шумно: публика разбилась на группы; говорили и смѣялись громко, не стѣсняясь—вѣдь они были въ деревнѣ. Легкій вѣтеръ съ фіорда приносилъ запахъ водорослей и сосновыхъ иголъ; тихій плескъ волнъ о берегъ смѣшивался съ шелестомъ листьевъ и веселыми молодыми голосами.

— А! Вотъ и ты!—окликнулъ художникъ доктора Гольта,

который бродилъ по саду, разыскивая глазами Астридъ-Рійсъ,— посмотри, какъ стильно наши дамы начинаютъ одѣваться. Да и мужчины тоже. Ты только посмотри на инженера Банга, младшаго—съ виду, онъ просто денди, свѣтскій фатъ,—а между тѣмъ, еще недавно, потихоньку отъ отца онъ продѣлалъ рискованную операцію на биржѣ, купилъ водопадъ, основалъ акціонерное общество и теперь строитъ заводъ. Ты приглядывайся къ тѣмъ, которые, садясь, тщательно обтягиваютъ брюки—въ наше время это не просто франты, а люди стоющіе.

Но неожиданно художникъ повернулся въ другую сторону и слегка вздрогнулъ: онъ увидалъ Гьерта и рядомъ съ нимъ его юную жену.

Со времени пасхальной экскурсіи онъ былъ страстно влюбленъ въ эту молодую женщину, но она, какъ юркая рыбка, не давалась въ руки, хотя все время между ними шла остро волнующая игра: она то отступала, то манила, но всякій разъ ускользала въ тотъ самый моментъ, какъ онъ думалъ, что побѣда уже обезпечена.

И вотъ она опять, вся въ розовомъ, словно въ легкомъ, прозрачномъ облакѣ, сквозь которое угадываются всѣ формы ея тѣла. Большая шляпа желтой соломы сдвинута назадъ, и свѣжее личико, обрамленное темными волосами, словно окружено ореоломъ. Ей всего двадцать четыре года; она такая гибкая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся въ ямочкахъ, и поступь у нея такая граціозная, скользящая, такъ мило она глядитъ по сторонамъ, улыбается и кланяется.

— Здравствуйте, Вильгельмина. Здравствуй, Гьертъ,—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Когда художникъ взялъ ея протянутую руку и на мигъ удержалъ въ своей, онъ почувствовалъ, что это—въ послѣдній разъ. Фру Гьертъ замѣтила, что рука Тангена дрожитъ, и опустила глаза. Онъ шепнулъ ей:

— Завтра, чуть свѣтъ, я уѣзжаю.

— Надолго?—она тоже понизила голосъ.

— На нѣсколько лѣтъ.

— А ваша супруга? Ея нѣтъ здѣсь?—спросила молодая женщина, умышленно громко, чтобы всѣ могли ее слышать.

И прошла мимо.

Но уже оттого, что она произнесла вполголоса нѣсколько словъ, которыя предназначались одному ему, художника бросило въ жаръ. Почему? Развѣ онъ могъ надѣяться?.. Нѣтъ, конечно. И все же... все же...

— Уже девять часовъ... пора за столъ,—сказала генеральша Рейдару.

Но онъ все стоялъ у рѣшетки и смотрѣлъ на улицу, словно ждалъ еще гостей.

— Сію минуту,—откликнулся онъ.

Вслѣдъ за генеральшей подошелъ генералъ, заявляя, что онъ голоденъ. Рейдаръ еще разъ повернулся взглянуть на лѣсъ, не мелькнетъ ли между зеленью бѣлое платье. Но въ красноватомъ сумракѣ, окутавшемъ деревья, ничего не было видно.

Наконецъ, Инга, стоявшая наверху лѣстницы, ведшей на веранду, захлопала въ ладоши—знакъ, что пора садиться—всѣ выстроились парами, и началось шествіе—изъ сада въ домъ.

На площадкѣ для тенниса, за конюшнями, выкрашенными въ красный цвѣтъ, былъ настланъ паркетъ для танцевъ, и дюжина музыкантовъ уже надували щеки, пробуя свои инструменты.

Странный это былъ день для Астридъ Рійсъ.

Утромъ, въ конторѣ, она ошиблась въ счетѣ и перепутала книги, дѣлая записи. Потомъ, когда она возвращалась домой, ей казалось, что всѣ прохожіе въ праздничномъ настроеніи и всѣ готовы пуститься въ плясъ, а дома ея маленькая кухонка показалась ей такой нищенски жалкой и убогой, что она упала на стулъ, уронивъ руки на колѣни.

Но задумываться было некогда: надо было готовить обѣдъ, и, наклоняясь надъ плитой, морщась отъ дыма и пачкая руки сажей, она мечтала о голубомъ небѣ и зелени лѣсовъ, какъ жаждущій мечтаетъ о водѣ. И снова передъ нею всталъ образъ матери, молодой, прекрасной, въ свѣтломъ платьѣ, и мать шептала ей:

— Иди, дитя, на этотъ праздникъ. Ты въ правѣ немного повеселиться—ты заслужила это.

Астридъ открыла окно, выходившее во дворъ, но, вмѣсто свѣжаго воздуха, на нее пахнуло вонью, и она поспѣшила затворить окно.—«Пойду,—сказала она себѣ.—Не могу иначе. Пойду».

Потомъ, когда они съ отцомъ сидѣли другъ противъ друга за маленькимъ столомъ въ столовой, ей казалось, что она никогда еще не видала отца такимъ старымъ. Ей вдругъ вообразилось, что, если она пойдетъ на праздникъ Рейдара, случится что-нибудь необычайное. Капитанъ былъ въ этотъ день въ прекрасномъ настроеніи—онъ закончилъ новую главу своего проекта преобразованія арміи, и химерическая надежда снова вы-

двинуться, обратить на себя вниманіе, такъ волновала его, что куски застревали у него въ горлѣ. Неужели и сегодня у нея хватитъ духу обмануть его? Она обвела взглядомъ комнату; все какъ будто говорило ей: «Разумѣется, ты можешь пойти своей дорогой и сдѣлаться женой богатаго негоціанта—это твое право,—но мы—все, что ты видишь здѣсь—мы не покинемъ твоего отца».

— Ты ничего не ѣшь, дитя мое,—замѣтилъ капитанъ.

— Здѣсь страшно жарко...

Полдня она пролежала на кровати въ своей комнатешкѣ. Блѣдный образъ на стѣнѣ все время смотрѣлъ на нее и говорилъ съ ней. Она закрыла лицо простыней, чтобъ не смотрѣть на него и думать о другомъ. Но въ комнатѣ, дѣйствительно, было несносно жарко, донимали мухи; тѣло жаждало свѣжаго воздуха, радостныхъ ритмическихъ движеній, смѣха, голубого неба... О, если бъ можно было уйти отсюда!..

Неожиданно она вскочила на ноги. И скользнула въ кабинетъ, гдѣ старикъ уже снова сидѣлъ за работой. Съ видомъ жертвы, которая дорогой цѣной покупаетъ небольшую радость, она сказала:

— Прочти мнѣ нѣсколько страницъ.

Капитанъ протеръ пенснэ, укрѣпилъ его на багровомъ носу и принялся за чтеніе.

Это длилось безъ конца. Въ кабинетѣ было такъ душно—она такъ устала слушать...

Но слушала она внимательно и, когда отецъ кончилъ, начала обсуждать прочитанное. И подъ конецъ заговорила о генералѣ... О! какъ онъ обозлится, когда это выйдетъ въ печати! Потомъ принялась бранить Рейдара и Ингу, младшую дочь генерала, съ которой она также недавно познакомилась. Вообще, это прескверное семейство. И, стараясь не смотрѣть на отца, Астридъ придумывала, что̀ бы еще сказать... Сегодня она была щедра на выдумки—пусть этотъ вечеръ будетъ купленъ дорогой цѣной.

Наконецъ, она поднялась, съ сознаніемъ, что цѣлая глава ея жизни приходитъ къ концу. И, послѣ ужина, сказала:

— Я пойду прогуляться, папа.

И онъ, счастливый и радостный той радостью, которую дочь сегодня дала ему, отвѣтилъ:

— Отлично, пойди прогуляйся, дочь моя.

Астридъ надѣла новое бѣлое платье и медальонъ на шею... Сегодня она не станетъ прятать отъ *него* этого медальона.

Совсѣмъ готовая, она оглядѣла себя въ зеркало, и ей

вдругъ стало жутко. Ей казалось, что это все изъ-за платья... Она сама мыла полы и лѣстницы, чтобъ скопить денегъ на него, сама его сшила, и каждый стежокъ отдалялъ ее отъ отца и приближалъ... къ кому? Сама не зная, почему, она оглядѣла всѣ складки платья—словно ожидая найти гдѣ-нибудь темное пятно.

Въ бѣлой шляпѣ собственнаго издѣлія и въ митенкахъ, прикрывшихъ красноту рукъ, она торопливо пробиралась черезъ городъ. И, когда очутилась на набережной, съ которой открывался видъ на просторъ неба, на фіордъ и на лѣсистые холмы, неожиданно раскинула руки и едва не вскрикнула отъ радости. На фіордѣ кишѣли маленькіе пароходики, поминутно отчаливавшіе отъ набережной; солнце уже закатилось, зажгли фейерверки, на обоихъ берегахъ, на островахъ, и даже на вершинахъ голубыхъ холмовъ горѣли яркіе костры.

Когда, наконецъ, она на пароходѣ переѣхала заливъ и вошла въ лѣсъ, полный молодой зеленой поросли, ноздри ея раздулись, и она полной грудью вдохнула въ себя теплый, пропитанный смолистымъ ароматомъ воздухъ, и поступь ея стала легка, какъ у оленя. Она шла мимо гуляющихъ, группами сидѣвшихъ на травѣ, мимо всадниковъ, мимо ресторановъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ играла музыка, мимо красивыхъ дачъ, все дальше, дальше, по временамъ справлялась о дорогѣ; ей указывали направленіе, и она летѣла дальше. Теплыя сосновыя иглы подъ ногами такъ весело похрустывали; кругомъ все было зелень и свѣтъ... Убогая жизнь дома позабылась, отошла въ область сновъ. Налетавшій вѣтеръ доносилъ соленое дыханіе фіорда, и Астридъ по временамъ останавливалась, чтобы вдоволь надышаться имъ. Куда она идетъ? Что дѣлаетъ?—Все равно. Надо идти.

— Вотъ она, наконецъ!—вскричала Инга, раскраснѣвшаяся отъ танцевъ.

— Кто?—спросилъ Рейдаръ, тоже только-что посадившій свою даму.

— Смотри, кто.

Да, это была она... Она шла крадучись, скользящей, настороженной поступью, словно готовая мгновенно повернуться и убѣжать. Красноватый свѣтъ, разлитый подъ соснами, окружалъ точно сіяніемъ ея бѣлое платье и шляпу; лицо ея горѣло отъ жары или волненія, но она подходила все ближе, ближе.

Инга побѣжала ей навстрѣчу.

— Наконецъ-то ты пришла, гадкая дѣвчонка!

Гости Рейдара, послѣ ужина, разбились на группы и долго

любовались фейерверкомъ, зажженнымъ на берегу. Танцы только начались, и художникъ Тангенъ подошелъ къ фру Гьертъ, пригласить ее на вальсъ.

Онъ обвилъ рукою ея талію, и они закружились въ веселомъ вихрѣ.

— Вы говорите, вамъ надо ѣхать?—прошептала она.

— Къ несчастью, это необходимо.

— Почему?

— Не спрашивайте.

Она поняла: значитъ, произошло несчастье. И онъ вдругъ почувствовалъ, что она крѣпче оперлась на его руку, откинувъ голову назадъ и придерживая другой рукою платье. До конца жизни Тангенъ не забудетъ этого вальса. Словно она, на прощанье, хотѣла опьянить его своей молодостью; надъ ними было голубое небо; запахъ сосенъ смѣшивался съ запахомъ ея волосъ, шелестъ ея свѣтло-розоваго платья—съ тихимъ плескомъ моря... Все это наполняло его такимъ блаженствомъ, словно онъ держалъ въ объятіяхъ свою собственную молодость, лѣто своей жизни.

— Какъ вы можете закрывать глаза,—шепталъ онъ,—когда надъ нами все небо пылаетъ золотымъ огнемъ?

Она отвѣтила, метнувъ на него значительный взоръ изъподъ длинныхъ рѣсницъ.

— Вы думаете, мое небо хуже вашего?

— Тогда и я хочу увидѣть его.

И онъ тоже закрылъ глаза. И ему чудилось, что оба они таютъ и сливаются въ одну горячую волну, уносимую медлительнымъ ритмомъ божественныхъ звуковъ, сладостныхъ и грустныхъ, въ которыхъ трепетало все, что живетъ и умираетъ, отъ земляныхъ червей до звѣздъ,—тайна свѣта и звуковъ, изъ которой, быть можетъ, родилась вселенная...

— Прикажете остановиться?.. вы устали?

— Нѣтъ, нѣтъ,—прошептала она.

Огромная площадка вся превратилась въ вихрь изъ свѣтлыхъ платьевъ и стройныхъ мужскихъ фигуръ. Разгоряченныя, запыхавшіяся пары то и дѣло подходили къ длинному столу у трельяжа, отдѣлявшаго садъ отъ парка, гдѣ молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ чепчикахъ предлагали прохладительныя.

Генералъ, само собой, тоже не выдержалъ, пустился въ плясъ, разгорячился и теперь пилъ у стола содовую воду. Возлѣ него стоялъ изслѣдователь полярныхъ странъ, объ руку съ фру Тангенъ.

— Разскажите-ка намъ, уважаемый, — обратился къ

нему генералъ,—какъ танцуютъ у сѣвернаго полюса бѣлые медвѣди?

— Пляски бѣлыхъ медвѣдей я не видалъ,—улыбнулся высокій загорѣлый путешественникъ,—а вотъ пляску тюленей видѣлъ. Они отъ времени до времени, вынырнувъ на поверхность, справляютъ свою тюленью свадьбу, и тогда кричатъ и мечутся, совсѣмъ какъ пьяные мужики.

Генералъ обернулся посмотрѣть на Рейдара, который пошелъ танцовать съ Астридъ Ріисъ.

Юная парочка вальсировала, лавируя между другими, и Астридъ съ страннымъ безволіемъ откинулась на руку Рейдара, словно увлекаемая помимо своей воли, блаженствуя и въ то же время чувствуя себя такой виноватой за свою радость, что она невольно прятала лицо.

И Рейдаръ блаженствовалъ бы, держа ее, наконецъ, въ своихъ объятіяхъ, если бъ не трепеталъ всѣмъ тѣломъ отъ тревожнаго ожиданія того, что вотъ-вотъ, скоро должно было случиться. Онъ очень заботился о томъ, чтобъ его даму никто не толкнулъ въ этой толпѣ и, улучивъ минутку, онъ шепнулъ ей:

— Почему?..

Но она тотчасъ же сжала его руку, говоря:

— Не спрашивайте.

Эти слова были для него, какъ ласка, какъ объятіе, и, наклонивъ голову, онъ заглянулъ ей въ глаза и улыбнулся, и дѣвушка сама невольно улыбнулась. И сладостные звуки вальса убаюкивали ихъ, какъ ласка матери, взявшей ихъ подъ свою защиту, чтобъ оттянуть то, роковое, что должно было случиться...

Раскраснѣвшіяся отъ жары, пары одна за другой спускались въ садъ, чтобъ освѣжиться; въ воздухѣ мелькали носовые платки и вѣера, навѣвавшіе прохладу на разгоряченныя лица; въ призрачномъ свѣтѣ бѣлой ночи звучали веселые голоса и смѣхъ. Внизу, на берегу, смольная бочка догорала, выбрасывая огонь и дымъ, словно привѣтствуя своихъ товарокъ, пылавшихъ на противоположномъ берегу. Улегся вѣтерокъ, дувшій съ фіорда, и, мнилось, изящныя бѣлыя лодочки сами собой упали съ неба въ море.

Когда Тангену пришлось уступить фру Гьертъ другому кавалеру, у него пропала всякая охота танцовать. Онъ ушелъ одинъ на берегъ и долго смотрѣлъ на городъ, дремавшій по ту сторону залива, на башни и церкви, выдвигавшіяся изъ мѣдно цвѣтнаго тумана.

— Съ завтрашняго дня надо браться за работу,—говорилъ онъ себѣ.—И это не такъ ужъ худо... Завтра снова бѣдность, борьба за жалкіе гроши... лишенія... Ба! Все это не такъ ужъ плохо.

Его братъ, случайно проходившій мимо, остановился возлѣ него.

— Это ты? Не правда ли, какъ здѣсь чудесно? Знаешь, какая мысль пришла мнѣ въ голову?

Онъ сталъ описывать художнику новый типъ храма, о которомъ онъ мечталъ,—поддерживаемаго каріатидами—статуями великихъ людей. Внутри огромныя свѣтлыя залы, гдѣ молодежь будетъ справлять свои праздники, поколѣніе за поколѣніемъ, и постепенно всѣ выдающіеся люди страны станутъ безсмертными, въ качествѣ устоевъ храма, посвященнаго молодости.

— Молчи,—сказалъ художникъ.—Ты влюбленъ.

— Не кажется тебѣ печальнымъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего длительнаго, прочнаго, что даже отъ такого вечера ничего не останется, ничего нельзя сохранить? Подумай только!—вся эта симфонія красокъ, ритмовъ, веселыхъ звуковъ, все это къ завтрему отзвучитъ, забудется...

Молодой человѣкъ грустно улыбался.

— Жизнь расточительна, мой другъ, и у нея есть средства сорить радостями.

Художникъ увидалъ вдали свою жену, поспѣшилъ къ ней и пригласилъ ее на вальсъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивилась молодая женщина.—Ты еще помнишь о моемъ существованіи.

— О, конечно... Я все время слѣдилъ за тѣмъ, какъ ты кокетничала съ полярнымъ медвѣдемъ. И все время ревновалъ тебя.

И легкомысленный художникъ пошелъ танцовать съ своей женой, единственной женщиной, на которой онъ захотѣлъ жениться и къ которой всегда возвращался. Скоро онъ скажетъ ей, какая бѣда постигла ихъ, скажетъ, что имъ придется разстаться со всѣми красивыми вещами, среди которыхъ они жили, поселиться въ хижинѣ и вновь зажить, какъ бѣдняки. Съ грустной улыбкой, онъ шепнулъ ей:

— Какъ ты хороша сегодня! Помнишь? Въ такой же вечеръ мы обручились съ тобой.

Она подняла на него свои прекрасные темные глаза, полные такого счастья, какъ будто этотъ вальсъ стряхнулъ съ нихъ бремя лѣтъ, и оба они снова стали юной влюбленною четой.

После вальса, Рейдаръ предложилъ руку Астридъ; ему хотѣлось увести ее подальше; она угадала его намѣреніе и оглядѣлась вокругъ, словно призывая на помощь.

Въ это мгновеніе передъ нею расшаркался генералъ и увелъ ее отъ Рейдара.

Астридъ вальсировала съ заклятымъ врагомъ своего отца. Онъ обнималъ ее за талію и говорилъ ей комплименты по поводу ея наряда. Она рада была, что ускользнула отъ Рейдара, потому что—Богъ вѣсть, что могло бы случиться, но это... развѣ *это* было лучше?

— Вы танцуете такъ же очаровательно, какъ ваша мать,— говорилъ восхищенный генералъ.—О, это была свободная душа, богато одаренная натура; одинъ поэтъ назвалъ ее однажды дочерью солнца и грозы...

— Вы знали мою мать, генералъ?

Онъ не сразу отвѣтилъ:

— Да... Зналъ...

Онъ такъ сказалъ это, что молодую дѣвушку бросило въ дрожь. Что было между ея матерью и генераломъ?—Уйти нельзя было; надо было продолжать вальсировать, а, между тѣмъ, ей такъ хотѣлось вырваться и убѣжать.

Когда, наконецъ, они остановились, Гольтъ, давно поджидавшій ее, также пригласилъ ее на вальсъ. Но, прежде чѣмъ закружиться среди другихъ паръ, она ему шепнула:

— Проводите меня домой. Но объ этомъ никому ни слова.

Рейдаръ сердито бѣгалъ по саду, въ ожиданіи, пока освободится Астридъ, но когда онъ вернулся къ танцующимъ, его сестра, фру Раммъ, сказала ему:

— Фрекенъ Рійсъ просила передать тебѣ привѣтъ и благодарность. Ей пора домой, къ отцу, и Гольтъ проводитъ ее.

— Какъ?.. Ахъ, такъ!.. Хорошо. Отлично!..

И Рейдаръ покатился со смѣху.

Кто-то крикнулъ: «Ура!» Съ веранды принесли огромныя корзины, полныя бутылокъ шампанскаго, и поставили ихъ у длиннаго стола подъ деревьями.

Кто-то крикнулъ:

— Смотрите... Смотрите... Ура! Смотрите вонъ туда!..

На берегу вспыхнулъ яркимъ пламенемъ новый костеръ. Это была сажень дровъ, облитая керосиномъ. Парочка, сидѣвшая подъ кустомъ недалеко оттуда, обратилась въ бѣгство, словно нежданный свѣтъ застигъ ее врасплохъ на какомъ-нибудь нехо-

рошемъ поступкѣ. Гигантскій костеръ угрожалъ поглотить весь ближній лѣсъ, заливая краснымъ заревомъ темную зелень елей; цѣлый снопъ искръ взвился къ небу и палъ на землю медленнымъ дождемъ; садъ, одежды, лица, городъ—все окрасилось въ красный цвѣтъ, и въ гладкомъ зеркалѣ фіорда отражались тучи пламени и дыма.

За столомъ хлопали пробки. Рейдаръ неожиданно вскочилъ на скамейку и, высоко надъ красной головой поднявъ пѣнящійся бокалъ, провозгласилъ тостъ—*за радость!*

Бѣлыя руки поднимали кверху бокалы; пили здоровье хозяина, здоровье гостей; снова и снова кричали «ура». Всѣ охмѣлѣли, разошлись. Толстый король индустріи влѣзъ на столъ и произнесъ рѣчь въ честь хозяина; обступившіе его друзья восхищались каждымъ его словомъ; немного погодя, генералъ Бангъ тоже влѣзъ на что-то и произнесъ хвалебную рѣчь женщинѣ; не успѣлъ онъ опомниться, какъ молодыя дѣвушки подхватили его и понесли на рукахъ.

Пробки хлопали безъ конца; гости разсыпались кто куда; танцовали гдѣ попало, наступая другъ другу на ноги; женщины съ визгомъ и криками убѣгали отъ кавалеровъ. Парочки гуляли подъ руку по берегу, глядя въ глаза другъ другу и разговаривая шепотомъ; колоссъ-лѣсничій, старшій сынъ генерала, неожиданно появился, неся на рукахъ свою жену, которая отбивалась отъ него, и заявляя, что онъ броситъ ее въ море, такъ какъ она невѣрна ему.

Конюхъ, по знаку господина, мигомъ выкосилъ всѣ цвѣтники, и Рейдаръ обходя гостей съ тяжелой корзиною въ рукахъ, обсыпалъ женщинъ и мужчинъ красными, желтыми, бѣлыми цвѣтами.

— Вотъ вамъ для украшенія вашего туалета.

— Такъ вотъ изъ-за чего ты весь этотъ годъ такъ усердно садовничалъ?—удивлялся его шуринъ, Раммъ.

— Да,—принужденно смѣялся Рейдаръ,—конечно, изъ-за этого. Вотъ вамъ, друзья, берите. Почему же никто не пьетъ?

Подошли рука объ руку изслѣдователь полярныхъ странъ и молодой инженеръ Бангъ. Инженеръ жаловался:

— Онъ не вѣритъ, что я могу доплыть вонъ до того островка.

— А ты возьми и докажи ему,—посовѣтовалъ Рейдаръ.—Я тоже это сдѣлаю и вдобавокъ, по дорогѣ выпью бутылку шампанскаго.

— И я тоже!—подхватилъ подошедшій Пауль Тангенъ.

Костеръ погасъ, наконецъ; отъ него остались только дымъ и пепелъ, но надъ восточными холмами уже занималась розовая полоска утренней зари.

Генералъ уѣхалъ домой, но молодежь была приглашена завтракать на островкѣ. И вскорѣ четыре лодки, украшенныя гирляндами зелени, отчалили отъ берега; въ передней сидѣли музыканты. Рейдаръ, Гаральдъ, путешественникъ и Тангенъ рѣшили слѣдовать за ними вплавь.

Красноватая вода фіорда была недвижима; бѣлыя лодки точно спали, со спущенными парусами; съ одной пахло свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ.

— Глядите! Глядите!

Невдалекѣ отъ виллы Рейдара четверо пловцовъ прыгнули въ воду съ высокаго мыска и, неспѣшно разсѣкая воду широкими взмахами рукъ, поплыли къ островку.

— Боже мой!—вскричала датская актриса.—Кто это? Они съ ума сошли. А вдругъ они утонутъ?

Догадаться, кто это, было нетрудно, и музыканты, не дожидаясь приказа, начали играть. Лодки, на всякій случай, подъѣхали ближе къ пловцамъ; неожиданно взошло солнце и облило багровымъ свѣтомъ четыре головы, торчавшихъ изъ воды.

— Ау!—крикнулъ Рейдаръ.—Сейчасъ мы выпьемъ за ваше здоровье.

Вслѣдъ за головами высунулись изъ воды, до пояса, четыре бюста; пловцы теперь только били ногами по водѣ, и вода пѣнилась около нихъ; влажная кожа, красная отъ воды, блестѣла на солнцѣ.

— Ваше здоровье!

Рейдаръ поднялъ на воздухъ бутылку шампанскаго, хлопнулъ рукою по дну, пробка выскочила; горлышко онъ поднесъ ко рту. Затѣмъ бутылка перешла къ другому, къ третьему, къ четвертому...

— Браво! Браво!—кричали съ лодокъ.

И нарядныя, изукрашенныя зеленью лодки продолжали скользить по зеркальному лону фіорда, подъ музыку и смѣхъ.

Наконецъ, высадились на островкѣ; пловцы вышли на берегъ поодаль, куда архитекторъ снесъ ихъ платье, спрятанное въ одной изъ лодокъ.

Развели костеръ, и вскорѣ всѣ растянулись на травѣ за утреннимъ кофе; а солнце поднималось все выше, и на фіордѣ появлялись признаки жизни.

Нѣсколько часовъ спустя, сидя одинъ на верандѣ, Рей-

даръ мутнымъ взоромъ смотрѣлъ на садъ, усѣянный пустыми бутылками и битымъ стекломъ, на полузавядшіе цвѣты, валявшіеся на клумбахъ и дорожкахъ.

На минуту онъ спряталъ лицо въ ладоняхъ... ему хотѣлось плакать, хохотать надъ собой и цѣлымъ міромъ... спать... или же бѣжать на край свѣта. Но тотчасъ же онъ поднялъ голову и вызывающе воскликнулъ:

— Ни за что на свѣтѣ!.. Я тебѣ покажу, кто изъ насъ сильнѣе.

Онъ всталъ и, вмѣсто того, чтобы лечь спать, переодѣлся и взялся за гири. А послѣ гимнастики, сѣлъ въ бѣлую моторную лодку и помчался стрѣлой черезъ заливъ, правя одной рукой, а другой усиливаясь очистить апельсинъ.

Пусть другіе спятъ. Онъ хочетъ быть въ своей конторѣ и работать. Развѣ онъ не господинъ своей судьбы?

Перев. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЕРНАРДЪ ШОУ.

Англія—страна, гдѣ чтутъ законы и живутъ согласно традиціямъ. Но Англія вмѣстѣ съ тѣмъ страна, гдѣ преклоняются передъ врагами законовъ и традицій. Бернардъ Шоу говоритъ въ предисловіи къ одной изъ своихъ драмъ: «Отъ Прометея и до моего героя пьесы «Ученикъ дьявола» безбожники были всегда популярны». Подъ безбожниками онъ тутъ подразумѣваетъ всѣхъ ополчающихся противъ общественныхъ и нравственныхъ устоевъ. Но если они популярны вездѣ, то особенно ихъ любятъ въ самой чопорной, казалось бы, странѣ—въ Англіи. Они какъ бы искупаютъ собой общій прѣсный характеръ жизни. Пусть всѣ преклоняются передъ условной моралью, чтятъ титулы, боятся свободной любви, какъ чего-то, о чемъ и упоминать нельзя въ обществѣ. Пусть всѣ устраиваютъ свои дома и свои трапезы на одинъ образецъ, проводятъ воскресенье такъ, какъ полагается, пусть всѣ довольны и тверды въ своей вѣрности традиціямъ. Вѣдь имъ кажется, что, упустивъ что-либо изъ внѣшне установленнаго, они утратятъ и то, что цѣнно въ перешедшемъ отъ прежнихъ поколѣній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ зато и выполняя все, что полагается, и живя, какъ полагается, англичане какъ бы даже гордятся, что есть среди нихъ люди, отвергающіе общія основы жизни. Англійская жизнь устойчива, но англійскій геній мятежный, и ему поклоняются во имя этой мятежности. Поклоненіе это, правда, своеобразное. Нарушающіе законы общественности нигдѣ такъ не преслѣдуются, какъ въ Англіи, нигдѣ такъ безпощадно не подвергаются полному остракизму. Но все же, изъ внутренней благодарности, этихъ враговъ общества окружаютъ особымъ культомъ.

Рыцари духа живутъ въ Англіи какъ нѣкая обособленная раса, отъ которой въ жизни сторонятся, но которой въ духѣ поклоняются. Очень часто они дѣйствительно принадлежатъ къ

другой расѣ, и англичанами являются только по языку, а не по крови. Очень часто англійскіе писатели-ирландцы даже не считають себя англичанами; или же они англичане, но чуждые всего національнаго. Такими англичанами, чуждыми національнаго духа, были въ началѣ XIX вѣка Байронъ и Шелли, такими ирландцами, ополчившимися противъ устоевъ англійской жизни въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка, являются Оскаръ Уайльдъ и Георгъ Бернардъ Шоу.

Интересъ, который Бернардъ Шоу возбуждаетъ въ настоящее время не только у себя на родинѣ, но и далеко за ея предѣлами, заключается въ томъ, что онъ укрѣпилъ и довелъ до синтеза мятежную идею вѣка. Въ концѣ XIX вѣка онъ занялъ въ идейномъ отношеніи ту же позицію, которую въ началѣ этого вѣка занималъ Шелли. И такова медленность духовнаго совершенствованія человѣчества, при кажущейся быстротѣ внѣшняго прогресса, что волнующее содержаніе философскихъ и метафизическихъ сатиръ Бернарда Шоу построено на той же проповѣди, которая проникала творчество Шелли, — и въ глазахъ свѣта кажется и теперь такой же спорной, какой казалась сто лѣтъ тому назадъ. Такъ же, какъ и Шелли, Бернардъ Шоу выступаетъ въ защиту гуманности и проповѣдуетъ свободу личности, свободную любовь, борется противъ тиранніи нравовъ, противъ искаженія духовныхъ потребностей человѣка традиціонной религіей и объявляетъ себя такимъ же атеистомъ, какимъ былъ глубоко религіозный по существу Шелли. И даже въ подробностяхъ Бернардъ Шоу идетъ тѣмъ же путемъ. Какъ и Шелли, онъ проповѣдникъ вегетаріанства и основываетъ свою проповѣдь на доводахъ столь же убѣдительныхъ, какъ доводы Шелли. Бернардъ Шоу—проповѣдникъ простой жизни, воздержанія отъ куренія и алкоголя. Словомъ, въ сущности и въ подробностяхъ своего ученія онъ проповѣдуетъ то, чѣмъ въ свое время вооружалъ противъ себя всю Англію Шелли. И теперь это утвержденіе созрѣвшей на вѣковомъ опытѣ идеи пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что она прошла черезъ проповѣдь Толстого. Бернардъ Шоу не толстовецъ; его творчество сложилось внѣ всякаго вліянія Толстого, съ религіозными идеями котораго онъ рѣзко спорилъ, преклоняясь передъ его художественнымъ геніемъ, но не передъ его проповѣдью. Но въ борьбѣ за нравственное просвѣтлѣніе человѣчества, за чистоту и одухотворенность жизни они сходятся, и Бернардъ Шоу завершаетъ дѣло, начатое сто лѣтъ тому назадъ Шелли и продолженное геніемъ Толстого. Эта преемственность основной идеи составляетъ па-

ѳосъ Бернарда Шоу, придаетъ глубину его творчеству, выводя его за преграды чистой литературности и поднимая его на высоту идейной борьбы.

Бернардъ Шоу сатирикъ—сатирикъ вызывающей дерзости, ирландской дерзости, какъ говорятъ въ Англіи. Онъ воистину «неистовый ирландецъ». По его собственнымъ словамъ, его сердитъ, «что люди чувствуютъ себя хорошо и спокойно, когда имъ совершенно не слѣдовало бы быть спокойными». Его задача—вывести людей изъ равновѣсія своей проповѣдью. Врагъ, съ которымъ онъ борется,—это то, что люди называютъ добропорядочностью, та спокойная и пропитанная предразсудками атмосфера, которая окружаетъ англійскую жизнь. Ее онъ хочетъ разсѣять. Онъ хочетъ разбудить людей и открыть имъ пустоту ихъ существованія: «Я видѣлъ», пишетъ онъ торжествующимъ тономъ, «какъ люди выходили изъ театра послѣ представленія моихъ пьесъ безпредѣльно возмущенные мною, потому что я заставилъ ихъ думать, потому что я вызвалъ въ нихъ духъ протеста и заставилъ ихъ стыдиться самихъ себя». Эти слова нельзя назвать скромными, но Бернардъ Шоу вообще скромностью не отличается. Отсутствіе скромности въ немъ, однако, не мелкое, далеко не обывательское, а идейное. Онъ выступаетъ въ роли общественнаго реформатора, а по его глубокому убѣжденію, дѣло это требуетъ дерзновенія. И, дѣйствительно, всѣ писанія Бернарда Шоу переносятъ насъ въ атмосферу дерзновеннаго учительства. Идейнымъ обоснованіемъ дерзновенія и учительства является взглядъ Бернарда Шоу на цѣли жизни и бытія, взглядъ, ярче всего высказанный въ драмѣ «Человѣкъ и сверхъ-человѣкъ», въ фантастическомъ разговорѣ Донъ Жуана съ Дьяволомъ. Тамъ Бернардъ Шоу доказываетъ, что главная цѣль жизни самоопредѣленіе, работа мысли. «Главное въ жизни—разумъ», говоритъ Бернардъ Шоу устами своего Донъ Жуана. Физическимъ человѣкомъ владѣетъ сила жизни, стихійное начало, приспособляющее человѣка къ цѣлямъ природы. Въ своей творческой работѣ надъ живыми организмами сила жизни создала органъ зрѣнія, глазъ, предохраняющій человѣка отъ тысячи опасностей, которыя грозили менѣе совершеннымъ организмамъ. Точно также на путяхъ духовнаго самоопредѣленія съ его высшими цѣлями, независимыми отъ физической силы жизни, человѣкомъ руководитъ разумъ, какъ нѣкое внутреннее око, устремленное не на физическій и матерьяльный міръ, а на цѣль жизни. Онъ научаетъ стремленію къ истинной для духа цѣли, не давая уклоняться въ сторону близорукаго преслѣдованія личныхъ цѣлей. Въ этомъ

смыслѣ Бернардъ Шоу ставитъ самопознающій разумъ на вершину духовной жизни человѣка. Онъ подчиняетъ ему и чувственный разумъ, создающій искусство, ибо искусство путемъ красоты увлекаетъ человѣка въ сторону романтизма, удаляя его отъ исканія цѣли бытія.

Исканіе цѣли—вотъ во имя чего разбиваетъ все на своемъ пути «неистовый ирландецъ»—Бернардъ Шоу. Расходясь съ Толстымъ, онъ идетъ въ своихъ исканіяхъ путемъ разума, а не чувства, не любви, какъ Толстой. Но такова сила истинныхъ идей или, вѣрнѣе, истинныхъ цѣлей, что при всемъ своемъ постоянномъ протестѣ противъ всего романтичнаго, подсказываемаго чувствомъ, Бернардъ Шоу и во имя разума приходитъ къ тѣмъ же практическимъ выводамъ, къ проповѣди солидарности, взаимопомощи—и даже къ идеѣ воздержанія и простой жизни. Толстой проповѣдывалъ любовь и шелъ творческимъ путемъ любви и единенія. Бернардъ Шоу идетъ путемъ разрушительнымъ, отметая отъ себя всѣ устои своими сарказмами. Но паѳосъ ихъ тотъ же, то же исканіе внутренной цѣли, то же стремленіе облагородить, одухотворить жизнь. Идя по этому пути, Бернардъ Шоу творитъ живое дѣло—и его многочисленные послѣдователи—«шевіанцы», какъ ихъ называютъ въ Англіи, видятъ въ немъ не только талантливаго писателя, радующаго своимъ художественнымъ творчествомъ, но и учителя жизни, *создавшаго нравственный ладъ и построившаго на немъ свою жизнь*. Бернарда Шоу и слѣдуетъ понимать главнымъ образомъ со стороны этихъ имъ проповѣдуемыхъ идей, озаряющихъ всѣ его художественныя произведенія.

Бернардъ Шоу—ирландецъ. Среди ирландцевъ одинъ только Оскаръ Уайльдъ скрывалъ изъ особаго—мало намъ понятнаго—эстетизма свое ирландское происхожденіе, потому что въ то время ирландцевъ преслѣдовали, а онъ не любилъ быть въ станѣ угнетенныхъ. Подобно большинству своихъ соплеменниковъ, Бернардъ Шоу, напротивъ, сильно настаиваетъ на своей обособленности и любитъ противополагать себя англичанамъ, дѣлая это съ большой рѣзкостью. «Я никакъ не могу счесть англичанина своимъ соотечественникомъ», говоритъ Бернардъ Шоу въ предисловіи къ одной изъ своихъ пьесъ; «скорѣе я согласенъ признать таковымъ нѣмца». Для него коренное различіе между англичанами и ирландцами заключается въ томъ, что ирландецъ «видитъ факты», а англичанинъ «живетъ въ отвлеченныхъ понятіяхъ». Отсюда слѣдуетъ, что англичанинъ жертва своихъ представленій о нравственности, а ирландецъ видитъ и понимаетъ

реальную жизнь, а потому способенъ творчески преобразить ее. И дѣйствительно, что касается самого Бернарда Шоу, то его жизнь, столь же интересная, какъ его произведенія, главнымъ образомъ отличается тѣмъ, что онъ все творчески преображалъ, проходя черезъ много разнообразныхъ увлеченій; очень въ сущности податливый чужимъ вліяніямъ, онъ умѣлъ все воспринятое зажигать новымъ огнемъ.

Жизнь Бернарда Шоу состояла изъ яркихъ переживаній и перевоплощеній, которыя вели его къ тому, что онъ самъ считаетъ паѳосомъ своей жизни, «къ проявленію цѣли существованія своего на землѣ». Онъ родился въ Дублинѣ, въ 1856 году, въ семьѣ, принадлежащей къ тому самому среднему классу, который онъ потомъ такъ вышучивалъ въ своихъ сатирахъ. Даже особая черта англійской жизни, подмѣченная имъ—преклоненіе предъ титулами, передъ феодальной іерархіей,—тоже наблюдалась въ его семьѣ, состоявшей въ родствѣ съ нѣкимъ баронетомъ. Вокругъ него группировались всѣ помыслы семьи, озаренной величіемъ титулованнаго родственника. Ближе всѣхъ въ семьѣ Бернарда Шоу была его мать, музыкантша, развившая въ немъ природныя музыкальныя способности, которыя потомъ сказались и въ его писаніяхъ о музыкѣ, и въ проповѣди Вагнера, и въ непосредственномъ музыкальномъ дарованіи. Семья Бернарда Шоу была протестантская, и онъ съ дѣтства былъ предубѣжденъ противъ католичества, какъ религіи, въ которой играетъ роль воображеніе. Онъ учился въ протестанской школѣ, но съ дѣтства никакихъ религіозныхъ традицій у него не было. Онъ считалъ себя атеистомъ, и еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ выступилъ съ протестомъ по поводу пріѣзда въ городъ проповѣдниковъ, желавшихъ поднять религіозный духъ народа. Такого рода «воскрешеніе религіи» (revivals) до сихъ поръ въ ходу и въ Америкѣ, и въ Англіи, а въ частности въ Ирландіи, куда являются проповѣдники и, гипнотизируя толпу, дѣйствительно часто доводятъ ее до настоящаго религіознаго экстаза.

Бернардъ Шоу отнесся съ юношеской рѣзкостью къ тому, что̀ ему казалось безсмысленнымъ, и написалъ атеистическое письмо въ газеты, въ чемъ, однако, позже раскаялся, научившись цѣнить всякое проявленіе духовности. Нужно сказать, однако, что хотя Бернардъ Шоу не получилъ сознательныхъ религіозныхъ впечатлѣній въ дѣтствѣ, но въ немъ духъ протестантства, или даже почти пуританства, несомнѣнно, существуетъ, составляя благородный элементъ его творчества. Критикъ Честертонъ прямо называетъ его кальвинистомъ, противъ чего Бернардъ Шоу про-

тестуетъ, но не особенно горячо, потому что понимаетъ, что въ этомъ есть истина. Вся англійская, а особенно американская культура проникнута далекими отголосками кальвинизма, принявшаго въ Англіи характеръ пуританства, почти мистической вѣры въ опредѣленную цѣль человѣка, которую онъ долженъ выполнить въ жизни. Бернардъ Шоу постоянно настаиваетъ на томъ, что для него самое главное—сознать цѣль жизни и ее проявить. И это говоритъ въ немъ его пуританское наслѣдіе, отъ котораго ему и не слѣдуетъ открещиваться. Есть въ этомъ пуританскомъ наслѣдіи и нѣчто другое: изображая въ своихъ пьесахъ разные типы, большей частью отрицательные, Бернардъ Шоу рисуетъ ихъ какъ бы окаменѣвшими въ своихъ недостаткахъ. Осуждая въ человѣкѣ ту или другую черту, Бернардъ Шоу какъ бы навѣки осуждаетъ человѣка за нее. Это и дѣлаетъ нѣкоторыя пьесы сатирами, а не психологическими драмами. Характеры Бернарда Шоу не развиваются, а только проявляютъ свою основную черту. Но все же въ пуританствѣ Бернарда Шоу, въ перевѣсѣ въ немъ учителя жизни надъ драматургомъ и писателемъ по общественнымъ вопросамъ больше положительнаго, чѣмъ отрицательнаго: пуританство легло въ основу его идеалистическаго пониманія смысла бытія.

Бернардъ Шоу не получилъ университетскаго образованія и рано, какъ это бываетъ въ среднихъ англійскихъ семьяхъ, сталъ искать заработка и служилъ у земельнаго агента, гдѣ долженъ былъ проявлять практичность, содѣйствовать сбору податей и всячески, какъ онъ впослѣдствіи говорилъ, помогать капиталу порабощать трудъ. Эти занятія, при всей ихъ непривлекательности, научили пылкаго, молодого ирландца аккуратности и дѣловитости, которую онъ сохранилъ и тогда, когда въ немъ проявилась его духовная личность... Но онъ не долго продолжалъ эту работу и переѣхалъ съ матерью въ Лондонъ, гдѣ занялся литературнымъ трудомъ, при чемъ въ первое время чрезвычайно нуждался. Воспоминаніе объ этомъ времени, очень тяжеломъ въ матеріальномъ отношеніи, осталось у Бернарда Шоу въ одной его чертѣ. Такъ какъ онъ все умѣлъ переживать внутренно, то даже тотъ фактъ, что онъ ходилъ въ очень потертой и истрепанной одеждѣ, превратился для него въ своего рода переживаніе, и своему костюму бѣдняка онъ придалъ характеръ оригинальности. И эта оригинальность въ одеждѣ, порожденная вначалѣ нуждой, сохранилась у него и потомъ, когда онъ имѣлъ возможность слѣдовать модѣ: онъ продолжалъ носить неизмѣнный костюмъ табачнаго цвѣта, въ которомъ всѣ знакомые знали его въ теченіе многихъ лѣтъ. И теперь, когда Бернардъ Шоу

вошелъ въ большую славу и обладаетъ крупными средствами, онъ носитъ довольно странную одежду изъ какой-то рыжей шерстяной ткани, и едва-ли когда-либо одѣвается иначе. Одной русской дамѣ, обратившей вниманіе на его костюмъ, онъ объяснилъ, что у его жены въ ея имѣніи въ Ирландіи есть овцы, шерсть которыхъ никому не нравится. Поэтому ему и приходится постоянно носить ткань изъ этой шерсти. Онъ даже добродушно предложилъ дамѣ надѣлить и ее такой же матеріей на платье, отъ чего она, однако, отказалась.

Вся жизнь Бернанда Шоу въ Лондонѣ, начиная съ первыхъ крупныхъ шаговъ, была духовнымъ переживаніемъ разныхъ вліяній и воплощеніемъ ихъ въ активной дѣятельности. Писать художественныя произведенія онъ началъ очень рано, еще до своего увлеченія общественными движеніями. Но рукописи, которыя онъ посылалъ по разнымъ редакціямъ, отсылались ему обратно. Въ томъ числѣ его первый романъ, который впослѣдствіи имѣлъ успѣхъ, былъ отосланъ ему сначала завѣдующимъ литературнымъ отдѣломъ въ одномъ издательствѣ Джорджемъ Мередитомъ. Что касается другого изъ первыхъ его романовъ подъ заглавіемъ «Безсмертіе», то, по увѣренію Бернарда Шоу, не только редакторы не дочитали его, но даже мыши не догрызли рукопись, когда онъ ее окончательно сдалъ въ архивъ.

На путь общественной дѣятельности Бернарда Шоу натолкнулъ Шелли, которымъ онъ увлекался не только, какъ поэтомъ, а главнымъ образомъ, какъ проповѣдникомъ гуманитарныхъ идей. Подъ вліяніемъ Шелли Бернардъ Шоу сдѣлался съ молодыхъ лѣтъ вегетаріанцемъ и остался таковымъ до сихъ поръ. Онъ говоритъ, что «ужасъ поѣданія обугленныхъ труповъ животныхъ—каннибальство, даже безъ оправдывающаго его геройскаго добыванія умерщвленной пищи—становится невозможнымъ съ той минуты, когда вмѣсто безсознательной привычки оно дѣлается сознательнымъ».

Впечатлительный ко всякимъ идейнымъ вліяніямъ, Бернардъ Шоу загорѣлся въ началѣ 80-хъ годовъ идеями Маркса, говоря, что «марксизмъ открылъ ему цѣль въ жизни». Это было для него всегда главнымъ: его привязывало все, въ чемъ онъ видѣлъ исканіе цѣли. Потомъ увлеченіе могло пройти, одно вліяніе могло смѣниться другимъ или подвергнуться разрушительной критикѣ. Но пока онъ работалъ въ томъ или другомъ направленіи, онъ отдавался дѣлу всей душой и умѣлъ достигать результатовъ. Во всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ участвовалъ Бернардъ Шоу, онъ былъ всегда на аванпостахъ, всегда застрѣльщикомъ.

Отъ ортодоксальнаго марксизма Бернардъ Шоу черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ къ фабіанству и до сихъ поръ остается однимъ изъ главныхъ дѣятелей его. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этой разновидности соціализма, которая заключается просто въ большей умѣренности, въ замѣнѣ классовой борьбы пропагандой идей соціализма въ буржуазномъ классѣ. Есть, конечно, извѣстная доля наивности въ желаніи привить буржуазіи идеи, ей враждебныя; но фабіанство характерно, какъ чисто англійское явленіе. Англичане убѣждены въ томъ, что всякая правда, если она такова, должна побѣдить. Имъ кажется поэтому, что стóитъ доказать буржуазіи внутреннюю правду соціализма, и она откажется отъ своихъ эгоистическихъ интересовъ и приметъ эту правду. Медленный темпъ фабіанства, его вѣра въ возможность утвержденія соціалистическихъ идей помимо революціонныхъ путей, все это отвѣчаетъ реформаторской потребности Б. Шоу, его стремленію влiять на души человѣческія. Ему казалось—и кажется—что соціалистомъ можно быть всегда, не мѣняя своей дѣятельности въ жизни. «Будьте на высотѣ идейнаго пониманія въ вашемъ собственномъ дѣлѣ и занятіи», говоритъ онъ молодымъ соціалистамъ,—«и тогда вы можете сказать каждому, что вы соціалисты». Онъ вѣритъ въ побѣду соціализма путемъ пропаганды, и его общественный идеалъ—сознательная національзація человѣческихъ силъ для болѣе полной и болѣе глубокой жизни, для жизни, основанной на власти и свободѣ, а не на слабости и подчиненіи. Онъ мечтаетъ о государствѣ, въ которомъ свобода сильнаго человѣка сходилась бы съ желаніями соціальнаго сознанія и съ наибольшимъ развитіемъ человѣческихъ силъ.

Ничего самобытнаго Бернардъ Шоу въ теорію соціализма, конечно, не внесъ, и фабіанство для него въ сущности только путь къ его собственному творческому дѣлу. Но путь этотъ его привлекаетъ, ибо, при англійской практичности во всѣхъ жизненныхъ дѣлахъ, фабіанство является цѣлымъ укладомъ жизни. Фабіанецъ не только исповѣдуетъ соціалистическія идеи—программы, правда, менѣе чѣмъ минимальной—но и долженъ быть строго нравственнымъ человѣкомъ въ свободномъ смыслѣ слова, долженъ слѣдовать правиламъ такъ наз. простой жизни,—конечно, быть вегетаріанцемъ, конечно защищать суфражистокъ и даже одѣваться въ особыя эстетически-непринужденныя дешевыя одежды. Фабіанцы—мужчины и женщины—очень опредѣленный типъ, который въ Англіи бросается въ глаза при посѣщеніи вегетаріанскихъ ресторановъ, митинговъ и всевозможныхъ лекцій, вплоть до лекцій по оккультнымъ ученіямъ востока. Интеллектуальная любозна-

тельность — тоже одна изъ чертъ фабіанства. Въ общемъ, это своего рода интеллигентное пуританство—этимъ оно и привлекло Бернарда Шоу. Его въ общественной жизни больше всего возмущаетъ бѣдность и недостатокъ культурныхъ условій—и ему кажется, что фабіанство путь къ искорененію этихъ золъ.

Какъ пропагандистъ фабіанскихъ идей, Бернардъ Шоу съ его необычайнымъ діалектическимъ даромъ и ораторскимъ талантомъ сдѣлалъ очень много. Количество его фабіанскихъ брошюръ неисчислимо, число рѣчей безконечно. Проникнутыя тонкимъ юморомъ статьи и рѣчи Бернарда Шоу больше содѣйствуютъ распространенію фабіанскихъ идей, чѣмъ многотомные трактаты. Какъ на примѣръ его остроумнаго стиля можно указать на знаменитую статью «Соціализмъ для милліонеровъ», гдѣ, борясь противъ нищеты и неправильнаго распредѣленія богатствъ, Б. Шоу прибѣгаетъ къ эксцентрическому юмору. Выражая до нѣкоторой степени свое соболѣзнованіе милліардерамъ, онъ доказываетъ, что положеніе ихъ нестерпимо. Онъ говоритъ о томъ, до какихъ предѣловъ человѣкъ можетъ извлекать наслажденіе изъ увеличенія своихъ тратъ, и указываетъ на несчастное положеніе милліардеровъ, которые ничего не могутъ подѣлать со своими милліонами, потому что, пользуясь всѣми удобствами и всей роскошью жизни, все же не могутъ быть два раза въ театрѣ въ одинъ и тотъ же вечеръ, носить два платья въ одно и то же время и ѣсть больше, чѣмъ ихъ дворецкій; у нихъ, значитъ, остаются однѣ только заботы отъ чрезмѣрности ихъ благъ, остается чтеніе просительныхъ писемъ, которыми ихъ забрасываютъ. И въ то же время они лишены очаровательныхъ грезъ бѣднаго человѣка, строящаго планы на тотъ случай, если какой-нибудь невѣдомый родственникъ оставитъ ему состояніе. Выводъ изъ этихъ соболѣзнованій несчастіямъ милліардеровъ простой. Нужно освободить ихъ отъ невыгодъ ихъ слишкомъ завиднаго положенія—нужно иначе распредѣлять блага, чтобы не получалось абсурда, который Бернардъ Шоу и хочетъ наглядно показать.

Въ разработкѣ Бернарда Шоу соціализмъ утрачиваетъ всякую узкую партійность и становится мятежно-индивидуалистическимъ. Бернардъ Шоу проповѣдуетъ коллективизмъ, онъ чувствуетъ презрѣніе — и высказываетъ его—къ «частнымъ жизнямъ», не связаннымъ съ общими интересами общества, онъ требуетъ, чтобы каждый человѣкъ въ отдѣльности служилъ общему дѣлу. Но самый идеалъ общественности у него болѣе широкій, не узко экономическій, а обнимающій полноту духовной жизни.

Б. Шоу пользуется заслуженной славой какъ проповѣдникъ,

какъ ораторъ. Онъ говоритъ передъ самыми разнородными аудиторіями, всегда увлекая слушателей, будь то университетскіе профессора и студенты, или собравшіяся на митингъ прачки. Его рѣчи любятъ даже тѣ, противъ которыхъ онѣ направлены. Благодаря своей прославленной парадоксальности Бернардъ Шоу можетъ всѣмъ говорить правду, онъ опрокидываетъ всѣ общепринятыя понятія и свои трезвыя истины проводитъ какъ парадоксы. Онъ часто объясняетъ тайну своего всегда нравящагося юмора тѣмъ, что въ сущности онъ говоритъ самыя серьезныя вещи, но всегда самое простое сходитъ за самое непонятное и парадоксальное. Онъ читаетъ часто въ самыхъ аристократическихъ собраніяхъ—за большія деньги въ пользу разныхъ соціалистическихъ организацій,—и разсказываетъ въ такихъ случаяхъ своей избранной публикѣ изъ highlife'а, что воры это не тѣ люди, которыхъ сажаютъ въ тюрьму, а тѣ, которые благоденствуютъ, получая крупные доходы со своихъ владѣній и т. д. Благодаря тому, что все это произносится въ парадоксальной формѣ, англійская аудиторія не видитъ въ рѣзкостяхъ Шоу серьезной угрозы и охотно его слушаетъ. А у него всегда остается надежда, что не только они его выслушаютъ, но еще и повѣрятъ ему. Англичане люди активные и, повѣривъ оратору, пойдутъ за нимъ, куда онъ ихъ поведетъ. Парадоксальность, или какъ онъ говоритъ, мнимая парадоксальность, служитъ Бернарду Шоу своего рода оружіемъ, благодаря которому онъ можетъ самымъ кощунственнымъ образомъ относиться къ общепринятой морали и провозглашать самыя горькія общественныя истины, не подвергаясь такимъ нападкамъ, какимъ, напримѣръ, подвергался Оскаръ Уайльдъ.

Общественная дѣятельность Бернарда Шоу выразилась не только въ его фабіанствѣ, но и въ близости къ другому общественному движенію, болѣе крайнему,—къ движенію Вильяма Морриса, анархическому, но не въ смыслѣ революціонномъ. Бернардъ Шоу былъ близокъ къ Моррису и къ прерафаэлитамъ, въ которыхъ его привлекала сторона художественная, то отношеніе искусства къ жизни, которое они устанавливали. Многообразіе духовныхъ силъ Б. Шоу сказывается въ самыхъ разнообразныхъ профессіяхъ,—которыя онъ одновременно совмѣщалъ, прежде чѣмъ окончательно отдался творчеству сценическому. Соціалистическая дѣятельность требовала въ свое время много силъ и времени. Б. Шоу ѣздилъ по городамъ Англіи съ цѣлью пропаганды, говорилъ на всевозможныхъ митингахъ, стараясь всегда увлечь и убѣдить аудиторію въ своей

правотѣ. Такъ онъ разсказываетъ, что однажды говорилъ на Трафальгэръ Сквэрѣ, и полиція разогнала публику. Былъ проливной дождь, и его слушали только пять полицейскихъ въ непромокаемыхъ плащахъ. Но и эту свою аудиторію ему захотѣлось покорить себѣ, и, быть можетъ, впервые полисмены внимательно выслушали убѣдительную рѣчь о соціалистическихъ идеяхъ.

На-ряду съ огромными обязанностями, налагаемыми на него въ связи съ такого рода общественной дѣятельностью, Бернардъ Шоу былъ долгое время художественнымъ критикомъ. Сначала онъ писалъ о картинахъ, потомъ о музыкѣ и о литературѣ. Его критическая дѣятельность была тоже опредѣленной идейной пропагандой. Объединивъ себя съ коллективизмомъ въ общественной дѣятельности, онъ въ литературѣ сдѣлался въ Англіи пророкомъ Ибсена и Ницше, а также Вагнера въ музыкѣ. Очень характерна эта близость Б. Шоу ко всѣмъ духовнымъ движеніямъ, волновавшимъ Европу въ концѣ минувшаго и въ началѣ нашего столѣтія. Онъ въ высшей степени воспріимчивъ къ идеямъ, но самъ теоретически творческаго въ міръ идейный ничего не вноситъ. На идейномъ содержаніи его драмъ отразились Шопенгауеръ, Ибсенъ и Ницше, такъ же какъ въ его экономическихъ взглядахъ играли главную роль Марксъ, а потомъ Моррисъ. Но сила Бернарда Шоу не въ отвлеченномъ идейномъ творчествѣ, а въ его жизненности, въ томъ, что, отдаваясь своему художественному чутью и неистовому юмору, онъ умѣетъ не только проводить въ жизнь то, что воспринимаетъ его душа, но и возсоздавать по-своему воспринятое имъ. Когда Б. Шоу сталъ пропагандировать Ибсена, то дѣлалъ это съ такимъ пыломъ, что говорили, будто есть одинъ Богъ-Ибсенъ, и Бернардъ Шоу его пророкъ. Ибсенъ его привлекалъ своимъ реализмомъ, своей борьбой за интеллектуальное и духовное освобожденіе личности, своимъ мятежомъ противъ мелкой нравственности современнаго общества.

Фабіанецъ, ибсенистъ, вагнеріанецъ, ницшеанецъ и въ каждомъ изъ этихъ теченій пламенный и убѣдительный проповѣдникъ, Бернардъ Шоу умѣлъ покорять слушателей и читателей еще до того, какъ воцарился на сценѣ. А сосредоточившись за послѣднія 10—15 лѣтъ почти исключительно на драматургической дѣятельности, онъ достигъ, дѣйствительно, необычайной популярности. Б. Шоу, неистовый критикъ всего святого для среднихъ людей Англіи, сдѣлался настоящимъ баловнемъ англійской публики. Онъ самъ, иронизируя надъ своей славой, какъ вообще

надъ всѣмъ установленнымъ, разсказывалъ недавно, какъ получилъ отъ издателя какого-то распространеннаго журнала предложеніе написать за чрезвычайно крупный гонораръ нѣсколько страницъ на какую угодно тему. Бернардъ Шоу отказался за неимѣніемъ досуга, но издатель продолжалъ настаивать и, въ концѣ концовъ, предложилъ дать тотъ же гонораръ только за подпись. «Статью-то мы сами напишемъ», прибавилъ онъ съ наивно-коммерческимъ краснорѣчіемъ. Бернарду Шоу популяренъ своимъ юморомъ, и его появленіе на ораторской трибунѣ всегда вызываетъ заранѣе восторгъ массъ. Его внѣшность бросается въ глаза. Его называютъ кельтскимъ Мефистофелемъ. Дѣйствительно, высокая, немного согбенная фигура и исключительно длинное лицо, окаймленное прежде рыжими, а теперь сильно посѣдѣвшими волосами, проницательный взглядъ блѣдныхъ глазъ изъ-подъ нависшихъ бровей создаютъ до нѣкоторой степени маску Мефистофеля, которой, однако, не соотвѣтствуетъ выраженіе его лица, саркастическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнаго и благожелательнаго. Скульптурностью своего лица Бернардъ Шоу привлекаетъ лучшихъ ваятелей современной Европы. Есть его великолѣпный бюстъ, сдѣланный Роденомъ, и другой—работы Трубецкого. Въ лицѣ его чувствуется большая воспріимчивость къ впечатлѣніямъ и особая полнота жизни, веселость. Онъ точно самъ славитъ жизнь и ждетъ того же отъ своего собесѣдника. Той хмурости, которая часто отмѣчаетъ мыслителей и писателей сѣверныхъ странъ, въ немъ совершенно нѣтъ, что̀, можетъ быть, и объясняется его простыми привычками жизни и одухотворенностью всего его существа. Онъ искренно смѣется, шутитъ и говоритъ о себѣ въ такомъ же ироническомъ тонѣ, какъ и о другихъ. Очень забавно, напримѣръ, разсказываетъ самъ Бернардъ Шоу о своей женитьбѣ на ирландкѣ миссъ Тоунхэдъ, которая вышла за него замужъ послѣ очень тяжелой его болѣзни. Онъ долго былъ боленъ послѣ несчастнаго случая, и она за нимъ ухаживала. Свадьба ихъ состоялась, когда Бернардъ Шоу еще не совершенно выздоровѣлъ и ходилъ на костыляхъ. «Я былъ очень боленъ, когда женился»—разсказывалъ потомъ въ печати Б. Шоу, — «ходилъ на костыляхъ и пришелъ въ старой жакеткѣ, потертой отъ костылей. Я пригласилъ въ качествѣ свидѣтелей моихъ друзей Уолэса и Сиднея, извѣстнаго біографа Шелли. Они, для большей торжественности, одѣты были очень парадно. Чиновникъ въ конторѣ для регистраціи браковъ и представить себѣ не могъ, что это я женихъ. Онъ принялъ меня за неизбѣжнаго нищаго, который идетъ обыкновенно въ хвостѣ свадебной процессіи. Уолэсъ, очень высокій чело-

вѣкъ, казался ему героемъ всего происходящаго, и онъ уже собирался внести его имя рядомъ съ именемъ моей невѣсты, когда Уолэсъ, находя, что относительно него принимается слишкомъ много формальностей, хотя онъ только простой свидѣтель, въ послѣднюю минуту поколебался и предоставилъ виновницу торжества мнѣ».

Остроуміе и юморъ Б. Шоу, сказывающіеся не только въ его произведеніяхъ, но и въ жизни, сдѣлали его самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Англіи, авторитетомъ въ вопросахъ искусства и литературы. Въ свое время идя наперекоръ условнымъ вкусамъ, онъ, первый сталъ защищать Ибсена и Вагнера и проповѣдывать ихъ въ Англіи. Теперь онъ одинъ изъ немногихъ англичанъ, которые понимаютъ русскихъ писателей, въ особенности Чехова. Когда въ Лондонѣ ставился «Вишневый садъ», то всѣ критики были въ ужасѣ. Имъ эта пьеса казалась непонятной и возмутительной, переворачивающей всѣ понятія. Лопахинъ представлялся имъ джентльменомъ, дающимъ Гаеву и Раневской самые благіе совѣты вопреки своимъ интересамъ; они же представлялись англичанамъ совершенно неинтересными глупцами. Только одинъ Б. Шоу сразу не только понялъ, но и вошелъ въ атмосферу Чехова и на генеральной репетиціи «Вишневаго сада» былъ глубоко взволнованъ. Онъ громко говорилъ знакомымъ, что перестаетъ писать, такъ какъ на примѣрѣ Чехова видитъ, каково настоящее творчество. Писать онъ, конечно, не пересталъ, но нельзя не поставить ему въ большую заслугу пониманіе русскаго писателя, чуждаго иностраннымъ вкусамъ.

Но если Бернардъ Шоу популяренъ въ значительной степени благодаря своей личности, уму, обращенному не только на творчество, но и въ сторону жизни, проявляющемуся не только въ важныхъ, но и въ маловажныхъ случаяхъ, то все же основа его славы въ Англіи и за предѣлами Англіи—его произведенія, и не только его соціалистическія статьи, излагающія установленные взгляды, или критическія, имѣющія злободневный интересъ, но главнымъ образомъ его комедіи. До нихъ Б. Шоу написалъ нѣсколько романовъ, но все то, что было намѣчено въ романахъ, болѣе рѣзко и опредѣленно повторяется потомъ въ его комедіяхъ, опредѣляющихъ значеніе его въ литературѣ.

Бернардъ Шоу выступилъ со своими первыми драматическими произведеніями въ очень яркій и напряженный моментъ англійской духовной жизни. Уже во второй половинѣ XIX вѣка въ Англіи начался рѣзкій переломъ въ литературѣ и искусствѣ. Страннымъ образомъ переломъ этотъ прежде всего совершился

въ эстетическихъ понятіяхъ. Нужно было побороть вѣковое безвкусіе, укоренившееся въ англійской жизни, и въ этой борьбѣ Англія эстетически переродилась и даже сдѣлалась законодательницей вкуса для другихъ странъ. Свершился этотъ эстетическій переломъ благодаря прерафаэлитамъ, черезъ которыхъ волна эстетизма перекинулась на другія страны. А вслѣдъ за прерафаэлитами ихъ дѣло продолжалъ Оскаръ Уайльдъ, революціонеръ и борецъ въ эстетической области.

Но и въ эстетически переродившейся Англіи, гдѣ, по словамъ Оскара Уайльда, послѣ Росетти и Берне Джонса всѣ женщины сдѣлались похожими на ихъ модели, предразсудки же Англіи остались прежними, жизнь продолжала итти все въ тѣхъ же рамкахъ условныхъ понятій. Дѣло эстетовъ-прерафаэлитовъ было болѣе опредѣленное. Они творили красоту, и она становилась фактомъ, строили красивые дома, и эти дома замѣняли прежніе, уродливые, вводили въ обиходъ ткани прекрасныхъ цвѣтовъ, и прежніе, оскорбляющіе эстетическое чувство, цвѣта перестали существовать. Но преобразователю нравовъ, борцу противъ предразсудковъ было труднѣе. Ему нужно было ополчиться противъ искаженныхъ остатковъ пуританства, застрявшихъ въ англійской жизни, нужно было открывать глаза, убѣждать людей жить по-иному. Эта борьба и была введена въ литературу Бернардомъ Шоу и его сатирами. Драматическая дѣятельность его началась съ обличенія узости англійскихъ нравовъ и съ утвержденія болѣе широкихъ жизненныхъ началъ.

Драматическій талантъ Бернарда Шоу сказался въ томъ, что то, чего онъ достигалъ, выходило за предѣлы поставленныхъ имъ себѣ цѣлей. Онъ, съ одной стороны, искалъ репертуара для обновленнаго театра. Создались новыя театральныя общества, новые театры для борьбы съ условнымъ, совершенно мертвымъ репертуаромъ, который, кстати сказать, продолжаетъ царить на англійской сценѣ и до сихъ поръ за рѣдкимъ исключеніемъ, такимъ какъ предшественника Бернарда Шоу—Оскара Уайльда, самого Бернарда Шоу, затѣмъ двухъ-трехъ, какъ Гольсворти, Фильпотсъ и нѣсколько другихъ. Съ другой стороны, Бернардъ Шоу писалъ драмы съ цѣлью обличенія очень опредѣленныхъ и очень узкихъ явленій общественной жизни. Его репутація парадоксальности и революціонности связана въ самой Англіи съ тѣмъ, что въ сущности наименѣе цѣнно въ немъ, съ его борьбой противъ явленій, давно уже никого не волнующихъ, не только у насъ, съ нашими болѣе сво-

бодными взглядами, но и въ болѣе узкой въ этомъ отношеніи Франціи. Когда Бернардъ Шоу начинаетъ отстаивать права свободной любви и говоритъ о незаконныхъ бракахъ, какъ о чемъ-то совершенно не страшномъ, или отстаивать женщину, нарушившую пуританское понятіе добродѣтели, то, конечно, это не поражаетъ насъ своей смѣлостью, какъ это поражаетъ въ Англіи. Но не въ этомъ дѣло въ драмахъ Бернарда Шоу. Мысль его всегда заходитъ дальше простой сатиры. Первыми своими пьесами, установившими его репутацію, были двѣ: «Дома вдовцовъ» и «Профессія г-жи Уоренъ». Послѣдняя пьеса извѣстна и въ Россіи и шла на русской сценѣ. Эта пьеса казалась въ Англіи страшно смѣлой, разрушающей предразсудки. Она смѣлая, но не тѣмъ, за что считается смѣлой въ Англіи. Содержаніе пьесы извѣстно: м-ссъ Уоренъ живетъ на средства, почерпнутыя ею изъ источника, не одобряемаго никакимъ обществомъ, не только англійскимъ. На эти нечистыя средства она воспитываетъ свою дочь. Но когда дѣвушка узнаетъ объ этомъ, она уходитъ изъ дому. Тогда м-ссъ Уоренъ объясняетъ причину своего паденія. Въ пьесѣ два совершенно разныхъ замысла. Есть замыселъ, тѣсно связанный съ соціалистическими настроеніями автора есть желаніе показать, что профессія миссъ Уоренъ лежитъ на отвѣтственности общества, и что напрасно ее лишаютъ правъ на уваженіе. Какъ разъ это объясненіе нравственнаго зла и кажется революціоннымъ въ Англіи. Для насъ эта сторона мало интересна; у насъ слишкомъ глубоко захватывали тему паденія женщины наши великіе писатели, чтобы послѣ Достоевскаго можно было интересоваться соціалистическими декламаціями о правахъ падшей женщины и о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность. Но не это интересно въ пьесѣ. Интересенъ идейный замыселъ, приравнивающій «Профессію г-жи Уоренъ» къ Ибсеновской «Норѣ». Героиней пьесы собственно является не сама м-ссъ Уоренъ съ ея порокомъ и дешевой добродѣтелью, а ея дочь, для которой долгъ передъ самой собой выше долга передъ матерью: она уходитъ, какъ уходитъ Нора; уходитъ для того, чтобы жить собственной жизнью. Интересна и другая мысль, мысль о томъ, что нельзя ничего дѣлать безнаказанно, что всякое дѣйствіе таитъ въ себѣ свой рокъ, и что если м-ссъ Уоренъ распорядилась судьбой своей дочери, то она должна нести всѣ послѣдствія того, что она взяла на свою волю чужую жизнь. За всякое зло наступаетъ трагическая расплата. Это идея отчасти Ибсеновскихъ «Привидѣній».

Бернардъ Шоу въ этой пьесѣ, доставившей ему имя на сценѣ, ближе всего къ Ибсену, главнымъ образомъ по настроенію, по духу мятежа въ молодой дѣвушкѣ, возставшей противъ чужой воли, посягнувшей на ея судьбу, и въ матери, ищущей себѣ оправданіе въ обществѣ. Нѣкоторые критики упрекали Бернарда Шоу за эти близости къ темамъ Ибсена, къ его идеямъ фатализма и къ темѣ о мятежной душѣ. Но Бернардъ Шоу самъ отлично отвѣтилъ на эту критику: «Если драматургъ, живя среди самыхъ многообразныхъ интересовъ, обязанностей и впечатлѣній, долженъ искать еще въ книгахъ идей и вдохновеній, то онъ долженъ быть слѣпъ и глухъ». «И большинство драматурговъ слѣпы и глухи», прибавляетъ онъ въ своей обычной саркастической манерѣ. Но, конечно, онъ самъ менѣе всего слѣпъ и глухъ, и въ его драмѣ при всей близости къ Ибсену чувствуется нѣчто вполнѣ самобытное, жизненное—противоположное Ибсеновской угрюмости. Въ этихъ двухъ пьесахъ: въ «Профессіи г-жи Уоренъ», такъ-же какъ и въ другихъ этой категоріи, въ «Домахъ вдовцовъ» и въ «Балагурѣ» на первомъ планѣ стоятъ также общественные предразсудки, цѣли обличенія, и въ нихъ Бернардъ Шоу еще слишкомъ занятъ тенденціей, проведеніемъ своихъ соціалистическихъ взглядовъ. Но въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ пьесъ его міросозерцаніе и то творческое, что онъ внесъ въ современную драму, обнаруживается все болѣе ярко.

Отдѣльную интересную группу представляетъ рядъ пьесъ, направленныхъ противъ героизма въ общепринятомъ смыслѣ слова. Самая блестящая изъ нихъ «Цезарь и Клеопатра»; она имѣла громкій успѣхъ и на русской сценѣ. Пьеса эта—вызовъ историческимъ традиціямъ—вызовъ въ Мольеровскомъ смыслѣ: здоровый инстинктъ правды противопоставленъ условной пышной лжи. Обычная передача историческихъ событій въ глазахъ Б. Шоу не что иное, какъ нагроможденіе лжи. Для того же, чтобы насъ трогало прошлое, чтобы оно вызывало въ насъ откликъ, нужно изображать далекія по времени событія такъ, точно они свершались на нашихъ глазахъ. Этимъ Бернардъ Шоу хочетъ сказать, что идея прогресса совершенно условна, что по существу ничего не измѣнилось и что нѣтъ основанія предполагать другого рода психологію, чѣмъ наша, у людей древности. Всѣ техническія совершенствованія, измѣняющія нашу жизнь, души не коснулись; изображеніе древностип ріобрѣтаетъ поэтому внутренній интересъ лишь тогда, когда мы глядимъ на событія далекаго прошлаго нашими теперешними глазами, изображаемъ нашу

психологію въ рамкахъ прошлаго. На этомъ принципѣ и построена пьеса «Цезарь и Клеопатра». Дѣйствующія лица въ ней говорятъ, чувствуютъ и думаютъ не «въ римскомъ стилѣ», а по-современному. Манера эта нѣсколько опасная, напоминающая оффенбаховскіе и вообще опереточные travesti. Но опасность сознательно избѣгнута Бернардомъ Шоу. Не нравы древности шуточно передѣланы имъ на современный ладъ,—что не имѣетъ внутренняго смысла—а, напротивъ того, внѣшность нравовъ сохранена, но въ ихъ рамкахъ представлена міровая душа, всегда одна и та же подъ всѣми масками исторіи. Этотъ замыселъ придаетъ его исторической комедіи идейное значеніе. Юлій Цезарь въ его изображеніи герой, но приближенный къ нашимъ представленіямъ о геройствѣ—простой, безъ пьедестала. Свершая подвиги своего времени, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчнымъ типомъ героя и отражаетъ и наше время вмѣстѣ со своимъ. Онъ прежде всего мечтатель-идеалистъ, врагъ насилія и убійствъ—за что на него нападаютъ его приближенные—и съ горечью говоритъ о томъ, что въ жизни все сводится къ взаимному уничтоженію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Юлій Цезарь въ изображеніи Бернарда Шоу человѣкъ практическаго ума, не пренебрегаетъ сборомъ податей среди своихъ геройскихъ подвиговъ и, знаменуя вѣчность спортивныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ, предается спорту плаванія въ свободное время. Эта совокупность чертъ придумана Бернардомъ Шоу очень искусно, ибо она можетъ вмѣстить въ себѣ душу всѣхъ временъ. Клеопатра, задуманная какъ бы наперекоръ Шекспиру, остается въ пьесѣ царственной, обаятельной и трагичной, т. е. сохраняетъ вѣчное своего образа. Но въ ней нѣтъ традиціонной застывшей величавости, и она неожиданно превращена въ наивную дѣвушку, прикурнувшую у подножья сфинкса и готовую вѣрить всякой сказкѣ, которую ей разскажутъ про далекій міръ. Сюжетъ пьесы, изображающей въ свѣжихъ и современныхъ краскахъ походъ Цезаря въ Египетъ,—превращеніе Цезаремъ Клеопатры изъ наивной дѣвочки-царицы въ сознающую свою власть, жестокую, а затѣмъ страдающую женщину Востока—въ ту, которая рѣшитъ судьбу Марка Антонія и готова къ встрѣчѣ съ нимъ. Намѣренная неисторичность пьесы усиливаетъ психологическій замыселъ и дѣлаетъ его художественнымъ. Въ первой сценѣ Юлій Цезарь, одинокій въ своемъ величіи, подходитъ къ сфинксу, подобію его собственной одинокой силы въ мірѣ, и видитъ у подножья сфинкса то, что могущественнѣе его геройства—дѣвочку, таящую въ себѣ неосознанную еще власть жен-

щины. Она говоритъ спокойно Цезарю: «Отойди, старикъ!» Для ея пятнадцати лѣтъ мужественный полководецъ сорока лѣтъ только старикъ, и она инстинктивно ощущаетъ въ немъ не его могущество, а свою надъ нимъ власть. Неисторичность и дѣлаетъ эту сцену символической, разыгрывающейся между âmes-types всѣхъ вѣковъ. Анахронизмами, намѣренными, конечно, пеститъ и все дальнѣйшее дѣйствіе пьесы, составляя ея юморъ. Только по отношенію къ героямъ пьесы, къ Цезарю и къ Клеопатрѣ, антиисторичность элементъ не юмора, а символизма. Солдаты восклицаютъ: «Египетъ для Египта», эстетъ Аполлинарій говоритъ объ «искусствѣ для искусства», дѣйствующія лица произносятъ сужденія, въ которыхъ сказывается гораздо большій опытъ, чѣмъ можно предположить у римлянъ эпохи Цезаря. Въ лицѣ одного изъ приближенныхъ Цезаря, Британика, изображенъ типичный теперешній англичанинъ средняго класса: онъ поклоняется кумиру «почтенности» и «приличія», гордо говоритъ о привычкѣ своего племени окрашивать тѣла въ синій цвѣтъ, чтобы не шокировать взоры наготой, если враги снимутъ платье и т. д. Словомъ, Бернардъ Шоу со всѣмъ присущимъ ему діалектическимъ и чисто художественнымъ талантомъ смѣшиваетъ двѣ различныя эпохи—чтобы символически показать единство жизни подъ масками исторіи.

Къ той же категоріи пьесъ, направленныхъ противъ условныхъ понятій о величіи, относится также «антиромантическая комедія» «Arms and man» (Arma virumque...), въ русскомъ переводѣ «Шеколадный солдатикъ». Комедія направлена противъ лжеромантизма войны. Основной парадоксъ, на которомъ построена пьеса, такой: кто слѣпо идетъ на атаку—трусъ, кто во-время бѣжитъ съ поля битвы—храбрый воинъ. Парадоксъ блестяще доказывается на примѣрѣ трезваго профессіонала въ военномъ дѣлѣ, швейцарца-маіора на сербской службѣ; онъ излѣчиваетъ болгарскую семью отъ романтической лжи, опутавшей ея жизнь. Благодаря ему молодой офицеръ прозрѣваетъ и видитъ, что вести кавалерійскую атаку на пушки непріятеля и жертвовать своимъ отрядомъ изъ показнаго героизма—прямое преступленіе, и что оно не искупается случайной побѣдой вслѣдствіе того, что у непріятеля не оказалось зарядовъ. И невѣстѣ его становится ясно, что въ ея высокопарныхъ разговорахъ съ женихомъ о геройствѣ, о патріотизмѣ и о возвышенности ихъ взаимныхъ чувствъ нѣтъ искренняго чувства и что недаромъ бѣдный женихъ ищетъ отдохновенія отъ идеальныхъ высотъ въ болѣе простыхъ отношеніяхъ съ служанкой. Когда честный швейцарецъ ей прямо указываетъ на

то, что она всегда лжетъ, она вдругъ понимаетъ, что онъ правъ, и только наивно восклицаетъ: «Какъ вы догадались?» Убѣждаются всѣ они и въ томъ, что можно бѣжать съ поля битвы, чтобы не попасться въ плѣнъ неразумному врагу—и все же быть выше этого нарядно храбраго врага по военнымъ знаніямъ и по истинному мужеству. Сначала романтичная дѣвица презираетъ трезваго швейцарца съ высоты своего героическаго паѳоса и зоветъ его «шеколаднымъ солдатикомъ» за то, что онъ попросилъ у нея шеколада и признался въ любви къ шеколаду, когда она ждала отъ него высокихъ словъ. Но потомъ она научается уважать этотъ антиромантизмъ и въ конечномъ результатѣ отдаетъ свое сердце и руку ему, а не прежнему жениху, убѣдившись въ дутости его романтическихъ чувствъ и въ прочности его простого чувства къ простой дѣвушкѣ-служанкѣ.

Юморъ этой комедіи, необыкновенно яркій и покоряющій, доводитъ основной парадоксъ до полнаго торжества простой гуманной истины. Кромѣ того фонъ комедіи, изображенные въ ней нравы,—блестящая сатира на мишуру культуры. Бернардъ Шоу очень весело вышучиваетъ болгаръ, гордыхъ своими культурными новшествами, вывезенными изъ Вѣны. Комедія эта старая, одна изъ первыхъ Бернарда Шоу и поставлена была впервые еще въ 1894 г. Ея теперешная злободневность въ изображеніи сербо-болгарскаго конфликта—обстоятельство совершенно случайное, внѣ намѣреній автора. Онъ только хотѣлъ изобразить маленькій народъ, который не цѣнитъ того, что въ немъ есть самобытно сильнаго, а гонится за мишурой культуры, къ тому же туго ему прививающейся. Вотъ, напр., въ смыслѣ сатиры сцена между болгарскимъ маіоромъ Петковымъ, возвращающимся тріумфаторомъ послѣ пораженія сербовъ, и его женой. Онъ пьетъ кофе въ своемъ новомъ домѣ, устроенномъ «по-вѣнски», и освѣдомляется о здоровьи жены за время его отсутствія:

Катерина. Я была здорова. Только, какъ всегда, горло побаливало.

Петковъ (убѣжденно). Вотъ къ чему ведетъ твоя привычка каждый день мыть шею. Я тебѣ говорилъ.

Катерина. Глупости, Павелъ.

Петковъ. Я противъ чрезмѣрнаго слѣдованія новымъ манерамъ. Все это мытье не можетъ быть полезнымъ для здоровья; оно неестественно. Вотъ въ Филиппополѣ былъ англичанинъ, такъ онъ каждое утро все тѣло мочилъ холодной водой. Прямо противно. Все это идетъ отъ англичанъ. У нихъ такой климатъ, что всѣ всегда грязные и должны всегда мыться. А вспомни моего

отца. Онъ ни разу въ жизни ванны не бралъ, а дожилъ до девяноста восьми лѣтъ, самымъ здоровымъ человѣкомъ во всей Болгаріи былъ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы хорошенько помыться разъ въ недѣлю—такъ, для соблюденія нашего ранга. Но каждый день мыться—это ужъ какая-то смѣшная крайность».

Въ идейномъ отношеніи наиболѣе значительны двѣ пьесы Б. Шоу: «Человѣкъ и сверхъ - человѣкъ», и «Кандида». Въ нихъ сказывается сильное вліяніе Шопенгауера и Ницше, но въ нихъ же цѣльнѣе всего воплотилось собственное міросозерцаніе автора. Обѣ эти пьесы чисто интеллектуальныя, и дѣйствіе подчинено въ нихъ изложенію идей. Это идеи, высказываемыя въ лицахъ, а не пьесы обычнаго типа. Одна изъ большихъ заслугъ Бернарда Шоу заключается въ томъ, что онъ смогъ создать такого рода интеллектуальный театръ, что въ нашъ вѣкъ торжества режиссуры, постановокъ, интересующихъ больше, чѣмъ самыя пьесы, погони за быстротой темпа въ сценическомъ дѣйствіи, онъ умѣетъ приковывать вниманіе зрителя къ разсужденіямъ на отвлеченныя темы.

Діалоги на отвлеченныя темы составляютъ содержаніе и «Человѣка и сверхъ-человѣка». Пьесѣ этой предпослано предисловіе—тоже характерная черта Бернарда Шоу. Онъ любитъ «объяснять себя» и самъ же вышучиваетъ эту свою черту. Но предисловія его сами по себѣ настолько интересны и такъ вводятъ въ міръ его идей, что жалѣть объ его склонности къ нимъ не приходится. Эти предисловія—какъ бы чтенія передъ спущеннымъ занавѣсомъ, личное ознакомленіе автора съ публикой, начало общенія прямого, которое потомъ должно перейти въ общеніе съ созданіями автора.

«Человѣкъ и сверхъ-человѣкъ», какъ поясняетъ Б. Шоу,—Донъ-Жуанъ на изнанку или, вѣрнѣе, Донъ-Жуанъ, переведенный на языкъ современныхъ идей. Такъ же, какъ Бернардъ Шоу сдѣлалъ философа нашихъ дней изъ Юлія Цезаря, и герой испанской легенды кажется ему подходящимъ лицомъ для изложенія современныхъ идей. Въ его пьесѣ Донъ - Жуанъ превратился въ англичанина Танера, дочь командора—въ дѣвицу Анни Вестфильдъ, которая хочетъ женить на себѣ Танера. Роль командора играетъ опекунъ Анни, а Лепорелло замѣненъ шоферомъ, техникомъ съ современнымъ научнымъ складомъ ума, какимъ и долженъ быть современный слуга и довѣренный современнаго Донъ-Жуана. Но особенность пьесы въ томъ, что Донъ-Жуанъ замѣненъ Донной Жуаной: наступленіе ведетъ женщина. Бер-

нардъ Шоу доказываетъ, что теперь роли перемѣнились, что власть природы нашла себѣ союзницу въ женщинѣ, для которой мужчина сдѣлался только средствомъ для ея личныхъ цѣлей. Типичный идеалъ для современнаго мужчины—пріобрѣтать деньги, для женщины—выйти замужъ. Тѣ, кто отъ этого идеала уклоняются—исключенія, къ каковымъ Бернардъ Шоу причисляетъ всѣхъ своихъ героевъ-мечтателей; они не хотятъ подчиняться цѣлямъ жизни, и въ этомъ ихъ подвигъ. Идея о силѣ жизни и о взаимопритяженіи половъ въ интересахъ природы, конечно, взята у Шопенгауера. Точно также взята у Ницше основная мысль, воплощенная въ героинѣ пьесы—мысль о томъ, что для женщины мужчина средство, а цѣль ребенокъ. Но эти мысли современной философіи Бернардъ Шоу разрабатываетъ съ характерной для него остротой и чутьемъ къ ихъ жизненному значенію. Свою героиню онъ изображаетъ очень привлекательной въ преслѣдованіи ея стихійной, прирожденной ей цѣли. А его донъ Жуанъ-Танеръ далеко не безсознательная жертва. Онъ вполнѣ понимаетъ, что дѣйствіями прелестной Анни руководитъ сила, созидающая жизнь. Онъ боится въ ней этой ея связи съ стихійнымъ началомъ міра: какъ только онъ узнаетъ, что Анни собирается выйти замужъ не за другого, какъ онъ предполагалъ, а намѣтила въ жертвы именно его, онъ бѣжитъ безъ оглядки, т. е. садится въ автомобиль и уѣзжаетъ въ какое-то рискованное далекое путешествіе. Но Анни его нагоняетъ въ невѣдомыхъ странахъ, и онъ восклицаетъ: «Жизненная сила настигла меня, и я погибъ!». Особенность этого новѣйшаго донъ Жуана въ его чисто современной сознательности. Онъ самъ называетъ Анни «боа констрикторомъ, сжимающимъ свои звенья», но все же подпадаетъ подъ ея власть. Прежняго романтизма, когда любящіе обманывались и относительно своихъ чувствъ, и относительно чувствъ своихъ возлюбленныхъ, нѣтъ и слѣда въ этой любовной дуэли modern style, которая разыгрывается между Танеромъ и Анни. Она любитъ своего избранника, «какъ тигръ любитъ свою жертву»; онъ со своей стороны претерпѣваетъ свою судьбу «не подъ хлороформомъ», а совершенно сознательно. Они оба служатъ силѣ жизни, но не инстинктомъ, а просвѣтленнымъ разумомъ. Въ этомъ ихъ современность.

Воплощая въ своихъ герояхъ взаимоотношеніе силы жизни и человѣческаго сознанія, Бернардъ Шоу выдвигаетъ свое метафизическое ученіе, противоположное положеніямъ пессимистической философіи: Сила жизни велика, говоритъ Б. Шоу. Она создала живые организмы отъ самыхъ ничтожныхъ до наи-

болѣе дифференцированныхъ. Она стоитъ за человѣкомъ и толкаетъ его на нужныя ей дѣйствія. Но ей противодѣйствуетъ въ человѣкѣ другая сила, сила разума, самосознанія и самоутвержденія. Ея вліяніе начинается съ того, что у человѣка возникаетъ собственный идеалъ, не навязанный волей природы. Это Бернардъ Шоу называетъ пробужденіемъ инстинкта добра — moral passion. Жизненная сила, создавъ человѣка, создала и разрушающее ее начало — самоутверждающійся разумъ. Въ немъ идеалистическое начало жизни и ея оправданіе въ глазахъ Бернарда Шоу, выступающаго въ этой пьесѣ со своимъ идеалистическимъ ученіемъ о сознательномъ инстинктѣ добра въ человѣкѣ. Въ третьемъ дѣйствіи «Человѣка и сверхъ-человѣка» есть смѣло задуманная фантастическая сцена бесѣды Танера, преобразившагося въ сновидѣніи въ свой прообразъ, въ донъ Жуана, съ дьяволомъ. Ихъ бесѣда, вѣковѣчный споръ оптимизма и пессимизма. Дьяволъ, какъ ему и полагается, пессимистъ. Онъ подкапывается подъ всѣ основы человѣческой жизни, доказываетъ, что жизнь основана на культѣ смерти, что превосходство человѣка надъ природой сказалось только въ выдумываемыхъ имъ орудіяхъ смерти. Всѣ проявленія жизни, о которыхъ ему говоритъ Донъ-Жуанъ, дьяволъ называетъ устремленіемъ къ смерти. Законы выдуманы для того, чтобы на ихъ основаніи вѣшать людей, религія для того, чтобы во имя ея ненавидѣть невѣрующихъ. Привилегія знатныхъ въ томъ, чтобы потреблять, не созидая цѣнностей. Искусство—изображеніе крови, политика — пресмыканіе передъ деспотами или драки въ парламентѣ. Люди больше тратятъ на похороны, чѣмъ на умноженіе благъ жизни.

Въ отвѣтъ дьяволу, доказывающему, что въ жизни царитъ смерть, Донъ-Жуанъ утверждаетъ идеалистическое міросозерцаніе автора: за всякой борьбой въ жизни стоитъ осознанная или неосознанная идея, во имя которой ведется борьба,—идея національная или идея освобожденія, и цѣль природы не въ томъ только, чтобы создавать прекрасное, а въ томъ, чтобы проявлять силу разума.

Оправданіемъ жизни становятся такимъ образомъ тѣ, которые видятъ въ разумѣ движущую силу жизни. Разумъ становится руководителемъ природы и служитъ человѣку для пониманія цѣлей, внѣ его стоящихъ: «Если бы у меня не было цѣли, превышающей мои личныя цѣли», говоритъ Бернардъ Шоу устами своего Донъ-Жуана, «то лучше мнѣ было бы ходить за плугомъ, чѣмъ быть мыслящимъ человѣкомъ, ибо ходящему

за плугомъ живется беззаботнѣе, чѣмъ мыслящему съ его великой отвѣтственностью передъ природой». Въ этихъ словахъ и во всей сценѣ Донъ-Жуана съ Дьяволомъ ясно выявленъ идеализмъ Бернарда Шоу, лежащій въ основѣ его обличительно сатирическаго творчества.

Въ пьесѣ «Кандида» героиня—жена пастора. Въ Кандиду влюбляется молодой поэтъ, идеализирующій ее. Онъ заявляетъ мужу, что любитъ его жену, ей же этого не говоритъ. Между пасторомъ и поэтомъ возникаетъ особаго рода идеальная борьба, честная и открытая, съ цѣлью установить, который изъ нихъ двухъ имѣетъ большее право на Кандиду, воплощающую собой чистоту человѣческаго духа. Сама Кандида не знаетъ о томъ, что происходитъ между двумя соперниками. Но, окруженная невысказанной любовью юноши и благороднымъ, глубокимъ въ своей трезвости чувствомъ мужа, она сама преображается и говоритъ каждому, сама того не сознавая, самое сокровенное и самое нужное: юношу она подготовляетъ къ тому, что ему необходима для его душевной силы трагическая, а не идиллическая любовь, и тѣмъ самымъ вынимаетъ жало изъ раны, которую долженъ нанести ему ея отказъ. Мужу она говоритъ о правахъ юности и мечты и готовитъ его къ тому, чего, однако, ему не придется испытать—къ тому, что ей, быть можетъ, суждено стать щедрой судьбой для юнаго поэта. Вслѣдствіе двойственности ихъ вліянія на нее, Кандида сама становится двойственной въ обращеніи съ ними обоими, и въ каждомъ вызываетъ увѣренность въ томъ, что побѣдить долженъ другой. Когда юноша побѣдно восклицаетъ: «она принадлежитъ мнѣ», безъ намека на какія-либо реальныя любовныя права, то мужъ Кандиды его понимаетъ и даетъ ему проявить до конца свои душевныя силы передъ любимой женщиной, для того, чтобы потомъ выборъ ея былъ твердъ. Этотъ психологическій узелъ представленъ въ «Кандидѣ» очень художественно и убѣдительно. Есть моментъ, когда оба, и мужъ и влюбленный поэтъ, считаютъ себя недостойными Кандиды: «Сдѣлаемся паломниками», говоритъ юноша,—«пойдемъ одинъ на востокъ, другой на западъ искать того, кто достоинъ ея любви—какого-нибудь Архангела съ багряными крыльями». Въ противоположность обычной своей ироніи, Бернардъ Шоу тутъ подчеркиваетъ права мечты.

Кончается пьеса жизненно. Когда Кандидѣ объясняютъ борьбу между двумя претендентами на ея душу, она отдаетъ предпочтеніе зрѣлому уму и чувству мужа въ противоположность Ибсеновской «Женщины съ моря», которую Кандида очень на-

поминаетъ въ моментъ страннаго, идеально возможнаго, хотя и мало реальнаго выбора. Но душевный кризисъ не проходитъ безслѣдно для всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Они выходятъ изъ него всѣ трое облагороженными и возвышенными въ собственномъ сознанiи. Ихъ всѣхъ коснулось вѣянiе мечты, они приблизились на мгновенiе къ идеальной цѣли мiра, открыли то, что выше ихъ, и къ этому высшему устремились. Этого довольно въ глазахъ идеалиста Бернарда Шоу, чтобы искупить три человѣческихъ жизни въ ихъ будничномъ существованiи.

Названными пьесами не исчерпывается сценическое творчество Бернарда Шоу. Къ тѣмъ же категорiямъ относится цѣлый рядъ другихъ пьесъ. Б. Шоу касается всѣхъ родовъ творчества и старается преобразовать существующiя формы на свой ладъ. Такъ, въ «Ученикѣ Дьявола» онъ возвращается къ устарѣлой формѣ мелодрамы, и его опытъ въ ней очень удачный. Герой пьесы, «ученикъ дьявола», обаятельный безбожникъ, близкiй сердцу автора. Онъ пугаетъ пуританскую семью, въ которой разыгрывается драма, своими «сатанинскими» взглядами, но затѣмъ покоряетъ ее своимъ геройствомъ, своими добрыми поступками, совершенными не по пуританскимъ принципамъ, а изъ потребности свободной души стремиться къ добру. Цѣлый рядъ другихъ темъ затронутъ Бернардомъ Шоу въ дальнѣйшихъ его пьесахъ. Такъ въ комедiи «Джонъ Буль и другой островъ» онъ съ большимъ дiалектическимъ блескомъ опредѣляетъ взаимоотношенiя Ирландiи и Англiи, ирланцевъ и англичанъ. Въ другой пьесѣ, «Маiоръ Барбара», Бернардъ Шоу возвращается снова къ соцiальной проблемѣ и разсматриваетъ вопросъ о капиталистахъ и безработныхъ. Въ этой пьесѣ авторъ доводитъ до большого мастерства свое умѣнiе настолько заинтересовывать отвлеченными вопросами, что не только читатель, но и зритель забываетъ объ отсутствiи фабулы и о томъ, что дѣйствiе пьесы остановлено на неопредѣленное время истинами, которыя высказываютъ дѣйствующiя лица.

Одной изъ новѣйшихъ пьесъ Б. Шоу, «Докторская дилемма», въ печатномъ изданiи предшествуетъ цѣлый трактатъ противъ современной медицины; самая пьеса тоже сосредоточена на обличенiи невѣжества и недобросовѣстности врачей. Бернарда Шоу часто сравниваютъ у него на родинѣ съ Мольеромъ, и въ этой пьесѣ онъ какъ будто нарочно возобновилъ Мольеровскiя нападки на врачей, тѣмъ болѣе, что при его пониманiи прогресса онъ искренно не видитъ существенной разницы между временемъ Мольера и нашимъ. Походъ Бернарда Шоу противъ

медицины очень настойчивый. Онъ при всякомъ случаѣ обличаетъ ея прегрѣшенія, а также стоитъ во главѣ движенія противъ вивесекціи и противъ прививки оспы. Ему кажется безсмысленнымъ прививать одну болѣзнь для спасенія отъ другой, которой человѣкъ, быть можетъ, никогда не заразится. Въ предисловіи къ «Докторской дилеммѣ» Бернардъ Шоу объясняетъ, однако, что онъ врагъ только теперешней медицины, основанной на погонѣ за заработкомъ и на невозможности врачамъ быть на высотѣ своей задачи. Онъ увѣренъ, что въ будущемъ обществѣ медицина сдѣлается болѣе раціональной и людей будутъ лечить, а не экспериментировать надъ ними.

Въ сужденіяхъ о Бернардѣ Шоу англійская критика исходитъ, главнымъ образомъ, изъ представленія о немъ, какъ о скептикѣ, для котораго «нѣтъ ничего святого». Въ сущности это больше всего и нравится пресыщенной добродѣтелью Англіи. Но русскіе читатели не могутъ присоединиться къ такому отношенію англичанъ къ ихъ сатирику. Для насъ Бернардъ Шоу значителенъ тѣмъ, что за его сатирой есть паѳосъ утвержденій, что, отметая все условное въ окружающей его дѣйствительности, онъ творитъ для себя въ мечтахъ идеальный міръ, гдѣ будутъ правы чистые юноши, любящіе идеальныхъ женщинъ, гдѣ задумчивый Цезарь не будетъ грустно взирать всюду на царство смерти, а найдетъ близкихъ себѣ по духу людей. Внося идеальный элементъ въ свои обличенія нравовъ, Бернардъ Шоу вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, преобразовалъ внѣшнюю технику драмы, замѣнилъ любовную интригу идейнымъ діалогомъ. Идейная драма, созданная Бернардомъ Шоу, весьма цѣнное, даже необходимое явленіе въ современной литературѣ. Мы живемъ идеями и мыслями, и нѣтъ для насъ зрѣлища, болѣе возбуждающаго умы, чѣмъ отвлеченная борьба идей. Прежде боялись загромождать дѣйствіе разговорами, но театръ Бернарда Шоу показалъ, что разговорныя драмы могутъ интересовать зрителей больше любовныхъ. Результатъ этотъ—слѣдствіе того, что мысли, высказываемыя въ его пьесахъ, какъ разъ тѣ, которыя волнуютъ современнаго человѣка гораздо больше всякихъ романтическихъ интригъ на сценѣ.

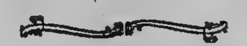
Главный художественный пріемъ Бернарда Шоу — парадоксальность. Каждый оттѣнокъ мысли доведенъ имъ до острія и заканчивается неожиданнымъ парадоксомъ. Эта манера придаетъ большой блескъ его драмамъ, но значеніе его не въ этихъ внѣшнихъ качествахъ его сатиры, а въ идеалистической основѣ ея. Онъ ищетъ цѣли жизни—въ этомъ его паѳосъ, который сооб-

щается его читателямъ. Каждое частное стремленіе онъ поднимаетъ до общечеловѣческаго идеала. Онъ врагъ всякой «частной жизни» и убѣжденъ въ томъ, что люди должны жить такъ, чтобы жизнь каждаго была жизнью, прожитой для всѣхъ.

Въ литературномъ творчествѣ Бернарда Шоу есть ярко выраженное учительство. Онъ ставитъ нравственное совершенствованіе выше внѣшняго прогресса—и тѣмъ самымъ, быть можетъ, болѣе близокъ намъ, чѣмъ своимъ соотечественникамъ, которые болѣе всего восхищаются его сверкающимъ дерзновеніемъ.

У Бернарда Шоу есть интересный разсказъ о томъ, какъ отражается всякая искренняя проповѣдь въ умахъ вѣрующихъ. Одна старая методистка, привыкшая ходить въ опредѣленную часовню и слушать тамъ проповѣдь, въ теченіе цѣлаго сезона слушала перенесенныя въ эту часовню проповѣди знаменитаго атеиста, Чарльса Бредло. Но замѣтивъ свою ошибку, она и сама не поколебалась въ своей вѣрѣ и не усумнилась ни на минуту въ религіозности проповѣдника. Все дѣло—въ напряженіи духа, въ искренности проповѣдника. И Бернарда Шоу будутъ поэтому слушать люди разныхъ толковъ. Понимать его будутъ близкіе ему по духу, увидѣвшіе идеалиста въ сатирикѣ, но услышатъ его и тѣ, которые увидятъ въ немъ только бичующаго нравы сатирика.

Зин. Венгерова.

* * *

Ихъ было много, мимолетныхъ,
Обманчивыхъ, случайныхъ встрѣчъ,
Когда легко и беззаботно
Влюбляться, побѣждать и влечь.

Когда шелками золотая
Опутываетъ сердце нить,
Когда цѣлуя, обнимая,
Себя мечтаешь позабыть.

И каждый разъ на сердцѣ горечь,
Презрѣнье, стыдъ и пустота.
И каждый разъ на сердцѣ горечь,
И все не то, и все не та.

И каждый разъ чужія чувства
На зеркалѣ знакомыхъ глазъ,
И каждый разъ темно и пусто
Отъ словъ учтивыхъ... каждый разъ.

Ненужны клятвы и объятья,
Смѣшонъ ребяческій обманъ...
Иль давитъ насъ твое проклятье,
Печальный странникъ Донъ-Жуанъ?

Сергѣй Радловъ.

ВЪ ЦАРСТВѢ УГЛЯ И СТАЛИ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

Бохумъ.

Вотъ уже три дня, какъ я нахожусь въ этихъ удивительныхъ мѣстахъ, и однако до сихъ поръ все еще никакъ не могу освоиться съ окружающей меня обстановкой. Въ обычное время восходитъ и заходитъ солнце, въ обычное время люди встаютъ, ѣдятъ, работаютъ и ложатся спать, въ обычное время наполняются шумной толпой и пустѣютъ улицы города, и въ обычное же время на высокой соборной колокольнѣ раздается мѣрный и протяжный бой часовъ. Все кругомъ какъ будто бы такъ естественно, привычно, обыденно, — и тѣмъ не менѣе я чувствую себя здѣсь какъ-то странно и особенно. И, если я захочу опредѣлить, въ чемъ же собственно заключается причина этой особенности, что именно такъ рѣзко выбиваетъ меня изъ нормальной колеи нормальныхъ ощущеній, я долженъ буду произнести лишь одно коротенькое, но сдѣлавшееся теперь для меня столь безконечно многозначительнымъ слово:

— Уголь!

Каждый день, ровно въ 6 час. утра, меня будятъ протяжно-назойливые гудки шахтъ, созывающихъ свою черную армію труда на работу. Изъ окна небольшой гостиницы, гдѣ я временно помѣстился, виденъ лѣсъ высокихъ закопченыхъ трубъ. Эти трубы, точно исполинскіе каменные пальцы, съ угрозой обращенные къ голубому небу. Онѣ медленно, неторопливо курятся и постепенно заволакиваютъ воздухъ облаками чернаго дыма, сквозь которыя солнце кажется какимъ-то блѣднымъ и мутнымъ дискомъ, неизвѣстно для чего висящимъ въ вышинѣ. И, когда вы смотрите изъ окна на открывающуюся передъ вами картину, вы ясно, почти болѣзненно ощущаете, что и эти

красныя трубы, и это тусклое солнце, и эта дымная пелена надъ головой,—все это своимъ особымъ молчаливымъ языкомъ громко и настойчиво произноситъ одно и то же короткое слово:

— Уголь!

Бохумъ — чистый образчикъ того, что нѣмцы называютъ Industriestadt. Это—городъ шахтъ и заводовъ, городъ униженныхъ и оскорбленныхъ, городъ пролетаріевъ. Изъ его 140 тыс. жителей, по меньшей мѣрѣ, 110 тыс. принадлежатъ къ той многочисленной категоріи людей, которые съ ранняго утра и до поздней ночи въ потѣ лица своего добываютъ хлѣбъ свой и тѣмъ не менѣе никогда сегодня не знаютъ, гдѣ они преклонятъ свою усталую голову завтра. Остатокъ приходится на долю чиновниковъ, лавочниковъ, торговцевъ, ремесленниковъ и т. д., т. е. людей, такъ или иначе обслуживающихъ интересы все той же основной пролетарской массы населенія. Крѣпкаго и устойчиваго городского мѣщанства, многочисленныхъ представителей среднихъ классовъ и интеллигенціи въ Бохумѣ почти совершенно нѣтъ, какъ нѣтъ тутъ и могущественныхъ феодаловъ нашего времени—владѣльцевъ всѣхъ этихъ копей, фабрикъ и заводовъ, держащихъ въ своихъ рукахъ судьбы десятковъ тысячъ человѣческихъ существованій. Здѣсь, въ Рурской области, изъ крови и слезъ огромной арміи рабовъ-пролетаріевъ куется ихъ звонкое золото, но проживается это золото, за рѣдкими исключеніями, не на дымныхъ равнинахъ Вестфаліи, а подъ плѣнительнымъ небомъ итальянскихъ и французскихъ курортовъ, въ благословенномъ царствѣ миртовъ, апельсиновъ и розъ.

И вмѣстѣ съ золотомъ эти баловни счастья точно берутъ у подлинныхъ творцовъ ихъ неизмѣримыхъ богатствъ всю радость и красоту жизни. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть такой хмурый, монотонный и безкрасочный городъ, какъ Бохумъ. Его длинныя, ровныя, лишенныя всякой растительности улицы, какъ будто нарочно приспособленныя для перевозки тяжести и кладей, нагоняютъ на пѣшехода тоску и уныніе. Однообразные ряды высокихъ пяти-этажныхъ домовъ, по внѣшности скорѣе похожихъ на казармы, чѣмъ на обычныя человѣческія жилища, еще болѣе усиливаютъ первоначальное гнетущее впечатлѣніе. А эта черная, назойливая, всепроникающая копоть! Она лежитъ толстымъ, несмывающимся слоемъ на стѣнахъ домовъ, и на плохо утрамбованной мостовой, и на телеграфныхъ столбахъ, и на проходящихъ трамваяхъ, и на проѣзжающихъ мимо экипажахъ, и даже на лицахъ сидящихъ въ экипажахъ людей. Миріадами черныхъ атомовъ копоть пропитываетъ городской воз-

духъ и напоминаетъ вамъ при каждомъ вздохѣ специфически-рѣзкимъ запахомъ каменноугольнаго дыма, что здѣсь настоящее царство угля, блестящаго, жирнаго, создающаго милліоны, каменнаго угля.

Вчера я цѣлый день бродилъ по Бохуму, присматриваясь къ колориту уличной жизни. Какая странная и необычная картина: ни интеллигентскихъ физіономій, ни дородно-самодовольныхъ бюргерскихъ фигуръ, ни даже пестрыхъ и яркихъ дамскихъ нарядовъ! Повсюду, куда бы вы ни зашли, начиная съ центральныхъ улицъ и кончая самыми отдаленными кварталами, вы видите почти исключительно рабочую толпу: изможденныя сѣро-пепельнаго цвѣта лица, мозолистыя руки, синія промасленныя блузы и грубые, подкованные гвоздями, башмаки. Изрѣдка мелькнетъ въ этомъ черномъ людскомъ потокѣ человѣкъ въ бѣлоснѣжныхъ манжетахъ и съ толстой золотой цѣпочкой на округлившемся животѣ, но и онъ обыкновенно лишь болѣе крупный служащій какой-нибудь торговой фирмы или завода, т. е., въ конечномъ счетѣ, одинъ изъ рабовъ все того же всемогущаго капитала. А тамъ снова темная, однотонная пролетарская толпа. И то и дѣло справа и слѣва звучитъ:

— Glück auf!

— Glüc auf! [1]).

Набродившись вдоволь по улицамъ, я зашелъ подъ конецъ въ большой книжный магазинъ, расположенный на одной изъ центральныхъ площадей города. Среди массы лубочныхъ картинъ, пестрыхъ открытокъ и всевозможнаго печатнаго хлама, заполнявшаго все помѣщеніе лавки, я вдругъ совершенно случайно наткнулся на нѣсколько весьма недурныхъ репродукцій старинныхъ картинъ Мурильо и Тиціана. Репродукціи были развѣшены въ одномъ изъ укромныхъ уголковъ магазина и за давностью времени уже успѣли покрыться довольно толстымъ слоемъ предательской пыли.

— Должно быть, на счетъ искусства у васъ въ Бохумѣ не очень? — спросилъ я хозяина, кивая на заинтересовавшія меня гравюры.

Тотъ въ отвѣтъ махнулъ безнадежно рукой и отрывисто бросилъ:

— Какое тутъ искусство? Тутъ—уголь!

Да, уголь! Имъ только дышитъ и живетъ, имъ движется и волнуется вся эта черная округа, густо закопченая фабричнымъ

---

[1]) Обычное привѣтствіе нѣмецкихъ горнорабочихъ.

дымомъ, обильно политая слезами поколѣній рабовъ-пролетаріевъ. Весь Бохумъ опоясанъ сплошнымъ кольцомъ угольныхъ копей, начинающихся уже въ самомъ городѣ, съ ихъ исполинскими красными трубами, высокими, точно выточенными изъ кружева, стальными башнями и огромными горами черной, жирной земли, выброшенными на поверхность при постройкѣ шахты. Быстро крутятся колеса на башняхъ и непрерывно бѣгаютъ вверхъ и внизъ нагруженныя драгоцѣннымъ минераломъ корзины. И горе было бы окрестному населенію, если бы въ одинъ прекрасный день вдругъ замерла кипучая дѣятельность въ глубинѣ темныхъ подземныхъ галлерей! Это было бы равносильно для него ужасной катастрофѣ.

Что это, дѣйствительно, такъ, — можно судить даже по нашей небольшой гостиницѣ. Она биткомъ набита комми-вояжерами и агентами различнаго рода. Каждое утро я вижу, какъ нашъ портье приводитъ съ собой съ вокзала по нѣсколько экземпляровъ этой своеобразной человѣческой породы—всѣхъ съ однообразно-грузными фигурами, въ однообразно-приличныхъ костюмахъ, съ однообразно-гладкими котелками на головѣ и съ однообразно же небольшими чемоданчиками въ рукахъ. И кого-кого только нѣтъ среди этой легкой кавалеріи современнаго Меркурія! Въ первый день пріѣзда за обѣдомъ я слышалъ справа отъ себя англійскую рѣчь. Вчера по сосѣдству съ моимъ столикомъ толстый нѣмецъ на ломанномъ французскомъ языкѣ старался убѣдить своего собесѣдника въ несомнѣнной выгодѣ какой-то коммерческой комбинаціи. Сегодня въ одномъ изъ угловъ зала я замѣтилъ матово-смуглаго брюнета съ блестящими черными волосами и черными же миндалевидными глазами. Кто онъ? Должно быть, турокъ или венгерецъ. И такъ каждый день! Каждый день какая-нибудь новая этнографическая неожиданность.

— Однако у васъ здѣсь настоящій интернаціоналъ!—замѣтилъ я за обѣдомъ кельнеру, подававшему супъ.

Красавецъ-кельнеръ съ усами à la Вильгельмъ въ отвѣтъ улыбнулся и снисходительно прибавилъ:

— Ну, это еще что! Здѣсь бываютъ даже китайцы и японцы. А все потому, что уголь!

Красавецъ - кельнеръ совершенно правъ: чѣмъ больше я прислушиваюсь къ долетающимъ до меня отрывкамъ разговоровъ, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что всѣ окружающіе говорятъ только объ углѣ, интересуются только углемъ, спорятъ и волнуются только по поводу угля. Да, уголь здѣсь доминируетъ надъ всѣмъ, онъ пропитываетъ собой всю атмосферу города,

приводитъ въ движеніе всѣ сердца, творитъ горе и радость, рѣшаетъ судьбы каждаго обывателя—отъ перваго патриція до послѣдняго поденщика.

И, когда теперь я слышу, какъ вечеромъ, по окончаніи работъ надъ городомъ протяжно ревутъ заводскіе гудки,—мнѣ невольно чудится, будто кто-то огромный, черный, съ судорожно-сжатыми кулаками и лихорадочно-блестящими глазами, хрипя и надрываясь, зловѣщимъ голосомъ вопитъ:

— Уголь! Уголь! Уголь!..

Сегодня весь вечеръ я проболталъ съ однимъ изъ многочисленныхъ въ нашей гостиницѣ комми. Онъ подсѣлъ ко мнѣ за ужиномъ и послѣ второй кружки пива мало-по-малу разговорился. Уроженецъ Вестфаліи, проведшій почти всю свою жизнь въ разъѣздахъ по различнымъ концамъ европейскаго континента, мой собесѣдникъ оказался очень интереснымъ и бывалымъ человѣкомъ, накопившимъ къ своимъ 50 годамъ массу любопытныхъ наблюденій, свѣдѣній и фактовъ. Какъ и большинство людей его профессіи, въ политической сферѣ онъ обнаруживалъ широкое свободомысліе,—нѣмецкая торговля вообще очень либеральна—, читалъ регулярно «Berliner Tageblatt» и на выборахъ голосовалъ за кандидатовъ соціалъ-демократіи. Рурскую область и ея промышленность мой собесѣдникъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и быстро распознавъ во мнѣ любопытнаго «чужака», пріѣхавшаго посмотрѣть на индустріальное сердце Германіи, онъ началъ съ жаромъ и увлеченіемъ вводить меня въ курсъ мѣстныхъ отношеній.

— Я много бродилъ по свѣту—говорилъ онъ, медленно попыхивая огромной, истинно-нѣмецкой сигарой, — но, по чистой совѣсти, долженъ сказать, что нигдѣ еще не приходилось мнѣ видѣть такого исполинскаго развитія промышленности, какъ въ Рурской области. Здѣсь, на крошечномъ клочкѣ земли, по своимъ размѣрамъ едва достигающемъ величины какого-нибудь третьестепеннаго нѣмецкаго государства, густо разбросаны тысячи копей, фабрикъ и заводовъ: ихъ ежегодная производительность опредѣляется многими милліардами марокъ, и отъ нихъ живетъ и кормится свыше 4 милл. человѣкъ! [1])

---

[1]) Такъ называемая Рурская область, т. е. бассейнъ небольшого притока Рейна съ правой стороны—рѣки Руръ, занимаетъ площадь въ 4.000 кв. км. Такимъ образомъ, средняя плотность населенія въ этомъ районѣ достигаетъ огромной цифры 1.000 чел. на 1 кв. км.

Мой собесѣдникъ сбросилъ пепелъ съ сигары и, раза два затянувшись, продолжалъ:

— И вѣдь какъ поразительно-быстро, какъ сказочно-быстро выросла и развилась эта гигантская индустрія! Еще какихъ-нибудь 50 лѣтъ назадъ по берегамъ Рура лежали однообразныя ровныя поляны, и на нихъ мирно паслись стада изъ окрестныхъ вестфальскихъ деревень. А теперь здѣсь тянется на многіе десятки километровъ непрерывный городъ, и съ утра до вечера раздается неумолкаемый гулъ паровыхъ машинъ. Уже на моей памяти, т.-е. лѣтъ 25—30 назадъ, послѣднія шахты кончались около Дортмунда, а въ настоящее время десятки ихъ раскинулись и за Дортмундомъ вплоть до Гамма и даже самаго Мюнстера. Да, Рурская промышленность очень молода, и въ ея могучемъ подъемѣ есть что-то поистинѣ американское. Какія колоссальныя состоянія создались здѣсь за послѣднія 30—40 лѣтъ! И вѣдь создались буквально изъ ничего! Взять, напримѣръ, хотя бы пресловутаго Штинеса, о которомъ въ связи съ организаціей желтыхъ союзовъ еще недавно такъ много кричали либеральныя и соціалъ-демократическія газеты,—его отецъ былъ простымъ матросомъ на Рейнѣ и одно время даже торговалъ съ лотка. А вотъ сынъ этого матроса имѣетъ теперь 25 шахтъ съ 38.000 рабочихъ и является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ угольныхъ королей страны! Или другой примѣръ—Августъ Тиссенъ, этотъ столь прославленный соціалъ-политикъ центра! Разсказываютъ—и нѣтъ основанія этому не вѣрить,—что въ концѣ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія Тиссенъ съ деньгами, полученными имъ отъ Ватикана, основалъ въ Мюльгеймѣ крохотный желѣзнодорожный заводъ. Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и теперь Августъ Тиссенъ—одинъ изъ богатѣйшихъ въ царствѣ богатыхъ: на него работаетъ 37.000 человѣкъ, и состояніе его исчисляется десятками милліоновъ! Не плохо устроился также и Кирдорфъ. Свою карьеру онъ началъ въ качествѣ скромнаго служащаго на одной изъ мѣстныхъ текстильныхъ фабрикъ, а теперь—онъ директоръ и руководитель знаменитаго «Gelsenkirchener Bergwerks-Aktiengesellschaft», творецъ и глава всемогущаго синдиката рейнско-вестфальскихъ угольныхъ королей. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ живетъ! Нѣсколько лѣтъ назадъ Кирдорфъ выстроилъ себѣ въ Гельзенкирхенѣ настоящее княжеское палаццо, которому смѣло можетъ позавидовать не одинъ коронованный владыка. Но этого ему показалось мало. И теперь онъ переселился уже въ другой, не менѣе роскошный новый дворецъ, расположенный въ чудесной мѣстности на томъ берегу

Рейна. Впрочемъ, главное значеніе Кирдорфа лежитъ, пожалуй, не столько въ экономической, сколько въ политической области: онъ—признанный политическій вождь могущественнаго рейнско-вестфальскаго капитала, и нерѣдко отъ одного его небольшого слова зависитъ судьба цѣлыхъ министерствъ!

Мой собесѣдникъ на минуту остановился и усиленно засосалъ свою сигару. Затѣмъ онъ снова вернулся къ прерванному разговору и съ загорѣвшимися глазами и оживившимся лицомъ сталъ посвящать меня въ тайны «первоначальнаго накопленія» крупнѣйшихъ капиталистическихъ магнатовъ современной Германіи. Это была необыкновенно выпуклая, яркая и красочная картина, въ которой въ пестромъ разнообразіи сплетались обманъ и насиліе, коварство и расчетливость, смѣлость азартнаго игрока и мошенничество профессіональнаго шулера. И чѣмъ дальше говорилъ мой случайный собесѣдникъ, тѣмъ сильнѣе онъ самъ подпадалъ подъ гипнозъ своего собственнаго разсказа. Эти несчетные милліоны опьяняли его, сказочныя исторіи внезапныхъ обогащеній воспламеняли его воображеніе, зажигали огнемъ его глаза, подымали порой характеръ его изложенія до высотъ истинно-поэтическаго вдохновенія. Чувствовалось, что для него, маленькаго человѣка толпы, всѣ эти Штинесы, Ганіели, Тиссены, Вальдгаузены являются подлинными титаническими героями, современными Язонами, сумѣвшими побѣдить капиталистическую стихію въ неустанной погонѣ за золотымъ руномъ.

Битыхъ два часа толковалъ мой собесѣдникъ, перебирая одного за другимъ крупнѣйшихъ предпринимателей угольнаго района. Но, когда на большихъ, круглыхъ часахъ, висѣвшихъ на противоположной стѣнѣ, медленно пробило двѣнадцать, онъ вдругъ, точно опомнившись, горестно воскликнулъ:

— Уже полночь! А о Круппѣ-то я и не успѣлъ вамъ ничего разсказать! Этакая жалость! Да, впрочемъ, что тутъ разсказывать! Поѣзжайте лучше сами въ его эссенское «королевство»—это совсѣмъ близко отъ Бохума, какихъ-нибудь 20 минутъ ѣзды—и посмотрите собственными глазами. Увѣренъ, что не пожалѣете!

Эссенъ.

Такъ вотъ онъ, Эссенъ!

Еще въ Бохумѣ мнѣ говорили: «Эссенъ — это Круппъ, Круппъ—это Эссенъ». Я ѣхалъ въ Эссенъ, заранѣе подготовленный ко многому, но то, что я здѣсь увидалъ въ дѣйствитель-

ности, все-таки превзошло всѣ мои ожиданія. Такого безраздѣльнаго, безостаточнаго поглощенія огромнаго 300 - тыс. города однимъ именемъ, однимъ лицомъ я никогда себѣ не представлялъ.

Уже въ вагонѣ желѣзной дороги по пути между Бохумомъ и Эссеномъ мнѣ пришлось впервые столкнуться съ исполинской тѣнью пушечнаго короля. Какой-то толстый добродушнаго вида нѣмецъ, сидѣвшій на противоположной лавкѣ, окинулъ критическимъ взглядомъ всю мою фигуру и, точно убѣдившись въ чемъ-то, снисходительно пробасилъ:

— Что, небось, ѣдете посмотрѣть Круппа?

Но это было только начало. Выйдя съ вокзала въ Эссенѣ, я прошелъ квартала два безъ опредѣленной цѣли и, когда поднялъ голову, то первое, что̀ мнѣ бросилось въ глаза, была небольшая синяя дощечка съ краснорѣчивой надписью:

— «Улица Круппа».

Въ окнахъ магазиновъ, расположенныхъ по главнымъ артеріямъ города, то и дѣло мелькали портреты Альфреда и Фридриха - Альфреда Крупповъ [1]), многочисленные виды Крупповскаго завода, книги и брошюры, посвященныя Круппу, и снимки съ торжественной церемоніи празднованія 100-лѣтняго юбилея Крупповской фирмы. Въ книжной лавкѣ, куда я зашелъ купить нѣсколько открытокъ съ видами Эссена, молоденькая продавщица испытующе оглядѣла меня и затѣмъ увѣренно спросила:

— Вамъ, конечно, альбомъ Крупповскаго завода?

На городской площади противъ зданія ратгауза мое вниманіе привлекъ къ себѣ массивный темный памятникъ, изображающій человѣка въ рабочемъ платьѣ, опирающагося одной рукой на наковальню. Подойдя ближе, я прочелъ на постаментѣ:

— «Альфредъ Круппъ».

И на оборотной сторонѣ:

— «Благодарный родной городъ».

Нѣсколько дальше, на другой бойкой площади—Einbecker-platz—мнѣ бросилась въ глаза монументальная каменная ограда, украшенная многочисленными фресками, въ серединѣ которой задумчиво стояла фигура человѣка, сложившаго руки за спиной.

— Что это за памятникъ?—спросилъ я одного изъ пѣшеходовъ.

— Какъ, вы не знаете?—удивился тотъ—Да, вѣдь это же памятникъ Фридриху-Альфреду Круппу.

---

[1]) Отецъ и сынъ Круппы.

Проходя по одной изъ улицъ, примыкающихъ къ району пушечнаго завода, я едва не былъ сшибленъ съ ногъ толпой веселыхъ школьниковъ, гурьбой высыпавшихъ изъ широкихъ дверей какого-то высокаго зданія. Перейдя на противоположный тротуаръ, я увидалъ на зданіи небольшую вывѣску:

— «Высшее реальное училище Круппа».

Тамъ же, неподалеку отъ пушечнаго завода, на перекресткѣ двухъ довольно оживленныхъ улицъ, я замѣтилъ большой колоніальный магазинъ, въ двери котораго непрерывнымъ потокомъ входили и выходили рабочія женщины съ большими черными сумками въ рукахъ. На окнахъ магазина крупными буквами было написано:

— «Потребительное общество сталелитейнаго завода Круппъ».

Впослѣдствіи я узналъ, что Крупповскій кооперативъ имѣетъ около 100 филіальныхъ отдѣленій, раскинутыхъ по всѣмъ концамъ Эссена.

Передъ обѣдомъ я случайно забрелъ на красивое городское кладбище. Большое и тѣнистое, съ строгими, убѣгающими вдаль аллеями и бѣлыми памятниками, мелькающими въ зелени вѣтвей, оно производило впечатлѣніе какого-то страннаго оазиса тишины и спокойствія въ самомъ центрѣ шума и грохота городской жизни. Не зная мѣстности, я очень скоро заплутался и обратился къ проходившему мимо сторожу съ просьбой указать мнѣ дорогу къ выходу. Сторожъ исполнилъ мое желаніе и затѣмъ безъ всякаго повода съ моей стороны спросилъ:

— А могилы Крупповъ вы видѣли? Непремѣнно посмотрите! Здѣсь всѣ Круппы похоронены.

Вечеромъ въ тотъ же день я отправился на концертъ, устраивавшійся какимъ-то проѣзжимъ музыкантомъ въ роскошномъ городскомъ зданіи, предназначенномъ спеціально для подобнаго рода выступленій. Изящный контролеръ, отрывая край моего билета, галантно произнесъ:

— Пожалуйста, направо—въ Крупповскій залъ.

При входѣ въ послѣдній я чуть не столкнулся съ двумя грузными нѣмцами, оживленно бесѣдовавшими между собой. Одинъ изъ нихъ, видимо, мѣстный житель, объяснялъ другому, должно быть, проѣзжему:

— Вотъ видите эти картины, украшающія стѣны зала? Это—подарокъ жены Фридриха-Альфреда—Маргариты Круппъ.

Круппъ! Опять Круппъ! Вездѣ, рѣшительно вездѣ слышишь здѣсь это краткое, но столь безконечно выразительное слово:

— Круппъ! Круппъ! Круппъ!

Да и что жъ удивительнаго? На пушечномъ заводѣ въ настоящее время занято 37.000 рабочихъ, вмѣстѣ съ семьями это составитъ 150 тыс. человѣкъ, т.-е. ровно половину городского населенія, половину, судьбы которой въ самомъ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ лежатъ въ рукахъ Круппа. Но и другая половина городского населенія — всѣ эти лавочники, торговцы, комиссіонеры, врачи, адвокаты и т. д.,—не столь прямо и непосредственно, какъ первая, но тѣмъ не менѣе также весьма реально и ощутительно зависитъ все отъ того же всемогущаго Круппа, т. к. она можетъ существовать почти исключительно лишь обслуживаніемъ потребностей основного ядра Эссенскаго населенія — рабочей массы. Вотъ почему и эти большія, шумныя улицы, и эти блестящія лавки и магазины, и эти банки, конторы и бюро, и эти церкви, памятники и общественныя зданія, и это кладбище, и эти зеленые парки и сады, красиво раскинутые по площадямъ и окраинамъ, — словомъ, все, все, весь огромный 300-тысячный городъ есть не что иное, какъ все тотъ же удесятеренный, утысячеренный: — Круппъ! Круппъ! Круппъ!

Да, Круппъ является подлиннымъ абсолютнымъ владыкой этого своебразнаго стального «королевства», притомъ владыкой, надѣленнымъ по отношенію къ своимъ подданнымъ властью неизмѣримо болѣе могущественной и безграничной, чѣмъ власть даже самаго деспотическаго восточнаго монарха.

Источникомъ этой власти Круппа является, конечно, его исполинскій пушечный заводъ [1]). И, право, трудно представить себѣ картину болѣе грандіозную и подавляющую, чѣмъ общая панорама завода съ высоты небольшихъ холмовъ, расположенныхъ въ юго-западной части Эссена. Я долго бродилъ по улицамъ, прорѣзывающимъ крупповское царство въ разныхъ направленіяхъ, прежде, чѣмъ попалъ на возвышенность, позволяющую

[1]) Кромѣ центральнаго завода въ Эссенѣ, фирмѣ Круппъ принадлежатъ еще сталелитейный заводъ Анненъ и оружейный заводъ Грузона въ Магдебургѣ, громадная верфь въ Килѣ, 6 угольныхъ копей въ Рурской области, чугунно-литейные заводы въ Энгерсѣ, Нейвидѣ, Сайнѣ и Рейнгаузенѣ, проволочныя фабрики въ Гаммѣ, залежи желѣзной руды въ Германіи и сѣверной Испаніи и, наконецъ, собственное пароходство въ Роттердамѣ. Кромѣ того, фирма въ качествѣ крупнаго пайщика участвуетъ въ цѣломъ рядѣ другихъ горныхъ и металлургическихъ предпріятій. Общее число занятыхъ у Круппа рабочихъ достигаетъ въ настоящее время (1912 г.) 70.000, а сумма прибыли 43—44 милл. мк. въ годъ, при акціонерномъ капиталѣ въ 180 милл. мк. и цѣнности всего предпріятія въ 273 милл. мк. Однихъ дивидендовъ выплачивается ежегодно на 18 милл. мк.! Знакомясь съ этими цифрами, съ трудомъ можешь повѣрить, что старый Альфредъ Круппъ (умеръ въ 1887 г.), являющійся истиннымъ творцомъ міровой пушечной фирмы, въ 1826 г. началъ дѣло всего лишь съ *двумя* рабочими.

окинуть взоромъ все предпріятіе. Но, когда послѣ безчисленныхъ поворотовъ по небольшимъ закоптѣлымъ улицамъ, я выбрался, наконецъ, на свободное пространство и могъ бросить взглядъ въ сторону крупповскаго завода,—я невольно замеръ отъ удивленія.

У моихъ ногъ бурлилъ и клокоталъ огромный, безграничный, полный исполинскаго шума и движенія промышленный муравейникъ. Цѣлый лабиринтъ большихъ и малыхъ, длинныхъ и короткихъ строеній съ тысячами молчаливыхъ оконъ и сотнями остроконечныхъ шпилей и башенъ торопливо разбѣгался въ разныя стороны и постепенно сливался съ горизонтомъ. Издали хорошо можно было разсмотрѣть красивый куполъ главнаго управленія, гигантскій массивъ механической мастерской, могучіе краны для подъема тяжестей, медленно поворачивавшіеся на своихъ основаніяхъ, и высокія стальныя узорчатыя башни надъ глубокими пропастями угольныхъ шахтъ. Между строеніями суетливо бѣгали маленькіе, черные люди, неслись поѣзда, грохотали ленты вагоновъ, съ ревомъ и трескомъ пролетали тяжело нагруженные платформы-автомобили. Тысячеголосый гулъ исполинскаго промышленнаго предпріятія до краевъ наполнялъ напоенное дымомъ и копотью пространство: шипѣлъ паръ, вырываясь большими бѣлыми облаками изъ конусообразныхъ деревянныхъ вышекъ, слышались потрясающіе удары молотовъ-великановъ, ухали паровыя лебедки, ровно жужжали безчисленные станки и машины, лязгало желѣзо, падая на землю, и то и дѣло рѣзко разрывали воздухъ остро-протяжные свистки паровозовъ. И надъ всѣмъ этимъ лихорадочнымъ хаосомъ звуковъ и движеній спокойно возвышался густой лѣсъ высокихъ красныхъ трубъ, медленно изрыгавшихъ изъ своихъ каменныхъ глотокъ огромные клубы чернаго ѣдкаго дыма. Дымъ этотъ постепенно собирался въ тяжелую, темную тучу и, подобно плотной туманной пеленѣ, падалъ на раскинутый кругомъ Эссенъ. И тогда невольно казалось, что весь громадный, цвѣтущій городъ съ его улицами, зданіями, площадями и золотыми шпицами церквей куда-то уходитъ, проваливается, исчезаетъ, и на мѣстѣ остается лишь одинъ все заслоняющій и заполняющій собой, могучій и неодолимый:

— Круппъ! Круппъ! Круппъ!

Не знаю, сколько времени я стоялъ, весь поглощенный созерцаніемъ открывшейся предо мной картины, но, должно быть, очень долго, потому что, когда я, наконецъ, очнулся, было уже 6 часовъ. Десятки заводскихъ гудковъ оглашали своимъ протяжнымъ ревомъ воздухъ, возвѣщая объ окончаніи работъ, и широкія, расположенныя подо мной улицы зачернѣли

тысячами человѣческихъ фигуръ. Это выходили рабочіе. Ихъ выпускали въ разныя стороны черезъ 21 ворота, и все-таки въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 20 минутъ всѣ площади, улицы и переулки около завода были до краевъ наводнены темной, однотонной пролетарской толпой. Шутка ли: выходило почти 40.000 человѣкъ!..

Эссенъ замѣчателенъ не только, какъ резиденція величайшей промышленной фирмы Европы,—онъ также очень широко извѣстенъ въ Германіи и какъ классическій городъ пресловутой предпринимательской «соціальной политики». Ея иниціаторомъ является еще старый Альфредъ Круппъ, положившій начало постройкѣ дешевыхъ квартиръ для своихъ рабочихъ, организовавшій для нихъ особую пенсіонную кассу, открывшій при своемъ предпріятіи потребительное общество и т. д. Величайшая пушечная фирма, такъ много поработавшая во славу бога смерти и разрушенія, любитъ и теперь при каждомъ удобномъ случаѣ похвалиться своими рабочелюбивыми учрежденіями, ежегодно поглощающими у нея до 6 милл. мк. Названная сумма производитъ, дѣйствительно, сильное впечатлѣніе, и это впечатлѣніе еще болѣе укрѣпляется при бѣгломъ знакомствѣ съ многочисленными рабочими колоніями, разбросанными по различнымъ частямъ города. Особенно пораженъ я былъ внѣшнимъ видомъ колоніи Altenhof, предназначенной для инвалидныхъ и пенсіонированныхъ рабочихъ. Когда изъ дымнаго Эссена съ его неумолчнымъ грохотомъ и шумомъ я попалъ въ этотъ поистинѣ благословенный уголокъ съ нарядными домиками, привѣтливыми садиками и огородами, красивыми аллеями, чисто усыпанными гравіемъ и пескомъ, и огромнымъ тѣнистымъ паркомъ, въ которомъ весело играла беззаботная голубоглазая дѣтвора,—я почувствовалъ себя такъ, точно, по мановенію волшебнаго жезла, изъ мрачной юдоли скорби и страданій я былъ перенесенъ въ какой-то райскій міръ, гдѣ солнце свѣтитъ иначе, чѣмъ у насъ, и люди не знаютъ ни печали, ни воздыханій.

Но объ оборотной сторонѣ этого видимаго благополучія я услыхалъ на другой день въ бюро мѣстнаго союза рабочихъ по металлу.

— Вы спрашиваете, каковы у Круппа условія труда и организаціи?—говорилъ мнѣ молодой интеллигентный предсѣдатель союза. На вашъ вопросъ могу отвѣтить только одно: тяжелыя, очень тяжелыя. Въ прежнія времена фирма Круппъ славилась, дѣйствительно, тѣмъ, что ея рабочимъ, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи жилось лучше, чѣмъ рабочимъ дру-

тихъ предпріятій; но эти времена давно прошли. На большинствѣ окружающихъ фабрикъ и заводовъ за послѣдніе годы произошло значительное улучшеніе условій труда, а у Круппа осталось все по-старому. И что 20 лѣтъ назадъ могло считаться образцомъ прогресса и человѣколюбія, то теперь, естественно, превратилось въ полную противоположность. Вотъ вамъ живой примѣръ: у Круппа рабочій день продолжается 10 час., а на цѣломъ рядѣ сталелитейныхъ заводовъ Германіи уже давно введенъ 9, $8^1/_2$ и даже 8-час. рабочій день. То же самое и съ заработной платой: почти 70% крупповскихъ рабочихъ имѣютъ еженедѣльный заработокъ ниже 30 мк., а вотъ, напр., у конкуррента Круппа—Эрхардта въ Дюссельдорфѣ заработная плата большинства рабочихъ уже давно перешагнула за эту скромную норму. Вы спросите, конечно, въ чемъ причина столь страннаго на первый взглядъ явленія? Причина эта совершенно ясна: она кроется въ плохой организованности крупповскихъ рабочихъ. Судите сами: у Круппа въ Эссенѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, 25.000 способныхъ къ организаціи рабочихъ по металлу; изъ нихъ организовано—у насъ 3.600, у католиковъ около 3.000 и въ желтыхъ союзахъ, устроенныхъ администраціей, немного больше 6.000. Остальные вообще никуда не примыкаютъ. Вотъ и попробуйте при такомъ соотношеніи силъ добиться какого-нибудь улучшенія условій труда.

— Но чѣмъ же объясняется такая отсталость крупповскихъ рабочихъ?—невольно прервалъ я моего собесѣдника.

— Ахъ, это очень длинная и печальная тема,—отвѣчалъ онъ, безнадежно махнувши рукой.—Для этого нужно знать всю исторію крупповской фирмы. Одно могу, во всякомъ случаѣ, сказать: вотъ всѣ эти пресловутыя пенсіонныя кассы, потребительныя общества, рабочія колоніи и прочая «соціальная политика» заправилъ предпріятія,—вотъ они гдѣ у насъ сидятъ!

Предсѣдатель краснорѣчиво показалъ на затылокъ.

— Взять, напр., хотя бы пенсіонную кассу, о которой такъ много кричатъ въ печати и въ обществѣ,—продолжалъ онъ, оживляясь.—Уставъ ея таковъ, что въ случаѣ увольненія рабочій теряетъ всякія права какъ на полученіе пенсіи, такъ и на возвратъ сдѣланныхъ имъ взносовъ. А между тѣмъ фирма выкидываетъ съ фабрики всякаго, о которомъ узнаетъ, что онъ принадлежитъ къ нашей организаціи. Подумайте же теперь, какъ трудно залучить въ профессіональный союзъ человѣка, прослужившаго, скажемъ, 10—12 лѣтъ на заводѣ и скопившаго себѣ въ кассѣ малую толику! Не лучше обстоитъ дѣло и съ фабрич-

ными квартирами. Вы вотъ были въ колоніи Altenhof и умилились ея нарядной внѣшностью. Внѣшность Altenhof'а хороша,— не спорю. Но, знаете ли вы, что каждый рабочій, попадающій туда, становится почти въ буквальномъ смыслѣ слова рабомъ: во всемъ, рѣшительно во всемъ онъ долженъ танцовать по указкѣ управленія, даже газеты онъ можетъ выписывать только разрѣшенныя управленіемъ, даже принимать у себя гостей онъ можетъ только такихъ, противъ которыхъ ничего не имѣетъ управленіе. Упаси Боже, если рабочій, живущій въ колоніи, вздумаетъ читать с.-д. газету или терпѣть посѣщенія нашего Vertrauensmann'а [1])! Вотъ вамъ и еще одно крупное препятствіе для союзной работы. А не жить въ колоніи почти что невозможно: квартирныя цѣны въ городѣ слишкомъ высоки. Прибавьте къ этому еще страшно развитую на заводѣ систему шпіонства и наушничества, которыми особенно усердно занимаются члены желтой организаціи, наличность большого контингента стариковъ, воспитанныхъ въ правилахъ смиренія и чинопочитанія, и полную невозможность для рабочаго, однажды выкинутаго отъ Круппа, устроиться гдѣ бы то ни было въ Эссенѣ и его окрестностяхъ,—и вы поймете наше положеніе. Да, тяжело здѣсь работать! Каждую пядь земли приходится отвоевывать съ неимовѣрнымъ трудомъ, ибо нигдѣ въ Германіи давленіе капитала не сильно такъ, какъ именно у Круппа! Вѣдь до чего доходитъ дѣло: когда умираетъ кто-нибудь изъ членовъ нашего союза,— семья покойнаго отказывается принимать даже вѣнокъ отъ организаціи. А почему? Боятся!

— Впрочемъ,—закончилъ мой собесѣдникъ, тряхнувъ головой,—не слѣдуетъ отчаяваться: уже теперь легче, чѣмъ было 7—8 лѣтъ назадъ, а еще черезъ 7—8 лѣтъ станетъ и совсѣмъ хорошо. Что бы тамъ ни придумывали Круппъ и К°, а будущее все-таки принадлежитъ намъ! На послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ мы получили въ Эссенѣ 40.000 голосовъ, и нашъ кандидатъ едва не побилъ представителя центра. Это хорошій признакъ: въ концѣ концовъ, мы побѣдимъ! Дайте только срокъ!

Я на прощанье крѣпко пожалъ ему руку.

Бохумъ.

Вотъ уже второй день, какъ я сижу въ центральномъ правленіи «стараго» (соціалистическаго) союза горнорабочихъ. Мнѣ нужны нѣкоторыя данныя о развитіи каменноугольной промышленности и условіяхъ труда пролетаріата въ Рурской области, а

[1]) Низшій представитель союзной администраціи.

здѣсь, въ союзной библіотекѣ, накоплено по этимъ вопросамъ много цѣнныхъ и богатыхъ матеріаловъ. Предсѣдатель союза, депутатъ рейхстага Саксе, проводивъ меня въ небольшой залъ засѣданій правленія, весь заставленный высокими шкафами съ книгами и различными документами, тономъ привѣтливаго хозяина заявилъ:

— Ну, вотъ вамъ и помѣщеніе для работы, сидите здѣсь и занимайтесь, сколько хотите. У насъ, правда, назначено сегодня одно совѣщаніе, но народу будетъ немного—5—6 человѣкъ,—такъ мы васъ тревожить не станемъ: размѣстимся въ моемъ кабинетѣ.

И вотъ я сижу, окруженный толстыми томами статистическихъ изслѣдованій, читаю, дѣлаю выборки и комбинирую полученныя данныя. И мало-по-малу изъ сухихъ, холодныхъ цифръ предо мной начинаетъ отчетливо выступать истинная физіономія этой замѣчательной мѣстности. Какая ужасная, искаженная болью и безумнымъ страданіемъ физіономія! Здѣсь, въ Рурской области, круглый годъ занято 350.000 углекоповъ. Въ теченіе 12 мѣсяцевъ они выбрасываютъ на поверхность свыше 90 милл. тоннъ драгоцѣннаго топлива, т. е. болѣе половины всего количества каменнаго угля, добываемаго въ предѣлахъ Германіи. Условія жизни и труда этой огромной пролетарской арміи способны привести въ содроганіе даже очень хладнокровнаго человѣка. Средняя дневная заработная плата рурскаго горнорабочаго, по даннымъ оффиціальной статистики, колебалась въ послѣднія 10 лѣтъ между 4 и $5^1/_2$ мк. Пять съ половиной марокъ въ день за каторжный трудъ углекопа,—это поистинѣ не слишкомъ-то много! Длина рабочаго дня въ настоящее время равняется 8 час., а со спускомъ и подъемомъ $8^1/_2$ ч., но даже и эта «соціалистическая норма» рабочаго времени въ примѣненіи къ области горнаго дѣла даетъ ужасные результаты: обычная заболѣваемость среди рурскихъ углекоповъ достигаетъ 60—65%, а средняя продолжительность ихъ жизни—всего лишь 41 годъ! Если прибавить къ этому огромную опасность производства—ежегодно каждый 7-й горнорабочій терпитъ какое-нибудь несчастье,—то общая картина положенія угольнаго пролетаріата станетъ еще болѣе рельефной и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе безотрадной. И невольно въ головѣ рождается вопросъ: какъ могутъ жить при такихъ условіяхъ сотни тысячъ разумныхъ и свободныхъ человѣческихъ существъ, и жить не годъ, не два, а изъ поколѣнія въ поколѣніе?

Въ одинъ изъ перерывовъ въ работѣ я подхожу къ Саксе

и обращаюсь къ нему съ нѣкоторыми вопросами, касающимися моихъ изысканій. Саксе охотно разъясняетъ мои сомнѣнія и посвящаетъ меня въ тайны господствующихъ на мѣстѣ отношеній. Я слушаю его рѣчь, смотрю на его рослую красивую фигуру съ умнымъ, интеллигентнымъ лицомъ и ясными голубыми глазами и невольно вспоминаю исторію этого замѣчательнаго человѣка, разсказанную мнѣ какъ-то однимъ изъ его коллегъ: долгіе годы тяжелаго труда въ шахтахъ, переходъ въ ряды соціалъ-демократіи, жестокія гоненія со стороны предпринимателей, потеря заработка, нужда и лишенія, затѣмъ энергичная работа въ кооперативномъ движеніи, кипучая дѣятельность въ профессіональномъ движеніи, председательскій постъ въ союзѣ горнорабочихъ, руководство двумя большими стачками 1905 и 1912 г.г., наконецъ, рейхстагскій мандатъ и рядъ блестящихъ выступленій въ парламентѣ въ связи съ различными событіями въ жизни «черныхъ богатырей». Больше 20 лѣтъ стоитъ онъ уже въ первыхъ рядахъ движенія и будетъ стоять въ нихъ до гробовой доски. Какъ безконечно-длиненъ долженъ быть путь, пройденный этимъ талантливымъ самородкомъ отъ положенія простого рабочаго до положенія признаннаго вождя пролетаріата! Какъ велики должны быть его природныя дарованія! Буржуазія имѣетъ своихъ героевъ, пролетаріатъ имѣетъ также своихъ...

Къ намъ подходятъ другіе члены центральнаго правленія— все рослыя, здоровыя, широкоплечія фигуры съ бѣлокурыми волосами и свѣтлыми голубыми глазами. Настоящіе тевтоны, какъ ихъ рисуютъ на старинныхъ гравюрахъ! Подходитъ редакторъ польскаго органа, издаваемаго союзомъ для горнорабочихъ-поляковъ. Онъ пробуетъ заговорить со мной по-польски, однако мои познанія въ этомъ языкѣ оказываются—увы!—очень незначительными, и намъ приходится перейти на нѣмецкій. Члены правленія интересуются современнымъ положеніемъ Россіи, и я даю имъ довольно пространныя объясненія по вопросамъ, касающимся нашихъ домашнихъ дѣлъ. Въ свою очередь, и они разсказываютъ мнѣ о положеніи дѣлъ въ Рурскомъ районѣ и дѣлятся воспоминаніями и впечатлѣніями изъ своей богатой опытомъ и наблюденіями жизни. Мало-по-малу разговоръ переходитъ на послѣднюю неудачную стачку углекоповъ, и настроеніе присутствующихъ рѣзко измѣняется: всѣ какъ-то сразу мрачнѣютъ, подбираются, лица становятся серьезными и сосредоточенными. Видимо, событія, пережитыя весной 1912 г., оставили въ ихъ душѣ глубокій слѣдъ, и до сихъ поръ не зажили еще нанесенныя тогда раны.

— Нѣтъ,—говоритъ нѣсколько горячась и волнуясь, одинъ изъ членовъ центральнаго правленія,—что бы тамъ ни толковали, а все жъ таки главной, основной причиной нашей неудачи приходится считать исполинскую концентрацію капитала въ угольномъ дѣлѣ. Вотъ, не угодно ли взглянуть,—протягиваетъ онъ мнѣ небольшой печатный листокъ, испещренный длинными колонками цифръ,—здѣсь собраны данныя о количествѣ шахтъ и рабочихъ, находящихся въ распоряженіи 11 крупнѣйшихъ Рурскихъ фирмъ.

Я беру листокъ и читаю:

	Шахтъ.	Рабочихъ.
Фирма Вальдгаузенъ	25	44.541
„ Ганіэль	20	42.440
„ Штинесъ	25	38.367
Акціонерное О-во въ Гельзенкирхенѣ	21	36.609
Акціонерное О-во въ Гарненъ .	21	27.782
Фирма Функе	20	23.636
Акціонерное О-во Гибернія . .	11	20.400
„ „ Фениксъ . .	10	18.707
Фирма Тиссенъ	5	16.951
„ Круппъ	6	12.716
Казна	7	9.563
	171	291.742

— Вы видите,—продолжаетъ мой собесѣдникъ,—11 фирмъ располагаютъ 171 шахтой и занимаютъ почти 300.000 рабочихъ. На долю же остальныхъ 31 фирмъ приходится только 51 шахта и 65 тыс. рабочихъ! Эта концентрація что-нибудь да значитъ! А, если еще принять во вниманіе, что многія изъ перечисленныхъ 11 фирмъ, напр., Круппъ, Тиссенъ и др., кромѣ угольныхъ копей имѣютъ также доменныя печи, чугуннолитейные заводы, сталелитейные заводы и т. д., то придется признать, что общее количество работающихъ на нихъ пролетаріевъ достигаетъ приблизительно 500 тыс. человѣкъ. Вѣдь это цѣлая огромная армія, съ семьями, составляющая около $2^1/_2$ милл. душъ! Далеко не каждое нѣмецкое государство насчитываетъ столько населенія. И вотъ жизнью и смертью этой колоссальной массы людей распоряжается крохотная горсточка магнатовъ капитала, вся могущая помѣститься за однимъ столомъ! Имѣйте при этомъ еще въ виду, что пролетаріатъ сталкивается въ Рурскомъ бассейнѣ не только съ исполинской экономической,

но также и гигантской политической силой. Такъ называемая рейнско-вестфальская Schwerindustrie («тяжелая промышленность») чрезвычайно влiятельна въ правительственныхъ кругахъ. Весь германскiй милитаризмъ дѣлается здѣсь въ Рурской обл.— Круппомъ и К°[1]), нити, приводящiя въ движенiе берлинскiя министерства, также въ очень значительной степени находятся здѣсь; излишне доказывать, что и вся мѣстная рурская администрацiя находится въ прямой или косвенной зависимости отъ угольныхъ бароновъ. Къ ихъ услугамъ—вся мощь государственнаго аппарата, въ особенности, когда дѣло касается подавленiя рабочаго движенiя. Во время послѣдней стачки мы это хорошо почувствовали: весь Рурскiй районъ былъ объявленъ на осадномъ положенiи и въ немъ было сконцентрировано 5.000 городовыхъ и жандармовъ со всѣхъ концовъ страны...

— Мы ужъ думали было, что находимся въ Россiи,—вставилъ съ улыбкой редакторъ-полякъ.

— Такъ вотъ съ какимъ противникомъ намъ приходится имѣть дѣло!—продолжалъ членъ правленiя.—А тутъ еще эти «христiане» съ своей измѣной и принципiальнымъ штейкбрехерствомъ!

Онъ остановился на мгновенiе и затѣмъ съ глухимъ волненiемъ въ голосѣ прибавилъ:

— Вы слышали, вѣроятно, что въ организацiонномъ отношенiи нѣмецкiе горнорабочiе крайне раздроблены, и это въ особенности печально потому, что, наоборотъ, капиталъ въ нашей отрасли промышленности сплоченъ и объединенъ, какъ нигдѣ. Передъ началомъ борьбы положенiе дѣлъ было таково: у насъ въ союзѣ—120 тыс. членовъ, у «христiанъ»—80 тыс., у поляковъ (они имѣютъ особую организацiю)—40 тыс. и у гиршъ-дункерцевъ—4.000. Такимъ образомъ, сильнѣйшей изъ несоцiалистическихъ организацiй была христiанская. Чѣмъ объясняется успѣхъ католиковъ среди горнорабочихъ,—очень сложный вопросъ: тутъ играютъ роль и общiй низкiй уровень сознанiя массы углекоповъ, и глубокая религiозность ихъ, питаемая самыми условiями и опасностями труда, и удаленность отъ центровъ городской жизни, и многое другое. Но какъ бы то ни было фактъ остается фактомъ: христiанскiй союзъ горнорабочихъ, сравнительно очень силенъ, и безъ него мы не въ состоянiи вести сколько-нибудь успѣшную борьбу съ предпринимателями. А нынче какъ разъ христiанскiе рабочiе, и только

[1]) Извѣстныя разоблаченiя К. Либкнехта въ рейхстагѣ весной 1913 г. вполнѣ подтверждаютъ это мнѣнiе.

они (остальные бастовали вмѣстѣ съ нами), подчиняясь директивамъ, исходящимъ отъ центра, измѣнили общему дѣлу, и въ результатѣ стачка была проиграна. Можете себѣ представить, какое положеніе создалось здѣсь благодаря предательству католиковъ. Отношенія между нашей публикой и «христіанами» никогда не были особенно дружественными, но то, что происходитъ въ Рурскомъ районѣ теперь, послѣ стачки, не поддается никакому описанію: взаимное озлобленіе, ссоры, столкновенія, драки, а чуть что—поножевщина... Да,—закончилъ онъ,—не весело тутъ сейчасъ жить!

На минуту воцарилось тяжелое молчаніе.

— И все-таки,—какъ бы возражая предыдущему оратору, началъ другой членъ правленія,—несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, какъ безконечно много сдѣлала профессіональная организація! Развѣ имѣли бы горнорабочіе хотя бы нынѣшнюю заработную плату, если бы не было союза? Конечно, нѣтъ. Развѣ существовало бы даже то незначительное законодательство по охранѣ труда въ горномъ дѣлѣ, которое мы имѣемъ, если бы не было союза, да еще с.-д. партіи? Конечно, нѣтъ. Вы были въ Эссенѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—и знаете порядки въ крупповскихъ рабочихъ колоніяхъ. Такъ вотъ совершенно такіе же порядки господствовали и въ рабочихъ колоніяхъ при шахтахъ еще лѣтъ 7—8 назадъ. А теперь тамъ полная свобода: управленіе копи заботится только объ аккуратномъ поступленіи квартирной платы, а до всего остального ему никакого дѣла нѣтъ. Кто сломалъ прежніе рабскіе порядки въ рабочихъ поселкахъ? Конечно, все тотъ же союзъ.

— Да и только ли это?—продолжалъ, оживляясь, вождь горнорабочихъ.— Пожалуй, ничто меня такъ сильно не поражаетъ, какъ огромное культурное вліяніе профессіональнаго движенія на массу. За послѣднія 20 лѣтъ люди стали совсѣмъ другіе. Я хорошо помню первый съѣздъ горнорабочихъ, на которомъ былъ основанъ нашъ союзъ,—ахъ, это была поистинѣ замѣчательная картина! Делегаты, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Германіи, жарили каждый на своемъ діалектѣ,—поэтому, саксонцы не понимали вестфальцевъ, а вестфальцы не понимали баварцевъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что мы должны были переводить рѣчи съ одного діалекта на другой. Пили делегаты невѣроятно много, даже въ залъ засѣданія притаскивали иногда съ собой довольно объемистыя бутылки съ водкой,—оттого дебаты принимали подчасъ чрезвычайно бурный и даже опасный для общественнаго порядка характеръ. А если бы вы по-

смотрѣли на костюмы! Грязныя рубашки безъ воротничковъ, засаленные пиджаки, мятыя шляпенки и почернѣвшіе отъ пыли сапоги. И это вовсе не изъ-за недостатка денегъ, а просто потому, что таковы были нравы. А теперь? Теперь наши делегаты на съѣздахъ говорятъ на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ, о водкѣ забыли и думать, одѣты всѣ чуть ли не по послѣдней модѣ. Да что делегаты! Пройдитесь какъ-нибудь въ воскресеніе по улицамъ Бохума, и вы увидите, какими франтами ходятъ горнорабочіе. И вѣдь пить стали куда меньше, чѣмъ раньше, хотя, конечно, и сейчасъ еще достаточно пьютъ. Нѣтъ, какъ бы ни были печальны отдѣльныя неудачи, а рабочее движеніе все-таки великая вещь; изъ темнаго, неотесаннаго дикаря оно создаетъ разумную и сознательную человѣческую личность, именно личность! А въ этомъ все. Пусть пока торжествуютъ Штинесы и К°, но, въ конечномъ счетѣ, будущее принадлежитъ все-таки намъ!

И здѣсь, какъ и въ Эссенѣ, все то же глубокое, непоколебимое убѣжденіе въ грядущемъ торжествѣ пролетарскаго дѣла. И неужели люди, умѣющіе такъ сильно и беззавѣтно вѣрить, не сумѣютъ, въ концѣ-концовъ, побѣдить всѣхъ своихъ большихъ и малыхъ враговъ?..

Гельзенкирхенъ.

Итакъ, я въ пути! Второй день съ горнымъ мѣшкомъ за плечами и суковатой палкой въ рукахъ, частью пѣшкомъ, частью на трамваѣ, я двигаюсь съ мѣста на мѣсто по Рурской области. Пусть не удивляется читатель, что я говорю: на трамваѣ. Рурскій районъ, конечно, вдоль и поперекъ изрѣзанъ ж.-д. линіями. Такой густой ж.-д. сѣти мнѣ до сихъ поръ еще никогда не приходилось встрѣчать. Это какой-то безконечный лабиринтъ широкихъ и узкихъ, главныхъ и второстепенныхъ стальныхъ путей, такъ что, когда первый разъ смотришь на ж.-д. карту Рурской области, въ глазахъ невольно начинаетъ рябить. И тѣмъ не менѣе, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, здѣсь повсюду имѣется еще трамвай. Отъ Гамма до Дюссельдорфа и отъ Реклингсгаузена до Золингена, т.-е. весь Рурскій промышленный районъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, вы можете проѣхать, даже не побывавъ въ вагонѣ ж.-д. дороги. И вѣдь замѣчательнѣе всего, пожалуй, то, что и тысячи поѣздовъ, ежедневно пробѣгающихъ по линіямъ Рурской области, и тысячи же разноцвѣтныхъ трамвайныхъ вагоновъ, быстро несущихся изъ города въ городъ, всегда полны, всегда биткомъ набиты.

Мнѣ хочется лучше вглядѣться въ оригинальную физіономію этой замѣчательной мѣстности, глубже вдышаться въ ея напоенный каменноугольной отравой воздухъ, и потому я большей частью иду пѣшкомъ. Какая странная, полная глубокаго своеобразія картина кругомъ! За первые два дня пути я сдѣлалъ приблизительно 50 км., и все время я шелъ непрерывнымъ, сплошнымъ, полнымъ шума и движенія городомъ. Я отнюдь не преувеличиваю, а передаю лишь подлинную правду. Если отъ Рейна вы двинетесь на востокъ, по прямой линіи въ сторону Гамма, то на самомъ же берегу рѣки вы наткнетесь прежде всего на крупный промышленный центръ Дуисбургъ, насчитывающій около 230 тыс. жителей. Восемью километрами дальше вы встрѣтите Мюльгеймъ на Рурѣ съ 115 тыс. жителей, еще 11-ю км. дальше — Эссенъ съ 300 тыс. жителей, еще 16-ю дальше—Бохумъ съ 140 тыс. жителей, и, наконецъ, еще 19-ю км. дальше—Дортмундъ съ 215 тыс. жителей; итого, на протяженіи какихъ-нибудь 54 км. 5 крупныхъ городовъ съ почти милліоннымъ населеніемъ! Но не слѣдуетъ думать при этомъ, что пространство между Дуисбургомъ и Мюльгеймомъ или между Эссеномъ и Бохумомъ представляетъ собой тихій сельскій ландшафтъ съ широкими полями колосящейся ржи и мирными стадами пасущихся коровъ,—о, нѣтъ! Промежутки между крупными городами сплошь заполнены до краевъ мелкими городками и рабочими поселками съ ихъ скучно-однообразными прямыми улицами, небольшими закопченными двухъ-этажными домиками, какъ двѣ капли воды похожими одинъ на другой, и толпами шумящихъ и играющихъ пролетарскихъ дѣтей. Кругомъ ни листочка, ни кустика! Только мрачно темнѣютъ огромныя горы черной, жирной земли, крутятся быстро колеса на стальныхъ узорчатыхъ башняхъ, пылаютъ и шипятъ доменныя печи, да медленно курятся высокія красныя трубы, заволакивая небо туманной пеленой. Городъ, непрерывный промышленный городъ! Гигантскій, закопченный человѣческій муравейникъ, не знающій покоя ни ночью, ни днемъ!..

Я медленно подвигаюсь впередъ, внимательно приглядываясь къ окружающей обстановкѣ. Какое тяжелое, давящее впечатлѣніе производитъ вся эта широкая, почернѣвшая отъ копей и заводовъ равнина! Дороги плохо вымощены и утрамбованы, и на нихъ повсюду лежитъ черная, мелкая, угольная грязь. Навстрѣчу непрерывно попадаются медленно плетущіяся фигуры безъ рукъ, безъ ногъ, съ перебитыми плечами или искривленнымъ лицомъ,—все живыя иллюстраціи къ статистикѣ несчастныхъ случаевъ въ

горномъ дѣлѣ. На улицахъ и рѣдкихъ полянкахъ, покрытыхъ тощей пожелтѣвшей травой, бѣгаютъ и рѣзвятся дѣти, блѣдныя, голубоглазыя, точно чахлые полевые цвѣты, выросшіе въ щеляхъ между камнями городской мостовой. Около многочисленныхъ пивныхъ и дешевыхъ ресторановъ замѣчается особенно сильное движеніе: хлопаютъ двери, входятъ и выходятъ люди, порой сквозь открытое окно видны низкіе своды темноватаго зала, густо набитаго человѣческой толпой. Повсюду масса сѣрыхъ, измученныхъ, испитыхъ лицъ. Да и что жъ удивительнаго? Вчера днемъ мнѣ пришлось проходить мимо шахты какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оттуда выходили рабочіе. Этого зрѣлища я никогда не забуду: высокіе, сильные, здоровые мужчины шли, буквально шатаясь изъ стороны въ сторону, съ впалыми почернѣвшими лицами, съ блуждающими полубезсознательными глазами. Отъ всего ихъ измученнаго существа вѣяло лишь одной болью, однимъ всепоглощающимъ чувствомъ — чувствомъ безумной, безграничной усталости. Черная шахта высосала изъ нихъ обычную дневную порцію крови и нервовъ и теперь выплевывала ихъ наружу, какъ никуда негодные объѣдки...

Замѣчателенъ также глубокій интернаціонализмъ всего этого своеобразнаго угольнаго царства. Кого, кого тутъ только нѣтъ! Какихъ племенъ, нарѣчій, состояній! Вчера утромъ я миновалъ цѣлый районъ, гдѣ не слышалъ иной рѣчи, кромѣ польской. Поляковъ въ Рурской области особенно много—свыше 100 тыс. человѣкъ—они имѣютъ здѣсь свои газеты, свои организаціи и на выборахъ даже выставляютъ собственныхъ кандидатовъ. Вчера же, нѣсколько дальше я наткнулся на довольно большой итальянскій поселокъ, расположенный въ непосредственной близости отъ одной изъ шахтъ. Тамъ же на перекресткѣ двухъ дорогъ мнѣ попались два самыхъ подлинныхъ желтолицыхъ китайца, впрочемъ, одѣтыхъ въ европейское платье. Они внимательно оглядѣли меня своими косыми, нѣсколько лукавыми глазами и, чему-то ухмыльнувшись, исчезли за ближайшимъ поворотомъ. А сегодня днемъ у меня произошла, пожалуй, еще болѣе любопытная встрѣча. На пути между Герне и Гельзенкирхеномъ меня остановилъ неизвѣстный пожилой мужчина съ свѣтло-русыми волосами и низко-свѣсившимися свѣтло-русыми же усами, одѣтый въ довольно неопрятный потрепанный костюмъ. На какомъ-то невѣроятномъ нѣмецкомъ языкѣ онъ пытался что-то объяснить мнѣ, но что именно, я никакъ не могъ уловить. Въ лицѣ и манерахъ моего случайнаго собесѣдника мнѣ показалось что-то до чрезвычайности знакомое, вдобавокъ изо рта у него несло самымъ настоящимъ спиртнымъ перегаромъ.

— Да, вы, можетъ быть, русскій?—рѣшился я спросить послѣ нѣкотораго колебанія.

Онъ оказался уроженцемъ Подольской губерніи. Кое-какъ мы съ нимъ сговорились—онъ разыскивалъ колонію своихъ земляковъ и не зналъ, какъ пройти въ одно изъ близлежащихъ мѣстечекъ,—и распрощались, подавъ другъ другу руки: все-таки соотечественники.

Да, кого, кого тутъ только нѣтъ! Нѣмцы, французы, голландцы, бельгійцы, датчане, итальянцы, венгерцы, поляки, словенцы, русскіе, чехи, русины... Утверждаютъ, что въ Рурской обл. представлено 36 національностей! Отчего и нѣтъ? Капиталъ, когда дѣло касается прибыли и эксплуатаціи, становится поистинѣ космополитичнымъ. И вся эта огромная разноплеменная и разноязычная толпа, гонимая голодомъ и холодомъ изъ родной земли, стекается сюда чуть не со всѣхъ концовъ земного шара для того, чтобы медленно гибнуть въ глубокихъ, темныхъ подземельяхъ и рождать въ нечеловѣческихъ мукахъ для немногихъ властелиновъ земли чистое, звонкое, блестящее золото...

Ваттеншейдъ.

Случай играетъ въ жизни человѣка все-таки очень большую роль. Первоначально я совсѣмъ не собирался останавливаться въ Ваттеншейдѣ, а думалъ, миновавъ его, пройти дальше на югъ въ сторону Бармена и Эльберфельда. Но какъ разъ, когда вчера днемъ я подходилъ къ этому опоясанному шахтами и черному отъ угольнаго дыма селенію, небо вдругъ заволоклось тучами, блеснула молнія, и раздались первые удары грома. Мнѣ не хотѣлось мокнуть подъ дождемъ, и я рѣшилъ переждать грозу въ Ваттеншейдѣ. Кстати, я вспомнилъ, что именно здѣсь находится одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей союза горнорабочихъ, котораго мнѣ рекомендовали еще въ Бохумѣ, и, чтобъ быстрѣе скоротать время ожиданія, зашелъ къ нему на часокъ познакомиться. Зашелъ, да вотъ, повидимому, и застрялъ въ Ваттеншейдѣ надолго. И виной тому не кто иной, какъ мой новый знакомый.

Мнѣ много и часто приходилось сталкиваться съ представителями нѣмецкой рабочей массы, но, долженъ сознаться, рѣдкій изъ нихъ производилъ на меня такое сильное, почти чарующее впечатлѣніе, какъ этотъ широкоплечій, голубоглазый шахтеръ, проведшій большую часть своей сознательной жизни

во мракѣ рурскихъ подземелій. По натурѣ Георгъ—такъ звали моего новаго знакомаго—былъ настоящимъ поэтомъ съ яркой фантазіей и сложнымъ, многообразнымъ міромъ ощущеній, а суровая судьба заставила его держать въ рукахъ кирку рудокопа и въ потѣ лица своего зарабатывать хлѣбъ свой. Тяжелыя условія жизни не смогли, однако, окончательно задавить природныхъ наклонностей. Изъ Георга не вышелъ ни великій художникъ, ни великій поэтъ (онъ, впрочемъ, писалъ стихи и печаталъ ихъ въ женской рабочей газетѣ), но зато міръ искусства и литературы сталъ его родной сферой, куда онъ любилъ убѣгать отъ прозы и горестей окружающей жизни. Стѣны его прескромной пролетарской квартиры были обильно увѣшаны прекрасными репродукціями Микель-Анджело, Менье, Родэна и др. скульпторовъ, а надъ самымъ письменнымъ столомъ помѣщался большой снимокъ съ извѣстной картины Менцеля «Чугунно-литейный заводъ». На книжныхъ полкахъ, которыхъ въ комнатѣ было необычно много, кромѣ цѣлаго ряда различныхъ соціалистическихъ изданій, стояли красиво переплетенные томики нѣмецкихъ классиковъ и многихъ иностранныхъ писателей. Взглянувъ на корешки, я между прочимъ замѣтилъ имена Толстого, Золя, Достоевскаго и Ибсена. Нѣсколько особое мѣсто занимали сочиненія Горькаго и Гейне: довольно потрепанные переплеты послѣднихъ указывали, повидимому, на то, что эти авторы пользуются преимущественнымъ вниманіемъ хозяина.

Молодая жена Георга, съ которой онъ поспѣшилъ меня познакомить, также производила очень выгодное впечатлѣніе. Когда мы вошли въ ея комнату, она сидѣла у окна и, напѣвая вполголоса вестфальскую народную пѣсню, что-то шила, склонившись надъ машиной.

— Точно современная Маргарита, — мелькнуло у меня въ головѣ.

Несмотря на тяжелую домашнюю работу, слѣды которой можно было замѣтить на ея рукахъ, жена Георга еще хорошо сохранилась, и порой въ ея ясныхъ, немножко лукавыхъ голубыхъ глазахъ какъ будто бы даже вспыхивали задорные огоньки. Для нѣмецкой женщины она была сравнительно очень интеллигентна, читала регулярно «Gleichheit» *) и даже состояла членомъ мѣстной с.-д. организаціи. Въ общемъ она прекрасно гармонировала со своимъ мужемъ, и, когда оба они стояли посреди комнаты рядомъ, мнѣ невольно пришло въ голову:

---

*) Женскій с.-д. органъ.

— Какая хорошая дружная пара!

Немного спустя вернулись изъ училища дѣти — мальчикъ лѣтъ 6 и дѣвочка лѣтъ 8,—оба веселые, задорные, полные еще неостывшаго послѣ школы оживленія. Мать заботливо усадила ихъ за столъ и тотчасъ же энергично захлопотала по хозяйству. Дѣти пили кофе, уплетали буттерброды за обѣ щеки и, болтая ногами, разсказывали самыя свѣжія школьныя новости.

Я сидѣлъ на стулѣ, смотрѣлъ на эту мирную семейную картину, и у меня невольно пропадала рѣшимость идти сегодня же дальше. Отъ всей небольшой уютной квартиры и отъ ея милыхъ, привѣтливыхъ обитателей вѣяло такой теплотой, такой глубокой, не часто встрѣчающейся среди нѣмцевъ внутренней культурностью, что какъ-то само собой рождалось желаніе подольше побыть съ ними, поговорить, посмѣяться и побесѣдовать вволю. Точно угадавъ мое настроеніе, Георгъ предложилъ:

— Да оставайтесь-ка вы на сегодня у насъ. Куда вы пойдете, на ночь-то глядя?

Я нѣсколько поколебался и, въ концѣ концовъ, остался. И теперь не жалѣю объ этомъ...

Послѣобѣденное время прошло въ общей непринужденной бесѣдѣ, въ которой дѣятельное участіе принимали и младшіе члены семьи, а вечеромъ, послѣ ужина, когда дѣти и жена улеглись спать, мы перешли съ Георгомъ въ его кабинетъ, служившій одновременно и бюро мѣстной союзной организаціи, и мало-по-малу разговорились.

— Вы хотите знать, какъ я сдѣлался с.-д.,—говорилъ Георгъ уже въ началѣ двѣнадцатаго часа, отвѣчая на заданный ему мной вопросъ,—но, право же, въ моемъ «обращеніи» не было ничего особенно исключительнаго. Такъ «обращаются» ежедневно сотни и тысячи рабочихъ кругомъ. Мой отецъ былъ шахтеромъ въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ подъ Ахеномъ,—вы вѣдь знаете, какой это сугубо черный районъ,—и съ ранняго дѣтства воспитывалъ меня въ строго-католическомъ духѣ. Каждое воскресеніе я ходилъ въ церковь, въ положенные сроки исповѣдывался и причащался, и всякое новое дѣло начиналъ непремѣнно съ молитвы. Священникъ нашего селенія,—ярый агитаторъ центра,—неустанно твердилъ намъ, что самое важное для человѣка,—это имѣть вѣру, ибо человѣкъ безъ вѣры все равно, что пропащая овца, разбойникъ, исчадіе ада, сосудъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ. Я слушалъ эти рѣчи и принималъ ихъ, конечно, за святую истину. 18 лѣтъ я поступилъ на работу и сразу же сдѣлался ревностнымъ членомъ «христіанскаго»

союза углекоповъ. Только тутъ я впервые услышалъ о существованіи какихъ-то соціалъ-демократовъ, которые въ Бога не вѣрятъ и властей не желаютъ признавать. Однако, посмотрѣть поближе на эту диковинную породу людей мнѣ долго не представлялось возможности, такъ какъ въ той копи, гдѣ я работалъ, с.-д. не было. Три года спустя я вынужденъ былъ перемѣнить мѣсто служенія и на новой шахтѣ уже лицомъ къ лицу столкнулся съ с.-д. Вначалѣ я ихъ тщательно обѣгалъ, ожидая каждый моментъ съ ихъ стороны какого-нибудь предательскаго удара. Еще бы! Вѣдь они же были безбожники, а, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, подобные люди мало чѣмъ отличались отъ молодцовъ съ большой дороги. Каково же было, однако, мое изумленіе, когда, приглядѣвшись поближе къ своимъ новымъ товарищамъ, я замѣтилъ, что они отнюдь не разбойники, а очень добрые, простые и сердечные люди. Выходило, значитъ, такимъ образомъ, что священникъ, говорившій о злокозненности людей, не имѣющихъ вѣры, просто-на-просто морочилъ мнѣ голову? Эта мысль была первымъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ моему правовѣрному католическому благочестію. Но за первымъ сомнѣніемъ, естественно, послѣдовали другія. Я говорилъ себѣ: если священникъ обманулъ тебя въ одномъ, то не обманывалъ ли онъ тебя также и во всемъ остальномъ? Не морочилъ ли онъ вообще тебѣ голову со всей этой религіей, съ проповѣдью смиренія здѣсь, на землѣ, и обѣщаніемъ награды тамъ, на небесахъ?

Георгъ на минуту остановился, точно охваченный волной нахлынувшихъ воспоминаній, и затѣмъ снова продолжалъ:

— Ну-съ, такъ вотъ, когда въ одинъ прекрасный день я поставилъ себѣ этотъ вопросъ, я почувствовалъ вдругъ, какъ свѣтъ темнѣетъ у меня въ глазахъ, и я падаю въ какую-то ужасную бездну. Однако, забыть своихъ сомнѣній и вернуться къ старой наивной вѣрѣ я уже больше не могъ. Душевный покой мой былъ нарушенъ, и я сталъ мучительно искать отвѣта на мои недоумѣнія. Я набросился на книги по вопросамъ религіи, естествознанія и общественной жизни, которыя мнѣ охотно доставляли мои с.-д. коллеги. Вернувшись домой изъ шахты, усталый и измученный, засиживался надъ ними до глубокой ночи и все думалъ, думалъ, безъ конца думалъ. Помню изъ всѣхъ книгъ, проглоченныхъ мной въ тотъ періодъ, особенно сильное впечатлѣніе на меня произвели двѣ: «Происхожденіе видовъ» Дарвина и «Женщина и соціализмъ» Бебеля. Два мѣсяца ходилъ я, точно въ туманѣ, а послѣдніе 8 дней буквально не смыкалъ глазъ, совсѣмъ было извелся. И все время мое сознаніе сверлилъ одинъ

и тотъ же страшный, безконечно мучительный вопросъ: да неужели же все то, чему я до сихъ поръ такъ благоговѣйно поклонялся, было только воображеніе и обманъ?!

Наконецъ, произошелъ кризисъ: въ одну памятную ночь я отрекся отъ всего своего духовнаго прошлаго и рѣшилъ сдѣлаться инымъ человѣкомъ. На утро слѣдующаго дня я отправился въ бюро соціалистическаго союза горнорабочихъ и заявилъ: «Запишите меня, я вступаю членомъ въ вашу организацію». Вотъ и вся исторія моего «обращенія»...

— Ну, и какъ же отнеслись къ вашему обращенію ваши родственники, мать, отецъ?—почему-то нѣсколько пониженнымъ тономъ задалъ я вопросъ.

— Отецъ—отвѣчалъ Георгъ—проклялъ меня и такъ и умеръ, не повидавшись и не простившись со мной. Упорный былъ старикъ! Ну, а мать мало-по-малу смягчилась: вѣдь она все-таки женщина, да къ тому же еще мать! Теперь мы съ ней часто встрѣчаемся и чувствуемъ себя даже почти друзьями...

Поздно вечеромъ, прощаясь передъ сномъ съ моимъ новымъ знакомымъ, я рѣшился высказать ему давно уже мучившее меня желаніе:

— А скажите, товарищъ, не могъ ли бы я какъ-нибудь попасть въ шахту? Мнѣ такъ бы хотѣлось посмотрѣть на всю эту подземную жизнь въ натурѣ.

Георгъ на минуту задумался и потомъ отвѣтилъ:

— Это не очень просто устроить, потому что шахтовладѣльцы страшно подозрительны и въ каждомъ постороннемъ видятъ с.-д. Но все-таки... все-таки попробуемъ.

Ваттеншейдъ.

— Ну, теперь держитесь!

Голосъ молодого, красиваго штейгера звучитъ добродушно-иронически, и на губахъ его дрожитъ легкая улыбка превосходства. Я еще разъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ осматриваю самого себя. Толстые, грубые башмаки, которые я получилъ въ конторѣ, нѣсколько велики и трутъ мнѣ при движеніи ногу, бѣлый парусиновый костюмъ слишкомъ узокъ и довольно чувствительно жметъ подъ мышками, а черная круглая шапка, какія носятъ горнорабочіе, черезчуръ мала и какъ-то ухарски торчитъ на макушкѣ, но что̀ значатъ всѣ эти мелкія неудобства въ сравненіи съ тѣмъ колоссальной важности фактомъ, что я спускаюсь, нако-

нецъ, въ шахту! Моему новому пріятелю послѣ цѣлаго ряда хлопотъ и переговоровъ удалось-таки устроить мнѣ подземную экскурсію, и теперь я стою напряженный и взволнованный, мысленно давая себѣ зарокъ не пропустить ни одного факта, ни одного впечатлѣнія.

— Готово!—раздается чей-то громкій голосъ надъ нашей головой.

И въ то же мгновеніе я начинаю ощущать, что наша желѣзная «корзина» тронулась. Моментъ безумнаго замиранія сердца и острой рѣжущей боли въ нижней части живота, и я снова чувствую себя вполнѣ нормально. Темно. Тускло мигаютъ лампочки, висящія у насъ на поясахъ. «Корзина» быстро несется внизъ, мнѣ кажется даже, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивается ея скорость. Однако стоящій рядомъ со мной штейгеръ утверждаетъ, что это лишь аберрація ощущенія: по закону «корзины» съ людьми могутъ проходить не больше 3 метр. въ секунду, и скорость все время должна оставаться одна и та же. Сквозь желѣзную рѣшетку «корзины» справа и слѣва видны гладкія, черныя стѣны, и минутами кажется, будто «корзина» стоитъ неподвижно на мѣстѣ, а черныя стѣны быстро-быстро бѣгутъ наверхъ. Вотъ на мгновеніе лучъ яркаго свѣта прорвалъ царящую тьму: справа мелькнула длинная освѣщенная галлерея съ бѣгущими вагонетками и молчаливыми фигурами людей, мелькнула и исчезла, точно сонъ. И снова черныя, гладкія стѣны, да тусклые огоньки нашихъ «безопасныхъ» лампъ.

Сколько времени мы уже спускаемся? Минуту? Двѣ? Пять? Я точно потерялъ ощущеніе времени и чувствую себя какъ-то непривычно и неловко. Въ смущеніи оборачиваюсь къ штейгеру. Тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ себѣ у края «корзины» и по какимъ-то совершенно непонятнымъ для меня признакамъ вполголоса опредѣляетъ:

— 250 метровъ... 300... 350... 400... 425... 450... 475...

«Корзина» начинаетъ постепенно замедлять ходъ. Тише... Тише... Вотъ она вдругъ остановилась. Мелькнули огни электрическихъ лампъ, раздались голоса людей, послышалось движеніе. Мы выходимъ изъ «корзины». Смотрю на часы,—спускъ продолжался ровно 3 минуты. Только-то! А мнѣ онъ показался цѣлой вѣчностью.

— Glück auf!—привѣтствуютъ насъ стоящіе внизу углекопы.

— Glück auf!—также отвѣчаемъ мы.

— Вотъ нашъ подземный вокзалъ,—говоритъ, обращаясь ко мнѣ, штейгеръ.

Я осматриваюсь кругомъ,—дѣйствительно, что-то напоминающее настоящій вокзалъ. Довольно высокое сводчатое пространство, ярко освѣщенное электричествомъ, и большая круглая каменная платформа съ рядомъ нагруженныхъ углемъ вагонетокъ, стоящихъ около нея. Платформа сдѣлана изъ крѣпкаго сѣраго булыжника, своды наверху хорошо выровнены и цементированы,—все кажется прочнымъ, солиднымъ, основательнымъ. И какъ-то странно подумать, что вотъ именно здѣсь такъ часто происходятъ ужасныя катастрофы.

— Идите за мной!—говоритъ штейгеръ.

Мы вступаемъ въ широкій, длинный, прямой коридоръ, постепенно теряющійся гдѣ-то въ отдаленіи. Онъ метра 4 вышины, такъ же хорошо, какъ и вокзалъ, цементированъ и хорошо освѣщенъ электрическими лампами. По срединѣ коридора проложены узенькіе рельсы, и по бокамъ отъ нихъ кое-гдѣ разбросаны кучи чернаго угля и различные инструменты, употребляемые углекопами. Это—такъ наз. Querschlag—главная артерія всей копи.

Нѣсколько минутъ мы молча двигаемся по широкому коридору. Вдругъ издали до моего уха доносится какой-то странный глухой гулъ. Гулъ этотъ все приближается, растетъ съ секунды на секунду, становится все громче, ярче, оглушительнѣе. Наконецъ, онъ превращается въ настоящіе раскаты грома. Что это? Ужъ не обвалъ ли? Или, можетъ быть, взрывъ? Я бросаю тревожный взглядъ на моего спутника, но тотъ съ легкой улыбкой отвѣчаетъ:

— Посторонитесь, это вагонетки!

Почти въ тотъ же моментъ мимо насъ быстро проносится крошечный паровозъ, ведущій за собой цѣлый поѣздъ нагруженныхъ углемъ вагонетокъ.

— Ну, а теперь будьте осторожны!—снова произноситъ штейгеръ.

Мы сворачиваемъ изъ главнаго коридора влѣво и попадаемъ въ узкую, низкую и темную расщелину, въ которой можно идти только согнувшись, освѣщая лампочкой каждую пядь земли. Это—боковой ходъ, мѣсто непосредственной выработки каменнаго угля. Такіе ходы десятками отвѣтвляются вправо и влѣво отъ центральной артеріи и идутъ вслѣдъ за извилистыми пластами драгоцѣннаго топлива. И такъ какъ въ Рурскомъ районѣ угольные пласты расположены большей частью не горизонтально, а подъ извѣстнымъ уклономъ, то также подъ уклономъ идутъ обыкновенно и боковые ходы.

Мы медленно и осторожно подвигаемся впередъ. Тутъ уже

нѣтъ того блеска и той культуры, которые поражаютъ въ главномъ коридорѣ. Совсѣмъ наоборотъ. Дорога неровная и извилистая, подъ ногами то и дѣло попадаются куски угля и камни, о которые больно спотыкаешься съ непривычки, на каждомъ шагу съ потолка свѣшиваются тяжелыя, черныя глыбы, кажется, вотъ-вотъ готовыя упасть. Смотришь на нихъ, и какъ-то невольно морозъ начинаетъ пробѣгать по кожѣ. То тамъ, то сямъ попадаются деревянныя укрѣпленія изъ балокъ, досокъ и жердей, но они почему-то не производятъ на меня успокаивающаго дѣйствія. При блѣдномъ свѣтѣ лампы мертвенно блестятъ каменныя породы, и чудится, будто онѣ думаютъ какую-то большую, угрюмую думу. Темно, душно и тихо, тихо, какъ въ могилѣ...

Но, чу!.. Вотъ какой-то легкій шорохъ... Съ каждымъ шагомъ онъ становится все громче, явственнѣе и опредѣленнѣе... Теперь я уже вполнѣ отчетливо различаю, какъ гдѣ-то сбоку льется непрерывной струей вода. Подъ ногами становится скользко и сыро, мы то и дѣло попадаемъ въ глубокія лужи. Воздухъ дѣлается влажнымъ и удушливымъ.

— Гм!..—бормочетъ штейгеръ.—Газъ...

— Газъ?—съ нѣкоторой тревогой подхватываю я, вспоминая невольно, сколько ужасныхъ подземныхъ катастрофъ было вызвано скопленіемъ вотъ этого самаго каменноугольнаго газа.

— Да вы не безпокойтесь,—отвѣчаетъ штейгеръ,—его мало, и онъ сейчасъ не опасенъ. Вотъ смотрите!

Мой спутникъ высоко подымаетъ свою лампу, и ея тусклое красноватое пламя загорается яркимъ синеватымъ огнемъ.

— Если газа мало,—продолжаетъ штейгеръ,—то пламя сразу вспыхиваетъ, вотъ какъ сейчасъ. А если газу много, то лампа тухнетъ. Тогда опасно.

Мы пробираемся дальше, все такъ же согнувшись и такъ же ощупывая каждую пядь земли. Отъ непривычнаго положенія шея у меня начинаетъ болѣть, и на губахъ все время вертится вопросъ: скоро ли конецъ? Вѣдь мы идемъ этой черной щелью уже, по крайней мѣрѣ, 20 минутъ, а кругомъ—все та же сѣрая мертвенная порода, все тотъ же низкій нависшій камень.

Но вотъ еще одно послѣднее усиліе, еще одинъ крутой поворотъ, и мы у цѣли нашихъ стремленій. Мелькнули въ отдаленіи тусклые огни, раздались голоса людей и стукъ отбиваемаго угля.

— Glück auf!—привѣтствуемъ мы углекоповъ.

— Glück auf!—дружно отвѣчаютъ они.

Я всматриваюсь въ темноту, лишь слегка разгоняемую слабымъ свѣтомъ «безопасныхъ» лампочекъ, и начинаю различать отдѣльныя фигуры. Рабочихъ здѣсь довольно много, и каждый изъ нихъ занятъ своимъ особымъ дѣломъ. Двое пожилыхъ углекоповъ сидятъ на землѣ и медленно тянутъ каждый изъ своей жестянки принесенное изъ дому холодное кофе. Трое нагружаютъ углемъ находящуюся по близости вагонетку. Еще нѣсколько человѣкъ поодаль, стоя на колѣняхъ, сидя на корточкахъ и полулежа на боку, ровно и систематически отбиваютъ куски драгоцѣннаго угля. Одинъ изъ забойщиковъ особенно привлекъ мое вниманіе. Онъ лежалъ на спинѣ въ небольшомъ углубленіи, выдолбленномъ въ угольной породѣ, и голова его приходилась какъ разъ въ узкой щели между двумя огромными глыбами сѣраго камня. Вытянувши руки впередъ, рабочій механически ударялъ по нависшему краю чернаго пласта, обломки угля сыпались и падали ему на грудь, на животъ, на ноги... Мнѣ стало жутко.

— Точно въ гробу,—мелькнуло въ головѣ.

И такова ужъ сила взволнованаго воображенія, одно мгновеніе мнѣ даже показалось, будто сѣрые камни начинаютъ медленно сдвигаться, готовые вотъ-вотъ расплющить лежащую между ними голову. Я невольно поспѣшилъ отвернуться, но образъ этого блѣднаго напряженно вытянувшагося человѣка на фонѣ чернаго угольнаго поля стоитъ еще и сейчасъ у меня предъ глазами.

— Ну, однако не слишкомъ-то у васъ высоко,—говорю я, обращаясь къ стоящимъ передъ нами рабочимъ,—во весь ростъ здѣсь выпрямиться невозможно.

— Это еще слава Богу,—отвѣчаютъ они,—все-таки хоть на колѣняхъ можно работать. А вотъ въ мансфельдскомъ районѣ [1]) куда хуже: тамъ угольный пластъ толщиной всего въ $1^1/_2$—2 фута, и работать приходится исключительно лежа.

Странное существо человѣкъ! Какъ бы ни было печально его положеніе, онъ всегда находитъ себѣ утѣшеніе въ сознаніи, что есть люди, которымъ приходится еще хуже...

Мы снова въ пути. Опять длинные, низкіе, извилистые ходы, матово-сѣрый камень, журчанье невидимо бѣгущей воды и влажный, удушливый, напоенный угольной пылью воздухъ... Мелькаютъ во мракѣ тусклые огни, глухо доносятся голоса людей, съ грохотомъ и шумомъ проносятся вагонетки. Черная

---

[1]) Въ центральной Германіи.

шахта живетъ своей привычной, нормальной жизнью... Проходятъ часы... Мы бродимъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного темнаго хода къ другому, отъ одной группы рабочихъ къ другой.

И вотъ мы снова на ярко освѣщенномъ подземномъ вокзалѣ. Послѣ мрака и сырости боковыхъ ходовъ онъ кажется чистенькимъ, свѣтлымъ, почти уютнымъ.

— Ну, вотъ и конецъ нашему путешествію!—восклицаетъ весело штейгеръ, подходя со мной къ желѣзной «корзинѣ».— Теперь можно и наверхъ.

Снова легко колышется подъ нашими ногами «корзина», быстро бѣгутъ гладкія черныя стѣны, но на этотъ разъ уже не вверхъ, а внизъ, и штейгеръ отсчитываетъ уже въ обратномъ направленіи:

— 450 метровъ... 400... 350... 300... 200... 100... 50... 25...

Еще моментъ, и «корзина» останавливается. Гремитъ отодвигаемая рѣшетка, и мы выходимъ на большую открытую платформу. Глаза невольно щурятся отъ непривычно-рѣзкаго свѣта. Какъ ослѣпительно-ярокъ день! Какъ безконечно-сине небо надъ головой!

Солнце! Солнце! Еще никогда въ своей жизни я не привѣтствовалъ съ такой радостью и восторгомъ горящее въ вышинѣ царственное свѣтило...

Ваттеншейдъ.

Сегодня утромъ Георгъ сказалъ мнѣ:

— Прежде, чѣмъ вы покинете наши мѣста, я долженъ показать вамъ Рурскую область при ночномъ освѣщеніи. Это картина, которая не скоро забывается.

И вотъ, когда раннія осеннія сумерки спустились на землю и на небѣ стали загораться яркія звѣзды, мы, не теряя времени, тронулись въ путь. Миновавъ длинныя улицы рабочихъ поселковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ уже зажигались многочисленные вечерніе огни, мы пересѣкли жел.-дорожное полотно и, пройдя мимо массивныхъ зданій угольной шахты, начали медленно подниматься на расположенную позади нея огромную гору черной земли. Гора была очень давнишняго происхожденія, черная земля плотно слежалась и кое-гдѣ даже стала проростать тощей травой и мелкимъ кустарникомъ. Минутъ 15 мы молча ползли по крутому откосу, дѣлая большіе зигзаги и постепенно приближаясь къ вершинѣ. И только, когда высокая труба шахты оказалась гдѣ-то глубоко подъ нами, и въ лицо

намъ повѣялъ легкій, прохладный вѣтерокъ, Георгъ, наконецъ, остановился и, обращаясь ко мнѣ, произнесъ:

— Ну, теперь обернитесь и смотрите.

Я обернулся и едва могъ сдержать невольное восклицаніе удивленія и восторга.

Передъ нами лежало широкое безграничное море огней. Бѣлые, желтые, красные, голубоватые, всѣ они пестрымъ мигающимъ лабиринтомъ убѣгали въ туманную даль. Казалось, вся огромная равнина до самаго горизонта зажглась милліонами внимательныхъ, сверкающихъ глазъ и пристально и загадочно смотритъ ими въ далекое небо. Справа и слѣва, почти на одинаковомъ разстояніи, миріады этихъ глазъ сгущались въ какіе-то гигантскіе пламенные острова, отбрасывавшіе кверху широкія волны голубоватаго свѣта: то горѣли своими вечерними огнями Бохумъ и Эссенъ. Въ ночной темнотѣ смутно вырисовывались тяжелые силуэты фабричныхъ зданій, чернѣли высокія трубы, изрыгающія изъ своихъ глотокъ широкія полосы красноватаго дыма, точно длинныя огненныя змѣи, съ грохотомъ проносились переполненные публикой поѣзда, и то тамъ, то сямъ, какъ огромные смоляные факелы, горѣли разбросанныя по равнинѣ доменныя печи. Высокое пламя печей временами то замирало и становилось почти совсѣмъ невидимымъ, то вдругъ снова внезапно разгоралось и вспыхивало, и въ такіе моменты невольно казалось, что своими длинными языками оно лижетъ высокое потемнѣвшее небо...

Мы долго сидѣли. Снизу, съ широкой равнины доносился смѣшанный гулъ постепенно замиравшей жизни. Милліоны огней по-прежнему загадочно сверкали, и горящія доменныя печи по-прежнему лизали небосклонъ. Одна изъ этихъ печей особенно привлекла мое вниманіе. Въ ея раскаленныхъ нѣдрахъ происходила, видимо, какая-то ожесточенная и упорная борьба: пламя то гасло, то вспыхивало, то снова гасло, пока, наконецъ, прорвавшись сквозь всѣ преграды, оно не вспрыгнуло кверху исполинскимъ кроваво-краснымъ столбомъ, разсыпая кругомъ миріады искръ и освѣщая зловѣщимъ заревомъ половину неба.

Георгъ молчалъ, погруженный въ свои думы. Молчалъ и я, подавленный грандіозностью и величіемъ разстилавшейся предъ нами картины...

Гдѣ-то глухо проревѣлъ фабричный гудокъ. Гдѣ-то прогремѣлъ поѣздъ...

Ночь надвигалась...

В. Майскій.

ПАМЯТИ В. Я. СТОЮНИНА.

(Изъ воспоминаній).

Полвѣка съ лишкомъ тому назадъ, лѣтомъ 1863 года я перешелъ изъ третьяго класса въ четвертый третьей С.-Петербургской гимназіи. Я былъ полнымъ пансіонеромъ, и этотъ переходъ въ то время былъ связанъ и съ переходомъ изъ младшаго отдѣленія пансіона на старшее. Къ младшему принадлежали три первыхъ класса, къ старшему четыре старшихъ—тогда въ гимназіяхъ было всего семь классовъ, и седьмой былъ послѣднимъ. Пансіонъ—рекреаціонныя и занимательныя, классы и спальныя—помѣщался въ третьемъ, верхнемъ этажѣ зданія, и отдѣленія эти раздѣлялись лѣстницей. Младшему входъ на старшее былъ закрытъ, сообщенія между ними не было, учителя, за исключеніемъ законоучителя священника и учителя географіи, были различные, гувернеры тоже, и потому этотъ переходъ гимназиста пансіонера изъ младшаго на старшее отдѣленіе былъ самой существенной ступенью во всей его гимназической жизни и ожидался третьеклассниками съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что о нравахъ и обычаяхъ старшаго отдѣленія и о его преподавательскомъ персоналѣ ходили между нами самые легендарные слухи. Нѣкоторые учителя и въ особенности гувернеры младшаго отдѣленія были допотопными монстрами даже для того времени и служили для насъ постояннымъ посмѣшищемъ. Директоромъ гимназіи былъ В. Х. Лемоніусъ—высокій, худой, рыжеватый нѣмецъ въ парикѣ, со съеженными губами и котлетовидными бачками, очень плохо говорившій по-русски. Мы видѣли его только по торжественнымъ праздникамъ да по субботамъ, когда онъ обходилъ всѣ классы, просматривая журналъ за недѣлю и назначая намъ наказанія, смотря по числу нулей, единицъ и занесенныхъ учителями замѣчаній о предосудительномъ поведеніи. Лемоніусъ былъ неизмѣнно кратокъ и неумолимъ—лишеніе отпуска, карцеръ и порка розгами процвѣтали какъ испра-

вительныя и карательныя мѣры, и нѣкоторые товарищи подвергались имъ каждую субботу. Инспекторомъ былъ Степанъ Васильевичъ Соколовъ, начисто бритый, всегда нахмуренный старикъ, сутулый и на видъ очень черствый—его мы видѣли ежедневно по нѣскольку разъ, такъ какъ онъ всегда присутствовалъ и въ столовой, и за вечерней молитвой, и нерѣдко обходилъ классы и въ классные и въ занимательные часы. Хотя онъ и завѣдывалъ лично назначаемыми директоромъ порками и другими наказаніями, и игралъ роль слѣдователя во всѣхъ нашихъ изъ ряда выходившихъ шалостяхъ, къ нему мы стояли ближе и относились гораздо проще, чѣмъ къ чопорному, никогда не возвышавшему голоса, всегда корректному и туго накрахмаленному Лемоніусу. Озорники мы были неописуемые—со всѣмъ начальствомъ воевали неустанно съ энергіей и изобрѣтательностью, и одинъ Соколовъ могъ добиться приблизительной правды послѣ какого-нибудь учиненнаго нами экстраординарнаго скандала. Кормили насъ плохо и недостаточно, а по временамъ и прямо отвратительно—и экономъ, Бѣляевъ, круглый, какъ шаръ, низенькій толстякъ, бывшій одновременно учителемъ чистописанія въ младшихъ классахъ, служилъ постояннымъ объектомъ самыхъ непозволительныхъ выходокъ съ нашей стороны. Было насъ въ трехъ классахъ младшаго отдѣленія около полутораста человѣкъ, въ возрастѣ отъ 10 до слишкомъ 20 лѣтъ—тогда въ одномъ классѣ, особенно своекоштнымъ, можно было сидѣть по 3, по 4 года, и въ третьемъ классѣ у меня было до десятка товарищей лѣтъ по 20;—нѣкоторые изъ нихъ прямо изъ третьяго класса шли въ чиновники-писцы разныхъ петербургскихъ канцелярій, или въ юнкера. Ни со стороны гувернеровъ, сплошь нѣмцевъ безъ какого-либо образованія и педагогическихъ знаній, ни со стороны учителей—кромѣ учителя географіи Лебедева, чахоточнаго и очень мизернаго на видъ, но и очень добраго и знающаго человѣка—я не помню ни одной попытки заинтересоваться нами, войти хотя бы поверхностно въ нашу школьную жизнь. Всюду царилъ неприступный, прямо-таки жестокій формализмъ, отсутствіе не только живого, но даже просто дѣльнаго отношенія къ намъ. Учителемъ русскаго языка на младшемъ отдѣленіи былъ П. С. Юрьевъ, очень толстый, грубый и, вѣроятно, мало образованный человѣкъ—онъ училъ насъ спустя рукава грамматикѣ и правописанію, при чемъ многіе изъ великовозрастныхъ, просидѣвши лѣтъ 8—10 въ трехъ младшихъ классахъ, оставались безнадежно безграмотными. Охотно учились мы только географіи—и знали ее хорошо. Знали и латинскій, и греческій языки—за ихъ пре-

подаваніемъ, незримо для насъ, неотступно слѣдилъ Лемоніусъ, классикъ-экстремистъ, ничего не признававшій, кромѣ древнихъ языковъ, и учителя, хотя и очень неважные по своимъ преподавательскимъ пріемамъ, Лебединскій по-латыни и Грефе погречески, были, однако, очень упорные и принуждали насъ задолбливать страницы соотвѣтственныхъ грамматикъ Кюнера до болѣе или менѣе блистательнаго совершенства. При переходѣ изъ класса въ классъ къ знанію всѣхъ предметовъ относились сравнительно снисходительно—но по латинскому и греческому языкамъ рѣзали безпощадно, и главнымъ образомъ поэтому изъ бывшихъ со мною въ первомъ классѣ около 60 товарищей добрались до четвертаго, не оставаясь нигдѣ на второй годъ, меньше десятка—дѣти, или особенно одаренные памятью, или за занятіями которыхъ слѣдили наемные репетиторы изъ старшихъ классовъ. Это была очень пестрая кучка, но, вѣроятно, въ общемъ, выше средняго уровня и по своимъ знаніямъ, и по своему развитію. Четвертый классъ считался критическимъ и въ томъ смыслѣ, что въ немъ зубрежъ древнихъ языковъ доводился до апогея—въ немъ было по два учителя латинскаго и греческаго, и изъ тридцати учебныхъ часовъ въ недѣлю имъ было отведено, если память мнѣ не измѣняетъ, не меньше пятнадцати—и съ незапамятныхъ временъ половина класса, а то и двѣ его трети, оставались въ немъ на второй годъ. Когда мы съѣхались въ августѣ послѣ каникулъ, насъ, новичковъ, встрѣтило около двадцати старичковъ, какъ у насъ называли остававшихся въ классѣ на второй или третій годъ. Эти старички, само собой разумѣется, доминировали въ классѣ вполнѣ и давали тонъ всему ходу школьной жизни въ немъ. Остаться на второй годъ въ классѣ если и не считалось особой доблестью, то и не ставилось въ укоръ ученику—давая ему, однако, извѣстный престижъ бывалаго человѣка и разныя преимущества передъ новичкомъ.

Вопреки нашимъ ожиданіямъ, дѣйствительность на старшемъ отдѣленіи отличалась только очень немного отъ младшаго—мы вставали и ложились спать часомъ позже, не строились въ пары, когда ходили въ столовую, и занимались всѣ вмѣстѣ въ особой огромной занимательной, гдѣ не было классныхъ партъ на четыре человѣка, а длинные общіе столы съ отдѣльными табуретками для сидѣнья—да на все отдѣленіе былъ одинъ дежурный гувернеръ, тогда какъ на младшемъ у каждаго класса былъ свой. Число учениковъ въ классѣ замѣтно сокращалось съ каждымъ годомъ, и тогда какъ въ первомъ бывало обыкновенно

около 60, до седьмого и диплома доходило не болѣе 10—12, такъ что на всемъ старшемъ отдѣленіи было всего 80—90 пансіонеровъ. Главной, и очень существенной, на мой взглядъ, разницей между младшимъ и старшимъ отдѣленіями было то, что съ четвертаго класса въ него входили и приходящіе ученики гимназіи. Младшіе три класса пансіона сносились съ внѣшнимъ міромъ только во время отпусковъ, по воскресеньямъ и праздникамъ; въ теченіе недѣли отпуски разрѣшались только въ экстренныхъ случаяхъ, да и у большинства пансіонеровъ не было родныхъ или знакомыхъ въ Петербургѣ,—то были дворяне провинціалы, ѣздившіе домой только на лѣтнія каникулы. Общеніе съ приходящими прерывало эту монастырскую жизнь—тѣ жили внѣ стѣнъ гимназіи, и черезъ нихъ до насъ стали ежедневно доходить и всемірныя, и городскія новости. Мы перестали быть затворниками, и у насъ завелись мало-по-малу и внѣшкольные интересы. Сами мы, въ то время, не сознавали, конечно, значенія этой перемѣны, уже по одному тому, что между пансіонерами и приходящими, еще съ незапамятныхъ временъ, жилъ сильнѣйшій антагонизмъ; мы взаимно дразнили другъ друга цѣпными и гончими собаками, и перебранки и даже ожесточенныя драки по темнымъ коридорамъ были очень часты. Играла нѣкоторую роль и сословность—пансіонерами могли быть только дворяне, тогда какъ между приходящими были и «кухаркины дѣти».

Я привелъ всѣ эти подробности, чтобы по возможности обрисовать ту кучку юнцовъ, которую представлялъ собой сенью 1863 года тотъ четвертый классъ третьей гимназіи, леномъ котораго мнѣ пришлось быть. И для меня, и для очень многихъ моихъ товарищей гимназическій пансіонъ совмѣщалъ въ себѣ наши домъ и семью. Я еще очень маленькимъ ребенкомъ остался круглымъ сиротой, у меня не было ни братьевъ ни сестеръ, и выросъ я въ деревенской усадьбѣ суроваго и властнаго опекуна-дяди, завзятаго крѣпостника-самодура и очень жестокаго человѣка въ общественной и семейной жизни, домъ и семья котораго были и навсегда остались мнѣ чуждыми Насъ привезли въ гимназію за тысячу верстъ и бросили на произволъ судьбы и начальства. Мы росли дичками, не зная участія и ласки, и вся наша будущность зависѣла въ самой значительной степени отъ случайностей. Случилось такъ, что, когда открылись занятія, первымъ урокомъ въ нашемъ классѣ былъ урокъ русской словесности. Въ расписаніи уроковъ младшаго отдѣленія русскій языкъ назывался русскимъ языкомъ,

въ расписаніи старшаго—«русской словесностью», и ея преподавателемъ во всѣхъ четырехъ старшихъ классахъ былъ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ.

На всѣхъ портретахъ, появившихся въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ по случаю двадцатипятилѣтія его кончины, онъ представленъ съ усами и бородой—но я отчетливо помню, что въ то время онъ не носилъ ни того, ни другого, только очень густые и очень длинные темные волосы. Высокій, худой, съ сосредоточеннымъ хмурымъ лицомъ, съ рѣзкими линіями, въ очкахъ; держался на ходу очень прямо, въ длинномъ, всегда разстегнутомъ сюртукѣ, тогда какъ всѣ остальные учителя носили форменные синіе фраки. У насъ было заведено, что мы встрѣчали учителя стоя за своими партами, и одинъ изъ насъ читалъ передъ первымъ урокомъ молитву передъ ученіемъ—только послѣ этого учитель кивалъ головой, и мы садились. Стоюнинъ, съ нѣсколькими книгами подъ мышкой, стоялъ у каѳедры, пока мы механически продѣлали это, пожирая его глазами — затѣмъ сѣлъ, оперся на локоть, раскрылъ одну изъ книгъ, и, не сказавъ ни слова, началъ читать: «Мчатся тучи, вьются тучи» Пушкина.

Въ жизни людей бываютъ такіе моменты, такія встрѣчи, которые оказываютъ неизгладимое вліяніе на все ихъ будущее. Однимъ изъ такихъ немногихъ моментовъ, и едва-ли не самымъ сильнымъ, осталась на всю мою жизнь эта первая встрѣча съ Стоюнинымъ. Я еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ зналъ наизусть прологъ «Руслана и Людмилы», «Мѣднаго Всадника», «Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ», «Хаджи Абрека». У моего опекуна была хорошая библіотека, но она остановилась на сороковыхъ годахъ, и я упивался Пушкинымъ и Лермонтовымъ, и въ томъ кружкѣ товарищей, въ которомъ я росъ въ гимназіи, поэзія была единственной умственной пищей—мы нерѣдко декламировали любимые стихи, увлекаясь главнымъ образомъ не ихъ содержаніемъ, а музыкальностью и красотой формы, и между нами шли нескончаемые споры, кто лучше—Пушкинъ или Лермонтовъ? Декламація эта, никѣмъ не направляемая, отличалась напыщенностью и искусственнымъ трагизмомъ—чтеніе Стоюнина поразило насъ чуть ли не до столбняка. Читалъ онъ удивительно: несмотря на нѣсколько глухой голосъ, дикція была очень отчетлива, и онъ всецѣло обладалъ секретомъ умѣнья ярко оттѣнить и запечатлѣть на вниманіи слушателей мысль поэта,—въ его чтеніи красота формы была только путемъ къ достиженію именно этой цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, подѣйствовало это его первое чтеніе на меня и на наиболѣе развитыхъ моихъ товарищей,

когда мы потомъ дѣлились своими впечатлѣніями и пытались опредѣлить ихъ. Послѣ этого, читая новое для насъ стихотвореніе, мы прежде всего отыскивали въ немъ то, что хотѣлъ имъ выразить поэтъ, и техническая сторона стала мало-по-малу утрачивать для насъ преобладающее свое значеніе. Послѣ «Тучъ» Стоюнинъ прочелъ нѣсколько другихъ стихотвореній и выдержекъ изъ поэмъ разныхъ поэтовъ, и закончилъ урокъ чтеніемъ второй части «Параднаго Подъѣзда» Некрасова. Читая, онъ не называлъ ни авторовъ, ни названій произведеній, и мы, даже не слыхавшіе дотолѣ имени Некрасова и совершенно съ нимъ незнакомые, были неописуемо потрясены. Въ нашъ узкій чисто школьный кругозоръ ворвалось съ громадной силой что-то новое и огромное. Я отчетливо помню, какъ весь этотъ день мы ходили какъ шальные. Всѣ мы были взрощены по деревенскимъ усадьбамъ, подъ ядовитымъ вліяніемъ крѣпостного права, хотя въ то время формально уже и умершаго. Всѣмъ намъ были знакомы и грозное «на конюшню!» и сопряженныя съ этимъ истязанія—едва-ли былъ между нами кто-либо, лично не испытавшій розги. На все это поэтъ, благодаря могучей декламаціи Стоюнина, внезапно открылъ намъ совершенно новый уголъ зрѣнія. Черезъ приходящихъ или учениковъ старшихъ классовъ мы немедленно розыскали имя автора, и въ нашихъ рукахъ на другой же день появились первыя книжки стихотвореній Некрасова. На долгое время онъ заслонялъ собой всѣхъ другихъ. Узнали мы и о существованіи «Отечественныхъ Записокъ», и ихъ новыя книжки очень скоро потомъ сдѣлались для насъ кричащей потребностью. Первый урокъ Стоюнина остался навсегда для всего нашего кружка серьезнѣйшимъ психологическимъ моментомъ.

Слѣдующій его урокъ пришелся вслѣдъ за урокомъ нашего новаго учителя греческаго языка, Кедрова. Предметовъ въ нашемъ курсѣ было очень много, начиная съ рисованія и кончая космографіей, и въ гимназіи было по нѣскольку учителей по каждому предмету; гимназистъ, окончившій курсъ, успѣвалъ побывать въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ учителей, вѣроятно, больше полусотни. И только три изъ нихъ, Стоюнинъ, Кедровъ и вышеочерченный Лебедевъ пользовались нашими симпатіями. Къ полудюжинѣ другихъ мы относились болѣе или менѣе индифферентно; остальныхъ же прямо ненавидѣли. Кедровъ считался у насъ очень ученымъ и былъ, несомнѣнно, очень добрымъ человѣкомъ. Онъ былъ, однако, требователенъ къ намъ, такъ какъ считалъ греческій языкъ альфой и омегой всякаго знанія. Любилъ

и умѣлъ говорить, и мы, конечно, широко этимъ пользовались. Въ данномъ случаѣ одинъ изъ старичковъ спросилъ его, что значитъ слово «эмансипація». Кедровъ употребилъ весь урокъ на объясненіе—оно было всесторонне, со множествомъ ссылокъ, примѣровъ и т. д. Такія объясненія и окружали его въ глазахъ гимназистовъ ореоломъ глубокой учености—но они едва-ли соотвѣтствовали уровню нашихъ знаній и развитія, и оставляли послѣ себя въ нашихъ головахъ довольно сложный туманъ—да и своей длиннотой и отступленіями притупляли наше вниманіе, и потому плохо нами усваивались. Въ концѣ урока Кедровъ договорился до необходимости извѣстнаго уровня цивилизаціи, дабы извѣстный народъ могъ пользоваться благами разныхъ родовъ эмансипаціи. И тотъ же старичокъ, когда въ классъ вошелъ Стоюнинъ, обратился къ нему за объясненіемъ слова «цивилизація». Стоюнинъ далъ краткое, но очень рельефное опредѣленіе, вполнѣ намъ доступное—и, не останавливаясь, перешелъ къ разсужденію объ основаніи всякой цивилизаціи—человѣческой работоспособности, о необходимости послѣдовательнаго, упорнаго труда во всякомъ дѣлѣ. Говорилъ онъ и не особенно красиво, и отнюдь не эффектно—простымъ, обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, не какъ учитель съ каѳедры, а какъ собесѣдникъ, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ новичковъ съ вопросами по поводу того, что̀ онъ говорилъ. Мы сразу поняли, что онъ желалъ съ нами познакомиться—и соотвѣтственно насторожились. Кончилъ онъ урокъ предложеніемъ написать къ уроку черезъ недѣлю сочиненіе о трудѣ въ жизни гимназиста, на основахъ того, о чемъ онъ съ нами только, что бесѣдовалъ.

Съ этимъ сочиненіемъ началось для меня близкое, чисто личное знакомство съ Стоюнинымъ—онъ сдѣлался для меня не учителемъ, а близкимъ, роднымъ человѣкомъ.

До тѣхъ поръ ни о какихъ сочиненіяхъ мы и не мечтали. Въ предшествовавшіе годы они начинали требоваться только въ концѣ курса пятаго класса, иногда даже только съ началомъ шестого. Но у меня былъ нѣкоторый навыкъ къ изложенію, неизвѣстный и мнѣ самому, потому, что и во второмъ, и въ третьемъ классѣ я записывалъ разсказы Лебедева и «составлялъ» для класса географію. Лебедевъ не признавалъ печатныхъ учебниковъ, а разсказывалъ намъ свой предметъ и требовалъ знанія того, что̀ онъ разсказывалъ—а для этого были необходимы «записки», и я наметался записывать за нимъ очень быстро и потомъ излагать эти записи въ послѣдовательной формѣ. Весь классъ готовилъ свои уроки географіи по этимъ моимъ запискамъ. По привычкѣ

я записалъ и всю бесѣду Стоюнина—и мое сочиненіе, хотя и не заключало въ себѣ, конечно, ничего оригинальнаго, было, вѣроятно, связнѣе другихъ и изложено болѣе или менѣе удобочитаемо. Во всякомъ случаѣ, когда, черезъ нѣсколько дней, Стоюнинъ принесъ обратно эти наши «сочиненія», онъ прочелъ это мое произведеніе вслухъ всему классу, не называя однако автора, и употребилъ весь урокъ на его детальный разборъ, оттѣняя и удачныя мѣста, и грамматическія, и логическія неправильности и шереховатости.

Послѣ классовъ онъ прислалъ за мной служителя, и мы разговорились. Бесѣды эти повторялись потомъ два, три раза въ недѣлю—онъ давалъ мнѣ книги для чтенія, удостовѣрялся, насколько я ихъ усваивалъ, и очень скоро овладѣлъ всѣми моими помыслами. Это былъ замѣчательный, прямо великій педагогъ—въ его умѣлыхъ, гуманныхъ рукахъ ученикъ, несмотря на свой нравъ, быстро дѣлался мягкимъ воскомъ. Нрава я былъ строптиваго и буйнаго, ненавидѣлъ до озлобленія и латино-греческую премудрость, и всю нашу пансіонскую обстановку, и нѣсколько разъ намѣренно бѣдокурилъ, чтобъ меня исключили изъ гимназіи. Учился я хорошо, переходилъ изъ класса въ классъ безостановочно и изъ первыхъ, но поведенія въ глазахъ начальства былъ самаго зазорнаго. Стоюнинъ незамѣтно для меня быстро усмотрѣлъ эти мои ребяческіе порывы и направилъ мои мысли въ другую сторону. Я благополучно перешелъ въ пятый классъ, а лѣтомъ онъ устроилъ мнѣ переводъ въ только-что открытое тогда первое реальное училище, преобразовывавшееся изъ седьмой гимназіи подъ директорствомъ В. Ѳ. Эвальда. Стоюнинъ не только приручилъ меня, одинокаго, заброшеннаго, озлобленнаго юнца, къ себѣ лично, но и научилъ меня довѣрію къ людямъ вообще. Къ начальственному и учительскому персоналу седьмой гимназіи я съ самаго начала отнесся уже по-новому, совершенно иначе. Правда, этотъ персоналъ былъ, въ общемъ, совсѣмъ другого сорта, чѣмъ персоналъ третьей гимназіи—но, до моего знакомства съ Стоюнинымъ, я просто не сумѣлъ бы отнестись къ нему иначе. Юношество гибко и отзывчиво, но только въ умѣлыхъ и добрыхъ рукахъ—нѣтъ ничего легче, какъ погубить юношу на всю жизнь совокупностью сухого формализма съ крайнимъ классицизмомъ. Если бъ не Стоюнинъ съ его педагогической чуткостью и широкимъ сердцемъ, средняя школа выбросила бы меня безжалостно за бортъ, какъ ни къ чему негоднаго неудачника. И я знаю достовѣрно, что въ числѣ моихъ товарищей было съ полдюжины или больше, которыми Стоюнинъ руководилъ больше или меньше въ такомъ же родѣ, какъ и мною, спасая ихъ отъ

загрызавшаго ихъ молодую жизнь одиночества и безсердечія. Шестидесятые годы дали Россіи чрезвычайно даровитое поколѣніе— но я думаю, что наиболѣе глубокій и цѣнный слѣдъ въ жизни страны оставили по себѣ именно педагоги того времени, внесшіе лучъ свѣта въ общую тьму тогдашней государственной школы, и что среди нихъ В. Я. Стоюнинъ, конечно, занималъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Вѣчная ему память!

П. А. Тверской.

Альта Лома, Калифорнія.

СТРАХОВАНІЕ ОТЪ БЕЗРАБОТИЦЫ НА ЗАПАДѢ.

Въ связи съ промышленной депрессіей, выдвинутъ за последнее время во всѣхъ странахъ Европы въ качествѣ очередного вопроса соціальной политики вопросъ о мѣрахъ борьбы съ безработицей. Къ какимъ средствамъ должна прибѣгнуть государство или коммуна для смягченія зла, вызываемаго безработицей,—это не перестаетъ занимать умы многихъ соціалъ-политиковъ Запада. Въ рядѣ странъ мы замѣчаемъ энергичное стремленіе со стороны общественныхъ властей приступить къ тому или иному рѣшенію назрѣвшей проблемы о борьбѣ съ безработицей, этимъ, по выраженію профессора Георга Шанца, бичемъ культурнаго міра.

Опытъ западной Европы учитъ насъ, что въ дѣлѣ борьбы съ безработицей наиболѣе дѣйствительными мѣрами являются: 1) организація общественныхъ работъ, 2) учрежденіе общественныхъ бюро по спросу и предложенію труда, и 3) страхованіе на случай безработицы. Что касается организаціи государствомъ или коммуной общественныхъ работъ, то, какъ показала долголѣтняя практика, это средство борьбы крайне недостаточно и лишь въ слабой степени достигаетъ цѣли ослабленія нужды, вызываемой безработицей. Нужно помнить, что общественныя работы обыкновенно являются невыгодными и очень ограниченными по своему вліянію, такъ какъ могутъ помогать только сравнительно небольшому числу рабочихъ—главнымъ образомъ, чернорабочимъ. Въ большинствѣ случаевъ безработнымъ поручаются однѣ и тѣ же работы: земляныя, очистка снѣга, мощеніе улицъ и т. п.—словомъ, все такія работы, которыя никакъ не могутъ удовлетворить квалицифированныя группы рабочихъ. Гораздо большее значеніе имѣютъ общественныя бюро по спросу и предложенію труда; но и это средство не можетъ явиться радикальной мѣрой борьбы съ безработицей. Дѣло въ томъ, что посредничество труда, какъ таковое, не создаетъ новыхъ мѣстъ приложенія рабочей силы: справочныя бюро труда могутъ лишь быть посредниками уже имѣющейся работы.

Недостаточность и ограниченность вліянія указанныхъ двухъ средствъ борьбы съ безработицей и привели къ сознанію того, что въ данномъ случаѣ болѣе радикальной мѣрой должно явиться страхованіе на случай безработицы. Въ настоящее время, по признанію большинства компетентныхъ общественныхъ дѣятелей и передовыхъ политическихъ партій, борьба съ послѣдствіями безработицы считается воз-

можной только путемъ страхованія на случай безработицы. Введеніе такого страхованія является логическимъ слѣдствіемъ уже функціонирующихъ видовъ соціальнаго страхованія (на случай болѣзни, увѣчій и инвалидности): въ томъ и другомъ случаѣ государство беретъ на себя заботу обезпеченія рабочихъ, пострадавшихъ въ процессѣ капиталистическаго производства. Кромѣ того, въ интересахъ самосохраненія государство вынуждено принять мѣры для обезпеченія судьбы арміи безработныхъ, размѣры которой въ періоды регулярно-повторяющихся промышленныхъ кризисовъ принимаютъ угрожающій характеръ. Эта мысль начинаетъ все больше и больше проникать въ умы руководящихъ круговъ Запада, и о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя мѣропріятія и законопроекты, появившіеся въ разныхъ странахъ за послѣдніе годы. Однимъ изъ признаковъ того, что вопросъ о принятіи энергичныхъ мѣръ для борьбы съ безработицей назрѣлъ, можетъ служить тотъ фактъ, что уже созываются международные конгрессы въ цѣляхъ выработки пригодныхъ для всѣхъ капиталистическихъ странъ мѣръ смягченія нужды безработныхъ. Первое международное собраніе для борьбы съ безработицей было созвано въ Миланѣ въ 1906 году, по инціативѣ «Гуманитарнаго общества». Въ сентябрѣ 1910 года состоялся въ Парижѣ первый международный конгрессъ по борьбѣ съ безработицей; здѣсь, между прочимъ, присутствовалъ и представитель русской секціи, профессоръ М. М. Ковалевскій.

На этомъ конгрессѣ указывалось, что страхованіе отъ безработицы является наиболѣе радикальнымъ средствомъ въ ряду мѣръ борьбы съ ней. Европейское соціальное законодательство начинаетъ постепенно осуществлять эту мысль—и на нашихъ глазахъ идея страхованія отъ безработицы все болѣе развивается. Прежде всего приходится констатировать тотъ фактъ, что въ этой области страхованія коммуны являются нерѣдко піонерами цѣлаго ряда практическихъ мѣръ и что государство, какъ таковое, проявляетъ крайнюю осторожность и до сихъ поръ только въ Англіи подошло близко къ вопросу о безработицѣ. Отчасти въ виду трудности, а отчасти въ виду существующихъ соціально-политическихъ отношеній въ современномъ общественномъ строѣ, общегосударственное обязательное страхованіе безработныхъ медленно двигается впередъ. Коммуны и общины съ ихъ ограниченной сферой дѣйствія и съ болѣе близкимъ, нежели государство, знаніемъ мѣстныхъ условій [явились во многихъ странахъ иниціаторами введенія страхованія на случай безработицы. Всѣ попытки коммунальнаго страхованія можно раздѣлить на три группы: 1) обязательное коммунальное страхованіе отъ безработицы, 2) факультативное (добровольное) страхованіе и 3) гентская система.

Какъ извѣстно, гентская система нашла себѣ довольно широкое и успѣшное примѣненіе, и мы поэтому считаемъ нелишнимъ ознакомить съ ея сущностью. Исторія ея такова. Въ 1898 году городское управленіе Гента (въ Бельгіи) поручило спеціально выбранной комиссіи изучить положеніе мѣстныхъ безработныхъ. Докладъ этой комиссіи, опубликованный въ 1900 г., отвергъ какъ принципъ коммунальнаго обязательнаго страхованія, такъ и принципъ факультативнаго страхованія. По мнѣнію авторовъ доклада, страхованіе отъ безработицы можетъ лишь въ томъ случаѣ имѣть успѣхъ, если оно связано съ институтомъ страхованія на случай безработицы, существующимъ въ профессіональныхъ рабочихъ союзахъ. Община должна, по мнѣнію авторовъ доклада, образовать изъ своихъ средствъ фондъ для безработныхъ съ цѣлью субсидированія профессіональныхъ союзовъ, страхующихъ своихъ членовъ на случай безработицы. Городское управленіе Гента согласилось съ этимъ проектомъ, и, начиная съ августа 1901 года, началъ функціонировать гентскій фондъ безработныхъ. Въ теченіе перваго года городское управленіе предоставило фонду въ его распоряженіе 16 тысячъ франковъ. Согласно статутамъ фонда, ежедневныя суммы, выдаваемыя профессіональными союзами своимъ безработнымъ членамъ, должны быть повышены; но эти надбавки не должны превышать 1 фр. въ день и не должны выдаваться больше, чѣмъ въ теченіе 50 дней ежегодно на каждаго члена. Пользоваться пособіями со стороны фонда могутъ лишь тѣ рабочіе, которые минимумъ одинъ мѣсяцъ живутъ въ Гентѣ. Стачки и локауты, болѣзнь и физическая нетрудоспособность не могутъ дать повода для оказанія поддержки со стороны фонда.

Рабочіе, не принадлежащіе къ профессіональнымъ союзамъ, т.-е. не организованные, могутъ дѣлать взносы въ особую сберегательную кассу для обезпеченія себя на случай безработицы; во время безработицы они получаютъ изъ этой кассы свои сбереженныя суммы съ значительной надбавкой отъ фонда безработныхъ. Управленіе гентскаго фонда находится въ рукахъ комиссіи, назначенной городскимъ управленіемъ и состоящей на половину (число членовъ комиссіи 10) изъ членовъ рабочихъ союзовъ, примкнувшихъ къ фонду. Гентскій фондъ безработныхъ обнаруживаетъ весьма успѣшную дѣятельность. Успѣшное примѣненіе гентской системы нашло себѣ подражателей въ рядѣ бельгійскихъ городовъ съ населеніемъ свыше 15 тыс. жителей, и въ концѣ 1912 года существовало въ Бельгіи 22 страховыхъ фонда и 439 рабочихъ кассъ. Общее населеніе общинъ, участвующихъ теперь въ фондахъ, превышаетъ 2 милліона, въ томъ числѣ промышленныхъ рабочихъ до 250 тысячъ человѣкъ.

Дѣятельность коммунальныхъ фондовъ проявляется въ пяти слѣдующихъ видахъ:

1) Въ выдачѣ пособій невольнымъ безработнымъ, состоящимъ участниками въ такихъ профессіональныхъ организаціяхъ, которыя соглашаются примкнуть къ фонду и, слѣдовательно, подвергнуться контролю и которыя сами производятъ страхованіе своихъ членовъ отъ невольной безработицы. Въ этомъ случаѣ фондъ увеличиваетъ пособія, выдаваемыя профессіональными организаціями изъ имѣющихся у нихъ на этотъ предметъ спеціальныхъ средствъ. Увеличенія не превышаютъ обыкновенно выдаваемой организаціею суммы и выдаются каждому не болѣе, чѣмъ за 60 дней.

2) Въ выдачѣ пособій отдѣльнымъ безработнымъ, производящимъ сбереженія на случай безработицы.

3) Субсидія выдается коллективнымъ сберегательнымъ союзомъ, которые по уставу своему имѣютъ цѣлью составлять сбереженія своихъ членовъ на случай безработицы.

4) Субсидія выдается одинокимъ безработнымъ, которые не принадлежатъ къ профессіональному союзу и не дѣлаютъ сбереженій.

5) Субсидіи выплачиваются прямо профессіональнымъ союзамъ, содержащимъ кассу помощи на случай безработицы.

На практикѣ крупное значеніе и широкое распространеніе получила лишь система, упомянутая въ первомъ пунктѣ; всѣ остальныя формы выдачи субсидій дали ничтожные результаты. Субсидіи отдѣльнымъ лицамъ, дѣлающимъ сбереженія, оказались мало практичными.

Гентская система имѣетъ много преимуществъ. Она опирается на существующія уже въ профессіональныхъ союзахъ организаціи борьбы съ безработицей, которымъ выдается лишь пособіе изъ общиннаго фонда. Управленіе дѣломъ упрощается; взиманіе взносовъ, веденіе книгъ, часть контроля падаетъ на профессіональные союзы, а благодаря тому, что къ участію въ фондѣ допускаются всѣ профессіи, которыя ввели у себя пособія на случай безработицы, устраняется возможность распространенія страхованія исключительно на завѣдомо убыточные риски, какъ это наблюдается при добровольномъ страхованіи. Организація контроля въ гентской системѣ оказалась удовлетворительной; контроль сосредоточенъ въ союзахъ, а контроль товарищей всего цѣлесообразнѣе. Замѣтные успѣхи гентской системы привели къ тому, что и за предѣлами Бельгіи эта система, съ тѣми или иными измѣненіями, нашла примѣненіе во многихъ городахъ Голландіи, Франціи и Германіи.

Въ Голландіи помощь безработнымъ оказывается лишь общинами. Согласно отчету, представленному международной конференціи о безработицѣ въ 1910 г., было въ Нидерландахъ къ началу 1909 г. 24 коммунальныхъ безработныхъ фонда, изъ средствъ кото-

рыхъ повышались выдававшіяся профессіональными союзами субсидіи. Условія, необходимыя для полученія коммунальной поддержки, въ общемъ повсюду одинаковы: безработныя кассы должны имѣть особое управленіе; субсидія должны выдаваться такимъ безработнымъ, которые лишились работы не по своей винѣ, вступленіе въ кассу должно быть обязательно для всѣхъ членовъ организаціи и т. д.; въ Гаагѣ требуется, кромѣ того, чтобы вступленіе въ кассу было доступно и неорганизованнымъ рабочимъ. Коммунальныя пособія составляютъ обыкновенно 50—60 центовъ и выдаются не болѣе, чѣмъ въ теченіе 50 или 60 дней ежегодно (въ Гаагѣ въ теченіе 90 дней). Въ 1912 году всѣми нидерландскими общинами было фактически выдано пособій въ размѣрѣ 42.070 гульденовъ, въ то время какъ профессіональными союзами было потрачено изъ собственныхъ средствъ 50.191 гульденъ.

Первой германской общиной, которая ввела у себя гентскую систему, былъ городъ Страссбургъ (съ предмѣстіями). Въ 1906 г. было ассигновано 5.000 марокъ на надбавки къ поддержкѣ, оказываемой рабочими союзами безработнымъ. Условія, необходимыя для надбавки, обычныя: члены должны проживать въ предѣлахъ общины не менѣе года; надбавка выдается въ половинномъ размѣрѣ съ получаемой безработнымъ субсидіей отъ союза, но не болѣе одной марки въ день.

Страссбургскій примѣръ постепенно нашелъ себѣ подражаніе и въ другихъ германскихъ городахъ и прежде всего въ южной Германіи. Въ 1913 году насчитывалось 12 общинъ различной величины (не считая предмѣстныхъ общинъ Страссбурга), выдававшихъ надбавки либо исключительно рабочимъ организаціямъ, либо этимъ послѣднимъ и, кромѣ того, еще сберегателямъ. Условія для полученія надбавки во всѣхъ городахъ въ существенныхъ чертахъ одни и тѣ же: обыкновенно требуется пребываніе члена въ данной мѣстности въ теченіе года, и размѣръ надбавокъ составляетъ 50% союзныхъ субсидій; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для дѣтей допускается особая надбавка. Продолжительность выдачи надбавокъ отчасти приравнена продолжительности, допускаемой организаціей, отчасти особо установлена (отъ 40 до 78 дней, преимущественно—60 дней).

Германскія государства до настоящаго времени не вводили у себя страхованія отъ безработицы и не ассигновали въ пользу безработныхъ никакихъ средствъ. Въ одной только Баваріи вошла въ бюджетъ 1914 и 1915 г.г. сумма въ 75.000 марокъ для нуждъ коммунальнаго страхованія безработныхъ. Изъ этой суммы будетъ возмѣщена городамъ часть понесенныхъ ими расходовъ по обезпеченію безработныхъ; на 1916 и 1917 г.г. предусмотрѣна сумма въ 100.000

марокъ. Эти мѣры государства, несомнѣнно, сослужатъ большую пользу коммунальному страхованію безработныхъ.

Многіе города, въ томъ числѣ Мюнхенъ и Нюренбергъ, уже давно принципіально рѣшили ввести такое страхованіе и ассигновали для этой цѣли опредѣленныя суммы, но поставили условіемъ фактическаго введенія его финансовое участіе государства.

Во Франціи рядъ городовъ организовалъ помощь безработнымъ, состоящимъ членами въ профессіональныхъ союзахъ. Но для этого французскіе города не основываютъ спеціальнаго фонда, какъ постояннаго, вѣдающаго это дѣло учрежденія, а механически, разъ въ годъ, распредѣляютъ назначенную сумму между отдѣльными союзами на основаніи такихъ признаковъ, какъ количество членовъ этихъ союзовъ, высота существующихъ у нихъ взносовъ или дефицитъ въ ихъ кассахъ помощи безработнымъ.

До сихъ поръ мы говорили *о коммунальномъ* страхованіи отъ безработицы, идущемъ по преимуществу подъ флагомъ такъ наз. гентской системы. Эта же система легла въ основу мѣропріятій, направленныхъ къ содѣйствію страхованія на случай безработицы, предпринятыхъ въ послѣдніе годы нѣкоторыми *государствами*.

Въ Норвегіи государственное попеченіе о безработныхъ было введено въ 1906 г. закономъ, дѣйствіе котораго первоначально простиралось до конца 1911 г., но впослѣдствіи этотъ срокъ былъ продленъ до конца 1914 года. Согласно этому закону, за кассами для безработныхъ, удовлетворяющими установленнымъ условіямъ, можетъ быть признано право на полученіе изъ государственнаго казначейства одной третьей части суммъ, выплаченныхъ ими безработнымъ. Для полученія такого права необходимо прежде всего, чтобы касса получала свои средства, по крайней мѣрѣ на половину, изъ взносовъ своихъ членовъ, чтобы право на полученіе членами поддержки пріобрѣталось лишь по истеченіи 6 мѣсяцевъ со времени вступленія въ число членовъ, чтобы размѣръ оказываемой поддержки не превышалъ половины средняго ежегоднаго заработка и чтобы она выдавалась не больше, чѣмъ 90 дней въ теченіе одного года. Какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ Норвегіи запрещено выдавать субсидіи при забастовкѣ или локаутѣ. Двѣ трети выдаваемыхъ государствомъ добавочныхъ ассигнованій оно взыскиваетъ обратно съ тѣхъ общинъ, въ которыхъ лица, пользовавшіяся поддержкой, жили непрерывно въ теченіе шести мѣсяцевъ; такимъ образомъ, и общины участвуютъ въ расходахъ по попеченію о безработныхъ. Норвежскій законъ предписываетъ союзамъ страховать отъ безработицы всѣхъ рабочихъ данной профессіи, независимо отъ того, состоятъ ли они членами союзовъ, или нѣтъ. Страхованіе отъ безработицы выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ функцій профессіональнаго

союза и передается въ вѣдѣніе какъ бы самостоятельной организаціи, дѣятельность которой регулируется не ея членами, а государствомъ. Норвежскій законъ стремится не столько поддержать профессіональные союзы въ ихъ страховой дѣятельности, сколько воспользоваться ими для того, чтобы создать болѣе или менѣе самостоятельную организацію страхованія отъ безработицы. Рабочіе союзы превращаются какъ бы въ органы государства, проводящіе въ жизнь его мѣропріятія.

Въ 1912 году въ Норвегіи было 19 кассъ, пользовавшихся правомъ на возвратъ субсидій, съ 27.000 членовъ (около половины всѣхъ организованныхъ); государственныя и общинныя причисленія составляли 36.309 кронъ.

Примѣру Норвегіи послѣдовала въ 1907 г. Данія. И здѣсь кассы для безработныхъ имѣютъ право на помощь изъ государственныхъ средствъ, если эти кассы «признаются» министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ отличіе отъ норвежскихъ датскія кассы, если онѣ желаютъ получить это признаніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и государственную субсидію, не должны преслѣдовать иныхъ задачъ, кромѣ взаимной поддержки на случай безработицы; другими словами, эти кассы не должны управляться профессіональными союзами, а должны представлять изъ себя юридически самостоятельныя учрежденія. Это нецѣлесообразное и враждебное организаціямъ постановленіе имѣло, однако, лишь незначительное практическое значеніе, такъ какъ фактически кассы для безработныхъ основаны почти исключительно профессіональными союзами и соединены съ ними личными связями. Другими условіями признанія кассъ правительствомъ являются: обязанность кассы обнимать не менѣе 50 членовъ, запрещеніе принимать членовъ моложе 18 и старше 60 лѣтъ. Касса должна носить мѣстный характеръ, хотя и можетъ обнимать лицъ опредѣленной профессіи цѣлой части страны. Государство выдаетъ кассамъ добавочныя суммы въ размѣрѣ одной трети ихъ доходовъ отъ членскихъ взносовъ. Въ настоящее время въ Даніи предоставляется общинамъ выдавать въ случаѣ чрезвычайной безработицы и чрезвычайныя надбавки сверхъ установленной нормы. Выдаваемая кассой поддержка не должна превышать двухъ третей обычной въ данной мѣстности для данной профессіи рабочей платы, должна быть не меньше полукроны и не больше двухъ кронъ въ день. Заслуживаютъ вниманія слѣдующія постановленія датскаго закона: «Если членъ, пользующійся въ случаѣ безработицы правомъ на поддержку, получаетъ черезъ посредство правленія кассы или самостоятельно работу, которая оплачивается менѣе вышеуказаннаго максимальнаго размѣра, то касса можетъ выдавать недостающую сумму». Другое постановленіе гласитъ: «Въ статутахъ признанной кассы для безработныхъ можетъ содержаться постановленіе, по кото-

рому правленіе кассы уполномочено отказать въ пріемѣ такимъ лицамъ, которыя по своему тѣлесному развитію или по моральнымъ соображеніямъ не подходятъ для регулярной промысловой дѣятельности, или для совмѣстной жизни съ руководителемъ работы или со своими товарищами по работѣ».

На долю датскаго закона выпалъ быстрый и большой успѣхъ. Можно сказать, что всѣ рабочіе, примыкающіе къ профессіональнымъ союзамъ, являются въ то же время членами профессіональныхъ кассъ для безработныхъ. Въ 1908/09 году въ Даніи существовало 34 признанныхъ кассы съ 70.449 членами, въ томъ числѣ около 20.000 поденщиковъ. Въ 1913 году было выдано пособій изъ государственныхъ средствъ 168.444 кроны, а изъ коммунальныхъ 95.115 кронъ. Установленный закономъ максимальный размѣръ государственныхъ пособій въ 250.000 датскихъ кронъ оказался недостаточнымъ, а потому онъ былъ повышенъ для 1909/10 года до 400.000 кронъ, для 1910/11 года до 600.000 кр., а за 1912/13 годъ было выплачено кассамъ 822.535 кронъ государственныхъ пособій. Къ этому присоединяются еще коммунальныя причисленія въ размѣрѣ 374.114 кронъ. До 31 марта 1913 г. число признанныхъ кассъ возросло до 55 съ 120.289 членовъ (въ томъ числѣ 12.852 лицъ женскаго пола), что обнимаетъ собой свыше 60% лицъ способныхъ къ страхованію и почти всѣхъ организованныхъ рабочихъ. Со времени вступленія въ силу закона, т. е. съ 1 августа 1907 г., государство выдало пособій на сумму 3.000.987 кронъ; общины на сумму 1.360.860 кронъ, при чемъ членскіе взносы составляли 6.197.000 кронъ.

Государственная поддержка безработныхъ существуетъ съ 1905 г. и во Франціи. Въ апрѣлѣ этого года былъ изданъ законъ, въ силу котораго въ бюджетъ министерства торговли вносится 100 тыс. франковъ какъ «субсидія на борьбу съ безработицей». Государственная субсидія выдается лишь въ случаяхъ невольной безработицы. Прибавки даются только тѣмъ союзамъ, которые объединяютъ рабочихъ одной или нѣсколькихъ родственныхъ профессій. Исключеніе изъ этого правила допускается лишь по отношенію къ союзамъ, функціонирующимъ въ небольшихъ городахъ съ населеніемъ менѣе 20 тыс. жителей. Далѣе, союзъ долженъ просуществовать по меньшей мѣрѣ шесть мѣсяцевъ, чтобы пріобрѣсти право на полученіе прибавокъ изъ государственныхъ средствъ. Профессіональные союзы, выдающіе субсидіи безработнымъ членамъ и желающіе имъ обезпечить также государственныя субсидіи, обязаны вести кассу для безработныхъ отдѣльно отъ профессіональной кассы. Безработный, получающій государственную субсидію, обязанъ стать на работу, которая будетъ указана ему кассой; онъ долженъ являться ежедневно въ контору для указанія

труда и наводить справки, нѣтъ ли для него работы. Государственная субсидія выдается лишь въ томъ случаѣ, если пособіе, получаемое рабочимъ изъ профессіональной кассы, не превышаетъ 2 фр. въ день; субсидія выдается въ размѣрѣ не выше 16% этого пособія и, притомъ, въ теченіе не болѣе 60 дней въ году. Французская система субсидированія кассъ отличается отъ гентской тѣмъ, что въ первой не производится приплатъ къ сбереженіямъ отдѣльныхъ рабочихъ, но зато приплачивается къ расходамъ безработныхъ въ пути.

Для выдачи государственныхъ причисленій ассигновалось, начиная съ 1905 г., 100.000 франковъ ежегодно благодаря неудовлетворительному состоянію французскихъ профессіональныхъ союзовъ, государственная помощь не была использована въ достаточной мѣрѣ; ни въ одномъ году не было еще израсходовано и половины ассигнованныхъ денегъ. Въ 1905 г. было выплачено государственныхъ субсидій лишь 27.690 франковъ, а въ 1912 г. 47.542 франка. Число кассъ, пользовавшихся поддержкой, возросло за время 1905—1912 гг. съ 47 до 114, а среднее число ихъ членовъ—съ 33.682 до 49.595.

Содѣйствіе государства страхованію отъ безработицы мы находимъ, далѣе, въ Швейцаріи, гдѣ нѣкоторые кантоны выдаютъ пособія съ этою цѣлью. Въ теченіе 1909 года два швейцарскихъ кантона ввели у себя страхованіе отъ безработицы: Базель и Женева. Базельскій законъ различаетъ: 1) организацію государственной страховой кассы безработныхъ и 2) помощь со стороны государства частнымъ страховымъ кассамъ безработныхъ. Въ первомъ случаѣ законъ предусматриваетъ принципъ добровольнаго страхованія, т. е. всякій наемный рабочій, живущій не менѣе шести мѣсяцевъ въ кантонѣ Базель и не состоящій членомъ какой-либо субсидируемой государствомъ частной кассы помощи безработнымъ, имѣетъ право вступить въ члены государственной кассы. Государство беретъ на себя всѣ расходы по управленію и организаціи кассы и выдаетъ субсидіи застрахованнымъ въ томъ случаѣ, если взносы членовъ кассъ недостаточны для покрытія расходовъ, связанныхъ съ выдачей вспомоществованія. Размѣръ послѣдняго не долженъ превышать 2/3 заработной платы; помощь оказывается въ теченіе 8 недѣль въ году. Вторая часть закона — субсидированіе профессіональнымъ кассамъ помощи безработнымъ основана по гентской системѣ. Субсидія выдается всѣмъ союзамъ, функціонирующимъ не менѣе шести мѣсяцевъ въ кантонѣ и удовлетворяющимъ прочимъ требованіямъ закона. Женевскій законъ касается помощи государства только профессіональнымъ рабочимъ союзамъ въ ихъ борьбѣ съ безработицей. Государство выдаетъ субсидіи всѣмъ профессіональнымъ союзамъ, страхующимъ своихъ членовъ отъ безработицы — въ размѣрѣ 60% выплачиваемыхъ союзомъ

вспомоществованій. Государственныя субсидіи выдаются лишь въ теченіе 60 дней и только тѣмъ рабочимъ, которые живутъ по крайней мѣрѣ годъ въ кантонѣ или состоятъ членами какой-либо швейцарской страховой кассы. При стачкахъ, болѣзни и увѣчьяхъ государственныя субсидіи не выдаются. Союзы, статуты которыхъ исключаютъ швейцарскихъ гражданъ, не пользуются субсидіями со стороны государства.

Подобно Базелю и Женевѣ, выдавали субсидіи рабочимъ союзамъ и кантоны С.-Галленъ и Аппенцель, хотя и въ недостаточномъ размѣрѣ — отъ 1.600 до 3.400 франковъ; надо, однако, принять во вниманіе, что число жителей этихъ кантоновъ колеблется между 70.000 и 250.000.

Наиболѣе смѣлый экспериментъ въ области государственнаго страхованія отъ безработицы былъ сдѣланъ Англіей, гдѣ въ 1912 году вступилъ въ силу законъ о страхованіи безработныхъ.

Законъ этотъ, вводя принципъ обязательнаго страхованія въ область предупрежденія и подавленія безработицы, разрѣшаетъ одну изъ труднѣйшихъ соціально-политическихъ проблемъ современности. Основныя черты его таковы. Онъ различаетъ: 1) обязательное страхованіе на случай безработицы для опредѣленныхъ отраслей промышленности и 2) содѣйствіе добровольному страхованію на случай безработицы для всѣхъ профессій. Обязательное страхованіе на случай безработицы вводится покуда только для рабочихъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя чаще всего знаютъ мертвые сезоны и гдѣ вслѣдствіе этого процентъ безработныхъ наиболѣе высокъ. Законъ имѣетъ въ виду 5 отраслей промышленности: 1) строительное дѣло (рабочіе, занятые при постройкѣ или перестройкѣ домовъ и разнаго рода сооруженій), 2) конструкціонное дѣло (работа по постройкѣ или переустройкѣ желѣзныхъ дорогъ, доковъ, гаваней, каналовъ, мостовъ и тому подобныхъ сооруженій), 3) судостроеніе (работа по постройкѣ судовъ, лодокъ и др.), 4) машиностроительное дѣло, включая изготовленіе пушекъ и оружія, 5) производство экипажей и разныхъ средствъ сообщенія. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ промышленности обязательному страхованію подлежатъ всѣ рабочіе, обученные или необученные, въ возрастѣ свыше 18 лѣтъ. Высчитано приблизительно, что число лицъ, подлежащихъ страхованію отъ безработицы, равно 2.400.000.

Право на пособіе изъ страхового фонда рабочій получаетъ при удовлетвореніи слѣдующихъ правилъ: 1) онъ долженъ по крайней мѣрѣ 26 недѣль быть занятъ въ одной изъ указанныхъ въ законѣ отраслей производства; 2) онъ долженъ внести въ установленномъ порядкѣ заявленіе о желаніи получить пособіе и доказать, отч

со дня внесенія заявленія онъ находится безъ работы; 3) онъ долженъ быть трудоспособнымъ, но не имѣющимъ возможности найти себѣ подходящую работу; 4) онъ долженъ доказать, что его право на полученіе пособія не было уже использовано. Если безработный отказался поступить на работу, потому ли, что тамъ освободилось мѣсто вслѣдствіе забастовки или локаута, или потому, что ему предлагаютъ заработную плату ниже обычной для него нормы, то безработный не лишается права на полученіе пособія. Рабочій, участвующій въ забастовкѣ или локаутѣ и сдѣлавшійся вслѣдствіе этого безработнымъ, не имѣетъ права получать пособія; рабочій, потерявшій работу по своей собственной винѣ, или добровольно оставившій ее, не имѣетъ права въ теченіе 6 недѣль со дня оставленія работы пользоваться пособіями изъ страхового фонда. Рабочій, который былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ, не имѣетъ права въ теченіе 6 недѣль со дня окончанія наказанія на полученіе пособія. Рабочій, имѣющій пріютъ въ работномъ домѣ, или другомъ, содержащемся на общественныя средства, учрежденіи, лишается права на полученіе пособія.

Что касается размѣровъ пособія, выдаваемаго безработнымъ, то законъ устанавливаетъ слѣдующія положенія. Начиная со второй недѣли безработицы, рабочіе въ строительномъ дѣлѣ и на конструкціонныхъ работахъ получаютъ по 6 шилл. еженедѣльно; рабочіе въ машиностроеніи и судостроеніи по 7 шилл. еженедѣльно. Въ теченіе года ни одинъ безработный не имѣетъ права получать пособія болѣе, чѣмъ за 15 недѣль; однако, законъ допускаетъ для опредѣленныхъ отраслей промышленности измѣненіе этого правила. Интересно отмѣтить, что министерство торговли имѣетъ право увеличить размѣръ выдаваемаго безработнымъ пособія — до 8 шиллинговъ въ недѣлю, а равно увеличить срокъ, въ теченіе котораго можно получать пособіе— до 15 недѣль въ теченіе года. Законъ въ дальнѣйшемъ устанавливаетъ, что рабочій, дѣлавшій взносы по крайней мѣрѣ въ теченіе 500 недѣль, имѣетъ право по достиженіи 60-лѣтняго возраста потребовать отъ страхового фонда обратнаго полученія своихъ взносовъ, поскольку сумма этихъ взносовъ превышаетъ сумму выданныхъ данному рабочему пособій; выплата суммы взносовъ, плюсъ $2^1/_2\%$ годовыхъ, можетъ происходить либо сразу, либо по частямъ. Министру торговли даны полномочія понизить 60-лѣтній возрастъ до 55 лѣтъ, если только рабочій приведетъ доказательство, что онъ совершенно оставилъ свои занятія. Постановленіе о возвращеніи рабочему суммы взносовъ сдѣлано, повидимому, съ цѣлью внушить хорошо обученнымъ и дѣльнымъ работникамъ, рѣдко страдающимъ отъ безработицы, довѣріе къ институту обязательнаго страхованія на случай безработицы.

Вопросъ о томъ, изъ какихъ средствъ слагается страховой фондъ, законъ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ. Участвуютъ въ расходахъ по страхованію рабочіе, предприниматели и государство. Рабочіе вносятъ $2^1/_2$ пенса (10 коп.) въ недѣлю въ теченіе всего времени своей промысловой дѣятельности; столько же вносятъ ихъ предприниматели. Работодатель имѣетъ право слѣдуемые съ рабочаго взносы въ размѣрѣ $2^1/_2$ пенса еженедѣльно удержать изъ заработной платы. Государство беретъ на себя $33^1/_2\%$ всей стоимости страховой системы.

Управленіе и проведеніе въ жизнь страхованія на случай безработицы законъ передаетъ въ руки функціонирующихъ государственныхъ биржъ труда. Каждый рабочій, сдѣлавшись безработнымъ, является на биржу, предъявляетъ свою книжку и требуетъ пособія. Для удовлетворенія этихъ требованій назначены особые страховые чиновники. Законъ содержитъ пунктъ, имѣющій большое значеніе, а именно: министерство торговли можетъ заключать съ предпринимателями соглашенія, на основаніи которыхъ всѣ обязанности, налагаемыя на работодателя, какъ наклейка марокъ и проч., передаются въ вѣдѣніе биржъ труда.

На-ряду съ обязательнымъ страхованіемъ законъ устанавливаетъ также и добровольное на случай безработицы. Послѣднее достигается тѣмъ, что государство оказываетъ содѣйствіе всѣмъ кассамъ безработныхъ. Тредъ-юніоны, которые объединяютъ рабочихъ, подлежащихъ обязательному страхованію на случай безработицы, и выдаютъ своимъ безработнымъ членамъ пособія, могутъ получать отъ фонда безработныхъ $^2/_3$ всей той суммы, которую тратятъ союзы на пособія безработнымъ. Такимъ образомъ, государственная поддержка безработныхъ можетъ быть оказана не страховымъ фондомъ или биржей труда, а рабочей организаціей. Кромѣ того, законъ устанавливаетъ, что всѣ общества, не преслѣдующія цѣлей прибыли и выдающія своимъ членамъ пособія на случай безработицы, могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ получить отъ государства субсидію въ размѣрѣ одной шестой части своихъ расходовъ по вспомоществованію безработнымъ. Какъ видимъ, этотъ пунктъ вводитъ на-ряду съ обязательнымъ страхованіемъ для нѣкоторыхъ отраслей промышленности гентскую систему страхованія на случай безработицы (т. е. государственное содѣйствіе добровольному страхованію безработныхъ) для всей промышленности.

Таковы основныя черты англійскаго закона о страхованіи на случай безработицы. Въ бюджетѣ на 1913/14 г.г. предусмотрѣны для цѣлей страхованія 70.000 фунтовъ стерлинговъ. Англійскій отчетъ о результатахъ страхованія въ теченіе перваго года указываетъ, что государственное страхованіе осуществимо во многихъ отрасляхъ

производства и что неразрѣшимыхъ затрудненій не возникло ни при опредѣленіи, ни при доказательствѣ факта безработицы.

К. Лейтесъ.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.

Текущая сессія рейхстага подходитъ къ концу. Когда это письмо дойдетъ до читателей, законодательное собраніе германской имперіи уже будетъ закрыто, прекративъ свою дѣятельность почти на полгода, до глубокой осени. Наступаетъ время итоговъ. Газеты уже занялись этимъ,—каждая съ своей партійной точки зрѣнія, конечно. Но, какъ ни далеки другъ отъ друга исходныя точки этихъ сужденій о нынѣшнемъ имперскомъ парламентѣ, въ конечныхъ выводахъ есть одна общая всѣмъ черта: всѣ недовольны. Парламентъ не успѣлъ сдѣлать за всю сессію ничего существеннаго, кромѣ бюджета, конечно. Законодательство ни на шагъ не подвинулось впередъ; законодательное собраніе топчется на одномъ мѣстѣ.

Кто виноватъ?—Въ чемъ причина этого печальнаго положенія?— Тутъ, конечно, мнѣнія очень расходятся; одни видятъ причину зла въ томъ, что демократическая лѣвая недостаточно сильна въ парламентѣ, другіе—въ томъ, что лѣвыхъ слишкомъ много...

Cum grano salis можно бы сказать, что и тѣ и другіе правы... Правда, что лѣвыхъ и слишкомъ мало, и слишкомъ много; слишкомъ мало для образованія устойчиваго лѣваго большинства и слишкомъ много для образованія праваго большинства.—Въ нынѣшнемъ рейстагѣ нѣтъ устойчиваго большинства,—тутъ лежитъ причина импотенціи парламента. Правая и лѣвая численно почти сравнялись; перевѣсъ въ ту или другую сторону можетъ дать только серединная, или «центральная», группа, а эта группа («націоналъ-либеральная партія») и здѣсь столь же неустойчива и ненадежна, какъ октябристскій центръ въ нашей Государственной Думѣ.

Имперское правительство теперь мало вмѣшивается въ борьбу парламентскихъ партій, придерживаясь, какъ будто, въ этомъ отношеніи правила «laissez faire, laissez passer»; отчасти оно, пожалуй, даже играетъ при этомъ роль tertius gaudens—безсиліе парламента вполнѣ на руку правительству. Пріостановка законодательной машины его не смущаетъ; оно, какъ говорятъ, прямо высказываетъ, что надо остановиться, надо сдѣлать передышку, такъ какъ

въ послѣднее время будто бы ужъ слишкомъ много законодательствовали.

Только въ одномъ отношеніи германское правительство неутомимо—въ отношеніи *милитаризма*. Въ послѣдніе три года правительство *каждый годъ* вносило въ рейхстагъ новый военный законопроектъ съ новыми требованіями для молоха милитаризма. Въ нынѣшнемъ году такого законопроекта еще не было, но говорятъ, что ужъ начались приготовленія къ тому. Оппозиціонная печать страстно протестуетъ противъ этихъ нескончаемыхъ требованій фанатиковъ милитаризма; но стойкость нѣмецкой либеральной оппозиціи въ вопросахъ милитаризма совершенно надломлена. Если германское правительство потребуетъ новаго усиленія состава арміи, либералы снова уступятъ, какъ они уступили въ прошломъ году, два года тому назадъ и три года тому назадъ. А правительство потребуетъ этого, если произойдетъ усиленіе русской арміи. Статьи «Kölnische Zeitung» и «Berliner Tageblatt», такъ взволновавшія общественное мнѣніе два мѣсяца тому назадъ, ясно,—слишкомъ ясно, выразили это. Германская дипломатія, правда, оффиціально отвергла всякую солидарность съ этими выпадами противъ «дружественной» державы; но вѣдь извѣстно, для чего дипломатамъ служитъ языкъ... Кто знакомъ съ характеромъ германской печати, тотъ знаетъ, что въ вопросахъ иностранной политики буржуазныя газеты,—оппозиціонныя столько же, сколько правительственныя,—неуклонно слѣдуютъ директивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ. «Kölnische Zeitung» притомъ прямо признанный *оффиціозъ* этого министерства. Надо, поэтому, заранѣе считаться съ тѣмъ, что за усиленіемъ русской арміи, если оно перейдетъ извѣстную мѣру, неизбѣжно послѣдуетъ новое усиленіе германской арміи. Осуществить это въ Германіи не трудно: есть достаточно людей и болѣе чѣмъ достаточно денежныхъ средствъ. Не будемъ себя обманывать: Германія еще далеко не дошла въ этомъ отношеніи до послѣдней черты. При военномъ наборѣ прошлаго года, послѣ увеличенія контингента на 60.000 чел., осталось еще, какъ сообщилъ на-дняхъ военный министръ въ рейхстагѣ, 38 тысячъ лишнихъ, вполнѣ годныхъ рекрутовъ, непринятыхъ только вслѣдствіе заполненія комплекта. А финансовая мощь Германіи ярко характеризуется тѣмъ фактомъ, что установленный въ прошломъ году чрезвычайный налогъ на усиленіе военнаго вооруженія въ размѣрѣ *милліарда* марокъ дастъ, по опубликованному недавно отчету, на 200 милліоновъ *болѣе* требуемой суммы.

Но какъ ни внушительны эти цифры, ихъ недостаточно для представленія о военной мощи Германіи. Для болѣе полной оцѣнки германской арміи сравнимъ ее съ

французской, о которой мы имѣемъ самыя свѣжія данныя. — Военная газета «France militaire» сообщила недавно любопытныя данныя о санитарномъ состояніи французской арміи. По этимъ даннымъ, въ теченіе февраля мѣсяца текущаго года подвергалось лѣченію 280.000 чел., что составляетъ 42,7% всего состава арміи. А въ Германіи въ январѣ мѣсяцѣ того же года изъ всего состава арміи заболѣло лишь 38.600 чел., т. е. 5,3%.

Возможно, что нѣмецкая газета («Vossische Zeitung»), изъ которой мы заимствуемъ эти данныя, въ порывѣ патріотическаго восторга не приняла во вниманіе особенностей французской санитарной статистики. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что санитарное состояніе французской арміи на много уступаетъ германской. Это признаютъ сами французы; на это указываетъ также высокая смертность французской арміи, *въ нѣсколько разъ* превышающая смертность германской арміи. Такъ, въ февралѣ текущаго года во Франціи умерло 893 чел. изъ дѣйствующей арміи, т. е. 1,37% состава, а въ Германіи въ январѣ только 113 чел., 0,155% всего состава.

Какъ въ санитарномъ отношеніи, такъ военная организація Германіи далеко оставляетъ за собою другія страны и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Неудивительно, поэтому, что бюджетная роль военнаго министра поминутно прерывалась восторженными возгласами буржуазныхъ партій. «Das soll uns Einer nachmachen!» — «Пусть попробуетъ кто-нибудь подражать!»,—воскликнулъ въ заключеніе одинъ депутатъ въ порывѣ патріотическаго восторга. И надо признать, что это, дѣйствительно, нелегко... Нелегко, потому, что это не зависитъ только отъ доброй воли и мудрости администраціи, а зиждется на вѣковой народной культурѣ. Если уже въ 1866 г. военные авторитеты признавали, что своими блестящими побѣдами прусская армія въ значительной степени обязана *народному учителю*, то — что ужъ говорить о нашемъ времени, когда безпрерывно совершенствующаяся и усложняющаяся военная техника предъявляетъ такія большія требованія ко всѣмъ участникамъ военнаго дѣла! Для современной арміи хорошая народная школа составляетъ необходимую предпосылку.

Общественное мнѣніе въ Германіи въ значительной степени примирилось съ милитаризмомъ. Даже возмутительная *цабернская* исторія только на время всколыхнула общество. Военщина одержала въ этомъ дѣлѣ полную побѣду; гражданская власть вынуждена была отступить по всей линіи. И парламентъ сложилъ оружіе, самъ отказавшись отъ дальнѣйшей борьбы по этому дѣлу. Это весьма печальная страница въ исторіи германскаго парламен-

таризма. Рейхстагъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ поразительное безсиліе оказалось, что онъ просто не въ силахъ разрѣшить поставленную имъ себѣ задачу. Послѣдняя, какъ извѣстно, состояла въ томъ, чтобы урегулировать въ *законодательномъ порядкѣ* взаимныя отношенія между военными и гражданскими властями въ случаяхъ народныхъ волненій и безпорядковъ; но выбранная для этой цѣли комиссія распалась, не выполнивъ своего назначенія. Партіи не сумѣли столковаться между собою; каждая партія упорно отстаивала свой проектъ, и въ концѣ концовъ всѣ парламентскіе законопроекты канули въ воду къ великой радости военнаго лагеря. И спорный вопросъ,—вопросъ большой государственной важности, былъ разрѣшенъ помимо парламента, въ порядкѣ верховнаго управленія, т. е. высшей военной властью. По существу, правда, установленный, такимъ путемъ, новый порядокъ означаетъ уступку требованіямъ общественнаго мнѣнія, но въ этомъ случаѣ формальная сторона дѣла гораздо важнѣе его временнаго содержанія. Формально же это означаетъ, что права и обязанности военной власти и нынѣ, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, устанавливаются единолично, въ порядкѣ верховнаго управленія.

Капитуляція парламентаризма передъ милитаризмомъ ярко отражаетъ въ себѣ эволюцію, происходящую въ германской буржуазіи. Послѣдняя, и въ либеральной своей части, *устала* быть въ оппозиціи и ищетъ соглашенія и примиренія съ власть имущими. Высшіе слои германской буржуазіи уже давно перешли Рубиконъ («національ-либералы»); теперь на ту сторону тянется также и средняя буржуазія. Высшіе слои буржуазіи къ тому же теперь и экономически заинтересованы въ развитіи милитаризма, какъ оплота колоніальной политики, безконечно расширяющей поле дѣятельности крупнаго капитализма. Теперь, дѣйствительно, можно говорить о союзѣ капитализма съ милитаризмомъ и, тѣсно связаннымъ съ послѣднимъ, — феодализмомъ. И какъ будто дѣйствительно, что давно утверждаютъ марксисты, —всѣ буржуазныя партіи сплачиваются въ «одну реакціонную массу». Это подтверждаетъ также извѣстный нѣмецкій публицистъ, профессоръ Гансъ Дельбрюкъ, редакторъ самаго авторитетнаго изъ политическихъ журналовъ современной Германіи, «Preussische Jahrbücher».

„То, что соціалъ-демократія возвѣщала уже 30 и 40 лѣтъ тому назадъ,—тогда еще не справедливо,—говоритъ проф. Дельбрюкъ въ мартовской книжкѣ своего журнала,—а именно, что всѣ буржуазныя партіи составляютъ только «одну реакціонную массу»,—

это въ настоящее время, какъ будто, дѣйствительно не далеко отъ истины. Даже экономическія противорѣчія, какъ свободная торговля и покровительственныя пошлины, хотя и не совсѣмъ устранены, то все же значительно ослаблены".

Эта знаменательная эволюція зашла такъ далеко, что предшественникъ нынѣшняго имперскаго канцлера, князь Бюловъ, ужъ хотѣлъ основать на ней всю правительственную политику, создавъ «консервативно-либеральный блокъ». Блокъ, правда, распался при первомъ серьезномъ испытаніи, и самъ Бюловъ долженъ былъ уйти изъ-за этого съ канцлерскаго поста; но и его преемникъ, нынѣшній имперскій канцлеръ Бетманъ-фонъ-Гольвегъ, въ сущности идетъ по тому же пути. „Блока" онъ не образовалъ, но зато и остался безъ постояннаго правительственнаго большинства.

Политическая концепція кн. Бюлова ясно выражена въ слѣдующихъ его словахъ: „Въ наше время совершенно не имѣетъ смысла противопоставлять другъ другу юнкера и бюргера. Какъ дѣловая, такъ и общественная жизнь спаяли между собою эти старыя сословія, и теперь совершенно невозможно отдѣлить одно отъ другого" [1]. Но этимъ Бюловъ отнюдь не хочетъ сказать, что буржуазія ушла въ реакціонный лагерь, какъ и его политика отнюдь не была реакціонной. Напротивъ, онъ стремился вести консервативную партію по пути прогресса, конечно, прогресса умѣреннаго, очень умѣреннаго и весьма постепеннаго. Этотъ, такъ сказать, „прогрессивный консерватизмъ" производитъ впечатлѣніе парадокса, но онъ несомнѣнно реальный, естественный продуктъ политической эволюціи.— На той же точкѣ зрѣнія стоитъ профессоръ Гансъ Дельбрюкъ, тоже своего рода „прогрессивный консерваторъ". Объясняетъ онъ свою точку зрѣнія въ приведенной нами статьѣ слѣдующею цитатой изъ „свободно-консервативной" газеты „Post": „Великая заслуга либерализма—завоеваніе права личности—перешла теперь къ консервативной партіи и именно ею охраняется противъ демократическихъ стремленій. Противорѣчіе не въ либерализмѣ и консерватизмѣ, оно все болѣе и болѣе переходитъ въ противорѣчіе между демократіей и консерватизмомъ».

Это не совсѣмъ ясно и очень спорно, но тѣмъ не менѣе крайне характерно для современнаго германскаго консерватизма, ищущаго точекъ соприкосновенія съ либерализмомъ и прогрессомъ. Какъ политическая концепція, какъ идеологія, консерватизмъ отжилъ свое время и самостоятельно держаться больше не можетъ. Ходили даже слухи (всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ), что консервативная

[1]) См. „Deutschland unter Kaiser Wilhelm II".

партія хочетъ отказаться и отъ своего консервативнаго имени и принять другую фирму. Эти слухи не оправдались, но здѣсь само возникновеніе такихъ слуховъ знаменательно въ высшей степени...

Да!—Все течетъ! Все мѣняется!—Πάντα ζεῖ...

Но, если въ исторической перспективѣ эта эволюція знаменуетъ движеніе впередъ, ближайшія послѣдствія сближенія бюргерства съ юнкерствомъ скорѣе будутъ реакціоннаго характера. Въ одномъ отношеніи это уже обнаружилось: въ отношеніи соціальнаго законодательства. Тутъ застой теперь сталъ лозунгомъ правящихъ партій, и правительство открыто заявило въ рейхстагѣ, что пора остановиться и «передохнуть» на пути соціальнаго законодательства, на которомъ Германія ушла далеко впередъ другихъ странъ. Послѣднее, можетъ быть, вѣрно; но за то же самое время и германская промышленность сдѣлала безпримѣрные успѣхи. Соціальное законодательство не только не мѣшало этому (не «отягчало промышленности», какъ утверждаютъ противники), а положительно содѣйствовало тому, по свидѣтельству компетентныхъ государственныхъ дѣятелей (напр., статсъ-секретаря гр. Посадовскаго), поднявъ рабочій классъ на тотъ культурный уровень, который необходимъ и для фабричнаго пролетаріата для удовлетворенія высокихъ требованій современной техники. И какъ неустанно развивается и совершенствуется промышленная техника, такъ и культурный уровень рабочаго класса долженъ безостановочно повышаться,—въ интересахъ самой промышленности. Но работодатели такъ далеко не заглядываютъ. Они считаются только съ интересами сегодняшняго дня, съ ближайшими интересами личными и сословными. Все, что уменьшаетъ профитъ—зло. Расходы, причиняемые имъ соціальнымъ законодательствамъ, они считаютъ чѣмъ-то въ родѣ контрибуціи, возложенной на нихъ, какой-то вынужденной благотворительностью, не признавая никакихъ другихъ обязанностей по отношенію къ своимъ рабочимъ, кромѣ уплаты заработной платы.

Глубокую несправедливость такого отношенія раскрываетъ интересное изслѣдованіе Гайнца Поттгоффа, помѣщенное въ предпринятыхъ извѣстнымъ «Обществомъ соціальной политики» (Verein für Sozialpolitik) «О страховомъ дѣлѣ въ Германіи» [1]. Это общество, какъ извѣстно, весьма далеко отъ соціализма; во главѣ его стоитъ консервативный проф. Густавъ Шмоллеръ. И трудъ г. Поттгоффа исходитъ изъ чисто буржуазной точки зрѣнія, изъ строго дѣловыхъ, капиталистическихъ принциповъ. Онъ не требуетъ отъ работодателей ни развитаго соціальнаго чувства, ни даже простого человѣческаго отношенія къ рабочимъ; онъ тре-

[1] Schriften des Vereins für Sozialpolitik, Bd. 137, Th. 4.

буетъ отъ нихъ только такого же отношенія къ своимъ рабочимъ, какъ ко всему остальному своему инвентарю, одушевленному или неодушевленному.

«Главная цѣль соціальнаго законодательства, говоритъ онъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Soziale Praxis», состоитъ въ раціональномъ использованіи рабочихъ милліоновъ, примѣняя къ человѣческому инвентарю тѣ самые принципы, которые каждый купецъ считаетъ вполнѣ естественными по отношенію къ своему живому и мертвому инвентарю; соціальное законодательство хочетъ только воспрепятствовать хищническому хозяйничанію надъ здоровьемъ и рабочей силой людей, возможному лишь потому, что капиталистамъ нѣтъ надобности вкладывать свой собственный капиталъ въ человѣческій инвентарь». Потребный капиталъ вложенъ всѣмъ народомъ; народъ, поэтому, можетъ и долженъ требовать обезпеченія и возвращенія, или—по-купечески—*погашенія* этого капитала.

«18 милліоновъ рабочихъ и служащихъ (Германіи) представляютъ въ 16-лѣтнемъ возрастѣ капиталъ (основной) въ 100 милліардовъ марокъ, а соціальное страхованіе получаетъ въ настоящее время лишь около одного милліарда, т. е. одинъ процентъ этого капитала». Столь слабую квоту погашенія ни одинъ добросовѣстный купецъ не признаетъ достаточной по отношенію къ своему инвентарю, пріобрѣтенному на собственныя средства; поэтому и государство не должно этимъ довольствоваться.

Такое сравненіе живыхъ людей съ мертвымъ «инвентаремъ», эти торгашескіе разсчеты, конечно, не всякому придутся по вкусу; но авторъ, повидимому, считаетъ ихъ наиболѣе убѣдительными для тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ судьба соціальнаго законодательства. Другіе доводы, повидимому, не дѣйствуютъ больше. Забыты и слова статсъ-секретаря гр. Посадовскаго; забыты даже ближайшими коллегами послѣдняго. Имперское правительство, какъ я уже упомянулъ, считаетъ, что Германія достаточно далеко зашла въ соціальномъ законодательствѣ, что теперь надо остановиться и «переварить», какъ выразился нынѣшній статсъ-секретарь Дельбрюкъ, то, что сдѣлано было до сихъ поръ.

Эти заявленія представителя имперскаго правительства служили отвѣтомъ на интерпелляцію соціалъ-демократическихъ депутатовъ 5-го декабря прошлаго года относительно развитія безработицы и необходимости борьбы съ послѣдствіями послѣдней путемъ установленія страхованія. Министръ отвѣтилъ полнымъ отказомъ сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи; пускай рабочіе союзы сами заботятся объ этомъ; правительство не считаетъ нужнымъ помогать имъ въ этомъ дѣлѣ, хотя, какъ министръ прямо заявилъ

дѣятельность рабочихъ союзовъ въ этомъ отношеніи «цѣлесообразна» и «заслуживаетъ признательности». Министръ не постѣснился прибавить къ этому, что, по его мнѣнію, коммуны также не должны бы поддерживать въ этомъ дѣлѣ рабочіе союзы. — Почему?—Министръ прямо не объяснилъ этого, но далъ понять вскользь, что чѣмъ больше рабочіе союзы будутъ тратить на помощь безработнымъ, тѣмъ менѣе у нихъ будетъ средствъ для другихъ цѣлей, тѣмъ «спокойнѣе», значитъ, будетъ въ государствѣ и на фабрикахъ.

Къ счастью, коммуны не слѣдуютъ этой маккіавеллистической политикѣ. Не захотѣло слѣдовать ей также баварское правительство, внесшее въ баварскій ландтагъ предложеніе объ ассигновкѣ, въ видѣ опыта, 75 тысячъ марокъ на поддержку коммунальнаго страхованія отъ безработицы. Сумма эта крайне мала, но она назначена для перваго опыта, чтобы подготовить почву для удовлетворительнаго разрѣшенія сложной проблемы. Важенъ былъ первый шагъ, важенъ былъ принципъ, и признаніе обязанности за государствомъ принять на себя хоть часть заботы о безработныхъ. Но именно въ виду значенія этого принципа, въ виду важности перваго шага, баварскіе реакціонеры и *отвергли* это правительственное предложеніе. Ландтагъ принялъ его значительнымъ большинствомъ, а верхняя палата, также значительнымъ большинствомъ, отвергла такое «соціалистическое», по ея мнѣнію, начинаніе.

«Соціализмъ» этотъ, однако жъ, уже осуществляется во многихъ странахъ безъ ущерба для капиталистическаго строя,—напр. во Франціи, въ Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, Голландіи, а также и въ самой Германіи. Нѣкоторыя страны пошли далѣе и дѣлаютъ уже опыты *обязательнаго страхованія* отъ безработицы. Англійскій страховой законъ подвергаетъ обязательному страхованію отъ безработицы два съ половиною милліона рабочихъ.

Эта проблема имѣетъ въ настоящее время злободневный интересъ для Германіи. Въ промышленности наступило затишье, и число безработныхъ довольно значительно, хотя опасенія наступленія серьезнаго промышленнаго кризиса, побудившія соціалъ-демократическую партію выдвинуть проблему страхованія отъ безработицы на первую очередь, и не оправдались. Въ отношеніи кризисовъ германскій капитализмъ вообще далеко не оправдалъ ожиданій соціалъ-демократіи. «Настоящаго» кризиса, потрясающаго основы соціальнаго строя, германскій капитализмъ не переживалъ еще ни разу, а тѣ кризисы, которые имѣли мѣсто, проходили такъ скоро и оставлял

такъ мало слѣдовъ, что, въ сравненіи съ популярнымъ среди ортодоксальныхъ марксистовъ представленіемъ о промышленныхъ кризисахъ, являются скорѣе кратковременными заминками въ дѣлахъ, чѣмъ дѣйствительными кризисами. Впрочемъ, уже Марксъ и Энгельсъ отмѣчали, что въ наше время промышленные кризисы «какъ-то не созрѣваютъ» (см. «Переписка Маркса съ Энгельсомъ»).

Кризисъ, переживаемый нынѣ германской промышленностью, настолько слабъ, что и ученые экономисты, и сами промышленники все не могутъ рѣшить, наступилъ ли самый кризисъ, прошелъ ли уже, или онъ еще предстоитъ... Самый авторитетный изъ нѣмецкихъ экономическихъ журналовъ, журналъ проф. Конрада—«Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» категорически отрицаетъ наличность общаго промышленнаго кризиса. Обозрѣвая экономическую жизнь Германіи за 1913 г., журналъ замѣчаетъ: «внимательное и широкое изученіе конъюнктуры не даетъ основаній для констатированія общаго кризиса». Увеличеніе числа безработныхъ журналъ приписываетъ другимъ причинамъ.

Дѣйствительно, цифры ввоза и вывоза, статистика желѣзнодорожнаго товарообмѣна, отчеты акціонерныхъ предпріятій ничего «критическаго» не обнаруживаютъ; нѣтъ прежняго подъема, но нѣтъ и явнаго упадка. Солидныя предпріятія закончили послѣдній годъ столь же блестяще, какъ предшествовавшіе годы. Дивиденды поднялись на такой высокій уровень, что цѣлому ряду акціонерныхъ обществъ пришлось опять прибѣгнуть къ искусственному пониженію посредствомъ «разбавленія» акціонернаго капитала. Были, правда, крахи, и довольно крупные (напр., «Fürsten-Konzern», «Wolf-Wertheim»); но они были вызваны совершенно индивидуальными причинами и общаго экономическаго значенія не имѣютъ. Если они обратили на себя вниманіе, то только лишь вслѣдствіе личнаго положенія владѣльцевъ этихъ фирмъ. Вольфъ Вертгеймъ, бывшій участникъ фирмы «A. Wertheim»; положеніе его въ общественномъ отношеніи, если не очень высокое, то все же очень «видное» для большой публики: кто не знаетъ въ Берлинѣ Вертгейма?—Вольфъ Вертгеймъ отдѣлился нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ своихъ братьевъ, владѣющихъ подъ фирмой—«A. Wertheim» всемірно извѣстными грандіозными магазинами-базарами, и поставилъ на собственный страхъ и рискъ нѣсколько новыхъ огромныхъ магазиновъ въ томъ же Берлинѣ, Теперь эти магазины продаются съ молотка. Вольфъ Вертгеймъ потерялъ все, что имѣлъ, и еще остался долженъ больше 20 милліоновъ марокъ.

Крахъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что онъ

показываетъ, какъ трудно въ короткое время поставить большое дѣло даже очень опытному дѣльцу. Высокій дубъ можетъ удержаться только, если у него глубокіе корни, а послѣдніе вырастаютъ только постепенно. Столь же поучителенъ въ томъ же отношеніи другой, еще болѣе крупный крахъ, крахъ, т. наз., «княжескаго концерна», поглотившій сотни милліоновъ. Случай особенно интересенъ для нашихъ «экономическихъ націоналистовъ», мечтающихъ о томъ, чтобы съ помощью казенныхъ милліоновъ искоренить «инородцевъ» изъ занятыхъ ими экономическихъ позицій, въ первую очередь—въ области кредита, въ которой «инородцы» издавна укоренились. «Княжескій концернъ» преслѣдовалъ аналогичную цѣль, хотя и безъ псевдо-патріотическихъ лозунговъ и не на счетъ народнаго достоянія, а на собственный страхъ и рискъ. Во главѣ предпріятія стояли истинные нѣмцы, самой «чистой», «голубой» крови: князь Гогенлоэ, родственникъ Гогенцоллерновъ, князь Фюрстенбергъ и т. под. Цѣль предпріятія состояла въ учрежденіи новаго большого финансоваго института для финансированія кредитныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій крупнаго калибра. Въ распоряженіи предпріятія были сотни милліоновъ; его учредители принадлежатъ къ богатѣйшимъ магнатамъ въ Германіи. Въ поддержкѣ и покровительствѣ со стороны сильныхъ міра сего тоже отказа не было. И все-таки это предпріятіе могло удержаться лишь нѣсколько лѣтъ, и въ концѣ концовъ учредители вынуждены были обратиться къ старому банку (далеко—не «чистокровному»), къ Deutsche Bank, и передать ему все дѣло, чтобы спасти себя отъ позорнаго банкротства. Говорятъ, что одинъ князь Гогенлоэ потерялъ на этомъ предпріятіи болѣе 100 милліоновъ марокъ!

Крахъ «княжескаго концерна» и крахъ Вольфа Вертгейма обратили на себя всеобщее вниманіе, но ставить ихъ въ прямую связь съ общимъ промышленнымъ кризисомъ, очевидно, не приходится, хотя бы общая заминка въ дѣлахъ и сыграла тутъ нѣкоторую роль. Общаго кризиса, повидимому, нѣтъ, а есть только временное затишье; поэтому и незамѣтно никакого безпокойства въ промышленныхъ или коммерческихъ кругахъ. Нервничаетъ только—биржа, распространяя свою нервность также и на близкіе къ ней общественные круги. Но у биржи своя специфическая психологія, крайне неустойчивая, взвинченная, впадающая въ прострацію, какъ только прекращается дѣйствіе стимулянтовъ. Послѣднихъ сейчасъ нѣтъ. Для биржи это страшно; а для промышленности—наоборотъ. Сами промышленники заявляютъ, что наступленіе время отъ времени затишья въ безустанномъ развитіи промышленной жизни благодѣтельно для послѣдней, какъ передышка при быстромъ подъемѣ,

дающая возможность возстановить нормальную циркуляцію крови и душевное равновѣсіе. Такіе кризисы, можетъ быть, скорѣе оздоравливаютъ капиталистическій строй, чѣмъ разрушаютъ его.

Нѣтъ кризиса также въ сельско-хозяйственной промышленности Германіи. Наоборотъ, она теперь прямо въ цвѣтущемъ состояніи. Цѣны высокія, урожаи обильные. Послѣдній годъ былъ «рекорднымъ», давъ самый обильный урожай со времени установленія правильной сельско-хозяйственной статистики. И, что особенно важно, такіе результаты вызваны не какими-либо случайными и измѣнчивыми, атмосферическими явленіями, а постоянными и прочными усовершенствованіями въ сельско-хозяйственной культурѣ, благодаря которымъ урожаи становятся все болѣе и болѣе независимыми отъ случайностей погоды и повышаются изъ года въ годъ. Такъ, средняя урожайность на 1 гектаръ поднялась за послѣднее десятилѣтіе, отъ 1903 до 1913 года:

для озимой пшеницы	съ	1,93	тоннъ	до	2,35 т.
» яровой »	»	2,17	»	»	2,38 »
» озимой ржи	»	1,66	»	»	1,92 »
» яровой »	»	1,18	»	»	1,34 »

Мощно развивается капитализмъ въ современной Германіи; за нимъ по пятамъ слѣдуетъ рабочее движеніе. Когда произойдетъ давно возвѣщенное столкновеніе между ними?

Этотъ вопросъ, страннымъ образомъ, чѣмъ далѣе—тѣмъ менѣе занимаетъ общественное мнѣніе Германіи. И если бы о немъ не напоминали нѣкоторые политиканы, которымъ онъ *нуженъ* для ихъ стратегическихъ маневровъ, то можно было бы подумать, что публика ужъ совсѣмъ перестала интересоваться вопросомъ, который еще такъ недавно стоялъ въ центрѣ всеобщаго вниманія. Но упомянутымъ политиканамъ фанфара грядущей соціальной революціи нужна для собиранія разбредающагося стада, главнымъ образомъ,—политиканамъ реакціоннаго лагеря, не знающимъ, какъ удержать въ своей средѣ традиціонныхъ столповъ отечества. Уже на послѣднихъ общихъ выборахъ въ рейхстагъ вопли Кассандры раздавались почти исключительно въ реакціонномъ лагерѣ, тогда какъ весь лѣвый лагерь, включая соціалъ-демократію, систематически старался умѣрить страсти («Dämpfungspolitik»). Несомнѣннымъ миролюбіемъ отличается также тактика соціалъ-демократической партіи въ нынѣшнемъ рейхстагѣ.

Но особенно интересна эволюція, происшедшая въ экономической организаціи рабочаго класса, составляющей главную реальную опору рабочаго движенія. Профессіональные союзы, считавшіеся долго очагомъ стачечнаго движенія, дѣлались въ послѣднее время чуть ли не тормазомъ для послѣдняго,—во всякомъ случаѣ, сильнымъ регуляторомъ, предохраняющимъ промышленный пролетаріатъ (и—промышленность) отъ безцѣльныхъ и опасныхъ вспышекъ забастовочной лихорадки. Число забостовокъ изъ года въ годъ уменьшается,—это констатируетъ оффиціальная имперская статистика; «все болѣе и болѣе входятъ въ употребленія мирныя соглашенія».— Приблизительно на 2.000 стачекъ ежегодно во всей имперіи насчитываютъ уже отъ 7.000 до 8.000, т. наз., «мирныхъ движеній», т.-е. мирныхъ переговоровъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ своими работодателями для улаженія разногласій и конфликтовъ. Все болѣе и болѣе находятъ примѣненіе *тарифные договоры*, обезпечивающіе обѣимъ сторонамъ мирное сожительство на болѣе или менѣе продолжительный періодъ. Къ концу 1912-го года такихъ договоровъ было въ силѣ во всей Германіи почти 11 тысячъ; ихъ дѣйствіе распространялось на 160.000 промышленныхъ заведеній и 1.600.000 рабочихъ. Забастовка стала ultima ratio, послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія средства улаженія возникшаго конфликта оказываются безплодными.

Рабочее движеніе принимаетъ и въ Германіи такія же мирныя формы, какія оно давно приняло въ Англіи. Это многихъ поразитъ, какъ нѣчто совершенно неожиданное, совершенно противорѣчащее популярному представленію о нѣмецкомъ рабочемъ движеніи, какъ болѣе зрѣломъ, чѣмъ англійское, которое, несмотря на свою вѣковую исторію, по внутреннему своему содержанію, «моложе» нѣмецкаго, даже чуть ли не всего континентально-европейскаго рабочаго движенія, не исключая и... нашего, россійскаго... Но не показываетъ ли именно послѣдняя reductio ad absurdum, что популярное воззрѣніе недостаточно обосновано?

Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что общій тонъ политической жизни современной Германіи, такъ сказать, «перестраивается». Это, можетъ-быть, и служитъ причиной того политическаго застоя, который заставляетъ нѣкоторыхъ наблюдателей жаловаться на «скуку». Такъ, Гансъ Дельбрюкъ пишетъ: «общественная жизнь Германіи начинаетъ становиться почти скучной; если бы цабернскій инцидентъ не поддерживалъ въ ней бодрости въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она, можетъ-быть, уже заснула бы»... На скуку жалуется также литературный міръ. Вотъ какъ популярный критикъ Альфредъ Керръ характеризуетъ своимъ оригинальнымъ

стилемъ въ руководящемъ литературномъ журналѣ «Neue Rundschau» настроеніе современныхъ драматурговъ:

«...Вяло, беззаботно,—даже въ трагедіяхъ... Созерцательность, отдохновеніе, тихое чавканіе. Поэтъ какъ будто говоритъ: «Зачѣмъ я буду изъ кожи лѣзть»?... Все нынѣшнее зачато было въ минуту отдыха. Лѣнивое міроощущеніе. Лѣнивая постройка. Лѣнивая драма».

Поэтому-то нынѣшнія драмы и нагоняютъ только скуку... Если авторъ не волновался, создавая свою драму, то еще менѣе будутъ, конечно, волноваться ея зрители. Какъ мѣтко замѣчаетъ Керръ: «Никогда не случается, чтобы какое-нибудь мѣсто произведенія тронуло чье-либо сердце, если оно не волновало автора въ пять разъ сильнѣе».

Свои замѣчанія онъ иллюстрируетъ послѣдними произведеніями Эйленберга и Везекинда, но Керръ, повидимому, имѣетъ полное основаніе придавать имъ такую общую формулировку; ни одно изъ драматическихъ произведеній послѣдняго времени не составляетъ исключенія изъ этого правила. Новѣйшее произведеніе самаго выдающагося изъ современныхъ нѣмецкихъ драматурговъ, Гергардта Гауптмана «Лукъ Одиссея», также не произвело сильнаго впечатлѣнія и недолго удержалось въ репертуарѣ новаго «Художественнаго театра» («Künstlersozietäts-Theater»), созданнаго въ прошломъ году въ значительной степени въ расчетѣ на притягательную силу Гауптмана, вошедшаго въ составъ дирекціи этого театра.

Изъ всѣхъ драматическихъ произведеній, поставленныхъ въ берлинскихъ театрахъ въ послѣдніе два сезона, наибольшій успѣхъ, единственный большой успѣхъ, имѣла драма ... Льва Николаевича Толстого: «*Живой трупъ*». Она поставлена была Максимомъ Рейнгардтомъ въ его «Deutsches Theater» и выдержала *больше ста* представленій. А когда наступило время поставить новую пьесу, Рейнгардтъ не нашелъ ничего иного, кромѣ цикла произведеній—Шекспира.

Это достаточно характеризуетъ нынѣшнее состояніе нѣмецкой драматургіи. Но] чѣмъ оно вызвано? На этотъ вопросъ Керръ не даетъ отвѣта. Не нашли его и другіе нѣмецкіе критики. Жалуются, конечно, на конкурренцію кинематографа; но если эти жалобы справедливы, если, дѣйствительно, бездушныя пошлости кинематографа въ состояніи конкуррировать съ художественными театрами, то не бросаетъ ли это еще больше тѣни на послѣдній? Обвиняютъ, конечно, публику. Но какъ относится нѣмецкая публика къ истиннымъ художественнымъ произведеніямъ, показываетъ ея отношеніе къ серьезной музыкѣ, которая ужъ никакимъ образомъ не могла бы соперничать съ кинематографомъ, если бы публика

жаждала только зрѣлищъ и больше ничего.—Берлинъ, напр., имѣетъ два большихъ оперныхъ театра, нѣсколько большихъ симфоническихъ оркестровъ и нѣсколько большихъ хоровъ; цѣлая армія солистовъ всѣхъ племенъ и народовъ наѣзжаетъ сюда каждый годъ для концертовъ; программы почти всегда самаго серьезнаго содержанія: въ театрахъ—Вагнеръ (Кольцо Нибелунговъ, Парсифаль), на концертахъ—Бетховенъ. И публика набрасывается на все это съ такимъ пыломъ, что, кто не заботится о мѣстѣ тотчасъ же послѣ появленія перваго извѣщенія обыкновенно остается за бортомъ.

Въ дѣйствительности, художественные запросы нѣмецкаго общества весьма высоки и если предлагаютъ истинное художественное произведеніе, оно его встрѣчаетъ съ восторгомъ. Изящная литература поглощается въ огромныхъ количествахъ. Послѣдній романъ Бернгардта Келлермана разошелся въ теченіе одного года болѣе чѣмъ въ 100.000 экземляровъ. Каждый день приноситъ что-нибудь новое, и все выходящее находитъ потребителей, хотя и тутъ значительныя явленія рѣдки, а замѣчательныхъ,—такихъ, которыя можно было бы передать и будущимъ поколѣніямъ,—вовсе не видно. Нѣмецкая литература, несомнѣнно, переживаетъ кризисъ. Но это кризисъ не упадка, а—роста, безустаннаго, лихорадочнаго роста культурныхъ силъ и культурныхъ запросовъ.

Р. Бланкъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

(Письмо изъ Рима).

Въ моментъ, когда пишутся эти строки, въ Римѣ открывается женскій интернаціональный конгрессъ. Организаторская роль выпадаетъ на этотъ разъ на долю Національнаго Совѣта Итальянскихъ Женщинъ; итальянки же составятъ и большинство участницъ съѣзда. Умѣстно, поэтому, нѣсколько ближе ознакомиться съ правовымъ положеніемъ итальянской женщины, съ ея общественной ролью и съ задачами, которыя ставитъ передъ собой передовая и мыслящая женщина Италіи.

Итальянскому обществу en masse еще чуждо серьезное отношеніе къ женскому движенію. Чуждо оно и итальянской прессѣ.

Я рѣшительно не припомню ни одной газетной статьи большой прессы, посвященной въ цѣломъ или части вопросу о женскомъ движеніи, гдѣ бы среди серьезныхъ строкъ не попадались фразы, быть можетъ, и элегантно-рыцарскія съ точки зрѣнія мѣстнаго автора и читателя, но пошловатыя съ точки зрѣнія нашей. Неизбѣжно пестрятъ словечки: «прекрасная половина рода человѣческаго», «слабый, но властвующій полъ», «мы, мужчины, какъ естественные враги», ходячіе афоризмы изъ Шопенгауэра и Ницше и т. п. Между тѣмъ вопросъ о положеніи женщины въ Италіи, объ ея культурной отсталости, о низкомъ общемъ уровнѣ ея интересовъ и,—какъ слѣдствіе и какъ причина, — объ ея положеніи правовомъ настолько серьезенъ и важенъ, что совершенно своевременно было бы оставить тонъ пикантно-салонный, дѣлающійся въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстнымъ и болѣе чѣмъ досаднымъ. Къ счастью, имѣются всѣ данныя предполагать, что скоро и «рыцари» и «естественные враги», считающіе женское движеніе въ Италіи лишь занятной и безвредной экзотической забавой, неожиданно для самихъ себя должны будутъ признать, что «прекрасный и слабый полъ» совсѣмъ не изъ кокетства требуетъ признанія своихъ гражданскихъ правъ, и что изящно-шутливый отказъ можетъ повлечь за собой серьезныя соціальныя осложненія. Во всякомъ случаѣ послѣдніе годы съ несомнѣнностью доказали, что женское движеніе въ Италіи существуетъ дѣйствительно, а не иллюзорно только; другой вопросъ—какимъ темпомъ ему суждено развиваться и какіе элементы «женскаго вопроса» въ немъ преобладаютъ. Италіи слѣдовательно, приходится подумать о серьезномъ пробѣлѣ въ ея благозвучномъ языкѣ: объ отсутствіи слова «человѣкъ», которымъ русскіе или нѣмцы (Mensch) могутъ именовать одинаково и мужчину и женщину; ибо русское «женщина — человѣкъ» никоимъ образомъ нельзя перевезти «la donna è un uomo». *L'uomo* можетъ означать «человѣкъ», т.-е. «мужчина», но абсолютно неприложимо къ женщинѣ, про которую лишь можно сказать, что она — «человѣческое существо» (la donna è un essere umano).

Правовое положеніе итальянской женщины слѣдуетъ назвать унизительнымъ. Законъ не только лишаетъ ее правъ политическихъ, но и въ области гражданскихъ отношеній отказываетъ ей въ равноправіи, отдавая ее въ опеку главѣ семьи, мужу и семейному совѣту. «Мужъ есть глава семьи»,—говоритъ ст. 131 Гражд. Кодекса, и изъ этого основного положенія вытекаютъ всѣ послѣдствія, закрѣпощающія женщину морально и экономически. Какъ глава семьи, мужъ имѣетъ право требовать, чтобы жена слѣдовала за нимъ повсюду. Итальянская судебная практика не выработала, подобно нашей, ряда

прецедентовъ, почти уничтожившихъ категоричность этого патріархальнаго положенія. Извѣстно, что ст. 103 т. X ч. 1 русскаго Свода Законовъ, закрѣпощающая замужнюю женщину путемъ воспрещенія „всякихъ актовъ, клонящихся къ самовольному разлученію супруговъ», въ данное время совершенно обезвреженa практикой мировыхъ судей, общихъ судебныхъ установленій, гражданскаго кассаціоннаго департамента и учрежденій административныхъ и, наконецъ, послѣдней новеллой 12 марта 1914 года. Такимъ образомъ, у насъ бракъ не влечетъ за собой пожизненнаго рабства женщины. Законъ итальянскій такихъ ограниченій своей суровости не знаетъ, за исключеніемъ института раздѣльнаго жительства супруговъ, суррогирующаго разводъ, но также не устанавливающаго равноправія мужчины и женщины передъ закономъ.

Развода въ Италіи нѣтъ. «Бракъ расторгается только смертью одного изъ супруговъ» (ст. 148 Гражд. Код.). Но возможно требовать раздѣльнаго жительства въ случаяхъ адюльтера, угрозъ, тяжелыхъ оскорбленій, осужденія одного изъ супруговъ за уголовное преступленіе, отказа мужа въ содержаніи, и нѣкоторыхъ другихъ, всегда—послѣ судебной процедуры, хотя бы на-лицо было обоюдное согласіе супруговъ на раздѣльное жительство. Разумѣется, права на новый бракъ стороны не получаютъ, но лишаются права жалобы на адюльтеръ. Однако, и этотъ законъ не равенъ для обоихъ половъ. Мужу законъ предоставляетъ требовать раздѣльнаго жительства по любому изъ перечисленныхъ мотивовъ, тогда какъ, согласно ст. 150, жена можетъ требовать раздѣльнаго жительства не въ каждомъ случаѣ адюльтера мужа, а лишь тогда, когда ея мужъ содержитъ сожительницу (concubina) въ домѣ или явно въ другомъ мѣстѣ, или обстоятельства адюльтера таковы, что фактъ его является тяжкой обидой женѣ». Другими словами, законъ не усматриваетъ «тяжкой обиды для жены» въ случаяхъ супружеской невѣрности мужа, если эта невѣрность не афишируется, хотя бы она была извѣстна женѣ, признана мужемъ и доказана на судѣ. Вполнѣ соотвѣтствуя господствующему въ Италіи взгляду на бракъ, эта статья закона явно оскорбительна для достоинства женщины. Не даромъ 1-й конгрессъ итальянскихъ женщинъ, бывшій въ Римѣ въ 1908 году (рѣчь о которомъ впереди), единодушно выставилъ требованіе отмѣны этой оговорки ст. 150 Гр. Код.

Уравнивая мужа и жену въ ихъ обязанностяхъ содержать семью, соотвѣтственно и пропорціонально ихъ достаткамъ, при чемъ въ счетъ достатка идутъ и проценты съ приданаго жены (ст. 138), и возлагая одинаково на обоихъ отвѣтственность за воспитаніе дѣтей, законъ, исходя изъ принципа семейнаго главенства мужа, отнимаетъ,

при его жизни, отъ матери реальную отеческую власть. Такъ, напримѣръ, для брака несовершеннолѣтнихъ дѣтей несогласіе матери не имѣетъ силы, разъ отецъ согласенъ. Точно также отецъ можетъ, вопреки желанію матери, выселить изъ дома, или отдать на воспитаніе нàсторону строптиваго сына (ст. 222). Какъ глава семьи, мужъ управляетъ имуществомъ жены, которая, безъ его авторизаціи, не можетъ выполнять никакихъ гражданскихъ актовъ (ст. 134); въ авторизаціи не нуждается только жена, самостоятельно ведущая торговлю или освободившаяся отъ главенства мужа на время его длительнаго (болѣе года) заключенія въ тюрьму. Даже раздѣльное жительство по винѣ жены, по винѣ общей и по взаимному рѣшенію не даетъ женщинѣ права распоряжаться своимъ имуществомъ; въ этихъ случаяхъ ей нужна авторизація трибунала, который не можетъ постановить резолюціи, не выслушавъ возраженій мужа (ст. 136). Только смерть мужа освобождаетъ женщину отъ его опеки и дѣлаетъ ее главой семьи. Однако, и здѣсь законъ дѣлаетъ ограниченія. Такъ, если смерть мужа застанетъ жену беременной, то трибуналъ, по ходатайству имущественно заинтересованныхъ лицъ, можетъ назначить опекуна надъ нeродившимся еще ребенкомъ (curatore al ventre, ст. 236). Но и это далеко не все. Если вдова, имѣющая дѣтей, захочетъ выйти замужъ, она обязана созвать семейный совѣтъ, конструирующійся, согласно закону, изъ ближайшихъ членовъ семьи подъ предсѣдательствомъ претора, при чемъ,—что также характерно—женщины, кромѣ родственницъ по прямой восходящей линіи и незамужнихъ единокровныхъ сестеръ, участвовать въ семейномъ совѣтѣ не могутъ (ст. 268). Этотъ семейный совѣтъ долженъ рѣшить, останется ли за вдовой управленіе имуществомъ, а также долженъ указать ей условія воспитанія ея дѣтей (ст. 237). Если не былъ созванъ семейный совѣтъ, то вдова теряетъ права по управленію имуществомъ, а ея новый супругъ несетъ отвѣтственность за все; если же совѣтъ оставилъ управленіе за матерью, ея мужъ все же является соуправляющимъ и несетъ солидарную отвѣтственность (ст. 238).

Тяжелое положеніе женщины усугубляется, наконецъ, запрещеніемъ розысковъ отца ребенка, прижитаго внѣ брака. Въ то же время абортъ карается тюрьмою до четырехъ лѣтъ.

Хотя итальянскій уголовный кодексъ, въ противоположность гражданскому, проникнутъ принципами равноправія половъ, но и здѣсь мы находимъ статью, на практикѣ всею тяжестью обрушивающуюся на женщину. Это—ст. 377 Угол. Код., устанавливающая очень пониженную отвѣтственность за преступленія противъ личности, «если они совершены однимъ изъ супруговъ, или братомъ,

или сестрой, или родственникомъ въ восходящей линіи — противъ другого супруга, или родственницы, или сестры, или соучастника этихъ лицъ, уличенныхъ in flagrante въ прелюбодѣяніи или незаконномъ сожительствѣ». Уже изъ текста статьи видно, что законъ кладетъ серьезное различіе между полами, уравнивая лишь отвѣтственность супруговъ. Такъ, напримѣръ, братъ, убившій сестру, можетъ воспользоваться предусмотрѣннымъ этой статьей смягчающимъ обстоятельствомъ, тогда какъ сестра, убившая брата — не можетъ. Но, разумѣется, чаще всего эта статья примѣняется въ супружескихъ драмахъ, при чемъ, за рѣдкими исключеніями, рукою, карающей за адюльтеръ, бываетъ рука мужа, которому рѣдко даже приходится воспользоваться благодѣтельной статьей, такъ какъ судъ его обычно оправдываетъ. Конечно, въ данномъ случаѣ законъ не виноватъ; однако, при господствующихъ въ Италіи нравахъ, статья эта оказывается опасной именно для женщины, какъ оказывающая снисхожденіе за столь обычную съ нею расправу.

Правъ политическихъ итальянская женщина не имѣетъ никакихъ. Лишенная избирательнаго голоса въ выборахъ политическихъ, она не можетъ участвовать и въ выборахъ административныхъ, хотя бы въ той ограниченной степени, какъ у насъ. Судя по слабости и непопулярности суфражистскаго движенія въ Италіи, можно ожидать, что Италія будетъ послѣдней европейской страной, женщина которой получитъ доступъ на политическую арену. До сихъ поръ ни одна политическая партія не вносила въ свою программу съ достаточной серьезностью пункта объ избирательномъ правѣ женщинъ. Даже соціалисты, утвердительно рѣшающіе этотъ вопросъ, удѣляютъ мало вниманія его пропагандѣ, предоставляя это спеціальнымъ союзамъ женщинъ-соціалистокъ. Съ точки зрѣнія практической соціалисты высказываютъ опасеніе, что участіе женщинъ въ выборахъ дало бы лишній шансъ клерикаламъ. Нѣкоторые изъ «передовыхъ» политическихъ дѣятелей не прочь блеснуть своимъ «феминизмомъ» въ банкетной рѣчи или на публичной лекціи, — но почти никто не рѣшается, или, вѣрнѣе, не находитъ нужнымъ развивать подобныя мысли предъ избирателями. На этихъ дняхъ, быть можетъ, — въ видѣ любезнаго жеста въ сторону предстоящаго въ Римѣ женскаго конгресса, бывшій синдикъ Рима Э. Натанъ свою первую предвыборную рѣчь началъ словами: «Граждане—избиратели и какъ хотѣлъ бы я сказать: гражданки — избирательницы!» И правда, синдикъ Натанъ считается образцомъ рыцарства и благовоспитанности! Но врядъ ли и онъ, борясь за блокъ демократическихъ партій, былъ бы радъ видѣть въ рукахъ женщинъ избирательные бюллетени!

Этотъ страхъ передъ «желтой опасностью» врядъ ли имѣетъ серьезныя основанія. Нужно вспомнить, что тѣ же опасенія высказывались по поводу распространенія избирательныхъ правъ на неграмотныхъ, а между тѣмъ послѣдніе выборы (первые по новому закону) показали, что усиленіе клерикаловъ ничтожно сравнительно съ усиленіемъ голосовъ крайней лѣвой. Итальянская женщина слабо эмансипируется отъ католицизма и вліянія священниковъ,—но это не потому, что она женщина, а гораздо болѣе потому, что она некультурна, что ей дается не столько гражданское воспитаніе, сколько религіозное. Во всякомъ случаѣ нелогично лишать женщину, хотя бы образованную, даже ученую, профессорессу, тѣхъ функцій, которыя предоставляются полуграмотному и неграмотному человѣку. Соціалисты, напримѣръ, несомнѣнно упускаютъ изъ виду огромный ростъ женскаго труда въ разныхъ областяхъ промышленности, — а вѣдь именно рабочіе даютъ имъ голоса. Интересно также отмѣтить большую выдержку женщинъ-работницъ, доказанную стачками. Наконецъ, клерикальная опасность—дѣло преходящее. Пусть первые выборы дадутъ минусъ передовымъ партіямъ; за то предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ, уровнявъ ихъ въ политическихъ правахъ съ мужчинами и открывъ имъ возможность карьеры, явится такимъ импульсомъ развитію сознательности женщины, что скорые результаты быстро покроютъ временный дефицитъ, — если ужъ онъ, дѣйствительно, на первыхъ порахъ неизбѣженъ. Возможно, впрочемъ, что главный врагъ предоставленія правъ женщинамъ не политическія партіи, а сами женщины. Одна итальянская суффражистка, въ своемъ докладѣ на конгрессѣ 1908 года, говорила между прочимъ: «у насъ есть два рода оппозиціи: мужская и женская. Женщина, особенно среди мелкой буржуазіи, не имѣетъ иной цѣли въ жизни, какъ найти себѣ мужа, который далъ бы ей опредѣленное соціальное положеніе. Разумѣется, на пути къ этому она не станетъ вызывать въ немъ неудовольствія, прекрасно зная, что мужчины среднихъ и низшихъ по культурѣ классовъ не очень жалуютъ женское движеніе». Здѣсь, слѣдовательно, замыкается роковой кругъ вопроса: женщина безправна, такъ какъ некультурна; она некультурна, такъ какъ безправна. Добиваясь правъ,—она рискуетъ потерять выгодный бракъ, который даетъ ей положеніе; отказываясь отъ правъ—она попадаетъ въ рабство.

И однако, развитіе женскаго профессіональнаго труда, поднятіе уровня женскаго образованія, примѣръ женщинъ другихъ, болѣе передовыхъ странъ—все это создало уже и въ Италіи кадръ женщинъ, отнюдь не удовлетворяющихся своимъ безправнымъ положеніемъ. Устроенный ими первый смотръ силъ — конгрессъ

1908 года—показалъ, что дѣло вовсе не безнадежно. Силы, количественно слабыя, качественно оказались не малыми. Труды этого съѣзда, недавно вышедшіе изъ печати и составляющіе огромный томъ [1]), доказали, что итальянской женщинѣ отнюдь не чужды рѣшительно всѣ вопросы общественной политической и экономической жизни, которые волнуютъ страну. Мало того, она умѣетъ подойти къ этимъ вопросамъ оригинально, «по-женски» (отнюдь не въ отрицательномъ смыслѣ), отмѣтивъ въ нихъ сторону моральную, одухотворивъ ихъ особой идейностью. Въ трактовкѣ докладчицами конгресса такихъ острыхъ вопросовъ, какъ половая мораль, положеніе внѣбрачныхъ дѣтей, абортъ, равно какъ и вопросовъ спеціальныхъ, какъ безработица, эмиграція, страхованіе, санитарный надзоръ, домашняя гигіена и проч.,—итальянская женщина умѣетъ (это доказалъ конгрессъ) не только разбираться вполнѣ свободно, но и быть независимѣе и оригинальнѣе во взглядахъ, чѣмъ мужчина, обычно слишкомъ зараженный партійными программами и начиненный готовыми формулами. Излишне говорить, что она сверхъ того выдвигаетъ цѣлый рядъ насущнѣйшихъ вопросовъ, не пользующихся особымъ вниманіемъ мужчины просто потому, что его, какъ таковаго, они менѣе затрагиваютъ. Таковы, напримѣръ, вопросы о политическихъ и гражданскихъ правахъ женщинъ по дѣйствующему законодательству, о торговлѣ женщинами, о женскомъ профессіональномъ образованіи, о школахъ домашняго хозяйства, о гигіенѣ материнства и т. п. Очень любопытно отмѣтить также, что центромъ страстныхъ дебатовъ былъ вопросъ о религіозномъ воспитаніи въ школахъ, весьма важный для Италіи, а для конгресса женщинъ явившійся истиннымъ пробнымъ камнемъ. И какъ бы въ опроверженіе мнѣнія о «желтой опасности», конгрессъ постановилъ, что 1) элементарная школа должна быть безусловно аконфессіональной» и 2) въ средней и высшей школѣ должно быть введено совершенно объективное изученіе религій въ отношеніи ихъ принциповъ, ихъ выводовъ и ихъ спеціальныхъ послѣдствій. Постановленіе это мотивируется «уваженіемъ ко всѣмъ зрѣлымъ политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ, а также уваженіемъ къ свободѣ, на которую имѣетъ право дѣтская совѣсть, чтобы въ будущемъ лучше оріентироваться въ идеальныхъ принципахъ нравственнаго поведенія». Болѣе ясной и болѣе свободной отъ предразсудковъ резолюціи нельзя и желать. Правда, эта резолюція была проведена демократическимъ крыломъ конгресса лишь послѣ упорной борьбы съ партіей различныхъ баронессъ, контессъ и маркизъ,

[1]) Atti del congresso nazionale. Roma.

даже кричавшихъ въ засѣданіяхъ «viva Gesù Cristo»,—но тѣмъ выше заслуга конгресса, тѣмъ больше основаній предполагать, что «желтая опасность» преувеличена, а итальянская женщина гораздо больше созрѣла для политической жизни и борьбы, чѣмъ это обычно думается. Разумѣется, на женскій конгрессъ собрался весь цвѣтъ передовыхъ женскихъ слоевъ, и мы не можемъ считать делегатокъ конгресса типичными представительницами женскаго населенія Италіи. Но, вѣдь, и въ избирательную борьбу пойдетъ не инертная масса, а лишь передовыя единицы, да и самый парламентъ—отнюдь не есть отразитель культуры страны! Противники женскаго движенія указываютъ, обычно, на несамостоятельность женской мысли, на неспособность женщины возвыситься до вполнѣ объективныхъ взглядовъ. Этотъ ветхій предразсудокъ можно въ отношеніи итальянской женщины считать вполнѣ разрушеннымъ уже первымъ, далеко несовершеннымъ конгрессомъ, ясно, однако, показавшимъ, что на худшій конецъ женская мысль все же прекрасный и необходимый коррективъ къ мужской.

На пути къ завоеванію гражданскихъ и политическихъ правъ итальянская женщина должна выдержать упорную борьбу за улучшеніе условій женскаго образованія. Даже въ отношеніи простой грамотности женщина сильно уступаетъ мужчинѣ. Такъ, по цифрамъ 1910 г. [1]), процентъ неграмотныхъ невѣстъ доходилъ до 36,8 противъ 24,8 процентовъ неграмотности жениховъ, а по отдѣльнымъ областямъ давалъ и еще болѣе значительную разницу (Абруцци 60,6 противъ 31,5). Однако, въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ неграмотность вообще начинаетъ исчезать, эта разница уже значительно меньше (Ломбардія 5,7 противъ 5,2). Условія средняго женскаго образованія также неблагопріятны. Въ среднихъ школахъ общаго типа (гимназіяхъ и лицеяхъ) на 47 тысячъ юношей приходится лишь 5 тысячъ дѣвушекъ, при чемъ въ частности на лицеи (соотствующіе нашимъ 3-мъ старшимъ классамъ гимназіи) приходится 791 дѣвушка на $13^1/_2$ тысячъ юношей. Такимъ образомъ преимущественно женскими школами являются школы «нормальныя» и «дополнительныя», въ которыхъ число учащихся дѣвушекъ превышаетъ число юношей почти въ 15 разъ.

Что касается университетовъ, доступъ въ которые женщинамъ совершенно свободенъ, то здѣсь мы встрѣчаемся съ явнымъ предубѣжденіемъ общества противъ высшаго женскаго образованія. Въ 17 правительственныхъ и 5 свободныхъ университетахъ Италіи обучалось въ 1911—12 году на 21.742 студента всего 1.960 сту-

[1]) Annuario Statistico Italiano, II serie, vol. II. 1912.

дентокъ. Спеціальныхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Италіи всего 2 (высш. педагог. институты) съ 278 слушательницами вмѣстѣ. Число женщинъ въ другихъ спеціальныхъ институтахъ совершенно ничтожно, такъ что общая цифра женщинъ, получающихъ высшее образованіе, не превышаетъ $2^1/_2$ тысячъ, при чемъ въ это число входитъ не мало иностранокъ (до сотни русскихъ).

Любопытно, что первой женщиной въ Италіи, получившей университетскій дипломъ, была русская (Эрнестина Паперъ во Флоренціи, въ 1878 году). На слѣдующій годъ туринскій университетъ выпустилъ первую женщину-врача итальянку. До 1891 года итальянскіе университеты выпускали минимумъ—1, максимумъ—5 окончившихъ курсъ женщинъ; затѣмъ, число ихъ начало рости, достигнувъ 50 въ 1900 году. Общій расцвѣтъ итальянской современности, начало котораго совпадаетъ съ этимъ годомъ, сразу повысилъ и процентъ женщинъ, получающихъ высшее образованіе. Однако, и сейчасъ, какъ мы видѣли, процентъ этотъ еще очень не высокъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что значительное большинство женщинъ, по окончаніи университета, дѣлаются преподавательницами въ среднихъ школахъ,—единственная дорога, имъ открытая. Господствующій до сихъ поръ предразсудокъ противъ изученія дѣвушками такого «неприличнаго» предмета, какъ медицина, а также противъ женщинъ-врачей, дѣлаетъ факультетъ медицинскій мало-популярнымъ (хотя акушерство слушаютъ довольно многія); зато юристокъ—больше всего, хотя юридическая карьера женщинѣ пока закрыта.

Недурнымъ показателемъ общественнаго отношенія къ женщинѣ можетъ служить тотъ фактъ, что главными противниками допущенія женщины къ адвокатурѣ являются адвокаты-мужчины, т. е. бывшіе товарищи по университетской скамьѣ. Хотя адвокатское сословіе въ Италіи по дѣйствующему закону далеко не обладаетъ полной автономіей (подчинено судебнымъ палатамъ, какъ второй инстанціи въ дѣлахъ дисциплинарныхъ), но фактически совѣты адвокатовъ и прокураторовъ [1]) достаточно свободны и авторитетны, чтобы, при желаніи, открыть женщинамъ доступъ въ свои сословія. Однако, отчасти старый предразсудокъ, а болѣе всего—боязнь усиленія конкурренціи, дѣлаетъ «рыцарей» плохими джентльменами. Законъ 8 іюня 1874 года, до сихъ поръ дѣйствующій,

1) Въ Италіи, подобно Франціи и Англіи, существуетъ дѣленіе адвокатовъ согласно ихъ функціямъ (защитники и повѣренные), стажу и отчасти образованію—avvocati и procuratori (франц. avocats и avoués, англ. barristers и solicitors),—хотя есть и не малое отличіе отъ организаціи адвокатуры въ этихъ странахъ. (См. наши ст. въ „Вѣстн. Права“ за 1914 г.).

препятствій для принятія женщинъ въ сословіе адвокатовъ не ставитъ, такъ какъ по-просту не упоминаетъ о женщинахъ; такимъ образомъ возможно было бы толкованіе распространительное. Однако, насколько намъ извѣстно, проектъ новаго закона объ организаціи адвокатуры, недавно выработанный особой комиссіей при министерствѣ юстиціи (состоящей *цѣликомъ* изъ адвокатовъ), дѣлаетъ ясную оговорку о недопущеніи женщинъ въ сословіе. Мотивируется это тѣмъ, что «вопросъ о женщинахъ-адвокатахъ безпрестанно дебатируется въ юридической прессѣ уже 45 лѣтъ, что служитъ доказательствомъ, что вопросъ еще не созрѣлъ». Вотъ ужъ, дѣйствительно, чудесный образчикъ той логики, которую мужчины именуютъ «женской»!

На практикѣ вопросъ о правѣ женщины выступать на судѣ возникъ года два назадъ, когда Тереза Лабріола, приватъ-доцентъ римскаго университета, была принята въ сословіе адвокатовъ и нѣсколько разъ успѣла выступить въ тогѣ защитника[1]). Нѣсколько предсѣдателей суда допустили ее къ защитѣ, но одинъ прокуроръ заявилъ протестъ, и первая адвокатесса была «разъяснена». Къ сожалѣнію, ни общество, ни товарищи за нее не вступились, и вопросъ о новой области приложенія труда интеллигентной женщины остается пока рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ видѣ рѣдчайшихъ исключеній есть все же въ Италіи женщины, занимающіяся юридической практикой, хотя и не выступающія на судѣ. Такъ, напр., въ Пинероло одна очень талантливая феминистка-юристъ, s-na Lidia Poët, имѣетъ вмѣстѣ съ братомъ адвокатскую студію; она же извѣстна своими работами по изслѣдованію пенитенціарныхъ системъ. Совсѣмъ недавно первая женщина въ Италіи заняла постъ нотаріуса (s-na Pertici).

Что касается карьеры ученой, то она женщинѣ не закрыта, но требуется исключительная энергія, чтобы побороть противодѣйствіе профессорскихъ коллегій и добиться самостоятельной каѳедры. Насколько намъ извѣстно, въ Италіи есть лишь одна женщина— экстра-ординарный профессоръ анатоміи и зоологіи въ маленькомъ Сардинскомъ университетѣ въ Сассари (Рина Монти). Есть нѣсколько женщинъ-доцентовъ и ассистентовъ въ научныхъ институтахъ.

Насколько трудно въ Италіи женщинѣ пробить себѣ дорогу и заняться свободной профессіей, видно хотя бы изъ примѣра первой

---

[1]) По закону 8 іюня 1874 г. профессора и доценты юридическихъ факультетовъ, по истеченіи пяти лѣтъ, имѣютъ право поступать въ сословіе адвокатовъ безъ предварительнаго экзамена и стажа (Legge 8 giugno 1874, art. 9).

женщины-врача, Маріи Велледа Фаонэ, которая не могла составить себѣ кліентуры, хотя королева Маргерита, желая помочь ей, назначила ее своимъ домашнимъ врачомъ. Даже и сейчасъ практикующихъ женщинъ-врачей, дѣйствительно имѣющихъ практику, можно пересчитать по пальцамъ; область ихъ дѣятельности ограничивается лишь дѣтскими и, рѣже, женскими болѣзнями. Частную кліентуру имѣютъ единицы; большинство устраивается врачами въ дѣтскихъ пріютахъ и ассистентами частныхъ клиникъ.

Вполнѣ открыты для итальянской женщины лишь тѣ области интеллигентнаго труда, гдѣ никакихъ законныхъ рогатокъ поставлено быть не можетъ: литература, искусство, музыка, сцена; области, дающія славу и деньги талантамъ, но не дающія даже средняго заработка людямъ среднихъ способностей.

Женщина-литераторъ въ Италіи не рѣдкость. Есть нѣсколько писательницъ и поэтессъ, пользующихся европейской извѣстностью; назовемъ хотя бы Матильду Серао, Грацію Деледда, Аду Негри, имена которыхъ въ Россіи извѣстны очень хорошо. Въ частности Матильда Серао, съ ея производительнѣйшимъ талантомъ, занимаетъ въ итальянской литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Этими тремя именами не исчерпывается, конечно, списокъ извѣстныхъ итальянскихъ писательницъ. Слѣдуетъ упомянуть: Алинду Боначчи Брунамонти (1842—1903)—поэтессу школы Леопарди; Амелію Росселли—первую по времени женщину-драматурга, пьеса которой (Anima) была премирована національнымъ драматическимъ конкурсомъ въ 1898 году; Терезу (Téresah, псевдонимъ Терезы Убертисъ)—талантливую поэтессу, драматурга и романистку; Викторію Аганооръ—изящную поэтессу, умершую года три тому назадъ, и цѣлую плеяду другихъ поэтессъ и романистокъ, какъ Нэера, Іоланда, Корделіа (Тревесъ), Паола Ломброзо, Сибилла Алерамо и др. Довольно видное мѣсто занимаетъ итальянская женщина также въ періодической печати, особенно въ журналахъ для семейнаго и дѣтскаго чтенія. Рядъ скромныхъ литературныхъ женскихъ именъ объединился вокругъ Софіи Бази Албини, выдающейся романистки, основавшей «Журналъ для дѣвушекъ» (Rivista per le signorine) и «Жизнь итальянской женщины» (Vita femminile italiana).

Если область литературы открыта для итальянской женщины, то это еще не значитъ, что ей столь же просто выйти на избранную дорогу, какъ мужчинѣ. Одна изъ конгрессистокъ 1908 года представила докладъ на тему объ отличіи положенія писательницы итальянской отъ положенія женщинъ-литераторовъ въ другихъ странахъ. Указывая на сравнительно ограниченное участіе женщинъ въ итальянской литературѣ, докладчица останавливается на причинахъ

этого. Главная причина, по ея мнѣнію, кроется въ дурной постановкѣ женскаго образованія. Второе мѣсто въ ряду причинъ занимаетъ отношеніе общества къ женщинѣ, посвящающей себя литературному труду. До очень недавняго времени считалось почти неприличнымъ, во всякомъ случаѣ слишкомъ смѣлымъ, выступать въ печати подъ собственнымъ именемъ, въ особенности же опубликовывать подъ собственнымъ именемъ романъ [1]). Докладчица не поясняетъ, почему печатать романъ считалось неприличнымъ; но, разумѣется, не потому, что *вообще* считается неприличнымъ занятіе литературой. Нѣтъ, секретъ въ томъ, что романистка неизбѣжно должна развить въ своемъ романѣ любовную интригу, предоставить героевъ ихъ страстямъ, доказать знаніе жизни иногда съ ея неприглядныхъ сторонъ. Это допустимо для женщины пожилой; но молодая женщина, а особенно дѣвушка, согласно патріархально-мѣщанскимъ традиціямъ итальянскаго общества, гораздо болѣе выигрываетъ, искусно выказывая свое полное незнаніе житейской пошлости, чѣмъ расписываясь полнымъ именемъ въ своемъ знаніи жизни. Поэтому-то большинство начинающихъ итальянскихъ писательницъ (и даже огромное большинство) выступаетъ подъ псевдонимами, иногда мужскими (Бруно Сперани, Джорджо Пальма, Луиджи ди Санъ Джусто и др.). Иное дѣло элегія или маленькія повѣсти въ журналахъ «для синьоринъ», гдѣ можно найти все, кромѣ настоящихъ чувствъ и знанія жизни. Короче говоря, писаніе и издаваніе романовъ «неприлично» по тѣмъ же глубокимъ соображеніямъ, какъ и изученіе анатоміи на медицинскомъ факультетѣ. Графиня Корніани-Уварова, одна изъ докладчицъ конгресса 1908 г. (докладъ о правовомъ положеніи женщинъ въ Россіи), весьма ѣдко очертила тремя словами идеалъ женщины по итальянскимъ буржуазнымъ понятіямъ: Mamma lagrimosa e sentimentale — плаксивая и сентиментальная мамаша. Въ защиту итальянскаго общества скажемъ, что этотъ недавній идеалъ уже тускнѣетъ; но еще не мало лѣтъ пройдетъ, пока онъ смѣнится идеаломъ donna nuova—новой женщины, свободной, правоспособной, общественной работницы, женщины-гражданки.

Мы не будемъ останавливаться на участіи итальянской женщины въ другихъ сферахъ свободнаго творчества, какъ живопись, скульптура, музыка, театръ. Достаточно будетъ упомянуть имена Патти, Элеоноры Дузэ, Тины ди Лоренцо, Ирмы и Эммы Грамматика, Дины Галли, Лиды Борелли, Мими Агуліа (въ труппѣ Грассо). Всѣ эти большія и малыя знаменитости сцены и bel canto могли бы много разсказать о тѣхъ препонахъ, которыя имъ пришлось побороть на

---

[1]) Atti del congresso 1908, p. 410.

пути къ извѣстности,—препонахъ, которыя мужчинами порою берутся съ легкостью, достойной фаворитовъ житейскаго steeple-chase'a.

Если отъ свободныхъ интеллигентныхъ профессій мы перейдемъ къ труду физическому, то встрѣтимся съ тяжелыми условіями женскаго труда и съ далеко не совершеннымъ законодательствомъ по его охранѣ. За исключеніемъ немногихъ родовъ индустріи, женскій трудъ повсюду оцѣнивается въ $1^1/_2$ и въ 2 раза ниже мужского, при одинаковомъ числѣ рабочихъ часовъ. Справедливость требуетъ сказать, что итальянское законодательство по охранѣ женскаго и дѣтскаго труда одушевлено благими намѣреніями. Такъ, законъ 10 ноября 1907 г. [1]) воспрещаетъ принимать на фабричныя, строительныя и иныя работы дѣтей обоего пола моложе 12 лѣтъ, а на работы подземныя—женщинъ какого бы то ни было возраста; на опасныя и тяжелыя работы не должны приниматься женщины моложе 21 года (ст. 1). Кромѣ того, допущеніе къ работамъ несовершеннолѣтнихъ женщинъ обусловливается предъявленіемъ документовъ о рожденіи и прохожденіи начальной школы и медицинскаго свидѣтельства о безопасности для ихъ здоровья именно этого вида труда (ст. 2). Воспрещается совершенно ночной трудъ женщинъ (ст. 5). Рабочій день несовершеннолѣтнихъ женщинъ ограничивается 12 часами съ обязательными перерывами послѣ каждыхъ 6 часовъ (ст. ст. 7 и 8). Матери не должны приниматься за работу до истеченія 3—4 недѣль послѣ родовъ (ст. 6). Для кормленія дѣтей грудью, фабрики, за исключеніемъ мелкихъ (менѣе 50 рабочихъ) должны имѣть особую комнату, и при этомъ кормилицамъ дается отдыхъ сверхъ обычнаго (ст. 10). За нарушеніе закона хозяевами установлены штрафы, прогрессивно растущіе при рецидивѣ. Объ эксплоатаціи труда малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ женщинъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры, относящіяся къ году изданія закона: на 321 тысячу рабочихъ женщинъ, занятыхъ въ текстильной промышленности, около 11 тысячъ были моложе 12 лѣтъ, около 60 тысячъ не достигли 15 лѣтъ, около 120 тысячъ 21 года, и лишь 130 тысячъ были совершеннолѣтними. Въ другихъ отрасляхъ индустріи несовершеннолѣтнихъ было около 45%.

Запрещая ставить на работу женщинъ, недавно родившихъ, законъ не упоминаетъ ни о готовящихся стать матерями, ни о выдачѣ родильницамъ хотя бы пониженнаго содержанія на время устраненія отъ работы. Такимъ образомъ, онъ самихъ работницъ толкаетъ на нарушеніе закона, лишающаго ихъ средствъ къ существованію. Но дѣло, конечно, не въ законѣ, а въ его примѣненіи. Къ

[1]) Legge sul lavoro delle donne e dei fanciulli, 10 nov. 1907 № 818

сожалѣнію, угроза штрафами не имѣетъ дѣйствительной силы въ виду слабости и небрежности надзора. Довольно сказать, что фабричный инспекторскій надзоръ введенъ въ Италіи лишь въ 1906 году, а до этого времени онъ поручался частнымъ обществамъ и даже случайнымъ лицамъ. Въ отношеніи женскаго труда громаднымъ недостаткомъ является отсутствіе инспектриссъ, надзоръ которыхъ за охраной труда женщинъ имѣлъ бы существенное значеніе. Фактъ тотъ, что спеціалисты отмѣчаютъ повсемѣстное и систематическое нарушеніе закона предпринимателями [1]).

Организація женщинъ работницъ въ лиги для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ развивается съ успѣхомъ несравненно большимъ, чѣмъ организація женщинъ-интеллигентокъ для защиты правъ политическихъ и соціальныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что истинное женское движеніе зачинается снизу, хотя его оффиціальныя представительницы и вербуются въ высшихъ культурныхъ слояхъ. Если «феминизмъ» чистой воды рабочей женщинѣ довольно чуждъ, то все же нужно признать, что она, какъ уже вышедшая на путь самостоятельной борьбы за существованіе, много ближе подошла къ завоеванію равноправія съ мужчиной, чѣмъ добрая половина итальянскихъ феминистокъ. Къ сожалѣнію, границы этого очерка сдерживаютъ насъ отъ развитія этой темы на примѣрахъ женскихъ рабочихъ организацій, женскихъ рабочихъ (соціалистическихъ) журналовъ, женскаго стачечнаго движенія и проч.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ соціальнаго положенія итальянской женщины, основанномъ на довольно сухихъ и скудныхъ данныхъ, не было мѣста вопросу, быть можетъ наиболѣе острому для итальянской женщины: вопросу о бытовомъ отношеніи къ ней рядового мужчины. Намъ иногда представляется, что «женскій вопросъ» есть (а ужъ въ Италіи—несомнѣнно) прежде всего вопросъ о воспитаніи мужчины, т. е. воспитаніи въ немъ благороднаго и, прежде всего, товарищескаго отношенія къ представительницамъ «прекраснаго и слабаго пола». Правда, уважаютъ лишь тѣхъ, кто умѣетъ заставить уважать себя; но было бы слишкомъ парадоксальнымъ утверждать, что каждая женщина заслуживаетъ отношенія, какое ей оказываютъ мужчины. Отнюдь не скрывая отъ себя низкаго средняго уровня культурнаго развитія итальянской женщины, нерѣдко, дѣйствительно, достойной своего соціальнаго рабства, часто сознательно предпочитающей его какой бы то ни было «эмансипаціи»—мы все же прямо и безъ обиняковъ должны сказать, что рядовой итальянецъ изъ общества положительно не доросъ до того взгляда на

1) См. нашу статью „Современная Италія“ въ „Исторіи нашего времени“, изд. бр. А. и И. Гранатъ и К°, вып. 4, стр. 234—274.

женщину, какой обязателенъ для вполнѣ культурнаго человѣка. Для него donna всегда femmina и весьма рѣдко un essere umano. Итальянцы сами признаютъ это, объясняя все особыми качествами южной крови; мы скорѣе склонны дать объясненіе менѣе оправдывающее.

Но даже допустивъ малодопустимую возможность перевоспитанія мужчины,—однимъ этимъ не измѣнить положенія женщины въ обществѣ. Врядъ ли также большую помощь эмансипаціи женщины оказываютъ женскіе конгрессы съ ихъ обильными резолюціями, которымъ придается такое огромное значеніе. Въ этомъ отношеніи права Тереза Лабріола, указывая въ одной изъ своихъ работъ по женскому вопросу [1]), что «было бы напраснымъ усиліемъ бороться простыми резолюціями съ мнѣніемъ, которое почти всѣ (?) философы и ученые высказываютъ о женщинѣ, считая ее бѣднымъ существомъ или, по крайней, мѣрѣ, скудоумной, способной лишь напитываться чужими идеями, но не способной быть производительницей идей». «Или,—продолжаетъ она,—развѣ можно протестами измѣнить убѣжденіе мужчинъ, что женщина болѣе объектъ, чѣмъ субъектъ? И особенно странно, что подобные протесты чаще всего раздаются изъ устъ тѣхъ самыхъ феминистокъ, которыя по поводу половыхъ отношеній мужчины и женщины такъ много говорятъ о «соблазнителяхъ»! Такимъ образомъ онѣ сами признаютъ въ принципѣ, что дѣло идетъ о человѣческомъ существѣ мало развитомъ и неспособномъ къ сопротивленію, даже неспособномъ добровольно дѣлать дурно, т. е. о женщинѣ, которая всегда является жертвой существа высшаго, т. е. мужчины». Что касается борьбы противъ юридическаго безправія итальянской женщины, то и эту борьбу Лабріола считаетъ существенной лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ: не столько важна борьба за завоеваніе правъ политическихъ, сколько борьба за реформу законовъ гражданскихъ, регулирующихъ личныя и имущественныя отношенія въ семьѣ. Какъ ученая юристка, Лабріола не можетъ не указать, что ограничивающіе права женщинъ законы являются не столько *причиной* низкаго соціальнаго положенія женщины, сколько его *слѣдствіемъ*. Измѣненіе статей закона еще не измѣнитъ общественной роли современной итальянки. Внѣшняя эмансипація неизмѣнно обусловлена ходомъ процесса полной внутренней моральной трансформаціи женщины. А послѣдняя требуетъ болѣе интенсивнаго участія женщины въ общественной жизни, хотя бы въ тѣхъ областяхъ, которыя и

---

[1]) *Dott. Teresa Labriola.* La donna nella società moderna. Roma, 1902, p. 14—15.

сейчасъ для нея не закрыты: благотворительность, воспитаніе, искусство, наука [1]).

Мы привели здѣсь мнѣніе Терезы Лабріола, какъ одной изъ передовыхъ женщинъ Италіи и одной изъ представительницъ умѣреннаго феминизма. Умѣреннаго, но не *умѣреннѣйшаго*, который также насчитываетъ не мало адептокъ въ средѣ итальянокъ-конгрессистокъ и бывшаго національнаго и предстоящаго интернаціональнаго конгресса. Это—то теченіе, которое толкуетъ больше всего о женщинѣ-матери и женѣ, и сторонницы котораго выдвигаютъ на первый планъ борьбу за религіозное воспитаніе и за «сохраненіе женщиной женственности». На конгрессѣ 1908 года былъ, напримѣръ, прочитанъ докладъ о женской красотѣ, культъ которой весьма рекомендовался конгрессисткамъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что значительная часть докладовъ, а особенно вступительныхъ предсѣдательскихъ рѣчей, подчеркивала увѣренность, что эмансипація женщины не уничтожитъ въ ней женственности. Въ Италіи это необходимо доказывать!

Во главѣ женскаго движенія въ Италіи стоитъ «Національный Совѣтъ Итальянскихъ женщинъ», подъ предсѣдательствомъ графини Г. Спаллетти-Распони, образовавшійся около 16 лѣтъ назадъ и имѣющій отдѣленія во всѣхъ большихъ городахъ Италіи. Главной задачей Совѣта является «объединеніе всѣхъ женщинъ, которыя трудятся, и всѣхъ отраслей труда, въ которыхъ прилагается женская активность», «вызывать обмѣнъ идей, сердечное сближеніе, помочь всѣмъ сестрамъ стоять за новыя добродѣтели и новыя обязанности, выдвигаемыя расширеніемъ правъ, котораго онѣ добиваются» [2]). Совѣтъ аполитиченъ и арелигіозенъ, что̀ позволяетъ ему объединять женщинъ всѣхъ партій и убѣжденій. Какъ національные совѣты другихъ странъ, онъ входитъ въ составъ Интернаціональнаго Женскаго Совѣта, возникшаго въ Вашингтонѣ въ 1888 году и имѣющаго своимъ оффиціальнымъ девизомъ: «Дѣлайте другимъ то, что̀ хотите, чтобы дѣлали вамъ». Каждыя пять лѣтъ въ одной изъ столицъ бываетъ съѣздъ предсѣдательницъ національныхъ совѣтовъ. Такой съѣздъ засѣдаетъ въ данную минуту въ Римѣ, предшествуя открытію общаго интернаціональнаго конгресса. Этотъ послѣдній призванъ разработать темы, рисующія положеніе женщины въ семьѣ, ея роль въ созидательномъ трудѣ и въ организаціяхъ общественной помощи и защиты. Итальянскія делегатки готовятся выступить съ докладами, затрагивающими самыя разнообразныя стороны жизни, труда и общественной роли женщины.

---

1) Ibid., p. 12—14.

2) Изъ рѣчи предсѣдательницы конгресса 1908 года.

Являясь въ Италіи большимъ событіемъ, интернаціональный конгрессъ, несомнѣнно, сыграетъ не малую роль, ознакомивъ итальянскую женщину, путемъ газетныхъ отчетовъ и непосредственнаго участія въ конгрессѣ, съ правовымъ положеніемъ и борьбой за его улучшеніе женщинъ другихъ странъ и пробудивъ интересъ къ общественной дѣятельности. Каждый толчекъ извнѣ, который получитъ итальянское женское движеніе, будетъ благотворнымъ для его еще слишкомъ медленнаго поступательнаго хода. Но, конечно, «толчекъ изнутри» нужнѣе и цѣннѣе. Его дастъ лучшая постановка женскаго образованія, упроченіе демократизма и непрерывно свершающійся экономическій расцвѣтъ молодой страны.

М. А. Осоргинъ.

СКАНДИНАВСКІЯ ГОСУДАРСТВА И РОССІЯ.

I.

Въ послѣднее время тремя скандинавскими государствами—Даніей, Норвегіей и Швеціей овладѣло какое-то замѣтное безпокойство. Данія первая пережила весьма серьезный политическій кризисъ: борьбу вокругъ вопроса объ организаціи обороны страны. Швеція переживаетъ подобный же кризисъ, и въ Норвегіи также вопросъ объ оборонѣ подвергается оживленному обсужденію. Можно считать правиломъ, не имѣющимъ исключенія, что предложеніе объ увеличеніи вооруженія какого-либо государства всегда поддерживается соображеніями чисто оборонительнаго характера. Государство вооружается потому, что ему угрожаютъ вооруженія и даже агрессивныя намѣренія другого государства, сосѣда по ту сторону границы, или за предѣлами моря. Всякій внесенный правительствомъ проектъ вооруженія, всякое требованіе, предъявленное на этотъ счетъ печатью, лигами обороны или отдѣльными писателями, всегда сопровождаются горячими заявленіями о миролюбіи. Съ своей стороны я безусловно вѣрю въ искренность этихъ заявленій. За исключеніемъ самаго ничтожнаго меньшинства въ каждой странѣ,—меньшинства, ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ не имѣющаго представителей среди отвѣтственныхъ государственныхъ людей, Европа нашихъ дней—искренній противникъ наступательныхъ войнъ. Французъ говоритъ правду, утверждая, что его родина

не питаетъ намѣреній реванша противъ Германіи. Нѣмецъ не менѣе правдивъ, когда съ негодованіемъ отвергаетъ обвиненіе, будто въ Германіи мечтаютъ о расширеніи границъ въ ущербъ Франціи. По ту и по сю сторону Вогезскихъ горъ хотятъ жить мирно; тѣмъ не менѣе опасаются сосѣда. Можно сказать то же самое и о государствахъ, отдѣленныхъ отъ континента Европы Сѣвернымъ моремъ, или же находящихся по сю сторону Альпъ, а также и о государствахъ, прилегающихъ къ пограничной линіи, которая отдѣляетъ Россію отъ двухъ державъ тройственнаго союза.

Всѣ европейскіе народы желаютъ сохранить миръ, но каждая европейская нація боится своего сосѣда. Именно въ системѣ оборонительныхъ вооруженій и въ политикѣ вооруженнаго мира обнаруживается въ наши дни атавистическое чувство страха передъ неизвѣстностью. Ребенокъ и человѣкъ первобытный боятся темноты, которая можетъ скрывать въ себѣ столько опасностей. Европеецъ нашихъ дней боится иностранца, человѣка, живущаго по ту сторону границы. Чужеземецъ представляется ему возможнымъ,—чтобы не сказать вѣроятнымъ,—врагомъ, ближайшій чужеземецъ кажется ему самымъ опаснымъ врагомъ. Такимъ образомъ современная намъ Европа попадаетъ въ парадоксальное положеніе, при которомъ всякое государство вооружается до крайности противъ своихъ сосѣдей, а въ то же время заявляетъ о поддержаніи съ ними самыхъ дружественныхъ отношеній. Tertius gaudens изображаютъ собой строители броненосцевъ и фабриканты пушекъ. Правда, они чрезвычайно довольны взаимнымъ недовѣріемъ. И вооруженія скандинавскихъ государствъ не составляютъ исключенія изъ указаннаго нами общаго правила. Если извѣстная часть населенія въ этихъ домократическихъ и мирныхъ странахъ требуетъ увеличенія вооруженія, и если требованіе это поддерживается въ парламентахъ голосами даже принципіальныхъ противниковъ новыхъ вооруженій,—это объясняется тѣмъ, что жители Скандинавіи охвачены страхомъ,—я не говорю основательнымъ, но, во всякомъ случаѣ, искреннимъ. Ихъ пугаетъ, что странѣ ихъ угрожаетъ или можетъ угрожать нападеніе чужеземцевъ, или же нарушенія того нейтралитета, которымъ они теперь пользуются. Казалось бы, можно надѣяться, что эти мѣропріятія обороны не вызовутъ невѣрныхъ толкованій. Политика скандинавскихъ государствъ всегда была основана на разумныхъ принципахъ мира и нейтралитета. Тѣмъ не менѣе въ заграничной прессѣ появились статьи, пытавшіяся объяснить увеличеніе вооруженія, и именно въ Норвегіи и въ Швеціи, агрессивными цѣлями. И потому я съ большой готовностью принялъ сдѣланное мнѣ редакціей «Вѣстника Европы» предложеніе изложить въ краткихъ

словахъ свѣдѣнія объ отношеніи скандинавскихъ народовъ къ ихъ великому восточному сосѣду. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность, если не оправдать, то мотивировать военныя и морскія мѣропріятія, лично мною не всегда одобряемыя. Позволю себѣ высказаться съ полной откровенностью.

II.

Теперешнія границы трехъ скандинавскихъ государствъ опредѣлены благодаря войнамъ революціи и имперіи. Тѣ же событія глубоко отразились на внутреннемъ политическомъ развитіи упомянутыхъ государствъ. Въ 1789 г. на сѣверѣ Европы было всего навсего два королевства: Швеція—Финляндія и Данія—Норвегія, оба съ неограниченнымъ правленіемъ. Въ 1809 г. Финляндія была отдѣлена отъ Швеціи и присоединена къ Россіи на правахъ автономнаго Великаго Княжества. И въ Швеціи въ 1809 г. была введена парламентская конституція. Норвегія отдѣлилась отъ Даніи и ввела у себя демократическую конституцію. Страна сохранила за собой характеръ державнаго государства, несмотря на свой союзъ со Швеціей, заключенный при условіи полной независимости. Однако, Данія оставила у себя режимъ неограниченнаго правленія вплоть до 1848 года. Со времени расторженія союза Шведо-Норвежскаго въ 1905 г. не существуетъ болѣе политическихъ узъ, соединяющихъ скандинавскіе народы. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ научномъ, литературномъ и художественномъ отношеніи всетаки существуетъ скандинавское единство, установленное тѣмъ фактомъ, что датчане, норвежцы и шведы, не обладая однимъ и тѣмъ же языкомъ, говорятъ на близкихъ другъ къ другу, такъ что всѣ они взаимно понимаютъ другъ друга. Можно даже сказать, что объединеніе этихъ государствъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ въ настоящее время, чѣмъ въ прошломъ, потому что каждая изъ трехъ націй, увѣренная въ своей независимости, не боится уже никакого захвата со стороны остальныхъ.

Скандинавское единеніе въ области духовной и умственной жизни дѣлаетъ успѣхи также и въ жизни экономической и даже въ области законодательной. Единство скандинавскихъ денежныхъ знаковъ существуетъ уже около сорока лѣтъ. Нѣсколько существенныхъ статей законоположеній трехъ странъ выработаны ими сообща, именно узаконенія по коммерческому праву. Даже переломъ 1905 года, оставившій нѣкоторую натянутость въ отношеніяхъ Норвегіи и Швеціи, не прекратилъ стремленія къ единенію. Въ дѣйствительности эти стремленія выступаютъ ярче, чѣмъ когда-либо. И въ политической области можно указать на факты такого же характера. Съ

1907 г. междупарламентскій Скандинавскій союзъ соединяетъ делегатовъ трехъ парламентовъ. Въ 1912 г. правительства трехъ Скандинавскихъ государствъ провозгласили общія правила относительно соблюденія нейтралитета на случай морской войны. Это постановленіе само уже доказываетъ, что скандинавскія государства имѣютъ въ виду преслѣдовать политику полнаго нейтралитета. Не менѣе интересно поставить на видъ многочисленныя предложенія этихъ государствъ обсудить въ международныхъ конференціяхъ учрежденіе для скандинавскихъ государствъ *постояннаго нейтралитета.* Позволю себѣ напомнить о весьма выдающейся роли, сыгранной скандинавскими государствами въ движеніи пацифизма; имена Бьернсона, Фредерика Байеръ, К. П. Арнольдсона, достаточно извѣстны всѣмъ. И скандинавскія государства первыя дали казенныя денежныя пособія въ пользу организацій, содѣйствующихъ успѣху этого движенія: бюро Мира и междупарламентскому Союзу.

До сихъ поръ парламентскія мѣропріятія съ цѣлью заручиться для скандинавскихъ странъ правами постояннаго нейтралитета не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Слѣдуетъ однако, съ другой стороны, отмѣтить международные акты послѣ расторженія шведо-норвежскаго союза, которыми устанавливается по крайней мѣрѣ, отчасти, международное положеніе скандинавскихъ государствъ. Рѣчь идетъ прежде всего о трактатѣ 2 ноября 1907 г. относительно неприкосновенности Норвегіи. Трактатъ этотъ заключенъ между Германіей, Франціей, Великобританіей, Норвегіей и Россіей. Два великихъ союза, раздѣляющіе Европу, представлены въ числѣ подписавшихъ этотъ трактатъ; ими являются ближайшіе сосѣди Норвегіи. Фактъ этотъ уже самъ по себѣ доказываетъ наличность полнѣйшаго нейтралитета Норвегіи при заключеніи договора.

То же можно сказать и о двухъ постановленіяхъ, въ которыхъ участвовали Швеція и Данія,—постановленіяхъ отъ 23 апрѣля 1908 г., относящихся къ поддержанію statu quo въ областяхъ, смежныхъ съ Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями. Мы находимъ подписи тѣхъ же великихъ державъ и подъ этими двумя документами. Изъ этого слѣдуетъ, что Швеція и Данія, въ свою очередь, склонны къ вполнѣ безпристрастному отношенію къ двумъ вышеуказаннымъ группамъ державъ. Политика каждой изъ трехъ скандинавскихъ націй представляетъ собою политику полнѣйшаго нейтралитета.

III.

Позволяетъ ли современное положеніе Европы государствамъ, желающимъ придерживаться политики мира и нейтралитета, осуществить свое желаніе?

Нельзя не поставить себѣ подобнаго вопроса при видѣ того, какъ небольшія державы, слѣдуя примѣру сосѣднихъ великихъ державъ, увеличиваютъ свои вооруженія, удлиняютъ сроки военной службы, заводятъ броненосцы, пріобрѣтаютъ пушки послѣдняго образца и аэропланы. Великія державы желаютъ увѣрить своихъ сосѣдей,—я уже говорилъ, что мнѣ эти увѣренія кажутся вполнѣ искренними,—будто вооруженія ихъ исключительно оборонительнаго характера. Еще съ большимъ основаніемъ можно вѣрить такого же рода заявленіямъ государственныхъ дѣятелей небольшихъ странъ. Вслѣдствіе своего географическаго положенія, Данія подвергается наибольшей военной опасности. Данія лежитъ между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями, между Германіей и Великобританіей. Одна лишь Германія обладаетъ водянымъ путемъ, не зависящимъ отъ датскихъ водъ,—именно каналомъ Императора Вильгельма. Всѣ же другія морскія державы, въ случаѣ морской войны, должны были бы пользоваться датскими водами. Такимъ образомъ военная и морская оборона Даніи является весьма сложной задачей, которая и возбудила ярую политическую борьбу. Такъ, вопросъ объ укрѣпленіи Копенгагена вызвалъ въ Даніи самый горячій политическій споръ. Одна партія предлагала укрѣпить Копенгагенъ и сдѣлать изъ него перворазрядную крѣпость, утверждая, что, благодаря одному этому, Данія будетъ въ состояніи защищать свою независимость или сохранитъ свой нейтралитетъ. Другая же политическая партія поддерживала противоположный взглядъ, находя, что постройка большой крѣпости можетъ послужить соблазномъ для воинственно-настроенныхъ сосѣдей. Укрѣпляя Копенгагенъ, Данія тѣмъ самымъ какъ-бы вызываетъ чужеземцевъ, — ближайшихъ и наиболѣе коварныхъ, — овладѣть ея столицей и даже, быть можетъ, удержать ее за собой.

Мы видимъ, насколько эти мнѣнія противорѣчатъ другъ другу. Въ одномъ только пунктѣ обѣ политическія партіи сходятся, а именно: цѣль военной датской политики,—единственная ея цѣль,—сохранить безусловный нейтралитетъ безъ всякаго уклона въ сторону тѣхъ или другихъ воюющихъ державъ. Что касается отношенія Даніи къ Россіи, всѣмъ извѣстно, насколько онѣ хороши. Русскій Императоръ—сынъ датской принцессы; монархи этихъ двухъ странъ—двоюродные братья. Утверждаютъ даже, что, по старой традиціи, взявшей свое начало въ восемнадцатомъ вѣкѣ, изъ всѣхъ великихъ державъ Россія—особенный другъ Даніи.

IV.

Два другія государства Скандинавскаго полуострова гораздо ближе расположены къ Россійской Имперіи, чѣмъ Данія, и я уже говорилъ, что, по роковому неизбѣжному закону, именно *ближайшій*

сосѣдъ разсматривается, какъ опасный недругъ. Нельзя также отрицать, что нѣкоторыя событія послѣдняго времени, въ свою очередь, способствовали зарожденію справедливыхъ опасеній. Я говорю о русской политикѣ въ Финляндіи и о хорошо извѣстныхъ фактахъ русскаго шпіонажа именно въ Швеціи.

Просвѣщенные люди въ Норвегіи такъ же, какъ и въ Швеціи, вполнѣ понимаютъ, что стратегическія соображенія могутъ служить объясненіемъ военныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ Финляндіи, какъ, напр., устройство фортификаціонной линіи вдоль южнаго финляндскаго побережья. Признаютъ, что Финляндія должна быть разсматриваема, какъ «гласисъ» Петербурга, и что для обороны столицы имперіи могутъ быть примѣнены чрезвычайныя мѣры. Но скандинавскіе народы никогда не поймутъ, чтобы для достиженія этой цѣли понадобилось нарушать автономію Финляндіи и мѣстные законы, и отнимать отъ нея обезпеченныя ей права. Для скандинавскихъ народовъ, политика, стремящаяся добиться своей цѣли скорѣе силой, чѣмъ убѣжденіемъ, это старая исторія соперничества солнца съ вѣтромъ. Демократическіе народы скандинавскихъ странъ убѣждены, что Россія пользовалась бы несравненно большимъ спокойствіемъ, если бы оно имѣло своей основой вѣрность финляндскаго народа, довольнаго своей судьбой. Вотъ почему народы Норвегіи и Швеціи должны были поставить вопросъ, не является ли сосредоточеніе русскихъ войскъ въ Финляндіи первымъ шагомъ къ наступленію Россіи на сосѣдній западъ и сѣверъ.

Недавніе и частые случаи русскаго шпіонажа въ Норвегіи и Швеціи только подкрѣпили въ нихъ эти опасенія. Общественное мнѣніе взволновано такимъ положеніемъ вещей, и всюду говорятъ открыто о серьезной опасности, которой подвергаются Норвегія и Швеція со стороны Россіи. Весьма извѣстные писатели явились истолкователями этихъ народныхъ чувствъ. Такъ знаменитый изслѣдователь-путешественникъ Свенъ Гединъ напечаталъ въ 1912 году брошюру, надѣлавшую много шума. Его «Предостереженіе» было распространено въ тысячахъ и тысячахъ экземпляровъ. Свенъ Гединъ приводитъ тамъ всѣ аргументы, которыми можно было воспользоваться для доказательства его тезиса, будто Россія придерживается завоевательной политики, имѣя въ виду пріобрѣтеніе норвежскихъ портовъ на Атлантическомъ побережьи. А такъ какъ добраться до этихъ портовъ можно только чрезъ Швецію, Свенъ Гединъ приходитъ къ выводу, что Россія имѣетъ въ виду прежде всего раздавить Швецію. Противъ этой-то опасности онъ и предостерегаетъ своихъ соотечественниковъ; но при этомъ онъ все время говоритъ только *объ оборонѣ* Швеціи. Глава:

«Можемъ ли мы защищаться»? оканчивается слѣдующими словами: «Мы ничего другого не желаемъ, какъ жить въ мирѣ. А сильная оборона въ наше время одна изъ лучшихъ гарантій и даже единственная гарантія мира. Разоруженіе равнозначительно добровольному самоотреченію націи, ея вырожденію. Разоруженіе призываетъ войну и грозитъ потерею независимости» (стр. 59)

Мы видимъ, что явный милитаристъ, какимъ является Свенъ Techинъ, требуетъ лишь обезпеченія надежной обороны. У него нѣтъ и слѣда наступательныхъ или агрессивныхъ идей по отношенію къ другимъ народамъ. Профессоръ Понтусъ Фальбекъ, бывшій членъ первой палаты Сейма, разсуждаетъ въ такомъ же духѣ. Его прекрасно написанная брошюра свидѣтельствуетъ о болѣе зрѣломъ политическомъ умѣ, чѣмъ богатое фантазіей произведеніе д-ра Гедина. Но и Фальбекъ, подобно д-ру Гедину, тоже усматриваетъ серьезную опасность въ проектахъ Россіи, представляющихся ему завоевательными. Г-нъ Фальбекъ сообщаетъ подробности стратегическихъ мѣропріятій въ Финляндіи. Онъ говоритъ о постройкѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, новыхъ казармъ, новыхъ укрѣпленныхъ портовъ и приходитъ къ такому заключенію: «Постройка казармъ и вооруженныхъ портовъ, начатая или уже оконченная, можетъ быть, безъ сомнѣнія, разсматриваема, какъ мѣра обороны противъ возможнаго нападенія со стороны Германіи; но въ то же время все это можетъ совпадать и съ агрессивными намѣреніями, направленными на западъ. Всѣ мѣры, принимаемыя на Аландскихъ Островахъ, особенно на сѣверѣ этого архипелага, съ своей стороны, не могутъ, по мнѣнію Фальбека, имѣть другой цѣли, какъ подготовку подобнаго нападенія. Въ общей совокупности всѣ эти факты доказываютъ, что военная администрація Россіи начинаетъ *готовить стратегическое движеніе*, направленное изъ Финляндіи противъ запада. Кромѣ того нельзя не упомянуть о значительномъ увеличеніи русскихъ гарнизоновъ въ Финляндіи—они въ 1912 г. дошли до 85.000 человѣкъ. Надо также имѣть въ виду и сообщенія о безпрерывныхъ посѣщеніяхъ русскими шпіонами какъ Швеціи, такъ и Норвегіи, будто переходящихъ съ мѣста на мѣсто подъ видомъ точильщиковъ. Не остается сомнѣнія, пишетъ Фальбекъ, что Россія подготовляетъ нападеніе на Скандинавскія государства. Дальнѣйшихъ цѣлей ея пока никто не знаетъ» (стр. 41—42).

Не подлежитъ сомнѣнію, что г. Фальбекъ еще больше, чѣмъ г. Гединъ, признаетъ безусловную необходимость одной лишь *оборонительной* политики для Швеціи. Имѣя въ виду только эту цѣль, онъ выступилъ въ роли защитника союза трехъ скандинавскихъ государствъ, съ одной стороны, и тройственнаго союза, съ другой,

а въ крайнемъ случаѣ присоединенія одной Швеціи къ тройственному союзу. Эти мысли г. Фальбека встрѣтили настолько слабый откликъ въ Швеціи, что нельзя серьезно разсчитываетъ на возможность подобной комбинаціи. Но весьма важно, однако, что г. Фальбекъ пропагандируемому имъ союзу даетъ характеръ исключительно оборонительный. Только въ случаѣ нападенія на Швецію со стороны какой-либо великой державы Германія была бы обязана оказать Швеціи помощь, и обязательство Швеціи ограничилось бы только тѣмъ единственнымъ случаемъ, если бы Германія явилась объектомъ нападенія со стороны, по крайней мѣрѣ, двухъ великихъ державъ, въ томъ числѣ Россіи.

Я уже говорилъ, что общественное мнѣніе въ Швеціи не раздѣлило взглядовъ, высказанныхъ г. Фальбекомъ, и Комитету, учрежденному нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ цѣлью сблизить Германію съ Швеціей, пришлось оффиціально заявить, что онъ имѣетъ въ виду только сближеніе на почвѣ торговой и для умственнаго обмѣна. Боялись, чтобы подозрѣніе въ присоединеніи къ политическимъ взглядамъ профессора Фальбека не повредило Комитету и его будущимъ работамъ.

V.

Какихъ мнѣній держится шведскій парламентъ и шведское правительство въ вопросахъ иностранной политики?

Извѣстно, что общіе выборы въ 1911 г. были произведены на основаніи существенно измѣненныхъ законовъ о выборахъ. Демократическія партіи добились, наконецъ, всеобщей подачи голосовъ для выборовъ во вторую палату и уменьшенія ценза для выборовъ въ первую. Съ другой стороны, система пропорціональности была введена въ избирательные законы для обѣихъ палатъ. Слѣдствіемъ этого была рѣшительная побѣда лѣвыхъ партій: либералы и соціалисты получили подавляющее большинство голосовъ (167 противъ 63) во второй палатѣ и составили вліятельное меньшинство (63 противъ 87) въ первой палатѣ. А при совмѣстномъ голосованіи обѣихъ палатъ,—порядокъ, принятый для вотированія бюджета,—демократы могли предписывать свою волю большинствомъ 230 голосовъ противъ 150. Либеральное министерство Штаафъ, взявшее въ свои руки руководство страною въ 1911 г., задалось мыслью проводить политику экономіи, соціальныхъ реформъ и уменьшенія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія военныхъ расходовъ. Спеціальнымъ комиссіямъ, составленнымъ исклю-

чительно изъ лицъ не военнаго званія, было поручено изучить отдѣльные злободневные вопросы съ этой точки зрѣнія. Комиссіи работали въ дружномъ согласіи съ правительствомъ. Ихъ доклады предназначались къ внесенію весной текущаго года въ рихсдагъ для окончательнаго утвержденія.

Между тѣмъ въ странѣ вдругъ вспыхнула острая агитація. Усиленныя вооруженія, предпринятыя великими державами, вызвали въ Швеціи, какъ и повсюду, опасенія необычайныхъ событій. Съ 1912 г. были организованы сборы на оборону страны, и одинъ изъ этихъ сборовъ долженъ былъ пойти на пріобрѣтеніе броненосца; онъ достигъ десяти милліоновъ кронеръ (около пяти милліоновъ рублей). Съ другой стороны, результатомъ анкетъ спеціальныхъ комиссій явился не проектъ уменьшенія расходовъ, а, наоборотъ, именно онъ воздѣйствовалъ на правительство въ смыслѣ необходимости *увеличенія* расходовъ. Предсѣдатель совѣта министровъ, Штаафъ, въ обширной рѣчи, произнесенной въ Карлскронѣ въ декабрѣ минувшаго года, сообщилъ объ этомъ результатѣ анкетъ. Онъ начерталъ программу увеличенія расходовъ на 50 и даже 60 милліоновъ кронеръ, которыя должны были быть доставлены въ теченіе трехъ лѣтъ спеціальнымъ налогомъ,—такъ называемымъ налогомъ для обороны. Сверхъ ожиданія общественное мнѣніе нисколько не протестовало противъ такого увеличенія расходовъ. Правда, партія соціалистовъ нѣсколько взволновалась; но наиболѣе громкіе голоса протестовали противъ нихъ, находя проектируемые расходы недостаточными для отраженія угрожающей странѣ опасности. Штаафъ пытался успокоить умы на этотъ счетъ. Вотъ что онъ говорилъ:

«Маленькая держава принуждена считаться съ спеціальной опасностью, создаваемой завоевательными проектами великой державы. Возможность такихъ гаданій была представлена нѣкоторыми ораторами, какъ неминуемая. О нихъ говорили безъ всякой сдержанности, указывая даже страну, собирающуюся сдѣлать нападеніе. Прискорбно было бы обобщать подобную точку зрѣнія, поддерживаемую всевозможными фантастическими слухами. Но, съ другой стороны, наше положеніе дѣйствительно серьезно, и было бы хорошо, если бы скептики убѣдились въ томъ.

«У насъ нѣтъ никакого повода думать, что правительство какой-либо державы занято въ данный моментъ планомъ нападенія на насъ. Если хладнокровно изучить положеніе вещей, нѣтъ никакого основанія вывести подобное заключеніе изъ только-что раскрытыхъ попытокъ шпіонажа, какъ бы онѣ ни были прискорбны. Такія попытки имѣютъ мѣсто во всѣхъ странахъ. И если бы усматривать

въ нихъ симптомы агрессивныхъ намѣреній, мы давно были бы уже свидѣтелями войны всѣхъ противъ всѣхъ. Произнесеніе возбуждающихъ словъ, съ указаніемъ на планы будто бы агрессивнаго характера Швеціи, достойно истиннаго сожалѣнія. Оно можетъ повесть къ прискорбнымъ послѣдствіямъ, нарушивъ добрыя отношенія, которыя мы желали бы поддерживать *со всѣми нашими сосѣдями.*

«Но съ другой стороны,—какъ говорилъ министръ,—не слѣдуетъ забывать, что шведы наиболѣе близкіе сосѣди двухъ величайшихъ въ мірѣ военныхъ державъ. Надо также отмѣтить и то, что политика великой державы, имѣющей интересы во всѣхъ странахъ земного шара, можетъ подвергнуться внезапнымъ и неожиданнымъ видоизмѣненіямъ. Если она встрѣчаетъ препятствіе въ своихъ попыткахъ расширенія съ одной стороны, то ей можетъ представиться соблазнъ обратить свою силу въ противуположное направленіе. Мы можемъ только повредить себѣ, если допустимъ въ нашей иностранной политикѣ излишнюю нервность и увлеченіе фантастическими слухами. Тѣмъ не менѣе положеніе наше съ объективной точки зрѣнія налагаетъ на насъ заботу о національной оборонѣ».

Мы видимъ, съ какимъ тактомъ и съ какой осторожностью министръ Штаафъ сумѣлъ высказать свои взгляды. Оппозиція бурно набросилась на него, обвиняя правительство въ томъ, что, не желая нарушить принятыя на себя во время выборовъ обязательства, министерство отказывается внести въ ближайшій рихсдагъ предложеніе немедленнаго продленія срока военной службы. Сторонники такого продленія организовали демонстрацію крестьянъ, въ которой приняло участіе около тридцати тысячъ человѣкъ.

Демонстрація, несомнѣнно, была внушительная, даже если учесть весьма законныя сомнѣнія, высказанныя относительно дѣйствительнаго ея значенія. Извѣстно, что этимъ демонстрантамъ король сказалъ рѣчь, вызвавшую отставку министерства Штаафа, такъ какъ въ королевскомъ словѣ было затронуто конституціонное положеніе страны. Новое министерство Гаммарскіолда распустило вторую палату, апеллируя къ шведскому народу. Опять военный вопросъ соста вляетъ основу новой министерской программы; она заключаетъ въ себѣ требованіе значительнаго увеличенія военныхъ средствъ, но снова лишь исключительно въ интересахъ обороны и нейтралитета. Вотъ что читаемъ мы въ этой программѣ: «Даже тотъ, кто льстилъ бы себя надеждой непрерывнаго мира, долженъ признать, что время осуществленія его еще очень далеко. Во многихъ случаяхъ, когда миръ подвергался громадной опасности, войны, грозящей суще-

ственнымъ интересамъ Швеціи, избѣжали только благодаря особымъ усиліямъ. Правда, подобный результатъ можетъ внушить надежды и на будущее время. Но народъ не можетъ основывать свое существованіе на однѣхъ такого рода надеждахъ. Надежды не освобождаютъ насъ отъ обязанности принимать дѣятельныя мѣры для обезпеченія нашей свободы и независимости, а также для сохраненія нейтралитета, всѣмъ желательнаго.

«Мы были свидѣтелями тому, какъ другіе народы, подъ впечатлѣніемъ событій, только-что нами указанныхъ, соглашались безъ колебанія на громадныя жертвы для улучшенія своихъ средствъ обороны. Почти всюду можно указать на подобнаго рода явленія.

«Для насъ, шведовъ, долгъ, предписываемый намъ духомъ независимости—смотрѣть открыто въ лицо наступающимъ событіямъ и благоразумно сообразоваться съ реальной необходимостью. Наши отношенія со всѣми державами—дружественны, и мы единодушно и ревностно желаемъ заручиться возможностью посвятить себя мирному прогрессу своей страны и своей національности. Но чтобы имѣть увѣренность въ сохраненіи нашего нейтралитета, даже при всякихъ случайностяхъ, необходима такая организація государственной обороны, которая заставила бы уважать наше миролюбіе и нашъ нейтралитетъ».

Нельзя сказать, чтобы приведенныя слова были одушевлены милитаристическимъ настроеніемъ. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи въ подробностяхъ обѣихъ военныхъ программъ—программы нынѣшняго министерства и предшествующаго трудно понять, къ чему состоялась смѣна министерства. Скорѣе можно сказать, что вопросъ конституціонный, а не международная политика страны, раздѣляетъ обѣ партіи, а именно вопросъ о положеніи, занимаемомъ королемъ по отношенію къ его министрамъ. Но вопросъ этотъ ни мало не интересенъ съ точки зрѣнія иностранной политики, и поэтому я обхожу его молчаніемъ. Итакъ, можно сказать, каковъ бы ни былъ результатъ теперешнихъ выборовъ въ Швеціи, но, вѣроятно, никому не придетъ на умъ измѣнить современное направленіе политики; она останется по прежнему политикой послѣдовательнаго и безпристрастнаго нейтралитета.

VI.

То же самое можно сказать и о Норвегіи. Это доказываетъ и трактатъ о ея неприкосновенности отъ 2 ноября 1904 г. Сверхъ того, можно подтвердить сказанное многочисленными заявленіями

государственныхъ людей Норвегіи. Ясно до очевидности, что государство, насчитывающее всего два съ половиною милліона жителей, разсѣянныхъ на протяженіи болѣе трехсотъ тысячъ квадратныхъ миль, имѣетъ передъ собой достаточно внутреннихъ задачъ, чтобъ не впутываться въ агрессивную политику за рубежомъ. Вѣдь предстоитъ проведеніе стольких жъ желѣзнодорожныхъ линій, столько нужно открыть школъ, столько выработать мѣропріятій для развитія экономическихъ силъ, что государство можетъ удѣлить только минимумъ своихъ средствъ для покупки пушекъ и устройства казармъ. И Норвегія, дѣйствительно, удѣляетъ наименьшую часть своихъ доходовъ на армію и флотъ, минимальную сравнительно съ остальными европейскими государствами. Какъ извѣстно, норвежская армія—это милиція; значитъ, военная сила, предназначенная исключительно для обороны. Въ Норвегіи срокъ службы еще болѣе кратокъ, чѣмъ въ Швейцаріи,—слѣдовательно, наиболѣе короткій срокъ военной службы во всей Европѣ. Съ другой стороны, считаютъ, что природныя качества норвежскаго народа, гордаго, сильнаго и обладающаго широкой умственной культурой, позволяютъ надѣяться, что норвежская армія выполнитъ надлежащимъ образомъ свой долгъ при защитѣ страны отъ нападенія и заставитъ уважать свой нейтралитетъ.

Не надо, однако, думать, что задачи національной защиты и иностранной политики менѣе занимаютъ общественное мнѣніе Норвегіи, чѣмъ въ Швеціи или въ Даніи. Правда, страхъ нападенія со стороны сосѣдей никогда не овладѣвалъ населеніемъ въ такой степени, что-бы вопросъ этотъ сдѣлался платформой выборной борьбы. Но уже многіе годы движеніе, носящее имя «движенія обороны», существуетъ въ странѣ. И время отъ времени, оно пріобрѣтаетъ первенствующее мѣсто въ ряду злободневныхъ вопросовъ, что какъ разъ и происходитъ теперь.

Сперва обсужденіе относительно лучшихъ средствъ обороны Норвегіи вращалось вокругъ англо-германскаго соперничества. А именно, послѣ событій, послѣдовавшихъ лѣтомъ 1911 года, когда европейская публика была подъ вліяніемъ кошмара неизбѣжнаго конфликта между двумя великими морскими державами, довольно сильное движеніе возникло въ пользу увеличенія морской программы, и тогдашнее правительство внесло въ 1912 году проектъ въ этомъ смыслѣ. Цѣль его была, очевидно, выполнить долгъ, налагаемый нейтралитетомъ; главнымъ аргументомъ являлась необходимость не допустить нарушенія нейтралитета на обширномъ протяженіи своихъ береговъ. Ослабленіе враждебности между Германіей и Великобританіей и столь счастливое ихъ сотрудничество во время балканскаго

кризиса заставили норвержцевъ отодвинуть упомянутую задачу на второй планъ. А въ теченіе послѣдняго года, партія «обороны» открыла очень дѣятельную кампанію въ пользу удлиненія сроковъ военной службы, именно въ сѣверной части страны.

Въ Норвегіи, какъ и въ Швеціи, Россія разсматривается въ нѣкоторой части общества въ качествѣ возможнаго агрессивнаго врага, и фактъ этотъ объясняется какъ въ Швеціи, такъ и въ Норвегіи, однородными причинами, а именно: русская политика въ Финляндіи истолковывается какъ первый шагъ ея «стратегическаго движенія» впередъ на западѣ; факты военнаго шпіонажа, открытые въ Норвегіи и въ Швеціи, тоже создаютъ подозрѣніе въ существованіи подобныхъ плановъ. Офицеры потребовали единогласно, или почти единогласно, установленія годичнаго срока военной службы, и партія «обороны» воспользовалась столѣтіемъ норвежской независимости въ 1914 г. и національнымъ энтузіазмомъ, порожденнымъ наступленіемъ такой годовщины, чтобы поддержать эти требованія. Нынѣшнее правительство, повидимому, ни мало не обезпокоено. Оно у власти съ прошлаго года и поддерживается сильнымъ большинствомъ трехъ пятыхъ стортинга. Меньшинство раздѣлено: съ одной стороны, консервативная правая располагаетъ одной пятой частью голосовъ; другая пятая часть принадлежитъ соціалистамъ. Эти послѣдніе противники «милитаризма вообще»;—они мечтаютъ даже о полномъ разоруженіи Норвегіи.

Правительство Гуннаръ Кнудсенъ приняло власть безъ опредѣленной морской программы. Предсѣдатель Совѣта министровъ выступалъ противъ программы своего предшественника въ то время, какъ другіе члены партіи относились къ ней одобрительно. Предъ движеніемъ въ пользу «обороны», Гуннаръ Кнудсенъ сохранилъ свое хладнокровіе. Онъ заявилъ въ стортингѣ, что, по мнѣнію правительства, ничто въ международныхъ отношеніяхъ не вызываетъ нервозности такого рода, какая проскользнула въ нѣкоторыхъ рѣчахъ. Министръ заявлялъ, однако, что правительство имѣетъ намѣреніе внести въ стортингъ проектъ о нѣкоторомъ увеличеніи средствъ обороны. Рѣчь шла въ особенности о постройкѣ новыхъ бараковъ для солдатъ во время военныхъ упражненій. Слухи, вѣроятно, не безосновательные, сообщаютъ, кромѣ того, о намѣреніяхъ министра предложить продленіе на шесть дней военнаго ученья. Возможно, что нѣкоторыя мѣры, имѣющія въ виду защиту сѣверной части страны, тоже будутъ предложены. Во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть только мѣры чисто оборонительнаго характера, цѣль которыхъ—заставить уважать нейтралитетъ страны.

Однимъ изъ послѣдствій развитія международнаго обмѣна въ

нашн дни является то, что средства обороны одной страны должны болѣе или менѣе сообразоваться со средствами обороны сосѣднихъ странъ. Всеобщій законъ необходимости приспособленія къ окружающимъ обстоятельствамъ, такимъ образомъ, сказывается и въ этой области. Вооруженія перестали носить одинъ національный характеръ. Они теперь вызываются поведеніемъ чужихъ странъ. Число нѣмецкихъ дредноутовъ устанавливается скорѣе въ Лондонѣ, чѣмъ въ Берлинѣ, и нѣмецкій рейхстагъ, столько же, какъ и французскій парламентъ, рѣшаетъ срокъ продолжительности службы французскаго солдата. То же самое примѣнимо и къ маленькимъ государствамъ. Ихъ средства обороны должны соразмѣряться съ рискомъ, которому они подвержены. И на окружающія ихъ великія державы падаетъ отвѣтственность за увеличеніе вооруженій, на которыя законодательныя собранія и правительства маленькихъ государствъ видятъ себя вынужденными. Къ несчастію, неоспоримо, что авторитетъ и дипломатическое значеніе страны котируется, смотря по военнымъ и морскимъ силамъ, которыми она располагаетъ. Еще одинъ аргументъ для того, чтобы маленькія государства были вынуждены, совершенно противъ воли, слѣдовать за хороводомъ великихъ державъ.

Нѣтъ никакихъ основаній вѣрить въ существованіе проектовъ нападенія только потому, что государство вотировало военные или морскіе кредиты. Всѣ государства безъ исключенія дѣлаютъ это, движимыя роковой необходимостью и международными воздѣйствіями, лежащими внѣ собственной ихъ воли.

Это обстоятельство надо считать самымъ могущественнымъ аргументомъ въ пользу международнаго сокращенія вооруженій. Военныя и морскія мѣропріятія принадлежатъ уже фактически къ области международныхъ интересовъ; рѣчь идетъ теперь о томъ, чтобы привесть въ соотвѣтствіе съ ними и самую организацію охраны. Въ виду того, что вооруженія страны зависятъ въ дѣйствительности болѣе отъ мѣропріятій, принимаемыхъ другими странами чѣмъ собственной, надо довѣрить рѣшеніе этого вопроса международному авторитету.

Можно быть увѣреннымъ, что три скандинавскія государства будутъ въ числѣ первыхъ, которыя согласятся на международную конференцію, созываемую для того, чтобы рѣшить эту, несомнѣнно, весьма сложную задачу. Трудно найти лучшее доказательство тому, что скандинавскія государства имѣютъ твердое желаніе посвятить всѣ свои силы на пользу обезпеченія своего нейтралитета.

Что касается отношенія скандинавскихъ народовъ къ ихъ могучему сосѣду, русской Имперіи, то во всѣхъ трехъ государствахъ замѣчается живѣйшее желаніе завязать съ Россіей болѣе

близкія сношенія, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ настоящее время. Можно надѣяться, что они найдутъ въ Россіи значительные рынки для продуктовъ своего національнаго производства. И въ самомъ дѣлѣ, весьма желательно, чтобы обоюдныя сношенія Россіи и скандинавскихъ государствъ развились, какъ на экономической почвѣ, такъ и въ сферѣ интеллектуальной. Только идя такимъ путемъ, можно надѣяться, что теперешнія взаимныя предубѣжденія исчезнутъ. И дѣйствительно: невѣдѣніе порождаетъ мракъ, а послѣдній вызываетъ страхъ.

Хр. К. Ланге[1]).

ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ.

Вопросъ о вооруженіяхъ имѣетъ странную судьбу. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, на первой Гаагской конференціи, представителями двадцати шести участвовавшихъ въ ней государствъ было единогласно призвано, что «ограниченіе вооруженій, обременяющихъ міръ, въ высшей степени желательно для увеличенія матеріальнаго и духовнаго благосостоянія человѣчества». Необходимость поставить какой-нибудь предѣлъ дальнѣйшимъ вооруженіямъ дѣятельно обсуждалась съ тѣхъ поръ въ спеціальной литературѣ, въ собраніяхъ международныхъ обществъ мира и отчасти также въ парламентахъ. Въ февралѣ 1911 года французская палата депутатовъ приняла резолюцію, приглашающую правительство «употребить всѣ усилія для того, чтобы на ближайшей конференціи въ Гаагѣ, въ согласіи съ дружественными и союзными державами, поставить на очередь вопросъ объ единовременномъ сокращеніи вооруженій». Въ мартѣ того же года британская палата общинъ, «съ глубокимъ чувствомъ тревоги и сожалѣнія», констатировала неизбѣжность для страны крупныхъ вооруженій и выразила готовность «привѣтствовать заключеніе международныхъ соглашеній, въ силу которыхъ великія державы одновременно сократили бы свои военныя приготовленія». Въ концѣ того же марта имперскій парламентъ въ Германіи призналъ желательнымъ, чтобы «имперскій канцлеръ вступилъ въ переговоры съ другими государствами, какъ только какая-нибудь великая держава обратится съ предложеніемъ, направленнымъ къ одновременному и взаимному ограниченію расходовъ на вооруженія».

[1]) Генеральный секретарь междупарламентской группы мира.

Такимъ образомъ самыя передовыя и могущественныя націи Европы—и именно тѣ, которыя по общему убѣжденію наиболѣе отвѣтственны за разорительную политику вооруженнаго мира—высказались въ своихъ парламентахъ за ограниченіе дальнѣйшихъ вооруженій. Въ то же время идея обязательнаго третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ споровъ получала все болѣе широкое признаніе и сдѣлалась предметомъ цѣлаго ряда международныхъ соглашеній, предвѣщавшихъ окончательное исчезновеніе войнъ изъ жизни культурныхъ народовъ. Къ этой великой цѣли стремилась также и особая организація, обнимающая значительныя группы парламентскихъ дѣятелей разныхъ странъ,—«междупарламентскій союзъ», основанный въ 1888 году Фредерикомъ Пасси и Рандалемъ Кремеромъ. Въ составъ союза входитъ теперь около трехъ тысячъ парламентаріевъ, въ томъ числѣ 512 французовъ (168 сенаторовъ и 344 депутатовъ) и 80 нѣмцевъ, членовъ германскаго рейхстага; а если присоединить къ послѣднимъ не принадлежащихъ къ союзу 110 соціалистовъ, эльзасскихъ и польскихъ депутатовъ, то на сторонѣ идеи мира окажется несомнѣнное большинство обоихъ парламентовъ—германскаго и французскаго.

Насколько прочно идея мира утвердилась даже въ области жгучихъ вопросовъ практической политики, можно видѣть изъ совѣщаній и постановленій прошлогодняго съѣзда французскихъ и нѣмецкихъ парламентаріевъ, созваннаго въ Бернѣ по инціативѣ членовъ швейцарскаго національнаго совѣта. На съѣздѣ участвовало 132 француза и 45 нѣмцевъ, которыми единогласно принята была слѣдующая резолюція: «Первая конференція германскихъ и французскихъ парламентаріевъ, собравшихся въ Бернѣ въ маѣ 1913 года, рѣшительно отвергаетъ всякую солидарность съ зловредными кампаніями воинственныхъ возбужденій и спекуляцій, угрожающихъ сбить съ толку здравый смыслъ и патріотизмъ населенія съ обѣихъ сторонъ границы. Конференція знаетъ и заявляетъ, что обѣ націи, въ огромномъ ихъ большинствѣ, твердо преданы идеямъ и интересамъ мира, какъ необходимаго условія всякаго прогресса. Она обязывается неустанно заботиться о томъ, чтобы устранять недоразумѣнія и предупреждать конфликты, и она отъ всего сердца благодаритъ представителей Эльзаса-Лотарингіи за ихъ благородныя заявленія, единодушно ими вотированныя, могущія содѣйствовать сближенію обѣихъ странъ для общаго дѣла цивилизаціи. Она приглашаетъ своихъ членовъ употреблять всѣ усилія, чтобы побудить правительства великихъ державъ умѣрить свои вооруженія. Конференція горячо поддерживаетъ предложеніе статсъ-секретаря по

иностраннымъ дѣламъ Соединенныхъ Штатовъ, г. Брайана, относительно договоровъ о третейскомъ судѣ. Она требуетъ, чтобы конфликты, которые могутъ возникнуть между обѣими странами и не будутъ урегулированы дипломатическимъ путемъ, передавались на рѣшеніе третейскаго суда въ Гаагѣ, и она разсчитываетъ на своихъ членовъ, что они возбудятъ въ этомъ направленіи энергическую и систематическую дѣятельность. Она полагаетъ, что сближеніе Франціи и Германіи облегчитъ соглашеніе между двумя великими группами европейскихъ державъ и подготовитъ этимъ прочное укрѣпленіе мира». За нѣсколько дней до принятія этой резолюціи въ Бернѣ, эльзасская палата представителей единогласно выразила пожеланіе, чтобы «уполномоченные Эльзаса-Лотарингіи въ германскомъ союзномъ совѣтѣ энергически противодѣйствовали идеѣ войны и чтобы они побудили совѣтъ заняться изученіемъ способовъ устроить сближеніе между Германіею и Франціею, ибо это сближеніе должно быть разсматриваемо какъ средство положить конецъ соперничеству въ вооруженіяхъ между цивилизованными народами Европы».

Чего же больше? Эльзасскіе патріоты открещиваются отъ войны, главные западно-европейскіе парламенты торжественно высказываются противъ дальнѣйшихъ усиленныхъ вооруженій, вліятельные практическіе дѣятели Франціи и Германіи хлопочутъ о взаимномъ сближеніи обѣихъ странъ, и разумное общественное мнѣніе во всемъ культурномъ мірѣ твердо и единодушно стоитъ за миръ. Все умственное и культурное движеніе Европы направляется по пути безусловнаго отрицанія войны.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ дѣло мира должно было считаться выиграннымъ. Между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ нѣчто прямо противоположное. Именно за послѣднія пятнадцать лѣтъ, со времени первой Гаагской конференціи, горячка повсемѣстныхъ вооруженій достигаетъ своего апогея, и непрерывныя приготовленія къ войнѣ становятся главнѣйшею подавляющею заботою великихъ культурныхъ государствъ. Германія создала могучій военный флотъ, способный соперничать съ британскимъ, и вынудила Англію къ соотвѣтственнымъ усиліямъ; британскій военно-морской бюджетъ съ половины девяностыхъ годовъ увеличился болѣе чѣмъ вдвое, дойдя отъ сорока до девяноста милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Германскіе бюджеты арміи и флота съ 1900 года возросли отъ 1.200 милліоновъ до двухъ милліардовъ марокъ, а въ іюнѣ прошлаго года принятъ былъ имперскимъ сеймомъ совершенно исключительный законъ объ единовременномъ военномъ налогѣ съ частныхъ имуществъ и капиталовъ въ размѣрѣ милліарда марокъ

на чрезвычайныя военныя надобности, сверхъ ежегодныхъ добавочныхъ затратъ въ 200 или 250 милліоновъ, для покрытія которыхъ потребовалось увеличить налогъ съ наслѣдства. Необыкновенное напряженіе военныхъ средствъ Германіи вызывалось будто бы результатами балканской войны, которая выдвинула на сцену новую военно-политическую силу, въ видѣ балканской федераціи, неизбѣжно враждебной по отношенію къ Австро-Венгріи и ея союзникамъ. Угрожающему примѣру Германіи должны были неминуемо послѣдовать и соперничающія съ нею державы тройственнаго согласія,—и прежде всего Франція, чувствующая на себѣ постоянный гнетъ германскихъ вооруженій. Французы вынуждены были возстановить трехлѣтній срокъ военной службы и довести свой военный бюджетъ до двухъ милліардовъ франковъ, чтобы увеличить численность арміи пропорціонально увеличенію состава германскихъ войскъ. Эти колоссальныя непроизводительныя затраты, по приблизительному расчету, поглощаютъ двѣнадцатую часть всего производства, т.-е. всѣхъ земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ доходовъ заинтересованныхъ странъ, и составляютъ для Европы цифру въ двѣнадцать милліардовъ въ годъ. Германія держитъ теперь подъ ружьемъ въ мирное время 870 тысячъ человѣкъ, Франція—650 тысячъ. Естественный ростъ германскаго населенія, при постепенномъ упадкѣ соотвѣтственныхъ цифръ во Франціи, закрываетъ для французовъ путь къ равноправному соперничеству съ Германіею въ области военнаго могущества и дѣлаетъ для нихъ союзъ съ Россіей и Англіею вопросомъ жизни или смерти. Франція, снабжающая Россію своими капиталами, заставляетъ ее вооружаться для обезпеченія собственной своей безопасности,—хотя Россія не имѣетъ основанія раздѣлять страхъ французовъ передъ Германіею и могла бы отлично жить съ нею въ мирѣ и дружбѣ. Получается какая-то сложная цѣпь взаимныхъ опасеній и ужасовъ: Германія боится внезапнаго нападенія Россіи и Франціи; французы запуганы кошмаромъ сокрушительнаго германскаго нашествія; Россія и Англія озабочены мѣрами защиты отъ предполагаемыхъ наступательныхъ плановъ Германіи; Австро-Венгрія и Италія неустанно стремятся быть наготовѣ для надлежащаго исполненія своихъ союзныхъ обязанностей въ случаѣ войны. Нѣмецкіе спеціалисты военнаго дѣла все чаще поднимаютъ вопросъ не слѣдуетъ ли воспользоваться въ данный моментъ преимуществами лучшей боевой подготовки или превосходствомъ вооруженія и численности германскихъ войскъ, чтобы разгромить противниковъ прежде чѣмъ они успѣютъ сравняться съ нѣмцами. При господствѣ подобныхъ соображеній и мотивовъ роковая катастрофа можетъ вдругъ разразиться надъ человѣчествомъ въ зависимости отъ про-

стого сцѣпленія случайностей. Въ іюнѣ прошлаго года нашлись въ Болгаріи правители и полководцы, которые взяли на свою совѣсть внезапное нападеніе на своихъ союзниковъ, сербовъ и грековъ, въ расчетѣ на легкую побѣду, и этимъ навлекли на страну неслыханныя бѣдствія; въ принципѣ нельзя отрицать появленіе такого рода смѣлыхъ дѣятелей въ Германіи и въ другихъ странахъ.

И такъ, въ вопросахъ войны и мира наблюдаются въ Европѣ два противоположныя теченія: одно, сознательное, идейное, разумно-практическое—въ пользу сокращенія военныхъ усилій и затратъ путемъ полюбовнаго соглашенія государствъ, и другое, безотчетно стихійное, неодолимо подавляющее умы большинства въ моменты политической паники, подъ руководствомъ людей, воплощающихъ въ себѣ традиціи и притязанія прежнихъ эпохъ. Чѣмъ же объяснить тотъ странный фактъ, что время наибольшаго успѣха и торжества идей международнаго мира совпадаетъ съ періодомъ сильнѣйшаго, небывалаго еще развитія грандіозныхъ лихорадочныхъ вооруженій?

До послѣдняго времени господствовало убѣжденіе, что разорительная система вооруженнаго соперничества между народами зависитъ отъ ложныхъ понятій и предразсудковъ, которые могутъ быть устранены при помощи доводовъ логики и здраваго смысла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣла большой успѣхъ за границей горячо написанная книжка Нормана Анжелля, которая нашла у насъ обстоятельную оцѣнку въ интересномъ этюдѣ П. Н. Милюкова, вышедшемъ отдѣльно въ изданіи общества «Миръ». Норманъ Анжелль краснорѣчиво и подробно доказываетъ то, что въ сущности не требовало бы никакихъ доказательствъ. Онъ опровергаетъ обычные софизмы, которыми оправдывается идея войны въ литературѣ и журналистикѣ; онъ старается выяснить источники «великой иллюзіи», побуждающей патріотовъ разныхъ націй мечтать о земельныхъ завоеваніяхъ, побѣдахъ и пріобрѣтеніяхъ. Всѣ знаютъ, что современная война не даетъ права захвата и присвоенія частныхъ имуществъ и богатствъ побѣжденнаго народа, что попытка такого захвата не принесла бы никакой выгоды завоевателю и подорвала бы основы всего экономическаго и промышленнаго быта самихъ побѣдителей, уничтоживъ ихъ кредитъ, неразрывно связанный съ интересами другихъ націй,—что благосостояніе и кредитоспособность народа нисколько не зависятъ отъ его военнаго могущества, что пріобрѣтеніе чужой территоріи не прибавитъ ни одного сантима къ средствамъ господствующей національности, а скорѣе, наоборотъ, налагаетъ на нее новое бремя расходовъ, — что никакія денежныя контрибуціи не возмѣщаютъ военныхъ затратъ и не обогащаютъ государства,—что для пріобрѣтенія чужихъ колоній недостаточно побѣдить владѣющую ими дер-

жаву, а нужно еще завоевать и подчинить себѣ самыя эти колоніи, что представляется большею частью совершенно неосуществимымъ на практикѣ. Все это было ясно для разсудительныхъ и свѣдущихъ людей до появленія книжки Нормана Анжелля—и въ то же время производило въ его аргументаціи впечатлѣніе какого-то открытія; самъ авторъ отчасти смотрѣлъ на свои разсужденія, какъ на нѣчто новое, мало кому извѣстное раньше. Онъ основывался при этомъ на шаблонныхъ, не продуманныхъ политическихъ статьяхъ газетныхъ патріотовъ, къ которымъ примыкаютъ иногда и ученые теоретики и доктринеры; эти увлекающіеся писатели по международной политикѣ, дѣйствительно, даютъ благодарный матеріалъ для оцѣнки различныхъ сторонъ «великой иллюзіи» нашего времени. Но если бы великая военная иллюзія въ самомъ дѣлѣ заключалась въ неправильномъ пониманіи современныхъ условій и интересовъ реальной жизни государствъ и народовъ, то зло было бы еще не такъ значительно: не трудно было бы разсѣять установившіяся заблужденія по крайней мѣрѣ среди лицъ, спеціально занимающихся вопросами международной дипломатіи и имѣющихъ возможность вліять на направленіе и характеръ ея дѣятельности.

Однако, корень иллюзіи находится не въ ошибочныхъ понятіяхъ и сужденіяхъ, а въ чемъ-то несравненно болѣе существенномъ. Теоретики, писатели, журналисты, умные люди, просто разсуждающіе обыватели, могутъ считать войну учрежденіемъ устарѣлымъ, безсмысленно-жестокимъ, унаслѣдованнымъ отъ временъ далекаго варварства, а первое мѣсто въ государствѣ принадлежитъ представителямъ военнаго класса, вожди котораго суть въ то же время правители страны. Военный классъ, въ лицѣ своего команднаго состава, имѣетъ свою особую психологію, свои руководящія идеи, понятія и традиціи; люди, спеціально подготовленные къ военному дѣлу, естественно проникнуты убѣжденіемъ, что война есть необходимѣйшее и благороднѣйшее занятіе, обезпечивающее независимость и процвѣтаніе государства. Культъ войны создается и поддерживается школою, всѣмъ умственнымъ воспитаніемъ молодыхъ поколѣній; съ малыхъ лѣтъ насъ пріучаютъ смотрѣть на исторію человѣчества какъ на рядъ удачныхъ и неудачныхъ войнъ, блестящихъ побѣдъ и страшныхъ пораженій. Опираясь на опытъ прошлаго, военные дѣятели съ авторитетомъ напоминаютъ обывателю, что иноземныя арміи и враждебные флоты несомнѣнно существуютъ не только для обороны, но и для нападенія, и что обязательно противопоставить имъ равноцѣнную силу для сохраненія независимости отечества. Представители военнаго класса имѣютъ возможность непосредственно примѣнять свои идеи на дѣлѣ, и въ этомъ ихъ огромное преимущество передъ принципіальными противниками войны. А практиче-

ская политика пока даетъ еще достаточно поводовъ къ военнымъ опасеніямъ и предсказаніямъ.

Пока великія европейскія націи раздѣлены на отдѣльныя враждебныя между собою группы, до тѣхъ поръ нельзя считать общій миръ окончательно обезпеченнымъ. Нельзя серьезно говорить о сокращеніи вооруженій, пока въ соглашеніи по этому предмету не участвуютъ Германія и Франція; а преградой между обѣими странами стоитъ вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи. Германія не можетъ быть спокойна, пока французы сохраняютъ надежду на обратное завоеваніе потерянныхъ провинцій при помощи великой европейской войны, въ которой заодно съ Франціею будутъ дѣйствовать Россія и Англія; а французская республика не рѣшается оффиціально разъ навсегда отказаться отъ мечты, вдохновлявшей первыхъ и популярнѣйшихъ ея дѣятелей, начиная съ Гамбетты. Въ этомъ отношеніи замѣчается за послѣднее время какой-то поворотъ въ настроеніи передовыхъ элементовъ французскаго общества. Искренніе республиканцы, радикалы и соціалисты, начинаютъ громко высказываться противъ мысли о какомъ-либо вмѣшательствѣ въ устройство будущей судьбы Эльзаса-Лотарингіи; они находятъ, что населеніе этихъ областей должно самостоятельно рѣшать и устраивать свои дѣла, помимо постороннихъ опекунскихъ заботъ, и что французы не имѣютъ нравственнаго права навязывать эльзасцамъ свои патріотическія чувства и мечтанія, унаслѣдованныя отъ нездоровой атмосферы второй имперіи. Эльзасъ-Лотарингія имѣетъ шансы достигнуть полной автономіи, въ качествѣ особаго политическаго цѣлаго, въ составѣ нынѣшней Германіи, и мѣстное населеніе вовсе не обнаруживаетъ желанія промѣнять эти реальныя перспективы на честь обратнаго присоединенія къ Франціи. Идея войны противорѣчитъ всѣмъ жизненнымъ интересамъ и стремленіямъ Эльзаса и Лотарингіи; большинство населенія, въ сущности, сознаетъ себя нѣмецкимъ, а не французскимъ, и оно давно перестало бы проявлять особое тяготѣніе къ Франціи, если бы не близорукая система придирчиваго военно-германскаго управленія. Требованіе, чтобы Франція, наконецъ, отреклась отъ всякихъ притязаній на Эльзасъ-Лотарингію, выражено ясно и откровенно въ недавнемъ манифестѣ представителей молодыхъ французскихъ поколѣній, явившихся на свѣтъ послѣ франко-прусской войны 1870—71 годовъ. Манифестъ, подписанный именами семидесяти писателей, журналистовъ и общественныхъ дѣятелей, напечатанъ въ видѣ предисловія къ книгѣ «О вооруженномъ мирѣ и эльзасской проблемѣ» [1]), которая

---

[1]) La paix armée et la problème d'Alsace dans l'opinion des nouvelles générations françaises, par Marcel Laurent, Philippe Norard et Alexandre Marcereau. Paris, 1914. Стр. VIII+130.

впервые ставитъ вопросъ на широкую принципіальную почву. Появленіе этой книги есть само по себѣ интересный симптомъ, и содержаніе ея во многомъ дополняетъ доводы Нормана Анжелля спеціально въ примѣненіи къ франко-германскимъ отношеніямъ. Авторы манифеста сурово осуждаютъ внѣшнюю политику Франціи, построенную на началахъ систематическаго недовѣрія и уклончивости относительно Германіи; они настаиваютъ на необходимости взаимнаго соглашенія, которое одно способно предупредить опасности и ограничить разорительныя послѣдствія безконечныхъ повсемѣстныхъ вооруженій. Многочисленныя доказательства, приводимыя въ пользу этой мысли, не вносятъ ничего новаго или оригинальнаго въ полемику о мирѣ и войнѣ; но они интересны уже тѣмъ, что впервые становятся предметомъ публичнаго обсужденія во Франціи. Примириться съ фактомъ принадлежности Эльзаса-Лотарингіи къ составу Германской имперіи, перестать думать о результатахъ прошлыхъ войнъ и вступить на путь разумныхъ, обоюдно-выгодныхъ соглашеній съ Германіею на почвѣ разнообразныхъ культурныхъ и промышленныхъ интересовъ, — такова въ общихъ чертахъ программа представителей новѣйшихъ французскихъ поколѣній, для которыхъ война 1870 года входитъ уже въ область невозвратнаго историческаго прошлаго. Распространеніе этихъ здравыхъ практическихъ идей среди правящей части французскаго общества сдѣлаетъ гораздо больше для обезпеченія общаго мира, чѣмъ всѣ теоретическіе аргументы обличителей угрожающей народамъ военной опасности.

Л. Слонимскій.

ПРАВЪ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ, ОТКЛОНЯЯ ПОСТАТЕЙНОЕ РАЗСМОТРѢНІЕ ПРОЕКТА О ВОЛОСТНОМЪ ЗЕМСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ?

Если бы 30 и болѣе лѣтъ тому назадъ поставленъ былъ вопросъ о созданіи всесословной волости, то противъ этой мысли выступили бы защитники крестьянскихъ интересовъ и—по мотивамъ, близкимъ къ тѣмъ, какихъ придерживались дѣятели 19 февраля 1861 г. Они могли опасаться, чтобы введенные въ управленіе волостью помѣщики не сдѣлали попытки къ возстановленію прежней зависимости отъ нихъ трудящагося люда. Когда мы слышимъ при обсужденіи въ одномъ изъ нашихъ законодательныхъ собраній вопро-

совъ, связанныхъ съ крестьянскимъ бытомъ, соболѣзнованія о томъ, что крѣпостному праву не дали возможности проявить всѣхъ счастливыхъ особенностей и въ частности воспитательныхъ способностей по отношенію къ крестьянскому люду, то начинаешь понимать, что въ этихъ опасеніяхъ людей 1861 г. была своя доля истины. Но не менѣе несомнѣнно и то, что крѣпостное право отошло въ вѣчность, отжило свое время. Какія бы превратности судьбы ни ждали наши недавнія пріобрѣтенія въ области самодѣятельности общества, но невозможно представить себѣ, чтобы возстановленіе опеки помѣщиковъ надъ свободнымъ трудомъ крестьянства нашло въ правительственныхъ кругахъ человѣка, достаточно дерзкаго, достаточно далекаго отъ требованій времени, для постановки его на очередь. Мы видимъ, поэтому, полную перемѣну картины. За всесословную волость стоитъ вся передовая часть русскаго общества. Она не видитъ причинъ, почему все бремя содержанія низшей земской единицы должно падать на менѣе обезпеченныхъ и обходить болѣе достаточныхъ. Она признаетъ также пользу вручить завѣдываніе интересами волости не наиболѣе зажиточнымъ, конечно, какъ, повидимому, не прочь думать большинство членовъ комиссіи о волостномъ земствѣ, озабоченное тѣмъ, чтобы безъ всякаго выбора допустить богатыхъ землевладѣльцевъ, богатыхъ при этомъ числомъ десятинъ, а не размѣромъ хозяйственнаго предпріятія, къ завѣдыванію дѣлами волости,—а людей богатыхъ знаніемъ, получившихъ высшее образованіе, общее или техническое, о чемъ, сказать мимоходомъ, нѣтъ ни слова въ предложенномъ Госуд. Совѣту проектѣ.

Передовая часть русскаго общества, конечно, не станетъ на стражѣ реформы волостного земскаго управленія, произведенной въ томъ направленіи, какое предложено комиссіей Государственнаго Совѣта, но она, несомнѣнно, будетъ привѣтствовать всякую реформу, ставящую себѣ задачей созданіе прочнаго фундамента въ самоуправляющейся волости для уѣзднаго и губернскаго земства. Она будетъ также привѣтствовать принципъ всесословнаго участія въ волостномъ земствѣ всѣхъ слоевъ общества. Поэтому нѣкоторыя изъ руководящихъ началъ, проводимыхъ въ предложенномъ Совѣту законопроектѣ, несомнѣнно, изъ числа пріемлемыхъ. Я готовъ поддерживать мысль, что волость должна быть преобразована въ административно-хозяйственную единицу, что въ числѣ задачъ ея должны быть административно-полицейскія и земско-хозяйственныя. Я согласенъ, что волость, какъ административно-хозяйственная единица, должна обнимать всѣ находящіяся въ ней земельныя владѣнія и въ составъ ея должны входить всѣ лица, живущія въ ней, что право представительства должно принадлежать всѣмъ, владѣющимъ въ предѣлахъ

волости недвижимыми имуществами, независимо отъ того, къ какому сословію относятся ихъ владѣльцы.

Можно было бы прибавить къ числу этихъ общихъ положеній и рядъ другихъ, также проводимыхъ въ законопроектѣ и настолько общепризнанныхъ, что едва-ли можно позволить себѣ сомнѣніе въ ихъ цѣлесообразности. Можно согласиться, напримѣръ, что дѣятельную административную власть нужно предоставить единоличнымъ органамъ, а обсужденіе проводимыхъ этими единоличными органами мѣръ—коллегіямъ. Вѣдь въ числѣ аксіомъ административнаго права стоятъ и эти принципы, а изъ нихъ, разумѣется, вытекаетъ то послѣдствіе, что рядомъ съ волостнымъ старшиною необходимо созданіе и волостного совѣта. Но тутъ, повидимому, произошло ужъ расхожденіе мнѣній между Думой и комиссіей Гос. Совѣта, и вотъ по этому поводу позволяю себѣ настаивать на мысли настолько простой и безспорной, что не стоило бы говорить о ней, если бы въ нѣкоторыхъ членахъ Государственнаго Совѣта она не вызывала совершенно непонятнаго для меня разномыслія. Мы, кажется, всѣ согласны въ томъ, что законъ, какъ это прямо указано въ учрежденіяхъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, не говоря уже о нашихъ Основныхъ законахъ, есть продуктъ совмѣстной дѣятельности Думы, Совѣта и Государя Императора. Отсюда логически слѣдуетъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ мы обсуждаемъ законодательныя предположенія, на которыхъ остановилась Дума, а, слѣдовательно, тѣ, кто предлагаетъ перейти къ постатейному чтенію, отправляются отъ той мысли, что принципы, на которыхъ остановилась Государственная Дума, изъ числа тѣхъ, которые заслуживаютъ обсужденія. Но эти принципы могутъ быть измѣнены выбранной Государственнымъ Совѣтомъ комиссіей, какъ это имѣетъ мѣсто и въ данномъ случаѣ. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что, высказываясь за переходъ къ постатейному обсужденію, мы тѣмъ самымъ выражаемъ согласіе съ тѣми измѣненіями, которыми принципы Государственной Думы подверглись въ комиссіи Государственнаго Совѣта? Очевидно—нѣтъ, такъ какъ наши законы не знаютъ особаго самостоятельнаго законодательнаго органа, которымъ была бы комиссія той или другой изъ законодательныхъ палатъ. Мы обсуждали, поэтому, законопроектъ, поступившій къ намъ изъ Государственной Думы. Тѣ изъ насъ, которые полагали, что ни одинъ изъ принциповъ этого законопроекта не пріемлемъ, поступили послѣдовательно, предлагая отклонить законопроектъ. Къ числу такихъ отрицателей примкнули тѣ, кто не хочетъ созданія всесословной волости, кто находитъ существующій порядокъ вещей удовлетворительнымъ. Мы не будемъ спрашивать себя, чѣмъ вызвано отрицательное ихъ отношеніе: страхомъ ли за помѣ-

щиковъ и высокое обложеніе ихъ земель, нежеланіемъ-ли допустить крестьянъ къ управленію дѣлами волости, крестьянъ, на сторонѣ которыхъ будетъ численное большинство. Если я упоминаю о возможности такихъ мотивовъ, то только съ одной цѣлью: я хочу съ самаго начала выяснить, что эти мотивы отнюдь не изъ тѣхъ, которые могли бы склонить того или другого изъ членовъ передовыхъ группъ Государственнаго Совѣта высказаться противъ перехода къ постатейному обсужденію. Бюрократы могутъ обольщаться мыслью, что земскихъ начальниковъ, урядниковъ и волостныхъ писарей совершенно достаточно на мѣстахъ для упроченія мира и благодѣнствія въ людяхъ. Но лицамъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ мѣстной жизни, къ земской Россіи вообще, такая мысль рѣшительно чужда. Чуждо имъ и то представленіе, что низшая земская единиц должна быть поставлена подъ неограниченный контроль съѣзда земскихъ начальниковъ, хотя бы и съ слабой примѣсью избирательныхъ, далеко не всесословныхъ властей, какими являются, напримѣръ, предводители дворянства. И вотъ почему тѣ органы контрол я которые предлагались комиссіей Государственнаго Совѣта для наблюденія за дѣятельностью волостного самоуправленія, меня, какъ и другихъ членовъ передовыхъ группъ, нисколько не удовлетворяли. При постатейномъ обсужденіи мы, разумѣется, высказались бы противъ нихъ.

Не удовлетворяло ихъ и извращеніе избирательнаго начала допущеніемъ, что люди, владѣющіе извѣстнымъ количествомъ десятинъ, пріобрѣтаютъ по одному этому право дѣйствовать такъ, какъ будто они были выбраны. Отъ числа десятинъ, разумѣется, не зависитъ ни умственный, ни нравственный уровень кандидатовъ. А я полагалъ до сихъ поръ, что высота этого уровня и является причиной, по которой при выборахъ дается предпочтеніе одному кандидату надъ другими. Ссылались на примѣръ Финляндіи, въ которой одной изъ причинъ предоставленія двойного голоса является обладаніе полнымъ имущественнымъ цензомъ; но вѣдь въ Финляндіи имѣется всеобщее голосованіе, котораго у насъ нѣтъ. Такъ что въ данномъ случаѣ comparaison n'est pas raison. Вѣдь для того, чтобы сравненіе имѣло силу, необходимо, чтобы было на-лицо сходство условій, а его въ данномъ случаѣ нѣтъ. Да и далеко не рѣшеннымъ является вопросъ—насколько желательно принятіе начала множественности голосовъ того vote plural, какой существуетъ, напримѣръ, въ Бельгіи. Онъ, несомнѣнно, оказалъ клерикальной партіи услугу, такъ какъ увеличилъ число голосовъ, какимъ располагаетъ крестьянское населеніе, постоянно поддерживающее клерикальное министерство. Но въ Бельгіи имѣется и рабочая партія, всего меньше заинтересованная

въ этомъ принципѣ множественности голосовъ; немудрено, поэтому, если въ ней постоянно и ставится вопросъ о томъ, желательно ли или не желательно сохраненіе этого принципа. Я лично голосовалъ бы противъ предложенія комиссіи Гос. Совѣта, вводящей столь смутный принципъ, что пришлось обратиться къ иностранному термину «персоналистовъ», для того, чтобы выразить это, неизвѣстное пока нашему праву, начало. Обращаю на это вниманіе ревнителей чистоты русской рѣчи. Ужъ если подняли походъ противъ «апелляціи и кассаціи» и даже противъ слова «курортъ», то не мѣшаетъ и «персоналистовъ» повергнуть въ ту же бездну. Повергнуть въ бездну надо не только слово, но и понятіе; въ избирательные порядки вводить не избираемыхъ членовъ не совсѣмъ согласно съ логикой.

Намъ такъ мало дано было времени для изученія доклада въ 355 страницъ, счетомъ 3 дня, по 118 страницъ въ день, что мы, разумѣется, не могли вполнѣ оцѣнить всей творческой работы большинства членовъ избранной Государственнымъ Совѣтомъ комиссіи. Но все-таки кое-что можно было отмѣтить. Среди этого кое-чего насъ поразила та заботливость, съ которой, провозгласивши начало, что представительство въ волости должно быть предоставлено всѣмъ, владѣющимъ находящимися въ ней недвижимыми имуществами, комиссія въ то же время озаботилась, чтобы это право представительства было дано возможно меньшему числу владѣльцевъ въ волости. Дума предлагала исключить изъ избирательныхъ собраній именно изъ второй куріи, тѣхъ, недвижимыя имущества коихъ меньше $^1/_{25}$ ценза, установленнаго ст. 16 положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Комиссія Государственнаго Совѣта замѣнила $^1/_{25}$—$^1/_5$-ой. Согласитесь, что Дума ближе стоитъ къ осуществленію принципа, принятаго комиссіей Государственнаго Совѣта, чѣмъ сама эта комиссія. Можно думать даже, что комиссія руководствовалась обратнымъ принципомъ, такъ какъ, вводя въ пунктъ 1 ст. 9 правило, по которому гласными являются и лица невыбранныя, при условіи обладанія полнымъ цензомъ, она ни однимъ словомъ не упомянула, что такое же право предоставляется и лицамъ, владѣющимъ хозяйственными предпріятіями стоимостью въ 15.000 р.

Изъ сказаннаго легко заключить, что поводовъ къ отрицательному отношенію къ поправкамъ, внесеннымъ въ законопроектъ комиссіей, имѣлось не мало. Но значитъ ли это, что мы въ правѣ были огуломъ и не подвергая проектъ постатейной критикѣ отвергнуть все, сдѣланное и Думой, и комиссіей? Разумѣется, нѣтъ. Нѣтъ—прежде всего потому, что, какъ уже было сказано, Государственный Совѣтъ имѣетъ предъ собою проектъ Государственной Думы и, выска-

зываясь противъ перехода къ постатейному чтенію, онъ отвергаетъ думскій проектъ. Это не значитъ, что тѣ, которые выскажутся за постатейное обсужденіе, принимаютъ все сказанное въ проектѣ. Когда послѣдовалъ бы переходъ къ постатейному обсужденію, членамъ передовыхъ группъ Совѣта не трудно было бы показать, что и проектъ Думы заслуживаетъ критики и усовершенствованія. Отвергать безъ разбора—дѣйствіе непріязненное и по отношенію къ Думѣ, и по отношенію къ внесшему проектъ правительству. Никто больше насъ не стоитъ за свободу мнѣній, за свободу слова, раздающагося съ трибуны, но мы отрицаемъ право кого бы то ни было уклоняться отъ подачи своего мнѣнія по поступившимъ въ Совѣтъ мѣропріятіямъ. Въ венеціанскомъ сенатѣ существовало такое право, и люди, уклонявшіеся отъ исполненія своихъ законодательныхъ обязанностей, слыли подъ именемъ неискреннихъ (non sinceri). Такихъ неискреннихъ законодательныя палаты новаго времени не знаютъ. Изъ этого не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы нашъ оптимизмъ доходилъ до признанія: всѣ голосованія—искренни. Этому мѣшаетъ партійная дисциплина, такъ строго соблюдаемая въ Государственномъ Совѣтѣ, что даже поддерживаемыя правительствомъ предложенія отвергаются большинствомъ въ 16—20 голосовъ, при полномъ или болѣе или менѣе полномъ съѣздѣ членовъ. Я говорю только о томъ, что все собраніе не можетъ обратиться въ собраніе неискреннихъ. Оно, несомнѣнно, обратилось въ него, разъ оно стало на ту точку зрѣнія, которую рекомендовали ему ораторы, не желавшіе даже подвергнуть законопроектъ искусу постатейнаго обсужденія. Природа представительныхъ учрежденій такова, что всюду, гдѣ они существуютъ, говорятъ о желаніи правительства управлять страною въ согласіи съ мнѣніемъ страны.

Я знаю, что въ средѣ членовъ Государственнаго Совѣта господствуетъ другой идеалъ, передаваемый словами: противъ теченія. По этому поводу считаю долгомъ сказать, что это идеалъ не представительныхъ учрежденій. Вѣдь всѣ мы только отражаемъ болѣе или менѣе теченіе общественной мысли и должны дать отвѣтъ на ея запросы. Волостного земства обширные круги русскихъ, живущихъ внѣ столицы и большихъ городовъ, ждутъ, и ждутъ не годы, а уже десятилѣтія. Отвергнуть законопроектъ о созданіи этого волостного земства, даже не подвергнувъ его постатейному обсужденію, то же, что сказать этой массѣ, которой мы являемся или только считаемъ себя представителями: «А намъ до вашихъ желаній нѣтъ никакого дѣла; мы предпочитаемъ плыть противъ теченія; таковъ нашъ нравъ,—миритесь съ нимъ». Въ такомъ поведеніи члены пере-

довыхъ группъ Государственнаго Совѣта участниками быть не могли, а потому и высказались за переходъ къ постатейному обсужденію законопроекта о волостномъ земствѣ.

Максимъ Ковалевскій.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Старое чиновничество и новый государственный строй.—Судьба законопроекта о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ.—Засѣданіе 13-го мая въ Государственной Думѣ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ во Франціи установилось «правительство борьбы»—борьбы за нравственный порядокъ, т.-е., на самомъ дѣлѣ, за возвращеніе къ отжившей старинѣ. Сначала оффиціальнымъ, потомъ закулиснымъ руководителемъ его былъ герцогъ Броль, умный, холодный, но въ сущности близорукій. Держалось оно съ помощью неустойчиваго союза элементовъ, сходившихся только въ одномъ — въ отстаиваніи сословныхъ и классовыхъ интересовъ, прямо противоположныхъ интересамъ народныхъ массъ. Когда распался союзъ, наступилъ конецъ и борьбѣ; попытка возобновить ее потерпѣла полнѣйшую неудачу и больше не повторялась. Нѣчто подобное совершилось и совершается передъ нашими глазами. Въ 1906 г. образовалось у насъ своего рода боевое министерство, репрессивная политика котораго скоро приняла откровенно реакціонный характеръ. Опасность, ссылкою на которую оправдывались первоначально чрезвычайныя «охранительныя» мѣры, давно миновала, но послѣ «успокоенія» не ставились на очередь «реформы». Измѣнилось содержаніе правительственныхъ декларацій; не измѣнился только ихъ тонъ, пока во главѣ кабинета стоялъ русскій герцогъ Броль, П. А. Столыпинъ. Это былъ тонъ парламентскаго оратора, государственнаго дѣятеля—государственнаго дѣятеля, поступавшаго по-старому, но говорившаго по-новому. Его примѣру, и въ томъ, и въ другомъ, старался слѣдовать, — съ меньшимъ искусствомъ, — его непосредственный преемникъ. Теперь противорѣчіе между дѣломъ и словомъ отброшено въ сторону: парламентскаго, конституціоннаго, приспособленнаго къ обновленному государственному строю въ «привѣтствіи» предсѣдателя совѣта министровъ, въ рѣчи министра внутреннихъ

дѣлъ нѣтъ и слѣда. И въ связи съ этимъ поколебался своеобразный союзъ, когда-то созданный П. А. Столыпинымъ и пережившій его не только въ третьей, но и въ четвертой Государственной Думѣ. Для его существованія нужна была видимость новизны; нужно было, со стороны министерства, желаніе и умѣнье sauver les apparences, т. е. сохранить хоть какую-нибудь, хотя бы внѣшнюю точку соприкосновенія съ октябрьскимъ знаменемъ, которымъ прикрывалъ свои уступки, свою слабость думскій центръ. Теперь, послѣ засѣданій 22-го и 29-го апрѣля, эта точка болѣе не существуетъ. Мосты—разведены, и вновь навести ихъ—нелегкая задача. Возможенъ, впрочемъ, обратный прыжокъ на привычный правый берегъ...

Слова, съ которыми И. Л. Горемыкинъ обратился къ Государственной Думѣ, кто-то сравнилъ съ милостивымъ разрѣшеніемъ, открывающимъ передъ подчиненными двери начальнической пріемной. И дѣйствительно, меньше всего въ нихъ отразилось нормальное пониманіе отношеній министра къ законодательной палатѣ. Не частными разговорами, не обмѣномъ любезностей, а открытымъ соглашеніемъ по важнѣйшимъ вопросамъ обусловливается возможность совмѣстной политической работы. Ни одного шага, ведущаго къ соглашенію, или, по меньшей мѣрѣ свидѣтельствующаго о намѣреніи его достигнуть, со времени провозглашенія «новаго курса» сдѣлано не было; усилился, наоборотъ—и очень замѣтно—наклонъ въ противоположную сторону. Если предсѣдатель совѣта министровъ разыгралъ въ Думѣ роль благодушнаго сановника прошлыхъ временъ, снисходящаго къ низшимъ и удостоивающаго ихъ ни къ чему не обязывающей бесѣдой, то министръ внутреннихъ дѣлъ заговорилъ языкомъ губернатора, дающаго отпоръ дерзкимъ притязаніямъ земства, или директора департамента, гордящагося усердіемъ своихъ чиновниковъ и широкими размѣрами своей власти. Директоръ департамента можетъ извинять медленное движеніе того или иного зауряднаго дѣла массою другихъ такихъ же дѣлъ, можетъ указывать на работу, кипящую въ его вѣдомствѣ «отъ зари до зари» (если только существуетъ вѣдомство, предъявляющее къ своимъ служащимъ такія изнурительныя требованія); но министру, выступающему передъ законодательнымъ собраніемъ, едва-ли когда-нибудь приходило на мысль оправдывать обычнымъ канцелярскимъ многописаніемъ черепашій ходъ важнѣйшихъ законопроектовъ, давно поставленныхъ на очередь запросами государственной жизни. И какая же перспектива открывается для этихъ законопроектовъ въ будущемъ? Проектъ новаго земскаго положенія,—говоритъ Н. А. Маклаковъ,—«нельзя написать въ пять минутъ. Приходится тридцать разъ отмѣрить, а потомъ отрѣзать. И если бы даже мы внесли этотъ законопроектъ, а измѣнив-

шіяся условія потребовали бы включенія въ него какихъ-нибудь поправокъ, то я съ спокойною совѣстью просилъ бы вернуть его обратно, и мы бы опять пересмотрѣли его». Итакъ, изъ-за стремленія къ какому-то формальному, техническому совершенству, столь рѣдко, особенно въ настоящее время, достигаемому въ бюрократическихъ мастерскихъ, можно цѣлые годы оставлять безъ разрѣшенія наболѣвшіе вопросы народной жизни? Законопроекты, наконецъ, изготовленные и внесенные въ Госуд. Думу, можно неопредѣленное число разъ брать назадъ для «исправленія», безъ всякой гарантіи въ томъ, что оно не окажется равносильнымъ ухудшенію? Во что же обращается, затѣмъ, право поправокъ, принадлежащее Государственной Думѣ? Развѣ она, даже при настоящемъ своемъ составѣ, уступаетъ министерству внутреннихъ дѣлъ въ способности согласовать законопроектъ съ требованіями дѣйствительности? Какая судьба постигла бы, полвѣка тому назадъ, судебную или земскую реформу, если бы къ составленію судебныхъ уставовъ или земскаго положенія была примѣнена новѣйшая теорія «тридцатикратнаго отмѣриванья»? Почему учрежденія, совершенно новыя, могли быть созданы тогда, и созданы, въ общемъ, очень удачно въ полтора-два года, а теперь для ихъ преобразованія, предрѣшеннаго указомъ 12-го декабря 1904-го года, министерству внутреннихъ дѣлъ нужна безконечно длящаяся подготовка, концомъ которой не послужитъ, быть можетъ, даже внесеніе законопроекта въ Государственную Думу? Не ясно ли, что способность къ творчеству, когда-то, на одинъ мигъ, проявленная русской бюрократіей, утрачена ею безвозвратно, и прежнее орудіе реформъ обратилось въ трудно преодолимую для нихъ преграду.

«Мнѣ ставятъ въ вину»,—читаемъ мы въ рѣчи Н. А. Маклакова,—«цѣлый рядъ неутвержденій должностныхъ лицъ, приглашаемыхъ земствомъ, рядъ неутвержденій избираемыхъ земскими и городскими учрежденіями лицъ на городскую и земскую исполнительную службу. Въ этомъ случаѣ министерство идетъ путемъ своего дискреціоннаго права. И въ этомъ отношеніи оно будетъ поступать такъ, какъ ему подсказываетъ совѣсть... Для меня вопросъ разрѣшается совершенно просто указомъ Сената, который говоритъ, что земская, общественная, городская служба является службой государственной, а на государственную службу не могутъ быть допускаемы лица, которыя исповѣдуютъ антигосударственное направленіе, которыя идутъ противъ государственнаго режима. Этихъ указаній министерство и придерживается. Они настолько просты, что каждый напередъ можетъ сказать, будетъ ли онъ утвержденъ или нѣтъ». Сомнительной представляется прежде всего вѣрность ссылки на указъ Сената. По словамъ депутата Челнокова, оставшимся неопровергнутыми, въ указѣ нѣтъ ни

слова о неутвержденіи избраннаго лица только потому, что оно «исповѣдуетъ то или другое политическое теченіе»; рѣчь идетъ лишь объ увольненіи служащихъ, проявляющихъ *въ своихъ дѣйствіяхъ* антигосударственное направленіе и принимающихъ участіе въ противуправительственной агитаціи. И что такое, притомъ, «антигосударственное направленіе»? Въ чемъ заключаются его достовѣрные признаки?

Означаетъ ли оно и теперь то же самое, что и десять лѣтъ тому назадъ, до измѣненія нашего государственнаго строя? Противниками *новаго* государственнаго режима, несомнѣнно, являются всѣ сторонники возврата, хотя бы и внѣ-законнаго, къ старому порядку,—а развѣ это служитъ препятствіемъ къ ихъ утвержденію въ земскихъ и городскихъ исполнительныхъ должностяхъ? Развѣ, наоборотъ, это не обезпечиваетъ за ними сочувствіе и даже содѣйствіе власти? Развѣ не характерно, напримѣръ, утвержденіе г. Пеликана, сопоставленное съ неутвержденіемъ кн. Львова? Если бы система, принятая министерствомъ, и была, на самомъ дѣлѣ, такъ *проста*, какъ утверждаетъ Н. А. Маклаковъ, то это ни мало не говорило бы въ ея пользу; но она лишена даже и этого достоинства. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ колебанія, сплошь и рядомъ предшествующія неутвержденію,—а иногда и утвержденію. Не сразу рѣшено было, напримѣръ, неутвержденіе кн. Львова и другихъ кандидатовъ въ московскіе городскіе головы; не сразу состоялось утвержденіе гр. Толстого,—бывшаго министра,—петербургскимъ городскимъ головой... Къ чему ведетъ, далѣе, господство теоріи, въ непогрѣшимость которой такъ твердо вѣритъ Н. А. Маклаковъ? Въ Москвѣ полтора года продолжается безголовье, тяжело отражающееся на всѣхъ частяхъ городского хозяйства; не мало времени оставался безъ головы и Петербургъ, а неутвержденіе нѣсколькихъ членовъ спб. городской управы и назначеніе на ихъ мѣсто другихъ лицъ, хотя бы изъ числа забаллотированныхъ думой, мѣшаетъ до сихъ поръ правильному ходу городскихъ дѣлъ. Насущные интересы городовъ и уѣздовъ на каждомъ шагу приносятся въ жертву политическимъ соображеніямъ, совершенно неумѣстнымъ въ области мѣстнаго самоуправленія. Не мало вреда причиняли они и прежде, но тогда имъ нельзя было отказать въ нѣкоторой послѣдовательности. «Ограниченному уму подданныхъ» тогда ни въ чемъ и нигдѣ не давалось простора и вѣры; вездѣ господствовалъ принципъ: «не разсуждать, повиноваться»! Земскія собранія и, въ меньшей степени, городскія думы считались, въ добавокъ, подозрительными уже потому, что только въ ихъ средѣ звучалъ иногда, сдержанно и глухо, голосъ общественной совѣсти и общественнаго мнѣнія. Теперь обстоятельства измѣнились: этотъ голосъ раздается въ Государственной Думѣ, раздается

такъ громко и, сравнительно, такъ авторитетно, что инымъ стало, съ политической точки зрѣнія, положеніе мѣстныхъ собраній. Теперь политика вносится въ нихъ съ другой стороны, извращая ихъ характеръ и отвлекая ихъ отъ ихъ настоящаго назначенія. Во что обратилось городское хозяйство Одессы—это слишкомъ хорошо извѣстно, ни для кого не тайна и застой, охватившій значительную часть губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Само собою разумѣется, что взглядъ, выраженный въ рѣчи Н. А. Маклакова, тѣсно связанъ съ общимъ складомъ правительственныхъ воззрѣній, съ общимъ духомъ правительственной практики. Пока остается въ силѣ дѣленіе партій на легализованныя и нелегализованныя, пока право на существованіе признается только за аппробуемыми и поощряемыми теченіями, до тѣхъ поръ немыслима и перемѣна въ отношеніяхъ власти къ органамъ мѣстнаго самоуправленія. И съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать откровенность министра внутреннихъ дѣлъ: опредѣленно поставивъ точки надъ і, онъ прибавилъ нѣсколько цѣнныхъ штриховъ къ характеристикѣ «новаго курса».

Въ той части своей рѣчи, которая посвящена вопросу о свободѣ печатнаго слова, Н. А. Маклаковъ привелъ нѣсколько выдержекъ изъ партійныхъ с.-д. и с.-р. постановленій, оглашенныхъ, конечно, не въ легальной печати. Онъ хотѣлъ доказать этимъ путемъ зловредность *мнѣній*, «исповѣдуемыхъ крайними лѣвыми партіями». Въ до-конституціонное время, когда опасность самостоятельной мысли была однимъ изъ догматовъ правительственнаго катехизиса, а преслѣдованіе «вредныхъ направленій»—одною изъ главныхъ задачъ правительственной власти, такой пріемъ былъ бы совершенно понятенъ; но теперь, послѣ того, какъ существенно измѣнился государственный строй и провозглашена свобода печати, онъ представляется нѣсколько страннымъ. Вредныхъ *мнѣній* нѣтъ: есть только такіе способы выраженія мнѣній, которые подходятъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона. И чѣмъ безпрепятственнѣе та или другая доктрина можетъ быть излагаема и обсуждаема въ печати, тѣмъ менѣе вѣроятны попытки насильственнаго проведенія ея въ жизнь. Это доказываетъ опытъ всѣхъ культурныхъ странъ. «Не можетъ быть никакой гражданской свободы,—восклицаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—которая могла бы разрушать и подтачивать государственный порядокъ». На самомъ дѣлѣ порядокъ подтачивается не свободой, а ея подавленіемъ: подпольный огонь дѣйствуетъ разрушительнѣе, чѣмъ открытый. Вырвать съ корнемъ широко-распространенное мнѣніе никакія репрессіи не могутъ. Замѣтимъ, въ заключеніе, что Н. А. Маклаковъ коснулся въ своей рѣчи только такъ называемой «рабочей печати»; между тѣмъ, объектомъ административныхъ мѣропріятій, идущихъ прямо въ разрѣзъ съ

закономъ, и уголовныхъ каръ, слишкомъ часто основанныхъ на произвольномъ его толкованіи, служатъ сплошь и рядомъ и другіе органы печати, независимой и оппозиціонной.

Министръ внутреннихъ дѣлъ оставилъ безъ отвѣта указанія на близость его къ партійнымъ организаціямъ. Самый фактъ этой близости давно подтвержденъ собственными словами Н. А. Маклакова; но чрезвычайно важно было бы услышать оффиціальное его объясненіе. Правительство,—такъ утверждалось не разъ,—должно стоять и стоитъ внѣ партій, выше партій; какъ же согласить это увѣреніе съ дѣйствительностью, давно переставшею быть предметомъ спора? И почему выборъ министра палъ именно на ту партію, отрицательное отношеніе которой къ новому государственному строю составляетъ секретъ Полишинеля? И прежде правительство опиралось иногда на ту или другую общественную группу, находило поддержку въ томъ или другомъ органѣ печати; но, помимо различія условій,—при старомъ государственномъ строѣ не было партій, не было народнаго представительства, не было октябрьскихъ обѣщаній,—покровительство не переходило въ солидарность, поддержка не становилась похожей на руководительство. Въ эпоху наибольшаго вліянія «Московскихъ Вѣдомостей» иниціатива важнѣйшихъ рѣшеній принадлежала не Каткову, а Побѣдоносцеву и гр. Д. А. Толстому; ходатайства дворянства не оставлялись безъ вниманія, но не ими опредѣлялось общее направленіе политической жизни. Катковъ выступалъ иногда противникомъ того или другого государственнаго дѣятеля, но не бралъ на себя роль наблюдателя за всѣмъ, что дѣлается въ административныхъ сферахъ, не обращался къ нимъ съ требованіями, не выдавалъ имъ аттестацій. Еще скромнѣе была роль редактора «Гражданина», хотя ему удавалось иногда оказывать кое-кому дружескія услуги. Не то мы видимъ теперь: постановленія «объединеннаго дворянства» непосредственно отражаются на ходѣ законодательной работы, надзору г. Пуришкевича подвергаются всѣ губернаторы, словамъ кн. Мещерскаго,—кн. Мещерскаго!—придается значеніе, котораго они раньше никогда не имѣли. И какъ велика разница между прежними и нынѣшними союзниками правительства! Какъ ни вредна была, въ свое время, дѣятельность Каткова, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» сіялъ не заимствованнымъ, а собственнымъ свѣтомъ; его широкая образованность, его блестящее публицистическое дарованіе упрочили за нимъ выдающееся положеніе въ литературѣ, когда онъ еще не былъ глашатаемъ и апологетомъ реакціи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Ни въ какое сравненіе съ нимъ не могутъ идти нынѣшніе вожди палаты Михаила Архангела и союза русскаго народа, основатели филаретовскаго общества, вдохновители «Земщины» и «Колоко-

ла», устроители скандаловъ въ Государственной Думѣ. Пускай ихъ предоставитъ самимъ себѣ поддерживающая ихъ властная рука—и ничтожество ихъ станетъ для всѣхъ очевиднымъ. Не даромъ же они, сознавая свое безсиліе, открыто in ihrem «Nichts durchbohrendem Gefühle», заявляютъ свои притязанія на «казенныя деньги», безъ которыхъ немыслимо продолженіе ихъ «работы».

Исходъ думскихъ преній по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствуетъ о томъ, что истощилось терпѣніе самыхъ терпѣливыхъ. Большинствомъ почти двухъ третей голосовъ (186 противъ 95) принята предложенная октябристами формула перехода, рѣзко и рѣшительно осуждающая дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ. Политика министерства, «систематически пренебрегающаго общественнымъ мнѣніемъ», названа «подрывающею мѣстныя силы, поощряющею повсемѣстный административный произволъ, вызывающею недовольство и глухое броженіе въ широкихъ, спокойныхъ слояхъ населенія и тѣмъ способствующею возникновенію и усиленію противогосударственныхъ теченій, препятствующею проведенію въ жизнь ряда Высочайшихъ манифестовъ и указовъ»; создаваемое ею положеніе признано «ослабляющимъ мощь Россіи и грозящимъ неисчислимыми послѣдствіями». И за эту формулу голосовала даже «умѣренно-консервативная» группа центра, усмотрѣвъ въ ея поддержкѣ, какъ видно изъ словъ В. Н. Львова, свой «нравственный долгъ передъ Царемъ и родиной»! Противъ нея подали голосъ, вмѣстѣ съ крайними правыми, націоналисты, но далеко не одобреніемъ министерства звучали рѣчи ораторовъ этой фракціи, гг. Демченка и Савенка. Голосами оппозиціи и октябристовъ демонстративно отвергнуты нѣкоторые отдѣльные кредиты, испрашивавшіеся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколькими днями позже то же настроеніе выразилось въ отклоненіи (большинствомъ 133 голосовъ противъ 106) «безымяннаго» кредита въ 500 тысячъ рублей на борьбу съ пьянствомъ, путемъ субсидій частнымъ обществамъ и учрежденіямъ. «Какія общества и учрежденія,—воскликнулъ баронъ Мейендорфъ,—будутъ добиваться пособій? Вѣдь политическая поддержка опредѣленнымъ партіямъ шла не только изъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ прошлые годы были весьма характерные случаи уступки на весьма выгодныхъ условіяхъ народныхъ домовъ, принадлежащихъ попечительствамъ о народной трезвости, извѣстнымъ политическимъ партіямъ, такъ что здѣсь могутъ открыться пути для воспособленія не на борьбу съ пьянствомъ, а вовсе на другія цѣли». Защитниками кредита явились, какъ и слѣдовало ожидать, деп. Замысловскій и Марковъ 2-ой.

Почти одновременно съ разсмотрѣніемъ въ Государственной Думѣ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ происходили засѣданія съѣзда

представителей промышленности и торговли. И въ этой мирной и благонадежной средѣ зазвучали мотивы, весьма близкіе къ рѣчамъ думскихъ оппозиціонныхъ ораторовъ. Уже при самомъ открытіи съѣзда членъ Госуд. Совѣта Авдаковъ, упомянувъ о «всеобщей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, о какой-то подавленности и тревогѣ», приписалъ ихъ, главнымъ образомъ, нѣкоторымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, между прочимъ—національнымъ ограниченіямъ въ области акціонернаго законодательства. На ту же тему говорили и другіе члены съѣзда, напр. г. Гужонъ, возстававшій въ особенности противъ мѣръ, принимаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ рабочимъ. Отъ эксцессовъ защиты отрекаются, такимъ образомъ, даже тѣ, интересамъ которыхъ она, повидимому, служитъ. Въ томъ же смыслѣ высказался, на-дняхъ, и всероссійскій съѣздъ представителей лѣсной промышленности и торговли. Все больше и больше суживается кругъ сторонниковъ правительства. Неудовольствіе, проникающее такъ далеко, захватывающее сферы, до сихъ поръ стоявшія въ сторонѣ отъ политики или смотрѣвшія на нее глазами власти, не можетъ быть объясняемо привычной ссылкой на злонамѣренную агитацію. Не поддаваясь никакимъ репрессіямъ, оно можетъ быть устранено только коренной перемѣной правительственнаго курса. Старыми чиновническими пріемами нельзя справиться съ новыми задачами, поставленными жизнью и усложняющимися тѣмъ больше, чѣмъ меньше надежда на скорое ихъ разрѣшеніе.

Тяжелый мѣсяцъ переживаетъ Россія. Къ длинному списку законопроектовъ, похороненныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, прибавился 12-го мая еще одинъ: большинствомъ 87 голосовъ противъ 71 верхняя палата отклонила соглашеніе съ Госуд. Думой по вопросу о правахъ польскаго языка въ городскихъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, и отдалила тѣмъ самымъ на неопредѣленный срокъ введеніе городского самоуправленія въ краѣ, такъ долго его ожидавшемъ и возлагавшемъ на него такія большія надежды. Жертвы, принесенныя представителями поляковъ, оказались тщетными, понесенныя потери—ничѣмъ не вознагражденными. А между тѣмъ за принятіе законопроекта въ думской редакціи говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ, и говорилъ съ гораздо бо́льшими шансами успѣха, чѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, его предшественникъ, В. Н. Коковцевъ, оставленный почти всѣми своими коллегами; въ засѣданіи же 12-го мая присутствовали всѣ министры. И. Л. Горемыкинъ могъ сослаться на единодушное рѣшеніе правительства, и, начавъ свою рѣчь словами: «*по волѣ Государя Императора* я являюсь здѣсь впервые въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ», закончилъ ее выраженіемъ увѣренности, что нѣтъ достаточнаго повода для пререканій между Госуд. Совѣтомъ—съ одной стороны,

Государственной Думой и *правительствомъ*—съ другой. Своеобразные «охранители» оказались непреклонными; устами своихъ ораторовъ они сказали полякамъ: «оставьте надежду навсегда». Вопросъ о языкѣ они возвели на степень вопроса о цѣлости Россійской имперіи и провозгласили всякаго рода уступки вредными и не только для Россіи, но, въ конечномъ результатѣ, и для Польши (!), и для всего славянскаго міра (!!).

Такой же приговоръ произнесенъ и надъ русскими крестьянами: подобно законопроекту о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, рухнулъ и законопроектъ о волостномъ земствѣ, составленный во исполненіе Высочайшаго указа 12-го декабря... Само собою разумѣется, что вмѣсто *навсегда* слѣдуетъ читать: *на короткое время*. Преобразованія, требуемыя справедливостью, диктуемыя насущными потребностями государства и народа, могутъ быть отклоняемы, откладываемы, извращаемы, но ихъ необходимость становится отъ того только болѣе настоятельною и несомнѣнною. Чѣмъ чаще верхняя палата выступаетъ въ роли тормоза реформъ, даже самыхъ скромныхъ, прошедшихъ черезъ горнило трехъ ультра-консервативныхъ или реакціонныхъ кабинетовъ, тѣмъ яснѣе становится аномалія, внесенная въ обновленный строй дѣйствующимъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта и обостренная послѣдующими измѣненіями его состава.

Теперь, когда обостряющіяся отношенія къ правительству и къ Госуд. Совѣту больше чѣмъ когда-либо требуютъ единенія всѣхъ не только рѣшительно прогрессивныхъ, но и сколько-нибудь либеральныхъ элементовъ Государственной Думы, особенно прискорбны такія сцены, какъ происшедшія въ засѣданіи 13-го мая. Мы имѣемъ въ виду не столько обмѣнъ бранныхъ словъ, къ несчастію слишкомъ у насъ обычный, сколько причины, его вызвавшія, и послѣдствія, къ которымъ онъ привелъ. Какъ ни печально нарушеніе внѣшней сдержанности, обязательной для членовъ законодательнаго собранія, оно можетъ быть если не оправдано, то извинено внезапностью впечатлѣнія, давшаго къ нему поводъ, силою волненія, поколебавшаго душевное равновѣсіе слушателя или слушателей. Настоящимъ виновникомъ является тогда не тотъ, кто рѣзко реагировалъ на неожиданное оскорбленіе, а тотъ, кто намѣренно и обдуманно нанесъ его. И чѣмъ менѣе оскорбленіе было заслужено, чѣмъ менѣе оно было умѣстно, тѣмъ понятнѣе, если можно такъ выразиться, выходъ оскорбленнаго и его друзей за предѣлы обороны.

Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ образъ дѣйствій г. Шубинскаго, нужно припомнить рѣшеніе суда по дѣлу, въ которомъ обвинителями выступали издатели, редакторъ и главные сотрудники «Рѣчи», а обви-

няемымъ—редакторъ «Земщины». Въ процессахъ о клеветѣ обвиняемому достаточно иногда доказать, что онъ имѣлъ, *въ данную минуту*, основаніе считать достовѣрными сообщенные имъ факты; но для обвинителей важно признаніе, что на самомъ дѣлѣ это сообщеніе не соотвѣтствовало дѣйствительности. Останавливаясь только на первомъ вопросѣ и оставляя безъ разрѣшенія второй, судъ не исполняетъ своей задачи; оправдывая обвиняемаго, какъ дѣйствовавшаго bona fide, и не входя въ разборъ существа обвиненія, онъ не даетъ обвинителямъ того нравственнаго удовлетворенія, на которое они въ правѣ разсчитывать, разъ что позорившіе ихъ факты оказались недоказанными или прямо опровергнутыми. Въ данномъ случаѣ свидѣтельское показаніе завѣдывавшаго типографіей, гдѣ печатается «Рѣчь» (и не одна только «Рѣчь», а и другія изданія, весьма различныхъ направленій), обнаружило съ полною ясностью, кому и для чего предназначались деньги, провозглашенныя въ «Земщинѣ» орудіемъ подкупа «Рѣчи». Между тѣмъ, окружной судъ, оправдывая г. Глинку-Янчевскаго, совершенно забылъ, что въ оправданіи нуждались и обвинители, имѣвшіе несомнѣнное на него право. «Помѣщенныя обвиняемымъ въ инкриминируемыхъ его статьяхъ свѣдѣнія», — читаемъ мы въ рѣшеніи суда,—«не завѣдомо для него ложны, а почерпнуты изъ совокупности имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ, которыя могли служить ему разумнымъ основаніемъ къ убѣжденію въ правдивости этихъ свѣдѣній». А теперь, послѣ судебнаго разбирательства, уцѣлѣло ли это основаніе? Доказана ли объективная невѣрность свѣдѣній, которыя такъ поспѣшно огласилъ г. Глинка-Янчевскій? На этотъ вопросъ судъ не счелъ нужнымъ отвѣтить, хотя его неотразимо ставило судебное слѣдствіе и прямо возбуждали судебныя пренія. Вопреки духу и смыслу закона, вопреки назначенію суда, обвинители какъ бы оставлены въ подозрѣніи; открытъ просторъ для всякаго рода толкованій, граничащихъ съ инсинуаціями. Воздерживаться отъ такихъ толкованій, въ особенности, пока дѣло еще не разсмотрѣно въ апелляціонномъ порядкѣ,—прямая обязанность человѣка, понимающаго категорическія требованія справедливости и значеніе публично произнесеннаго слова. Больше, чѣмъ для кого-либо, эта обязанность должна быть ясна и священна для депутата, говорящаго съ думской трибуны.

И вотъ, при обсужденіи въ Думѣ сметы министерства юстиціи, деп. Шубинской, защищая обвинителей Бейлиса и дѣятелей «Двуглаваго орла», произнесъ слѣдующія слова, прерванныя апплодисментами справа и протестами слѣва: «вотъ если бы вы обнаружили, что у «Двуглаваго орла» есть своя контора, что въ этой конторѣ есть конторщикъ или метранпажъ, на имя котораго пачками переводятся откуда-нибудь громадныя денежныя суммы»... Отвѣтомъ на эти слова и по-

служило то восклицаніе П. Н. Милюкова, которое привело къ исключенію его на одно засѣданіе. Та же участь постигла деп. Керенскаго, возмущеннаго выходкой г. Шубинскаго, и деп. Пуришкевича, ставшаго на сторону послѣдняго и черпавшаго цѣлыми пригоршнями изъ своего неистощимаго запаса ругательныхъ и поносительныхъ словъ. Замѣчательно различное отношеніе названныхъ лицъ къ мѣрѣ взысканія, предложенной предсѣдательствовавшимъ. Деп. Милюковъ и Керенскій не только не возражали противъ нея, но, сознавая свою формальную вину, просили своихъ товарищей по фракціямъ подать голосъ за предложеніе предсѣдательствовавшаго. Деп. Пуришкевичъ поступилъ иначе. Заявивъ, что Дума охотно исключила бы его на болѣе долгій срокъ, онъ продолжалъ: «Я покидаю засѣданіе съ полнымъ сознаніемъ, что я высказалъ не только свое личное мнѣніе, но взглядъ, который послѣ процесса финляндскаго глубоко вкоренился и глубоко раздѣляется *всѣми людьми*». Людьми г. Пуришкевичъ считаетъ, очевидно, только ему подобныхъ.

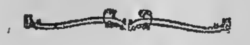
П. Н. Милюкову деп. Шубинскій отвѣтилъ такимъ же браннымъ словомъ; но, когда предсѣдательствовавшій предложилъ принять и противъ него ту же дисциплинарную мѣру, результатъ получился другой. Въ объясненіи своемъ г. Шубинскій выразилъ предположеніе, что каждый, на его мѣстѣ, поступилъ бы хуже, чѣмъ онъ. «Если бы у меня», воскликнулъ онъ, «былъ револьверъ, я не знаю, что бы я сдѣлалъ». Эти слова вызвали бурныя рукоплесканія правыхъ и націоналистовъ, и предложеніе исключить г. Шубинскаго на одно засѣданіе было отвергнуто 111 голосами противъ 108. Самыя цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что въ большинствѣ голосовали какъ члены центра, такъ и нѣкоторые октябристы. И это тѣмъ болѣе знаменательно, что отклоненіемъ предложенія, сдѣланнаго предсѣдательствовавшимъ, впервые былъ нарушенъ обычай, въ силу котораго дисциплинарныя распоряженія президіума всегда находили поддержку въ большинствѣ Думы. Предсѣдательствовавшій въ засѣданіи 13-го мая А. И. Коноваловъ тотчасъ же, какъ и слѣдовало ожидать, сложилъ съ себя званіе товарища предсѣдателя. Его примѣру не послѣдовали предсѣдатель и другой товарищъ предсѣдателя, хотя они и заявляли передъ тѣмъ о полной солидарности своей съ А. И. Коноваловымъ. Новые выборы покажутъ, возстановится ли соглашеніе между центромъ и оппозиціей, благодаря которому четвертая Дума хоть въ нѣкоторые, слишкомъ рѣдкіе моменты, отличалась отъ третьей.

Отказываясь осудить г. Шубинскаго, большинство Думы не только санкціонировало возможность безнаказаннаго игнорированія элементарныхъ требованій приличія,—оно покрыло своимъ вотумомъ нарушеніе гораздо болѣе важныхъ нравственныхъ требованій. Такія слова,

какія были сказаны г. Шубинскимъ по адресу своихъ политическихъ противниковъ, не должны оставаться безъ воздѣйствія со стороны президіума и Думы; не должны какъ потому, что они, ни мало не касаясь предмета преній, вносятъ въ нихъ личное раздраженіе, дѣлаютъ ихъ отголоскомъ слуховъ и сплетенъ, такъ и потому, что Думѣ не подобаетъ вторгаться въ область суда, предрѣшать еще не состоявшіеся, или эксплоатировать, вкривь и вкось, состоявшіеся судебные приговоры.

Мы понимаемъ, что поводомъ къ дисциплинарному взысканію выходка г. Шубинскаго служить не могла: слишкомъ осторожна, хотя и прозрачна, была форма, въ которой былъ брошенъ намекъ. Но для остановки оратора, для призыва его къ порядку основаніе имѣлось вполнѣ достаточное, и нельзя не пожалѣть, что это не было сдѣлано предсѣдательствовавшимъ. Еще болѣе необходимо было остановить депутата Пуришкевича, когда онъ, въ своемъ объясненіи, произнесъ поистинѣ непозволительныя слова. Но разъ что послѣ обвиненія, прикрыто, но ясно звучавшаго въ рѣчи г. Шубинскаго, онъ оказался виновнымъ и въ формальномъ нарушеніи приличій, отпускать его съ миромъ, послѣ того, какъ исключены деп. Милюковъ и Керенскій, думское большинство не имѣло нравственнаго права. И неужели депутаты, голосовавшіе съ большинствомъ, вѣрятъ въ сказку о подкупѣ, орудіемъ котораго послужили, будто бы, финляндскія деньги? На что всего больше напирали въ своихъ рѣчахъ передъ окружнымъ судомъ защитники г. Глинки-Янчевскаго? На то, что присылка денегъ въ типографію, гдѣ печатается «Рѣчь», совпала, приблизительно, по времени съ статьями и рѣчами, отстаивавшими права финляндскаго народа. Неужели, однако, такъ трудно повѣрить, что въ основѣ этихъ статей и рѣчей лежало глубокое, искреннее убѣжденіе? За неприкосновенность финляндскаго государственнаго строя всегда, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, открыто стояла вся русская прогрессивная печать, голосъ которой былъ голосомъ всего прогрессивнаго въ русскомъ обществѣ. Что же удивительнаго въ томъ, что, въ критическую минуту, сторонники финляндской самобытности остались вѣрными самимъ себѣ? Неужели такъ широко господство «темныхъ денегъ», что вездѣ и во всемъ видится и подозрѣвается ихъ вліяніе? Если это такъ, то какъ низко упалъ уровень общественной нравственности!

К. Арсеньевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— «Очерки и рѣчи. В. Ключевскаго. Москва 1913».

«Очерки и рѣчи» изданы уже послѣ смерти автора, но В. О. Ключевскій самъ задумалъ изданіе этой книги, въ которой онъ объединилъ статьи, печатавшіяся въ различное время въ періодической печати, и произнесенныя имъ рѣчи.

Въ сборникъ вошли статьи разнообразнаго содержанія; нѣсколько статей посвящены памяти Соловьева, который былъ учителемъ В. О. Ключевскаго и вліяніе котораго на себя онъ цѣнилъ. Любовью къ учителю, преклоненіемъ передъ его научными заслугами проникнуты всѣ три статьи, характеризующія Соловьева какъ человѣка, преподавателя и ученаго. Ключевскій говоритъ:

«Слушая Соловьева, мы, студенты, смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозданіе, чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, которая когда-то была исполнена надъ самимъ собой этимъ человѣкомъ и которую должно рано или поздно исполнить надъ собой каждому изъ насъ, если онъ захочетъ стать настоящимъ человѣкомъ. Этимъ особенно усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева... Послѣ, ставъ ближе къ Соловьеву и начавъ готовиться къ профессурѣ подъ его руководствомъ, я получилъ нѣкоторую возможность слѣдить за непрерывной, строго размѣренной и разнообразной работой неутомимаго ума, и я понялъ, во что обходится эта гармонія мысли и слова». Ключевскій подробно характеризуетъ Соловьева какъ историка. «Въ 1845 году, когда появилось его первое изслѣдованіе по русской исторіи и до послѣдней строки, имъ написанной незадолго до смерти, онъ работалъ въ одномъ направленіи, которое прямо или косвенно отразилось на ходѣ всей русской исторической литературы. Въ движеніи русской исторіографіи это время можно смѣло обозначить именемъ Соловьева. Живущіе нынѣ писатели, вмѣстѣ съ нимъ наи-

болѣе поработавшіе надъ исторіей своего отечества, охотно согласятся съ этимъ. Вооружившись пріемами и задачами, выработанными исторической наукой первой половины нашего вѣка, онъ первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины IX до послѣдней четверти XVIII вѣка. Связалъ одною мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи».

Въ цѣломъ рядѣ статей сборника Ключевскій останавливается на характеристикѣ различныхъ историческихъ личностей и на ихъ значеніи въ исторіи Россіи. Передъ читателемъ проходятъ ярко и выпукло обрисованные образы Екатерины II, Петра Великаго и его сотрудниковъ, въ воспоминаніи о Новиковѣ и объ его времени разсказывается о томъ, какъ кружокъ Новикова сталъ посредникомъ, черезъ котораго завязалось тѣсное нравственное общеніе между московскимъ обществомъ и Московскимъ университетомъ, объ Новиковскомъ десятилѣтіи, которое было одною изъ лучшихъ эпохъ въ исторіи русскаго университета. Ключевскій любитъ Петра I, Екатерину II, Новикова, и симпатіи автора къ образамъ, имъ обрисованнымъ, передаются читателю. Ключевскій не только стремится воскресить наше прошлое, понять и оживить его, обращаясь къ лицамъ, сыгравшимъ ту или другую роль въ исторіи, онъ ищетъ исторической правды въ художественной литературѣ, связывая въ одно цѣлое отдѣльные литературные типы и объясняя ихъ происхожденіе и ихъ связь съ русскою дѣйствительностью.

Въ этихъ статьяхъ онъ встаетъ передъ нами какъ тонкій изслѣдователь и художникъ. Онъ рисуетъ передъ читателемъ родословную героевъ нашей художественной литературы, начиная ее съ XVII вѣка и кончая Евгеніемъ Онѣгинымъ. Скучающій отъ бездѣлья Евгеній Онѣгинъ былъ въ прямой нисходящей поэтическимъ потомкомъ Ордина Нащекина. «Это русскій человѣкъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ. Вотъ ужъ 200 лѣтъ этотъ типъ господствуетъ надъ остальными и по вліянію на наше общество и по своему интересу для историка». При всей измѣнчивости основныя черты типа остаются тѣ же во всѣхъ фазахъ его развитія. Ключевскій въ рѣчи, произнесенной въ день открытія памятника Пушкину, подходитъ къ Пушкину, какъ къ поэтическому лѣтописцу своего времени; все, написанное Пушкинымъ, онъ считаетъ историческимъ документомъ. «Пушкинъ наблюдалъ вокругъ себя и создалъ свою эпопею Евгенія Онѣгина. Сознательно или нѣтъ, въ разновременныхъ варіантахъ того же типа съ особенною любовью останавливался онъ и на пре-

даніяхъ прошедшаго. Этимъ онъ и помогъ много историку въ изученіи любопытнаго типа». Въ длинномъ рядѣ эскизовъ и повѣстей: въ «Арапѣ Петра Великаго», въ «Дубровскомъ», въ «Капитанской дочкѣ» и др. передъ читателемъ проходятъ разнохарактерныя фигуры этого типа, появлявшіяся на пространствѣ слишкомъ ста лѣтъ.

Позади всѣхъ стоитъ чопорный Гаврила Аѳанасьевичъ Р. въ «Арапѣ Петра Великаго»; это невольный, зачисленный въ европейцы по указу русскій. Всѣ его понятія и симпатіи принадлежатъ еще старой неевропейской Россіи. Это еще не типъ европеизованнаго русскаго, а скорѣе русская гримаса европеизаціи, первая и кислая. Объ Арапѣ Ибрагимѣ можно только догадаться по нѣкоторымъ штрихамъ, что изъ него долженъ былъ выйти одинъ изъ Петровскихъ дѣльцовъ. Это характеры рѣзкіе и жесткіе, но хрупкіе по недостатку гибкости и потому не живучіе. Они вымирали уже при Екатеринѣ II, зато живучъ былъ общественно - физіологическій видъ, представленный въ лицѣ молодого К. Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизаціи въ парижскихъ салонахъ. Это русскій петиметръ XVIII в. «При Петрѣ ему холодно и неловко въ его нарядномъ кафтанѣ среди дѣловыхъ людей, которые скидали свои дѣловыя куртки только по праздникамъ.Троекуровъ въ «Дубровскомъ» петиметръ, постарѣвшій въ отставкѣ, пріѣхавшій въ деревню дурить на досугѣ. У младшихъ Петровскихъ дѣльцовъ часто бывали такія дѣти. Живя въ болѣе распущенное время, они теряли знанія и выдержку отцовъ, не теряя ихъ аппетитовъ и вкусовъ. Особенно удался Пушкину въ «Дубровскомъ» кн. Верейскій. Это настоящее созданіе Екатерининской эпохи, цвѣтокъ, выросшій на почвѣ закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянскаго просвѣщенія». Среди образовъ XVIII вѣка не могъ Пушкинъ не отмѣтить и недоросля и отмѣтить его безпристрастнѣе Фонвизина; въ исторической дѣйствительности недоросль не карикатура и не анекдотъ, а самое простое вседневное явленіе. Это самый обыкновенный русскій дворянинъ средней руки. Пушкинъ отмѣтилъ 2 вида недоросля или, точнѣе, 2 момента въ его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой—въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, уже человѣкѣ XIX вѣка, временъ новѣйшихъ Митрофановъ. Художественно-историческіе портреты намѣчаются у Пушкина его современникомъ Е. Онѣгинымъ. Поэма Пушкина разсказываетъ намъ, чѣмъ стали люди, чаявшіе обновленія Россіи послѣ 25 л.

Въ описаніи исторіи русскаго общества, которую набрасываетъ Ключевскій въ своихъ статьяхъ, его умѣнье нѣсколькими штрихами дать художественно законченный образъ проявляется въ выс-

шей степени; тотъ же необыкновенно тонкій анализъ и изящество изложенія находимъ мы и въ остальныхъ статьяхъ сборника: добрые люди древней Руси, Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи XVII вѣка и др. Сборникъ носитъ публицистическій характеръ и будетъ интересенъ широкой публикѣ.

А. Т.

— Матеріалы для исторіи русской журналистики. Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Письма къ Гольцеву. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Скончавшійся въ 1906 году Викторъ Александровичъ Гольцевъ, извѣстный редакторъ «Русской Мысли» и общественный дѣятель, оставилъ по себѣ обширный архивъ писемъ представителей литературы, науки, искусства и общественности, объединявшихся при всемъ различіи интересовъ, понятій и соціально-политическихъ убѣжденій около журнала въ лучшіе его годы. Часть писемъ (очень незначительная) была уже помѣщена въ сборникѣ «Памяти В. А. Гольцева», вышедшемъ въ 1910 году. Всѣ письма, первый томъ которыхъ нынѣ появился въ свѣтъ, относятся къ періоду 1883—1905 годовъ. Они даютъ матеріалъ не только для исторіи журналистики и въ частности «Русской Мысли», но и для біографіи многихъ литературныхъ дѣятелей.

Архивъ открывается письмами Глѣба Успенскаго. Это—сплошной, рѣжущій сердце вопль о вопіющей матеріальной нуждѣ писателя. Годъ за годомъ развертывается жестокая исторія его денежныхъ затрудненій, послѣднихъ произведеній, писанныхъ подъ постояннымъ давленіемъ этой нужды, и, наконецъ, болѣзни; она налагала все неуклоннѣе руку на его душу и писательство, отъ чего онъ жестоко страдалъ и физически и морально, чувствуя упадокъ силъ и таланта. Почти столь же обширна и переписка Короленка съ Гольцевымъ. Здѣсь очень много подробностей о жизни В. Г. въ Нижнемъ при губернаторствѣ Баранова, которыя даютъ крайне типичную для русской провинціи картину бытового положенія въ ней независимыхъ людей, тѣмъ болѣе прикосновенныхъ къ печати. Довольно много говорится и о произведеніяхъ Короленка, печатавшихся въ «Русской Мысли», между прочимъ, подробно разсказано предположенное авторомъ и не осуществленное по винѣ цензуры окончаніе повѣсти

«Прохоръ и студенты». Разсѣянныя тамъ и сямъ признанія Короленка о процессѣ его художественнаго творчества и о произведеніяхъ будутъ очень важны для позднѣйшихъ изученій его писаній. Менѣе обширны, хотя мѣстами не менѣе интересны, собранія писемъ другихъ лицъ, вошедшія въ первый томъ гольцевскаго архива, письма Михайловскаго, Салтыкова (только одно письмо), Якубовича, Анненскаго, Лесевича, Шелгунова, Скабичевскаго и Мамина-Сибиряка.

Ч. В—скій.

— Les idées modernes sur la constitution de la matière. Paris. Gauthiers-Villars, 1913 г.

Эта, весьма цѣнная книга составилась изъ ряда лекцій, прочитанныхъ въ 1912 г. во французскомъ физическомъ обществѣ такими выдающимися представителями французской науки, какъ Ж. Перрэнъ, П. Ланжевэнъ, А. Пуанкарэ, г-жа Кюри и т. д. Въ своей совокупности лекціи эти даютъ очень полное представленіе о тѣхъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ и теоретическихъ построеніяхъ, которыя привели къ полному торжеству идеи прерывности въ современной физикѣ (доказательство реальности атомовъ, ученіе объ атомѣ электричества—электронѣ, атомѣ магнетизма—магнетонѣ, атомѣ энергіи—знаменитые «кванты» Планка и т. д.).

Книга открывается большой статьей Перрэна «Доказательства реальности молекулъ», въ которой онъ еще разъ излагаетъ основныя идеи и результаты своихъ знаменитыхъ опытовъ надъ броуновымъ движеніемъ, заставившихъ даже В. Оствальда, этого протагониста, «свободнаго отъ гипотезъ» естествознанія, признать реальное существованіе атомовъ. Въ статьѣ Перрэна приводятся также результаты многочисленныхъ другихъ изслѣдованій по вопросу объ опредѣленіи величины и числа молекулъ,—изслѣдованій, производившихся въ такихъ разнородныхъ областяхъ, какъ явленія радіоактивности, объясненіе синевы неба, вязкость газовъ, спектръ чернаго тѣла и т. д. Если принять во вниманіе трудность и сложность подобнаго рода изслѣдованій, то согласіе полученныхъ при этомъ результатовъ представляется, дѣйствительно, удивительнымъ. Я позволю себѣ привести изъ доклада Перрэна таблицу, въ которой дана сводка различныхъ опредѣленій числа N (количества молекулъ, содержащихся въ одной граммъ-молекулѣ).

		N
Наблюденныя явленія		10,22
Вязкость газовъ (уравненіе ван-дер-Ваальса) . .		62
Броуново движеніе.	Распредѣленіе зеренъ .	68,3
	Переносное движеніе .	68,8
	Вращательное движеніе .	65
	Диффузія	69
Неправильное распредѣленіе молекулъ.	Критическая опалесценція	75
	Синева неба	60
Зарядъ сферическихъ частицъ (въ газѣ)		64
Радіоактивность.	Зарядъ α-частицъ. . .	62,5
	Масса образованнаго гелія	65
	Масса исчезнувшаго радія	71
	Энергія излученія . . .	60
Спектръ черного тѣла		64

Эта таблица, какъ бы ни истолковывать ея значеніе (т. е. признавать ли на основаніи ея чувственную реальность атомовъ или же думать, что она выражаетъ просто нѣкоторую глубокую внутреннюю связь разнородныхъ физическихъ явленій), свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о томъ, что современныя физическія теоріи, построенныя въ различныхъ, несвязанныхъ, повидимому, между собою областяхъ естествознанія, имѣютъ какую-то общую точку схожденія.

Слѣдующая статья П. Ланжевена («Зерна электричества и электромагнитная динамика») показываетъ, какъ электронная теорія даетъ возможность объяснить колоссальное количество фактовъ изъ области электромагнитизма и оптики.

Статья Э. Бауера («Элементарныя количества энергіи и дѣйствія») посвящена волнующей теперь ученый міръ теоріи квантъ Планка. Дѣло здѣсь въ слѣдующемъ: если къ явленіямъ излученія примѣнить нѣкоторыя, твердо установленныя, теоремы статической механики, то мы приходимъ къ теоретическимъ результатамъ, рѣзко противорѣчащимъ опытнымъ даннымъ. Никакія попытки устранить это противорѣчіе не приводили къ желанному результату. Планку принадлежитъ необыкновенно смѣлая идея, согласно которой обмѣнъ лучистой энергіи между атомами происходитъ *прерывно*, скачками. Существуетъ нѣкоторый недѣлимый минимумъ энергіи, какъ бы атомъ ея; матеріальныя молекулы или атомы могутъ обладать лишь этимъ минимумомъ энергіи или цѣлыми кратными отъ него (т. е., если назвать этотъ минимумъ черезъ h, то атомы могутъ обладать или h, или 2h, 3h, 4h.... и т. д. энергіи).

Это ученіе о скачкообразномъ обмѣнѣ энергіи кажется необыкновенно парадоксальнымъ съ точки зрѣнія нашихъ обычныхъ представленій. Но въ рукахъ Планка и другихъ изслѣдователей оно оказалось необыкновенно плодотворнымъ, устранивъ вышеуказанное противорѣчіе и давъ возможность открыть цѣлый рядъ новыхъ закономѣрностей. Эта теорія квантъ несетъ съ собой свои новыя трудности, подъ вліяніемъ которыхъ самъ Планкъ уже измѣнилъ первоначальную формулировку своей теоріи. Въ этой области физики все еще неоформлено, все еще находится въ броженіи.

Изъ прочихъ статей назову еще статьи г-жи Кюри («Излученія радіоактивныхъ тѣлъ»), А. Дебіерна («Радіоактивныя преобразованія»), П. Вейсса («Магнитные моменты атомовъ и магнетонъ»). Сборникъ заканчивается резюмирующей всѣ доклады статьей А. Пуанкарэ («Отношенія между матеріей и эѳиромъ»), въ которой указаны и новыя завоеванія физики и новыя, выросшія при этомъ, трудности.

Сборникъ «Les idées modernes»—равно какъ и вышедшій годомъ ранѣе въ томъ же издательствѣ сборникъ «La théorie du rayonnement et les quanta»—несомнѣнно, долгое время будутъ служить сокровищницей для всѣхъ, интересующихся успѣхами точнаго знанія.

П. Юшкевичъ.

— Ант. Гинкенъ. О чтеніи и книгахъ. Выпускъ I. Очеркъ исторіи книгъ и книгохранилищъ. СПБ. 1913.

«Очеркъ исторіи книгъ и книгохранилищъ» г. Гинкена представляетъ собою первый выпускъ изъ задуманной авторомъ очерка серіи подъ общимъ заглавіемъ «О чтеніи и книгахъ». По своему характеру этотъ очеркъ является какъ бы историческихъ введеніемъ къ послѣдующимъ номерамъ серіи, которые—насколько можно судить по предполагаемой авторомъ программѣ—будутъ носить иной, скорѣе догматическій отпечатокъ.

На протяженіи 133 страницъ небольшого формата авторъ даетъ довольно ясный абрисъ затронутаго вопроса. Онъ развертываетъ передъ читателемъ картину того развитія, которое прошла книга, начиная отъ древне-вавилонскихъ клинообразныхъ письменъ на глинѣ вплоть до изданій нашего времени. Параллельно съ этимъ авторъ указываетъ и тотъ путь, на которомъ образовалось и по которому шло библіотечное дѣло. Однако, намъ кажется, что ясности «очерка» нѣсколько вредитъ его сжатость, граничащая мѣстами съ сухой

схемой. Есть въ немъ промахи и другого рода, хотя, правда, они большею частью незначительны и число ихъ невелико. Напримѣръ, авторъ неправильно толкуетъ приводимый имъ на стр. 7—8 отрывокъ изъ Tristes Овидія. Въ словахъ послѣдняго «кедръ да не наполняетъ благоуханіемъ твоихъ листьевъ» (говорится о свиткѣ папируса) вовсе не слѣдуетъ искать намека на стержень кедроваго дерева для навертыванія свитка, какъ это дѣлаетъ г. Гинкенъ, ибо здѣсь Овидій имѣетъ въ виду кедровое масло, которымъ обычно покрывали поверхность папируса для предохраненія его отъ порчи. Повидимому, авторъ мало знакомъ со спеціальною литературой затронутаго имъ вопроса, касающейся античнаго времени. А между тѣмъ нѣкоторые изъ такихъ трудовъ, напримѣръ, работы Бирта и Ганья (Gagnat), могли бы оказать существенную помощь. Во всякомъ случаѣ сослаться на нихъ было бы умѣстнѣе, нежели на «Алтарь Побѣды» Брюсова (стр. 20). Впрочемъ, всѣ эти и подобные имъ недочеты, какъ мы уже сказали, не такъ значительны. Сравнительно важнѣе — недостаточная продуманность плана работы: въ томъ видѣ, какой придалъ ей авторъ, брошюра носитъ характеръ скорѣе справочника, нежели настоящаго очерка. Будемъ надѣяться, что указаннаго промаха авторъ избѣжитъ въ послѣдующихъ номерахъ серіи; а ждать этихъ номеровъ—на основаніи знакомства съ первымъ—можно съ интересомъ.

Б. П. Ивановъ.

— П. И. Новгородцевъ, Политическіе идеалы древняго и новаго міра. В. II. Стр. 96. Москва, 1913. Ц. 50 к.

Предлагаемый вниманію читателей очеркъ извѣстнаго профессора по философіи права представляетъ собою изслѣдованіе относительно жизни и ученія великаго философа древности—*Платона*. Свой очеркъ авторъ подраздѣляетъ на семь параграфовъ или главъ, содержаніе каковыхъ слѣдующее: 1. Общая характеристика Платона. 2. Первая стадія. «Горгій», какъ первое начертаніе политическаго идеала Платона. 3. Философское міросозерцаніе Платона. 4. Ученіе Платона объ естественномъ правѣ. 5. Политическое ученіе Платона въ діалогѣ «Государство». 6. Положительныя основы построеній Платона въ діалогѣ «Государство». 7. Политическія воззрѣнія Платона въ послѣдній періодъ его дѣятельности.

Какъ извѣстно, по преданію, наканунѣ прихода Платона къ своему будущему учителю Сократу, Сократъ видѣлъ знаменательный сонъ: къ нему прилетѣлъ съ чарующимъ пѣніемъ лебедь—птица

Аполлона. И вотъ, когда на другой день Сократъ въ первый разъ увидѣлъ пришедшаго къ нему прекраснаго и жаждущаго познаній аѳинскаго юношу, онъ понялъ смыслъ сновидѣнія. «Древняя сага—говоритъ авторъ—украсила этимъ вымысломъ отношенія ученика къ учителю въ самомъ ихъ возникновеніи и подчеркнула значеніе встрѣчи для обѣихъ сторонъ. Если справедливо, что безъ Сократа не было бы вѣроятно Платона, то, съ другой стороны, безъ Платона мы имѣли бы лишь искаженное и невѣрное представленіе о Сократѣ. Это былъ знаменательный союзъ двухъ умовъ, одинаково важный и цѣнный для обоихъ». Ибо, только благодаря генію Платона, завѣты Сократа получили, какъ бы, конкретное воплощеніе и прекрасное завершеніе въ системѣ Платона, особенности философскаго генія и условія развитія котораго «способствовали тому, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ греческихъ мыслителей, стремился приблизить политическую жизнь къ идеалу высшаго нравственнаго совершенства», какъ говоритъ авторъ. Недаромъ древняя поэтическая сага назвала его сыномъ Аполлона—посредникомъ между идеальнымъ міромъ и земной дѣйствительностью.

Въ жизни и, даже, въ наукѣ (особенно средневѣковой) распространено мнѣніе, согласно которому «философомъ вѣковъ» почитается безпорно Аристотель, создавшій свою знаменитую «первую философію», познающую высшую и послѣднюю связь всего сущаго, всего бытія. «Но—говоритъ авторъ—быть можетъ, съ еще большимъ правомъ можно говорить, какъ о философѣ вѣковъ, о Платонѣ. Удивительна та сила, съ которой онъ, переживъ столько смѣняющихся настроеній и эпохъ, по-прежнему продолжаетъ властвовать надъ умами и увлекать глубиною мысли, блескомъ изложенія и возвышеннымъ идеализмомъ убѣжденій. Послѣ смерти Платона, въ основанной имъ академіи около девятисотъ лѣтъ сохранялась философская традиція его школы; эта традиція возродилась въ средніе вѣка, вошла могущественнымъ началомъ въ философію эпохи возрожденія и съ тѣхъ поръ уже не забывается болѣе, такъ или иначе отражаясь на различныхъ теченіяхъ философской мысли...»

Въ развитіи философско-политической мысли Платона авторъ различаетъ три стадіи. Первая стадія, занимающая время между 399 и 380 годами до Р. Хр., характеризуется такими діалогами, какъ «*Апологія Сократа*», «*Критонъ*» и «*Горгій*». Произведенія этой эпохи свидѣтельствуютъ о томъ, что Платонъ уже побѣдилъ въ себѣ безысходную скорбь первой минуты, овладѣвшую имъ послѣ праведной смерти Сократа. И хотя пессимистическое настроеніе тутъ еще преобладаетъ, но уже виденъ и ясный выходъ къ бодрой вѣрѣ въ превозмогающую силу высшей правды и истины. «*Правед-*

никъ погибъ, но *правда* осталась!»—такъ рѣшаетъ Платонъ въ итогѣ своихъ размышленій надъ смертью учителя. Она осталась въ томъ царствѣ идей, откуда Сократъ принесъ ее съ собою на землю. И развѣ казнь властна надъ идеей? Умираетъ только смертное, но внутренняя сила идеи вѣчна. Подъ вліяніемъ этихъ созерцаній у Платона создается рѣзкое отрицательное отношеніе ко всему окружающему строю жизни. Но, помня великій завѣтъ Сократа о нравственной обязанности просвѣщать людей, Платонъ обнаруживаетъ очевидное намѣреніе вслѣдъ за своимъ учителемъ просвѣщать своихъ согражданъ, поучая ихъ высшей правдѣ и истинѣ, и создаетъ первое начертаніе положительныхъ основъ политической жизни.

Вторая стадія его философско-политической дѣятельности, приходящаяся на 380—367 годы и характеризующаяся такимъ діалогомъ, какъ «*Государство*», замѣчательна стремленіемъ дать законченный идеалъ общественнаго устройства въ духѣ завѣтовъ Сократа. «Тò,—говоритъ авторъ,—что лишь предносилось Сократу и самому Платону въ первые годы его дѣятельности, облекается теперь въ конкретную форму совершеннаго общества. По мѣрѣ того, какъ зрѣла его философская мысль, и первые опыты жизни отходили въ даль прошлаго, у него крѣпло стремленіе—дѣйствовать. Уяснивъ себѣ истину, онъ жаждетъ осуществить ее среди людей, онъ не упускаетъ представляющихся возможностей, чтобы выступить реформаторомъ и пророкомъ. Это была потребность сильной натуры, для которой слово должно стать дѣломъ и мысль—фактомъ». Такимъ образомъ, вторая стадія—это высшій подъемъ философской мысли и общественно-политической дѣятельности Платона.

Наконецъ, третья стадія, относящаяся къ 367—347 годамъ и ознаменовавшаяся такими главными діалогами, какъ «*Политикъ*» и «*Законы*», уже свидѣтельствуетъ объ утратѣ прежняго энтузіазма Платона, пережившаго крушеніе своей практическо-реформаторской дѣятельности. «Мысль Платона,—говоритъ авторъ,—какъ бы утрачиваетъ крылья, и въ томъ діалогѣ, который заключаетъ собою эту стадію и который носитъ названіе «Законы», вмѣсто творческаго полета вдохновенія, мы находимъ лишь величайшее напряженіе вниманія къ мелочамъ и подробностямъ». И тѣмъ не менѣе, предъ самой смертью онъ еще лелѣетъ свою лучшую мечту—просвѣтить людей свѣтомъ истины и перестроить жизнь на началахъ справедливости. Но тягость испытанныхъ разочарованій пригибаетъ эту мечту къ землѣ, и горькій опытъ жизни омрачаетъ лучшія намѣренія...

Таково пониманіе автора политической философіи Платона. Мы указали бы только на недостаточность объясненія развитія идей Пла-

тона въ зависимости отъ *личныхъ* испытаній и *личныхъ* условій жизни великаго философа-идеалиста. По нашему мнѣнію, подпочва всей политической философіи Платона объясняется тѣмъ культурно-историческимъ моментомъ, въ которомъ жилъ Платонъ. А именно, она имѣетъ свои корни въ томъ *культурно-историческомъ кризисѣ*, который переживала тогда античная жизнь и мысль, когда разрушались только-что властвовавшія истины и низвергались авторитеты.

П. Е. Михайловъ.

— М. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва. М. 1914. Ц. 1 р. Стр. 120.

— Его же. Декабристъ Кривцовъ и его братья. М. 1914. Ц. 2 р. Стр. 299.

«Предлагаемая книжка есть опытъ исторической иллюстраціи къ «Горе отъ ума»—читаемъ въ предисловіи автора къ «Грибоѣдовской Москвѣ»:—«попытка представить возможно нагляднымъ образомъ уголокъ той подлинной, реальной дѣйствительности, которую Грибоѣдовъ, творчески преображая, изобразилъ въ геніальной комедіи». Какъ иллюстрація къ произведенію, охватившему все разнообразіе и обыденныхъ и живыхъ идейныхъ настроеній эпохи, книжка г. Гершензона страдаетъ нѣкоторою недостаточностью. Въ основѣ ея лежитъ семейная переписка Римскихъ-Корсаковыхъ, дѣйствительно живьемъ вводящая въ міръ героевъ грибоѣдовщины, но здѣсь предъ нами встаетъ только старая Москва дворянскаго уклада съ ея обыденными заботами и грѣшками праздно-веселящейся жизни. Почти не представлена Москва идейная, та, которая, дѣйствительно, переживала «горе отъ ума». Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ значительно вышелъ, и къ большому удовольствію читателя, изъ рамокъ иллюстраціи собственно грибоѣдовской Москвы; избранный имъ уголокъ жизни захватываетъ Москву вплоть до временъ Льва Толстого съ его «Анною Карениной». Въ итогѣ авторъ даетъ необыкновенно занимательный этюдъ, вложивъ въ него истинную прелесть разсказа почти очевидца: герои повѣствованія и маленькія и большія событія ихъ жизни имъ прочувствованы. Предъ нами живыя лица, всю подноготную которыхъ мы узнали, живетъ и дышитъ подлинная и потому всѣмъ равно интересная живая жизнь. «Быль за сказкой не угонится»—надписалъ авторъ къ своему этюду. Такой разсказъ о были не уступаетъ вымыслу художественною и историческою правдою.

Тотъ же характеръ любовнаго, бережнаго воспроизведенія полноты былой жизни носитъ и книга «Декабристъ Кривцовъ и его братья». «Мнѣ было увлекательно вглядываться въ эту повседневную

жизнь, слѣдить за снованіемъ ея маленькихъ челноковъ, какъ будто случайно переплетавшихъ нити по всѣмъ направленіямъ, и однако выводившихъ прекрасный сложный узоръ, «вовсе не случайный»,— говоритъ авторъ. Это—тотъ же, что и въ «Грибоѣдовской Москвѣ», мотивъ созерцанія былого. Но здѣсь взяты фигуры болѣе крупныя, нежели герои «Грибоѣдовской Москвы», и жизнь Кривцовыхъ естественно вяжется не съ бытовымъ только фономъ старой Москвы, но и со сложною духовною жизнью эпохи, съ движеніемъ общественно-политическихъ умственныхъ и моральныхъ настроеній. Автору удался замыселъ «углубиться въ одной точкѣ прошлаго—до основныхъ теченій исторіи, разсказать судьбы одной семьи такъ, чтобы сквозь нихъ стало видимо движеніе общественно-психологическихъ силъ». Захватывая глубокій кризисъ, пережитый русскимъ обществомъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, книга о Кривцовыхъ существенно дополняетъ «Грибоѣдовскую Москву». Однако, должно сказать, что наиболѣе интересною личностью въ хроникѣ семьи Кривцовыхъ выступаетъ не третьестепенный декабристъ Кривцовъ, а его старшій братъ Николай, извѣстный въ литературѣ, какъ другъ Пушкина, и еще болѣе замѣчательный своею карьерой неприспособленнаго къ русской дѣйствительности реформатора-самодура. Это было типичное для русской жизни соединеніе въ одномъ лицѣ послѣднихъ словъ культурнаго и идейнаго развитія съ самою первобытною рассейскою необузданностью, воплощеніе денисовскаго «Мирабо», который «стараго Гаврила за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло».

Ч. В—скій.

— Э. Н. и Дж. Э. Партриджъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. Москва. 1914.

Въ американской педагогической практикѣ болѣе и болѣе получаетъ примѣненіе методъ воспитательно-образовательнаго воздѣйствія на ребенка путемъ разсказовъ. Подъ этимъ словомъ понимается здѣсь, конечно, не устное систематическое преподаваніе разныхъ наукъ въ семьѣ и школѣ. Разсказъ, о которомъ мы говоримъ, состоитъ въ изложеніи сказокъ, басенъ, сагъ, событій, біографій и т. д., изложеніи, въ которомъ художественная сторона играетъ не меньшую роль, чѣмъ содержаніе, такъ какъ онъ имѣетъ задачей затронуть не одинъ умъ, а болѣе разнообразныя и глубокія чувства ребенка и, по выраженію вступительной статьи А. М. Калмыковой, вызвать въ дѣтяхъ «высокія душевныя настроенія, цѣнныя внутреннія

переживанія, чѣмъ единственно осуществляется ростъ моральныхъ силъ». Книжка супруговъ Партриджъ, изъ коихъ одинъ состоялъ профессоромъ психологіи въ университетѣ, а другая—разсказчицей въ школахъ и дѣтскихъ клубахъ,—имѣетъ задачей обосновать систему разсказовъ, какъ важный педагогическій пріемъ, дать нѣкоторыя указанія лицамъ, выступающимъ разсказчиками, и привести образцы разсказовъ.—Обращаясь къ разсказамъ, какъ средству воспитательнаго воздѣйствія, американскіе педагоги не вводятъ чего-либо совершенно новаго. Они только возвращаются къ тому методу одновременно и развлеченія, и воспитательнаго (въ широкомъ смыслѣ слова) воздѣйствія, который повсемѣстно господствовалъ въ старыя времена и до сихъ поръ еще живетъ въ захолустныхъ мѣстахъ, и посредствомъ котораго запечатлѣвалась въ памяти народа его духовная культура. Этотъ методъ культурнаго воздѣйствія уничтоженъ послѣдующей дифференціацией: «учитель-чтецъ, актеръ и музыкантъ заступили мѣсто разсказчика». Но къ нему возвращаются американскіе педагоги, не совсѣмъ уяснивъ даже все его значеніе и инстинктивно чувствуя, что «въ отзывчивости ребенка ко всему пріятному и прекрасному таится какая-то сила, которую мы недостаточно учитываемъ и развиваемъ». Американскіе педагоги возвращаются не только къ древнимъ способамъ воздѣйствія на психику путемъ художественныхъ разсказовъ, но и къ древнему содержанію послѣднихъ: народнымъ сказкамъ, сагамъ и другимъ сказаніямъ. «Мы только теперь начинаемъ понимать, говорятъ авторы разсматриваемаго нами труда, какъ богата и интересна первобытная литература и какъ она цѣнна для ребенка». Первобытныя сказанія будятъ въ немъ «глубоко-заложенные инстинкты», не затрагиваемые современной культурой, и полагаютъ этимъ фундаментъ для противодѣйствія одностороннему вліянію послѣдней. Народная сказка воспитываетъ въ ребенкѣ «глубокія чувства и желанія», вызываетъ оцѣнку и предпочтеніе и содѣйствуетъ такимъ образомъ сложенію «идеаловъ и цѣнностей всей его жизни». Эпическія сказанія «рисуютъ идеальную человѣческую жизнь» и особенно умѣстны въ возрастѣ, когда возбуждаютъ героическія стремленія. Ребенку нужно «обширное поле народныхъ сказаній», чтобы вынести необходимые жизненные уроки и получить надлежащіе стимулы. Древняя народная литература особенно пригодна для воспитательнаго вліянія на ребенка, говорятъ супруги Партриджъ, не только потому, что она проникнута религіознымъ духомъ и «художественная въ ней форма соединяется съ широкимъ нравственнымъ смысломъ», но и по причинѣ того обстоятельства, что стадіи развитія ребенка соотвѣтствуютъ стадіямъ эволюціи расъ и переживанія первобытнаго человѣка такъ понятны ребенку.

Первобытная литература не составляетъ, конечно, единственнаго матерьяла для воспитательнаго воздѣйствія путемъ разсказовъ на молодое поколѣніе, подобно тому, какъ и общее религіозно-нравственное вліяніе не составляетъ единственной задачи разсказовъ. Художественно выполненный разсказъ «особенно вліяетъ на стороны человѣческой натуры, которыя еще не вполнѣ поддаются нашему контролю», «даетъ обобщающія расовыя настроенія», и этимъ легко вводитъ ребенка «въ общую жизнь», «расширяетъ кругозоръ ребенка, развиваетъ его соображеніе, увеличиваетъ его запасъ словъ и даетъ ему много свѣдѣній»; является лучшимъ способомъ «пробудить интересъ къ хорошей литературѣ и другимъ областямъ культуры». Разсказъ воздѣйствуетъ «на всѣ чувства и способности, которыя должна развивать школа»; онъ долженъ сдѣлаться поэтому необходимымъ дополненіемъ обычнаго школьнаго преподаванія, и авторы намѣчаютъ пути примѣненія разсказовъ къ преподаванію не только исторіи или религіи, но и языка и природовѣдѣнія. Необходимость введенія разсказыванія въ систему школьнаго преподаванія гг. Партриджъ мотивируютъ тѣмъ, что обычное преподаваніе даетъ знанія, а разсказъ создаетъ настроеніе; первое развиваетъ интеллектуальную, а послѣдній—эмоціональную сторону психической природы человѣка. Недостаточно, напр., знать законы природы; нужно еще почувствовать родство съ нею; и это, по мнѣнію авторовъ, составляетъ даже «самую серьезную задачу въ изученіи природы». А эта задача лучше выполнится живымъ художественнымъ разсказомъ.

Мы познакомили читателя въ общихъ чертахъ съ идеями американскихъ педагоговъ; и хотя онѣ нуждаются въ болѣе полномъ теоретическомъ обоснованіи—нельзя тѣмъ не менѣе и теперь не усмотрѣть въ нихъ цѣннаго начала. И не напрасно методъ разсказыванія американскихъ педагоговъ начинаетъ примѣняться въ Западной Европѣ.

В. В.

Д. Н. Вороновъ. „Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ въ связи съ бытомъ населенія“. Обслѣдованіе потребленія вина въ Пензенской губерніи. Ц. 50 к. Пенза. 1913.

Вопросъ объ алкоголизмѣ у насъ принадлежитъ къ числу наиболѣе острыхъ очередныхъ вопросовъ. Въ самое послѣднее время въ извѣстномъ рескриптѣ на имя министра финансовъ Барка онъ и Высочайшею волею выдвинутъ на первую очередь. Соотвѣтственно этому оффиціальная борьба съ алкоголизмомъ, начатая (оффиціаль-

но) уже давно [1]) и въ послѣдніе годы какъ бы пріостановившаяся, сейчасъ возобновилась съ удвоенной энергіей. Правда, орудіемъ этой борьбы пока-что остаются лишь циркуляры и «иныя» административныя распоряженія властей самыхъ различныхъ ранговъ, публикуемыя чуть ли не ежедневно—средства хотя и «весьма испытанныя», но все же, позволительно полагать, недостаточныя для дѣйствительной борьбы съ алкоголизмомъ.

Хочется думать, быть можетъ, и вопреки теоріи вѣроятностей, что на сей разъ на этомъ дѣло не остановится, что за циркулярами послѣдуютъ и извѣстныя мѣропріятія, болѣе дѣйствительныя. Для успѣшности этихъ будущихъ мѣропріятій прежде всего надо выяснить вопросъ о причинахъ и типахъ алкоголизма, нужно имѣть ясный отвѣтъ на вопросы о томъ, кто пьетъ, что пьетъ, какъ, когда и почему пьетъ. Въ моихъ трудахъ, посвященныхъ массовому алкоголизму въ Россіи [2]), мнѣ приходилось указывать на почти полное отсутствіе сколько-нибудь надежныхъ и детальныхъ матеріаловъ по этому вопросу. До извѣстной степени заполнить этотъ пробѣлъ и пытается Д. Н. Вороновъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ и, безусловно, единственномъ въ своемъ родѣ изслѣдованіи. Какъ правильно замѣчаетъ авторъ, погубернскіе и поуѣздные мѣсячные (и тѣмъ болѣе годичные) итоги потребленія алкоголя, публикуемые гл. упр. неокл. сборовъ и казен. прод. питей, недостаточны для выясненія причинъ алкоголизма: эти мѣсячные и годовые итоги скрадываютъ массу весьма интересныхъ въ данномъ вопросѣ моментовъ. «Такимъ образомъ», говоритъ авторъ, мы должны, не довольствуясь публикуемыми матеріалами, получить отъ мѣстныхъ акцизныхъ управленій болѣе детальныя свѣдѣнія о продажѣ вина, хотя бы по отдѣльнымъ небольшимъ районамъ, типичнымъ въ томъ или иномъ отношеніи: чисто-земледѣльческимъ, преимущественно фабрично-заводскимъ etc.

При этомъ мы можемъ имѣть совершенно точныя цифры, сколько въ каждомъ пунктѣ, гдѣ есть винныя лавки, продается вина въ *теченіе любого дня* (курсивъ мой. С. П.), въ какой посудѣ и какой крѣпости!.. «Наблюденія изо-дня въ день за движеніемъ продажи въ различныхъ мѣстностяхъ, сопоставленіе получаемыхъ кривыхъ потребленія съ измѣненіемъ условій жизни въ этихъ

[1]) Введеніе казенной винной монополіи оффиціально мотивировалось именно необходимостью борьбы съ алкоголизмомъ.

[2]) С. А. Первушинъ „Вліяніе урожаевъ въ связи съ другими экономическими факторами на потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи" (1909); его же „Опытъ по теоріи массоваго алкоголизма въ связи съ теоріей потребностей" (1912).

мѣстностяхъ должны дать намъ несравненно болѣе надежныя указанія на факторы алкоголизма, чѣмъ громоздкія и сложныя анкеты».

Работа Д. Н. Воронова и представляетъ опытъ такого детальнаго анализа по Пензенской губерніи по возможно мелкимъ районамъ. Въ результатѣ этого исключительно детальнаго и тонкаго анализа, на который понадобились масса труда и энергіи (немало и денежныхъ средствъ) авторъ вноситъ рядъ весьма существенныхъ поправокъ въ установившійся взглядъ на распредѣленіе потребленія алкоголя между городомъ и деревней, устанавливаетъ строго бытовой характеръ крестьянскаго потребленія. Конечно, всѣ эти выводы, имѣютъ значеніе лишь для земледѣльческой Пензенской губерніи и не могутъ быть распространяемы на болѣе широкій кругъ явленій: для этого необходимо производство подобныхъ цѣнныхъ изслѣдованій и по другимъ районамъ, которыхъ будемъ ждать съ нетерпѣніемъ.

Въ заключеніе не могу не остановиться на одномъ вопросѣ.

Д. Н. Вороновъ, цитируя мою замѣтку «Изслѣдованіе массоваго алкоголизма въ Россіи» („Русск. Вѣд." № 260—1912), приписываетъ мнѣ мнѣніе «о ненужности широкаго статистическаго обслѣдованія факторовъ алкоголизма». Послѣднее не совсѣмъ правильно. Въ этой своей статьѣ я лишь высказалъ сомнѣніе въ цѣлесообразности и осуществимости спеціальнаго «Всероссійскаго» анкетнаго изслѣдованія «изъ центра» (продолжаю высказывать это сомнѣніе и сейчасъ), предлагая взамѣнъ его именно «мѣстныя» изслѣдованія. Какъ извѣстно Д. Н. Воронову, и мое изслѣдованіе (1909) именно построено на анализѣ возможно болѣе мелкихъ и различныхъ въ экономическомъ отношеніи районовъ (губерній, уѣздовъ, а въ крупныхъ городахъ даже по полиц. участкамъ, различнымъ по соціальному составу населенія); въ этомъ отношеніи Д. Н. Вороновъ работаетъ тѣмъ же методомъ, который я признавалъ и признаю единственно цѣлесообразнымъ: онъ послѣдовательно продолжилъ примѣненіе этого метода до такихъ предѣловъ, о которыхъ, за недоступностью матеріала, мнѣ не приходилось и мечтать.

Теперь, послѣ выдающагося «Опыта» Д. Н. Воронова я особенно настаиваю на примѣненіи этого метода изслѣдованія алкоголизма и надѣюсь, что этотъ «Опытъ» не останется безъ продолженія. Обращаю на него *самое серьезное* вниманіе всѣхъ учрежденій, интересующихся вопросомъ массоваго алкоголизма въ Россіи.

С. Первушинъ.

— А. Н. Закъ. Нѣмцы и нѣмецкій капиталъ въ русской промышленности. Спб. 1914.

Эта книжка заключаетъ перечень основанныхъ на нѣмецкіе капиталы предпріятій въ главнѣйшихъ отрасляхъ русской промышленности и характеристику нѣмецкаго капитала, оперирующаго въ Россіи. Нѣмцы стремятся основывать въ Россіи не самостоятельныя, а зависимыя отъ германскихъ фирмъ предпріятія, избѣгаютъ новыхъ, неизвѣданныхъ районовъ, помѣщаютъ свои капиталы въ отрасли промышленности, обезпеченныя крупной доходностью, въ банковыя цѣнности и въ цѣнности, гарантированныя государствомъ. По этимъ причинамъ нѣмецкій капиталъ,—по мнѣнію автора,—менѣе желанный для насъ гость, чѣмъ, напр., капиталъ англійскій, не боящійся риска разработки природныхъ богатствъ въ мало извѣданныхъ еще районахъ Россіи.

— Е. А. Звягинцевъ. Инспекціи народныхъ училищъ. Русское общество и учебное вѣдомство въ школьномъ дѣлѣ. Москва. 1914.

Небольшая книжка г. Звягинцева, излагающая вкратцѣ исторію института инспекціи народныхъ училищъ и характеризующая роль инспекторовъ въ школьномъ дѣлѣ, касается настоящей злобы дня и великаго несчастія русскаго начальнаго образованія, отданнаго въ распоряженіе чиновниковъ, главной заботой коихъ является не улучшеніе постановки школьнаго дѣла, въ которую они нерѣдко «вносятъ даже дезорганизацію» въ мелочномъ надзорѣ, бумажное дѣлопроизводство, бездушную и все омертвляющую регламентацію даже личной жизни отданнаго въ его полное распоряженіе несчастнаго учителя. Нѣтъ, «не инспекція, а реформированное земство и городское самоуправленіе при помощи просвѣщеннаго и организованнаго учительства» можетъ поставить школу на должную высоту—заключаетъ свою интересную книжку Е. А. Звягинцевъ.

— Кооперація въ Уфимской губерніи. 1. Кредитная кооперація. Уфа. 1913.

Это изданіе уфимскаго уѣзда представляетъ болѣе общій интересъ, чѣмъ того можно ожидать по его заглавію. Подворная перепись болѣе чѣмъ 15 тысячъ членовъ кооперативовъ дала возможность автору книжки, М. П. Красильникову, характеризовать хозяйственное

ихъ положеніе и сравнить его съ положеніемъ средней крестьянской семьи, каковыя данныя вообще встрѣчаются въ литературѣ не часто. Согласно этой характеристикѣ кредитная кооперація первоначально привлекаетъ къ себѣ болѣе обезпеченныя хозяйства, а затѣмъ пополняется менѣе обезпеченными. Типичный членъ кооператива по земельному обезпеченію относится къ рядовому крестьянству, но ведетъ болѣе широкое и лучше поставленное хозяйство, что приписывается большей предпріимчивости и культурности входящаго въ кооперативъ населенія.

— А. К. фонъ-Шульцъ. Изслѣдованіе о производствѣ и торговлѣ Германіи продуктами полеводства за 30 лѣтъ, въ связи съ русско-германскимъ договоромъ. Спб. 1913.

Это изданіе Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, входящее въ серію матеріаловъ по пересмотру торговыхъ договоровъ съ Германіей, отличается отъ другихъ изданій этого рода разнообразіемъ заключенныхъ книгъ и данныхъ, касающихся и Германіи, и Россіи, и нѣкоторыхъ другихъ странъ, и группировкой матеріаловъ соотвѣтственно намѣченному авторомъ плану изслѣдованія причинъ даннаго состоянія сельскаго хозяйства въ Германіи и вліянія, какъ на это состояніе, такъ и на ввозъ въ Германію зерна изъ Россіи, хлѣбныхъ пошлинъ и ввозныхъ свидѣтельствъ. Другая цѣнная особенность труда г. Шульца заключается во множествѣ діаграммъ, употребляемыхъ имъ не для наглядности только изображенія движенія цифръ, а (по примѣру нѣкоторыхъ статистиковъ) какъ методъ изслѣдованій, облегчающій сравненіе многихъ одновременно изучаемыхъ явленій и уловленія ихъ взаимной связи. Эти части разсматриваемаго изданія представляютъ, слѣдовательно, цѣнную для каждаго экономиста сводку и наглядное графическое выраженіе массы важныхъ цифровыхъ свѣдѣній за цѣлый рядъ лѣтъ. Текстовая часть работы г. Шульца заключается въ изслѣдованіи причинъ современнаго состоянія сельскаго хозяйства въ Германіи вообще, явленіе въ области ея внѣшней торговли продуктами полеводства въ частности, равно какъ и колебанія экспорта и импорта нашихъ хлѣбовъ. Не все въ этомъ изслѣдованіи одинаково цѣнно, а заключеніе автора о сравнительной независимости ввоза въ Германію русскаго зерна отъ хлѣбныхъ пошлинъ вызвало уже отпоръ въ нашей печати. Еще удивительнѣе мысли автора, не вытекающія, впрочемъ, изъ его изслѣдованій, объ опасности, угрожающей нѣмецкому сельскому хозяйству отъ развитія индустріи и о бѣдствіи, ожидающихъ будто бы наше сельское хозяйство послѣ грядущаго упадка хозяйства нѣмецкаго. Эта мысль ка-

жется странной, такъ какъ на с. 100—104 книги судьба русскаго животноводства ставится въ зависимости отъ того, пріобрѣтемъ ли мы европейскій рынокъ для своего мяса или нѣтъ. Съ этой точки зрѣнія упадокъ сельскаго хозяйства въ Германіи, казалось бы, также благотворно отразится на русскомъ земледѣліи, какъ благодѣтельно было для датскаго хозяйства сосѣдство крупнаго потребителя продуктовъ животноводства—забросившей свое сельское хозяйство Англіи.

В. В.

Josef Sterényi. Die ungarische Industriepolitik. Wien 1913.

Венгрія является, какъ извѣстно, страной, гдѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ, развито непосредственное содѣйствіе правительственныхъ органовъ различнымъ видамъ промышленности. Авторъ рецензируемой книги: «Венгерская индустріальная политика» даетъ сжатый и содержательный очеркъ, въ которомъ характеризуется эта политика въ ея различныхъ направленіяхъ.

Промысловая политика венгерскаго правительства преслѣдуетъ три главнѣйшихъ цѣли: 1) сохраненіе и развитіе домашней промышленности, 2) возможное спасеніе падающихъ отраслей ремеслъ и 3) широкое содѣйствіе развитію фабрично-заводской промышленности.

Въ области содѣйствія домашнему труду жителей захолустныхъ мѣстностей венгерскимъ правительствомъ былъ принятъ рядъ мѣръ. Были устроены правительственныя учебныя мастерскія, въ которыхъ обучалась ремесламъ рабочая молодежь; въ настоящее время въ Венгріи существуютъ три постоянныхъ учебныхъ мастерскихъ для плетенія корзинъ, двѣ мастерскихъ для выдѣлки кружевъ и одна мастерская для изготовленія дѣтскихъ игрушекъ. Далѣе, учреждены были соотвѣтствующіе практическіе курсы для взрослыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, послѣ обученія рабочихъ въ ремесленныхъ училищахъ, для нихъ были оборудованы собственныя мастерскія. Съ 1899 г. до 1911 г. венгерское правительство израсходовало на содѣйствіе домашней индустріи 2.504.57 кронъ.

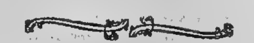
Основой всѣхъ мѣропріятій венгерскаго правительства въ цѣляхъ поощренія ремесла является организація обученія различнымъ ремесламъ. Въ настоящее время въ Венгріи существуютъ 35 ремесленныхъ школъ, въ которыхъ преподаются различныя ремесла. Кромѣ учебныхъ заведеній, венгерскимъ правительствомъ устраиваются еще спеціальные курсы и содержатся на службѣ странствующіе учителя.

Помимо этого, венгерское правительство оказываетъ и матеріальную поддержку ремесленной промышленности. Значительно поддерживаются также и кооперативы ремесленниковъ. Правительство освобождаетъ отъ налоговъ доходъ товариществъ до 6% и оказываетъ имъ, кромѣ того, и матеріальную поддержку— отчасти выдачей безпроцентныхъ ссудъ на все время существованія кооперативовъ, отчасти принятіемъ на себя части акцій. Равнымъ образомъ, правительство предоставляетъ субсидіи для покрытія расходовъ по производству, а производительнымъ товариществамъ устраиваетъ также мастерскія. Другимъ важнымъ мѣропріятіемъ правительства было предоставленіе частнымъ ремесленникамъ или товариществамъ машинъ и другихъ ремесленныхъ пособій. Интересны также мѣропріятія въ области устройства общихъ мастерскихъ и предоставленія дешевой двигательной силы. Были организованы, при значительной поддержкѣ правительства, особыя предпріятія, которыя предоставляли ремесленникамъ мастерскія съ электрической силой на опредѣленныхъ условіяхъ.

Третьей частью венгерской индустріальной политики являются мѣропріятія по поощренію фабрично-заводской промышленности. И въ этой области первое мѣсто занимаетъ спеціальное образованіе. Главнымъ мѣропріятіемъ для поощренія фабрично-заводской промышленности было предоставленіе правительственныхъ ссудъ. Что касается до кредитной поддержки, то всего была выдана 51 ссуда на 3 милл. кронъ. Помимо того, что сумма эта сама по себѣ крайне мала, самый способъ ссуженія былъ неудаченъ, и преслѣдовавшаяся при этомъ цѣль совершенно не была достигнута. Предоставленіе машинъ также не имѣетъ въ фабрично-заводской промышленности особаго значенія.

Какъ въ области ремесла, такъ и въ области фабрично-заводской промышленности обращено вниманіе на то, чтобы подряды какъ для арміи, такъ и другіе сдавались представителямъ отечественной индустріи.

К. Л.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣятельность власти въ провинціи.—Хуже или лучше теперь, чѣмъ до конституціи?—Сравненіе двухъ смежныхъ эпохъ.—Отмершія черты и народившіяся черты гражданскаго быта.—Вліяніе Государственной Думы на новыя общественныя привычки. — Прежняя и нынѣшняя печать. — Лѣвые „парламенты" по странѣ.— Открытая дѣятельность оппозиціи.—Черты „озорничества" въ провинціи.—Штрихи изъ служебнаго поведенія помѣстной администраціи.—Лѣченье озорной болѣзни.

При чтеніи газетъ поражаетъ обиліе фактовъ, характеризующихъ, мягко говоря, отрицательную дѣятельность провинціальной администраціи. Создается странное представленіе: какъ будто помѣстная власть, почти вся, начиная съ губернаторовъ, продолжая исправниками, земскими начальниками, становыми приставами и кончая урядниками и стражниками, отравленная непонятнымъ безпокойствомъ, задалась цѣлью нарушать тишину быта, искривлять развитіе общественныхъ силъ и пренебрегать самой элементарной законностью.

Нужно при этомъ вспомнить, что карающій мечъ, усѣкающій въ настоящее время съ необычайной энергіей печатное слово, разитъ прессу прежде всего за изобличеніе и критику власти. Штрафы, привлеченія къ суду, конфискаціи и прочія кары съ особенной быстротой падаютъ на газеты тогда, когда зеркало прессы начинаетъ отчетливо отражать жесты и служебную физіономію мѣстныхъ администраторовъ. Слѣдовательно, печать принуждена «изобличать» администрацію съ особенной осторожностью и оглядкой. Несомнѣнно, многое множество фактовъ о весьма рѣшительныхъ и весьма сомнительныхъ дѣйствіяхъ уѣздной и губернской власти не доходитъ до печатнаго станка. Не поднимается рука корреспондента описать ихъ или, еще чаще, слабнетъ рѣшимость редактора газеты, читающаго изобличительную замѣтку и со вздохомъ опускающаго ее въ сорную корзину вмѣсто отсылки въ типографію. И все-же изобличительныхъ фактовъ является въ печати такъ много, что, когда начинаешь подмѣчать и подбирать ихъ, то собранная въ короткое время масса случаевъ производитъ ошеломительное и удручающее впечатлѣніе.

За послѣднее время въ большомъ ходу въ обществѣ тоскливый вопросъ: «Хуже или лучше теперь живется?» Для сравненія берется, конечно, до-освободительное время, когда не было конституціи и

когда отъ отсутствія политическаго кислорода общественное удушье было тяжкимъ, но привычнымъ состояньемъ.

«Не хуже ли теперь?»—мрачно спрашиваютъ многіе общественные пессимисты и склонны рѣшать, что «хуже». Въ доказательство, между прочимъ, приводится повсемѣстное поведеніе администраціи. «Прежде» какъ будто не было со стороны властей такого откровеннаго пренебреженія къ естественнымъ правамъ обывателя, такого наскока на всякое явленіе, чуточку поднимающееся надъ черносотеннымъ уровнемъ, такого легкаго, беззаботнаго или циническаго отношенія къ законности. И, главное, какъ будто не было такого подавляющаго обилія фактовъ отрицательнаго воздѣйствія власти на внутреннюю жизнь страны. Къ сожалѣнію, не требуется долго думать и подсчитывать, чтобы опредѣленно согласиться: «Не было».

Однако, съ мрачнымъ пессимистическимъ выводомъ, кажется, торопиться не слѣдуетъ. «Не было»; но «хуже» ли намъ живется,—вопросъ все же спорный. Правда, 10—12 лѣтъ назадъ въ газетахъ рѣдко встрѣчались факты, изобличающіе дурное поведеніе администраціи. Бывало, проскользнетъ извѣстіе, что гдѣ-то въ темномъ провинціальномъ углу побуйствовалъ урядникъ или въ уѣздномъ «клоповникѣ» городовой учинилъ побои пьяному обывателю. Объ исправникахъ, губернаторахъ (не говоря уже о министрахъ) царило въ печати молчаніе. Нынѣ въ газетахъ—ежедневный градъ извѣстій о непохвальныхъ дѣйствіяхъ низшей, средней и высшей администраціи. Согласимся, что для администраціи нынѣ кругъ своевольнаго дѣйствія просторнѣе, и она охотнѣе и чаще повергаетъ въ унынье обывателя. Но все-же едва-ли кто впадетъ въ такую наивность, чтобы утверждать будто 10—12 лѣтъ назадъ администрація была образцомъ корректной законности и что тогдашняя печать молчала о грѣхахъ администраціи именно потому, что и грѣховъ этихъ не было.

Видимо, сравненіе двухъ близкихъ эпохъ, раздѣленныхъ зіяющей трещиной освободительнаго движенія, нельзя дѣлать по одному явленію, освѣщенному притомъ односторонне. Много чертъ недавняго государственнаго режима отмерло и отпало (почти съ увѣренностью можно сказать: навсегда), много выдвинулось въ нынѣшней полосѣ народной жизни новыхъ чертъ, которыя когда-нибудь будутъ собраны исторіей въ яркій букетъ и которыхъ мы пока не можемъ сконцентрировать въ своемъ сознаніи, такъ какъ сами плывемъ и кружимся, волнуясь, въ мутномъ житейскомъ потокѣ, видя мельканье крупныхъ и малыхъ событій и еще не догадываясь объ общемъ итогѣ. Кое-что, впрочемъ, жизнь уже выявила и сдѣлала доступнымъ подсчету. Обратимся хотя бы къ тому же явленію: къ поведенію администраціи въ двухъ смежныхъ эпохахъ. Пусть меньше въ

количественномъ смыслѣ и пусть не съ такимъ лихимъ размахомъ,—однако, посягала же на свободу, достоинство и самодѣятельность обывателя администрація въ до-освободительный періодъ. Почему же печать тогда молчала? И почему она теперь не молчитъ, хотя на нее непрерывнымъ ливнемъ низвергаются репрессіи? Не говоря уже о томъ, что тогда существовала крѣпкая повязка на устахъ прессы въ видѣ предварительной цензуры, а теперь эта повязка сброшена навсегда (а какое великое завоеваніе представляетъ одно это избавленіе отъ цензуры, могутъ особенно живо чувствовать старые литераторы и журналисты, испытывавшіе въ то время ежедневное униженіе и оскорбленіе отъ краснаго карандаша), — не говоря уже объ этомъ, есть еще весьма значительныя различія между этими близкими эпохами.

Тогда чувствовалось громадное, казавшееся неодолимымъ, почти вѣчнымъ, несоотвѣтствіе силъ между правительствомъ и обществомъ. Правительство казалось желѣзно-мощнымъ, общество — слабымъ, разрозненнымъ, безсильнымъ. И одинаково представлялось невѣроятнымъ, какъ для печати и общества заняться ежедневной и гласной критикой дѣйствій администраціи (то, что теперь привычно и обычно), такъ и для администраціи допустить къ себѣ такое «кощунственное» отношеніе отъ печати и общества. Высокомѣріе власти было ошеломлено и сильно пошатнулось въ шквалѣ освободительнаго движенія. Новая же привычка (печати и общества—критиковать, а власти—выслушивать критику) привита въ странѣ за послѣдніе годы главнымъ образомъ Государственной Думой.

Какъ ни скуденъ дѣйствительными правами нашъ парламентъ,—главнымъ своимъ правомъ—свободной и рѣзкой критикой высшей администраціи онъ пользовался и пользуется въ должной мѣрѣ. Печатая думскія рѣчи, газеты, естественно, и сами вовлекались въ ежедневную критику министровъ, правительственныхъ лицъ и учрежденій. А когда сдѣлались прикосновенными для печатнаго слова министры, могла ли сохраниться прежняя неприкосновенность губернаторовъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ и урядниковъ?

Такъ пришла, развилась и установилась новая государственная привычка, послѣдствія которой вѣтвисты и, поистинѣ, неисчислимы.

Еще одна любопытная черта: силы двухъ лагерей стоятъ нынѣ другъ предъ другомъ открыто, безъ прикрытій. Какъ ни тяжело сейчасъ живется, какъ ни торжествуетъ, якобы, на всѣхъ позиціяхъ реакція, но слѣдуетъ повнимательнѣе вглядѣться въ это удивительное явленіе,—оппозиція нисколько не намѣрена прятаться въ прежнее подполье, и у правительства какъ будто нѣтъ силы угнать туда досаднаго врага. Всѣ наши политическія партіи, начиная съ прогрессистовъ,

продолжая кадетами и кончая лѣвыми, считаются «нелегальными». И, однако, онѣ дѣйствуютъ открыто или почти открыто не только въ Государственной Думѣ, но и по всей странѣ. Ораторы, выступающіе въ собраніяхъ или на лекціяхъ, не скрываютъ своего знамени, журналисты говорятъ о своихъ мнѣніяхъ въ журналахъ, брошюрахъ и газетахъ, и, наконецъ, всѣ газеты, до самой глухой провинціи, именуютъ себя прогрессивными, кадетскими, а иногда намекаютъ и на бóльшую лѣвизну. Оппозиція стоитъ открыто, лицомъ къ лицу, предъ правительствомъ, а когда противники долгое время выдерживаютъ свои позиціи на ровномъ, неприкрытомъ полѣ,—нельзя уже думать, что кто-либо изъ нихъ безмѣрно сильнѣе другого. Видимо, чѣмъ-то и въ чемъ-то силы ихъ уравнены.

Сверхъ того, есть еще одинъ почти математическій показатель, что силы оппозиціи значительны и что онѣ непрерывно растутъ. При нынѣшнемъ положеніи вещей, когда вся пресса втянута въ обсужденіе государственныхъ вопросовъ и когда это обсужденіе сдѣлалось для печати главной темой и главной обязанностью, всѣ газеты,—до самой маленькой и отдаленной,—являются, своего рода, отдѣльными «парламентами». И эти «парламенты» имѣютъ своихъ избирателей и довѣрителей въ лицѣ подписчиковъ и читателей. Публика не случайно несетъ свои деньги, требованія, вниманіе и довѣріе къ тѣмъ, а не къ другимъ газетамъ. И вотъ любопытно подсчитать: кому большинство населенія отдаетъ предпочтеніе? Провинція читаетъ почти исключительно прогрессивную и лѣвую печать. Страна усѣяна прогрессивными и лѣвыми «парламентами», значеніе которыхъ, несомнѣнно, громадно и вліяніе которыхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Довѣріе «избирателей», т. е. подписчиковъ, ихъ требованія и ожиданія заставляютъ эти «парламенты» быть смѣлыми и храбро, между прочимъ, посягать на изобличеніе и критику администраціи. Съ другой стороны, и правительство, — сколь оно ни глухо къ звукамъ жизни,—не можетъ не чувствовать этой мощи общественнаго мнѣнія, концентрирующагося вокругъ прогрессивной прессы. Съ печатью оказалось труднѣе справиться, чѣмъ съ народнымъ представительствомъ. Государственную Думу оказалось возможнымъ, путемъ хирургической операціи надъ избирательнымъ закономъ и путемъ ухищреній на выборахъ, довести до такого состоянія, что значительное число депутатовъ стало встрѣчать министровъ почтительными аплодисментами (а не досадными криками: «Въ отставку!»—какъ въ первыхъ двухъ Думахъ).

Въ «парламентахъ» прессы аплодисментовъ министрамъ невозможно заслужить. Невозможно также урѣзать и обуздать ежедневную критику власти и невозможно рѣшительной мѣрой сократить непріятный

кругъ «избирателей» этихъ парламентовъ. Здѣсь coup d'état, подобное 3-му іюня 1907 года, къ великому огорченію власти, сдѣлать до сихъ поръ не удается (хотя объединенное дворянство, съ Пуришкевичемъ во главѣ, и создаетъ каждогодно грозные проекты). Плохо удается правительству и насажденіе правыхъ «парламентовъ» прессы по странѣ. Попытки подобнаго рода до сихъ поръ давали хилые, карикатурные результаты. Населеніе не желаетъ читать правую печать, а для прогрессивной прессы она даетъ лишь обильный матеріалъ для ежедневнаго зубоскальства. Такимъ образомъ развивается привычка, бывшая слабой и не такой значительной въ досвободительный періодъ: привычка прессы настойчиво выражать силу общественнаго мнѣнія и привычка власти сносить новую критику и считаться, такъ или иначе, съ возрастающей силой общественнаго мнѣнія. Если эти двѣ-три черты нынѣшней эпохи (а есть, конечно, и другія, можетъ быть, не менѣе значительныя) поглубже продумать, то пессимистическій вопросъ: «не хуже ли теперь живется?» — долженъ, кажется, утратить нѣкоторую дозу своей горечи. И обиліе фактовъ своевольнаго размаха администраціи въ провинціи начинаетъ казаться какъ будто не очень пугающимъ. Нынѣшняя эпоха, — какъ это ни странно,—откровеннѣе и прямолинейнѣе предыдущей. Не только оппозиція подняла свое забрало, но и администрація болѣе открыто выявляетъ свои мысли, чувства и поступки. Нѣкоторые провинціальные администраторы доходятъ, съ прогрессивной точки зрѣнія, до своего рода цинизма, открыто и вызывающе заявляя обществу: «я—черносотенецъ». Но это, можетъ быть, не цинизмъ, а простая откровенность, поднятіе забрала предъ противникомъ, который тоже не скрываетъ своего лица.

Ну, и что же, если лицо черное? Но зато оно любезно высшему начальству, и, можетъ быть, именно за откровенную, неприкрытую черноту лица его можно иной разъ чаять сверху богатыхъ и великихъ милостей. Съ другой стороны, многія какъ будто лихія дѣйствія помѣстной администраціи, свидѣтельствуя о явной силѣ власти, въ сущности не рѣдко, можетъ быть, вытекаютъ изъ ея слабости. Газеты очень часто и весьма доказательно обзываютъ дѣйствія администраціи «беззаконными». И газеты бываютъ правы не только въ буквальномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ нарушенія властью существующаго писанаго закона. Есть иной, болѣе глубокій смыслъ. Есть другая законность, которая органически зрѣетъ въ населеніи и которая въ свое время, созрѣвъ, заставитъ провести себя черезъ законодательныя учрежденія и кристализовать въ видѣ писанаго закона. Но и сейчасъ эта законность, въ качествѣ живой и ощущаемой справедливости, даетъ опору требованіямъ общества и силу протестамъ противъ власти.

Какъ будто странно и нелогично, а въ сущности, вполнѣ естественно, ощущается не рѣдко, что населеніе крѣпко стоитъ на законной почвѣ, а представители власти и закона остаются на невѣрной и колеблющейся почвѣ. Это, видимо, смутно ощущается и самой властью, поступки которой поэтому принимаютъ иногда характеръ вызова, бравады и преувеличенной развязности.

Въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей въ Таврическомъ дворцѣ депутатъ В. А. Маклаковъ нашелъ для поступковъ провинціальной администраціи сильное и, при всей своей мягкости, убійственное опредѣленіе. Онъ сказалъ, что помѣстная власть «озорничаетъ». Озорство въ обычномъ быту—яркое и сложное явленіе. Оно даетъ широкую гамму поступковъ, начиная отъ невинныхъ шалостей и кончая преступнымъ хулиганствомъ. Но всегда озорство—нарушеніе законовъ общежитія, принятой законности быта. И какъ бы ни дерзилъ озорникъ, онъ, смутно или явно, чувствуетъ себя нарушителемъ законности, ощущаетъ себя достойнымъ осужденія съ какой-то высшей надъ нами позиціи бытового права, а населеніе даетъ отпоръ озорникамъ, глубоко возмущаясь, прежде всего, беззаконностью, разрушительнымъ анархизмомъ ихъ выходокъ.

Не мимо и не слабо, поэтому, сказано, что провинціальная власть «озорничаетъ». Тѣ или другія черты озорства, послабѣе или посильнѣе, не трудно усмотрѣть въ поведеніи многихъ уѣздныхъ и губернскихъ администраторовъ. Знаменательно, что и тонъ газетъ, изобличающихъ или критикующихъ поступки провинціальной власти, почти всегда носитъ ироническій или гнѣвный отпечатокъ, очень похожій на тотъ тонъ, которымъ отзываются въ быту объ обычныхъ озорникахъ.

Напримѣръ, корреспондентъ «Рѣчи» шлетъ изъ Курска слѣдующую негодующую корреспонденцію: «Два года владычества воеводы Муратова въ Курскѣ наложили тяжелую печать на всѣ стороны жизни города и всего края. Общественная жизнь словно абсолютно замерла, такъ какъ никакія собранія не разрѣшаются. Продажа въ городѣ газетъ упала вдвое-втрое. Отчетъ публичной библіотеки и читальни отмѣчаетъ громадную убыль подписчиковъ и сокращеніе посѣщеній читальни до 50 проц. Даже такія общественныя учрежденія, какъ общество врачей, педагогическое общество и друг., имѣющія по уставу право на устройство публичныхъ собраній, и тѣ ничѣмъ себя не проявляютъ, изъ естественнаго страха воеводскихъ репрессій и преслѣдованій. Воеводскій режимъ въ отношеніи мѣстной печачи сказался тѣмъ, что даже безвреднѣйшая «Курская Газета», издававшаяся А. А. Берестецкимъ, была насильственно закрыта. Попытки другихъ лицъ издавать здѣсь газету неизмѣнно разбиваются то объ угрозу Муратова разорить штрафами, то прямымъ отказомъ. Даже ходатайства о

разрѣшеніи на выпускъ «Коммерческаго Бюллетеня», на изданіе «Театральной Газеты» отклонены—изъ мудраго опасенія, что любой печатный листокъ можетъ быть превращенъ въ общественно-«вредный органъ». Полное отсутствіе публичныхъ лекцій, народныхъ чтеній. Только черносотенной земской управѣ дозволяется читать для пустыхъ стѣнъ лекціи «о плодоводствѣ» и «травосѣяніи», да сотрудникамъ «Курской Были» натравливать городскую темноту на евреевъ. Но особенно тягостно сказалось двулѣтнее владычество Муратова на торговлѣ города и края. Курскій биржевой комитетъ по этому поводу послалъ по телеграфу жалобу предсѣдателю совѣта министровъ».

Симферопольскій корреспондентъ харьковскаго «Утра» иронически повѣствуетъ о мѣропріятіяхъ мѣстнаго губернатора: «Борьба мѣстной администраціи съ двумя пресловутыми «свободами»—собраній и совѣсти—достигла за послѣднее время въ Симферополѣ весьма значительныхъ размѣровъ. Недавно былъ закрытъ администраціей ремесленный клубъ; въ скоромъ времени послѣ этого состоялось закрытіе губернскимъ присутствіемъ симферопольскаго коммерческаго клуба. Въ настоящее время, по распоряженію таврическаго губернатора, закрыты оба симферопольскіе молитвенные дома евангельскихъ христіанъ. Община евангельскихъ христіанъ существуетъ въ Симферополѣ уже давно,—чуть ли не со дня обнародованія манифеста о свободѣ совѣсти и другихъ «свободахъ». Маленькая симферопольская община евангельскихъ христіанъ пользовалась симпатіями мѣстнаго населенія; ея молитвенныя собранія привлекали многихъ изъ мѣстныхъ жителей. Скоро община значительно разрослась,—и былъ открытъ еще одинъ молитвенный домъ евангельскихъ христіанъ.—Куда же смотритъ администрація!?—завопили недавно мѣстные черносотенцы.—Въ самомъ губернскомъ городѣ, гдѣ живетъ архіерей и гдѣ проектируется учрежденіе миссіонерской семинаріи, процвѣтаетъ сектантство... Еще понятно, если это происходитъ въ какой-нибудь захолустной деревушкѣ Астраханкѣ, но въ губернскомъ городѣ...—Мѣстные черносотенцы добились своего,—участь симферопольской общины евангельскихъ христіанъ была рѣшена. Скоро нашелся и оффиціальный мотивъ для закрытія молитвенныхъ домовъ. Дѣло въ томъ, что община евангельскихъ христіанъ жила дружной семьей и энергично поддерживала своихъ неимущихъ членовъ. Когда же община разрослась, то для удобства собиранія денегъ, члены разыгрывали иногда между собой пожертвованныя вещи. Кто-то изъ мѣстныхъ «союзниковъ» донесъ, что евангельскими христіанами устраивается незаконная лоттерея. И вотъ на одно изъ молитвенныхъ собраній нагрянула полиція, и въ результатѣ закрыты оба молитвенные дома».

А вотъ маленькая черточка безтактности саратовскаго губерна-

тора, и отпоръ смиреннаго уѣзднаго обывателя. «Царицынская городская дума,—говоритъ корреспондентъ «Рѣчи»,—исключила на 7 засѣданій гласнаго Ефимова, заявившаго на предложеніе гор. головы почтить вставаніемъ память гласнаго Сѣроватскаго (покончившаго самоубійствомъ), что онъ удавленниковъ не чествуетъ. Саратовскій губернаторъ опротестовалъ постановленіе думы. Тогда 15 гласныхъ заявили гор. головѣ объ отказѣ своемъ посѣщать думу до приведеня рѣшенія въ исполненіе».

Въ Новочеркасскѣ наказный атаманъ не разрѣшилъ депутату Харламову прочесть лекцію о донскомъ земствѣ и о законодательныхъ палатахъ; въ цѣломъ рядѣ городовъ (въ Твери, Николаевскѣ, Н. Новгородѣ, Воронежѣ и т. д.) губернская власть не утвердила избранныхъ общественно-должностныхъ лицъ, единственный грѣхъ которыхъ нѣкоторая прогрессивность убѣжденій. И печать отмѣчаетъ эти факты съ ироническими примѣчаніями по адресу власти.

Кое-гдѣ пробуютъ вступить въ пререканія съ губернаторомъ. Напримѣръ, изъ Валуйки, Воронежской губ., телеграфируютъ «Русскому Слову»: «Бывшій предсѣдатель волжской уѣздной земской управы С. А. Блиновъ въ послѣднемъ очередномъ валуйскомъ уѣздномъ собраніи былъ избранъ предсѣдателемъ правленія земской кассы мелкаго кредита. Губернаторъ не утвердилъ С. А. Блинова въ этой должности. Кромѣ того, губернаторъ предъявилъ требованіе объ отстраненіи отъ должности члена правленія той же кассы г. Воюцкаго. Резолюція губернатора вызвала броженіе въ земскихъ кругахъ, въ результатѣ котораго было созвано экстренное уѣздное земское собраніе. Собраніе нашло, что оба указанныхъ лица являются выборными земства, и что поэтому на нихъ не распространяется право губернаторскаго усмотрѣнія. На этомъ основаиін собраніе постановило требованіе губернатора объ устраненіи г. Воюцкаго обжаловать въ Сенатъ, а несогласіе губернатора на утвержденіе Блинова принять къ свѣдѣнію».

Изъ Умани кратко телеграфируютъ той же газетѣ: «По распоряженію кіевскаго губернатора Н. І. Суковкина, закрыта уманская общественная библіотека-читальня, единственное культурное учрежденіе въ городѣ. Библіотека учреждена была въ 1847 году».

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Баку разсказываетъ: «Въ апрѣлѣ всѣ завѣдующіе существующихъ въ Баку библіотекъ и читаленъ получили предложеніе полиціи прибыть въ канцелярію бакинскаго градоначальника. Отъ нихъ была отобрана подписка чрезъ околоточныхъ надзирателей. Собралось человѣкъ 10—11. Правителемъ канцеляріи градоначальника было объявлено, что, вотъ-де, вышла въ свѣтъ весьма цѣнная и полезная книга ген. Нечволодова и что градоначальникъ очень рекомендуетъ ее къ пріобрѣтенію въ биб-

ліотеки и читальни. Книга можетъ быть куплена даже въ разсрочку,— «только покупайте», хотя, какъ подчеркнулъ правитель канцеляріи, «градоначальникъ все же не обязываетъ къ этому, а лишь рекомендуетъ и проситъ». Описанному приглашенію предшествовало слѣдующее. Начальникъ резерва бакинской полиціи, по особому предписанію, обошелъ всѣ библіотеки и навелъ справки, имѣется ли въ нихъ упомянутая книга».

И рядомъ съ этимъ совсѣмъ ужъ анекдотомъ звучитъ слѣдующая телеграмма «Русскаго Слова» изъ Чистополя, Казанской губерніи: «Чистопольскій исправникъ Илевскій психически заболѣлъ, страдая маніей боязни «лѣвизны». Отъ подчиненныхъ и другихъ лицъ Илевскій сталъ требовать, чтобы всѣ приходящіе къ нему переступали порогъ правой ногой, приближались выступая правымъ бокомъ и съ правой стороны, брали предметы только правой рукой, держа лѣвую сзади, и т. д. Илевскій безпрестанно поворачивалъ передъ собой всѣ предметы направо, читалъ молитвы, заставлялъ стражниковъ молиться вслухъ «о властяхъ предержащихъ». Илевскій помѣщенъ въ казанскую центральную психіатрическую лѣчебницу. Надежды на выздоровленіе его нѣтъ». Въ сущности, «лѣвобоязнью» больны, въ той или иной степени, всѣ администраторы (большіе, средніе и малые). Чистопольскій случай оказался только какъ бы типическимъ живымъ символомъ этой болѣзни. Не вездѣ лишь эта болѣзнь протекаетъ въ такомъ невинномъ видѣ и не вездѣ онъ ведетъ къ такому естественному результату.

Спускаясь внизъ отъ губернаторовъ по служебной лѣстницѣ, видимъ, какъ примѣры озорства дѣлаются по масштабу мельче, но зато ярче и выразительнѣе. «Вятская Рѣчь» разсказываетъ: «Въ с. Вознесеньи, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи, 16 февраля, около 3-хъ часовъ дня, земскій начальникъ 4 участка г. Чердобовъ, управляя неопытною рукой тройкой лошадей, при бѣшеной ѣздѣ, въѣхалъ въ сани, ѣхавшей по своей дорогѣ навстрѣчу ему, неизвѣстной женщинѣ. Лошадь копытами обезобразила лицо женщины. Пострадавшую, вмѣсто оказанія ей медицинской помощи, земскій начальникъ приказалъ стражникамъ забрать въ арестантскую. Бывшіе при этомъ свидѣтели говорили стражникамъ, что забирать женщину не слѣдуетъ, такъ какъ виноватъ здѣсь земскій начальникъ. Послѣдній, видя неисполненіе его приказанія, поѣхалъ за приставомъ 3-го стана г. Лешуковымъ, который живетъ въ этомъ селѣ. Явившись на мѣсто происшествія, г. Лешуковъ, не разобравши дѣла, отправилъ все-таки пострадавшую женщину въ арестантскую при волостномъ правленіи». Простой озорникъ въ быту можетъ наскочить лошадью на женщину или ребенка, но чтобы сверхъ того отправить пострадавшую подъ арестъ,—для этого требуется спеціальное и привилегированное озорство.

Изъ Шадринска, Пермской губерніи, сообщаютъ «Русскому Слову»: «Товарищъ прокурора совмѣстно съ судебнымъ слѣдователемъ произвели обыски въ квартирѣ исправника Кириллова. Обыскъ былъ произведенъ по жалобѣ купчихи Ефимовой, обвинявшей исправника и его жену въ систематическихъ кражахъ ея имущества. При обыскѣ имущества этого у исправника обнаружено на крупную сумму. Обыскъ продолжался 12 часовъ. Противъ Кириллова возбуждается судебное дѣло. Кирилловъ одновременно состоитъ наблюдающимъ за періодической печатью. По его представленію, мѣстная газета «Исетъ» за 4 мѣсяца существованія была оштрафована на 1.800 руб.».

Изъ Курска телеграфируютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Въ с. Глушковѣ, Рыльскаго уѣзда, на Пасхальной недѣлѣ парни задумали кулачный бой. Стражники, разгоняя парней, открыли стрѣльбу. Въ результатѣ—одинъ крестьянинъ убитъ, нѣсколько ранено».

Обыкновенные озорники могутъ стрѣлять въ толпу, и это будетъ типичное хулиганство,—но стрѣлять во имя порядка и во имя власти, для этого требуется особое извращеніе понятія о порядкѣ и правахъ власти.

Изъ Вильны телеграфируютъ «Русскому Слову»: «Преданъ суду за истязаніе крестьянскаго мальчика урядникъ Рынденокъ. Рынденокъ, заподозрѣвъ мальчика въ кражѣ, билъ его кнутомъ, заставлялъ бѣжать за быстро мчавшейся повозкой, прикладывалъ къ животу мальчика раскаленные камни и грозилъ ему смертью».

«Кіевская Мысль» сообщаетъ: «Дѣло о политическихъ истязаніяхъ слушалось на-дняхъ въ Винницѣ, въ выѣздной сессіи суд. палаты. Доставленный въ нетрезвомъ видѣ въ винницкій участокъ, кочегаръ электрической станціи Черный здѣсь явился жертвой жестокой расправы. По словамъ Чернаго, городовые накрыли ему голову мѣшкомъ и резинами били его до потери сознанія. Когда на другой день извѣщенная объ этомъ жена Чернаго пришла въ участокъ за своимъ мужемъ, то послѣдній, по ея словамъ, былъ весь одинъ сплошной синякъ и черенъ, какъ земля. Дома онъ проболѣлъ недѣли три, а потомъ черезъ нѣсколько дней умеръ въ земской больницѣ. По вскрытіи трупа Чернаго, констатированъ былъ переломъ трехъ реберъ, но врачъ-экспертъ нашелъ, что смерть Чернаго послѣдовала отъ рожистаго воспаленія лица, что ничего общаго съ нанесенными Черному побоями не имѣетъ. Слѣды побоевъ и переломъ реберъ врачъ отнесъ къ разряду тяжкихъ, но не угрожающихъ опасностью для жизни. Городовой Леоникъ за нанесеніе побоевъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, и палата приговорила его къ заключенію въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ».

Можно было бы привести длинный рядъ подобныхъ случаевъ,

проходящихъ черезъ суды. И безъ ошибки можно сказать, что гораздо больше остается ихъ неопубликованными, такъ какъ изъ разныхъ глухихъ угловъ имъ трудно дойти до суда и до печати (при чемъ печать предпочитаетъ отмѣчать главнымъ образомъ тѣ факты, которые установлены судомъ). Въ приведенныхъ здѣсь случаяхъ озорство власти (низшей, но зато самой близкой къ населенію) до такой степени явное, что даже судъ не затрудняется назвать его преступнымъ и подвергнуть карѣ.

Въ общемъ итогѣ, конечно, поведеніе нынѣшней высшей, средней и низшей власти часто можетъ нагнать тоску и уныніе на общество, а обиліе отрицательныхъ фактовъ даетъ нѣкоторое право пессимисту на мрачный выводъ: «Сейчасъ живется хуже, чѣмъ безъ конституціи». Однако, все же выведенная наружу болѣзнь менѣе опасна, чѣмъ прикрытая и загнанная во внутрь. Съ ней можно бороться, ее можно лѣчить, оперировать.

Такъ и озорная болѣзнь помѣстной власти, обнажившаяся нынѣ, авось, вывѣтрится на общественномъ воздухѣ, а затѣмъ, изученная, окритикованная, можетъ быть, дождется оздоровленія, радикальнаго лѣченія или оперированія.

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русско-германскія отношенія и оцѣнка ихъ въ имперскомъ парламентѣ.— Нѣмецкая печать о Россіи.—Рѣчи о внѣшней политикѣ въ Государственной Думѣ.—Развязка албанскаго кризиса.

Въ германскомъ рейхстагѣ, при обсужденіи бюджета вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, 14 (1)-го мая, статсъ-секретарь фонъ-Яговъ, замѣститель канцлера, сдѣлалъ обычный оффиціальный обзоръ международныхъ событій съ осени прошлаго года, при чемъ высказалъ рядъ банальныхъ соображеній и выводовъ о благополучіи внѣшней политики имперіи. Ликвидація балканскаго кризиса закончилась безъ ущерба для великихъ державъ; дружественная съ Германіей Турція стремится будто бы къ возрожденію и обнаруживаетъ утѣшительную готовность ввести давно ожидаемыя реформы въ Арменіи; Албанія подаетъ надежду на постепенное усвоеніе началъ прочной государственности, несмотря на временныя замѣшательства и затрудненія,

которыя будто бы крайне преувеличиваются сенсаціонными газетными извѣстіями; вообще въ балканскихъ дѣлахъ «единодушныя и сосредоточенныя выступленія тройственнаго союза успѣвали до сихъ поръ, въ дружественномъ согласіи съ Англіею, Россіею и Франціею, ограждать въ полномъ объемѣ законные интересы союзныхъ монархій». Германская политика будетъ и впредь держаться тѣхъ же принциповъ: «въ справедливомъ вниманіи къ правамъ и интересамъ другихъ державъ, при полномъ сочувствіи къ развитію балканскихъ государствъ, мы всегда будемъ—заявилъ фонъ-Яговъ,—твердо и рѣшительно заступаться за свои собственныя права и интересы, какъ и за права и интересы нашихъ союзниковъ, гдѣ и когда только представится къ тому случай".

Берлинскій кабинетъ откровенно признаетъ теперь, что при созданіи новаго албанскаго государства и при упорной защитѣ его предположенныхъ границъ, съ явнымъ нарушеніемъ правъ Сербіи, Черногоріи и Греціи, державы тройственнаго союза руководствовались только своими собственными интересами и пользовались въ этомъ направленіи «дружественнымъ согласіемъ» Россіи, Франціи и Англіи. Между тѣмъ послѣднія три державы принимали и поддерживали требованія Германіи и ея союзниковъ во имя интересовъ Европы и общаго мира; этимъ мотивировалось участіе Россіи въ международныхъ рѣшеніяхъ и предпріятіяхъ, несомнѣнно направленныхъ противъ небольшихъ балканскихъ государствъ и послужившихъ косвенной причиной послѣдовавшей затѣмъ междоусобной войны. Оказывается, что русская дипломатія, столь усердно участвовавшая въ отнятіи у черногорцевъ Скутари, въ недопущеніи сербовъ къ Адріатическому морю и въ отнесеніи части Эпира къ албанскимъ владѣніямъ, хлопотала лишь объ интересахъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи. Какую же роль играла при этомъ Россія? Почему она отдавала свой голосъ въ распоряженіе державъ тройственнаго союза и заботилась объ огражденіи ихъ спеціальныхъ интересовъ, вмѣсто того, чтобы, въ согласіи съ Франціею и Англіею, отстаивать по мѣрѣ возможности законныя права Сербіи, Черногоріи и Греціи? Не лучше ли было бы совершенно устраниться отъ участія въ устройствѣ балканскихъ дѣлъ, если это участіе могло выразиться лишь въ поддержкѣ односторонних требованій Австро-Венгріи и ея союзниковъ? Очевидно, и на этотъ разъ русская политика пассивно подчинилась традиціямъ довѣрчивой солидарности съ Германіей, тогда какъ Франція и Англія относились довольно равнодушно къ судьбѣ тѣхъ балканскихъ народностей, которыми должна была особенно интересоваться Россія.

Въ Германіи, однако, не цѣнятъ этихъ существенныхъ проявленій

оффиціальной русской дружбы. Именно Россія возбуждаетъ тамъ наибольшее неудовольствіе съ разныхъ точекъ зрѣнія. Замѣститель имперскаго канцлера нашелъ сочувственныя и хвалебныя слова для всѣхъ иностранныхъ державъ, но допустилъ исключеніе только для нашего отечества. Онъ заговорилъ объ отношеніяхъ съ Россіей въ такомъ тонѣ, который вообще не принятъ въ публичныхъ деклараціяхъ подобнаго рода. «Наши отношенія съ Россіею—сказалъ онъ—въ усиленной степени занимали общественное мнѣніе за послѣднее время. Недавній приговоръ въ процессѣ противъ нѣмецкихъ воздухоплавателей возбудилъ удивленіе въ широкихъ кругахъ публики. Мы просили русское правительство сообщить намъ безъ замедленія мотивы приговора. До сихъ поръ я долженъ воздержаться отъ какихъ-либо замѣчаній по этому дѣлу. Несомнѣнно господствующее уже давно въ нѣкоторой части русской печати враждебное къ нѣмцамъ движеніе все болѣе обострялось въ послѣднее время и привело почти къ систематической кампаніи противъ насъ въ самыхъ различныхъ областяхъ дѣятельности. Люди, поддерживавшіе эту кампанію, не должны удивляться, что ихъ возгласы вызываютъ соотвѣтственный отзвукъ съ нашей стороны». Фонъ-Яговъ заявилъ далѣе, что германское правительство не можетъ считаться отвѣтственнымъ за отдѣльныя мнѣнія нѣмецкой прессы. Нѣмецкіе журналисты будто бы отвѣчали лишь на нападки русскихъ газетъ, но, по словамъ фонъ-Ягова, въ Европѣ привыкли почему-то обращать вниманіе только на нѣмецкія воинственныя заявленія, оставляя незамѣченными враждебныя выходки и угрозы противъ Германіи съ востока и запада. Въ Россіи будто бы мѣсяцами велась кампанія противъ нѣмцевъ, и объ ней ничего не сообщилъ лондонскій «Times», а когда нѣмецкія газеты стали нападать на Россію, то тотъ же англійскій органъ усмотрѣлъ въ этомъ лучшее оправданіе для сторонниковъ превращенія тройственнаго согласія въ тройственный союзъ.

Эти разсужденія оффиціальнаго руководителя германской дипломатіи поражаютъ своею странностью. Если германское правительство не отвѣтственно за угрожающія статьи нѣмецкихъ газетъ, то почему же правительствамъ Франціи и Россіи ставятся въ вину мнѣнія отдѣльныхъ французскихъ и русскихъ органовъ печати? О какой вообще газетной кампаніи противъ нѣмцевъ говоритъ фонъ-Яговъ? Не только англичане, но и мы сами ничего не знали о ней, потому что въ сущности ея и не было. У насъ правыя газеты всегда стояли за союзъ съ Германіей, а лѣвыя всего менѣе занимаются нападеніями на иностранныя державы. Непріязненная полемика противъ Германіи могла имѣть мѣсто только въ случайныхъ статьяхъ отдѣльныхъ газетъ, въ которыхъ едва-ли выражается голосъ русскаго обще-

ственнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, высказывая опредѣленное обвиненіе противъ русской печати, германскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ долженъ, былъ бы точнѣе указать, гдѣ и когда происходила упоминаемая имъ кампанія и какіе именно органы въ ней участвовали;—выступать же съ голословнымъ утвержденіемъ такого рода не подобало бы въ вопросяхъ, касающихся международныхъ отношеній.

Наконецъ, возможно ли въ международныхъ газетныхъ спорахъ установить, кто раньше началъ полемику и кто позже, и слѣдуетъ ли придавать значеніе этому обстоятельству, даже если бы оно было документально провѣрено? Впрочемъ, вслѣдъ затѣмъ фонъ-Яговъ входитъ опять въ роль дипломата и выражаетъ взгляды болѣе оптимистическіе, хотя и сохраняетъ тонъ поученія относительно Россіи. «Мы не знаемъ,—говоритъ онъ,—реальныхъ противоположностей, которыя мѣшали бы мирному сожительству обѣихъ сосѣднихъ имперій. Торгово-политическія затрудненія, могущія возникнуть въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, будутъ улажены при обоюдной доброй волѣ сторонъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ осуждать стремленіе вызвать искусственный антагонизмъ возбужденіемъ народныхъ страстей. При повышенной нервозности нашего времени и при воздѣйствіи печати на психику народа—это значитъ играть съ огнемъ. Состояніе такой взаимной раздражительности не можетъ способствовать успѣшному веденію текущихъ международныхъ дѣлъ. Но я надѣюсь, что стараніямъ обоихъ правительствъ удастся поставить преграду этимъ опаснымъ теченіямъ. Здравая мысль, что интересы обѣихъ странъ наилучше ограждаются дружественными сосѣдскими отношеніями, оправдывается исторіей. Мы имѣемъ основаніе думать, что и русское правительство, несмотря на упомянутыя выходки, расположено поддерживать эти старыя дружескія сосѣдскія связи».

Любопытнѣе всего, что въ парламентѣ и въ печати наибольшій успѣхъ имѣли объясненія фонъ-Ягова относительно Россіи. Предводитель центра, депутатъ Шпанъ, совѣтовалъ не придавать слишкомъ много значенія недружелюбію извѣстныхъ круговъ русскаго общества, такъ какъ Германія находится въ тѣснѣйшихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ Россіею. Національно-либеральный принцъ Шенаихъ-Каролатъ выразилъ свое особое удовольствіе по поводу заявленій статсъ-секретаря о русской политикѣ; но, по его мнѣнію, для правильной оцѣнки полемическихъ статей русскихъ газетъ необходимо принять во вниманіе, что тѣ же газеты еще рѣзче нападаютъ на свое собственное министерство иностранныхъ дѣлъ, и что дипломатическое вѣдомство въ Петербургѣ не оказываетъ никакого вліянія на эту прессу. «Со времени Фридриха Великаго,—продолжалъ

принцъ Шенаихъ,—мы въ сущности всегда находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ Россіей. Ея поведенія въ 1870 году мы никогда не забудемъ. Вопреки всякимъ тревожнымъ извѣстіямъ, мы желаемъ вѣрить въ сохраненіе мира. Эти извѣстія основываются большею частью на ложныхъ предположеніяхъ. Какую выгоду могли бы оба государства извлечь даже изъ побѣдоносной войны?» Прогрессистъ Готгейнъ напомнилъ, что Россія имѣетъ основаніе быть недовольною нѣкоторыми экономическими и финансовыми мѣропріятіями Германіи, унаслѣдованными еще отъ Бисмарка, и что отмѣна или смягченіе ихъ были бы желательны даже съ точки зрѣнія чисто-германскихъ интересовъ. Консерваторъ Эртель подтвердилъ, что нѣмцы несомнѣнно хотятъ жить въ мирѣ съ Россіей: «извѣстнаго рода непріятности надо встрѣчать хладнокровно, но безъ любезности; нѣмцы—добрые и надежные потребители русскихъ продуктовъ; Россія гораздо больше потеряла бы, чѣмъ Германія, при разстройствѣ этихъ отношеній». Членъ имперской партіи Шульцъ высказалъ пожеланіе, чтобы нѣмецкіе воздухоплаватели перестали предпринимать экскурсіи къ восточнымъ сосѣдямъ и давать этимъ поводъ къ порчѣ отношеній съ Россіею. Въ результатѣ выходитъ, что всѣ партіи одобряютъ тонъ заявленій фонъ-Ягова по русскому адресу и въ то же время подчеркиваютъ важность сохраненія и дальнѣйшаго развитія тѣсныхъ промышленныхъ связей между обѣими странами.

Замѣститель имперскаго канцлера доставилъ истинное удовлетвореніе прогрессивнымъ нѣмецкимъ газетамъ своими рѣзкими замѣчаніями о Россіи. «Эти указанія,—говоритъ «Berliner Tageblatt»,—могутъ разсчитывать на всеобщее сочувствіе въ Германіи. Они произвели сенсацію уже тѣмъ, что въ нихъ откровенно и оффиціально признается натянутость русско-германскихъ отношеній, тогда какъ обыкновенно дипломатія повторяетъ лишь шаблонныя фразы о дружбѣ и корректности, замалчивая существующіе факты». Названная газета полагаетъ, что «такая система вѣжливыхъ прикрасъ всего менѣе пригодна по отношенію къ Россіи». Безполезно было бы скрывать отъ себя то печальное для насъ обстоятельство, что никогда еще Россія не была такъ мало популярна за границей, какъ въ настоящее время. Нравственно-политическая репутація русскаго государства доведена въ Европѣ до такого уровня, что очень немногіе рѣшаются поднять свой голосъ въ защиту русскаго имени. Иностранцамъ рисуется Россія въ томъ именно видѣ, въ какомъ желаютъ ее видѣть наши злобные приверженцы стараго режима, усердные патріоты хулиганскаго типа, безпардонные враги и гонители всякихъ культурныхъ начинаній, проповѣдники народнаго безправія, административнаго произвола и самовластья. Какой непоправимый

вредъ приносятъ Россіи эти мнимые націоналисты и патріоты, какъ они принижаютъ ее въ глазахъ Европы и какъ топчутъ въ грязь русское имя, въ утѣшеніе и назиданіе всей европейской публикѣ,— это чувствуется на каждомъ шагу при обсужденіи русскихъ дѣлъ въ иностранныхъ парламентахъ и въ заграничной печати. Недовѣріе и вражда къ Россіи, какъ къ оплоту реакціи, издавна составляютъ одинъ изъ важныхъ и существенныхъ элементовъ внѣшней политики въ Западной Европѣ, и если нашъ союзъ съ Франціею и сближеніе съ Англіею остаются пока безплодными для Россіи, не позволяя ей открыто ограждать свои особые интересы на Балканахъ, то это объясняется прежде всего исключительно-неблагопріятнымъ положеніемъ россійской націи въ ряду великихъ культурныхъ народовъ современнаго міра.

Въ нашей Государственной Думѣ, по примѣру австро-венгерскихъ делегацій и германскаго парламента, сдѣланъ былъ 10 (23) мая оффиціальный обзоръ внѣшней политики Россіи, въ связи съ разсмотрѣніемъ смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ. Руководитель русской дипломатіи началъ съ того, что назвалъ «благополучнымъ» исходъ балканскаго кризиса и главную заслугу этого благополучія приписалъ державамъ тройственнаго согласія, къ которому принадлежитъ Россія. Наша внѣшняя политика «продолжаетъ опираться на незыблемый союзъ съ Франціей и на дружбу съ Англіей», и для прочности этого сочетаніи трехъ державъ нѣтъ надобности превращать его въ формальный тройственный союзъ, ибо «жизненно лишь то, что не застыло и не замерло на одной точкѣ, а способно двигаться впередъ». Принадлежность къ одной группировкѣ, по справедливому замѣчанію министра, не исключаетъ, конечно, добрыхъ отношеній къ остальнымъ державамъ.

«Въ частности—заявилъ далѣе С. Д. Сазоновъ,—мы продолжаемъ стремиться къ поддержанію давнишнихъ дружескихъ отношеній съ Германской имперіей. За послѣднее время было нѣсколько случаевъ, когда казалось, что эти отношенія могутъ омрачиться, и если удалось избѣжать нежелательныхъ послѣдствій подобныхъ инцидентовъ, то лишь въ силу именно упомянутой давнишней дружбы между Россіей и Германіей и стремленія ихъ правительствъ на будущее время сохранить таковую. Въ этомъ стремленіи правительства, къ сожалѣнію, не всегда встрѣчаютъ должную поддержку со стороны печати по обѣимъ сторонамъ границы. Поддержаніе тревожнаго состоянія въ обществѣ безъ достаточнаго на то основанія неразумно, а можетъ быть, при извѣстныхъ обстоятель-

ствахъ, и опасно. Поэтому я не могу не высказать пожеланія, чтобы печать, какъ германская, такъ и русская, прекратила безплодную полемику и болѣе спокойно обсуждала вопросы, касающіеся взаимныхъ нашихъ отношеній. Не надо забывать, что мы наканунѣ заключенія новаго торговаго договора съ Германіей, и что таковой можетъ быть плодотворенъ лишь подъ условіемъ соотвѣтствія справедливымъ требованіямъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Для достиженія такого результата необходимо, чтобы переговоры велись въ спокойной и дѣловой обстановкѣ, а не подъ шумъ безпрестанныхъ обвиненій и заподозрѣваній, создающихъ взаимное раздраженіе и недовѣріе».

Какъ видимъ, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ повторилъ въ болѣе мягкой формѣ указаніе своего германскаго коллеги на зловредныя увлеченія печати, при чемъ вполнѣ правильно не сдѣлалъ никакого различія между прессою заграничною и отечественною. Справедливость требовала бы отмѣтить прямо, что воинственныя статьи появлялись въ такихъ авторитетныхъ и завѣдомо оффиціозныхъ газетахъ, какъ «Кельнская», независимо отъ какихъ-либо выходокъ русскихъ газетъ; констатированіе подобнаго факта имѣло бы значеніе косвеннаго отвѣта на одностороннее обвиненіе русской печати со стороны германскаго статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ. Министръ могъ бы найти достаточно матеріала для того, чтобы снять съ нашей журналистики незаслуженный огульный укоръ, формулированный замѣстителемъ германскаго канцлера и одобренный нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ. Послѣ рѣчи фонъ-Ягова получилось въ Германіи такое впечатлѣніе, что Россія, будучи издавна оплотомъ дурного управленія и некультурности, еще въ добавокъ угрожаетъ нѣмцамъ войною или, какъ выразился одинъ консервативный ораторъ имперскаго сейма, «собирается пожирать сосѣднія культурныя государства». Нашему министерству иностранныхъ дѣлъ хорошо извѣстна репутація оффиціальной Россіи за границей и особенно въ Германіи; при такой репутаціи, возбуждающей непріязнь и недовѣріе, было бы чрезвычайно важно категорически опровергнуть ошибочное мнѣніе, что русскому обществу и народу, въ какой бы то ни было его части, свойственны воинственные порывы противъ сосѣднихъ народовъ и что эти порывы проявляются будто бы въ извѣстныхъ органахъ русской печати. С. Д. Сазоновъ ничего не сказалъ въ этомъ смыслѣ и даже, напротивъ, подтвердилъ высказанное въ Германіи обвиненіе, только распространивъ его на печать обѣихъ странъ. Это была ошибка, которою легко могли воспользоваться и дѣйствительно воспользовались иностранные публицисты. Если русскій министръ иностранныхъ дѣлъ осуждаетъ воинственныя

выходки русской печати—разсуждают за границей—то имъ, вѣроятно, сочувствуетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, подъ властью котораго находится печать; эта скрытая поддержка воинственной газетной кампаніи со стороны высшей русской администраціи представляется на Западѣ тѣмъ болѣе правдоподобною, что при затрудненіяхъ внутренней политики непопулярное правительство можетъ искать выхода во внѣшней войнѣ. При условіяхъ русской правительственной системы, какъ не безъ основанія отмѣчаютъ иностранные наблюдатели, личное мнѣніе министра иностранныхъ дѣлъ можетъ совершенно расходиться съ идеями и взглядами его товарищей по кабинету; такъ, С. Д. Сазоновъ въ своемъ политическомъ обзорѣ высказываетъ нѣкоторыя общія положенія, которыя обыкновенно фактически не признаются или рѣшительно отвергаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ примѣненіи къ самой Россіи. Упомянувъ, напр., о предстоящей мирной работѣ балканскихъ государствъ во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ, министръ выразилъ надежду, что, «осуществляя эту благодарную задачу, балканскія правительства придутъ къ сознанію, что въ цѣляхъ укрѣпленія государственности недостаточно пріобрѣтать земли,—нужно стяжать привязанность и довѣріе новыхъ гражданъ». Между тѣмъ во внутреннихъ нашихъ дѣлахъ нѣтъ и рѣчи о томъ. Относительно Турціи С. Д. Сазоновъ замѣчаетъ, что «отнынѣ передъ нею естественно встаютъ новыя задачи внутренняго переустройства для общаго блага населяющихъ ее народовъ». Русская дипломатія, какъ оказывается, сильно озабочена судьбою турецкихъ армянъ; при ея участіи, путемъ дружескихъ переговоровъ съ Турціею «были выработаны основанія для усовершенствованія административнаго управленія и обезпеченія правопорядка, а также удовлетворенія культурныхъ нуждъ армянъ и прочихъ народностей, населяющихъ граничащія съ Россіей области». «Права населенія—личныя, имущественныя и гражданскія—получаютъ новыя обезпеченія, которыя послужатъ залогомъ мирнаго развитія христіанскаго населенія восточной Анатоліи». Такія заботы о личныхъ и гражданскихъ правахъ инородцевъ въ Турціи, конечно, весьма симпатичны, но онѣ невольно вызываютъ сопоставленіе съ политикою подавленія инородческихъ національностей внутри Россіи. Говорить объ усовершенствованіи администраціи, обезпеченіи правопорядка и удовлетвореніи культурныхъ потребностей населенія—очень умѣстно и похвально вообще, но въ данномъ случаѣ не мѣшало бы вспомнить, что эти хорошія слова обозначаютъ такой порядокъ вещей, противъ котораго существующее у насъ правительство, по какому-то странному недоразумѣнію,

ведетъ неустанную борьбу. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ чувствовать себя неловко, разсуждая о культурныхъ задачахъ и обязанностяхъ чужихъ правительствъ относительно инородцевъ,—такъ какъ у насъ даже относительно коренного населенія не признается никакихъ культурныхъ задачъ и обязательствъ; но таково было издавна двусмысленное положеніе русской дипломатіи, и оно всегда крайне затрудняло ея роль въ серьезныхъ международныхъ вопросахъ и кризисахъ.

Въ обстоятельной отвѣтной рѣчи П. Н. Милюкова, на-ряду съ подробнымъ разборомъ фактическаго хода нашей внѣшней политики за послѣдній годъ, указаны тѣ особыя ея черты, которыя ставятъ все наше международное положеніе въ зависимость отъ случайныхъ постороннихъ вліяній, не поддающихся никакому учету. Дѣло доходитъ до того, что, по свидѣтельству весьма авторитетныхъ лицъ, былъ у насъ такой моментъ, когда въ вопросѣ о войнѣ или мирѣ «сказалъ свое рѣшительное слово» нѣкій полуграмотный «старецъ» и этимъ будто бы «сохранилъ миръ, висѣвшій на волоскѣ». Сообщеніе объ этомъ фактѣ съ трибуны Государственной Думы не вызвало возраженія со стороны представителей министерства иностранныхъ дѣлъ; но если въ самомъ дѣлѣ вопросы о мирѣ или войнѣ могутъ рѣшаться какими-то невѣдомыми «старцами», безъ всякаго участія оффиціальныхъ руководителей внѣшней политики, то какую роль приходится играть русскому министру иностранныхъ дѣлъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и Европы? Положеніе его при такихъ условіяхъ является совершенно исключительнымъ и невозможнымъ, съ точки зрѣнія общепринятыхъ въ культурномъ мірѣ политическихъ понятій,—и тѣмъ не менѣе заинтересованный министръ не протестуетъ и остается на мѣстѣ, ибо эти своеобразныя проявленія нашей государственной самобытности вполнѣ соотвѣтствуютъ идеаламъ и стремленіямъ господствующихъ у насъ такъ называемыхъ правыхъ партій, на которыя преимущественно опирается правительство, имѣющее въ своемъ составѣ весьма корректнаго, умѣренно-либеральнаго и практически-безсильнаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ Албаніи вновь продѣланъ одинъ изъ многочисленныхъ опытовъ дипломатическаго фантазерства, выдаваемаго за разсчетливую реальную политику. Назвавъ государствомъ бывшую турецкую провинцію, населенную различными враждующими между собою племенами, кабинеты великихъ державъ поставили во главѣ этого новаго государства высокопоставленнаго нѣмецкаго офицера, не имѣющаго абсолютно никакого отношенія къ данной странѣ и къ ея

народу. Почему правителемъ Албаніи назначенъ былъ неизвѣстный дотолѣ ни албанцамъ, ни даже европейской публикѣ князь Вильгельмъ Видъ? Только потому, что онъ принадлежитъ къ знатной фамиліи и могъ бы сдѣлаться родоначальникомъ новой албанской династіи, которую потребовалось внезапно создать при ликвидаціи турецко-балканскихъ дѣлъ. Кандидатура князя Вида, служившаго въ прусской гвардіи, была выдвинута его высшимъ начальникомъ, императоромъ Вильгельмомъ II, и этого было достаточно для рѣшенія вопроса о будущемъ албанскомъ монархѣ. Что думаетъ и чего желаетъ албанскій народъ, приметъ ли онъ чужого принца въ качествѣ правителя и подчинится ли его фиктивной власти,—объ этомъ не заботились дипломаты. Въ оффиціальной Европѣ упорно держится еще тотъ старинный взглядъ, что для существованія государства нуженъ прежде всего какой-нибудь князь или король, способный сидѣть на тронѣ съ короною на головѣ, и что народъ не имѣетъ права голоса въ дѣлѣ избранія этого лица, какъ и вообще въ устройствѣ своихъ политическихъ дѣлъ. Для народа будто бы безразлично, кто призванъ править имъ, лишь бы только онъ былъ знатный и представительный иностранецъ, одобренный Европою. Выбрали князя Вида, направили къ нему мнимую албанскую депутацію, снабдили его почетной стражей изъ мѣстныхъ вооруженныхъ «шкипетаровъ», дали милліонъ на первоначальное обзаведеніе,—и считали вопросъ разрѣшеннымъ къ общему удовольствію.

На дѣлѣ случилось то, что надо было предвидѣть съ самаго начала. Поселившійся съ семействомъ въ Дуррацо князь Видъ вскорѣ очутился въ крайне критическомъ и фальшивомъ положеніи. Никакого албанскаго народа онъ не видалъ и сношеній съ нимъ не имѣлъ, если не считать примкнувшей къ нему небольшой группы честолюбцевъ, съ Эссадомъ-пашею во главѣ; албанцы слышали о какомъ-то присланномъ къ нимъ князѣ, но мало интересовались его личностью и дѣятельностью, а когда онъ призвалъ на службу для своей охраны католиковъ-миридитовъ и малиссоровъ, то преобладающее въ странѣ мусульманское населеніе заволновалось и стало проявлять враждебныя чувства къ пришельцамъ. Въ сущности князь Видъ могъ фактически играть роль правителя только въ предѣлахъ города Дураццо и его ближайшихъ окрестностей; въ остальныхъ областяхъ Албаніи продолжали господствовать и управлять тѣ-же племенные начальники, родовые старѣйшины и землевладѣльцы, которые распоряжались и раньше. Закулисные австрійскіе совѣтники и покровители князя старались по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны обставить его какъ настоящаго монарха; они внушали ему дѣйствовать съ авторитетомъ, по-военному, въ надеждѣ

на то, что этимъ онъ возбудитъ если не уваженіе, то чувство спасительнаго страха въ народѣ. Они и побудили его совершить неожиданную насильственную расправу съ наиболѣе вліятельнымъ дѣятелемъ Албаніи, Эссадомъ-пашою, по поводу преступныхъ будто бы сношеній его съ недовольными мусульманскими племенами. Князь Видъ, какъ бравый прусскій офицеръ, рѣшилъ пустить въ ходъ артиллерію, чтобы избавиться отъ своего бывшаго министра, не пожелавшаго подчиниться его распоряженію—обезоружить и распустить отрядъ своихъ приближенныхъ. Въ домъ, занимаемый Эссадомъ-пашей и его семьею въ Дураццо, направлены были двѣ небольшія пушки, выставленныя передъ княжескимъ дворцомъ, и въ день 19 (6) мая внезапно произведена была бомбардировка, приведшая къ блестящей и скорой побѣдѣ. Эссадъ-паша сдался, и его приверженцы были взяты въ плѣнъ. Этотъ возмутительный актъ вооруженнаго нападенія на частное жилище человѣка, которому князь Видъ въ значительной степени обязанъ своимъ водвореніемъ въ Дураццо, былъ привѣтствованъ въ Австріи и Германіи, какъ симптомъ мужественной силы и непоколебимой твердости «правителя» въ исполненіи возложенной на него Европою культурно-политической миссіи. Просто совѣстно читать восторженные отзывы либеральныхъ нѣмецкихъ газетъ о замѣчательномъ подвигѣ князя Вида или, вѣрнѣе, его австрійскихъ союзниковъ. Прогрессивный «Berliner Tageblatt» восхваляетъ энергію князя и предсказываетъ неизбѣжное смиреніе недовольнаго албанскаго народа. «Теперь народъ видитъ,—говоритъ «либеральная» газета,—что князь оказался сильнѣе Эссада-паши и что еще сильнѣйшіе всегда готовы оказать ему помощь; поэтому, если албанцы и не станутъ почитателями князя, то, быть можетъ, они начнутъ уважать его. Князь, наконецъ, пріобрѣтетъ свободу дѣйствій и будетъ имѣть возможность вступить въ непосредственную связь съ населеніемъ, помимо Эссада-паши. Однако, прочность достигнутаго успокоенія зависитъ отъ того, какъ поступлено будетъ съ Эссадомъ. Говорятъ о простомъ изгнаніи. Это въ сущности нелѣпость. Онъ несомнѣнно заслужилъ, вполнѣ заслужилъ быть повѣшеннымъ; пуля слишкомъ почетна для такого отъявленнаго измѣнника» и пр. Въ телеграммѣ изъ Дураццо, помѣщенной въ той же либеральной газетѣ отъ 20 (7) мая, сказано, что «рѣшительный способъ дѣйствій князя произвелъ отличнѣйшее впечатлѣніе» (очевидно, на окружающихъ его иностранцевъ?). А три дня спустя князь съ семействомъ и приближенными долженъ былъ искать спасенія на итальянскомъ броненосцѣ, въ виду собравшихся около Дураццо враждебныхъ албанскихъ отрядовъ, которымъ можно было противопоставить только ничтожныя и крайне ненадежныя силы; правда, на

другой день князь вернулся во дворецъ, чтобы дать какой-нибудь отвѣтъ на требованія, заявленныя возставшими черезъ посредство мѣстныхъ представителей Европы, членовъ международной контрольной комиссіи,—но о княжескомъ авторитетѣ и престижѣ перестали говорить и ближайшіе его приверженцы. Пока велись переговоры съ возставшими, численность послѣднихъ все болѣе возростала и опредѣлялась уже приблизительно въ тридцать тысячъ человѣкъ, почти сплошь мусульманъ; положеніе «правителя» становилось безнадежнымъ, такъ какъ о серьезной защитѣ или объ успѣшномъ вмѣшательствѣ иностранныхъ эскадръ нечего было и думать. Возставшіе требовали удаленія князя Вида; великія державы не могли принять участіе въ ожидаемой междоусобной борьбѣ и должны были поневолѣ отказаться отъ своего неудачнаго ставленника, который, съ своей стороны, какъ прусскій офицеръ, обязанъ проявить рѣшимость и способность къ сопротивленію. Развязка можетъ оказаться фарсомъ или трагедіей, смотря по тому, какъ поступитъ въ концѣ концовъ князь Видъ; въ интересахъ не только его лично, но и солидарной съ нимъ европейской дипломатіи надо пожелать, чтобы исторія возведенія знатнаго прусскаго офицера на воображаемый албанскій престолъ сохранила характеръ сравнительно невинной и далеко не остроумной политической оперетки.

ПАМЯТИ ПРОФ. ИВАНА ИВАНОВИЧА БОРГМАНА.

9-го мая скоропостижно скончался одинъ изъ наиболѣе выдающихся нашихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, заслуженный ординарный профессоръ Спб. Университета, Электротехническаго Института и Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ, Иванъ Ивановичъ Боргманъ. Покойный родился 12 февр. 1849, воспитывался во 2-ой Спб. гимназіи и въ 1870 г. окончилъ физико-математическій факультетъ Спб. университета по разряду математическихъ наукъ. Оставленный при университетѣ, онъ въ 1873 г. отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ подъ руководствомъ Кирхгофа работалъ въ лабораторіи этого знаменитаго ученаго. Защитивъ (1877) диссертацію pro venia legendi, Иванъ Ивановичъ сдѣлался приватъ-доцентомъ, и съ тѣхъ поръ, т. е. въ теченіе 37 лѣтъ, читалъ лекціи при Спб. университетѣ. Въ 1878 г. онъ получилъ степень магистра и въ 1882 г. степень доктора физики; въ 1888 г. сдѣлался экстраординарнымъ, а затѣмъ и ординарнымъ профессоромъ.

Рѣдкая по своей интенсивности, кипучая дѣятельность покой-

наго одинаково распространялась на области ученую, учебную и общественную.

Какъ авторъ большого числа важныхъ научныхъ изслѣдованій, И. И. составлялъ гордость русской науки, и его имя одинаково извѣстно, какъ у насъ, такъ и за границей. Большинство его работъ относится къ области электрическихъ и магнитныхъ явленій; онѣ напечатаны, главнымъ образомъ, въ Журн. Русскаго Физико-Химич. Общества; многія изъ нихъ появились и въ заграничныхъ журналахъ, напр. въ Physikalische Zeitschrift, Philosophicai Magazine, Nature, Lumière électrique и др. Не входя въ разборъ этихъ работъ, слѣдуетъ сказать, что И. И. всю свою жизнь твердо стоялъ на почвѣ молекулярно-кинетическаго міровоззрѣнія, до полнаго нынѣ торжества котораго ему пришлось дожить. Онъ съ поразительною чуткостью умѣлъ правильно оцѣнивать всякій новый шагъ въ области экспериментальной и теоретической жизни. Такъ онъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи, и во всякомъ случаѣ много раньше германскихъ ученыхъ, понялъ огромное значеніе электромагнитной теоріи свѣта Максвелла, и сталъ ее излагать на докладахъ и на своихъ лекціяхъ. Въ то же время онъ относился скептически ко многимъ, недостаточно обоснованнымъ теоріямъ и правильно предсказывалъ имъ эфемерное существованіе. По своему научному направленію онъ близко примыкалъ къ славной школѣ современныхъ англійскихъ ученыхъ, за работами которыхъ онъ слѣдилъ особенно тщательно.

Учебная дѣятельность покойнаго далеко не ограничивалась чтеніемъ лекцій въ Университетѣ, въ Технологическомъ Институтѣ, въ Электротехническомъ Институтѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Онъ прочелъ большое число публичныхъ лекцій, а также лекцій для опредѣленныхъ кружковъ, обществъ и т. д. Сюда относятся его лекціи для врачей, которыхъ онъ ежегодно два раза знакомилъ съ новѣйшими успѣхами физики. Въ теченіе многихъ годовъ онъ руководилъ устроенными имъ собраніями преподавателей физики въ физическомъ институтѣ университета, гдѣ онъ самъ, а также другія, приглашенныя имъ лица читали доклады по разнообразнымъ отдѣламъ физики. Въ семинаріи, устроенномъ покойнымъ, читались доклады студентами; здѣсь упражнялись и выдвигались новыя молодыя силы, будущіе ученые.

Новый физическій институтъ былъ построенъ при самомъ дѣятельномъ участіи Ив. Ивановича, который и былъ его директоромъ, и руководителемъ многочисленныхъ научныхъ работъ, произведенныхъ въ его стѣнахъ. Постановка этихъ работъ вызвала удивленіе и восторгъ у профессора Фохта (W. Voigt), знаменитаго руководителя физическаго института въ Геттингенѣ.

Къ учебной дѣятельности слѣдуетъ отнести изданныя Ив. Ивановичемъ книги, отчасти имъ же написанныя, отчасти представлявшія переводы подъ его редакціей и съ его дополненіями. Къ первымъ относится замѣчательная книга „Магнитный потокъ и его дѣйствія“ (2-ое изданіе 1900 г.), въ которой онъ впервые и всесторонне изложилъ на русскомъ языкѣ новое ученіе и тѣмъ далъ возможность русской электротехникѣ стать на твердый, строго научный фунламентъ. Наиболѣе выдающимся слѣдуетъ, однако, признать истинно классическое сочиненіе „Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ“, по которому учился длинный рядъ поколѣній русскихъ физиковъ. Въ началѣ текущаго года вышелъ первый томъ третьяго изданія, далеко оставляющій за собою всѣ русскіе учебники, посвященные тому же отдѣлу физики. Въ немъ подробно изложены, напр., всѣ новѣйшія работы (до 1913 включительно) по вопросамъ о диффакціи рентгеновыхъ лучей и о прохожденіи электричества черезъ газы. Къ несчастью, приходится думать, что подготовительныя работы къ новому изданію остальныхъ частей этого капитальнаго труда не были закончены авторомъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій, вышедшихъ подъ редакціей покойнаго, слѣдуетъ отмѣтить „Общую физику“, „Оптику“ и „Ученіе о теплотѣ“ Эдзера. Весьма велика заслуга Ив. Ивановича, какъ иниціатора изданія „Новыя идеи въ физикѣ“, шесть выпусковъ котораго имѣли успѣхъ, превысившій всѣ ожиданія. Въ нихъ содержатся, какъ переводныя, такъ и оригинальныя статьи самого Ив. Ивановича и другихъ русскихъ ученыхъ, которыхъ онъ съумѣлъ привлечь къ этому столь полезному изданію.

Оканчивая бѣглый обзоръ ученой и учебной дѣятельности покойнаго, нельзя не указать еще на ту выдающуюся роль, которую онъ игралъ при возникновеніи у насъ и пышномъ расцвѣтѣ высшаго образованія женщинъ. Еще въ 1875 г. онъ началъ читать лекціи на бывшихъ «владимірскихъ» курсахъ, перешелъ затѣмъ на возникшіе изъ нихъ высшіе женскіе курсы, гдѣ читалъ до 1889 г., когда эти курсы были временно закрыты. Онъ возобновилъ свои лекціи во вновь окрѣпшихъ курсахъ и продолжалъ чтеніе до послѣдняго времени. При его ректорствѣ были для русской женщины широко раскрыты двери Петербургскаго Университета.

Широка и многостороння была и общественная дѣятельность покойнаго, но авторъ этихъ строкъ недостаточно съ нею знакомъ и долженъ ограничиться немногими напоминаніями.

Какъ первый выборный ректоръ, Ив. Ивановичъ съ честью держалъ въ рукахъ знамя университета въ тяжелое, бурное время. Онъ неустанно боролся за тѣ идеалы, которые онъ лелѣялъ и кото-

рыми онъ жилъ, и онъ покинулъ почетное мѣсто ректора, когда убѣдился, что этимъ идеаламъ не суждено осуществиться.

Ив. Ивановичъ былъ главнымъ устроителемъ цѣлаго ряда съѣздовъ ученыхъ: перваго и второго Менделѣевскихъ, а также нѣсколькихъ съѣздовъ естествоиспытателей и врачей; онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя (проф. Н. А. Умова) Перваго всероссійскаго съѣзда преподавателей физики, химіи и космографіи.

Его дѣятельность, какъ члена Государственнаго Совѣта и какъ члена СПБ. Городской Думы (онъ состоялъ попечителемъ Петропавловской больницы) ждетъ освѣщенія и оцѣнки болѣе свѣдущаго лица.

Характернѣйшею чертою Ив. Ивановича является непоколебимая стойкость убѣжденій, которыхъ онъ твердо и неизмѣнно держался въ продолженіе своей, далеко недостаточно долгой жизни. Они нашли откликъ въ той искренней и горячей любви, въ томъ огромномъ уваженіи, которыми онъ пользовался у всѣхъ, кто его зналъ, и, въ особенности у своихъ учениковъ и ученицъ, и которыя такъ стихійно и такъ трогательно обнаружились при его столь преждевременной смерти.

Находя глубокое удовлетвореніе въ своей непрерывной, слишкомъ кипучей дѣятельности, онъ, къ сожалѣнію, никогда не щадилъ своихъ силъ, и въ этомъ, вѣроятно, заключается причина того, что постигшая его болѣзнь, крупозное воспаленіе легкихъ, могла его такъ быстро отнять отъ родныхъ, товарищей, учениковъ и друзей.

Да будетъ легка земля незабвенному, выдающемуся ученому, которымъ гордится русская наука, и дорогому, горячо любимому учителю, о которомъ сохранится свѣтлая память, пока будутъ живы тѣ идеалы, которые составляли свѣточъ его жизни.

Проф. О. Д. Хвольсонъ.

СПБ. Май 1914 г.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Сущность конфликта между Думой и правительствомъ.—Совѣтъ министровъ, какъ органъ надзора.—Попытки Думы найти средства разрѣшенія конфликта.—Устраненіе лѣвыхъ отъ разсмотрѣнія „боевыхъ" смѣтъ.—Мысли „человѣка науки" о внутренней политикѣ подъ угломъ зрѣнія внѣшней опасности.—Неосторожный и легкомысленный упрекъ въ легкомысліи.—Рѣчь Н. С. Таганцева въ первомъ департаментѣ Государственнаго Совѣта.—Признаки времени.—І. И. Карницкій, кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій и В. А. Тихоновъ.

Формула, якобы «разрѣшающая» конфликтъ между Думой и правительствомъ, оказалась найденной съ изумительной быстротой. Всего черезъ два-три дня послѣ поголовнаго исключенія изъ Думы на пятнадцать засѣданій трудовиковъ и соціалъ-демократовъ, среди представителей думскаго большинства уже говорилось, что первый департаментъ Государственнаго Совѣта не усмотритъ въ рѣчи Н. С. Чхеидзе признаковъ состава 129 статьи уголовн. улож. и что потому возбужденное противъ него обвиненіе будетъ прекращено. Но въ засѣданіи 13 мая первый департаментъ рѣшенія о прекращеніи дѣла не вынесъ. Напротивъ, назначено предварительное слѣдствіе. Но высказывавшіяся при этомъ сужденія—(независимо даже отъ мнѣнія Н. С. Таганцева)—все-таки даютъ основаніе скорѣе думать, что преданія Н. С. Чхеидзе суду не будетъ. Такъ въ международныхъ столкновеніяхъ всѣ усилія дипломатовъ бываютъ направлены къ тому, чтобы найти формулу—проще, слова. И разъ формула найдена, конфликтъ считается разрѣшеннымъ и инцидентъ исчерпаннымъ,—пока снова не столкнутся тѣ же ранніе противорѣчивые интересы и пока снова и снова не обнаружится, что слова всегда остаются только словами. Но въ отношеніяхъ между государствами, кромѣ словъ, существуютъ лишь пушки и ружья. А потому, если сильный предлагаетъ слабому словесное разрѣшеніе спора, слабый не имѣетъ другого исхода, какъ сдѣлать видъ, что «формула» можетъ удовлетворить его попранный интересъ. Ибо онъ не можетъ не сознавать, что сильный, если захочетъ, лишитъ его словеснаго, хотя бы, утѣшенія. Въ государствѣ же, однако, для того и издаются законы, чтобы конфликты получали не словесное, а правовое разрѣшеніе.

Конфликтъ между Думой и правительствомъ возникъ отнюдь не въ силу различнаго пониманія, былъ ли въ рѣчи Н. С. Чхеидзе преступный возбуждающій призывъ, или въ ней не было состава дѣянія, воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія. Суть конфликта вытекала изъ двухъ вопросовъ, которые въ корнѣ затрагиваютъ самое бытіе законодательныхъ учрежденій и на которые совѣтъ министровъ,

вопреки буквѣ и разуму закона, далъ фактомъ представленія «дѣла» Чхеидзе въ первый департаментъ Государственнаго Совѣта утвердительные отвѣты. Во-первыхъ, имѣетъ ли право центральный органъ исполнительной власти возбуждать судебное преслѣдованіе противъ членовъ законодательныхъ палатъ за дѣйствія, сопряженныя съ обязанностями ихъ званія и совершенныя при исполненіи этихъ обязанностей? Во-вторыхъ, могутъ ли члены законодательныхъ палатъ подлежать судебной отвѣтственности, въ порядкѣ публичнаго обвиненія, за содержаніе высказываемыхъ ими мыслей и сужденій? И утвердительные отвѣты на эти вопросы «формулой» отнюдь не отмѣнены. Вопросы даже не висятъ въ воздухѣ. Нѣтъ, напротивъ, они получили и отнынѣ имѣютъ совершенно конкретное разрѣшеніе. Сегодня, допустимъ, совѣтъ министровъ «ошибся», и «дѣло», по отсутствію состава преступленія, прекращено. Но завтра можетъ быть сказана другая рѣчь, въ отношеніи которой «ошибки» не окажется. Члены Думы уже переведены на «газетное положеніе». За ними признана исполнительной властью только та свобода слова, которая не выходитъ изъ круга запретовъ уголовнаго закона. Членъ Думы, поднимающійся на трибуну, не можетъ обладать необходимымъ спокойствіемъ. Предсѣдательствующій уже не можетъ съ полнымъ политическимъ безстрастіемъ руководить преніями. И судя по послѣднимъ отчетамъ думскихъ засѣданій, слѣды «дѣла» Чхеидзе ясно отразились на психологіи предсѣдательствующихъ.

Правительство поспѣшно опровергло слухи о привлеченіи къ отвѣтственности члена Думы Гриневича за оскорбленіе войска въ засѣданіи комиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ, а равно товарища предсѣдателя А. И. Коновалова, не остановившаго Чхеидзе, когда онъ говорилъ «преступную» рѣчь. Но появленіе этихъ слуховъ было вполнѣ естественно и логично. Ничего специфическаго и такого, что отличало бы составъ 129 ст. угол. улож. отъ другихъ формъ преступнаго нарушенія свободы устнаго слова, особенно въ виду существующихъ сенатскихъ «разъясненій», конструкція возбужденія «къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія», «къ неповиновенію или противодѣйствію закону» и т. п. въ себѣ не заключаетъ. Если одинъ членъ Думы за сказанную въ Думѣ рѣчь былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности по ст. 129-ой, то другой, третій, десятый съ тѣмъ же самымъ основаніемъ могли и могутъ быть привлечены по ст. 73, 74, 103 и 128 новаго уголовнаго кодекса и по ст. 1034 и по цѣлому ряду другихъ — стараго. Что касается А. И. Коновалова, то, разъ правительство желало быть послѣдовательнымъ, оно, казалось бы, было даже обязано привлечь и его за бездѣйствіе власти. Если члены Думы приравнены къ ораторамъ на ми-

тингѣ или въ земскомъ собраніи, то почему засѣданіе Государственной Думы не приравнять къ митингу или къ засѣданію земскаго собранія, а ея предсѣдателя—къ обывателю, принявшему на себя предсѣдательствованіе на митингѣ, или къ предводителю дворянства, предсѣдательствующему въ земскомъ собраніи?

Члены Гос. Думы не могутъ подлежать судебному преслѣдованію ни за какую форму публично-правового нарушенія свободы слова. Абсолютно никакая форма не можетъ быть выдѣлена, ибо всѣ онѣ однородны. Какъ выдѣлить, напримѣръ, наиболѣе тяжкую форму—призывъ къ бунту, т. е. къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя,—когда въ Думѣ чуть не ежедневно ведется споръ вокругъ самаго понятія существующаго строя? И споръ неизбѣженъ, такъ какъ въ оффиціальной терминологіи понятіе опредѣлено двумя, взаимно уничтожающими другъ друга, признаками: «самодержавный» и «представительный». Въ засѣданіи Думы 3 мая г. Марковъ, предсѣдатель «обновленнаго» союза русскаго народа, говорилъ: «Правые стоятъ за существующій государственный строй, который есть строй самодержавный, и никакого государственнаго переворота не измышляютъ. Заговора противъ конституціи нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ конституціи. И къ партіямъ государственнаго переворота надо причислить тѣхъ, которые, какимъ бы то ни было путемъ, хотятъ водворить въ Россіи конституцію». «Никакой конституціи—взывалъ онъ далѣе—17 октября даровано не было, а было лишь ограничено самодержавіе бюрократіи»... Призывъ къ бунту въ данномъ направленіи, конечно, никакой опасности не представляетъ, ни въ Думѣ, ни въ газетной статьѣ, ни на митингѣ. Но что въ словахъ г. Маркова были признаки именно бунтовщическаго призыва, въ этомъ едва-ли могутъ быть сомнѣнія.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, и не одинъ разъ ранѣе, мы высказывались, что отъ отвѣтственности за частно-правовыя посягательства, совершенныя въ отношеніи лицъ, не принадлежащихъ къ составу законодательныхъ учрежденій,—и именно въ судебномъ порядкѣ,—члены этихъ учрежденій не могутъ быть освобождаемы. Рѣчь епископа Анатолія, при обсужденіи смѣты Синода, дала новое подтвержденіе нашей мысли. «Что касается ереси имябожниковъ,—говорилъ онъ,—то главнымъ виновникомъ всей смуты является отставной офицеръ Булатовичъ, типъ нашей интеллигенціи, выбитый изъ колеи, человѣкъ, потерявшій карьеру и мечущійся изъ стороны въ сторону, чтобы такъ или иначе прилично существовать. Булатовичъ поднялъ въ Аѳонскомъ монастырѣ смуту, чтобы получить доступъ къ кассѣ, и неизвѣстно еще, сколько десятковъ тысячъ убѣжавшій съ Аѳона Булатовичъ унесъ съ собой изъ монастырской кассы». На другой день одинъ изъ род-

ственниковъ іеросхимонаха Булатовича въ письмѣ, напечатанномъ въ «Новомъ Времени», горячо протестовалъ противъ брошенныхъ въ него позорныхъ обвиненій. Но достаточно ли для возстановленія чести его имени этого случайнаго письма, случайно напечатаннаго въ одной газетѣ?

Смыслъ судебныхъ дѣлъ о клеветѣ не въ наказаніи оклеветавшаго, а въ снятіи позорнаго пятна съ оклеветаннаго. И было бы величайшей несправедливостью отказывать въ правѣ обратиться къ суду частному человѣку, лишенному возможности, подобно тому, кто его оклеветалъ, взойти на думскую каѳедру и доказать, что сказанное о немъ—неправда. Г. Пуришкевичъ «раздѣлалъ» въ Думѣ чуть не десять губернаторовъ; онъ касался и ихъ неслужебной жизни. Сами они, правда, не могутъ представить Думѣ опроверженій; но у нихъ есть начальникъ,—министръ внутреннихъ дѣлъ,—который имѣетъ право говорить съ думской каѳедры и который обязанъ снять съ своихъ подчиненныхъ клеветническій извѣтъ,—если, конечно, таковой извѣтъ былъ допущенъ. Для частнаго человѣка никакого другого способа возстановить честь не существуетъ, кромѣ какъ всестороннее разсмотрѣніе дѣла въ гласномъ судѣ, гдѣ оклеветавшій будетъ находиться въ одинаковыхъ и равныхъ условіяхъ съ бросившимъ въ него передъ Государственной Думой клевету, немедленно же ставшую всеобщимъ достояніемъ. Никакое дисциплинарное разбирательство въ дѣлахъ о клеветѣ не можетъ замѣнить судебнаго, а для членовъ законодательныхъ учрежденій такая отвѣтственность ни въ чемъ не можетъ препятствовать исполненію обязанностей ихъ званія. За органами власти законодательныя учрежденія имѣютъ права надзора и при его осуществленіи порою неизбѣжны выводы на основаніи не точно установленныхъ и недостаточно провѣренныхъ данныхъ; право же цензуровать нравы частныхъ лицъ имъ не принадлежитъ, и ставить ихъ, въ отношеніи чести послѣднихъ, не въ тѣ условія, въ какихъ находятся всѣ граждане, — нѣтъ никакихъ основаній. Если епископъ Анатолій сказалъ объективную правду, судебное ея признаніе тѣмъ болѣе покроетъ позоромъ іеросхимонаха Булатовича. Если онъ добросовѣстно заблуждался, судъ не назоветъ его клеветникомъ, но съ Булатовича извѣтъ будетъ снятъ. Если же онъ сказалъ завѣдуемую неправду, то іеросхимонахъ Булатовичъ имѣетъ несомнѣнное право требовать, чтобы это удостовѣрилъ судебный приговоръ.

Возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ Н. С. Чхеидзе по иниціативѣ совѣта министровъ не находитъ оправданія, съ какой бы стороны ни подойти къ вопросу. Въ первой Думѣ ставилось лозунгомъ: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной». За время третьей Думы совершилось фактическое подчиненіе законо-

дательной власти, въ лицѣ Думы и отчасти Государственнаго Совѣта, власти исполнительной. Но фактъ не создаетъ права. Ни послушаніе октябристовъ, ни стремленіе правыхъ добиться лишенія Госуд. Думы ея прерогативъ, юридическаго положенія законодательныхъ учрежденій не измѣнили. Дума, какъ была создана манифестомъ 17 октября и основными законами 23 апрѣля 1906 года, такъ и остается органомъ законодательной власти, опредѣленно обособленнымъ отъ органовъ власти исполнительной. Слѣдовательно, совѣтъ министровъ дѣйствовать, въ данномъ случаѣ, въ порядкѣ соподчиненія властей, само собою разумѣется, не имѣлъ права. Но онъ не имѣлъ права дѣйствовать и какъ органъ надзора, ибо Государственная Дума, въ отношеніи министерства, имѣетъ право надзора, хотя и не идущаго вплоть до права возбужденія судебнаго преслѣдованія, но отнюдь не наоборотъ.

Привлеченіе къ судебной отвѣтственности есть, вообще говоря, функція надзора. Въ отношеніи должностныхъ лицъ, ее осуществляетъ ихъ начальство, въ отношеніи лицъ частныхъ,—прокуратура, не напрасно именуемая прокурорскимъ надзоромъ. Члены Госуд. Думы не суть должностныя лица, и право надзора за ихъ дѣйствіями, не сопряженными съ обязанностями званія, принадлежитъ, на общемъ основаніи, прокуратурѣ. Такъ дѣло соціалъ-демократовъ второй Думы было возбуждено не совѣтомъ министровъ, а прокуроромъ петербургской судебной палаты, и имъ же было дано предложеніе судебному слѣдователю приступить къ производству слѣдствія. Но въ моментъ исполненія обязанностей званія—на думской трибунѣ, въ засѣданіи коммиссій и т. д.—члены Думы суть единицы, изъ совокупности которыхъ слагается Дума, т.-е. органъ законодательной власти, по самой природѣ своей свободный отъ какого бы то ни было сторонняго надзора. Когда членъ Гос. Думы говоритъ рѣчь, единственный органъ надзора въ отношеніи его—предсѣдатель; единственный органъ, которому можетъ принадлежать право наложенія кары,—Дума, ея вотумъ. Членъ Гос. Думы, какъ и каждый ораторъ, можетъ допускать эксцессы слова, и если бы законъ даже устанавливалъ уголовную отвѣтственность за публично-правовыя нарушенія свободы депутатскаго слова, то и въ такомъ случаѣ инціатива возбужденія судебнаго преслѣдованія должна была бы исходить отъ Думы, въ формѣ рѣшенія, принятаго по предложенію предсѣдателя.

Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Рѣчи» одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію, оспаривая правильность привлеченія къ суду Н. С. Чхеидзе говорилъ: «Такое право, если бы оно было признано за правительствомъ, на практикѣ значительно парализовало бы право или, вѣрнѣе, обязанность нижней палаты слѣдить за закономѣрностью дѣйствія властей. Ибо при толкованіи свободы слова

депутатовъ только въ предѣлахъ, установленныхъ для всѣхъ гражданъ, открывалась бы возможность возбужденія дѣла объ отвѣтственности по суду депутата за любое слово критики по адресу каждаго представителя правительства». Что можно возразить противъ этого аргумента? Что можно сказать въ пользу права контролируемаго осуществлять функціи надзора за контролирующимъ?

При системѣ парламентаризма, существуютъ два способа правомѣрнаго разрѣшенія конфликта между палатой и правительствомъ: отставка кабинета или роспускъ палаты съ назначеніемъ новыхъ выборовъ. Хотя у насъ, «слава Богу, нѣтъ парламента», но и у насъ едва-ли можетъ быть предложенъ какой-либо третій способъ. При парламентаризмѣ, исходъ обезпеченъ за обѣими сторонами: палата можетъ потребовать отставки кабинета, кабинетъ можетъ отвѣтить роспускомъ; при отсутствіи же парламентаризма, конфликтъ можетъ и не получить разрѣшенія вовсе, ибо отъ палаты не зависитъ ни отставка министровъ, ни роспускъ.

Когда получились самыя первыя извѣстія о привлеченіи Н. С. Чхеидзе, въ оппозиціонныхъ фракціяхъ Думы, въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, сталъ дебатироваться вопросъ о роспускѣ. Для депутатовъ роспускъ есть средство апеллировать къ тѣмъ, кто снабдили ихъ своими полномочіями, и желаніе избранныхъ услышать голосъ избирателей въ моментъ возникновенія такого остраго конфликта было совершенно естественно. Но если нелегка задача «сберечь Думу», то не просто добиться и роспуска. Есть еще другой способъ обращенія къ избирателямъ: сложеніе полномочій каждымъ депутатомъ въ отдѣльности. Но по нашему выборному закону этотъ способъ могъ бы вовлечь въ споръ между Госуд. Думой и министерствомъ только Петербургъ, Москву, Кіевъ, Одессу, Ригу, Варшаву и Лодзь. Въ губерніяхъ же были бы созваны выборщики, личный и партійный составъ которыхъ опредѣлился еще въ 1912 году. Да и въ названныхъ семи городахъ цѣль не была бы достигнута, ибо при полной непопулярности въ большихъ центрахъ правыхъ политическихъ теченій, возгорѣлись бы только старые счеты: въ Петербургѣ и Москвѣ между кадетами и соціалъ-демократами, въ Ригѣ—между нѣмцами и латышами, въ Варшавѣ и Лодзи—между поляками и евреями; а въ Одессѣ снова разыгралась бы выборная вакханалія, въ результатѣ которой еврейскими голосами оказался бы выбраннымъ ярый антисемитъ.

Оппозиціонныя фракціи, въ рядахъ которыхъ оказались на этотъ разъ и оба оттѣнка октябристовъ, избрали различныя формы

протеста. Первыми по времени активно выступили соціалъ-демократы и трудовики. Они выразили протестъ шумно и бурно, въ формѣ, такъ называемой, обструкціи. Послѣ ихъ исключенія, кадеты и прогрессисты предложили отказаться отъ обсужденія законопроекта о контингентѣ новобранцевъ. Затѣмъ, тѣ же двѣ фракціи потребовали отклоненія бюджета полностью по каждому вѣдомству; но октябристы ни на то, ни на другое не согласились и стали отклонять лишь отдѣльныя смѣтныя ассигнованія. Какъ одну изъ формъ протеста, Государственная Дума приняла срочное разсмотрѣніе законопроекта о безотвѣтственности депутатовъ. Что представляютъ собою всѣ эти столь далекіе, на первый взглядъ, способы дѣйствія: голую ли демонстрацію, или попытки найти реальный исходъ изъ создавшагося положенія?

Мы склонны видѣть второе. Производить демонстрацію для демонстраціи,—для шума, для скандала, для привлеченія вниманія,—свойственно толпѣ, но не государственному учрежденію. А такъ какъ реальный исходъ возможенъ лишь двоякій,—или побѣда, т. е. отставка министерства, или вынужденный роспускъ,—то всѣ разнообразныя попытки его найти, въ сущности, суть средства, ведущія, или точнѣе сказать, долженствующія вести къ одной цѣли. Если же такъ, то даже самыя крайнія формы—та, къ которой прибѣгли лѣвые, и та, на которой остановились октябристы-земцы,—отнюдь не являются, по содержанію, безгранично удаленными одна отъ другой. Уже по одному этому, впервые образовавшемуся оппозиціонному большинству Думы не слѣдовало, казалось бы, проявлять того отношенія къ своимъ союзникамъ хотя бы на короткій моментъ, которое съ такой пунктуальной послѣдовательностью имъ было проявлено.

Конечно, безпорядокъ, крикъ, шумъ, стукъ по пюпитрамъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ быть оправданы. И не въ томъ заслуживаютъ упрека октябристы и прогрессисты, что они вотировали за предложеніе М. В. Родзянко исключить шумѣвшихъ. Не на нихъ падаетъ отвѣтственность и за то, что въ залъ засѣданій были введены думскіе сторожа. Разъ состоялось постановленіе Думы, оно во что бы то ни стало должно было быть приведено въ исполненіе, и члены Думы, отказывавшіеся добровольно покинуть залъ засѣданій, не могли не сознавать, что своимъ отказомъ они нарушаютъ достоинство Думы. Октябристы, насколько это отъ нихъ зависѣло, заслуживаютъ упрека за то, что, согласившись на исключеніе на пятнадцать засѣданій двухъ фракцій Думы въ полномъ составѣ, не приняли мѣръ къ тому, чтобы отъ этого не пострадало всестороннее разсмотрѣніе Думою стоявшихъ на очереди дѣлъ первостепенной важности. При поголовномъ отсутствіи соціалъ-демократовъ и трудовиковъ происходили общія пренія по бюджету, разсмотрѣны

самыя боевыя смѣты—Синода и министерства внутреннихъ дѣлъ и приняты секретные военные законопроекты и въ ихъ числѣ—законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ. Какъ ни далеки октябристы по политическимъ воззрѣніямъ отъ соціалистическихъ группъ Думы, какъ ни повинны они, ихъ пятилѣтнимъ «послушаніемъ», во всемъ томъ, что переживаетъ сейчасъ Дума,—имъ, все-таки, не приличествовало уподобляться правымъ, которые откровенно ликовали, что смѣта Синода пройдетъ въ отсутствіи лѣвыхъ.

Кадеты и прогрессисты были безспорно правы, когда настаивали на отсрочкѣ разсмотрѣнія законопроекта о контингентѣ. Если бы и не было конфликта съ правительствомъ, фактъ отсутствія двухъ лѣвыхъ фракцій давалъ для того всѣ основанія,—совершенно независимо отъ причины ихъ отсутствія. Въ комиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ ни соціалъ-демократы, ни трудовики вовсе не имѣютъ представительства. Засѣданія комиссіи происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, даже для членовъ Думы. Матеріалы по законопроекту о контингентѣ заранѣе разосланы не были. При такихъ условіяхъ получилось, что голоса представителей двухъ политическихъ теченій, хотя и слабо представленныхъ въ Думѣ, но широко разлитыхъ въ странѣ, не могли быть ни услышаны, ни приняты во вниманіе представителями другихъ теченій. Правые и націоналисты, конечно, разсудили просто: «тѣмъ лучше». Но кто рѣшился встать на защиту достоинства Думы, тѣ не могли не сознавать, что занятая ими позиція обязываетъ самимъ уважать ея достоинство. Въ томъ ли достоинство Думы, что законопроектъ о контингентѣ прошелъ гладко, или оно должно быть въ томъ, чтобы большинство не подавляло и не устраняло меньшинства?

Нѣтъ спора, что отсрочка разсмотрѣнія законопроекта о контингентѣ могла повлечь немедленный роспускъ Думы. Но неужели же октябристы смотрятъ на свой образъ дѣйствій, какъ на голую демонстрацію? Неужели они довольствуются бюджетными уколами,—ибо болѣе, по дѣйствующимъ бюджетнымъ правиламъ, Дума ничего вѣдомственнымъ хозяйствамъ причинить не можетъ,—какъ средствомъ доставить тому или другому министру нѣсколько непріятныхъ минутъ? Неужели они начали борьбу не съ открытыми глазами,—не стремясь къ роспуску, если правительство не уступитъ, а даже опасаясь роспуска? Справа дѣлались попытки устыдить оппозицію тѣмъ, что она, отклоняя кредиты, жертвуетъ интересами населенія и государства, и октябристы съ этой точки зрѣнія стремились проводить различіе, какъ между ассигнованіями, такъ и законопроектами. Но ни одинъ, полагаемъ, законопроектъ не поступаетъ въ Думу лишь для удовлетворенія желанія министровъ, и ни одна, полагаемъ, копѣйка не

вносится въ смѣту, если ея ассигнованія не требуютъ интересы населенія и государства. Разграничивать при бюджетной борьбѣ смѣтныя ассигнованія можно лишь по формальному основанію: имѣетъ ли Дума право отвергнуть данный кредитъ или нѣтъ, т. е., другими словами, будетъ ли имѣть практическое значеніе отклоненіе кредита, или оно этого значенія имѣть не будетъ. Какъ ни свято, скажемъ, дѣло народнаго образованія, но не менѣе цѣнна и независимость законодательныхъ учрежденій отъ надзора исполнительной власти. Борьба Думы съ правительствомъ, въ какой бы она формѣ ни велась,—не шутка. Само собою разумѣется, отъ этой борьбы не могутъ не страдать интересы и населенія, и государства. Если же разграничивать среди этихъ интересовъ болѣе важные отъ менѣе важныхъ, то нечего было и начинать борьбу. Весьма характерно разрѣшило вопросъ о такомъ разграниченіи польское коло. По всѣмъ предлагавшимся къ отклоненію кредитамъ въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ коло голосовало съ оппозиціей, и такъ какъ отклоненіе проходило самымъ незначительнымъ большинствомъ, то голоса поляковъ имѣли рѣшающее значеніе; при баллотировкѣ же предложенія объ отклоненіи кредита на удовлетвореніе потребностей губерній Царства Польскаго они отдали свои голоса правымъ и націоналистамъ, и ассигнованіе въ смѣтѣ осталось. Представитель коло такъ и заявилъ: «Эта сумма является неотложной и необходимой». Борьба—борьбой, а что «мнѣ» нужно, то «важно» и то подай...

Въ связи съ законопроектомъ о безотвѣтственности депутатовъ «за мнѣнія и сужденія», выдвинулся вопросъ о созданіи думскаго дисциплинарнаго суда. Потребность въ такомъ судѣ, несомнѣнно, назрѣла; но вопросъ о немъ есть вопросъ чрезвычайно важный и совершенно самостоятельный, а потому разрѣшать его попутно, въ связи съ разыгравшимся конфликтомъ, было бы въ высшей степени нецѣлесообразно.

Неоднократно подчеркивая, что онъ «человѣкъ науки», членъ Думы отъ Одессы, проф. Левашевъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ обрисовалъ современное международное положеніе Россіи: «Горизонтъ окутанъ густыми, мрачными грозовыми тучами. Надвигается жестокій штормъ, и слышны уже раскаты отдаленнаго грома»... «Съ запада рыцари въ блестящемъ вооруженіи и въ полной боевой готовности ждутъ только приказанія, чтобы ринуться на насъ стремительной лавиной, въ полной надеждѣ отобрать у насъ лучшія и плодороднѣйшія земли и отбросить, какъ якобы азіатовъ, далеко на востокъ, за Волгу или даже за Уралъ и наложить тяжелую дань»... «Въ то же самое время съ востока безчисленныя, какъ песчинки морского дна, хитрыя желтолицыя расы каждую минуту готовы обрушиться на насъ всей

своей громадной массой въ яростномъ осуществленіи принципа «Азія для азіатовъ» и тоже отбросить насъ за Уралъ»...

И, чтобы оцѣнить все значеніе этой «жуткой», нарисованной воображеніемъ г. Левашева, картины и этихъ «страшныхъ» его словъ, необходимо помнить, что картина была нарисована и слова были сказаны не въ закрытомъ засѣданіи Думы, при обсужденіи вопросовъ обороны, а въ открытомъ, при обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ и непосредственно вслѣдъ за рѣчью Н. А. Маклакова. Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ была по внѣшности «защитнаго цвѣта», а по существу носила полемическій характеръ. Онъ оправдывался. Онъ говорилъ о несправедливости утвержденія, будто законодательныя учрежденія «претятъ ему», доказывалъ, что чины его вѣдомства «отъ зари до зари, не разгибая спины, сидятъ за работой», что общественные дѣятели, «которые исповѣдуютъ нелегализованное теченіе политической мысли», при избраніи земствомъ и городами утвержденію, «конечно», не подлежатъ и что это настолько просто, «что каждый напередъ можетъ знать, будетъ ли онъ утвержденъ, или нѣтъ». Въ отношеніи преслѣдованія печати, и особенно рабочей, Н. А. Маклаковъ заявилъ, что «нельзя останавливаться на половинчатыхъ мѣропріятіяхъ» и что иное пониманіе гражданской свободы, чѣмъ то, котораго онъ держится, «есть глумленіе надъ здравымъ смысломъ и самое беззастѣнчивое и величайшее насиліе надъ мирнымъ населеніемъ». Словомъ, рѣчь Н. А. Маклакова была тѣмъ обычнымъ отвѣтомъ министра Думѣ, исчерпывающій смыслъ котораго вѣрно опредѣлилъ его предшественникъ, А. А. Макаровъ: «такъ было и такъ будетъ». Никакого теоретическаго фундамента ни подъ что Н. А. Маклаковъ не подводилъ; всѣ вопросы общаго характера, которые ему прямо ставили ораторы оппозиціи и даже октябристы, онъ тщательно обошелъ молчаніемъ. На эти-то вопросы за него и отвѣтилъ г. Левашевъ. Слова послѣдняго заслуживаютъ особеннаго вниманія не только тѣмъ, что въ этотъ разъ рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ не встрѣтила сочувствія даже въ рядахъ націоналистовъ и что ей апплодировали одни крайніе правые, но и тѣмъ, что г.г. Маклакова и Левашева связываетъ значекъ пуришкевичевскаго «союза Михаила Архангела», т. е. единство въ исповѣдываніи «легализованнаго» теченія политической мысли. Всего черезъ день послѣ выступленія г. Левашева, г. Пуришкевичъ, показывая на ложу министровъ, объявилъ безъ всякихъ обиняковъ: «Здѣсь сидятъ мои политическіе друзья и единомышленники».

Свои «страшныя» слова г. Левашевъ отнюдь не считаетъ «громкими фразами». Напротивъ, онъ считаетъ «громкими фразами» утвержденія противоположныя и про себя заявлялъ: «Долгое время мнѣ при-

шлось заниматься изученіемъ человѣческой природы, и я привыкъ дѣлать заключенія на основаніи точныхъ данныхъ». И, исходя изъ цитированныхъ «точныхъ данныхъ», онъ предложилъ вниманію Государственной Думы слѣдующее разсужденіе: «Передъ задачей обороны отъ внѣшнихъ враговъ все остальное блѣднѣетъ, стушевывается и отходитъ на задній планъ. Малѣйшая ошибка въ ея выполненіи неминуемымъ послѣдствіемъ будетъ имѣть разгромленіе Россіи, исчезновеніе ея съ лица земного». «Такимъ образомъ, наша главная задача въ постоянной войнѣ на всѣхъ фронтахъ, защитѣ самостоятельности и своей территоріи. Эта задача отодвигаетъ на задній планъ заботы о внутреннемъ благоустройствѣ, объ облегченіи быта отдѣльныхъ классовъ, сословій и личности,—такъ какъ интересы послѣднихъ должны постоянно приноситься въ жертву пользѣ государства». «Что можетъ дать намъ конституція, кромѣ полной гибели Россіи, расхищенія ея болѣе умными сосѣдями и порабощенія нѣмцами не только русскихъ, но и всѣхъ славянъ вообще?» «Только подъ стягомъ, на которомъ начертано «православіе и самодержавіе», русскій народъ можетъ найти защиту отъ враговъ, можетъ преодолѣть, отогнать»... Дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ,—сказалъ въ итогѣ г. Левашевъ,—«направлена на укрѣпленіе русскихъ устоевъ». А потому отъ лица фракціи правыхъ онъ выразилъ привѣтствіе «разъясненіямъ» Н. А. Маклакова и снабдилъ привѣтствіе лишь однимъ укоромъ: «значительная часть земель захвачена въ юго-западномъ краѣ евреями».

Г. Левашевъ извѣстенъ, какъ опытный и искусный окулистъ. Но внѣ предѣловъ своей спеціальности онъ тоже слишкомъ хорошо извѣстенъ и именно съ той стороны, которая не даетъ ему права связывать свое имя съ наукой. Истинное, нелицепріятное служеніе наукѣ не можетъ не накладывать на человѣка нравственнаго отпечатка. А г. Левашеву долгія занятія «изученіемъ человѣческой природы» не помѣшали разгромить Новороссійскій университетъ, разогнать профессоровъ, заполонить аудиторіи и клиники сыщиками, внести тотъ раздоръ въ студенческую среду, который оплаченъ кровью, и принять избраніе въ ректоры отъ коллегіи, изъ которой только-что, именно для обезпеченія успѣха его кандидатуры, были удалены въ «охранномъ» порядкѣ три уважаемыхъ профессора, среди нихъ—бывшій ректоръ Занчевскій. Наука, наконецъ, не помѣшала ему принять избраніе въ члены Государственной Думы съ помощью мертвыхъ душъ, «карусели» и т. п. По существу, экскурсія г. Левашева въ область политики тоже не обнаружила ничего другого, кромѣ обывательскихъ страховъ при видѣ, какъ растетъ культура на западѣ и какъ становится тѣсно «желтолицымъ азіатамъ». Рецептъ спасенія—давно извѣстный: возвратъ отъ новаго строя къ «исконнымъ нача-

ламъ», поскольку «новый строй» необходимо предполагаетъ «заботы о внутреннемъ благоустройствѣ и объ облегченіи быта отдѣльныхъ классовъ, сословій и личности» и поскольку при «исконныхъ началахъ» во внутренней политикѣ существовала одна забота—о полицейскомъ благополучіи.

Обосновывая необходимость возврата назадъ, политики типа г. Левашева, въ отличіе отъ прежнихъ славянофиловъ, выставляютъ «стягъ», на которомъ начертано: «самодержавіе и православіе», исключительно въ его историческомъ значеніи. Признаемъ на минуту вмѣстѣ съ ними, что Карамзинъ былъ правъ, когда, оглядываясь на времена московскаго царства, Петра I и Екатерины II, писалъ свои извѣстныя слова о единоначаліи, разновластіи и самодержавіи. Но можно ли выкидывать изъ исторіи цѣлое столѣтіе, отдѣляющее современность отъ Карамзина? Какую цѣну имѣли бы слова Карамзина, если бы онъ не бралъ въ поле своего историческаго кругозора ближайшія къ нему сто лѣтъ и строилъ выводы на времени, предшествовавшемъ воцаренію Петра? Можно ли, устанавливая историческое положеніе въ XX вѣкѣ, игнорировать цѣлыя три четверти XIX вѣка и десять лѣтъ текущаго,—все, прожитое и пережитое страной съ исчерпывающе уже выясненнаго теперь дня 14 декабря 1825 года? Можно ли выкидывать два историческихъ момента исключительной важности, когда передъ русскимъ народомъ именно стояла задача «найти защиту отъ враговъ», «преодолѣть» и «отогнать»? Можно ли забывать Севастополь и Цусиму? Если же ихъ забывать нельзя, если въ историческихъ посылкахъ обязательно должны найти свое мѣсто и разгромъ 1855 года, и разгромъ 1905 года,—то ясно, что повторять тезисъ Карамзина уже не приходится.

И столь же ясно дальнѣйшее,—какъ это, тоже много позже Карамзина, блестяще доказали въ 1870 году «болѣе умные» наши сосѣди. Задача внѣшней обороны, въ современныхъ условіяхъ государственно-народной жизни, не только не отодвигаетъ на задній планъ заботы о внутреннемъ благоустройствѣ и о бытѣ населенія, но, напротивъ, повелительно требуетъ, чтобы эти заботы были положены во главу угла. «Конституція» же, отъ которой г. Левашевъ, въ своей прямолинейной наивности, не ждетъ ничего, кромѣ «полной гибели Россіи», есть—опять въ условіяхъ современности—единственная форма государственнаго бытія, при которой заботы «о внутреннемъ благоустройствѣ» могутъ получить дѣйствительное торжество надъ заботами о полицейскомъ благополучіи. Не недостатокъ пушекъ, кораблей и ружей долженъ и можетъ внушать опасенія, — если принять страхи г. Левашева за «точныя данныя»,—а всеобщее недовольство, захватившее всѣ слои населенія, вплоть до дворянъ - земцевъ и до домо-

владѣльцевъ-горожанъ. То, «конечно», въ силу котораго г. Маклаковъ не утверждаетъ общественныхъ избранниковъ, исповѣдующихъ «нелегализованное теченіе политической мысли», тѣ работы «отъ зари до зари» надъ законодательной вермишелью, когда до боли назрѣли громадной важности реформы, тѣ «неполовинчатыя» мѣропріятія, которыя душатъ все живое и творческое, нарождающееся въ народномъ сознаніи, преслѣдованіе инако вѣрующихъ, привлеченіе къ отвѣтственности Н. С. Чхеидзе, покупка за счетъ казны изданій Пуришкевича и т. д., и т. д.,—вотъ что, прежде всего и главнымъ образомъ, вызываетъ внѣшнюю мощь. Не нужно быть «человѣкомъ науки», а нужно только не быть слѣпымъ, чтобы это видѣть. Г. Левашевъ, какъ бы вскользь, упомянулъ, что для побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ необходима «и бодрость духа населенія». Что же въ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ онъ усмотрѣлъ такого, что можетъ служить залогомъ «бодрости духа» не подонковъ городской голытьбы, комплектующей союзническія чайныя, не погромщиковъ, не «объединенныхъ дворянъ», а населеніе?

Если, въ виду близости «легализованнаго» теченія политической мысли, слова г. Левашева можно принять за отраженіе мыслей г. Маклакова, а, быть можетъ, и всего совѣта министровъ, то уже одно построеніе рѣчи профессора-окулиста нельзя не признать печально-знаменательнымъ. До сихъ поръ отправной точкой всѣхъ программныхъ думскихъ рѣчей съ крайней правой служила революція. Сначала — революція въ настоящемъ, затѣмъ — въ прошломъ и въ будущемъ. Обычно рисовались «ужасы» революціи — бомбы, поджоги, терроръ. Далѣе, выставлялось утвержденіе, что всепоглощающая задача минуты есть борьба съ революціей и предотвращенія ея повторенія. Въ итогѣ осуждалась «конституція», какъ «завоеваніе» революціи, и воздавалась хвала министру, насколько онъ не останавливается въ разграниченіи законныхъ и незаконныхъ мѣръ подавленія и предотвращенія. Въ тѣхъ же тонахъ говорилъ другой защитникъ политики Н. А. Маклакова,—г. Пуришкевичъ, откровенно, кстати сказать, сознавшійся, что онъ давно похоронилъ чувство «ложнаго» стыда. Бывшій бессарабскій, а нынѣ курскій представитель разсказывалъ, для увеселенія Думы, тайны губернаторскихъ кутежей, послѣ которыхъ ихъ развозятъ въ каретахъ скорой помощи. Но и изъ-за пикантныхъ анекдотовъ ясно видны были его ядовитыя стрѣлы по адресу генер. Джунковскаго за то, что тотъ «почти» уничтожилъ «внутреннее освѣщеніе» дѣятельности революціонныхъ организацій, т. е. за то, что онъ не желаетъ пользоваться услугами Азефовъ. Г. Левашевъ рѣзко отступилъ отъ этого привычнаго шаблона. Отправная точка его рѣчи по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ — страхъ внѣшней опасности,

и именно этотъ страхъ поставленъ въ логическую связь съ «привѣтствіемъ» друзей и единомышленниковъ... Неужели намъ снова предстоитъ пережить недавній экспериментъ отвлеченія вниманія отъ дѣлъ внутреннихъ путемъ поднятія интереса къ дѣламъ внѣшнимъ?..

Имена И. Л. Горемыкина и, главнымъ образомъ, Н. А. Маклакова затмили въ послѣднее время, все-таки, самое яркое имя «объединеннаго» кабинета, — имя Л. А. Кассо. Но если отъ факта привлеченія Н. С. Чхеидзе вернуться нѣсколько назадъ и если связать его съ фактами предшествующими, правда, не столь громкими, то станетъ ясно, что напрасно думскіе октябристы направили всю силу бюджетныхъ уколовъ и краснорѣчія противъ одного министра внутреннихъ дѣлъ. Н. А. Маклаковъ явился иниціаторомъ лишь общей постановки вопроса объ ограниченіи независимости членовъ законодательныхъ учрежденій; въ конкретной же постановкѣ тотъ же самый вопросъ министромъ народнаго просвѣщенія значительно раньше дважды былъ не только предложенъ къ разрѣшенію, но и разрѣшенъ. И если принять во вниманіе, что объектами «воздѣйствія» Л. А. Кассо были въ обоихъ случаяхъ представители отнюдь не крайнихъ воззрѣній, а Д. Д. Гриммъ, примыкающій къ весьма политически-скромной академической группѣ членовъ Государственнаго Совѣта, и Е. П. Ковалевскій—октябристъ, то, въ сущности, разница въ формѣ воздѣйствій, которыя примѣнилъ Л. А. Кассо и которое предложилъ Н. А. Маклаковъ, представится не столь рѣзкой. Въ политической борьбѣ, когда ее ведетъ правящая власть, уголовная кара есть придатокъ, дающій лишь удовлетвореніе чувству мести; главная же цѣль политической борьбы устранить противника. Л. А. Кассо сдѣлалъ все, для него возможное, чтобы устранить Д. Д. Гримма. Въ отношеніи Е. П. Ковалевскаго никакой сверхзаконной даже возможности для устраненія изъ Думы не было, и онъ поступилъ по началу давно извѣстной въ уголовномъ правѣ теоріи общаго психическаго предупрежденія: «дабы другимъ, на то смотря, тако дѣяти не повадно было».

Въ мартовской книгѣ «Вѣстника Европы» мы отмѣтили объясненіе товарищемъ министра народнаго просвѣщенія барономъ Таубе причинъ гнѣва Л. А. Кассо противъ Е. П. Ковалевскаго, безъ малѣйшаго непосредственнаго повода, внезапно получившаго «освобожденіе» отъ предсѣдательствованія въ комиссіи по устройству народныхъ чтеній. «Съ несомнѣнностью установлено, — говорилъ баронъ Таубе сотруднику «Рѣчи»,—что ревизіонная комиссія не обнаружила въ кассѣ (въ пенсіонной кассѣ министерства) никакихъ бумагъ «со-

мнительной цѣнности», какъ неосторожно выразился членъ Государственной Думы Е. П. Ковалевскій въ своемъ вообще весьма легкомысленномъ и полномъ фактическихъ ошибокъ докладѣ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1914 годъ». Не имѣя въ то время передъ собою доклада бюджетной комиссіи, мы не касались заявленія бар. Таубе по существу и обратили вниманіе лишь на полную, казалось бы, недопустимость со стороны представителя министерства говорить авторитетнымъ тономъ для помѣщенія въ газетѣ, что составитель доклада комиссіи законодательнаго учрежденія «неосторожно выразился», и называть принятый комиссіями докладъ «легкомысленнымъ и полнымъ фактическихъ ошибокъ».

Въ настоящее время докладъ прошелъ черезъ Государственную Думу и есть возможность остановиться на содержаніи обвиненій, брошенныхъ барономъ Таубе въ газетной бесѣдѣ. Внимательное чтеніе доклада свидѣтельствуетъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія обнаружилъ столько же «смѣлости», чтобы не сказать болѣе, въ существѣ своихъ утвержденій, сколько нежеланія различать допустимое отъ недопустимаго въ отзывахъ исполнительной власти о Государственной Думѣ. Считаемъ долгомъ привести нѣсколько выдержекъ изъ доклада, во-первыхъ, потому, что онѣ даютъ отчетливую характеристику политики министерства народнаго просвѣщенія и существующихъ въ немъ порядковъ, а, во-вторыхъ, потому, что, воспроизводя слова бар. Таубе, мы тѣмъ самымъ нравственно обязаны ихъ опровергнуть.

О принадлежащихъ кассѣ процентныхъ бумагахъ говорится на стр. 95 и 96 доклада, но при этомъ никакія бумаги бумагами «сомнительной цѣнности» не названы. «Неосторожно выразился», слѣдовательно, не Е. П. Ковалевскій, а тотъ, кто приписалъ ему слова, которыхъ онъ не употреблялъ. Въ отношеніи операцій съ бумагами, охарактеризованы не столько качества ихъ, сколько порядокъ и условія покупки и продажи, и здѣсь, дѣйствительно, министерство могло прочесть нѣчто, для себя весьма непріятное. Е. П. Ковалевскій писалъ: «Переплата по некотирующимся на петербургской биржѣ процентнымъ бумагамъ составляетъ, по свѣдѣніямъ докладчика, около 60 тыс. рублей»... «Если сравнить извѣстныя докладчику покупки процентныхъ бумагъ, дѣлавшіяся черезъ частныя конторы, съ оффиціальными биржевыми бюллетенями, то получаются довольно значительныя переплаты, достигшія, напримѣръ, въ 1912 г. свыше 100.000 р. для бумагъ, котирующихся на с.-петербургской биржѣ. Едва-ли можно одобрить также въ дѣятельности кассы операціи по покупкѣ и продажѣ бумагъ. Въ сущности дѣла, это обмѣнъ однѣхъ бумагъ на другія, при чемъ при покупкахъ, къ сожалѣнію, переплачивалось отъ $^1/_2$ до 1%, а при продажѣ не дополучалось отъ $^1/_8$ до $^2/_2$%».

«Легкомысленность» и «ошибочность» доклада министръ народ-

наго просвѣщенія, очевидно, усмотрѣлъ въ слѣдующемъ, например, выводѣ изъ объяснительной записки къ смѣтѣ. Въ докладѣ отмѣченъ «тонъ удовлетворенія своей дѣятельностью, который звучитъ «въ каждой фразѣ отвѣтовъ по поводу задачъ министерства во всѣхъ отрасляхъ народнаго просвѣщенія, или нежеланіи заняться разработкой самыхъ насущныхъ задачъ народнаго просвѣщенія». Что, однако, въ этихъ словахъ «легкомысленно» и что «ошибочно»? Разработало ли министерство законопроекты о высшей и о средней школѣ? Что оно сдѣлало для низшей? Вѣдь не могутъ же Л. А. Кассо и бар. Таубе серьезно думать, что имъ когда-нибудь удастся кого бы то ни было убѣдить въ томъ, что разгонъ извѣстнѣйшихъ университетскихъ профессоровъ и замѣна ихъ «назначенными» профессорами, что насажденіе въ студенческой средѣ академизма, или упраздненіе родительскихъ комитетовъ, или циркуляры послѣдняго времени объ учителяхъ земскихъ училищъ,—что все это суть мѣры, отвѣчающія «насущнымъ» потребностямъ и задачамъ «народнаго просвѣщенія».

По вопросу объ открытіи высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ министерство, узнаемъ изъ доклада бюджетной комиссіи, отозвалось неосвѣдомленностью, «такъ какъ дѣло это находится въ вѣдѣніи кавказскаго намѣстника». Въ виду такого отзыва, составитель доклада привелъ выписку изъ всеподданнѣйшаго отчета намѣстника, гдѣ сказано: «Нынѣ этотъ вопросъ надо считать уже предрѣшеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ Вашего Величества, послѣдовавшимъ по журналу совѣта министровъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ политехническаго института въ составѣ факультетовъ: сельско-хозяйственнаго, механическаго, химическаго и экономическаго». А засимъ отъ себя составитель доклада добавилъ: «Представляется страннымъ, какимъ образомъ постановленіе совѣта министровъ, Высочайше утвержденное и вошедшее въ приведенный выше отчетъ, разосланный всѣмъ заинтересованнымъ учрежденіямъ и лицамъ, остается неизвѣстнымъ министерству народнаго просвѣщенія». Гдѣ же «легкомысліе» или, по меньшей мѣрѣ, «ошибка»: въ докладѣ ли бюджетной комиссіи Думы или въ объяснительной запискѣ министерства?

В. Кузьминъ-Караваевъ.

По дѣлу депутата Чхеидзе первый Департаментъ Государственнаго Совѣта постановилъ произвести предварительное слѣдствіе. Предрѣшенъ ли этимъ принципіальный вопросъ, волнующій Госуд. Думу и общественное мнѣніе? Судя по словамъ предсѣдателя, къ которымъ присоединились и другіе члены департамента, вопросъ остается открытымъ; но гораздо вѣроятнѣе противоположное заключеніе. Если статья 14-ая учрежденія Гос. Думы ограждаетъ членовъ Думы отъ

судебной отвѣтственности за сказанныя въ Думѣ рѣчи, то предварительное слѣдствіе по дѣлу Н. С. Чхеидзе представляется совершенно безцѣльнымъ; нѣтъ надобности разслѣдовать то, что не можетъ стать предметомъ уголовнаго разбирательства. Совершенно понятно, поэтому, что Н. С. Таганцевъ, призванный къ участію въ засѣданія департамента, «не нашелъ возможнымъ присоединиться къ предложенію о назначеніи слѣдствія, разъ для этого нѣтъ законныхъ основаній». Въ рѣчи, произнесенной во время совѣщанія, Н. С. Таганцевъ призналъ несомнѣннымъ, что въ области свободы слова депутатамъ предоставлены болѣе широкія права, чѣмъ обыкновеннымъ гражданамъ. Это опредѣленно и непререкаемо вытекаетъ изъ того, что наряду со ст. 79-й Основныхъ Законовъ, трактующей о свободѣ слова, предоставленной всѣмъ гражданамъ, существуетъ еще ст. 14-я Учрежденія Государственной Думы, введенная законодателемъ, конечно, не съ цѣлью подтвердить, что депутатъ пользуется тѣми же правами, что и другіе граждане. Ст. 14 опредѣленно говоритъ, что депутатъ пользуется полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Государственной Думы. Что такое сужденіе? Это—изысканіе теоретическаго, практическаго и историческаго характера тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ разсмотрѣнію. Что такое мнѣніе? Выводы, доводы и заключенія». Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по мнѣнію Н. С. Таганцева, первый Департаментъ Госуд. Совѣта долженъ установить, вышелъ ли депутатъ изъ предѣловъ ст. 14-й, т. е. изъ области сужденій по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Госуд. Думы. Что касается до содержанія рѣчи Н. С. Чхеидзе, то Н. С. Таганцевъ, съ тѣмъ же авторитетомъ, который принадлежитъ ему, какъ одному изъ составителей уголовнаго уложенія, не усмотрѣлъ въ ней ничего подходящаго подъ дѣйствіе уголовнаго закона. Онъ напомнилъ при этомъ, что самое уложеніе составлено до преобразованія государственнаго строя, вызвавшаго къ жизни законодательныя учрежденія. Другими словами, тѣ отдѣлы уложенія, которыми предусмотрѣны политическія преступленія, перестали соотвѣтствовать измѣнившимся условіямъ государственной жизни; безусловно необходимымъ сталъ ихъ пересмотръ, въ ожиданіи котораго они должны быть толкуемы не распространительно, а рестриктивно. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, сфера примѣненія ихъ раздвинута сенатскою практикою далеко за предѣлы, намѣченные составителями уложенія, и эта аномалія влечетъ за собою самые печальные результаты.

Не проходитъ, въ послѣднее время, дня, который бы не принесъ съ собою новыхъ иллюстрацій къ постоянно осложняющемуся

и ухудшающемуся положенію вещей. Таковъ, напримѣръ, отказъ въ регистраціи новой «народной» партіи, мотивированный недостаточною опредѣленностью ея задачъ и цѣлей. Не помогъ ей и «національный» характеръ ея программы; моднымъ — и поощряемымъ — является теперь только тотъ «національнизмъ», который свободенъ отъ всякой примѣси «либерализма»...

Отказъ г. Малиновскаго отъ депутатскихъ полномочій обнаружилъ полный разгромъ коллегіи, изъ среды которой онъ былъ выбранъ; московскіе избиратели-рабочіе разсѣяны, волею администраціи, по разнымъ концамъ Россіи, и если компетентными для производства новыхъ выборовъ будутъ признаны, согласно установившейся практикѣ только прежніе выборщики, замѣщеніе г. Малиновскаго окажется совершенно невозможнымъ.

Крайне своебразенъ новый способъ примѣненія дискреціонной предсѣдательской власти, пущенный въ ходъ г. Родзянко по отношенію къ деклараціи трудовиковъ и соціалъ-демократовъ. Помѣшавъ, насколько было возможно, ея прочтенію въ засѣданіи 2 мая, онъ наложилъ veto на ея оглашеніе въ печати и, уступая настойчивымъ представленіямъ, разрѣшилъ напечатаніе ея съ пробѣлами, почти лишающими ее смысла.

Чѣмъ-то совершенно небывалымъ представляется рядъ похвальныхъ и непохвальныхъ аттестацій, данныхъ г. Пуришкевичемъ цѣлому ряду губернаторовъ. Характерно уже то, что въ сферу дѣйствій административной іерархіи вторгается, такимъ образомъ, частное лицо, извѣстное только своимъ «особымъ» поведеніемъ въ Госуд. Думѣ. Еще болѣе своеобразно самое содержаніе аттестацій, главнымъ критеріемъ которыхъ служитъ отношеніе губернаторовъ къ правымъ партіямъ и ихъ организаціямъ или «союзамъ». Бессарабскій губернаторъ «пренебрегаетъ правыми организаціями, не считаетъ даже нужнымъ скрывать своего отрицательнаго отношенія къ союзникамъ, не посѣщаетъ собраній». Казанскій губернаторъ «уволилъ полицеймейстера, бывшаго оплотомъ правыхъ организацій», пермскій губернаторъ «далекъ отъ правыхъ организацій», ставропольскій—«во время дворянскихъ выборовъ вмѣстѣ съ лѣвыми баллотировалъ противъ кандидата партіи Пуришкевича». Уфимскій губернаторъ «не помогаетъ союзникамъ», витебскій—«не слушается указаній мѣстныхъ правыхъ организацій», при нынѣшнемъ ярославскомъ губернаторѣ «заглохла дѣятельность мѣстныхъ союзническихъ организацій». Въ укоръ губернаторамъ ставится, слѣдовательно, безпартійность, на самомъ дѣлѣ составляющая ихъ заслугу. Тяжкою виною является и недостаточный «нажимъ» на выборы: архангельскій губернаторъ «*допустилъ* (!) въ Думу лѣвыхъ», воро-

нежскій «почти совершенно отказался отъ поддержки правыхъ во время избирательной кампаніи». Достойными осужденія признаются «слишкомъ добрыя отношенія съ земствомъ», достойной поощренія— «борьба съ городскимъ самоуправленіемъ». «Ни разу не оштрафовать мѣстную прогрессивную газету»—значитъ допустить бездѣйствіе власти... На ряду съ «союзниками» покровительствомъ автора аттестацій пользуется дворянство: одинъ изъ губернаторовъ оказывается виновнымъ въ томъ, что не сумѣлъ «стать въ хорошія отношенія съ мѣстнымъ консервативнымъ дворянствомъ и на дворянскій обѣдъ явился въ сюртукѣ» (!). Само собою разумѣется, что въ роли обличителя однихъ губернаторовъ, панегириста—другихъ, г. Пуришкевичъ могъ выступить лишь послѣ того, какъ ему много разъ не только сходило съ рукъ вмѣшательство въ чужую область, но и удавались набѣги противъ лицъ, записанныхъ въ союзническую черную книгу... Отмѣтимъ еще двѣ любопытныя черты. Либерализмъ новгородскаго губернатора доказывается участіемъ его, во время службы, въ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, въ составленіи законопроектовъ о волостномъ земствѣ и о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ. Въ вятскомъ губернаторѣ г. Пуришкевичъ при всемъ сочувствіи къ нему («онъ въ короткое время сдѣлалъ губернію правой и блестяще провелъ выборы въ Госуд. Думу») находитъ одинъ недостатокъ: «онъ больше склоненъ къ націоналистамъ, чѣмъ къ крайнимъ правымъ». И такъ, не доросшими до «праваго» идеала оказываются даже ближайшіе сосѣди крайнихъ правыхъ въ Госуд. Думѣ, усердные соратники ихъ на мѣстахъ и въ центрѣ государственной жизни!

Комиссія по составленію гражданскаго уложенія, учрежденная въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, соединила въ своей средѣ выдающихся теоретиковъ и практиковъ и создала въ сравнительно короткое время крупный памятникъ, для завершенія котораго недостаетъ только одного: политической конъюнктуры, государственно благопріятствующей государственному творчеству. Успѣшному веденію дѣла много способствовали предсѣдатели комиссіи. Перваго изъ нихъ по времени, богатаго опытомъ и всегда готоваго поддержать всякое прогрессивное начинаніе—Н. И. Стояновскаго,—замѣнилъ А. А. Книримъ, широко образованный юристъ, вліятельный участникъ работы, давшей Россіи судебные уставы, въ теченіе цѣлой четверти вѣка игравшій, какъ оберъ-прокуроръ и сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента, руководящую роль въ истолкованіи дѣйствующаго права. Послѣ его преждевременной

смерти мѣсто его занялъ І. И. Карницкій, трудившійся въ комиссіи съ самаго ея основанія. Какъ и А. А. Книримъ, онъ былъ отлично приготовленъ къ этому труду изученіемъ теоріи права и знакомствомъ съ примѣненіемъ гражданскихъ законовъ (онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента). Ему дано было завершить исполненіе задачи, возложенной на комиссію, но не дано было увидѣть введеніе въ жизнь новаго кодекса. Быть-можетъ, это избавило его отъ тяжелыхъ разочарованій: тѣ отдѣльныя перемѣны, которыя произошли, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ нашихъ гражданскихъ законахъ стоятъ далеко ниже уровня, намѣченнаго комиссіей... Какъ бы то ни было, кончина І. И. Карницкаго—тяжелая потеря для нашего юридическаго міра. Въ памяти всѣхъ его знавшихъ надолго сохранится его свѣтлый образъ; имя его будетъ неразрывно связано съ гражданскимъ кодексомъ, который рано или поздно получитъ Россія.

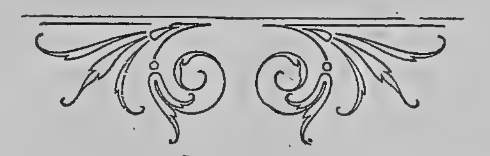
Наша замѣтка была уже закончена, когда до насъ дошла печальная вѣсть о кончинѣ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго. Какъ ни коротка была его государственная дѣятельность, она оставила глубокій слѣдъ въ русской жизни. Въ правящихъ сферахъ покойный князь явился первой ласточкой, знаменующей приближеніе весны—и самая весна оказалась бы, быть можетъ, болѣе прочной, если бы наступленіе ея застало его еще у власти. 9-го января 1905 г. князь Святополкъ-Мирскій былъ еще министромъ, но уходъ его былъ предрѣшенъ и не на него падаетъ отвѣтственность за ужасныя событія этого дня. Во всякомъ случаѣ въ его активѣ остаются два факта, дающіе ему право на признательность русскаго общества и русскаго народа: благодаря ему могъ состояться первый земскій съѣздъ (6—9 ноября 1904 г.) и при немъ изданъ Высочайшій указъ 12-го декабря, исполненіе котораго и теперь было бы крупнымъ шагомъ впередъ, къ дѣйствительно новымъ и лучшимъ порядкамъ.

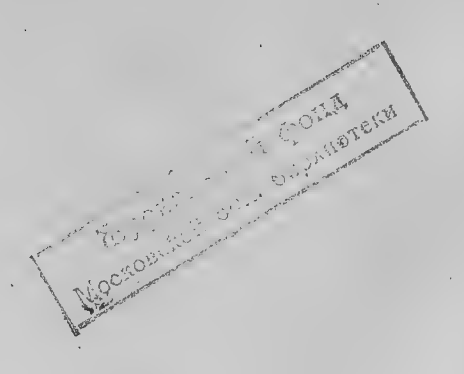
К. Арсеньевъ.

13-го мая скончался на 57-мъ году жизни извѣстный беллетристъ и драматургъ, Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ, бывшій сначала офицеромъ, участникомъ русско-турецкой войны, затѣмъ актеромъ-пѣвцомъ въ опереткѣ, торгово-промышленнымъ дѣятелемъ и, наконецъ, литераторомъ. Одно время онъ печаталъ въ газетахъ фельетоны подъ псевдонимомъ: «Мордвинъ». Изъ его театральныхъ пьесъ наибольшій успѣхъ имѣли «Байбакъ», «Козырь», «Черезъ край» и «Сполохи». Отдѣльно были изданы имъ: «Военные и путевые очерки и разсказы», Спб., 1892 и 1898; «Въ наши дни»,

1892 и 1898; «Разбитые кумиры», 1898; «Пустоцвѣтъ», романъ, 1899. Въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены его разсказы: «Солома» (декабрь, 1895), «Поставилъ ребромъ» (сентябрь, 1896), «Начало конца» (май, 1897) и «О томъ, какъ я сталъ декадентомъ» (1898, мартъ). Съ 1891 до 1894 года онъ состоялъ редакторомъ иллюстрированнаго журнала «Сѣверъ»; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ началъ издавать ежемѣсячный журналъ «Кругозоръ», но прекратилъ изданіе послѣ выхода двухъ книжекъ.

Л. Сл.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Давыдовъ. Научныя доказательства нашего личнаго безсмертія. Опытъ теоріи физико-механическаго построенія духовнаго организма. Москва, 1914. Стр. 179. Ц. 1 р.

Въ книгѣ г. Давыдова читатель найдетъ много любопытныхъ свѣдѣній и разсужденій объ устройствѣ вселенной, объ источникахъ органической жизни, о таинственныхъ качествахъ всепроникающаго мірового эѳира и о вѣроятной связи этого эѳира съ духовными и умственными процессами. Авторъ подкрѣпляетъ свои взгляды длинными цитатами изъ статьи проф. А. Я. Данилевскаго, напечанной въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1896 годъ, и изъ „Дневника стараго врача“ Пирогова; но дѣлаемые имъ выводы выходятъ далеко за предѣлы имѣющагося научнаго матеріала и производятъ впечатлѣніе довольно невиннаго фантазерства. Указанія на недостаточность или несостоятельность теорій матеріализма для объясненія жизненныхъ явленій превращаются подъ перомъ г. Давыдова въ прямыя доказательства истинности мистическихъ гипотезъ, связанныхъ съ спиритизмомъ; предполагаемыя волшебныя свойства эѳира служатъ для него достаточными „научными доказательствами“ безсмертія души, сотканной будто бы изъ тончайшей сѣти невѣсомыхъ и въ то же время неизмѣнно-прочныхъ эѳирныхъ частицъ. Эѳирное строеніе духовной стороны человѣка, по мнѣнію автора, позволяетъ душѣ свободно „проходить сквозь стѣны“ и „свободно плавать не только въ нашей земной атмосферѣ, но и въ атмосферѣ солнечной короны и зодіакальнаго свѣта и даже, въ концѣ концовъ, въ самомъ межзвѣздномъ пространствѣ“, вслѣдствіе чего „становятся возможными не только межпланетные, но даже межзвѣздные визиты“. Само собою разумѣется, что эти свободныя плаванія и небесные визиты эѳирныхъ душъ открываютъ предъ нами весьма заманчивыя и утѣшительныя перспективы; жаль только, что авторъ не коснулся вопроса о томъ, всѣ ли люди одинаково обладаютъ такой формою безсмертія и не можетъ ли намъ угрожать опасность посмертныхъ визитовъ злобныхъ существъ, отравлявшихъ намъ существованіе при жизни.

В. Ѳ. Переверзевъ. Творчество Гоголя. Москва, 1914.

Авторъ поставилъ себѣ задачей разобрать произведенія Гоголя и „проникнуть возможно глубже въ изученіе особенностей ихъ формы и содержанія“, не останавливаясь ни на біографіи, ни на психологіи его, ни на оцѣнкѣ мрачной николаевской эпохи и ея литературныхъ теченій. В. Ѳ. Переверзевъ старается установить связь творчества Гоголя съ соціальной средою мелкопомѣстнаго малокультурнаго провинціальнаго дворянства и чиновничества; съ этой точки зрѣнія онъ изслѣдуетъ его литературную дѣятельность, какъ „продуктъ опредѣленной соціальной группы, какъ яркое эстетическое воплощеніе жизни нѣкоторой соціальной ячейки“. Мелкое крѣпостничество, чиновное и нечиновное, нашло въ Гоголѣ „великаго мастера-художника, который сумѣлъ поразительно удачно отразить въ формѣ и содержаніи своихъ твореній форму и содержаніе жизни этой среды“. Эта основная мысль проведена въ книгѣ съ большою послѣдовательностью и обстоятельностью.

Вл. Войтинскій. Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и каторги. Спб., 1914. Стр. 255. Ц. 1 р. 25 к.

Яркія картины ужасовъ, пережитыхъ авторомъ въ тюрьмѣ и на каторгѣ, въ ряду политическихъ арестантовъ, переданы въ этихъ очеркахъ съ удивительною простотою, безъ всякихъ прикрасъ краснорѣчія, и оставляютъ въ читателѣ неизгладимое

впечатлѣніе. Изображая тѣ сцены, которыя ему пришлось видѣть и наблюдать, авторъ выводитъ передъ нами разнообразные типы „смертниковъ", т. е. приговоренныхъ къ смертной казни юношей и взрослыхъ, иногда завѣдомо невинныхъ жертвъ военно-политической юстиціи, — типы тюремныхъ страдальцевъ, уголовныхъ хулигановъ, палачей и жестокихъ, безчеловѣчныхъ надзирателей. „Это не публицистика, — говоритъ г. Войтинскій въ предисловіи, — такъ какъ авторъ не задавался цѣлью убѣдить кого-то въ чемъ бы то ни было. Это не беллетристика, такъ какъ авторъ ничего не сочинялъ и не задавался никакими художественными цѣлями. Это не мемуары, такъ какъ личныя переживанія автора для данныхъ очерковъ не имѣютъ большого значенія. Скорѣе всего это отчетъ, который даетъ авторъ о видѣнномъ". Однако, такія реальныя описанія видѣннаго и слышаннаго дѣйствуютъ сильнѣе всякаго художественнаго произведенія, и надо сказать, что г. Войтинскій исполнилъ свою задачу съ большимъ искусствомъ и талантомъ. Этюды о „смертникахъ" были въ свое время напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" (1910 г.), а остальные были помѣщены въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1912—13 годы.

Толстовскій музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Изд. Общества Толстовскаго музея. Съ двумя портретами. Спб., 1914. Стр. 478. Ц. 2 р. 50 к.

Переписка Льва Толстого съ извѣстнымъ философомъ и критикомъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, Н. Н. Страховымъ, даетъ чрезвычайно цѣнные матеріалы для пониманія идей и творчества Толстого. Обоихъ связывала многолѣтняя дружба (съ 1871 года), которая со стороны Страхова имѣла характеръ поклоненія и почти обожанія, а со стороны Толстого соединялась съ чувствомъ безусловнаго довѣрія и уваженія къ искренности и нравственной чистотѣ Страхова. Обоихъ сближали однородные умственные и моральные интересы, постоянное обсужденіе которыхъ дѣлаетъ ихъ переписку необыкновенно содержательною. Въ вышедшемъ недавно сборникѣ помѣщено болѣе 70 писемъ Толстого и около 200 писемъ Страхова, съ объяснительными примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Такъ какъ и въ письмахъ Страхова говорится почти исключительно о Толстомъ и его произведеніяхъ, то вся переписка сохраняетъ идейное единство содержанія, значительно возвышающее ея цѣнность и обезпечивающее ей особое мѣсто въ спеціальной Толстовской литературѣ.

П. Мижуевъ. Средняя школа въ Англіи и ея реформа въ XX вѣкѣ. Спб., 1914. Стр. 131. Ц. 75 к.

Книга г. Мижуева посвящена характеристикѣ „организаціи средняго образованія въ Англіи и въ особенности тѣхъ огромныхъ, по своей важности, реформъ, которыя были произведены въ области средней англійской школы въ теченіе только что наступившаго вѣка". Поучительныя свѣдѣнія, собранныя авторомъ, весьма ярко и наглядно выясняютъ ту плодотворную, самостоятельную роль, которая можетъ и должна принадлежать органамъ общественнаго и мѣстнаго самоуправленія въ дѣлѣ народнаго образованія. Книга П. Г. Мижуева показываетъ намъ, какъ „глубоко различны тѣ условія, въ которыхъ приходится дѣйствовать англійскимъ и и русскимъ педагогамъ", а между тѣмъ „многіе организаціонные вопросы, надъ которыми тщетно бьется мысль русскихъ педагоговъ, давно уже разрѣшены и рѣшены въ общемъ весьма удачно". Появленіе этой книги должно быть признано какъ нельзя болѣе своевременнымъ съ точки зрѣнія русскихъ читателей, интересующихся судьбами нашей русской школы.

Альманахъ. Литературный сборникъ. Берлинъ, 1914. Стр. 271. Ц. 6 марокъ.

Въ этомъ заграничномъ сборникѣ напечатаны статьи и драматическія произведенія нѣсколькихъ таинственныхъ авторовъ, объединенныхъ именемъ одного г. М. Сукенникова: вступительная статья Г. А. Б. о Маріи Магдалинѣ, пьеса въ одномъ дѣйствіи «Марія изъ Виѳаніи", самого г. М. Сукенникова, „Окечъ" (?) въ одномъ дѣйствіи „Жрецы"—Робура, „драма еврейскаго интеллигента въ 3-хъ дѣйствіяхъ", подъ заглавіемъ „Суббота субботъ", Курта фонъ-Кнобельдорфа, и собраніе афоризмовъ „о сильномъ человѣкѣ", самого г. М. Сукенникова. Пьесы и афоризмы не отлича-

ются никакими литературными достоинствами и представляютъ очень мало интереса по содержанію. Для кого и для чего напечатанъ этотъ странный „Альманахъ"— понять трудно.

Л. С.

А. Н. Афанасьевъ. Народныя русскія легенды. Редакція и предисловіе пр. доц. С. К. Шамбинаго. Москва. Кн-во „Современныя проблемы". Ц. 1 р. 25 к.

Тоже. Подъ ред. И. П. Кочергина, съ приложеніемъ портрета и воспоминаній Афанасьева и двухъ статей А. Н. Пыпина. Изд. „Молодыя силы", Казань. Ц. 2 руб.

Собраніе Афанасьева „Народныя русскія легенды" давнымъ давно вышло изъ продажи и не перепечатывалось, вслѣдствіе попечительнаго благожеланія цензуры, устранявшей ихъ религіозный „соблазнъ". Теперь „Легенды" вышли сразу въ двухъ изданіяхъ. Въ московскомъ новы только нѣсколько страничекъ ничѣмъ не замѣчательнаго введенія г. Шамбинаго. Къ казанскому изданію приложены раннія воспоминанія Афанасьева (изъ „Рус. Архива" и „Рус. Стар.") и свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности, а также двѣ статьи Пыпина съ общею оцѣнкой идей Афанасьева и въ частности его „Легендъ". Для занимающихся изученіемъ „народной религіи"— „легенды", конечно, существеннѣйшій источникъ. Г. Кочергинъ обѣщаетъ издать, какъ второй томъ серіи „народныхъ „легендъ", и другія собранія ихъ, какъ бывшія, такъ и небывшія въ печати.

Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати (1907—1914). Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1914. Стр. 102. Ц. 70 к.

Настоящее названіе этой книжки было бы „мартирологъ" русской печати, а не скромное—„лѣтопись". Въ ней собраны статьи, напечатанныя въ 1905—1914 гг., преимущественно въ „Рус. Вѣдомостяхъ", и отмѣчающія по многообразнымъ поводамъ невыносимое положеніе одной изъ „незыблемыхъ основъ" нашихъ. Въ виду начавшагося въ законодательныхъ учрежденіяхъ прохожденія министерскаго законопроекта, изданіе этихъ, сдержанно негодующихъ, вѣсскихъ статей очень умѣстно. Для дѣятелей пера, на себѣ ежедневно переживающихъ безграничную прихотливость административнаго нажима на печать, въ книгѣ новаго немного. Но широкой публикѣ она безусловно необходима, вводя ее въ сущность переживаемой нами борьбы за свободное слово.

Владиміръ Астровъ. Не нашли пути. Изъ исторіи религіознаго кризиса. Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Кирѣевскій, Достоевскій. Спб., 1914. Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Въ собранныхъ здѣсь очеркахъ, имѣющихъ въ виду заглянуть въ религіозныя переживанія нѣсколькихъ видныхъ русскихъ людей XIX вѣка, больше всего мѣста отведено Достоевскому, „не пророку новаго религіознаго откровенія, а мученику и пророку его необходимости и невозможности жить и творить безъ него". Здѣсь заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, очень любопытная, извлеченная г. Астровымъ изъ забвенія, автобіографическая статья Достоевскаго. Авторъ является ученикомъ Р. Гольцапфеля, въ которомъ и нашелъ себѣ „путь", и неоднократно ссылается на его „Панидеалъ", какъ на разрѣшеніе и формулу всѣхъ вопросовъ религіознаго сознанія. Это производитъ впечатлѣніе не всегда благопріятное, но нельзя отказать книгѣ въ подлинномъ желаніи уяснить вѣчно волнующіе вопросы, даже тамъ, гдѣ она съ нѣкоторою стремительностью раздѣлывается съ „не нашедшими пути", съ „заблудившимися" въ позитивизмѣ и проч.

И. Н. Розановъ. Русская лирика. Историко-литературные очерки. Изд. „Задруга". Москва, 1914. Стр. 416. Ц. 2 р. 50 к.

Книга г. Розанова, результатъ внимательнаго и любовнаго изученія лирики XVIII вѣка и начала XIX, въ которой крупнѣйшими именами были Державинъ, Дмитріевъ, Жуковскій и Батюшковъ, вводитъ читателя въ общеніе съ мотивами душевныхъ изліяній также множества писателей менѣе громкихъ и частью совершенно забытыхъ. Подзаголовокъ книги: „Отъ поэзіи безличной—къ исповѣди сердца"—точно выражаетъ основную нить книги, объединяющую ее въ одно цѣлое, стройное и послѣдовательное. Отдѣльные этюды о лирикахъ содержатъ, кромѣ общихъ характеристикъ ихъ творчества, и біографическія данныя, и книга даетъ много интереснаго, какъ просто любителю лирики, такъ и изслѣдователю литературы.

А. С. Панкратовъ. У великихъ могилъ. Москва, 1914. Изд. В. Португалова въ Москвѣ. Стр. 141. Ц. 50 к.

Въ брошюрѣ собраны газетныя статьи, посвященныя посѣщенію мѣстъ кончины и погребенія нѣсколькихъ знаменитыхъ людей. Больше всего говорится о Львѣ Толстомъ. Другія замѣтки посвящены Пирогову, Чехову, Златовратскому и Скобелеву. Живой разсказъ переплетенъ пересказомъ кое-какихъ воспоминаній автора и другихъ лицъ. Книжка избавитъ будущихъ собирателей матеріаловъ отъ необходимости рыться въ забытыхъ номерахъ газетъ.

Временникъ Пушкинскаго дома. Спб., 1913. Спб. Цѣна не обозн.

Первый выпускъ «Временника» имѣетъ задачей ознакомить изслѣдователей и любителей русской литературы съ Пушкинскимъ Домомъ, этимъ новымъ хранилищемъ книгъ и рукописей, уже теперь обогащающимся многими весьма цѣнными матеріалами. Здѣсь дана краткая исторія музея и описаніе хранящихся въ его рукописномъ отдѣлѣ бумагъ Добролюбова. Роскошно изданный первый выпускъ, со многими снимками, отвѣчаетъ своему назначенію удачно.

Ч. В—скій.

Въ теченіе мая въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Александровъ, Д. Л. Къ вопросу о страхованіи лѣсопильныхъ заводовъ, деревообдѣлочныхъ фабрикъ и лѣсныхъ матеріаловъ. Спб., 1914 г.

Андреевъ, Л. Н. Мысль. Совр. траг. К-во „Прометей". Спб. Цѣна 75 коп.

Аухагенъ, д-ръ. Критика русской земельной реформы. Пер. съ нѣм. Изд. комитета по землеустр. дѣламъ. 1914 г.

Афанасьевъ, А. Н. Народныя русскія легенды. Подъ ред. И. П. Кочергина. Изд. „Молодыя силы". Казань, 1914 г. Цѣна 2 р.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Москва, 1914 г. Цѣна 2 р.

Барацъ, Л. Г. О введеніи свободныхъ гаваней въ Россіи. Труды юго-зап. отд. росс. экспорт. палаты. Вып. XX. Кіевъ, 1914 г.

Бертенсонъ, Левъ. Радіоактивность въ лечебныхъ водахъ и грязяхъ. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1914 г. Цѣна 2 р. 80 коп.

Бречкевичъ, М. В. О нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области истор. изученія. Казань, 1914 г. Цѣна 15 коп.

В. П. Въ помощь увѣчному рабочему. Попул. излож. зак. 23 іюня 1912 г. Изд-во „Наканунѣ". Спб. 1914 г. Цѣна 10 коп.

Випперъ, Р., проф. Древняя Европа и Востокъ. Учебникъ для мл. кл. гимн. Москва, 1914 г. Цѣна 80 к.

Витіерсъ, Г. Денежный рынокъ. Пер. съ англ. Одесса, 1914 г. Цѣна 2 р.

Войтинскій, Вл. Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и каторги. Спб. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вольскій, Владиміръ. На пути къ свободѣ слова. Спб., 1914 г. Цѣна 10 коп.

Винскій, Г. С. Мое время. Записки. Библ. мемуаровъ „Огни". Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вышеславцевъ, Б. Этика Фихте. Москва, 1914 г. Цѣна 3 р.

Гайдебуровъ, Василій. Цвѣты надъ обрывомъ. Книга стиховъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

— Красные маки. Стихотв. Спб., 1914 г. Цѣна 35 коп.

Галанинъ, Д. Д. Леонтій Филипповичъ Магницкій и его ариѳметика. Москва, 1914 г. Цѣна 2 р.

Гейне, Генрихъ. Книга пѣсенъ. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Гусевъ, Анат. М. Сборникъ статей, стих. и худож. отрывковъ съ планами. Пособіе для младш. кл. средн. уч. заведеній. Вып. I. Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

— Вып. II. Цѣна 75 коп.

Де-Ла-Бартъ, Ф., гр. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Доброхотовъ, Н. С. Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Спб., 1914 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Добрынинъ, К. П. Сокращ. курсъ всеобщей исторіи. Для высшихъ нач. училищъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

— Новая исторія. Цѣна 1 р.

Загорскій, С. О. Синдикаты и тресты. Лекціи, читанныя на спб. высш. комм. курсахъ М. В. Побѣдинскаго. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 85 коп.

Земцевъ, В. О свободномъ дого-

ворѣ при отчужденіи крест. земли въ Прибалт. краѣ. Рига, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Ивановъ, Б. П. Публичныя библіотеки древняго Рима. Казань, 1914 г.

Калинскій, Б. С. О сплавѣ лѣсныхъ матеріаловъ и провозѣ ихъ черезъ чужія владѣнія. Спб., 1914 г.

Канделяки, I. Роль ярмарокъ въ русской торговлѣ. Спб., 1914 г.

Каптеревъ, П. Ѳ. Педагогическая психологія. Изд. 3-е. Спб., 1914 г. Цѣна 3 р.

Карѣевъ, Н. И. Было ли париж. возстаніе 13 вандемьера IV года роялистическимъ? Харьковъ, 1914 г.

Кащенко, Н. Ѳ., проф. Смерть и долголѣтіе съ біологической точки зрѣнія. Москва. Кн-во „Наука". 1914 г. Цѣна 45 коп.

Кванинъ, Семенъ. О письмахъ Чехова. Москва, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Коваленскій, Михаилъ. Хрестоматія по русской исторіи. Т. I. Москва, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Кованько, П. Реформа 19 февр. 1861 года и ея послѣдствія съ финанс. точки зрѣнія. (Выкупная операція 1861—1907 гг. Кіевъ), 1914 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Кожевниковъ, В. Индусскій аскетизмъ въ до-буддійскій періодъ. Сергіевъ Посадъ, 1914 г.

Кузницкій, С. Зимнее содержаніе подмосковскаго дойнаго скота. Москва, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Ладыженскій, Вл. Исторія русской литер. для школъ и народа. Изд. 3-е. Изд-во М. И. Семенова. Спб., 1914 г. Цѣна 60 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Княжна Мара. Романъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Левитскій, В. Ф., проф. Исторія политич. экономіи въ связи съ ист. хоз. быта. Харьковъ, 1914 г.

Лейтесъ, К. С. Ходъ работъ по подготовкѣ къ пересм. торг. договоровъ въ Россіи и Германіи за 1913 г. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Линниченко, И. А., проф. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей. Одесса, 1914 г.

Лундбергъ, Е. Мережковскій и его новое христіанство. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Люблинскій, П. И. Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ. Спб., 1914 г.

Львова, Е. Вильгельмъ Либкнехтъ. Изд-во „Наканунѣ". Спб., 1914 г. Цѣна 15 коп.

Макаровъ, Н. Очеркъ кооперативнаго сбыта зерна. Изд. Вяч. Крестовникова. Москва. Цѣна 1 р.

Масловъ, Петръ. Капитализмъ. Часть I. Наемный трудъ и зараб. плата. Кн-во „Жизнь и знаніе". Спб., 1914 г. Цѣна 2 р.

Мелинъ, Жюль. Назадъ къ землѣ. Пер. М. Таль, подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Метерлинкъ, Морисъ. Смерть. Пер. съ фр. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Милица. Прежде и послѣ. (Изъ жизни русской интелл.). Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Морозовъ, А. А. и *Горбуновъ, В. А.* Синтаксисъ русскаго языка. Для гор. училищъ. Москва, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Мукосѣевъ, В. А. Повышеніе товарныхъ цѣнъ. Спб., 1914 г.

Немировъ, Валентинъ. Въ саду вечернемъ. Тетрадь стиховъ. Парижъ, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Никитинъ, А. И. Маленькій словарь. Для начальныхъ училищъ. Москва, 1914 г. Цѣна 6 коп.

— Русское правописаніе. 1-й годъ начальной школы. Цѣна 25 коп. 2-й годъ. Ц. 30 к. 3-й годъ. Цѣна 25 к. 4-й годъ. Ц. 15 коп.

Прессъ, Аркадій. Пѣсни. Спб. Цѣна 85 коп.

Радищевъ, Левъ. Стихи и сказки. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сандомирскій, Михаилъ. Марина Мнишекъ. Стихи. Кн-во „Жатва". Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Селиберъ, Б. И. Современное состояніе нашей лѣсообрабатывающей промышленности. Спб., 1914 г.

Стенбокъ-Ферморъ, Н. В., гр. Вопросъ о Черноморско-Балтійскомъ каналѣ. Спб., 1914 г.

Сухаревъ, Т. Л. Развитіе національнаго самосознанія въ древней Руси. Раненбургъ, 1914. Цѣна 1 р.

Трубецкая, Марія, кн. Стихотворенія. Москва 1914 г., Цѣна 1 р. 50 к.

Тулуповъ, Н. В. и *Шестаковъ, П. М.* Бодрое слово. Хрестоматія для начальныхъ школъ. Часть I. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 80 коп.

— Часть II. Цѣна 80 к.

Фаасъ, В. В. Лѣсная торговля и торговые договоры съ иностранными государствами. Спб., 1914 г.

Флугъ, Конст. Стихотворенія. Спб., 1914 г.

Фриджанъ, М. И. Винная монополія. Т. I. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Шадринъ, Иларій. Сильнѣе смерти. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Чернышевъ, В. Правильность и чистота русской рѣчи. Вып. I. Фонетика. Изд. 2-ое. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Юнгеръ, Владиміръ. Пѣсни полей и комнатъ. Изд. Цеха поэтовъ. Спб., Цѣна 1 руб.

Ѳоминъ, Семенъ. Пѣсни радости и печали. Москва, 1914 г. Цѣна 25 к.

Алкей и Сафо. Пѣсни и лирическіе отрывки. Пер. Вяч. Иванова. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Альманахи изд-ва „Шиповникъ". Книга 23. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бальзакъ, Доде, Золя, Мопасанъ. Военные разсказы. Пер. съ франц. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1914 г. Цѣна 30 коп.

Бергсонъ, Анри. Собр. соч. Томъ 2. Непосредственныя данныя сознанія. Пер. Б. С. Бычковскаго. Изд. М. И. Семенова. Спб., Цѣна 1 р. 50 коп.

Бруно, Джордано. Изгнаніе торжествующаго звѣря. Пер. А. Золотарева. Изд. „Огни". Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Доде, Альфонсъ. Приключенія Тартарена. Пер. съ фр. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1914 г. Цѣна 50 к.

Киплингъ, Р. Смѣлые мореплаватели. Пер. съ англ. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Часть III. Вып. I. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Русскій біографическій словарь. Гагъ—Гербель и Ньаке Накенскій—Николай Николаевичъ Старшій. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго тома 3 руб.

Сборники Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 143 и 144. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго тома 3 руб.

Труды второго всероссійскаго съѣзда им. К. Д. Ушинскаго. Подъ ред. В. А. Зеленко. Спб., 1914 г.

Саади. Садъ плодовый. Разсказы и поученія. Пер. съ перс. Изд. З. Львовскаго. Спб. Цѣна 1 руб.

Холіокъ, Джорджъ. Исторія Родчальскихъ піонеровъ. Пер. подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Palme, Anton. Die deutsche Auslandshochschule und das nationenwissenschaftliche Studium des Auslands. Berlin, 1914.

Рильке, Р. М. Жизнь Маріи. Пер. В. Маккавейскаго. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 35 к.

Визева де, Теодоръ. Пер. Варсава съ фр. Кн-во „Зеленая Палочка". Москва, 1914 г. Цѣна 15 коп.

Tarle, Eugen. Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit. München und Leipzig, 1914.

Солнечный путь. Южный альманахъ. Книга первая. Одесса, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Приношенія въ пѣсняхъ. Москва, 1914 г. Цѣна 85 коп.

Іоргенсенъ, Іоганнесъ. Мой путь. Пер. съ дат. Кн-во „Зеленая Палочка". Москва, 1914 г. Ц. 75 коп.

Статистическій справочникъ по Харьковской губ. 2-е изд. Харьков. губ. зем. упр. 1914 г.

Жатва. Книга V. Москва. Цѣна 2 руб.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ редакц. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. III. Книга 5. Партіи—ихъ составъ, развитіе и проявленіе въ масс. движ. на выборахъ и въ Думѣ. Спб., 1914 г. Ц. 5 руб.

Посѣвная площадь южной Россіи. Харьковскій обл. комитетъ по пересм. русско-герм. торг. договора. Вып. III. Харьковъ, 1914 г.

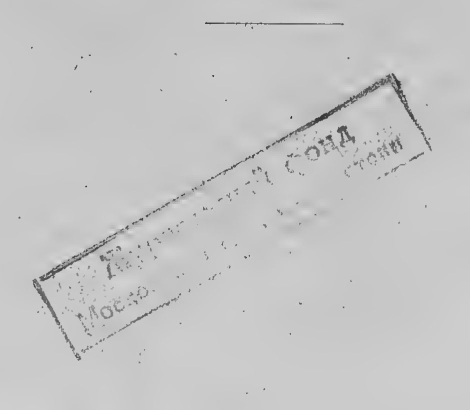
Земскіе финансы по смѣтамъ на 1910 г. Сост. подъ ред. Н. Ф. фонъ-Дитмара. Статист. бюро сов. съѣзда горнопром. юга Россіи. Харьковъ, 1914 г.

Вопросникъ по кооперацiи. Москва, Изд. комитета при моск. о-вѣ сел. хоз. Цѣна 10 к.

Хозяйственно - статистич. обзоръ Уфимской губ. за 1912 годъ. Изд. уф. губ. з. управы. Уфа, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Ясная Поляна. Краткое описанiе и свѣдѣнiя для посѣтителей. Изданiе толстовскаго о-ва въ Москвѣ. 1914 г. Цѣна 60 коп.

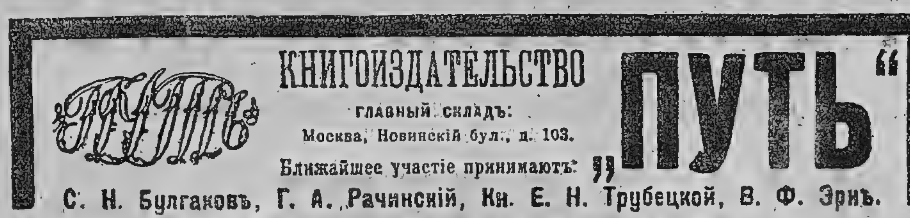
Труды 1-го всеросс. с.-х. съѣзда въ Кiевѣ 1—10 сент. 1913 г. Вып. I—VII.

Издатель: М. М. Ковалевскiй.

Ред.: Д. Н. Овсянико-Куликовскiй. А. С. Посниковъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

С. А. АЛЕКСѢЕВЪ (Аскольдовъ).—Мысль и дѣйствтельность. Ц. 1 р. 80 к.

А. ВОЛЖСКІЙ.—Въ обители преподобнаго Серафима. Ц. 35 к.

С. ДУРЫЛИНЪ — Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Ц. 50 к.

Л. ДЮШЕНЪ.—Исторія древней церкви. Т. I и II. Переводъ съ пятаго франц. изд. подъ ред. проф. И. Попова и профес. А. Орлова. Ц. каждаго тома 2 р.

С. КЕЧЕКЬЯНЪ.—Этическое міросозерцаніе Спинозы. Ц. 1 р.

Н. ЛОССКІЙ.—Интуитивная философія Бергсона. Ц. 70 к.

Свящ. П. ФЛОРЕНСКІЙ.—Столпъ и утвержденіе истины. (Опытъ православной Θеодосіи въ двѣнадцати письмахъ). Ц. 3 р. 50 к.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.—Собраніе сочиненій и писемъ въ 2-хъ т. Цѣна за оба тома 5 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. кн. маг. Высылаются нал. плат.
Проспектъ по требованію безплатно.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

МЯЧИ для „ФУТБОЛЪ“

Наша фирма получила представительство лондонской фабрики мячей футболъ марки „PRACTICE“ и предлагаетъ ихъ своимъ покупателямъ по исключительнымъ цѣнамъ.

МЯЧИ „ФУТБОЛЪ“

Для дѣтей . .	№ 1—2 р. 50 к.	Высылка нал. платежомъ; перес. по почтов. таксѣ.
„ „	№ 2—3 р. —	
„ „	№ 3—3 р. 75 к.	
Для взрослыхъ	№ 4—4 р. 65 к.	
„ „	№ 5—6 р.	

Мячи лучшихъ англійскихъ марокъ изъ кожи высшей выдѣлки разм. № 5, цѣна за шт. 7 р., 8 р. 50 к., 9 р. 25 к., 11 р.

Правила игры въ футболъ выписывающимъ мячъ безплатно.

И. ГЛАЗУНОВЪ, Москва, Столешниковъ, № 8.

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ

Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА,	С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Кузнецкій мостъ, 6.	Морская, 11.
Тел. 217—07.	Тел. 178—53.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Складъ собственныхъ изданій.

Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.

Оптовые склады изданій: Н. Зимрокъ, Шлезингеръ (Р. Линау), Эрнстъ Эйленбургъ (карманныя партитуры).

Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій Придворно-пѣвческой капеллы. Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага. Комиссіонерство для г.г. иногороднихъ.

Заказы г.г. иногороднихъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежемъ.

